

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета,
Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет,
Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси,
Минск, Беларусь

Дацьшен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет,
Красноярск, Россия

Ильинных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессо
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни

профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна

кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори

профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна

доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте

доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна

доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен

кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редакторы
Ответственный секретарь
Корректор
Верстальщик
Интернет-верстальщик

кандидат исторических наук В.Г. Шаронова
В.В. Введенский
Т.В. Соболева
В.В. Введенский
К.А. Васильев

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	7–9
From the Editor	10–12

■ Вопросы экономической истории

<i>В.Г. Шаронова.</i> Становление и развитие торгово-экономической деятельности русских коммерсантов в Харбине в начале XX века	13–29
<i>Г.Н. Бережная.</i> Греки Владивостока и Харбина (конец XIX – начало XX века). Семья Антипасов	30–39
<i>И.В. Чапыгин.</i> Экономические основы жизнедеятельности казачества Трехречья (Китай, 1920–1945 годы)	40–50
<i>Е.В. Бакалдина.</i> Сведения о Ханькоу в письмах С.Н. Милютина представителям семьи Боткиных	51–66

■ Русские в Харбине

<i>Е.И. Нестерова.</i> Открытие российского генерального консульства в Харбине: предыстория (1906–1907)	67–79
<i>Г.И. Ерофеева.</i> Семья Даниель на службе Китайско-Восточной железной дороги. Материалы к биографии	80–94
<i>В.Г. Дацышен, Дай Цзяньбин.</i> В.Д. Лачинов и Д.П. Казакевич – первые управляющие Китайско-восточной железной дороги в эмигрантский период истории Харбина	95–102
<i>М.В. Кротова.</i> В преддверии серебряного юбилея Китайско-Восточной железной дороги и Харбина	103–114
<i>О.А. Ренева.</i> Монахи Белой горы: путь на восток	115–123
<i>Е.Н. Наземцева.</i> Влияние провокаций представителей русской политической и военной эмиграции против советских консульств в Китае на советско-китайские отношения в 1920–1930-е годы	124–136

■ Русская пресса в Китае и о Китае

<i>Е.В. Дроботушенко.</i> «Известия Общественного совета Русской концессии в Ханькоу» как источник по истории российской эмиграции в Китае	137–145
<i>А.Г. Голиков.</i> «Новое время» о событиях Японо-китайской войны 1894–1895 годов	146–151
<i>И.С. Рыбаченок.</i> Боксерское восстание в Китае на страницах газеты «Новое время»	152–161
<i>Сунь Ичжи.</i> Монархическая газета «Шанхайское новое время» и русская эмиграция (1921–1925 годы)	162–178

■ Культурно-историческое наследие

<i>Т.Ю. Феклова.</i> Магнитно-метеорологические станции Санкт-Петербургской академии наук в Китае во второй половине XIX века	179–188
<i>А.М. Харитонова.</i> Коллекция книг дипломата П.К. Рудановского в библиотечном собрании Санкт-Петербургского государственного университета	189–198

<i>До Лимэй.</i> Русские профессиональные художники XIX века в Китае	199–207
<i>Ду Цзяци.</i> Культурная деятельность русской эмиграции в Харбине (1900–1930-е годы)	208–219
<i>М.М. Перекалина.</i> Русские в Китае: предыстория успеха: (по материалам фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга)	220–233
<i>Е.С. Князева.</i> Российские архитекторы-эмигранты и их наследие в Шанхае	234–255
<i>Е.П. Яковлева.</i> Маньчжурский период в жизни искусствоведа Е.Б. Вандровской	256–272

■ **Современное сотрудничество**

<i>А.В. Суржко.</i> Российско-китайские отношения в области науки и образования. Опыт Красноярского государственного университета в 1988–2006 годах	273–285
<i>И.В. Лизунова, Е.В. Пшеничная, Т.Н. Ершова.</i> Библиотечно-информационный обмен – важнейшее направление российско-китайских взаимодействий (опыт, потенциал и возможности Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН)	286–295

CONTENTS

From the Editor (<i>in Rus.</i>)	7–9
From the Editor	10–12

■ Questions of Economic History

<i>V.G. Sharonova.</i> Establishment and Development of Trade and Economic Activities of Russian Merchants in Harbin at the Beginning of 20 th Century	13–29
<i>G.N. Berezhnaya.</i> The Greeks of Vladivostok and Harbin (Late 19 th – Early 20 th Century). The Antipas Family	30–39
<i>I.V. Chapygin.</i> Economic Foundations of the Life of the Cossacks of the Three Rivers (China, 1920–1945)	40–50
<i>E.V. Bakaldina.</i> Information about Hankow in the S.N. Milyutin's Letters to Members of the Botkin Family	51–66

■ Russians in Harbin

<i>E.I. Nesterova.</i> Opening of the Russian Consulate General in Harbin: Prehistory (1906–1907)	67–79
<i>G.I. Erofeeva.</i> Daniel's Family is in the Service of the Chinese Eastern Railway. Materials for the Biography	80–94
<i>V.G. Datsyshen, Dai Jianbing, V.D. Lachinov and D.P. Kazakevich</i> – the First Managers of the Chinese Eastern Railway in the Emigrant Period of Harbin History	95–102
<i>M.V. Krotova.</i> On the Eve of the Silver Anniversary of the Chinese Eastern Railway and Harbin	103–114
<i>O.A. Reneva.</i> Monks of the White Mountain: The Way to the East	115–123
<i>E.N. Nazemtseva.</i> The Influence of Russian Political and Military Emigration Representatives' Provocations against Soviet Consulates in China on Sino-Soviet Relations in the 1920s–1930s	124–136

■ The Russian Press in China and about China

<i>E.V. Drobotushenko.</i> News of the Public Council of the Russian Concession in Hankou as a Source on the History of Russian Emigration in China	137–145
<i>A.G. Golikov.</i> “Novoye Vremya” about on the Events of the Sino-Japanese War of 1894–1895	146–151
<i>I.S. Rybachenok.</i> The Boxer Rebellion in China on the Pages of the “Novoye Vremya” Newspaper	152–161
<i>Sun Yizhi.</i> Monarchist Newspaper “Shankhayskoye Novoye Vremya” (“The Shanghai New Times”) and Russian Emigre (1921–1925)	162–178

■ Cultural and Historical Heritage

<i>T.Yu. Feklova.</i> Magneto-Meteorological Stations of the Saint-Petersburg's Academy of Sciences in China in the Second Half of the 19 th Century	179–188
<i>A.M. Kharitonova.</i> The Book Collection of the Diplomat P.K. Rudanovsky in the Library of St. Petersburg State University	189–198
<i>Duo Limei.</i> Russian Professional Artists of the 19 th Century in China	199–207

<i>Du Jiaqi</i> . Cultural Activity of the Russian Emigration in Harbin (1900–1930)	208–219
<i>M.M. Perekalina</i> . Russians in China: Backstory of Success (On Materials of Fonds of Central State Historical Archive of St. Petersburg)	220–233
<i>K. Knyazeva</i> . Russian Emigre Architects and Their Legacy in Shanghai	234–255
<i>E.P. Yakovleva</i> . The Manchurian Period in the Life of Art Historian E.B. Vandrovskaya	256–272

■ **Modern Cooperation**

<i>A.V. Surzhko</i> . Russian-Chinese Relations in the Field of Science and Education. Experience of Krasnoyarsk State University in 1988–2006	273–285
<i>I.V. Lizunova, E.V. Pshenichnaya, T.N. Ershova</i> . Library and Information Exchange is the Most Important Area of Russian-Chinese Interactions (Experience, Potential and Capabilities of the State Public Scientific and Technical Library of the SB RAS)	286–295

2023 · № 3 (29)

Тема номера:

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

ОТ РЕДАКТОРА

История российско-китайских отношений насчитывает более 400 лет. Ее основу заложили взаимные торговые интересы, возникшие еще в начале XVII в. Особое развитие двухсторонние связи между императорской Россией и цинским Китаем получили во второй половине XIX – начале XX в.: это и развитие чайной торговли, и строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), и визит цесаревича Николая Александровича в китайскую «чайную столицу» – город Ханькоу. В этот период в результате серии переговоров было подписано несколько значимых российско-китайских дипломатических документов, отражавших заинтересованность обеих сторон в обеспечении безопасности, а также регулировавших вопросы осуществления торговли. В условиях нарастающей экспансии стран Запада на Дальнем Востоке данные соглашения стали основой складывания союзнических отношений и культурного взаимодействия между Россией и империей Цин.

Настоящий номер посвящен преимущественно именно этому этапу и охватывает многие важные вопросы истории российско-китайских отношений. Научная новизна предлагаемых вниманию читателей публикаций обусловлена тем, что в них широко используются материалы российских и зарубежных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Коллектив авторов включает в себя российских ученых от Владивостока до Петербурга, а также наших коллег из Китая (Пекина, Шанхая, Харбина).

Первый блок статей «*Вопросы экономической истории*» представляет результаты исследований торгово-экономической и предпринимательской деятельности в провинциях Маньчжурия и Чжили. В своей работе «Становление и развитие торгово-экономической деятельности русских коммерсантов в Харбине в начале XX века» В.Г. Шаронова уделила внимание русской торговле в Харбине, подробно описав вехи ее развития и специфику продвижения в условиях китайского рынка. В статье Г.Н. Бережной «Греки Владивостока и Харбина (конец XIX – начало XX века). Семья Антипасов» дан развернутый анализ биографических сведений о представителях многочисленной семьи Антипасов, а также подробно рассказано о предпринимательской деятельности Герасима Антипаса, владельца водочного завода в Харбине. Исследователь казачьей эмиграции И.В. Чапыгин в публикации «Экономические основы жизнедеятельности казачества Трехречья (Китай, 1920–1945 годы)» повествует о непростой адаптации вынужденно оказавшихся вдали от родины забайкальских казаков, которые, несмотря на тяжелые условия, сумели создать экономически развитые поселения на малозаселенных землях Китая. Завершает раздел подготовленная на основе анализа переписки проживавшего в Ханькоу купеческого приказчика статья Е.В. Бакалдиной «Сведения о Ханькоу в письмах С.Н. Милютина представителям семьи Боткиных», в которой подробно рассказывается о жизни и деятельности русских чаоторговцев в Китае.

Во второй блок «*Русские в Харбине*» вошли статьи, рассматривающие историю российского дипломатического присутствия в Маньчжурии, КВЖД и Харбина. Работа Е.И. Нестеровой «Открытие российского генерального консульства в Харбине: предыстория (1906–1907)» характеризует статус Харбина по окончании Русско-японской войны и деятельность работавших здесь российских консулов, отстаивавших политические интересы Российской империи. Страницы биографий членов семейного клана Даниель, в течение многих лет служивших на КВЖД, реконструируются в статье

Г.И. Ерофеевой «Семья Даниель на службе на Китайско-Восточной железной дороге. Материалы к биографии». В совместной работе В.Г. Дацьшена и Дай Цзяньбина «В.Д. Лачинов и Д.П. Казакевич – первые управляющие Китайско-Восточной железной дороги в эмигрантский период истории Харбина» впервые используются зарубежные источники, раскрывающие малоизвестные страницы деятельности администрации КВЖД после революции 1917 г. Юбилейные торжества по случаю празднования 25-летия КВЖД и Харбина, состоявшиеся ровно сто лет назад, в 1923 г., в сложной политической обстановке, подробно освещены в публикации М.В. Кротовой «В преддверии серебряного юбилея Китайско-Восточной железной дороги и Харбина». В статье О.А. Реневой «Монахи Белой горы: путь на восток» рассматриваются судьбы священников Свято-Николаевского мужского монастыря на Белой горе (Осинский уезд Пермской губернии), вынужденных покинуть родину и отправиться в долгий путь на восток; особое внимание автор уделил судьбам игумена Серафима (Кузнецова) и игумена Ювеналия (Килина). Е.Н. Наземцева в статье «Влияние провокаций представителей русской политической и военной эмиграции против советских консульств в Китае на советско-китайские отношения в 1920–1930-е годы», подготовленной с привлечением документов Иностранного отдела ОГПУ и Наркомата иностранных дел СССР, уделила внимание развернувшейся на китайской земле политической борьбе между белоэмигрантами и советскими подданными.

Раздел, посвященный роли прессы в освещении различных событий, происходивших в Китае в конце XIX – начале XX в., называется «Русская пресса в Китае и о Китае». Статья Е.В. Дроботушенко «“Известия Общественного совета Русской концессии в Ханькоу” как источник по истории российской эмиграции в Китае» посвящена характеристике недостаточно изученного печатного источника по истории пребывания русских в Китае. На страницах газеты публиковались различные новости, отчеты, культурно-просветительские заметки, анонсы предстоящих мероприятий в Русском клубе, очерки о поездках генерального консула по китайским провинциям. В двух следующих работах анализируются публикации на «китайские темы» в популярной русской газете «Новое время», издававшейся в 1868–1917 гг. в Санкт-Петербурге. В статье А.Г. Голикова «“Новое время” о событиях Японо-китайской войны 1894–1895 годов» представлен анализ выпусков газеты о военных событиях, в которых рассказывалось об основных этапах военных действий и излагались суждения членов редакции по поводу позиции России в этом конфликте. Вопросам национально-освободительного движения в Китае посвящена публикация И.С. Рыбаченок «Боксерское восстание в Китае на страницах популярной российской газеты “Новое время”». Автор подробно разбирает размещенные на страницах издания материалы о трагических событиях в Китае и противостоянии местных жителей с иностранцами. В работе Сунь Ичжи «Монархическая газета “Шанхайское новое время” и русская эмиграция (1921–1925 годы)» рассматриваются вопросы, связанные с историей малоизвестного белоэмигрантского печатного органа, выпускавшегося в Шанхае, что представляет большую ценность для изучения журналистского наследия русской эмиграции.

Блок «Культурно-историческое наследие» включает статьи о русских подданных и выходцев из России, внесших вклад в становление и развитие науки и культуры на территории Китая. Исследование Т.Ю. Фекловой «Магнитно-метеорологические станции Санкт-Петербургской Академии наук в Китае во второй половине XIX века» посвящено научной деятельности членов Пекинской духовной миссии, основавших на ее территории в 1848 г. первую оборудованную по европейскому образцу магнитно-метеорологическую обсерваторию в Китае, позже переданную под юрисдикцию Императорской академии наук. А.М. Харитонов в работе «Коллекция книг дипломата П.К. Рудановского в библиотечном собрании Санкт-Петербургского государственного университета» охарактеризовала профессиональную и культурно-просветительскую деятельность русских дипломатов в Китае, обратившись к книжной коллекции Петра

Константиновича Рудановского, выпускника Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, ставшего сотрудником дипломатической миссии в Пекине. Сотрудница Государственного музея Гугун в Пекине До Лимэй подготовила статью «Русские профессиональные художники XIX века в Китае», в которой рассказала о творчестве художника Антона Михайловича Легашева, прожившего в Пекинской духовной миссии около десяти лет и создавшего 26 духовных и исторических картин, а также 24 портрета китайских сановников. В статье Ду Цзяци «Культурная деятельность русской эмиграции в Харбине (1900–1930 годы)» дается подробный обзор культурного наследия и вклада русской эмиграции в развитие образовательной, литературной, художественной и издательской сфер Северо-Восточного Китая, приводятся примеры открытия образовательных учреждений, создания творческих союзов, выпуска периодических изданий, проведения художественных выставок. В материале М.М. Перекалиной «Русские в Китае: предыстория успеха (по материалам фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга)» рассказывается о петербургском периоде жизни ряда представителей российской творческой интеллигенции (музыкантах З.А. Прибытковой, Б.С. Захарове, архитекторе А.А. Бернардацци) и дипломата Н.Г. Поппе, впоследствии оказавшихся в Китае. В центре внимания статьи Е.С. Князевой «Российские архитекторы-эмигранты и их наследие в Шанхае» судьбы представителей инженерно-строительных профессий белоэмигрантской колонии Шанхая, построивших в 1920–1930-х гг. более восьмидесяти архитектурных объектов, и поныне украшающих улицы города. Работа Е.П. Яковлевой «Маньчжурский период в жизни искусствоведа Е.Б. Вандровской» посвящена биографии известного искусствоведа, музейного работника и педагога, уроженке Харбина Елене Борисовне Вандровской. Впервые приводятся новые факты о жизни ее и ее родственников в Маньчжурии.

Завершает номер раздел «Современное сотрудничество», в котором представлены примеры успешного взаимодействия образовательных и культурно-просветительных учреждений России и Китайской Народной Республики в конце XX – начале XXI в. (статьи А.В. Суржко «Российско-китайские отношения в области науки и образования. Опыт Красноярского государственного университета в 1988–2006 гг.», И.В. Лизуновой, Е.В. Пшеничной, Т.Н. Ершовой «Библиотечно-информационный обмен – важнейшее направление российско-китайских взаимодействий (опыт, потенциал и возможности Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН)»).

*Выпускающий редактор
кандидат исторических наук
Виктория Геннадьевна Шаронова*

<i>Выпускающий редактор</i>	кандидат исторических наук В.Г. Шаронова
<i>Ответственный секретарь</i>	В.В. Введенский
<i>Корректор</i>	Т.В. Соболева
<i>Верстальщик</i>	В.В. Введенский
<i>Интернет-верстальщик</i>	К.А. Васильев

2023 · No. 2 (28)

The Theme of the Issue:

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS –
PAST, PRESENT, FUTURE

FROM THE EDITOR

The history of Russian-Chinese relations has more than 400 years. Its basis was laid by mutual trade interests that arose at the beginning of the 17th century. The two-sided ties between imperial Russia and Qing China received a special impulse in the second half of the 19th – early 20th century: this is the development of the tea trade, the construction of the Chinese Eastern Railway (CER), the visit of heir to the throne Nikolay Aleksandrovich to the Chinese “tea capital” – the city of Hankou. During this period, as a result of a series of negotiations, several significant Russian-Chinese diplomatic documents were signed, reflecting the interest of both sides in ensuring security, as well as regulating trade issues. In the context of the growing expansion of Western countries in the Far East, these agreements became the basis for the formation of allied relations and cultural interaction between Russia and the Qing Empire.

This issue is mainly devoted to this stage and covers many important aspects in the history of Russian-Chinese relations. The scientific novelty of the publications offered to readers is due to the fact that their authors widely use materials from Russian and foreign archives, many of which are introduced into scientific circulation for the first time. The team of authors includes Russian scientists from Vladivostok to St. Petersburg, as well as our colleagues from China (Beijing, Shanghai, Harbin).

The first block of articles “*Questions of economic history*” is related to the development of trade, economic and entrepreneurial activities in the provinces of Manchuria and Zhili. V.G. Sharonova draws attention to Russian trade in Harbin, describing in detail the milestones of its development and specifics of promotion in the conditions of Chinese market. The article by G.N. Berezhnaya provides a detailed analysis of biographical information about the representatives of the numerous Antipas family, and also describes the entrepreneurial activities of Gerasim Antipas, the owner of a vodka factory in Harbin. I.V. Chapygin, a researcher of Cossack emigration, tells about the difficult adaptation of Trans-Baikal Cossacks who were forced to be far from their homeland, and, despite difficult conditions, managed to create economically developed settlements on sparsely populated lands of China. The section is completed by an article by E.V. Bakaldina analyzing the correspondence of a merchant clerk who lived in Hankou, which describes in detail the life and activities of Russian tea merchants in China.

The second block “*Russians in Harbin*” includes articles examining the history of the Russian diplomatic presence in Manchuria, CER and Harbin. The work of E.I. Nesterova characterizes the status of Harbin after the end of the Russo-Japanese War and the activities of the Russian consul who worked there, defending the political interests of the Russian Empire. Biographies of members of the Daniel family clan, who served on the CER for many years, are reconstructed in the article by G.I. Yerofeeva. In the joint work of V.G. Datsyshen and Dai Jianbing, in which some foreign sources are used for the first time, revealing little-known

pages of the activities of the CER administration after the 1917 revolution. The celebrations of the 25th anniversary of the CER and Harbin, which took place exactly one hundred years ago, in 1923, in a difficult political situation, are covered in detail in the publication of M.V. Krotova. The article by O.A. Reneva examines the fate of the priests of St. Nicholas Monastery on Belaya Gora (Osinsky district of Perm province), who were forced to leave their homeland and go on a long journey to the East. E.N. Nazemtseva in the article based on some documents of the Foreign Department of the OGPU and the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR, has paid attention to the political struggle between white emigrants and Soviet citizens unfolding on the Chinese land.

The section devoted to the role of the press in covering various events that took place in China in the late 19th – early 20th century is called “*The Russian press in China and about China*”. The article by E.V. Drobotushenko is devoted to the characterization of an insufficiently studied media source on the history of Russian presence in China – “Izvestiya of the Public Council of the Russian Concession in Hankou”. The newspaper published various news, reports, cultural and educational notes, announcements of upcoming events at the Russian Club, essays about the Consul General's trips to Chinese provinces. The following two works analyze publications on “Chinese topics” in the popular Russian newspaper “Novoye vremya” (“New Time”), published in 1868–1917 in St. Petersburg. A.G. Golikov presents an analysis of the newspaper's issues about military events, which described the main stages of military operations and outlined the opinions of the editorial board members about Russia's position in this conflict. The publication of I.S. Rybachenok is devoted to the national liberation movement in China. The author analyzes in detail materials posted in the pages of “Novoye Vremya” and covering the Boxer rebellion in China and the confrontation of local residents with foreigners. Sun Yizhi's work examines issues related to the history of the little-known White emigrant print organ – the monarchical newspaper “Shankhayskoye novoye vremya” (“Shanghai New Time”), published in Shanghai, which is of great value for the study of the journalistic heritage of Russian emigration.

The section “*Cultural and Historical Heritage*” includes articles about Russian citizens and immigrants from Russia who contributed to the formation and development of science and culture in China. T.Y. Feklova's research is devoted to the scientific activities of the Beijing Ecclesiastical Mission's members who founded on its territory in 1848 the first European-style equipped magnetic meteorological observatory in China, later transferred under the jurisdiction of the Imperial Academy of Sciences. A.M. Kharitonova describes the professional, cultural and educational activities of Russian diplomats in China, referring to the book collection of Pyotr Rudanovsky, a graduate of the Oriental Faculty of St. Petersburg University, who became an employee of the diplomatic mission in Beijing. An employee of the Gugong State Museum in Beijing, Do Limei, tells about the work of the artist Anton Legashev, who lived in the Beijing Ecclesiastical Mission for about ten years and created 26 spiritual and historical paintings, as well as 24 portraits of Chinese dignitaries. Du Jiaqi's article provides a detailed overview of the cultural heritage and the contribution of Russian emigration to the development of educational, literary, artistic and publishing spheres of Northeast China, providing examples of the opening of educational institutions, the creation of creative unions, the publication of periodicals and the conduct of art exhibitions. The material by M.M. Perekalina tells about the St. Petersburg period of the life of a number of representatives of the Russian creative intelligentsia (musicians Z.A. Pribytkova, B.S. Zakharov, architect A.A. Bernardazzi) and diplomat N.G. Poppe, who later found themselves in China. E.S. Knyazeva focuses on the fate of representatives of the engineering and construction professions of the Russian white emigrant colony of Shanghai, who built more than eighty architectural objects in the 1920s and

1930s, which still decorate the streets of the city. The work of E.P. Yakovleva is devoted to the biography of the famous art critic, museum worker and teacher, born in Harbin, Elena Vandrovskaya. For the first time, new facts about her life and the life of her relatives in Manchuria are presented.

The issue concludes with the section “*Modern Cooperation*”, which presents examples of successful interaction between educational and cultural institutions of Russia and the People’s Republic of China on the late 20th – early 21st century (articles by A.V. Surzhko, I.V. Lizunova, E.V. Pshenichnaya, T.N. Ershova).

Executive editor
Candidate of Historical Sciences
Viktoriya Gennadievna Sharonova

Executive editor

Candidate of Historical Sciences S.G. Petrov

Executive secretary

Candidate of Historical Sciences L.D. Demidova

Corrector

T.V. Soboleva

Layout designer

V.V. Vvedenskiy

Web designer

K.A. Vasil’ev

В.Г. Шаронова*

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РУССКИХ КОММЕРСАНТОВ
В ХАРБИНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-1
УДК 332.055.2(=161.1)(510.1)

Выходные данные для цитирования:
Шаронова В.Г. Становление и развитие торгово-экономической деятельности русских коммерсантов в Харбине в начале XX века // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 13–29. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-01.pdf>

V.G. Sharonova*

**ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT
OF TRADE AND ECONOMIC ACTIVITIES
OF RUSSIAN MERCHANTS
IN HARBIN AT THE BEGINNING OF 20TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-1

How to cite:
Sharonova V.G. Establishment and Development of Trade and Economic Activities of Russian Merchants in Harbin at the Beginning of 20th Century // Historical Courier. 2023, No. 3 (29), pp. 13–29.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-01.pdf>]

Abstract. The article details the history of Russian trade in Manchuria. The main event that served as its successful start was the conclusion of the Union Treaty between Russia and China in 1896. Starting from 1898, the first Russian products intended for Russian settlers began to arrive in Harbin. Russian merchants had two big tasks: providing Russian residents with the necessary products and building relationships with Chinese consumers. With the growth of Harbin and the Chinese Eastern Railway, the number of imported Russian goods also increased. After Russia's defeat in the Russian-Japanese War, its exports to China were cut down. However, since 1907 there has been new growth in the trade and economic activities of Russian merchants. Moscow trading houses played a particular role, supplying Manchuria with their manufactory. Gradually, the number of Russian trading enterprises increased, chain stores appeared, such as trading house "Churin and K^o", "I.F. Chistyakov" etc. Commercial and industrial entrepreneurship began to develop, and new forms of trade cooperation appeared. The article describes the specifics of trading activities peculiar to the merchants depending on their nationality and the traditions they adopted at home. The documents from Russian and Chinese archives, some of which were introduced into scientific circulation for the first time, were the primary sources for this article. In memory of Russian merchants and their role in the development of the trade and economic potential of Manchuria, modern Chinese businessmen give Russian names to their stores.

Keywords: Russia, China, Harbin, Chinese Eastern Railway, Sino-Russian trade, merchants, shops, goods, export, import.

The article has been received by the editor on 21.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Виктория Геннадьевна Шаронова**, кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской Академии наук, Москва, Россия, e-mail: vsharonova@mail.ru
Victoria Gennadievna Sharonova, Candidate of History Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: vsharonova@mail.ru

Аннотация. В статье подробно рассматривается история русской торговли в Маньчжурии. Главным событием, послужившим ее успешному началу, стало заключение в конце XIX в. ряда российско-китайских договоров. Начиная с 1898 г. первые русские товары, предназначенные для русских переселенцев в Северо-Восточный Китай, стали поступать в Харбин. Перед русскими коммерсантами стояли две большие задачи: обеспечение российских жителей необходимой продукцией и налаживание отношений с китайскими потребителями. С ростом строящегося Харбина и Китайско-Восточной железной дороги увеличивались и объемы ввозимых русских товаров. После поражения России в Русско-японской войне ее экспорт в Китай сократился. Однако с 1907 г. наметился новый подъем в торгово-экономической деятельности русских коммерсантов. Особую роль играли московские торговые дома, поставлявшие в Маньчжурию свою мануфактуру. Постепенно количество русских торговых предприятий увеличилось, появились сетевые магазины – например, торговые дома «Чурин и К^о», «И.Ф. Чистяков» и др. Стало развиваться торгово-промышленное предпринимательство, появились новые формы торгового сотрудничества. В статье описывается специфика торговой деятельности в зависимости от национальности торговцев, присущая им согласно принятым на родине традициям. Источниками для подготовки статьи послужили документы российских и китайских архивов, часть которых впервые введена в научный оборот. В память о русских коммерсантах и их роли в развитии торгово-экономического потенциала Маньчжурии современные китайские бизнесмены дают своим магазинам русские названия.

Ключевые слова: Россия, Китай, Харбин, Китайско-Восточная железная дорога, русско-китайская торговля, коммерсанты, магазины, товары, экспорт, импорт.

Статья поступила в редакцию 21.03.2023 г.

Начиная с середины 1890-х гг. Маньчжурия стала вызывать наибольший интерес у России среди китайских рынков для ввоза русских и вывоза китайских товаров. Это было связано с тем, что данная китайская провинция непосредственно граничила с Россией и являлась транзитной территорией для проникновения русских товаров в другие районы Китая.

Вопросы истории российско-китайских торгово-экономических отношений широко освещались в отечественной историографии. Одной из важнейших публикаций является изданная в 1928 г. книга профессора Бориса Александровича Романова «Россия в Маньчжурии»¹. В своем труде автор, проанализировав большой массив архивных документов, исследовал вопросы вывоза российского капитала в Маньчжурию в начале XX в. и развития местного китайского рынка. Данная книга, как и остальные работы Б.А. Романова, отличаются богатым фактическим содержанием и объективным отношением к рассматриваемым событиям. Другим известным исследователем данной тематики является Николай Павлович Штейнфельд, опубликовавший несколько работ, посвященных двусторонним торговым связям и экономической политике императорской России. Его монография «Русские торговые интересы в Китае» дает полное представление о путях ввоза и главных торговых рынках Китая, а также о русской торговле и промышленности внутри самого Китая. Книга вышла в свет в Харбине в 1913 г. и сразу получила популярность среди исследователей и коммерсантов. Не менее востребованной была его книга «Русское дело в Маньчжурии»², также опубликованная в Харбине. В числе работ, рассказывающих об особенностях китайской коммерции, большой интерес для историков представляет книга Александра Федо-

---

¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

² Штейнфельд Н.П. Русское дело в Маньчжурии: с XVII в. до наших дней. Харбин, 1910.

ровича Бонч-Осмоловского «Торговые обычаи и бытовые черты торговли в Китае», напечатанная на пишущей машинке и вышедшая в свет в 1923 г. во Владивостоке³.

Советские и российские историки также изучали тему российско-китайских торговых отношений. Особое место в отечественной историографии занимают труды академика М.И. Сладковского «Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая»⁴ и «История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917)»⁵, а также подготовленный известными китаеведами П.Е. Скачковым и В.С. Мясниковым (с 1997 академик РАН) сборник «Русско-китайские отношения. 1689–1916 годы: официальные документы»⁶, вышедший из печати в 1958 г.

Среди современных историков темой истории двусторонней торговли между Китаем и Россией успешно занимаются известные ученые Н.С. Самойлов⁷, В.Г. Дацьшен⁸, Т.Г. Мамаева⁹, посвятившие свои работы различным аспектам деятельности русских коммерсантов на Дальнем Востоке.

Большое значение для изучения истории торговых отношений в Маньчжурии имеют личные дела коммерсантов, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) – Фонд 323 «Правление Общества КВЖД» и Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) – фонд 830 «БРЭМ». Среди исторических источников особое место занимают подлинные документы жителей Маньчжурии, содержащих не только биографические данные, но и сведения об их участии в деловой жизни.

Значительный массив данных о ходе и результатах взаимной торговли, а также подробная информация о рынках сбыта и производстве китайской продукции содержится в консульских донесениях царских дипломатов, которые находятся в Архиве внешней политики Императорской России (АВПРИ). Консулы в Маньчжурии (А.Т. Бельченко, В.Ф. Люба, П.Г. Тидеман, Н.М. Поппе и др.) еще в период становления русской торговли в Маньчжурии ежегодно готовили подробные торговые отчеты, которые публиковались в отдельных изданиях, в том числе в сборниках Министерства торговли и промышленности.

Цель настоящей работы – изучение особенностей становления русской торговли в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. Началом этого важного процесса стало заключение между Россией и Китаем сначала Союзного договора¹⁰, а затем Российско-китайской конвенции¹¹, значение которых различно трактуются российскими и китайскими учеными. С конца XIX в. российские подданные, согласно подписанным

Рис. 1. Харбин. Вокзал. Открытка

³ Бонч-Осмоловский А.Ф. Торговые обычаи и бытовые черты торговли в Китае. Владивосток, 1923.

⁴ Сладковский М.И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953.

⁵ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем. М., 1974.

⁶ Русско-китайские отношения. 1689–1916: офиц. документы. М., 1958.

⁷ Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVIII – начале XX вв.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. № 2. С. 3–15.

⁸ Дацьшен В.Г. Чайная торговля в истории русско-китайских отношений (1861–1917 гг.) // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 37–48; Дацьшен В.Г. История русско-китайских отношений (1618–1917 гг.): учеб. пособие. Красноярск, 2004.

⁹ Мамаева Т.Г. Деятельность торгового дома «И.Я. Чуринов и Ко» в Маньчжурии (конец XIX – первая половина XX вв.) // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 4 (49). С. 93–98; Мамаева Т.Г. Российское торгово-промышленное предпринимательство в Маньчжурии (конец XIX в. – 1945 г.). Хабаровск, 2021.

¹⁰ Подписан в Москве 22 мая (3 июня) 1896 г.

¹¹ Подписана в Пекине 15 (27) марта 1898 г.

двусторонним договорам, стали активно осваивать территории, полученные для строительства Харбина и линий КВЖД. О благоприятных перспективах проживания в новом крае появилось много сообщений в российской прессе, что вызвало сюда значительный приток мигрантов¹².

Среди прибывших в Маньчжурию переселенцев, кроме первостроителей (как говорили русские харбинцы – «построечников» дороги) города, были железнодорожные служащие, геологи, врачи, а также крестьяне и казаки. В процессе социально-психологической адаптации русских мигрантов в Китае важную роль играла их приспособленность к тяжелым условиям проживания в чужой стране. Обустройство на новом месте было связано с многочисленными трудностями, как с физической работой, так и с проживанием, поэтому в тот момент крайне важным было обеспечение населения продуктами и предметами быта. Поэтому неслучайно сюда устремились и коммерсанты, которые вели свое «дело» на Дальнем Востоке. Позже к ним присоединились и московские и сибирские торговцы.

Уже в конце XIX в. в рабочих поселках «построечников» дороги появились первые русские лавчонки, торговавшие преимущественно съестными припасами. Основными поставщиками различных товаров в то время являлись китайские торговцы и крестьяне. Китайская сельская торговля возникла на месте бывших ханшинных (водочных) заводов, которые внешне были похожи на хорошо защищенные крепости, укрепленные от внезапных налетов хунхузов. Владельцы таких магазинов являлись скупщиками местных продуктов и снабжали русское и китайское население необходимыми товарами. Их качество и ограниченность выбора продуктов, ориентированных на местный рынок, требовали развития российской коммерческой сети.

Перед русскими торговцами стояли две непростые задачи: налаживание связей на местном рынке для продажи российских товаров и закупки китайских товаров и обслуживание потребностей прибывших на строительство КВЖД и Харбина подданных России.

Приехав в Маньчжурию, коммерсанты столкнулись с многочисленными особенностями ведения бизнеса, одной из которых была специфика местного рынка, в корне отличающаяся от европейской системы.

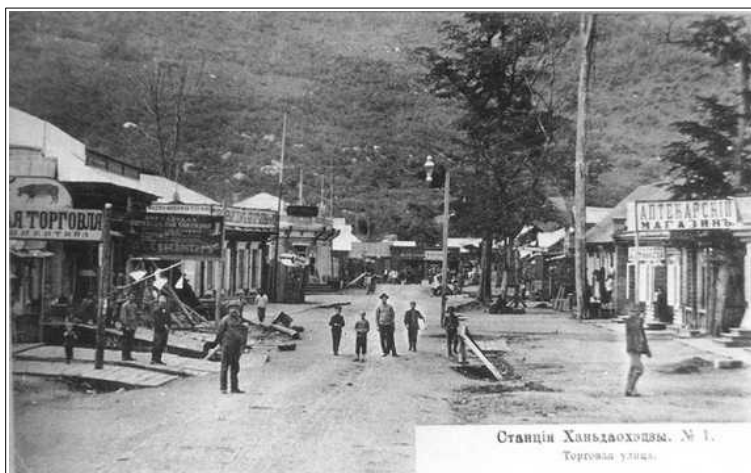

Рис. 2. Поселок Ханьдохэцзы. Торговая улица. Открытка

Рис. 3. Китайская лавка.

Источник: <https://www.wsj.com/amp/articles/the-chinese-question-review-after-the-gold-rush-11628720150>
(дата обращения: 10.03.2023)

¹² Голиков А.Г. «Новое время» о событиях Японо-китайской войны 1894–1895 годов // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 146–151. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-12.pdf>; Рыбаченок И.С. Боксерское восстание в Китае на страницах газеты «Новое время» // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 152–161. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-13.pdf>

Большой проблемой было отсутствие транспортных путей и связанный с этим риск доставки товаров. Нормальному развитию бизнеса мешало и отсутствие кредитных организаций, различных форм кредитования и обилие меняльных контор.

Отделение Русско-Китайского банка было открыто в Харбине 9 (22) июня 1907 г. Согласно уставу банка (§ 1), основным предметом его деятельности было «производство торговых операций в странах Восточной Азии»¹³. Также банк занимался обслуживанием коммерческих операций по строительству КВЖД. Начало деятельности банка способствовало и развитию предпринимательства в Маньчжурии, поскольку банк выдавал ссуды на ведение бизнеса.

К насущным проблемам русских коммерсантов относилось незнание ими китайского языка и нехватка переводчиков для обслуживания торговых сделок. Они были вынуждены обращаться к китайцам-компрадорам, т.е. посредникам, которые часто полностью брали в свои руки дела, отстраняя от их ведения заказчиков: «Институт компрадоров своей сплошной стеной между европейским торговцем и китайцем-потребителем взял в руки все торговые связи. Европейец-купец должен сидеть в своей конторе, выдавать товар, распространять этот товар; *ведать* дело с покупателем – не его дело, это не входит в его компетенцию. И так как к этому положению все привыкли, то китайцы-компрадоры чрезвычайно удивляются и чувствуют себя обиженными, когда какая-нибудь европейская фирма хочет обойтись без их услуг»¹⁴.

Компрадоры имели свой отдельный штат агентов и бухгалтерию. В обязанности агентов, хорошо знавших местный рынок, входил поиск потенциальных поставщиков или потребителей товаров. За свои услуги компрадор получал процент от сделки, как правило, только по импортным операциям, т.е. по экспортным ему платили китайские поставщики. Счета велись на двух языках, каждые четыре месяца подводился промежуточный итог, а окончательный считался к Новому году. Компрадоры были хорошо сведущими в торговых делах людьми, обладающими прочной репутацией, и впоследствии многие из них открыли свои фирмы.

Русские и иностранные коммерсанты не могли обходиться без компрадоров по причине незнания не только китайского языка, но и местных обычаев, а также из-за недоверия к ним китайских продавцов. По этой причине фирмы часто попадали в зависимое положение от компрадоров и платили им большие суммы за их услуги. В своих консульских отчетах российские дипломаты обращали внимание на то, что деятельность таких посредников влияет и на повышение цены, что снижает спрос на отечественные и иностранные товары: «...компрадор – это тот же взяточник-мандарин и является большим злом для ведения свободной торговли»¹⁵.

В свою очередь, китайцы боялись иметь дело с незнакомыми компрадору иностранными фирмами. Для них он служил гарантом сделки, зачастую они находились с ним в дружеских отношениях. Компрадор также остерегается рекомендовать фирму, с которой не был знаком лично. Такое торговое «кумовство» значительно замедляло темпы торговли. Однако для китайцев это было безопаснее, и подчас они шли на занижение цены, лишь бы получить гарантию сделки.

Долгое время компрадоры были необходимым торговым классом, без которого русские торговцы для совершения своих сделок не могли обходиться. Другими посредниками между иностранцами и китайскими коммерсантами являлись шроффы, которые были переводчиками и ответственными за «доброкачественность» всех денежных единиц, поступающих и выплачиваемых фирмой. Описывая деятельность шроффов, А.Ф. Бонч-Осмоловский отмечал: «Приходя в постоянное соприкосновение с торговым миром по поводу разных деловых переговоров, шрофф должен быть человеком интеллигентным, приятным в обра-

¹³ Устав Русско-китайского банка // Собрание узаконений и распоряжений Правительства № 194, 18 декабря 1895. СПб., 1901. С. 3.

¹⁴ Панин И.А. Китайский купец. Харбин, 1926. С. 5.

¹⁵ Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ). Ф. 271. Оп. 551. Д. 1. Л. 86.

щении и умеющим при случае принять участие в обеде и быть партнером в игре. Он должен быть психологом и хорошо изучить обе стороны – как китайцев, так и иностранцев. Он должен хорошо знать привычки как клиентов фирмы, так и своего шефа. Он знает все уловки и проделки в тех отраслях торговли, которыми занята фирма, он ласков и любезен, но он как сфинкс по поводу всего того, что по его мнению не должны знать иностранцы»¹⁶.

Несмотря на все сложности, русские коммерсанты и предприниматели быстро адаптировались к китайским правилам и особенностям ведения торговли. Начиная с весны 1900 г., в период интенсивного строительства Харбина и КВЖД, в Маньчжурии хоть и не так быстро, но все-таки стали продвигаться русские торговые интересы, пока ориентированные только на российских покупателей. К 1903 г. в строящемся Харбине уже проживало около 15 тыс. жителей. Жизнь города была хорошо организована, создавались благоприятные условия для развития русского предпринимательства в Харбине. Главным торговым центром был район Пристань, где активно открывались коммерческие предприятия, а центральная улица Китайская пестрела вывесками магазинов и ларьков. Успешно велось строительство железнодорожного поселка Новый город, в котором большое внимание уделялось обеспечению жителей всеми необходимыми продуктами и промышленными товарами.

Рис. 5. Фудзядян. Китайская часть города

Китайское население предпочитало проживать в своем отдельном поселении Фуцзядян, где находился китайский рынок и мелкие торговые лавочки, продававшие местные изделия и традиционную еду.

С открытием движения по КВЖД количество привозимых русских товаров на север Китая увеличилось. Так, стоимость товаров в 1898 г. составляла 8–9 млн руб., а в 1903 г. возросла на 13 млн руб.¹⁷ Этому способствовал Русско-Китайский банк, который до русско-японской войны выдавал кредиты русским торговцам в Маньчжурии на выгодных условиях. Маньчжурия как рынок сбыта была неинтересна нашим коммерсантам, так как они едва успевали удовлетворить спрос русского населения и потребности Китайско-Восточной железной дороги. Именно в период с 1902 по 1904 г. российские товары, в том числе мануфактура, активно продвигались на местных рынках. Это подтверждается и донесениями наших консулов, в том числе консула в Нючжуане А.Т. Бельченко, что «Товарищество Мануфактур “Викула Морозов с Сыновьями”» пыталось завести торговые отношения с Южной Маньчжурией. Начатое им в этом направлении при поддержке ГК деятельность по высылке и распределению своих товаров среди местного населения подавала полные надежды на хорошие результаты, и надо было полагать, что удалось завоевать себе прочное место на южно-маньчжурских рынках, если бы не начало войны»¹⁸.

Большую роль в этом процессе играли представители русских компаний, создавших хорошую конкуренцию компрадорам. Так, например, А.В. Хаваев, являвшийся представителем нескольких российских торговых компаний в Маньчжурии¹⁹.

В годы русско-японской войны харбинские коммерсанты активно занимались снабжением русской армии продуктами, сукном и необходимыми для нее товарами, что вызвало

¹⁶ Бонч-Осмоловский А.Ф. Торговые обычаи... С. 20.

¹⁷ Штейнфельд Н.П. Русские торговые интересы в Китае. Харбин, 1913. С. 48.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 326. С. 39 об.

¹⁹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830-Р. Оп. 3. Д. 50438.

подъем торговли, увеличение прибыли и рост количества торговых компаний. Однако поражение России в войне крайне негативно отразилось на ее авторитете, что повлекло за собой банкротство русских торговых компаний и одновременно подъем в развитии китайской торговли. В одном из консульских донесений в Миссию в Пекине генеральный консул в Харбине В.Ф. Люба писал 31 января 1907 г.: «Угнетенное состояние нашего торгового класса мало отразилось на деятельности китайцев, которые, урвав свою львиную долю барышей от выгод пребывания в Маньчжурии русской миллионной армии, они продолжают извлекать пользу и сейчас. Данные говорят “о процветании”» и развитии вскормленного Харбином китайского селения Фудзядян.

Рис. 5. Фудзядян. Китайская часть города. Открытка

Всего несколько лет тому назад небольшая деревушка с пришлым населением в скором времени, несомненно, превратится в крупный городской район. В названной китайской деревне – более 450 магазинов и лавок, в том числе до 40 крупных, до 20 больших и благоустроенных китайских гостиниц, более 200 постоянных дворов, от 600 опиум курилен, 4 театра, до 200 мясных лавок и т.д. В Фуцзядяне находят для себя выгодным устраиваться некоторые иностранные предприниматели, есть и наши мелкие торговцы»²⁰.

Спустя год после подписания Портсмутского мира, по условиям которого были определены сферы влияния России и Японии в Китае, Маньчжурия была объявлена открытой для иностранцев, что вызвало интерес к продвижению своей продукции русских коммерсантов. Например, среди московских фабрикантов сразу возник вопрос относительно обслуживания маньчжурского рынка. Было решено объединиться целой группе фирм, торгующих разнообразными изделиями, и совместными усилиями создать торговые ряды, избрав Харбин, расположенный на пересечении трех железнодорожных линий – в Россию, к Тихому океану и судоходной линии Сунгари–Амур. К числу препятствий, мешающих осуществлению этих планов, относилось отсутствие промежуточных складов для хранения товаров по пути из Москвы до Харбина и в портах Китая. Сюда же можно было отнести медленный подвоз товаров, несоблюдение договоренностей и пьянство. В отличие от русских торговцев, иностранцы имели свои склады в Шанхае и в Тяньзине и могли быстро доставлять любые товары в Маньчжурию.

Рис. 6. Торговые ряды. Харбин. Открытка

В 1908 г. в Харбине по проекту архитектора К.К. Иокиша в стиле модерн были построены *Московские торговые ряды*, включавшие в себя комплекс соединенных зданий для открытия оптовых складов. Одним из первых здесь открылся оптовый товарный склад Товарищества ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель».

²⁰ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 910. Л. 49.

В дальнейшем в Харбине имели свои склады Товарищество «Викула Морозов с Сын-ми», Русское Экспортное Товарищество, Товарищество Мануфактур «Альбер Гюбнер» и др. В Харбине открывались сетевые магазины, самым известным из которых был Торговый дом «И.Я. Чурин», имевший свои филиалы в городских районах «Пристань» и «Новый город», а также во многих городах Маньчжурии и по линии КВЖД.

В городах и поселках большой популярностью пользовались отдельные розничные точки – магазины, в которых вместе с хозяевами торговали мелкие торговцы, арендовавшие прилавки для продажи своих товаров.

Для расширения торговой-экономической деятельности в Маньчжурии были необходимы хорошо подготовленные специалисты. С этой целью в 1906 г. были открыты Харбинские Коммерческие училища (мужское и женское). Строительство корпусов Коммерческих училищ в 1904 г. обошлось в

сумму около полумиллиона рублей²¹. В старших классах училищ изучались специальные профессиональные предметы: бухгалтерия, коммерческая арифметика, ведение корреспонденции на русском и иностранных языках, торговое и промышленное законоведение, политическая экономия, коммерческая география, товароведение и т.д. Изучение китайского языка преподавалось на самом высоком уровне. По окончании обучения выпускники имели право поступать в высшие коммерческие заведения России.

Директором Харбинских Коммерческих училищ был назначен Николай Викторович Борзов²², имевший за плечами богатую служебную деятельность. По окончании Санкт-Петербургского университета он поступил на службу в Министерство народного просвещения, затем переехал в Томск, где был учителем в Мариинской женской гимназии, а в дальнейшем занимал должность инспектора Первого Сибирского коммерческого училища. С 1905 г. его жизнь была тесно связана с Харбином, где он возглавил Коммерческие училища. За свою инициативность в 1906 г. Н.В. Борзов был назначен начальником

Рис. 8. Коммерческие училища. Харбин. Открытка

Рис. 7. Торговый дом «И.Я. Чурин». Открытка

Учебного отдела КВЖД. Исполняя одновременно две должности, Николай Викторович внес большой вклад в развитие образования в Маньчжурии, воспитав целую плеяду успешных коммерсантов. Открытие коммерческих училищ в Харбине способствовало решению подготовки коммерческих кадров в Маньчжурии. Многие его выпускники в дальнейшем работали в коммерческих компаниях и на КВЖД.

Особенностью многонационального Харбина было негласное деление торговых сегментов по наци-

²¹ Еропкина О.И. Русские и китайские школы на КВЖД, 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3. С. 134.

²² Николай Викторович Борзов (26.04.1871, Глазов Вятской губернии – 25.11.1955, Беркли, Калифорния).

ональности продавцов. Так, продажей мехов, ювелирных изделий занимались евреи, которые никого не пускали в свою отрасль, и если появлялся «чужак», то его вытесняли путем занижения цен на покупку пушнины. Представители армянской диаспоры занимались изготовлением и продажей кожаной обуви, а также кондитерским бизнесом – производством и продажей кондитерско-шоколадных изделий. Одними из лучших держателями магазинов по продаже сладких и хлебобулочных изделий были греки, которые открывали при магазинах уютные кафе. Украинцы традиционно открывали винно-гастрономические магазины и имели колбасные фабрики. Русские, как правило, проживающие в городском районе Алексеевке, имели мясные и молочные лавки на рынках и в гастрономических отделах магазинов. В настоящее время в Китае очень популярно харбинское пиво, первый завод по производству которого был построен в Харбине в начале XX в. русским эмигрантом польского происхождения И.М. Врублевским²³.

С 1910 г. доставка и вывоз товаров осуществлялись из Маньчжурии по КВЖД и далее Транссибом по России, а также через китайские порты Шанхай, Дайрен и Циндао. Как видно из приведенной ниже таблицы, наиболее популярным направлением стал транзит через Маньчжурию.

Таблица 1

Ввоз русских товаров в Китай (в руб.)*

Год	Через границы Маньчжурии	Через порты Китая
1909	19 272 000	338 000
1910	19 641 000	1 171 000
1911	22 109 000	187 000

* Составлено по: Штейнфельд Н.П. Русские торговые интересы в Китае... С. 10.

Благодаря успешной торгово-экономической деятельности, связанной с преимуществом доставки товаров по КВЖД, Маньчжурия лидировала по темпам экономического развития в Китае. Русские коммерсанты успешно осваивали местные рынки и в других провинциях Китая. К 1910 г. России удалось занять первое место среди стран, поставивших в Китай кожаную обувь. Товарами, которые русские также импортировали через Харбин в Китай, были соль, каменный уголь, товары мануфактурного производства.

Таблица 2

Ввоз товаров в Китай в 1910 г. (в тыс. таэлей²⁴)*

Товар	Общая стоимость ввоза в Китай	В том числе из России
Кожаная обувь	585	469
Резиновая обувь	74	43
Писчебумажный товар	1 305	425
Скоб. и кож.	1 439	409
Готовое платье	2 468	612
Галантерея	937	212

²³ Шаронова В.Г. Русские Торговые дома в Харбине в начале XX века // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современные перспективы: тезисы докладов XXIV междунар. конф. М., 2021. С. 144.

²⁴ Таэль (лан) – китайская счетная единица в виде золотого или серебряного бруска различного веса (обычно 50 г) и пробы. Один таэль приблизительно равен 2 руб. 22 коп. серебряными рублями. Применялся в торговых оборотах между китайцами и русскими торговцами.

Окончание таблицы 2

Товар	Общая стоимость ввоза в Китай	В том числе из России
Бакалея	2 769	546
Игрушки	208	59

* Составлено по: Штейнфельд Н.П. Русские торговые интересы в Китае... С. 19.

Среди российского экспорта первое место занимала мануфактура. Согласно данным китайской таможи, ввоз русских товаров в 1910 г. составил около 2,6 млн руб.

Большую роль в продвижении товаров играла реклама. Фирмам приходилось раздавать товар, шить и дарить платья и костюмы, проводить различные распродажи и акции. Постепенно китайские покупатели стали приобретать русскую мануфактуру. Особенно популярен был ситец, который китайки брали сначала на занавески, затем стали одевать в него детей, а затем стали шить из него платья сами. Таким непростым образом русские товары завоевывали популярность у местного населения.

Большую часть последней страницы местных газет занимала реклама многочисленных ресторанов, кафе и кондитерских. Популярным среди них был ресторан уроженца Грузии осетина В.Н. Джагаева «О'Гурмэ», в котором подавались блюда различных кухонь мира.

Рис. 9. Реклама ресторана «О'Гурмэ». Предоставлено В.Л. Григорьяном

В 1913 г. сбыт русской мануфактуры был успешным и «стоимость ее составила сумму в 4 1/2 млн руб. Ввоз ее за последние пять лет возрастал следующим образом:

- в 1909 г. – 1 600 тыс. руб.;
- в 1910 г. – 2 200 тыс. руб.;
- в 1911 г. – 2 900 тыс. руб.;
- в 1912 г. – 3 800 тыс. руб.;
- в 1913 г. – 4 500 тыс. руб.²⁵

Эти цифры представляют общее количество ввоза нашей мануфактуры через станцию Маньчжурия. Более половины всего сбыта падает на ситцы, а затем следуют такие хлопчатобумажные ткани, как молескины, сукно вишневого, полис, репс, нансуки, сатины, бумазая и пр.

В 1911 г. оборот русской торговли, реализуемый через Харбин, достиг 41 млн руб., увеличившись по сравнению с 1910 г. на 6,5 млн руб.²⁶, в то время как весь бюджет КВЖД к этому периоду составлял 23–25 млн руб.²⁷ Полученные результаты свидетельствовали о большой выгоде, получаемой Российской империей от присутствия и деятельности русских предпринимателей в Харбине.

²⁵ Министерство торговли и промышленности. Отделение торговли. По вопросу о положении русской торговли и промышленности в Манчжурии (Донесения Агента Министерства Торговли и Промышленности в Шанхае). СПб.: тип. В. Киршбаума, 1914. С. 50.

²⁶ Штейнфельд Н.П. Русские торговые интересы в Китае... С. 32.

²⁷ Там же. С. 28.

Популярность российских товаров среди иностранного и китайского населения привела к появлению большого количества подделок, производимых местными «умельцами». Это относилось как к пищевым товарам, так и товарам народного потребления. За нарушением закона приходилось следить владельцам зарегистрированных марок, которые были ограничены как в правах, так и в возможности контроля продажи подделок в различных провинциях Китая: «...подделки производятся не только в крупных торговых центрах, но почти в каждом городе: местные городские литографии большей частью заняты печатанием облаток и наклеек на товары самого разнообразного ассортимента: монпансье “Москва”, мыло “Русское”, духи “Париж” и проч.». На скобяных товарах всюду ставятся штампы русских и иностранных заводов²⁸.

Только в июне 1913 г. в Китае был принят закон, регулирующий правила и порядок регистрации торговых товариществ и акционерных обществ.

Таблица 3

Сумма оборота торговли (куплено или продано) за 1912 г. (в тыс. руб.)*

Предмет торговли	Общий оборот	Русские товары	Японские товары	Китайские товары	Прочие товары
Бобы желтые	12 150	–	–	12 150	–
Мука и отруби	6 550	20	–	6 520	10
Мануфактура и пряжа	5 870	2 510	2 285	390	685
Зерновые продукты (исключая пшеницу, вошедшую в стоимость муки)	3 450	–	–	3 450	–
Скот мясной и рабочий, крупный и мелкий, мясо	3 020	10	–	3 010	–
Табачные изделия	2 490	1 385	90	120	895
Спирт, водочные и ликерные изделия	2 040	790	–	1 180	70
Чай	1 200	–	–	1 200	–
Мешки	1 080	–	–	–	1 080
Пушнина	1 000	–	–	1 000	–
Готовое платье, обувь и шляпы	920	390	20	280	230
Каменный уголь	900	–	900	–	–
Керосин	800	520	–	–	280
Металлы и изделия из них	790	190	55	30	515
Сахар	790	650	72	40	28
Бакалея	600	360	–	–	250
Лесные материалы и дрова	550	–	–	550	–
Свечи	450	–	–	290	160
Посуда фарфоровая и глиняная	400	290	20	50	40

²⁸ Панин И.А. Китайский купец... С. 22.

Окончание таблицы 3

Предмет торговли	Общий оборот	Русские товары	Японские товары	Китайские товары	Прочие товары
Галантерея	400	120	10	50	220
Кожи, сало, волос и др.	400	–	–	400	–
Мыло и парфюмерия	400	250	10	20	120
Растительное масло и олифы	400	–	–	390	10
Фрукты, овощи и зелень	400	10	120	260	10
Яйца	360	–	–	360	–
Кирпич, цемент, известь и пр.	350	–	–	230	120
Масло коровье	350	350	–	–	–
Вина виноградные	350	50	–	–	300
Писчебумажный товар, обои	350	50	20	40	240
Пиво и другие напитки	300	200	20	80	–
Скобяной и ножевой товар	300	100	10	10	180
Ювелирные изделия и часы	300	100	10	20	170
Бобовые жмыхи	300	–	–	300	–
Рыба, икра, устрицы, крабы	250	120	–	130	–
Стекло, зеркала и стеклянная посуда	200	20	10	–	170
Спички	200	90	95	15	–
Рис	175	–	25	150	–
Кожевенный товар	150	20	–	130	–
Овес, сено, солома	150	–	–	150	–
Москательный и аптекарский товар	130	20	10	10	90
Камень строительный, песок, глина	100	–	–	100	–
Карты игральные	100	50	–	–	50
Учебные пособия и игрушки	100	40	–	–	30
Прочие товары с годовым оборотом каждого на сумму меньше 100 тыс. руб.	1 680	580	210	350	540
<i>Итого</i>	53 445	9 305	3 992	33 455	6 693

Составлено по: Министерство торговли и промышленности. Отделение торговли. По вопросу о положении русской торговли и промышленности в Манчжурии (Донесения Агента Министерства Торговли и Промышленности в Шанхае). СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1914. С. 46.

Из таблицы видно, что годовой оборот торговли Харбина за отчетный год исчисляется в 53 445 тыс. руб., а самым популярным экспортным товаром являлись соевые бобы²⁹.

Исходя из приведенных данных, можно распределить сумму оборота по китайским и иностранным товарам следующим образом:

Китайские (в руб.):

Харбинские полуфабрикаты (мука, свечи, мыло, спирт, водка и пр.) на сумму	8 405 000
Китайские товары и сырые продукты	25 050 000
	33 455 000

Иностранные (в руб.):

Русские	9 305 000
Японские	3 992 000
Из других стран	6 693 000
<i>Итого</i>	53 445 000

Таким образом, на Харбинском рынке в 1912 г. обращалось 63 % китайских товаров, русских – 17 %, иностранных товаров – 20 %.

Наиболее благоприятный период развития русской торговли в Китае относился к 1909–1914 гг. Кроме успешного расширения розничной торговли активно развивалось пищевое производство, строились молочные, маслобойные, колбасные, винокуренные, конфетно-шоколадные и другие заводы и фабрики. Больших успехов достигла мукомольная и хлебобулочная промышленность. Росло количество предприятий, производящих те или иные товары народного потребления, «обстановку», одежду и обувь.

Таблица 4

Фабрики и заводы Харбина в 1913 г.*

Наименование	Количество
Пекарни	32
Торговые бани	22
Типографии и литографии	14
Мельницы	12
Колбасные и копильные фабрики	9
Пивоваренные заводы	6
Водочные заводы	6
Маслобойные заводы	5
Минеральных вод и лимонадных заводы	5
Табачные и папиросные фабрики	4
Свечные заводы	3
Конфетные заводы	2

²⁹ Одним из известных производителей бобового масла был харбинец Р.М. Кабалкин.

Окончание таблицы 4

Наименование	Количество
Пряничные заводы	2
Мыловаренные заводы	2
Макаронная фабрика	1
Кулечная фабрика	1
Фабрика одеял	1
Винокуренный завод	1
Уксусный завод	1
Кожевенный завод	1
Дрожжевой завод	1
Стекланный завод	1
Кафельный завод	1
Рефрижератор	1
<i>Итого</i>	134

Составлено по: Министерство торговли и промышленности. Отделение торговли. По вопросу о положении русской торговли и промышленности в Манчжурии (Донесения Агента Министерства Торговли и Промышленности в Шанхае). СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1914. С. 47.

Данные этой таблицы показывают, что самыми многочисленными русскими предприятиями были пекарни и мельницы. Действительно, хлеб и хлебные изделия были самыми популярными продуктами в Харбине, причем даже у китайского населения.

1913 г. был кануном Первой мировой войны. К этому времени становление русской коммерческой деятельности продемонстрировало свои успехи. Русские коммерсанты заняли свою торговую «нишу» как в оптовом, так и в розничном бизнесе, их позиция и авторитет значительно укрепились на местном рынке. В Харбине функционировала биржа, создавались торговые союзы, работало Общество Русско-Китайского торгово-промышленного музея, цель которого заключалась в популяризации российских товаров и содействии сбыту русских товаров и изучении маньчжурского рынка. Город стал главным опорным пунктом русской торговли в Манчжурии, откуда отечественные товары, в том числе и мануфактурные, расходились по всей стране.

Первая мировая война, Октябрьская революция и последующая эмиграция русских беженцев в Китай изменили сложившийся коммерческий мир Харбина. Начался новый период, который отразился в истории экономической деятельности всего края. Интересным остается тот факт, что специализация многонационального бизнеса по производству и продаже товаров определенной группы сохранилась и с прибытием волны русских эмигрантов в Китай. Армянская диаспора занималась пошивом и продажей кожаной обуви (ТД «Бр. Атоян», ТД «Бр. Касканлян») и производством и продажей кондитерско-шоколадных изделий (ТД «Бр. Грдзеловы и К» (компаньон В.Н. Джагаев), ТД «Чакалян и К»). Одними из лучших держателями магазинов по продаже сладких и хлебобулочных изделий были греки, которые открывали при магазинах уютные кафе – например, кафе «Эрмис», принадлежавшее Е.Ф. Попандопуло, и кафе «Акрополис» Н.Г. Ипсиланти. Украинцы традиционно открывали винно-гастрономические магазины и имели колбасные

Рис. 10. Владелец крупной мясной лавки А.А. Егоренков. ГАХК. Ф. 830-Р. Оп. 3. Д. 14361

фабрики (ТД «Гурченко и сыновья»). Русские, как правило, проживающие в городском районе Алексеевке, имели мясные и молочные лавки на рынках и в гастрономических отделах семейных магазинов (владельцы крупных мясных лавок – «Бр. Шевченко», «Бр. Егоренковы» и др.).

Русская торговля имела большое влияние и на развитие китайской розничной торговли. После окончания русско-китайской войны в Харбине и по линии КВЖД стали открываться китайские магазины, которые заменили закрывшиеся из-за банкротства русские торговые предприятия. Среди них можно назвать находившиеся на Пристань на Мостовой улице оптово-розничный магазин Зын-Сун-Чан, торговый том Тун-Чан-Лун, фабрику белья Ван-Дя-Мин, оптовый магазин на Широкой улице Суй Зюй Дун и многие другие. Интересен ассортимент товаров таких магазинов, имевших европейский характер: галантерея, клеенка, мануфактура, плюшевые одеяла, поплин, жоржет и т.д. В рекламе владельцы магазинов обычно употребляли выражение «Просим убедиться!».

В заключение статьи можно сделать следующие выводы, что, несмотря на трудности, связанные с освоением нового края, и местными традициями ведения торговли, начиная с 1900 г. русские коммерсанты успешно основали и вели торговую деятельность в

Маньчжурии, организованную согласно нормам и принятым в Российской империи правилам с учетом местных особенностей. Начиная с 1910 г. большая часть товаров экспорта/импорта доставлялась КВЖД, а далее Транссибом, что привело к тому, что по ряду импортируемых товаров Россия занимала в Китае первое место. Этому способствовали и проведенные русскими торговцами рекламные кампании. Торговая деятельность российских подданных в Маньчжурии приносила значительные суммы дохода в бюджет России, и благодаря успешному сбыту товаров увеличивалось число их производства. К 1909–1901 гг. становление русской торговли в Маньчжурии было завершено и она заняла ведущее место в общем товарообороте отрасли: русские продукты стали популярными у русских, а китайские продукты часто были на столе в русских домах. Такое взаимопроникновение культурных традиций в области национальной кухни имело большое значение для укрепления дружбы и в целом российско-китайских отношений.

В современном Харбине память о русских коммерсантах остается главной достопримечательностью города. Многие вывески бывшего района Пристань копируют прежние названия магазинов, ресторанов, кафе на русском языке. Одна из самых популярных харбинских торговых сетей называется «Чурин», по-китайски – «Циулин», в память об известной на весь Дальний Восток русской торговой сети. В городе производится русская

Рис. 11. «Чуриновый хлеб» в современном Харбине»

копченая колбаса («охотничья»), харбинское пиво, знаменитый русский хлеб-каравай, за которым вдоль Китайской улицы в центре города выстраиваются огромные очереди.

Оставившая свой яркий след в современной жизни Харбина русская коммерческая деятельность имела большое значение в жизни Маньчжурии и внесла свой весомый вклад в развитие ее торгово-экономического потенциала в начале XX в., способствуя взаимным процессам аккультурации как русского, так и местного населения.

Литература

Бонч-Осмоловский А.Ф. Торговые обычаи и бытовые черты торговли в Китае (Компильтивный очерк по английским источникам). Владивосток, 1923. 85 с.

Дацьшен В.Г. Чайная торговля в истории русско-китайских отношений (1861–1917 гг.) // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 37–48.

Дацьшен В.Г. История русско-китайских отношений (1618–1917 гг.): учеб. пособие. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ, 2004. 230 с.

Еропкина О.И. Русские и китайские школы на КВЖД, 1920-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3. С. 132–138.

Мамаева Т.Г. Деятельность торгового дома «И.Я. Чурин и К^о» в Маньчжурии (конец XIX – первая половина XX вв.) // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 4 (49). С. 93–98.

Мамаева Т.Г. Российское торгово-промышленное предпринимательство в Маньчжурии (конец XIX в. – 1945 г.) Хабаровск: Изд-во ДВГМУ, 2021. 128 с.

Панин И.А. Китайский купец. Харбин: Изд-во КВЖД, 1926. 107 с.

Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе. 1928. 634 с.

Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVIII – начале XX вв.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. № 2. С. 3–15.

Русско-китайские отношения. 1689–1916: офиц. документы / сост.: П.Е. Скачков, В.С. Мясников. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 139 с.

Сладковский М.И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М.: Внешторгиздат, 1953. 304 с.

Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем. М.: Наука, 1974. 439 с.

Шаронова В.Г. Русские Торговые дома в Харбине в начале XX века // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современные перспективы: тез. докл. XXIV междунар. конф. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 143–144.

Штейнфельд Н.П. Русское дело в Маньчжурии: с XVII в. до наших дней. Харбин: Тип. газ. «Юань-дун-бао», 1910. 208 с.

Штейнфельд Н.П. Русские торговые интересы в Китае. Харбин: Тип. «Труд», 1913. 94 с.

References

Bonch-Osmolovsky, A.F. (1923). *Torgovye obychai i bytovye cherty trgovli v Kitae. (Kompilyativnyu ocherk po angliyskim istochnikam)* [Trade Customs and Everyday Features of Trade in China (A Compilation Essay on English Sources)]. Vladivostok. 85 p.

Datsyshen, V.G. (2018). *Chaynaya trgovlya v istorii russko-kitayskikh otnosheniy (1861–1917 gg)* [Tea Trade in the History of Russian-Chinese Relations (1861–1917)]. In *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. No. 6, pp. 37–48.

Datsyshen, V.G. (2004). *Istoriya russko-kitayskikh otnosheniy (1618–1917 gg.): uchebnoe posobie* [History of Russian-Chinese Relations (1618–1917): Study Guide]. Krasnoyarsk, RIO GOU VPO KSPU. 230 p.

Eropkina, O.I. (2001). Russkie i kitayskie shkoly na KVZD 1920-e gody [Russian and Chinese schools on the KVZD. The 1920s]. In *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 3, pp. 132–138.

Mamaeva, T.G. (2009). Deyatel'nost' trgovogo doma "I.Ya. Churin i Ko" v Man'chzhurii (konets XIX – pervaya polovina XX vv.) [The Activities of the Trading House "I.Ya. Churin and Co." in Manchuria (Late 19th – First Half of the 20th Centuries)]. In *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. No. 4 (49), pp. 93–99.

Mamaeva, T.G. (2021). *Rossiyskoe trgovno-promyshlennoe predprinimatel'stvo v Man'chzhurii (konets XIX v. – 1945 g.)* [Russian Commercial and Industrial Enterprise in Manchuria (Late 19th Century – 1945)]. Khabarovsk, Izdatel'stvo DVSMU. 128 p.

Panin, I.A. (1926). *Kitayskiy kupets* [Chinese Merchant]. Harbin, Publishing House of the KVZD. 107 p.

Romanov, B.A. (1928). *Rossiya v Manchzhurii (1892–1906): ocherki po istorii vneshney politiki samodержaviya v epokhu imperializma* [Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on the History of the Autocracy's Foreign Policy in the Era of Imperialism]. Leningrad, Leningradskiy vostochnyy institut imeni A.S. Yenukidze. 634 p.

Samoylov, N.A. (2010). Rossiya i Kitay v XVIII – nachale XX vv.: tendentsii vzaimod-eystviya i vzaimovliyaniya [Russia and China in the 18th – Early 20th Centuries: Trends of Interaction and Mutual Influence]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. No. 2, pp. 3–14

Sladkovskiy, M.I. (1953). *Ocherki razvitiya vneshneekonomicheskikh otnosheniy Kitaya* [Essays on the Development of China's Foreign Economic Relations]. Moscow, Vneshtorgizdat. 304 p.

Sladkovskiy, M.I. (1974). *Istoriya trgovno-ekonomicheskikh otnosheniy narodov Rossii s Kitaem* [History of Trade and Economic Relations of the Peoples of Russia with China]. Moscow. 439 p.

Sharonova, V.G. (2021). *Russkie Torgovye doma v Kharbine v nachale XX veka* [Russian Trading Houses in Harbin at the Beginning of the 20th Century]. In *Tezisy dokladov XXIV mezh-dunarodnoy konferentsii "Kitay, kitayskaya tsivilizatsiya i mir. Istoriya, sovremennye perspektivy"*. Moscow, IDV RAN, pp. 143–144.

Steynfeld, N.P. (1910). *Russkoe delo v Man'chzhurii: s XVII v. do nashikh dney* [The Russian Case in Manchuria: From the 17th Century to the Present Day]. Harbin, tipografiya "Yuan-dong-bao". 208 p.

Steynfeld, N.P. (1913). *Russkie torgovye interesy v Kitae* [Russian Trade Interests in China]. Harbin, Tipografiya "Trud". 94 p.

Г.Н. Бережная*

**ГРЕКИ ВЛАДИВОСТОКА И ХАРБИНА
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА). СЕМЬЯ АНТИПАСОВ**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-2
УДК 929.52(=14)(571.63/510.1)*Выходные данные для цитирования:**Бережная Г.Н. Греки Владивостока и Харбина (конец XIX – начало XX века).**Семья Антипасов // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 30–39.**URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-02.pdf>*

G.N. Berezhnaya*

**THE GREEKS OF VLADIVOSTOK AND HARBIN
(LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY). THE ANTIPAS FAMILY**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-2

*How to cite:**Berezhnaya G.N. The Greeks of Vladivostok and Harbin (Late 19th – Early 20th**Century). The Antipas Family // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 30–39.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-02.pdf>]*

Abstract. In the Far East of the Russian Empire at the end of the 19th and beginning of the 20th century, migrants made up a significant part of all those living in the region. These were residents of neighboring Asian countries and migrants from Europe and America. This article attempts to make an overview of one of the European diasporas of migrants – the Greek one. Among European migrants, the Greek diaspora was culturally closer to the Russian settlers of the Far East, and the community of faith – Orthodoxy – was of great importance. Research work on European migrants was carried out. There is also a publication about the Antipas Greek family in the Far East. However, in general, the issue of the presence of a diaspora of Greek migrants in the Far East has been little studied by researchers, and this article to some extent fills this gap. The article is an overview of the Greek diaspora in two major cities of the Far East – Vladivostok and Harbin – in the first decades of the 20th century. In Harbin, the most famous Greek family was the Antipas family. The head of the family was Gerasim Dmitrievich Antipas. He remained in the memory of the people of Harbin as a conscientious church figure and a generous philanthropist. The Antipas family has been involved in charity work in Harbin for several decades. The article reports new facts about this family, which have not been published anywhere before, testifying to the extended family ties of the Antipases among the Greek diaspora. Representatives of this family led the Greek Society in Harbin until 1943, which indicates the high authority of the Antipas.

Keywords: Kefalonia, Far East, Greeks, bakers, vodka business, Antipas, Kavvadias, Lazaridi.

The article has been received by the editor on 05.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На Дальнем Востоке Российской империи конца XIX – начала XX в. мигранты составляли значительную часть всех проживающих региона. Это были жители азиатских стран-соседей и жители Европы и Америки. В предлагаемой вниманию статье предпринята попытка сделать обзор одной из европейских диаспор мигрантов – греческой. Среди мигрантов-европейцев греческая диаспора была для российских посе-

* **Галина Николаевна Бережная**, Дальневосточный историко-культурный центр «Русское зарубежье», Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» – Общество изучения Амурского края, Владивосток, Россия, e-mail: bergalgal@yandex.ru

Galina Nikolaevna Berezhnaya, Far Eastern Historical and Cultural Center “Russian Abroad”, Primorsky Regional Branch of the All-Russian Public Organization “Russian Geographical Society” – Society for the Study of the Amur Territory, Vladivostok, Russia, e-mail: bergalgal@yandex.ru

ленцев Дальнего Востока более близкой в культурном отношении, большое значение имела общность вероисповедания – православие. Исследовательские работы по мигрантам-европейцам есть, есть публикация о семье греков Антипасов на Дальнем Востоке. Однако в целом вопрос присутствия диаспоры греков-мигрантов на Дальнем Востоке исследователями мало изучен, и данная статья в некоторой степени восполняет этот пробел. Статья представляет собой обзор греческой диаспоры в двух крупных городах Дальнего Востока – Владивостоке и Харбине – в первые десятилетия XX в. В Харбине самой известной греческой семьей являлась семья Антипасов. Глава семьи – Герасим Дмитриевич Антипас – остался в памяти харбинцев как добросовестный церковный деятель и щедрый благотворитель. Семья Антипасов поддерживала благотворительную работу в Харбине на протяжении нескольких десятилетий. В статье сообщаются новые факты об этой семье, ранее нигде не публиковавшиеся, которые свидетельствуют о расширенных родственных связях Антипасов среди греческой диаспоры. Представители этой семьи возглавляли греческое Общество в Харбине вплоть до 1943 г., что свидетельствует о высоком авторитете семьи Антипасов в Харбине.

Ключевые слова: Кефалония, Дальний Восток, Харбин, греки, пекари, водочный бизнес, Антипас, Каввадис, Лазариди.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023 г.

В текущем историческом моменте, когда Россия декларирует «разворот на Восток», будет весьма необходимо вспомнить о том, как было в самом начале русского присутствия на Дальнем Востоке. Территории, включающие в себя Приморье и Амурскую область, вошли в состав Российской империи в XIX в. На рубеже XIX–XX вв. российское присутствие распространилось на «полосу отчуждения» Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в Маньчжурии, на Ляодунский полуостров. На этих территориях действовали российские законы и была российская администрация. Одной из задач российской власти было обеспечить заселение территорий переселенцами из других областей России и мигрантами. Для решения этой задачи вводился режим порто-франко для Владивостока и на дальневосточных территориях создавались условия для социальной адаптации мигрантов-европейцев.

Привлечению на Дальний Восток иностранных предпринимателей, в том числе европейских, способствовал целый комплекс мер. Россия была заинтересована в мигрантах-европейцах больше, чем в мигрантах-азиатах, присутствие которых на территории в больших количествах вызывало тревожность у населения. На мигрантов-европейцев у властей были надежды, что они свяжут регион с мировым рынком, наладят экспорт местного сырья.

Вопросы, связанные с анализом и раскрытием темы присутствия мигрантов на дальневосточной территории, хорошо освещены в научной и краеведческой литературе. Тема мигрантов-китайцев достаточно полно раскрыта в монографии Е.Н. Нестеровой «Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России». Есть несколько фундаментальных работ историка З.Ф. Моргун о корейских и японских мигрантах. Самой известной ее работой по данной тематике является «Японская мозаика Владивостока». В этом ряду стоит монография Т.З. Позняк «Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века)». О мигрантах-греках на Дальнем Востоке исследователи говорили исключительно как о российских предпринимателях с греческим происхождением. Именно так авторы называли Г.Д. Антипаса во многих работах и даже заблуждались в том, что один и тот же Антипас вел бизнес во Владивостоке и Харбине.

Достоверные сведения о национальном составе мигрантов в самых динамично развивающихся городах Дальнего Востока мы можем почерпнуть из материалов однодневной переписи населения Владивостока, проведенной 13 апреля 1883 г. (далее – перепись

1883 г.), и Первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 г. (далее – перепись 1897 г.). Перепись 1883 г. представлена в архиве РГИА ДВ полноценно, имеются первичные переписные листы. Среди 87 проживавших тогда в городе иностранцев-европейцев нет ни одного греческого подданного. Отметим, что в переписные листы записывали данные о подданстве, не национальность¹. По результатам переписи 1897 г. во Владивостоке среди 136 мигрантов-европейцев было всего 5 греков². Отметим, что при переписи 1897 г. переписчики не задавали вопроса о национальности, а вопрос звучал так: «Какой язык у вас родной». Понятно, что такая методика переписи точнее фиксирует национальность опрашиваемых лиц, чем наличие просто какого-либо подданства. Есть данные о количестве греческих подданных в Приморской области в 1911 г., получивших билеты на жительство. Их 69 человек³. Рост численности греков связан с ростом общей численности населения Приморской области, обеспеченной в том числе и регулярными рейсами судов Доброфлота из Одессы во Владивосток. Морем грекам было перемещаться естественно и привычно.

В Харбине однодневная перепись была проведена 24 февраля 1913 г. Из результатов этой переписи следует, что в Харбине проживало 75 греков (русских – 34 228, евреев – 5 011, поляков – 2 498, далее – в порядке убывания)⁴. То есть греки составляли среди европейских мигрантов Харбина совсем небольшую часть.

Как правило, предпринимательская деятельность мигрантов-греков не требовала наличия у них значительного первоначального капитала или серьезного технического образования. В основном греки проживали в городах, занимались мелкой торговлей, хлебопекарнями, кондитерскими, банями. Наряду с различными видами зерновых операций сферой интересов греков являлись вино и табак.

Кто были первые греки Владивостока? **Даниил Александрович Амарандос** (1839–1900), выходец с острова Тендос, греческий дворянин⁵, построил во Владивостоке европейские бани. Овдовев в 1895 г., он решил сменить турецкое подданство на российское. Подданство получил посмертно, в 1900 г.⁶ Похоронен во Владивостоке на Покровском кладбище⁷. Могила не сохранилась, поскольку кладбище снесли в 1930-х гг., сейчас на этом месте парк вокруг восстановленного Покровского храма.

Георг Стоматович Вафиади, выходец из г. Смирны, приехал во Владивосток в 1891 г. Сначала участвовал в оптовых торговых операциях, потом стал владельцем пекарни; через 10 лет после приезда имел право обратиться с прошением о российском подданстве и этим правом воспользовался⁸. «Приписался» в купцы 2-й гильдии. Далее организовал Товарищество «Вафиади и К-о», его пекарня на Алеутской 64 стала паровой механической, дело расширялось. К 1911 г. появились булочные на Светланской 169, Пекинской 6, на Семеновском базаре⁹. В 1924 г. Вафиади еще проживал во Владивостоке, но дальше его следы теряются.

Константин Ильич Константиноиди занимался поставками во Владивосток табака¹⁰, владел булочной на углу Бородинской и Корейской улиц, был совладельцем пекарни Вафиади на улице Алеутской. В годы интервенции во Владивостоке совместно

¹ Позняк Т.Э. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в). Владивосток, 2004. С. 231.

² Там же. С. 232.

³ Там же. С. 233

⁴ Харбин в цифрах [Электронный ресурс] // Русский Харбин Форум ВГД. URL: <https://forum.vgd.ru/post/614/31743/p2999810.htm#pp2999810> (дата обращения: 29.03.2023).

⁵ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1292. С. 27.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1292. С. 30.

⁷ Мизь Н.Г. Покровский мемориальный парк Владивостока: исторический очерк. Владивосток, 2018. С. 207.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 321. С. 42.

⁹ Памятная книжка Приморской области на 1911 год. Владивосток, 1911. С. 174.

¹⁰ Путеводитель по Владивостоку и промыслы Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1909. С. 22.

с Христианским союзом молодых людей (ХСМЛ) организовал в своей булочной благотворительную столовую¹¹ (рис. 1).

Рис. 1. Магазин Константиныди.
Владивосток в фотографиях Мэрилла Хаскела. Фото № 67

Александр Дмитриевич Аргиропуло приехал во Владивосток из Одессы. В справочнике Владивостока за 1899 г. Аргиропуло записан как одесский мещанин и бухгалтер только что открытого Городского общественного банка. Он также является начальником 1-го отряда пожарной дружины¹². В следующем году Александр Дмитриевич записан как владивостокский купец 2-й гильдии и по-прежнему является бухгалтером Городского общественного банка¹³. На следующий год Аргиропуло уходит со службы в банке и ведет торговую деятельность. В своей рекламе, напечатанной в справочнике Владивостока 1902 г., он предлагает натуральные виноградные вина Крыма и Кавказа, при этом сообщая, что является представителем Светлейшего Князя К.А. Горчакова. Далее сведений об Аргиропуло в справочниках Владивостока нет.

Недолгий период и единственный раз в истории Владивостока – с 1909 по 1911 г. – в городе было Греческое вице-консульство. Возглавлял его **Ламбро Георгиевич Амбанопуло**. Амбанопуло появился во Владивостоке в 1905 г. и занял пост служащего Русско-китайского банка. До приезда во Владивосток имел опыт дипломатической работы, был греческим вице-консулом в Бердянске (1898–1903). Семья Амбанопуло, из которой происходил Ламбро Георгиевич, была известной греческой семьей купцов и судовладельцев с острова Миконос, которая осела в Бердянске и занималась зерновыми перевозками¹⁴. После 1912 г. Ламбро Амбанопуло из Владивостока уехал. Косвенным подтверждением этого вывода может служить то, что с этого года в справочниках Владивостока информации о нем нет.

Греческая колония во Владивостоке всегда ощущала связь со своей Родиной. Конечно, весть об убийстве Георга I, первого греческого короля, 18 марта 1913 г. была очень печальной для греков. По инициативе греческой колонии в церкви Восточного института по окончании богослужения была отслужена панихида по королю Эллинов Георгу I¹⁵.

¹¹ Анча Д.А., Калинин В.И., Позняк Т.З. Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскела. 11 августа 1919 – 23 февраля 1920. Хабаровск, 2009. С. 320.

¹² Адрес-календарь крепости Владивосток Приморской области на 1900. Владивосток, 1900. С. 105.

¹³ Памятная книжка Приморской области на 1901 год. Владивосток, 1901. С. 175.

¹⁴ Лиман И., Константинова В. Грецька громада та консули Греції у Бердянську XIX – початку XX століття. Мелітополь, 2020. С. 195.

¹⁵ Медведева Т. Откликнитесь, дети Эллады // Владивосток. 1999. № 110. С. 21.

8 июня 1892 г. был принят закон, запрещающий иностранцам приобретать землю в собственность в Приморской и Амурской областях. Эта мера стала необходима, потому что российские власти к этому моменту осознали, что почти вся земля города Владивостока скуплена иностранцами. Иностранцы, что прибыли позже даты – 1892 г., должны были принимать российское подданство, чтобы приобрести во Владивостоке недвижимость для проживания и бизнеса. Греки делали это весьма неохотно из-за непростой истории самой Греции. Взаимовыручка внутри греческой диаспоры помогала грекам обустроиться на чужой земле. Например, Вафиади начинал свой бизнес в доме другого грека – купца **Фокиона Гавриловича Куссис** на Пологой 25.

Александр Николаевич Лазариди, зять Ф.Г. Куссис (жена – Нина Фотионовна, в девичестве Куссис), на Дальнем Востоке вел бизнес с размахом, его рекламу о поставках крымских, кавказских и молдавских вин печатали и во Владивостоке¹⁶, и в Харбине. Его собственный водочный завод в Харбине выпускал водку «Нега». А.Н. Лазариди составлял серьезную конкуренцию другим владельцам водочных заводов, в том числе Г.Д. Антипасу (рис. 2). Имел торговое представительство в Шанхае. Впечатляет перечень полученного им образования: гимназия, университет в Одессе, университет во Франции¹⁷. Во Владивостоке в 1921 г. был членом политической партии «Народная свобода», являлся ее казначеем. Эмигрировал в Харбин, а в 1930-х гг. прочно обосновался в Шанхае.

Рис. 2. Журнал «Рубеж». Харбин. 1931. № 28 (181).

Демократ (Демокритиос) Георгиевич Ламбадис родился в 1879 г. в Греции, на острове Нисирос (Додеканез), там же получил образование и переехал в Одессу. Из Одессы он перебрался в Харбин, став одним из первых поселенцев города, владел пекарней и жил на улице Пекарной, что даже послужило основанием горожанам утверждать, что свое название улица получила в связи с пекарней Ламбадиса¹⁸.

В городе Никольск-Уссурийске греки братья **Каввадиас** владели двумя винно-бакалейными и парфюмерными магазинами¹⁹. Головная контора братьев располагалась в Харбине, на Коммерческой улице, а отделения были в Шанхайгуане, Одессе²⁰. Один из братьев – Харлампий Николаевич – был в Никольск-Уссурийске членом Коммерческого Собрания – это, несомненно, свидетельствует о его финансовой состоятельности²¹.

В 1917 г. греческая община во Владивостоке выступила с инициативой «учредить стипендию в одном из высших учебных заведений Владивостока под названием “Стипендия свободы имени Владивостокской греческой колонии”... Нужно собрать 10 тысяч рублей. Подписка, начавшаяся тут же, на собрании греческой колонии, сразу дала около двух третей намеченной суммы»²². В этот период оживления общественной жизни Владивостока в греческой общине появилось много новых имен. И даже свой национальный ресторан

¹⁶ Памятная книжка Приморской области на 1911 г. ... С. 136.

¹⁷ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р830. Оп. 3. Д. 261. С. 5.

¹⁸ ГАХК Ф.Р830. Оп. 3. Д. 262. С. 9.

¹⁹ Поэт Никос Каввадиас имеет уссурийские корни / публ. Е.М. Демешко [Электронный ресурс]. URL: <https://ussurmedia.ru/news/561582/> (дата обращения: 29.03.2023).

²⁰ Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю: в 9 вып.: в 10 т. / И.С. Кларк. – репр. изд. 1906 г. С. 492.

²¹ Памятная книжка Приморской области на 1912 год. Владивосток, 1912. С. 90.

²² Медведева Т. Откликнитесь, дети Эллады... С. 21.

«Кефалония» по адресу: Светланская, 6²³. Далее греческая община образовала Греческое Общество. Оно существовало до 1924 г. С установлением новой власти в Приморье – советской, многие иностранные предприниматели, в том числе и греки, покинули Владивосток.

Часто бизнес греков был семейным, что придавало бизнесу большую устойчивость. Характерным примером может служить история семьи Антипасов. На территории Дальнего Востока в начале XX в. была известна торговая деятельность родных братьев Герасима и Георгия Антипас (рис. 3, 4).

Рис. 3. Георгий Дмитриевич Антипас. Личный архив А.А. Хисамутдинова, Владивосток

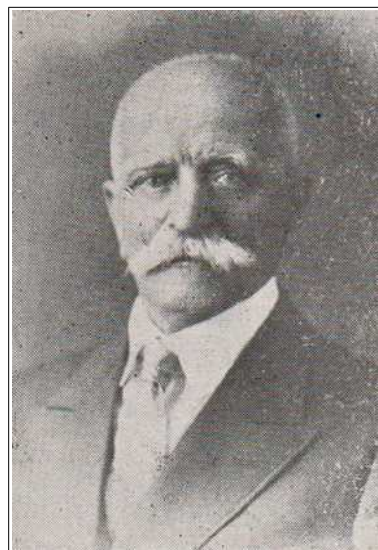

Рис. 4. Герасим Дмитриевич Антипас. Личный архив А.А. Хисамутдинова, Владивосток

Братья прибыли в Маньчжурию на рубеже XIX и XX вв. и организовали в городах Маньчжурии Ляолян, Мукден, Телинь и Харбин свои бакалейные лавки²⁴ (рис. 5). Финансовую поддержку в этом деле оказал их родной брат Панаги. Панаги Дмитриевич Антипас на Кубани занимался торговлей зерновым хлебом. Был состоятельным человеком. Его имя есть в справочнике «Вся Россия» за 1902 г.²⁵ Это достижение определенного успеха предпринимателя, так как существовал «имущественный ценз» для попадания имени коммерсанта на страницы справочника – оборот не менее 3 тыс. рублей в год. После 1906 г. братья Георгий и Герасим разделили бизнес: старший брат Георгий осел во Владивостоке, а младший брат Герасим – в Харбине. Георгий Дмитриевич Антипас во Владивостоке стал купцом 1-й гильдии, приобрел крупную недвижимость в центре города – гостиницу и театр, построил баню²⁶. В 1912 г. уехал в Москву. Вскоре началась Первая мировая война, и Георгий Дмитриевич оказался на Юге России. Умер в 1920 г. в Потти²⁷.

Герасим Дмитриевич Антипас в Харбине построил водочный завод, который приносил ему стабильный доход (рис. 6). Герасим Дмитриевич Антипас также много сил и своих денежных средств тратил на помощь обездоленным, был известным церковным деятелем и благотворителем Харбина. С 1906 г. входил в Правление ночлежного дома города, был бессменным заведующим хозяйственной частью ночлежного дома²⁸. Иверский храм Харбина

²³ Медведева Т. Откликнитесь, дети Эллады... С. 21.

²⁴ Документы семьи Метакас (1882–1985) [Электронный ресурс] // State library. URL: <http://archival.sl.nsw.gov.au/Details/archive/110315234> (дата обращения: 19.02.2021).

²⁵ Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации, торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. СПб., 1895–1902. Стб. 2591.

²⁶ Бережная Г.Н. Семья Антипасов в истории Дальнего Востока // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: мат-лы II междунар. науч.-практ. конф., посвящ. русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 18–20 сентября 2020 г.). Харбин, 2022. С. 140–149.

²⁷ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 717. Оп. 1. Д. 137. С. 17 об.

²⁸ Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю: в 9 вып.: в 10 т. / И.С.Кларк. – репр. изд.

благодаря финансовой поддержке ктитора и старосты церкви Герасима Дмитриевича Антипаса превратился в важнейший центр благотворительной и образовательно-культурной деятельности в городе. На юбилее освящения храма, когда были торжества по случаю двадцатипятилетия, многие выступавшие произносили слова благодарности в адрес Герасима Дмитриевича Антипаса. В брошюре, кото-рая была выпущена в связи с этим значимым событием, помещена фотография Герасима Дмитриевича рядом с аналойной иконой Иверской Божией Матери (дар митрополита московского Владимира) (рис. 7)²⁹.

Вероятно, у Герасима Дмитриевича были личные мотивы оказывать помощь именно Иверскому храму. Свою предпринимательскую деятельность в Маньчжурии он начал в Порт-Артуре. Это известно по косвенным данным, потому что в 1902 г. Герасим Дмитриевич просрочил платеж по двум векселям и дело разбиралось в Порт-Артурском окружном суде³⁰. В австралийском архиве семьи Антипасов-Метакас, который сохранила его дочь Мария Герасимовна Антипас-Метакас, есть фотография Герасима Дмитриевича с нагрудным знаком «За оборону Порт-Артура». Наверное, Герасим Дмитриевич чувствовал себя причастным к этим трагическим дням русской истории. (По поводу нагрудного знака был циркуляр Главного Штаба № 57 от 26 февраля 1914 г., который разъяснял, что «нагрудный знак для защитников крепости Порт-Артур является лишь указанием на участие того или другого лица в обороне крепости и не имеет характера наградного знака, и ношение его для лиц, имеющих на то право, не обязательно. Знак приобретается на личные средства носителя».) Умер Герасим Дмитриевич в 1932 г. и был похоронен в ограде Иверской церкви. Иверская церковь в районе Пристань была не просто местом богослужений, но и военной церковью. На мраморных досках, закрепленных на стенах храма, были высечены имена погибших в русско-японскую войну. В этом было ее главное отличие от других церквей Харбина.

На похоронах Герасима Дмитриевича его оплакивали многие харбинцы. В виде исключения полицейское управление г. Харбина разрешило нести прах по главной улице. Тысячная толпа вышла на Китайскую улицу и остановила все движение, запрудив не меньше двух кварталов³¹. В некрологе епископ Нестор, известный церковный деятель на Дальнем Востоке, написал следующие прочувствованные строки: «В наше время так мало добрых людей. А Герасим Дмитриевич был именно глубоко, сердечно добр».

Рис. 5. Открытка издательства Донат. Бакалейная лавка Антипаса. Личный архив Г.Н. Бережной

Рис. 6. Фото водочного завода. «План Харбина 1914 года». Личный архив З.Ф. Моргун, Владивосток

1909 г. С. 195.

²⁹ Двадцатипятилетие Свято-Богородицкой Иверской Церкви в г. Харбине (исторический очерк) 27/V 1907 – 27/V. 1932. С. 7.

³⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1354. Оп. 1. Д. 3414. С. 1–6.

³¹ Заря (Харбин). 1932. № 127. 9 мая.

Родина братьев Антипасов – остров Кефалония, который является самым крупным из Ионических островов Греции. Братья родились в деревне Антипата, расположенной в северной части острова, в нескольких километрах от порта Фискардо. Отец – Димитриос Антипас, сын Андреаса, занимался, как указывается в метриках о рождении его сыновей, оказанием мелких услуг. Мать, законная супруга Димитриоса, – Параскева Зулиата, дочь Вендониса, родом из деревни Василикаде. Георгий родился в 1855 г., Панаги – в 1858 г., Герасим – в 1865 г.³² Свой бизнес братья начинали в Ростове, у Георгия была пекарня в городе на Таганрогской улице³³. Кстати, Каввадиасы из Никольск-Уссурийска родом были тоже с Кефалонии, из портового города Фискардо. То есть соседство между семьями Антипасов и Каввадиас было близкое.

В Харбине с 1911 г. проживал **Георгий Панагиотович Туллиатос**. Коннозаводчик. В 1920-е гг. возглавлял Греческое общество в Харбине и даже предоставлял свой дом для работы Общества, участвовал в благотворительных мероприятиях Харбина. В 1935 г. был председателем строительной комиссии при постройке собственного здания бесплатной больницы им. доктора В.А. Назем-Бека³⁴. На станции Маньчжурия у Туллиатоса был бакалейный магазин. Он был «любезным племянником» Герасима Дмитриевича. Именно так называет Георгия Туллиатоса в письме Герасим Дмитриевич³⁵. Племянник жил в Харбине на соседней с Антипасами улице – на улице Пекарной. Женился на соседке-гречанке, дочери Демокрита Ламбадиса³⁶. Так что родственные связи в греческой диаспоре не редкость, а скорее правило. После Г.П. Туллиатоса Греческое общество вплоть до 1943 г. возглавлял Спиридон Лукич Метакас, зять Герасима Дмитриевича.

В продолжение темы семейственности в бизнесе Антипасов можно отметить следующее: с Х.Н. Каввадиасом из Никольск-Уссурийска у Георгия Дмитриевича Антипаса были не только общие коммерческие дела (поставки продуктов в российскую армию). Антипас и Каввадиас считались родственниками вследствие обретения «духовного родства через крестины», так как Георгий Дмитриевич Антипас был крестным (восприемником – по старой терминологии) старшей дочери Харлампия Николаевича Каввадиаса – Евгении. Согласно записи метрической книги церкви 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Николаевского собора, Евгения Каввадиас появилась на свет 28 ноября 1908 г. в г. Никольск-Уссурийский Приморской области. Родители: грекоподданный Харламбий Николаевич Каввадиас и законная жена Дорофея Григорьева, оба православные. Крещена 1 февраля 1909 г. Восприемники: владивостокский купец Георгий Дмитриевич Антипас и жена подполковника Матрона Васильева Раздеришина. Крещение совершено священником Федором Булгаковым³⁷.

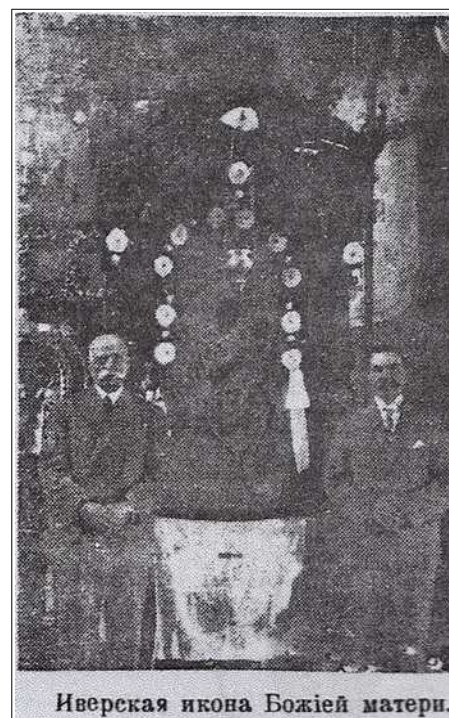

Рис. 7. Г.Д. Антипас (стоит справа) в Иверской церкви

³² Греческая Республика. Министерство образования и религий. Архивы острова Кефалонии. Метрические книги. Н. Кондомихалис. Ведущий актов гражданского состояния. Запись 940 и запись 309.

³³ Весь Ростов. Адрес-календарь. Торгово-промышленная справочная книга на 1897 год. Ростов н/Д., 1898. С. 218.

³⁴ Хисамутдинов А.А. Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток, 2013. С. 202.

³⁵ Документы семьи Метакас (1882–1985) [Электронный ресурс] // State library. URL: <http://archival.sl.nsw.gov.au/Details/archive/110315234> (дата обращения: 19.02.2021).

³⁶ ГАХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 262. С. 9.

³⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 19. Оп. 128. Д. 1103. Л. 253 об., 254.

Брат Евгении – Никос Каввадиас, который родится через год, станет впоследствии в Греции очень известным греческим поэтом. В Аргостолионе, административном центре острова Кефалонии, на берегу моря установлен бюст поэта и на постаменте присутствуют строки его стихотворения. Никос Каввадиас стал очень популярен в конце 1990-х гг., после того как известный греческий композитор Танос Микруцикос написал цикл песен «Южный крест» на его стихи. Поклонники таланта поэта считают, что популярность Никоса Каввадиаса сродни популярности Владимира Высоцкого в России.

Во Владивостоке у Антипасов был двоюродный брат – Демосфен Спиридонович Антипас, он владел оптовым складом, вел торговую деятельность во Владивостоке (рис. 8). В 1933 г. он с семьей эмигрировал в Шанхай, где последние годы жизни работал секретарем генконсула Греции³⁸.

В Благовещенске в первой половине XX в. проживал грек из Кефалонии Николай Георгиевич Тулиатос (1880–1938), владелец булочной и кондитерской на углу Зейской и Благовещенской улиц (1913–1923), являлся также компаньоном т-ва «Братья Тулиатос и Лю-Чунь-Гунь» (хлебопекарня на ул. Зейской, 147 (1923))³⁹. Правнучка Николая Георгиевича Татьяна Тулиатос проявляет интерес ко всему греческому. Ее интерес к греческому

костюму как неотъемлемой части греческой культуры позволил ей выиграть в 2017 г. конкурс по созданию греческого костюма. Конкурс был организован Греческим Культурным Центром в Москве. Татьяна получила в награду поездку в Грецию, на родину своего прадеда – остров Кефалония. В интервью, которое опубликовали на сайте Московского общества греков, она поделилась знаниями особенностей некоторых греческих костюмов. Например, о том, что в фустанеллу – мужской греческий костюм – по традиции входил такой элемент, как юбка с четырехстами складками, символизирующими 400 лет османского ига.

Как видим, присутствие семейного клана Антипасов на Дальнем Востоке было многочисленным и обширным территориально. Обзор греческих диаспор дает возможность подтвердить вывод, что первые греки-мигранты на Дальнем Востоке были приказчиками и торговцами. Позднее свой бизнес коммерсанты преобразовывали в производство.

Люди разных конфессий и национальностей обживали Дальний Восток. До сих пор сохранились в городах здания, построенные греками более ста лет назад. В Харбине построенный Герасимом Антипасом дом используется как гостиница; там же, в Харбине, Иверская церковь вместе с правым Серафимовским приделом, построенном целиком на средства и трудами Герасима Антипаса, сейчас существует как музей; во Владивостоке здания построенных Амарандосом и Антипасом бань используются как жилые и офисные помещения; уцелела булочная Константиныди. Мы всегда будем помнить и ценить вклад греков в развитие дальневосточных территорий.

Литература

Бережная Г.Н. Семья Антипасов в истории Дальнего Востока // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: мат-лы II междунар. науч.-практ. конф., посвящ. русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 18–20 сентября 2020 г.) / отв. ред. Ли Яньлин. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2022. 326 с.

³⁸ Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М., 2013. С. 62.

³⁹ Благовещенцы 1858–1920 гг. Именной и биографический справочник-указатель / Публикация Амурского краеведческого музея имени Г.С. Новикова-Даурского [Электронный ресурс]. URL: <https://museumamur.org/spravochnik-blagoveshenci/?letter=%D0%A2> (дата обращения: 02.04.2023).

Рис. 8. Реклама Д.С. Антипаса в Путеводителе Владивостока, 1920 г.

Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла. 11 августа 1919 – 23 февраля 1920 / авт.-сост. Д.А. Анча, В.И. Калинин, Т.З. Позняк. Хабаровск: Риотип, 2009. 323 с.

Мизь Н.Г. Покровский мемориальный парк Владивостока: исторический очерк. Владивосток: ЛИТ, 2018. 240 с.

Позняк Т.Э. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.

Хисамутдинов А.А. Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. 640 с.

Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М.: Старая Басманная, 2013. 520 с.

Лиман І., Константінова В. Грецька громада та консули Греції у Бердянську XIX – початку XX століття. Мелітополь: Видавничий будинок Мелітопольської міської друкарні, 2020. 494 с.

References

Ancha, D.A., Kalinin, V.I., Poznyak, T.Z. (Comp.). (2009). *Vladivostok v fotografiyakh Merrilla Khaskella. 11 avgusta 1919 – 23 fevralya 1920* [Vladivostok in Photographs by Merrill Haskell. August 11, 1919 – February 23, 1920]. Khabarovsk, Riotip. 323 p.

Berezhnaya, G.N. (2022). *Semya Antipasov v istorii Dalnego Vostoka* [The Antipas Family in the History of the Far East]. In *Liubimyi Harbin – gorod drujby Rossii i Kitaya. Materialy Vtoroy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy russkoy istorii goroda Kharbina, proshlomu i nastoyashchemu russkoy diaspory v Kitae. Harbin. 18–20 sentyabrya 2020 g.* Vladivostok, VGUES. 326 p.

Khisamutdinov, A.A. (2013). *Russkie volny na Patsifike: iz Rossii cherez Kitay, Koreyu i Yaponiyu v Novyy Svet* [Russian Waves on the Pacific: From Russia via China, Korea and Japan to the World]. Pekin, Vladivostok, Rubey. 640 p.

Liman, I., Konstantinova, V. (2020). *Grecka gromadata konsuli Greciiu Berdiansku XIX – pochatku XX stolittia* [The Greek Community and Consuls of Greece in Berdyansk of the 19th – early 20th Centuries]. Melitopol, Vidavnichii budinok, Melitopolskoi miskoi drukarni. 494 p.

Miz, N.G. (2018). *Pokrovskiy memorialnyy park Vladivostoka: istoricheskiy ocherk* [Pokrovsky Memorial Park in Vladivostok: A Historical Overview]. Vladivostok, LIT. 240 p.

Poznyak, T.E. (2004). *Inostrannye poddannye v gorodakh Dalnego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v)* [Foreign Citizens in the Cities of the Russian Far East (The Second Half of the 19th – 20th Centuries)]. Vladivostok, Dalnauka. 316 p.

Sharonova, V.G. (2013). *Nekropol russkogo Shankhaya* [Necropolis of Russian Shanghai]. Moscow, Staraya Basmannaya. 520 p.

И.В. Чапыгин*

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАЗАЧЕСТВА ТРЕХРЕЧЬЯ (КИТАЙ, 1920–1945 ГОДЫ)**Doi:10.31518/2618-9100-2023-3-3
УДК 332.055.2(=161.1)(510.1)*Выходные данные для цитирования:*
Чапыгин И.В. Экономические основы жизнедеятельности казачества Трехречья (Китай, 1920–1945 годы) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 40–50.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-03.pdf>

I.V. Chapygin*

**ECONOMIC FOUNDATIONS OF THE LIFE OF THE
COSSACKS OF THE THREE RIVERS (CHINA, 1920–1945)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-3

How to cite:
Chapygin I.V. Economic Foundations of the Life of the Cossacks of the Three Rivers (China, 1920–1945) // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 40–50.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-03.pdf>]

Abstract. The article examines the Cossack emigration in China on the example of the Three Rivers. In the Three Rivers, emigrant Cossacks mastered various types of activities. They provided various kinds of services (for example, transportation), cultivated fishing, hunting, cattle breeding, various crafts. Emigrants from Transbaikalia and other Cossacks not only cultivated the fertile lands of China, but also played a major role in the development of medium and small industries, including processing of natural and agricultural raw materials. In addition, the emigrant Cossacks respected military service, as well as service in public and private institutions. Due to the peculiarities of the social organization and economic infrastructure, the emigrant Cossacks were able to adapt to the harsh local conditions in a relatively short time and arrange the life of their families in an unfamiliar territory. The economic infrastructure of the Cossacks and China was developing quite actively at that time, despite some problems caused by the situation in the country. The economic infrastructure of the Cossacks in the Three Rivers is based on the achievements of agriculture, crafts, cattle breeding and agriculture. Russian Russians recognize that the 1920s were a period of mass settlement of the Three Rivers by Russian Cossacks, who, by their way of life, stood out from the general Russian emigrant mass of China. There is no doubt that successful adaptation became possible thanks to centuries-old strong Cossack traditions in military and village administration, as well as commerce and agriculture.

Keywords: emigration, Cossacks, Manchuria, economy, Cossack traditions, agriculture, agriculture.

The article has been received by the editor on 03.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается казачья эмиграция на территории Китая на примере Трехречья. Казаки-эмигранты Трехречья освоили разные виды деятельности. Они оказывали разного рода услуги (например, извоз), культивировали рыболовство, охоту, скотоводство, различные промыслы. Эмигранты из Забайкалья и других казачеств не только возделывали неосвоенные плодородные земли Китая, но также сыграли большую роль в развитии средней и мелкой промышленности, в том числе по переработке природного и сельскохозяйственного сырья. Помимо этого, казаки-эмигранты уважительно относились к военной службе, а также службе в государственных и частных учреждениях.

* **Игорь Викторович Чапыгин**, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: IGOR_VCH@mail.ru
Igor Viktorovich Chapygin, Candidate of Historical Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: IGOR_VCH@mail.ru

Благодаря особенностям общественной организации и экономической инфраструктуры казаки-эмигранты в относительно короткие сроки смогли адаптироваться к суровым местным условиям и обустроить жизнь своих семей на незнакомой территории. Экономическая инфраструктура казачества и Китая в тот период развивалась достаточно активно, несмотря на некоторые проблемы, вызванные ситуацией в стране. В основу экономической инфраструктуры казачества в Трехречье положены достижения сельского хозяйства, промыслов, скотоводства и земледелия. Ученые признают, что 1920-е гг. стали периодом массового заселения Северо-Восточного Китая русскими казаками, которые своим жизненным укладом выделялись из общей русской эмигрантской массы. Не вызывает сомнений, что успешная адаптация стала возможной благодаря многовековым прочным казачьим традициям в войсковом и станичном управлении, а также коммерции и сельском хозяйстве.

Ключевые слова: эмиграция, казаки, Маньчжурия, экономика, казачьи традиции, сельское хозяйство, земледелие.

Статья поступила в редакцию 03.03.2023 г.

В Маньчжурию (Северо-Восточный Китай) в 1920-е гг. переселялись представители различных слоев дореволюционного российского общества. Своим жизненным укладом они повлияли на экономику, традиции и жизненный уклад местного населения. Особенно сильным было влияние эмигрировавших казаков. Их роль в различных сферах жизни русской диаспоры в Маньчжурии оценивается современными учеными достаточно высоко.

Многие казаки из числа тех, кто поселились на территории Северо-Восточного Китая, ранее проживали в Забайкалье. Немало переселенцев прибыло из Амурской, Уральской, Терской, Кубанской, Донской, Оренбургской, Уссурийской, Иркутской и других областей, где ранее (до революции) процветали казачьи поселения¹. В Северо-Восточном Китае на казаков с семьями приходилось 17,5 % от общего числа прибывших. По состоянию на 1922–1923 гг. – около 20 тыс. чел.²

Актуальность теме придает процесс возрождения российского казачества с возвратом к активной общественной деятельности. В современном российском обществе не утихают дискуссии по поводу сущности казачества, ценностных ориентаций казаков, экономических, нравственных, социальных и духовных основ их жизни и деятельности.

Для определения места казачества в современном российском обществе, прогнозирования дальнейшего развития этой социальной группы, выработки оптимальной общественной и государственной политики по отношению к ней необходимо исследовать жизнедеятельность и функционирование казачества в сложных условиях эмиграции. Необходимо понять, какой вклад в экономику внесла диаспора, каким образом смогла сохранить в эмиграции традиции и культуру казачества.

Историография постреволюционной российской эмиграции (включая ее дальневосточную ветвь) состоит из ряда иностранных и отечественных научных исследований. Начиная с 1920-х гг. и по текущий момент в России и за рубежом публикуются научные труды, посвященные разным аспектам истории русских эмигрантов и русского зарубежья. Есть немало исследований, посвященных непосредственно теме эмиграции казаков и изучению дальневосточной ветви эмиграции.

В предыдущих работах автора этой статьи историография казачьей эмиграции на территории Китая освещалась достаточно детально³. Что касается вопроса жизнедеятель-

¹ Худобородов А.Л. Вдали от родины: российское казачество в эмиграции. Челябинск, 1997. С. 11.

² Там же. С. 63.

³ Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) // Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкальского казачьего войска, образования Забайкальской обл. и придания Чите статуса

ности казачества непосредственно в Трехречье (правобережья Аргуни и ее притоков с китайской стороны), то этот аспект темы менее изучен и, безусловно, еще ждет новых исследований. В этой связи можно отметить публикации. А.М. Кайгородова⁴, Ю.В. Аргудяевой⁵, И.В. Чапыгина⁶, О.И. Сергеева⁷, Е.В. Дроботушенко⁸, А.П. и А.А. Забияко⁹, В.А. Кормазова¹⁰, М. Шестакова¹¹, В.Л. Кляуса¹², Я.В. Зиненко¹³, П.В. Шахматова¹⁴, В.В. Перминова¹⁵, В.Г. Шаронова¹⁶, которые так и или иначе освещали жизнедеятельность русского населения и казачества Трехречья в рамках своих научных интересов и задач.

Самый сложный период в организации хозяйственной деятельности и бытового уклада казаков в эмиграции – начало 1920-х гг. На территории Китая с первыми эмиграционными буднями были созданы первые союзы и станицы, где проживали казаки. Также практически сразу создавались музыкальные и творческие коллективы, молодежные и литературные объединения, благотворительные союзы, различные курсы и кружки. Это позволило сохранить и развивать казачью культуру.

Экономическая инфраструктура (эмигрантская в целом и казачья в частности) в Китае и в Маньчжурии развивалась в условиях противостояния местной среды. Казаки с первых месяцев эмиграции поняли, что составить конкуренцию местному китайскому населению будет довольно сложно. Дело в том, что китайцы очень трудолюбивые и готовы работать за очень малую оплату. Эмигрантам-казакам для элементарного выживания нужны были более существенные заработки. Среди основных проблем, с которыми столкнулись эмигранты-казаки в начале эмиграции в 1920-х гг., можно выделить отсутствие первоначального капитала, языковой барьер, враждебность со стороны местных, отличия в традициях и хозяйственном укладе. Положение казаков ухудшалось еще и тем обстоятельством, что местные власти требовали взяток, а давать их было откровенно не из чего. Поэтому многие эмигранты просто не смогли адаптироваться к мирной жизни и были вынуждены поступить на службу. Часть казаков-эмигрантов выбрала путь наемничества в разных вооруженных группировках, участвовавших в гражданской войне в Китае в 1920-х гг. Другие поступили в вооруженные

областного центра. Чита, 2011. С. 86–92; Чапыгин И.В. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. // Наука и школа. 2013. № 4. С. 173–176; Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии в 1920–1945 гг. Некоторые итоги изучения темы // Наука и школа. 2014. № 182. С. 182–188; Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск, 2015.

⁴ Кайгородов А.М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.

⁵ Аргудяева Ю.В. Русское население в Трехречье // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 121–134; Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трехречье (первая половина XX в.). Благовещенск, 2016; Аргудяева Ю.В. Из России в маньчжурское Трехречье: исход и хозяйственная деятельность русских казаков в 1920–1940-е гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 23. С. 136–148.

⁶ Чапыгин И.В. Трехречье – район казачьего расселения русской эмиграции на северо-востоке Китая (1920–1945 гг.) // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности: мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В.И. Дулова и его ученика проф. В.Г. Тюкавкина: в 2 кн. Иркутск, 2005. Кн. 2. С. 169–171.

⁷ Сергеев О.И. Использование Японией опыта российского казачества при освоении новых территорий (о Хоккайдо, оккупированные земли Северо-Восточного Китая) // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 143–144; Сергеев О.И. Казачье Трехречье в Китае: исторический ракурс // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: исторический ракурс и современные оценки: мат-лы междунар. науч. конф. (22–27 ноября 2012 г., Чита, Россия – Эргуна, Китай). Чита, 2012. С. 136–143.

⁸ Дроботушенко Е.В. К вопросу о количестве и названиях казачьих поселений на территории северного Китая на рубеже 1920–1930-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, политология. 2018. Т. 45, № 1. С. 112–121.

⁹ Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017.

¹⁰ Кормазов В.А. Трехречье (Из путевых заметок) // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1931. № 5. С. 38–47.

¹¹ Шестаков М. Благодатное Трехречье // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.: сб. ст. о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 192–195.

¹² Кляус В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015.

¹³ Зиненко Я.В. Календарная обрядность русских Трехречья // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 4. С. 97–107.

¹⁴ Шахматов П.В. Трехречье. Воспоминания. Томск, 2014.

¹⁵ Перминов В.В. Трехречье // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Новосибирск, 2000–2006.

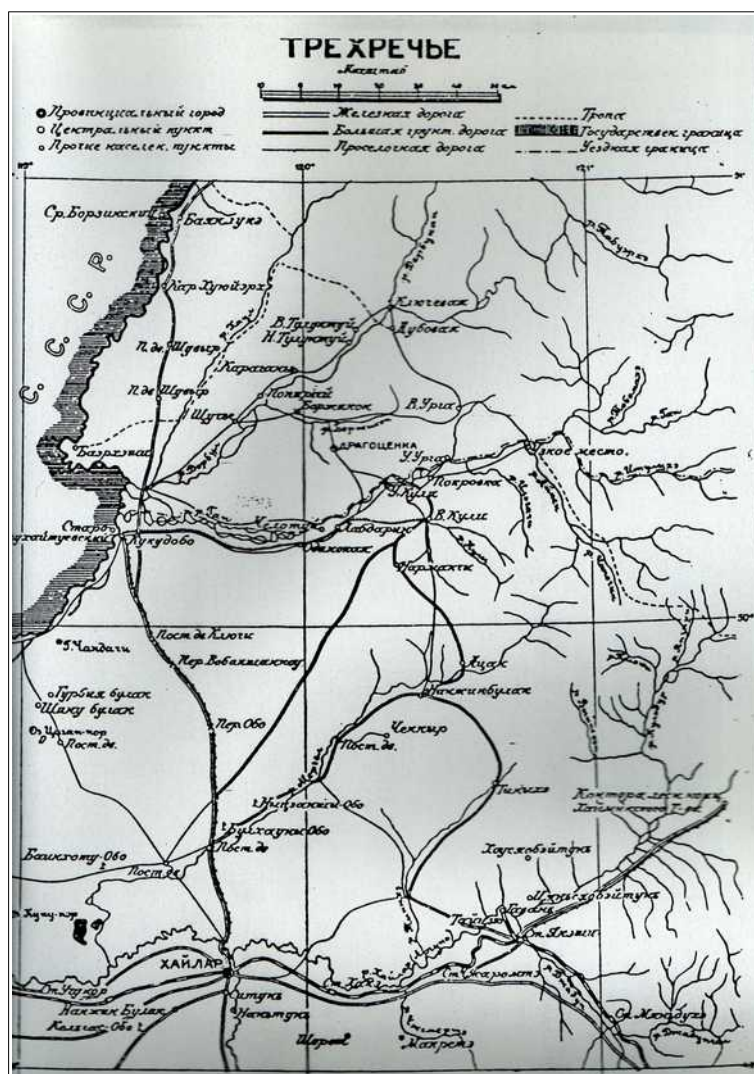
¹⁶ Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М., 2015.

силы Китая¹⁷. Выбор казачеством военного ремесла во многом обусловлен характером казачества, являвшегося военным сословием. Тут стоит отметить, что многие из эмигрировавших в Китай казаков были участниками Мировой или Гражданской войны.

Экономическая основа казачьей инфраструктуры в Маньчжурии – сельскохозяйственная деятельность (промыслы, скотоводство, земледелие). Обустроившись, казаки-эмигранты занялись домашним хозяйством и торговой деятельностью. В начале эмиграции в Северо-Восточном Китае насчитывалось более 50 домовладельцев, сдававших недвижимость в аренду, 60 предприятий торговли и около 150 хозяйств. Со временем эмигранты смогли перейти от случайных заработков и поденной работы к более стабильным и привычным занятиям. Казачьи семьи оседали в районах, которые были пригодны для сельского хозяйства и скотоводства. Прошло совсем немного времени, и в казачьих станицах выделились более состоятельные и зажиточные семьи, обеспечивавшие существование менее успешным соотечественникам. Они помогали им деньгами, выдавали скот, семена, необходимый инвентарь, нанимали в батраки, учреждали промышленные предприятия и создавали рабочие места. Некоторые эмигранты-казаки смогли поступить на службу в военные, гражданские и правительственные учреждения. Традиционными видами хозяйственной деятельности для казаков в эмиграции выступали ремесла, охота, сенокосение. Известны случаи конокрадства и контрабанды как постоянных занятий. В более поздний период казаки при переправе контрабандных товаров в Монголию и СССР одновременно выполняли еще и разведздания для Японской военной миссии.

В экономическом плане казаки-эмигранты, проживавшие в Северо-Восточном Китае, находились в более выгодном положении, что обуславливалось возможностью ведения хозяйственной деятельности. Здесь также играли роль наличие и доступность местных ресурсов (например, топливо из Болинских и Чжалайнорских угольных копей)¹⁸.

Характерным примером жизни и адаптации к новым условиям жизни в эмиграции является существование в исследуемый период Трехречья. Район Трехречья в рассматриваемый период занимал территорию Северо-Восточного Китая в бассейне рек Хаул, Дербул и Ганг (примерно 11 500 км²). Сегодня это хошун Правоаргунский или Аргун-Юци (простирается по параллели с Забайкальем).

¹⁷ Худобородов А.Л. Российское казачество в эмиграции 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 140–141.

¹⁸ Архив РУ ФСБ по Забайкальскому краю. Д. 65–66. Л. 67.

Забайкальские казаки давно знали о районе Трехречья и его природных богатствах, так как, еще живя в России, пригоняли табуны лошадей и стада крупного рогатого скота на выпас. На территории Трехречья казаки распахивали целину и готовили сено для своих хозяйств. В зимний период жители Забайкальского Приаргунского района приезжали в Трехречье охотиться за пушным зверем и крупной дичью. В Верхнем Тулунтуе некоторые землянки и избы, сохранившиеся до конца XX в., были построены поселенцами еще в 1895–1900 гг.

Двадцатые годы XX в. стали периодом массового заселения русскими Трехречья. Здесь обосновывались казачьи семьи, прибывшие из Забайкалья и других регионов России (но первых было гораздо больше). По сравнению с эмигрантами из других регионов, забайкальские казаки могли перевезти с собой все свое имущество и хозяйство. Это положительно влияло на период адаптации, сокращая его и делая процесс приспособления к местным условиям менее болезненным.

Территория Трехречья в исследуемый исторический период была населена монголами, манчжурами, даурами, эвенками, ороचनाми, корейцами, бурятами, а позднее и японцами. Затем практически 90 % от численности населения занимали казаки-эмигранты. Прибывшие из России казаки расселились по 19 поселкам. В остальных трех десятках поселков население по этническому и национальному составу было смешанным. Со временем прибывшие казаки адаптировались к местным условиям. В первые годы после революции на территорию Трехречья начали приезжать бывшие военнослужащие белых армий. Наиболее массово они приезжали в 1919–1920 гг. Многие решили остаться навсегда. Трехреченскими белоэмигрантами были организованы экономические и политические институты. Так, в частности, в Трехречье появился институт поселковых атаманов и старшин, заведующий беженцами. Массовое увольнение русских с КВЖД в 1925–1926 гг. привело к увеличению числа эмигрантов на территории Трехречья. Следующая волна эмиграции пришлось на 1930-е гг. – люди бежали из СССР, не желая присоединения своих хозяйств к колхозам.

Аппарат самоуправления, сформированный эмигрантами в Трехречье, просуществовал в своем изначальном виде до 1931 г. Но в связи с японской оккупацией и сентябрьскими событиями он несколько видоизменился. В частности, было принято решение об упразднении заведующего беженцами. Управление возглавил атаман станицы. Как и ранее, поселковые атаманы остались у него в прямом подчинении. В целях обеспечения правопорядка полицейская охрана, состоявшая из местных жителей, была заменена белоэмигрантами, отряды которых возглавляли японцы.

В период японской оккупации центром Трехречья был город Найрумту, а до этого Драгоценка (сегодня – Саньхэ). В Драгоценке проживало около полутора тысяч жителей, размещавшихся в 251 домохозяйстве. Стоит отметить, что Драгоценка – не просто столица, но также главный административный и торговый центр. Такое положение обуславливалось наличием стратегически значимых объектов – резиденции губернатора Южно-Аргунского хошуна, множества торговых фирм, лавок, промышленных предприятий, а также филиалов японских торговых предприятий. Также в Драгоценке работало предприятие «И.Я. Чурин и К°». Отделение военной миссии Японии, казачье правление станицы, главное лесничество, бюро русских эмигрантов и гарнизон Кватунской армии также располагались в данном населенном пункте. Начиная с 1936 г. в Драгоценке ежедневно печаталась газета под редакцией В.Г. Сергеева «Казачья жизнь». Благодаря данному изданию местное население всегда было в курсе последних новостей, в том числе в стране и мире в целом. Поселок был похож на небольшую сибирскую станицу или городок – бревенчатые дома, приусадебные участки, загоны для скота («стайки»), несколько кирпичных зданий в центральной части. На тот момент в поселке была проведена междугородняя телефонная линия, во всех домах имелось электричество, а водоснабжение было организовано из незамерзающего ключа.

В Драгоценке работали следующие хозяйственные и коммерческие предприятия: столярные мастерские, автотранспортные мастерские, электростанции, завод по производству кирпича, кожевенный завод, мукомольная паровая мельница, маслозавод, прачечная,

парикмахерские, портновские мастерские, общественная баня, кузнечно-слесарные мастерские, сапожные мастерские, рестораны и столовые, японская гостиница, отделение компании «Чурин и К°», китайские постоянные дворы, дома терпимости, представительства Восточно-Монгольской компании.

Если говорить о приграничных поселках со стороны СССР, то там дела обстояли хуже. В частности, электричество там было проведено гораздо позже. А некоторые поселки и вовсе так и остались без электричества.

К числу крупных сел Трехречья относились: Верх-Урга, Ключевая, Дубловая, Нармакчи, Усть Кули, Лабдарин, Верх-Кули. Численность жителей всех 23 поселков Трехречья в 1933 г. составляла 5 519 чел. (перепись провел майор японской службы Симоног Кенузи)¹⁹.

Известно, что рассматриваемую территорию планировалось заселить японцами. Сказанное подтверждается статьей, опубликованной в марте 1934 г. в популярном на тот момент периодическом издании «Восточная Азия». Статья рассказывала о проекте, связанном с переселением японских колонистов на территорию Трехречья. В статье автор обращал внимание на то, что этнографически, географически и политически Трехречье – благоприятный и выгодный район для колонизации Японией. Суть плана заселения рассматриваемой территории японцами заключалась в следующем. Так, колонисты – это мужчины в возрасте до 30 лет с семьями, средним или высшим образованием. Колонисты должны были быть надежными и иметь соответствующие убеждения. Перед переселением на территорию Трехречья колонисты прослушивали лекции по ведению сельскохозяйственной деятельности в Хайларе. Затем из всего числа колонистов избирали одного руководителя поселенцами-японцами и русскими, включая казаков.

Японские колонисты старались селиться в наиболее населенных поселках и селах. Так, внимание большинства колонистов было приковано к таким населенным пунктам, как Драгоценка, Нанжибулак, Верх Кули, Усть Урга, Лабдарин и др. Как правило, колонисты приезжали целыми семьями. Часть колонистов выбирала для поселения населенные пункты за пределами Трехречья.

Колонистов учили взаимодействовать с населением и выведывать навыки хозяйственной, экономической и политической деятельности на лекциях, которые они прослушивали перед отъездом в Трехречье и другие поселки Северо-Восточного Китая. В планах Японии было через колонистов добиться урегулирования племенных и политических отношений, организовав при этом некую экономическую интеграцию. На местах жительства прежних жителей Трехречья планировалось разместить групповые поселения японских колонистов. В дальнейшем японцы хотели освоить плодородные территории, которые до этого момента оставались нетронутыми. Изначально численность населения поселка задумывалась не сильно большой – примерно тридцать семей по три человека (родители и ребенок). В науке бытует мнение, что для японской колонизации Трехречье было вполне пригодно²⁰.

В контексте рассматриваемого вопроса следует обратить внимание на сложную форму отношений между вышестоящими административными органами и поселковыми управлениями Трехречья в период оккупации Японией. Атаман, возглавлявший казачий поселок, подчинялся руководителю Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурии, станичному атаману Трехречья, начальнику БРЭМ, японской военной миссии, органам полиции и Хошунному Управлению.

Если сравнивать положение русских казаков, живших в тот период в Забайкалье, то разницы с эмигрантами-казаками в Трехречье почти не было. Казаки занимались традиционными видами деятельности, одни были более зажиточными, другие имели скромный достаток. Со временем от охоты, как постоянного источника дохода, пришлось отказаться

¹⁹ Симонога Кенузи. Проект переселения японцев-колонистов в Трехречье // Восточная Азия. Токио. 1934. № 2. С. 77–91.

²⁰ Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, 2003.

(во многом в связи с несколькими эпидемиями подряд, которые привели к сокращению дичи).

Земледелие казаки выбирали по многим причинам. В частности, роль сыграл урожай 1924–1925 гг., после чего эмигранты решили расширить свои земельные наделы и заниматься земледелием в более значительных масштабах. Слава о плодородной земле распространилась далеко за пределы Маньчжурии и привлекла новых переселенцев. Начали развиваться связанные отрасли (мукомольные мельницы, сфера услуг, транспортные перевозки, торговля и др.).

Вместе с развитием земледелия на территории Трехречья развивалось животноводство. Казаки держали крупный рогатый скот, лошадей, овец. Зажиточные эмигранты могли позволить себе несколько сотен голов КРС. Из архивных данных известно о местном жителе, державшем 6 тыс. голов. Продукция животноводческой деятельности перерабатывалась и продавалась. С этой целью были открыты маслозаводы и другие предприятия по переработке продукции. Активно развивалась торговля.

Как уже отмечалось выше, в Трехречье существовали маслодельные предприятия и мукомольные мельницы. Также в исследуемый период здесь функционировали торговые предприятия, две столярные мастерские, 14 кузниц, четыре кожевенных завода, две гончарные мастерские и пять заводов по производству кирпича.

Так, на 1 сентября 1938 г., согласно «Ведомости о числе дворов, людей, пахотной земли, сена, скота в Трехреченской станице», было 1 245 дворов с казачьим населением 7 010 чел., из них мужчин – 1 986 чел., женщин – 1 611 чел., детей – 3 413²¹. Здесь же сохранился рапорт станичного атамана, генерал-лейтенанта Мациевского губернатору Южно-Аргунской губернии с информацией о количестве казаков возраста 16–30 лет для военного обучения и участия в 2-месячных лагерных военных сборах в 1936–1938 гг.²²

Трехречье, заселенное русскими эмигрантами, вызывало повышенный интерес со стороны правящего класса СССР. Разница между русскими казаками Северо-Восточного Китая, жившими в достатке и сытости, и советскими крестьянами была огромной. По сохранившимся данным, Трехреченская станица в 1941 г. насчитывала 8 600 чел. населения. Из них мужчин-казаков – 3 500 чел.²³, остальные – женщины и дети.

Сохранившиеся архивные данные проливают свет на многие аспекты жизни зажиточных эмигрантов казачьего сословия, в том числе на характер хозяйства. Так, у жителя поселка Попирай П.К. Козулина было 10 десятин земли, которые он засеивал, 80 голов КРС и 20 лошадей. У другого жителя этого поселка М. Пешкова, переселившегося из с. Зоргол, было 20 десятин земли, около тысячи овец, 130 голов КРС, 40 лошадей и до пяти батраков в разное время. У казака М.С. Первухина в собственности было 70 десятин земли, трактор, 50 голов КРС и 16 лошадей. К.Л. Зверев, проживавший в станице Ключевая, имел в возрасте около 50 лет в собственности 100 десятин земли, трактор, 80 голов КРС, 25 лошадей. Жители поселка Верхний Тулунтуй П.В. и Д.Г. Каюков имели большое хозяйство. В архивах сохранилась информация и о таких зажиточных казаках, как И.П. Чупров (прибыл из с. Чупрово), И.Т. Аксенов и А.В. Чегодаев (жители села Шанкули (Верх-Кули)). Первый имел в собственности 160 десятин земли, а второй – 300 десятин и два трактора²⁴.

Из приведенных примеров видно, что некоторые эмигранты-казаки были достаточно богатыми для того времени – у них были тракторы, а некоторые даже нанимали батраков для обработки земельных угодий. Можно сделать вывод, что их товарное хозяйство было эффективным и механизированным на достаточно высоком уровне.

По мере того как среди казаков-поселенцев расширялось товарное сельскохозяйственное производство, развивались такие отрасли, как средняя и мелкая промышленность, сфера услуг, торговля. Чем больше появлялось разных предприятий, тем развитее станови-

²¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 829. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

²² Там же. Л. 17.

²³ ГАХК. Ф-Р. 831. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

²⁴ Архив РУ ФСБ по Забайкальскому краю. Д. 65–66. Л. 68.

лось Трехречье. Стоит сказать, что привычная инфраструктура для жизни была налажена казаками очень быстро.

Ситуация с казачьей экономикой различалась в зависимости от конкретного населенного пункта. Так, например, в Харбине экономика казаков-эмигрантов растворялась в общей эмигрантской, японской и китайской экономике. Возможно, роль сыграло то, что поселок был очень густонаселенным. В Трехречье и других регионах, где казаки активно занимались сельским хозяйством, их экономика преобладала. Так, например, в пос. Верх-Урга, насчитывавшем около сотни домохозяйств, работало три магазина и кожевенное производство (заводом владел казак Шмелёв). В пос. Верх-Кули проживало около 2 тыс. чел. (270 домовладений), работал магазин, аптека, водяная мельница, маслодельный и молочный заводы. Согласно сохранившимся данным, в 1941 г. жители поселка Верх-Кули засеяли 41 га гречихи, 77 га ячменя, 1 139 га овса и 1054 га пшеницы. В пос. Усть-Кули насчитывалось около 400 чел. населения (70 домовладений), работал маслодельный завод, три мельницы, магазин. Лучших казаков награждали похвальными листами (например, такую награду в 1943 г. получил казак А.А. Парамонов). В станице Ключевая, в которой проживало 730 чел. (140 домовладений), работал маслодельный завод, 6 мельниц и 3 лавки. В пос. Попирай проживало 400 чел. населения (73 домовладения), которое засеивало 200 десятин земли. Работал магазин, маслодельный завод, 5 водяных мельниц. Хозяйство жителей поселка в общей сложности насчитывало 550 голов КРС и 350 лошадей. В с. Покровка насчитывалось 900 жителей и 165 домовладений. В селе был телефон, телеграф, овчинный завод и 2 мельницы. В пос. Щучье проживало 300 чел. (62 домохозяйства), работали маслодельный и молочный заводы, функционировала мельница. Во многих поселках Трехречья были магазины²⁵.

К 1945 г. в районе Маньчжурии действовало более 60 различных предприятий, которыми владели русские эмигранты и казаки. Сюда относятся маслодельные заводы, сыроварни, кафе, рестораны, гостиницы, подрядные конторы, мастерские, магазины, лавки и пр. К примеру, в г. Хайлар русские казаки-эмигранты братья Воронцовы владели мукомольней, водочным и винокурным заводом, производительность которого достигала 100 тыс. ведер в год. Казак А.И. Агеев имел мануфактурный магазин, М.А. Авентисов – винно-гастрономический магазин, Г.И. Клавдиев – колбасную фабрику, И.П. Катаев – пимокатный и кожевенный заводы, М.П. Мыльников – шорно-сапожное производство, И.И. Потапов – обувную мастерскую и магазин. Казаки также владели шубно-пимокатным производством (Горбунов и Окулов), ломовым (С.М. Маньшин) и верблюжьим (Х.Х. Сухов) обозом. Казак П.П. Павлов имел автогараж. Также в указанный период в районе Маньчжурии действовала подрядная контора концессии «Мантэзу» (ЮМЖД), которая заготавливала лесоматериалы и продавала их по территории страны и за рубеж (владельцы – братья Окладниковы)²⁶.

Эмигранты-казаки столкнулись с серьезными проблемами политического и экономического характера после того, как японцы оккупировали Маньчжурию. Военная миссия Японии продвигала и поддерживала интересы японских коммерсантов, которые поставили перед собой цель по вытеснению из местных ниш местного китайского населения и русских казаков-эмигрантов. В итоге многие владельцы коммерческих предприятий из числа местного населения и казаков были вынуждены продать их японцам. При отказе от продажи японцы обвинили бы их в антияпонской деятельности, арестовали и конфисковали бы имущество.

Казаки, переселившись в Трехречье, смогли достаточно неплохо адаптироваться к суровым местным условиям, создав собственную экономическую инфраструктуру. В этом им помогли многовековые коммерческие, социальные и сельскохозяйственные традиции, а также накопленный опыт войскового и станичного управления. Особенности общественной жизни казаков-переселенцев позволяли им успешно вести экономическую и хозяй-

²⁵ Архив РУ ФСБ по Забайкальскому краю. Д. 66. Л. 68.

²⁶ Там же.

ственную деятельность, а также защищали от ассимиляции, которая вполне могла бы иметь место в тех условиях.

После обустройства сельского хозяйства казаки достаточно быстро перешли к коммерческому сельскому хозяйству, т.е. производили сельскохозяйственную продукцию на продажу. Помимо торговли, казаки наладили и развивали промышленное производство. В анализируемый период в Трехречье среди казаков-эмигрантов процветало выращивание всевозможных видов культур (технических, овощных и зерновых). Стоит сказать, что и среди местного китайского населения эти отрасли также были востребованы. Из исторических документов известно, что маньчжурское сельское хозяйство благодаря казакам обрело опыт выращивания многих культур.

Эмигранты-казаки занимались разными видами деятельности – от сельскохозяйственной деятельности и охоты до оказания транспортных услуг, торговли, промышленного производства. Активная хозяйственная деятельность казаков, прибывших из Забайкалья, не отменяла военной и гражданской службы, которую казаки исполняли добросовестно и с большим желанием. Свои сословные черты казаки смогли сохранить и вдали от Родины.

Проведенное исследование позволяет убедиться в том, что экономическая инфраструктура казачества играла огромную роль во многих отраслях не только эмигрантской экономики, но и китайской в целом. Также стоит отметить, что эта инфраструктура была направлена на обеспечение потребностей населения продуктами и товарами. Таким образом, казаки, проживавшие на территории Трехречья, прошли довольно сложный путь и смогли адаптироваться к суровым местным условиям. Со временем они смогли включиться в процессы оказания услуг, развития местной промышленности, ориентированной по большей части на переработку природного и сельскохозяйственного сырья, а также колонизации еще не до конца освоенных земель. Роль казаков в различных сферах жизни русской диаспоры в Маньчжурии оценивается современными учеными достаточно высоко.

Литература

Аргудяева Ю.В. Русское население в Трехречье // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 121–134.

Аргудяева Ю.В. Из России в маньчжурское Трехречье: исход и хозяйственная деятельность русских казаков в 1920–1940-е гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 23. С. 136–148.

Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трехречье (первая половина XX в.). Благовещенск: АмГУ, 2016. 477 с.

Дроботушенко Е.В. К вопросу о количестве и названиях казачьих поселений на территории северного Китая на рубеже 1920–1930-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, политология. 2018. Т. 45, № 1. С. 112–121.

Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 340 с.

Зиненко Я.В. Календарная обрядность русских Трехречья // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 4. С. 97–107.

Кайгородов А.М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.

Кляус В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 382 с.

Кормазов В.А. Трехречье (Из путевых заметок) // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1931. № 5. С. 38–47.

Перминов В.В. Трехречье // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Новосибирск: Наука, 2000–2006.

Сергеев О.И. Использование Японией опыта российского казачества при освоении новых территорий (о. Хоккайдо, оккупированные земли Северо-Восточного Китая) // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 143–144.

Сергеев О.И. Казачье Трехречье в Китае: исторический ракурс // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: исторический ракурс и современные оценки: мат-лы междунар. науч. конф. (22–27 ноября 2012 г., Чита, Россия – Эргуна, Китай). Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2012. С. 136–143.

Симонога Кенузи. Проект переселения японцев-колонистов в Трехречье // Восточная Азия. Токио. 1934. № 2. С. 77–91.

Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: РИС ЗабГПУ, 2003. 432 с.

Худобородов А.Л. Вдали от родины: российское казачество в эмиграции. Челябинск: Факел, 1997. 112 с.

Чапыгин И.В. Трехречье – район казачьего расселения русской эмиграции на северо-востоке Китая (1920–1945 гг.) // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности: мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В.И. Дулова и его ученика проф. В.Г. Тюкавкина: в 2 кн. Иркутск: ИркГУ, 2005. Кн. 2. С. 169–171.

Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) // Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкальского казачьего войска, образования Забайкальской области и придания Чите статуса областного центра. Чита: Поиск, 2011. С. 86–92.

Чапыгин И.В. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. // Наука и школа. 2013. № 4. С. 173–176.

Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии в 1920–1945 гг. Некоторые итоги изучения темы // Наука и школа. 2014. № 182. С. 182–188.

Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 171 с.

Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015. 510 с.

Шахматов П.В. Трехречье. Воспоминания. Томск: Красное знамя, 2014. 334 с.

Шестаков М. Благодатное Трехречье // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.: сб. ст. о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 192–195.

References

Argudyaeva, Yu.V. (2019). Iz Rossii v man'chzhurskoe Trehrech'e: iskhod i hozyaystvennaya deyatel'nost' russkikh kazakov v 1920–1940-e gg [From Russia to the Manchurian Three Rivers: The Exodus of Russian Cossacks and Pasants after the Civil War in the 1920s–1940s]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. Vol. 23, pp. 136–148.

Argudyaeva, Yu. V. (2016). *Russkie kazaki v Trehrech'e (pervaya polovina XX v.)* [Russian Cossacks in the Three Rivers (The First Half of the 20th Century)]. Blagoveshchensk, AmGU. 477 p.

Argudyaeva, Yu.V. (2006). Russkoe naselenie v Trehrech'e [Russian Population in the Three Rivers]. In *Rossiya i ATR*. No. 46, pp. 121–134.

Chapygin, I.V. (2005). Trehrech'e – rayon kazach'ego rasseleniya russkoy emigratsii na severo-vostoke Kitaya (1920–1945 gg.) [Trehrechye – the Area of Cossack Settlement of Russian Emigration in the Northeast of China (1920–1945)]. In *Sibir' v kontekste rossiyskikh peremen: istoricheskiy opyt, traditsii i problemy sovremennosti: materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora V.I. Dulova i ego uchenika professora V.G. Tyukavkina*. Book 2. Irkutsk, IrGPU, pp. 169–171.

Chapygin, I.V. (2011). Kazach'ya emigratsiya na territorii Man'chzhurii (1920–1945 gg.) [Cossack Emigration on the Territory of Manchuria (1920–1945)]. In *Zabaykal'skoe kazachestvo v istoricheskom razvitii i mezhkul'turnoy kommunikatsii: materialy mezhregion. naucho-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 160-letiyu sozdaniya Zabaykalskogo kazach'ego voyska, obrazovaniya Zabaykalskoy oblasti i pridaniya Chite statusa oblastnogo tsentra*. Chita, Poisk, pp. 86–92.

Chapygin, I.V. (2013). Zabaykal'skoe kazachestvo v emigratsii na territorii Severo-Vostochnogo Kitaya (Man'chzhurii) v 1920–1930-e gg [Trans-Baikal Cossacks in Emigration in the Territory of Northeastern China (Manchuria) in the 1920s–1930s]. In *Nauka i shkola*. No. 4, pp. 173–176.

Chapygin, I.V. (2014). Kazach'ya emigratsiya na territorii Man'chzhurii v 1920–1945 gg. Nekotorye itogi izucheniya temy [Cossack Emigration on the Territory of Manchuria in 1920–1945. Some Results of Studying the Topic]. In *Nauka i shkola*. No. 182, pp. 182–188.

Chapygin, I.V. (2015). *Kazach'ya emigratsiya v Kitae* [Cossack Emigration in China]. Irkutsk, Izdatelstvo IGU. 171 p.

Drobotushenko, E.V. (2018). K voprosu o kolichestve i nazvaniyakh kazach'ikh poseleniy na territorii severnogo Kitaya na rubezhe 1920–1930-kh gg. [On the Question of the Number and Names of Cossack Settlements on the Territory of Northern China at the Turn of the 1920s–1930s]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya, politologiya. Vol. 45, No. 1, pp. 112–121.

Kaygorodova, A.M. (1970). Russkie v Trehrech'e (po lichnym vospominaniyam) [Russians in the Three Rivers (According to Personal Memories)]. In *Sovetskaya etnografiya*. No. 2, pp. 140–149.

Khudoborodov, A.L. (1997). *Vdali ot rodiny: rossiyskoe kazachestvo v emigratsii* [Far from the Motherland: Russian Cossacks in Exile]. Chelyabinsk, Fakel. 112 p.

Klyaus, V.L. (2015). “*Russkoe Trehrech'e*” Man'chzhurii: ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury [“Russian Three Rivers” of Manchuria: Essays on Folklore and Traditional Culture]. Moscow, IMLI RAN. 382 p.

Kormazov, V.A. (1931). Trehrech'e (Iz putevykh zametok) [Trehrechye (From Travel Notes)]. In *Vestnik Man'chzhurii*. Harbin. No. 5, pp. 38–47.

Perminov, V.V. (2000–2006). Trehrech'e [Trehrechye]. In *Eentsiklopediya Zabaykal'ya: Chitinskaya oblast': v 4 t.* Novosibirsk, Nauka.

Sergeev, O.I. (2012). Kazach'e Trehrech'e v Kitae: istoricheskiy rakurs [Cossack Three Rivers in China: A Historical Perspective]. In *Prigranichnoe sotrudnichestvo i vneshneekonomicheskaya deyatel'nost': istoricheskiy rakurs i sovremennye otsenki: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (22–27 noyabrya 2012 g., Chita, Rossiya – Yerguna, Kitay)*. Chita, Zabaykalskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet, pp. 136–143.

Sergeev, O.I. (2016). Ispol'zovanie Yaponiey opyta rossiyskogo kazachestva pri osvoenii novykh territoriy (o Khokkaydo, okkupirovannye zemli Severo-Vostochnogo Kitaya) [Japan's Use of the Experience of the Russian Cossacks in the Development of New Territories (Hokkaido Island, Occupied Lands of Northeast China)]. In *Rossiya i ATR*. No. 4, pp. 143–144.

Shakhmatov, P.V. (2014). *Trehrech'e. Vospominaniya* [Trehrechye. Memories]. Tomsk, Krasnoe znamya. 334 p.

Sharonova, V.G. (2015). *Istoriya russkoy emigratsii v Vostochnom Kitae v pervoy polovine XX veka* [The History of Russian Emigration in Eastern China in the First Half of the 20th Century]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga. 510 p.

Shestakov, M. (1943). Blagodatnoe Trehrech'e [Blagodatnoe Trehrechye]. In *Vestnik kazach'ey vystavki v Kharbine 1943 g.: sbornik statey o kazakakh i kazachestve*. Harbin, pp. 192–195.

Simonoga Kenuzi. (1934). Proekt pereseleniya yapontsev-kolonistov v Trehrech'e [The Project of Resettlement of Japanese Colonists in the Three Rivers]. In *Vostochnaya Azia*. Tokio. No. 2, pp. 77–91.

Tarasov, A.P. (2003). *Zabaykal'e i Kitay: opyt analiza mezhdunarodnykh svyazey* [Transbaikalia and China: The Experience of Analyzing International Relations]. Chita, RIS ZabGPU. 432 p.

Zabiyako, A.P., Zabiyako, A.A. (2017). *Russkie Trehrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russian Three Rivers: The Foundations of Ethnic Identity]. Novosibirsk, Izdatelstvo IAET SO RA. 340 p.

Zinenko, Ya.V. (2019). Kalendarnaya obryadnost' russkih Trehrech'ya [Calendar Rites of the Russian Three Rivers]. In *Traditsionnaya kul'tura*. Vol. 20, No. 4, pp. 97–107.

Е.В. Бакалдина*

СВЕДЕНИЯ О ХАНЬКОУ В ПИСЬМАХ С.Н. МИЛЮТИНА
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СЕМЬИ БОТКИНЫХdoi:10.31518/2618-9100-2023-3-4
УДК 323.328(571)+910.4"1885-1892"

Выходные данные для цитирования:
Бакалдина Е.В. Сведения о Ханькоу в письмах С.Н. Милютиня представителям
семьи Боткиных // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 51–66.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-04.pdf>

E.V. Bakaldina*

INFORMATION ABOUT HANKOW IN THE S.N. MILYUTIN'S
LETTERS TO MEMBERS OF THE BOTKIN FAMILY

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-4

How to cite:
Bakaldina E.V. Information about Hankow in the S.N. Milyutin's Letters to Members
of the Botkin Family // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 51–66.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-04.pdf>]

Abstract. In the Department of Written Sources of the State Historical Museum in the Botkin Fund there are two blocks of letters from Sergei Nikolaevich Milyutin, written by him in the mid-1880s – early 1890s from the Chinese city of Hankow. The first block, addressed to one of the heads of the tea trading company “Petr Botkin’s Sons” Petr Petrovich Botkin, contains information of a business nature, the second – to Anna Petrovna Pikulina, nee Botkina, her godmother, consisting of letters of a descriptive and entertaining nature. Sergei Nikolaevich Milyutin, a Moscow tradesman, a graduate of the school at the Lutheran Church of Sts. Peter and Paul in Moscow, first worked in the Moscow department of the tea trade partnership “Petr Botkin’s Sons”, then, in 1883–1892, an employee of the firms “Pyatkov, Molchanov and C^o.” and “Molchanov, Pechatnov and C^o.” in Hankou. At the same time, he represented the interests of the tea trading company “Petr Botkin’s Sons”. Familiar with customs procedures and local conditions, with knowledge of languages, Milyutin in 1891–1892 applied for the position of a special agent of the Volunteer Fleet in Hankow. Milyutin’s letters are an important source on the life of Russian tea merchants in Hankow. The author shares details of the daily life and activities of tea merchants, reports on relationships with colleagues and competitors, warns of unrest in China and the readiness to resist these attacks. Milyutin also talks about the holidays held, about significant events – a visit to Hankow by Tsarevich Nikolai Alexandrovich, Archimandrite Anatoly Tikhai, and the gunboat “Sivuch”. And although there is information about some of them from other sources, the details conveyed by an eyewitness to the events who took a direct part in them give additional value to his letters.

Keywords: S.N. Milyutin, Botkins, Hankow, China, tea trade, Volunteer Fleet, letters, merchants.

The article has been received by the editor on 28.02.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В Отделе письменных источников Государственного исторического музея, в фонде Боткиных, хранятся два блока писем Сергея Николаевича Милютиня, написанных им в середине 1880-х – начале 1890-х гг. из китайского города Ханькоу. Первый блок, адресованный одному из глав чаоторговой фирмы «Петра Боткина сыновья» Петру Петровичу Боткину, содержит сведения делового содержания, второй –

* Елена Вячеславовна Бакалдина, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: elenabakaldina@gmail.com
Elena Vyacheslavovna Bakaldina, Candidate of Historical Sciences, The Saint-Petersburg Roerich Family Museum, St. Petersburg, Russia, e-mail: elenabakaldina@gmail.com

Анне Петровне Пикулиной, урожденной Боткиной, своей крестной матери, состоит из писем описательного и развлекательного характера. Сергей Николаевич Милютин, московский мещанин, выпускник училища при Лютеранской церкви свв. Петра и Павла в Москве, работал сначала в московском отделении товарищества чайной торговли «Петра Боткина сыновья», затем в 1883–1892 гг. – служащий в фирмах «Пятков, Молчанов и К^о» и «Молчанов, Печатнов и К^о» в Ханькоу. Одновременно он представлял интересы чаоторговой фирмы «Петра Боткина сыновья». Знакомый с таможенными порядками и местными условиями, со знанием языков, Милютин в 1891–1892 гг. претендовал на должность специального агента Добровольного флота в Ханькоу. Письма С.Н. Милютина – важный источник о жизни русских чаоторговцев в Ханькоу. Автор делится деталями повседневной жизни и деятельности чаоторговцев, сообщает о взаимоотношениях с коллегами и конкурентами, предостерегает о волнениях в Китае и готовности противостоять этим нападениям. Также Милютин рассказывает о проводимых праздниках, о знаковых событиях – посещении Ханькоу цесаревичем Николаем Александровичем, архимандритом Анатолием Тихаев, канонерской лодкой «Сивуч». И хотя о некоторых из них есть сведения из других источников, подробности, переданные очевидцем событий, принимавшим в них непосредственное участие, придают его письмам дополнительную ценность.

Ключевые слова: С.Н. Милютин, Боткины, Ханькоу, Китай, чаоторговля, Добровольный флот, письма, купечество.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023 г.

Чаоторговая фирма «Петра Боткина сыновья» приобретала китайский чай как за пределами Китая, так и в самом Китае. Город Ханькоу, расположенный на реке Янцзы и открытый для иностранной торговли по Тяньцзинскому договору 1858 г., стал с середины XIX в. главным чайным рынком Китая. Там производили закупку чаев многие фирмы; по сумме вывозимого чая обороты Ханькоу составляли около 40 % всего чайного экспорта Китая¹. В связи с этим неудивительно, что в этом центре чаоторговцев и семья Боткиных имела своих представителей – комиссионеров. Их положение, являвшихся одновременно доверенными лицами Боткиных и служивших в русских фирмах в Китае, было неоднозначным, поскольку они лавировали между двумя хозяевами и не всегда могли соблюсти баланс интересов обеих сторон. Поэтому назначение близких семье людей было наиболее благоприятным для Боткиных решением. В середине 1880-х – начале 1890-х гг. таким человеком в Ханькоу стал Сергей Николаевич Милютин.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея, в фонде Боткиных, хранятся два блока писем С.Н. Милютина. Первый, делового содержания, адресован одному из глав фирмы Петру Петровичу Боткину, а второй – Анне Петровне Пикулиной, урожденной Боткиной, крестной матери Милютина² – описательного и развлекательного характера. Фрагменты этих писем уже были введены в научный оборот А.Н. Хохловым³, рассматривающим русское купечество в Китае, в том числе и в Ханькоу. История русской колонии в Ханькоу – коммерческие дела, строительство храма, создание русской концессии – неоднократно привлекала внимание как отечественных

---

¹ Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение. СПб., 1892. С. 313.

² Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 9 (21) августа 1891 года // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 122. № 480. Л. 77.

³ Хохлов А.Н. Российские купцы в Китае в 60-е – 80-е гг. 19 в: трудные будни и редкие праздники // Общество и государство в Китае: тезисы докладов XIX науч. конф. Ч. II. М., 1988. С. 210–222; Хохлов А.Н. Торговля и предпринимательская деятельность россиян в Китае во второй половине XIX века // Российская история. 2012. № 3. С. 144–152.

(В.Г. Дацышена, В.Г. Шароновой)⁴, так и зарубежных исследователей (Лю Цзайци, Чень Кайке⁵). Однако затрагиваемый в письмах Сергея Милютина период конца 1880-х – начала 1890-х гг. изучен недостаточно, и в настоящей статье сделана попытка восполнить этот пробел. Кроме того, сделан акцент на восприятии жизни в Ханькоу автором писем С.Н. Милютиным, простым служащим чаоторговой фирмы, имевшим, однако, доступ к различной информации о жизни русской колонии. А поскольку его адресатами были близкие Сергею Милютину люди, то он писал достаточно откровенно. Единственным моментом, где автор не говорит напрямую, был вопрос о трениях внутри фирмы «Молчанов, Печатнов и К^о». Кроме того, для понимания личности Милютина в статье реконструированы детали его биографии.

Московский мещанин Сергей Николаевич Милютин родился в 1862 г., получил образование в Немецкой Петропавловской школе в Москве, она же – училище при Лютеранской церкви свв. Петра и Павла или Петропавловское мужское училище. Впоследствии он состоял в обществе бывших воспитанников училища⁶ будучи одним из его учредителей⁷.

С.Н. Милютин начал службу в чаоторговой фирме «Петра Боткина сыновья» в Москве⁸. Он был крестником Анны Петровны Пикулиной, урожденной Боткиной. Изначально в фирме Боткиных была традиция брать на работу родственников и свойственников, и когда стали нанимать приказчиков и комиссионеров, М.П. Боткин сокрушался, «жаль, что в деле мало своих, наемник всегда будет наемником»⁹. Милютин мог считаться «своим человеком»; сам он, подчеркивая свое духовное родство с Анной Петровной Пикулиной, подписывался «Ваш крестник»¹⁰, добавляя: «надеюсь, что Вы навещаете своих крестников»¹¹ – родственников Милютина, его сестру и племянников.

Приобретая чай в Ханькоу еще на заре русской деятельности – с середины XIX в., фирма «Петра Боткина сыновья» в 1880–1890-е гг. покупала чай у многих русских чаоторговых фирм в Ханькоу: «Пятков, Молчанов и К^о», «Родионов и К^о», «Токмаков, Молчанов и К^о», «Спешилов, Чирков и К^о» (затем «Чирков, Панов и К^о»)¹². Направлять в каждую из фирм по доверенному человеку было слишком накладно, поэтому выбрали одну фирму – «Пятков, Молчанов и К^о» (затем «Молчанов, Печатнов и К^о»)¹³, в которую отправили служить Сергея Милютина. Дополнительным преимуществом работы именно в этой фирме было то, что она являлась агентом Добровольного флота в Ханькоу, а потому заведовала отправкой части чаев в Россию. Однако стоит отметить, что близкое духовное родство Милютина с Боткиными не означало игнорирование последними собственных интересов.

⁴ Дацышен В.Г. Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений второй половины XIX – первой половины XX вв. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб., 2012. С. 67–81; Шаронова В.Г., Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу // Российское зарубежье: история и современность. Вып. 6. М., 2017. С. 153–159; Шаронова В.Г. Русский храм на Янцзы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 155–166; Шаронова В.Г. Русский храм на Янцзы (Окончание) // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 163–172; Шаронова В.Г. Православная община в Ханькоу (1860–1910) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 151–169.

⁵ Лю Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией // Теория и практика общественного развития. 2009. Вып. 2. С. 63–75; Лю Цзайци. Чайный путь и русская диаспора в Ханькоу // Enciclopedica. Revista de istorie a Stintei si Studii enciclopedice. 2014. № 1–2 (6–7). С. 197–204; Шаронова В.Г., Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу // Российское зарубежье: история и современность. М., 2017. Вып. 6. С. 153–159.

⁶ Отчет о деятельности Распорядительного комитета Общества бывших воспитанников училища при Лютеранской церкви свв. Петра и Павла в Москве за время с 26 апреля 1891 г. по 1 июля 1892 г.: первый отчетный год. М., 1892. С. 15; Отчет Общества бывших воспитанников училища при Лютеранской церкви св. Петра и Павла в Москве с 1-го июля 1905 г. по 1-е июля 1906 г.: за 15-й отчетный год. М., 1906. С. 28, 41.

⁷ Отчет Общества бывших воспитанников училища при Лютеранской церкви свв. Петра и Павла в Москве с 1-го июля 1904 г. по 1-е июля 1905 г.: за 14-й отчетный год. М., 1905. С. 25.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 98. Оп. 1. Д. 318. Л. 114.

⁹ Письмо М.П. Боткина П.П. Боткину от 1 октября 1903 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 178. Л. 103 об.

¹⁰ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 9 (21) августа 1891 года // Там же. № 480. Л. 77.

¹¹ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 6 (18) октября 1889 года // Там же. Л. 82 об.

¹² Там же. № 63. Л. 10, 19, 20 об., 27.

¹³ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 98. Л. 302; Ф. 20. Оп. 2. Д. 1005. Л. 150 об.; Ф. 525. Оп. 1. 204/2692. Д. 138. Л. 21.

Фирма «Петра Боткина сыновья» никогда не отдавала предпочтение одному поставщику или одному перевозчику, она заказывала перевоз и закупку чая у разных чаоторговых фирм и у разных перевозчиков¹⁴.

Изначально контракт Милютина на службу в Ханькоу был рассчитан на три года. В 1887 г. он писал крестной: «незаметно прошли три года, которые я нахожусь здесь, и таким образом я прожил свой условленный срок...»¹⁵. Однако он решил остаться в Ханькоу дольше, в том числе из-за хорошей оплаты своей работы: «Прошлый год я получил от старика Молчанова при его отъезде отсюда хорошую награду до 2 000 рублей, вероятно и в этот год сделают поощрение, так что ехать отсюда в Москву и не хочется; если позволит здоровье, то предполагаю прожить здесь еще года два»¹⁶. Известно об оплате его работы в начале карьеры: в 1884 г. он получал 1 500 лан, а в 1892 г. – 5 000¹⁷. Если исходить из того, что 1 лан стоит 1 руб. 86 коп.¹⁸, то Милютин получал в 1884 г. примерно 2 790 руб., а в 1892 г. – 9 300 руб. Это были очень большие деньги. Например, в начале 1890-х гг. представитель фирмы «Петра Боткина сыновья» в Санкт-Петербурге А.П. Константинов имел годовое жалование 4 000 и награждение 1 500 руб., а у других петербургских служащих было 1 700 и 300 (А.И. Новиков), 1 380 и 500 (И.А. Теплухин) соответственно¹⁹. Отметим, что такой оплаты Милютину хватало и на себя, и для участия в жизни русской колонии в Ханькоу. В частности, он был среди тех, кто дал деньги на стипендию имени профессора В.П. Васильева при Санкт-Петербургском университете²⁰.

Милютин в 1887 г. сообщал, что «бывшие служащие П.П. Боткина здесь пользуются хорошим на них взглядом и, видя, что такой народ им подходит, недавно Молчанов взял из Москвы двоих новых молодых людей»²¹. Чуть ранее, в октябре 1886 г., у П.П. Боткина возникла мысль отправить в Ханькоу С.М. Борисова или С.И. Калашникова, служивших в магазине фирмы в Санкт-Петербурге: в этом случае один из них должен был отправиться как доверенное лицо Боткиных, но в фирму «Пятков, Молотков и К^о»²², однако эти назначения так и не состоялись. Отметим, что многие служившие у Боткиных потом продолжали работу или в других фирмах, или даже организовывали свои, причем Боткины давали им средства на развитие дела (К.А. Попов, В.Я. Высоцкий, А.В. Швецов). Известно, что в фирме Молчанова впоследствии служил еще один родственник Боткиных – Сергей Дмитриевич Малашкин, правнук Гаврилы Кононовича Боткина²³.

В 1892 г. заканчивался срок контракта Сергея Милютина с фирмой «Молчанов, Печатнов и К^о»²⁴, и он ищет возможности дальнейшего трудоустройства, желая зарабатывать, как это было в Ханькоу, но предпочитая не проживать там постоянно. Именно тогда возникла идея получить должность специального агента Добровольного флота в Ханькоу. В этом случае проявился инициативный характер С.Н. Милютина, озаботившегося попросить рекомендательные письма от разных партнеров и лично обратившегося со своим предложением в Комитет Добровольного флота. Он предлагал бывать в Китае в чайный сезон, но постоянно там не проживать, получая при этом оплату такую же, как агент флота фирмы

¹⁴ Бакалдина Е.В. Схемы приобретения китайского чая фирмой «Петра Боткина сыновья» // Проблемы новой и новейшей истории Китая. М., 2018. С. 117–133.

¹⁵ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 25 декабря 1887 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 83 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 318. Л. 115 об.

¹⁸ Шаронова В.Г. Православная община в Ханькоу (1860–1910). С. 156, сн. 5. 1 фын = 1,86 копейки, 1 фын = 1/100 лана. Следовательно, 1 лан = 1,86 рубля.

¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 83. Л. 55.

²⁰ Дацзышен В.Г. Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений второй половины XIX – первой половины XX вв. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб., 2012. Вып. 2. С. 70.

²¹ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 1 января 1887 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 86–86 об.

²² Письма А.П. Константинова П.П. Боткину от 7 октября и 3 ноября 1886 года // Там же. № 256. Л. 184–184 об., 190–190 об.

²³ Письмо А.Н. Малашкиной П.П. Боткину от 28 ноября 1903 года // Там же. № 271. Л. 59.

²⁴ Письмо С.Н. Милютина П.П. Боткину от 9 (21) августа 1891 года // Там же. № 272 а. Л. 23 об.

«Молчанов, Печатнов и К^о»²⁵. Однако в итоге Добровольный флот отказался от услуг Милютина по причине того, что интересы флота должна представлять одна из наиболее крупных комиссионных фирм из русских чаоторговцев²⁶, хотя это и продолжило вызывать недовольство конкурентов²⁷. Такой подход был своеобразной тенденцией во многих заграничных пунктах, в частности в Адене, Гонконге, Нагасаки и Сингапуре флот был представлен не индивидуальными представителями, а компаниями²⁸.

После практически десятилетнего жительство в Ханькоу С.Н. Милютин вернулся в Москву и устроился агентом в Русский банк для внешней торговли. Согласно адресной книге города Москвы за 1897 г. (в 1896 г. он не значится), он проживал на Мясницкой улице в доме Баскакина²⁹. Благодаря сравнению подписей Сергея Николаевича Милютина из Ханькоу и Сергея Николаевича Милютина из Русского банка для внешней торговли понятно, что это один и тот же человек³⁰. В 1909 г. Сергей Николаевич Милютин был служащим в отделениях банка в Москве и Нижнем Новгороде³¹. Продолжая активную общественную жизнь, в 1896 г. Милютин стал членом Московского купеческого общества взаимного кредита³².

Последнее упоминание о С.Н. Милютине встречается в адресной книге города Москвы за 1915 г. как доверенном Русского для внешней торговли банка, проживающем в собственном доме № 5 по Лялиному переулку³³.

Возвращаясь к письмам Сергея Николаевича Милютина, написанным Петру Петровичу Боткину и Анне Петровне Пикулиной, урожденной Боткиной, отметим, что они разнообразны по содержанию. В первую очередь он достаточно подробно описывал свою жизнь и деятельность в доме фирмы «Пятков, Молчанов и К^о». «Благодаря тому, что наше общество состоит из 20 человек, не приходится слишком делиться, и все мы живем в семьях своих хозяев, как будто бы близкие или родня. Помещены мы в одном доме, стол, прислуга, все развлечения – все это общее, и так вся наша жизнь проходит вместе с утра до вечера, и даже в гости отправляемся все вместе, то невольно близко сходишься с хозяином и хозяйкой, чего в Москве не встретишь»³⁴. Впрочем, традиция близких, почти семейных отношений была распространена и в России в некоторых фирмах, в частности в фирме «Петра Боткина сыновья»³⁵, а замкнутость

Рис. 1. Ханькоу.

Воспроизведено по:
Ухтомский Э.Э. Путешествие
на Восток Его Императорского
Высочества... С. 215

²⁵ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 318. Л. 113–133.

²⁶ Там же. Л. 137.

²⁷ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1110. Л. 88; Ф. 95. Оп. 5. Д. 1645.

²⁸ Список личного состава Добровольного флота. СПб., 1893. С. 6.

²⁹ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1897 год. М., 1897. Общий алфавит жителей гор. Москвы, с указанием их местожительства, и торговых фирм, упоминаемых в отд. «Москва торгово-промышленная». С. 139.

³⁰ РГИА. Ф. 599. Оп. 1. Д. 603. Л. 6.

³¹ Там же. Л. 143.

³² Список членов Московского купеческого общества взаимного кредита на 1 января 1896 года. М., 1896. С. 54; Список членов Московского купеческого общества взаимного кредита с подразделением таковых на три избирательных собрания согласно п. а § 30 Устава. М., 1912. С. 101.

³³ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1915 год. М., 1915. Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов. С. 322.

³⁴ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 1 января 1887 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 86.

³⁵ Бакалдина Е.В. Боткины в письмах А.П. Константинова, доверенного фирмы «Петра Боткина сыновья» в Петербурге (по материалам ОПИ ГИМ) // Забелинские научные чтения – 2018: Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. М., 2020. Вып. 214. С. 211.

русского общества в Ханькоу еще больше способствовала складыванию не только деловых, но и семейных отношений.

Вследствие таких близких отношений между всеми русскими жителями в Ханькоу особую ценность представляют письма Милютинина о повседневной жизни: «за постоянной работой совсем не видишь, как день сменяется другим <...> наступил сезон³⁶, работали очень усердно, сезон был горячий <...>, который окончился, и теперь мы пользуемся большей свободой»³⁷. По вечерам было свободное время: «частная наша жизнь наполнена весь день работой, вечером мы ходим в клуб или читаем у себя дома. У нас здесь очень хорошая библиотека, и я много уже прочел всяких книг, так что чтение моя единственная отрада и отдых от работы»³⁸. Это одно из редких свидетельств про частную жизнь. Как правило, в источниках освещаются коммерческие дела. Даже путешественники рассказывали о чайном сезоне в Ханькоу, который их удивлял, когда город преображался: «прибытие чайных листьев приводит всех обитателей в лихорадочное движение; народ толпится на фабриках и в конторах, пароходы спешат ошвартоваться вдоль дамбы; днем и ночью улицы и площади европейского квартала переполнены деловым людом <...> Как только отправка ящиков с чаем окончена, в конторах воцаряется полное затишье, и в европейском квартале остается только небольшое количество служащих и приказчиков»³⁹.

Такая суматошная атмосфера была недолгой – только во время чайного сезона, и в остальное время Сергей Милютин жаловался на скуку. Стоит отметить, что он был по характеру достаточно активный и инициативный человек. После возвращения в Россию был членом нескольких обществ, причем в одном из них – учредителем. В письме из Ханькоу от 25 декабря 1891 г. он сообщал: «наши праздники проходят уныло, потому что очень много русских выехало совсем, и сейчас здесь не более 20 человек»⁴⁰. В другом письме Милютин снова повторялся: «частная наша жизнь идет очень скучно, никаких удовольствий и развлечений нет; после работы ходим гулять, но и гулянье ограничивается Европейским кварталом, очень небольшим местечком»⁴¹. Упоминает Милютин и клуб, в который ходили представители русской колонии⁴². В этом английском клубе было «много русских газет и журналов»⁴³.

По свидетельству современников, европейский квартал Ханькоу выглядел очень презентабельно: «при приближении к Ханькоу со стороны реки прежде всего обращает внимание именно эта концессия, походящая на большой тенистый парк, в коем виднеются группы красивых домов, расположенных правильными рядами вдоль удобно распланированных аллей. Самым красивым местом города является набережная, высоко поднимающая-

Рис. 2. Русская чайная фабрика в Ханькоу. Воспроизведено по: Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества... С. 187

³⁶ В 1893 г. чайный рынок открылся 4 мая, а в июне все количество первосборного чая было представлено на рынок. См.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1895. Вып. 59. С. 140.

³⁷ Письмо С.Н. Милютинина А.П. Пикулиной от 9 (21) августа 1891 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 77.

³⁸ Письмо С.Н. Милютинина А.П. Пикулиной от 1 января 1887 года // Там же. Л. 86 об.

³⁹ Реклю Ж.Ж.Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. VII: Восточная Азия. Китайская империя, Корея и Япония. С 91 рисунком и картой. СПб., 1885. С. 365–366.

⁴⁰ Письмо С.Н. Милютинина А.П. Пикулиной от 25 декабря 1891 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 74 об.

⁴¹ Письмо С.Н. Милютинина А.П. Пикулиной от 25 декабря 1887 года // Там же. Л. 83 об.

⁴² Письмо С.Н. Милютинина А.П. Пикулиной от 1 января 1887 года // Там же. Л. 86 об.

⁴³ де Воллан Г. По белу свету. Путевые заметки // Русское обозрение. 1892. Т. 5, № 10. С. 865–866.

ся над рекой»⁴⁴. Еще более красочно описывал европейский квартал А.Н. Краснов: «жилища <...>, выходящие фасадом на прелестный бульвар на набережной Голубой реки, состоящий из пышных деревьев, составляют улицу из прекрасных зданий тропического стиля. <...> Большие каменные одно- или двухэтажные здания со всех сторон окружены широкими верандами с колоннадами, совершенно увитыми вьющимися растениями и не пропускающими ни света, ни жара в комнаты. Перед каждым домом палисадник с тропическими растениями, пальмами, саговниками»⁴⁵.

Рис. 3. Набережная в Ханькоу.
Открытка конца XIX – начала XX в.
Частное собрание

Милютин упоминает также о китайской части города, причем с негативным оттенком: «в китайский же город невозможно и ходить»⁴⁶. Эта фраза подтверждается словами Краснова о соседских китайских кварталах: «имея жительство в Ханькоу, европеец является в городах этих [выше речь шла о Ханьяне и Вучане (Учане)] лишь посетителем их на короткое время, причем обстановка этого муравейника до такой степени ошеломляет его, что полудурманенный он спешит через несколько часов поскорее покинуть эту клоаку. Надо пожить и долго пожить в Китае, прежде чем освоишься и привыкнешь к обстановке китайского народа»⁴⁷. Еще более непривлекательную картину читаем у того же Краснова в другом очерке⁴⁸. Поэтому неудивительно нежелание Сергея Милютина бывать в китайских кварталах.

Отсутствие развлечений и скука между чайными сезонами были причинами, из-за которых Сергей Милютин думал даже уехать из Китая. «Вот уже два года как я живу в Ханькоу <...> И остается по условиям прожить еще один год, и затем могу ехать отсюда или остаться, как сам пожелаю. Если не было бы здесь так скучно жить во всех отношениях, то служить здесь, по моему мнению, лучше, чем в Москве»⁴⁹. Повторимся, что одним из главных достоинств была высокая оплата.

Мнение о недостатке развлечений подтверждается и в справочнике «Спутник по Дальнему Востоку»: «жизнь в Ханькоу среди европейцев не пестрит увеселениями и разнообразием, слишком уж деловой дух преобладает в ней»⁵⁰. Интересно, что в путеводителе по местам

Рис. 4. Улица китайской части Ханькоу. Фотография конца XIX в.
Воспроизведено по:
Bishop J.F. The Yangtze valley and beyond. London, 1899. P. 69

⁴⁴ Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. С приложением подробных статистических таблиц / сост. Д.Д. Покотиловым. СПб., 1895. С. 32.

⁴⁵ Краснов А.Н. По островам далекого Востока. Путевые очерки. СПб., 1895. С. 132.

⁴⁶ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 25 декабря 1887 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 83 об.

⁴⁷ Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации. СПб., 1898. С. 325.

⁴⁸ Краснов А.Н. По островам далекого Востока... С. 133–134.

⁴⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 86. Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 1 января 1887 года.

⁵⁰ Спутник по Дальнему Востоку: Забайкалье, Амурский край, Приморская область, Камчатка и Сахалин. Маньчжурия, Монголия, Китай, Корея и Япония. Города и порты: Адрес.-справ. Отд.: англ. и яп. слова и фразы: Планы важнейших городов. За 1910–11 год [3-й г. изд.]. Харбин, 1910. С. 332.

остановок морского сообщения Добровольного флота город Ханькоу, несмотря на продолжительную стоянку, даже не указан⁵¹. Это может говорить о том, что, по мнению составителей путеводителя, там нечего было смотреть. Лишь впоследствии, в 1910-е г., заметки о городе Ханькоу все же появились в путеводителях⁵².

Тем не менее у представителей русского купечества в Ханькоу были свои нехитрые радости. Главная из них – общение с новыми или вернувшимися представителями колонии: «мы дожидаемся уехавших отсюда ханьковцев, чтобы послушать их рассказы о России»⁵³. Вторит ему и П.А. Дмитриевский в письме П.С. Попову: «извините, что давно не писал. Положительно, было не о чем. Все идет так заурядно, просто не придумаешь <...>. Русские, уехавшие на зиму в Россию, уже возвращаются обратно. Разных закусок и сластей русских навезут»⁵⁴.

Милютин тесно общался в Ханькоу с представителями других русских чаоторговых фирм. В 1892 г. ему дали рекомендации в Комитет Добровольного флота для назначения на пост специального агента торговые дома «Токмаков, Молотков и К^о», «Братья К. и С. Поповы», торговый дом «Чирков, Панов и К^о», торговый дом «С.И. Спешилова и К^о» и Я.Г. Долбышев, кандидат директора товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о»⁵⁵. Кроме того, Милютин был уверен и в поддержке со стороны «Петра Боткина сыновья»⁵⁶, в которой также были недовольны действиями фирмы «Молчанов, Печатнов и К^о».

Как и в других местах, в Ханькоу православная вера скрепляла русское общество. Милютин так описывал Рождество 1890 г.: «праздник прошел тише. <...> Здесь никто не говееет. <...> Утром мы собрались в церковь, стали сами заутрени, – так как священника здесь не было, потом ходили поздравлять нашего консула, семейство здешнего купца Спешилова, в наш дом и в дом Токмакова, после полудни ходили гулять»⁵⁷. Но, даже говоря о праздниках, Милютин подчеркивал их рутину: «вечер кончился обычно»⁵⁸.

В этом письме Милютин упомянул церковь св. Александра Невского в Ханькоу, освященную в 1885 г. и построенную на средства русских чаоторговцев, в том числе и Петра Петровича Боткина⁵⁹. Кроме того, Михаил Петрович Боткин написал образа для этой церкви⁶⁰.

В церкви в Ханькоу долгое время не было постоянного священника, поскольку не хватало средств на

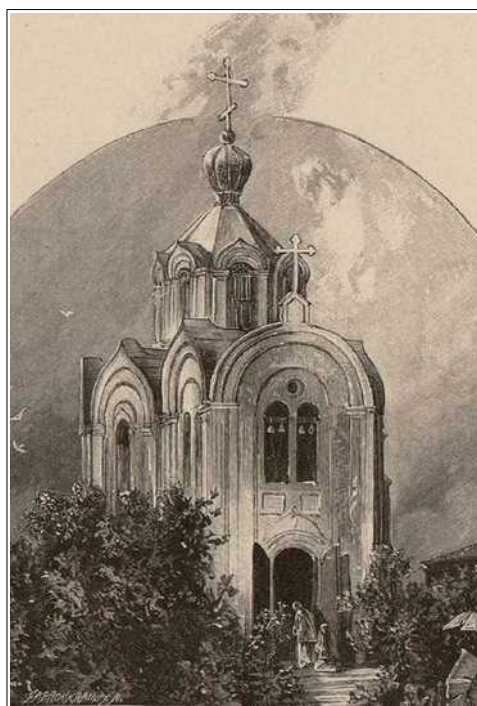

Рис. 5. Церковь св. Александра Невского в Ханькоу. Воспроизведено по: Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества... С. 209

⁵¹ На Дальний Восток из Одессы: Плавание Добровольного флота: Путеводитель Г. Каранта: 2 г. изд. 1900. Одесса, 1900.

⁵² Спутник по Дальнему Востоку... С. 329–332.

⁵³ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 25 декабря 1889 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 80.

⁵⁴ Письмо П.А. Дмитриевского П.С. Попову от 26 марта 1888 года // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 218. К. 763. Ед. хр. 8. Л. 3–3 об.

⁵⁵ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 318. Л. 113 об.

⁵⁶ Там же. Л. 115.

⁵⁷ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 2 (14) апреля 1890 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 78.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ И.Н.А. (Иеромонах Николай Адоратский). Настоящее положение и современная деятельность православной духовной миссии в Китае // Православный собеседник. 1884. Август. С. 375.

⁶⁰ И.Н.А. (Иеромонах Николай Адоратский). Православный храм в г. Ханькоу // Воскресный день. 1887. № 4. Февраль. С. 69.

его содержание⁶¹. Для понимания частоты приездов священников в Ханькоу упомянем 1886 г., когда богослужения проводились иеромонахом Николаем Адоратским в марте и апреле и иеромонахом Амфилохием в сентябре и октябре⁶², а для совершения служб между приездами священников приходилось обращаться к католическим миссионерам⁶³.

О ситуации с отсутствием священника Милютин писал: «к концу января месяца [1888 года] мы ожидаем приезда из Японии архимандрита Анатолия, и тогда начнется в здешнем храме служение; кроме того, имеется четверо некрещеных ребятишек»⁶⁴. Из другого источника, письма отца Николая Касаткина генеральному консулу России в Ханькоу от 4 (16) апреля 1888 г., известно о уже совершенном визите: «о<тец>. архимандрит Анатолий⁶⁵ – в восторге от своего пребывания в Ханькоу, и не наговорится о нем; заочно познакомил и меня с жизнью там»⁶⁶.

В 1892 г. Священный Синод разрешил члену Православной Пекинской миссии Иннокентию совершать богослужения в храме, до этого времени он лишь изредка по праздникам приезжал в Ханькоу⁶⁷. Для того чтобы священник оставался на постоянное жительство в городе, представители чаоторговых фирм обязались доплачивать ему 1 000 лан (ханькоуского серебра) к жалованию, получаемому из миссии⁶⁸.

Небольшая русская колония жила национальными традициями и привычками, встречая каждого соотечественника с русским радушием и гостеприимством⁶⁹. Эти качества отмечали многие побывавшие в Ханькоу. Например, архимандрит Анатолий Тихай, приезжавший в Ханькоу в 1888 г., был в восторге от единодушия и дружбы русских жителей Ханькоу, которые «все свято хранят свое природное православное благоверие и благочестие»⁷⁰. Краснов добавлял, что «такое радушие и сердечное гостеприимство, какое встречает русский путешественник у земляков своих в Ханькоу, он вряд ли может встретить еще где-либо на Дальнем Востоке»⁷¹. Сплоченность жителей русской колонии и соблюдение ими русских традиций – вот что питало многих русских в Китае.

Большим событием для русских жителей Ханькоу стало прибытие в апреле 1891 г. в город цесаревича Николая Александровича, где он был торжественно встречен русскими купцами. Несмотря на то, что этот визит подробно описан в трудах современников – Э.Э. Ухтомского и В.М. Краузе, а также в журнале «Восточное обозрение»⁷², интересно свидетельство принимающей стороны, тем более что Милютин проживал и служил в доме фирмы «Молчанов, Печатнов и К^о», где проходила часть приемов. Он так писал об этом событии: «нынешний год в особенности вышел очень хлопотливый для нас, готовились к встрече наследника, три дня праздновали его здесь пребывание достойным образом, которое никогда не изгладится из памяти русских»⁷³. Э.Э. Ухтомский, сопровождавший цесаревича

⁶¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 173. Д. 2709. Л. 3.

⁶² Там же. Оп. 168. Д. 2271. Л. 1 об.

⁶³ Там же. Оп. 173. Д. 2709. Л. 3.

⁶⁴ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 25 декабря 1887 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 83.

⁶⁵ Анатолий Тихай совершал богослужения в церкви в Ханькоу в 1888–1889 годы. См.: *Самохлеб С.О.* Японский миссионер архимандрит Анатолий (Тихай; 1838–1893) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 140.

⁶⁶ Письма Святителя Николая (Касаткина) П.А. Дмитревскому [Электронный ресурс] // Сайт Смоленский Собор. URL: http://smolenskiysobor.ru/saint/sviatitely/nikol_jp/pisma.htm (дата обращения: 20.06.2020).

⁶⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 173. Д. 2709. Л. 1, 5.

⁶⁸ Там же. Л. 3 об.

⁶⁹ *де Воллан Г.* По белу свету. Путевые заметки... С. 865.

⁷⁰ Письма Святителя Николая (Касаткина) П.А. Дмитревскому [Электронный ресурс] // Сайт Смоленский Собор. URL: http://smolenskiysobor.ru/saint/sviatitely/nikol_jp/pisma.htm (дата обращения: 20.06.2020).

⁷¹ *Краснов А.Н.* Из колыбели цивилизации. СПб., 1898. С. 324–325.

⁷² *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 2. Ч. 4. СПб.; Лейпциг, 1895. С. 200–239; *Краузе В.М.* Путешествие его императорского высочества государя наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича, 1891–1892: Греция. Египет. Индия. Китай. Япония. Сибирь. СПб., 1894. С. 28; Посещение Ханькоу его императорским высочеством государем наследником цесаревичем // Восточное обозрение. 1891. № 22. С. 3–4.

⁷³ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 9 (21) августа 1891 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 77.

Николая, упомянул Милютина среди прочих певчих церкви св. Александра Невского: «светлый храм с пронизывающими камином дым солнечными лучами, и озаренные ими задумчиво-строгие лики на иконостасе, – все живо напоминает родину и наполняет душу сладостно-жгучим ощущением. Хор любителей (Орлов, Масленников, Токмаков, Милютин, Останин, Кандинский) превосходно поет во время Божественной литургии и молебна»⁷⁴.

Конечно, общались русские ханькоусцы и с прибывавшими в Ханькоу русскими военными. Корабли российского флота не только охраняли империю, но и обеспечивали военное присутствие в Средиземном море и Тихом океане. Были русские стационары в Константинополе, на Дунае, в Тяньцзине и Ханькоу⁷⁵.

В частности, в декабре 1889 г. в Ханькоу прибыла канонерская лодка «Сивуч», с 1887 г. входящая в Сибирский флотский экипаж⁷⁶, но из-за наступившего мелководья пробыла недолго – до 1 января, когда была вынуждена уйти в Шанхай⁷⁷. Милютин так рассказывал об этом визите: «праздник нынешнего года вышел у нас очень веселый, на днях пришла сюда русская военная лодка “Сивуч”, и русской колонии сразу прибавилось. На ней командир, очень образованный, веселый и отлично говорящий на английском, немецком и французском языке, 10 офицеров и 150 человек команды. Командира и офицеров очень радушно приняли, не только русские, но и английские дома, начали устраивать завтраки, обеды и балы, в которых пройдет эта неделя. У наших моряков имеется любительский оркестр из 18 человек, потом они намерены дать представление, знаете народ военный – и в особенности моряки везде бывавшие умеют все-таки устроить, что все веселятся. Жаль, что вода в реке спадает, и они спешат отсюда выйти после Нового Года»⁷⁸. Известно, что с 8 мая 1889 г. командиром «Сивуча» был назначен капитан 1-го ранга Александр Парменович Кашеринин (1843–1920), именно его описывал Милютин.

Частично ограниченность общения круга русских в Ханькоу восполнялась контактами с иностранцами. Как писал Г. де Воллан, «русские <...> поддерживают дружеские отношения с другими европейцами»⁷⁹, по большей части с англичанами. Это выливалось в совместное времяпровождение, в частности на праздниках. В 1886 г. Милютин рассказывал крестной матери: «недавно англичане праздновали свое Рождество и Новый год, в некоторых домах делали обеды, на которые каждый надевает на себя какое-нибудь головное украшение, сделанное из бумаги <...>. На своих святках русские собираются рядиться, и англичане с удовольствием принимают нас»⁸⁰.

Рис. 6. Прием цесаревича Николая Александровича в Ханькоу в 1891 году. Воспроизведено по: Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 2. Ч. 3. СПб.; Лейпциг, 1895. С. 209

⁷⁴ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891... С. 204.

⁷⁵ Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. С. 31–32.

⁷⁶ Афонин Н.Н. Канонерские лодки типов «Сивуч» и «Грозный». СПб., 2011. С. 16.

⁷⁷ Гальня В., Киселёв Д. Германская «Выдра» для Янцзы. Речная канонерская лодка «Оттер». Ч. 1 // Канонерские лодки Германии: сборник материалов. Курск, 2021. С. 17.

⁷⁸ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 25 декабря 1889 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 80.

⁷⁹ де Воллан Г. По белу свету. Путевые заметки... С. 866.

⁸⁰ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 25 декабря 1887 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 83.

На православное Рождество празднования уже организовывались русскими. Милютин сообщал: «в январе русские здесь, т.е. вся наша молодежь, дает англичанам бал в клубе. На этот бал съедутся из всех местечек, то есть колоний англичан. Барыни, насчитывали, что приедут даже за 500 и 1 000 верст к нам в Ханькоу на русский бал, что здесь не редкость, и всего со своими барынями будет не более 12 дам, вот Вам Китайское общество. Так вот все идет у нас на английский манер, так что им я незаметно изменился и превратился в иностранца»⁸¹. Эта мысль подтверждается словами А.Н. Краснова: «убранство домов и строй жизни наших русских чаоторговцев ничем не отличаются от английского. Пока вы не заговорите, не всмотритесь ближе, вы не отличите их от англичан. Английские бритые физиономии, английское распределение времени, английская обстановка, английские манеры. Можно подумать, что русский купец переродился в англичанина»⁸². Отметим, что многие русские жители проживали на территории Британской концессии Ханькоу, лишь в 1896 г. была создана Русская концессия⁸³.

Доминирование английского образа жизни отражалось даже в градостроительстве. А.Н. Краснов так писал о европейской части города: «в Ханькоу вы попадете в хорошенький и довольно благоустроенный квартал английского колониального города. Значительная часть построек этого города и его капиталов принадлежит, впрочем, русским купцам, хотя в администрации города они принимают мало участия»⁸⁴. Таким образом, английский стиль жизни все же был с русским колоритом.

Конечно, Сергей Милютин не мог обойти вниманием в письмах тему внутренних волнений в Китае и сплочения европейцев перед лицом опасности. «Были здесь смуты китайцев, несколько миссионеров были убиты внутри страны и монастыри разграблены, и на нас готовилось нападение; мы организовались как защищаться и добраться до военных лодок. Здесь сейчас стоит одна английская лодка и одна русская. Теперь все поутихло, и жизнь наша пошла своим чередом»⁸⁵. Упомянутые Милютиным военные лодки были станционерами, о которых шла речь выше, одним из них была канонерская лодка «Сивуч». В другом году он сообщал, что восставшие «разграбили имущества европейцев, которые едва спаслись бегством <...> Готовились к защите <...> Мужчинам выдали оружие и разделили на отряды. <...> Европейцы – менее 100 человек»⁸⁶. Эта информация противоречит словам Э.Э. Ухтомского, который после визита цесаревича Николая в Ханькоу дипломатично писал, что «китайцы очень любят здешних русских; при взрыве негодования черни против европейского элемента, служащие у них всегда готовы грудью встать за своих хозяев, – вполне ясно отличая последних от “людей из-за моря”»⁸⁷. Милютин же, наоборот, сообщал о кооперации европейцев разных наций.

Английские и русские жители Ханькоу контактировали не только в свободное время, они совместно вели дела. Иностранные фирмы пользовались услугами русских перевозчиков⁸⁸, и наоборот⁸⁹. Свидетельством тесного сотрудничества и общения русских, в част-

⁸¹ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 1 января 1887 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 86 об.

⁸² Краснов А.Н. По островам далекого Востока... С. 132–133.

⁸³ Дацьиен В.Г. Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений второй половины XIX – первой половины XX вв. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб., 2012. Вып. 2. С. 73; Шаронова В.Г., Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу // Российское зарубежье: история и современность. М., 2017. Вып. 6. С. 153–159; Шаронова В.Г. Русский храм на Янцзы (Окончание. Начало в № 5 2018 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 168; Шаронова В.Г. Православная община в Ханькоу (1860–1910) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 154.

⁸⁴ Краснов А.Н. Из колыбели цивилизации... С. 324.

⁸⁵ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 9 (21) августа 1891 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 77.

⁸⁶ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 6 (18) октября 1889 года // Там же. Л. 82 об.

⁸⁷ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 2. Ч. 4. СПб.; Лейпциг, 1895. С. 224.

⁸⁸ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 318. Л. 127. Например, фирма «Рейд (Рид), Эванс и К^о» пользовалась услугами пароходов Добровольного флота.

⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 273. К. 14. Ед. хр. 3. Л. 149 об., 197.

ности С. Милютин, с англичанами являются рекомендации от 10 иностранных фирм: «Ф.С. Дикон и К^о» (Deacon & Co), «Эванс, Пью и К^о» (Evans, Pugh & Co), «Родевальд и К^о» (Rodewald & Co), «Рейд (Рид), Эванс и К^о» (Reid, Evans & Co), «Джардейн (Джардин), Матесон и К^о» (Jardine, Matheson & Co), «Теодор и Раулинс» (Theodor & Rawlins), «Додвелль, Карлилль и К^о» (Dodwell, Carlill & Co), «Джордж Кларк и К^о» (George Clarke & Co), «Роберт Андерсон и К^о» (Robert Anderson & Co), «Алекс Камбелль и К^о» (Alex Campbell & Co)⁹⁰. В рекомендации от фирмы «Ф.С. Дикон и К^о» отмечалось, что они знают С. Милютин на протяжении многих лет и сотрудничали с ним в погрузочных делах, а в письме фирмы «Родевальд и К^о» говорилось о Милютине, что «с Вашими познаниями и опытностью Вы в состоянии удовлетворить грузчикам, также охранять беспристрастно интересы наши и заказчиков чаев и всех сторон, заинтересованных в этом деле»⁹¹.

Такого рода поддержка объяснялась не только продуктивными деловыми отношениями, но и желанием ликвидировать монополию и привилегии фирмы «Молчанов, Печатнов и К^о» при отправке грузов Добровольным флотом и тем самым понизить стоимость провоза груза до Европы.

Другим свидетельством общения между русскими и иностранными предприятиями может служить бланк чаеоторговой фирмы «Джардейн, Матесон и К^о», который сохранился в архиве Боткиных. На нем напечатана информация о грузах чая и ценах на него на английском языке с переводом на русский⁹², т.е. своеобразное предложение о сотрудничестве с преискурантом.

Конкуренция в Ханькоу как между чаеоторговцами, так и между пароходными компаниями периодически обострялась. Несмотря на декларации о том, что запуск рейсов Добровольного флота положил «начало к освобождению русских чаеоторговцев от зависимости и опеки со стороны иностранных предприятий»⁹³, русские фирмы все равно вынуждены были пользоваться иностранными судами: например, во время русско-турецкой войны не было русского пароходства⁹⁴, а иногда наши корабли шли только до Лондона⁹⁵.

Несмотря на то, что Милютин многое устраивало в работе в Ханькоу, он мечтал вернуться на родину, где долго не был: «время летит незаметно, – вот уже пять лет, как я живу здесь безвыездно, а для Китая это много значит. (На будущий год буду проситься на побывку домой)»⁹⁶, в другом письме – «весьма желательно вернуться в Москву и свидится со всеми родными и близкими знакомыми»⁹⁷, в третьем – «я живу надеждой, что вот скоро настанет время, когда можно будет возвратиться домой»⁹⁸.

Существенной поддержкой для Сергея Милютин стало приглашение в Ханькоу его двоюродного брата Константина Круглова⁹⁹. Милютин сообщал П.П. Боткину: «по моей просьбе Молчанов принял на службу к себе моего двоюродного брата, – сына Семиона Ивановича Круглова, который жил до сего времени в Москве у старшего зятя. Я писал своей матери, чтобы его отправлять сюда, и вероятно, он уже выехал сюда»¹⁰⁰.

Милютин ценили и уважали в Ханькоу. Как он сам писал: «благодаря этой обстановке, к которой я как раз подошел, меня достаточно все изучили и полюбили за мой характер, при этом конечно нашли во мне неплохого работника»¹⁰¹. То, что его слова не являлись пустым хвастовством, доказывает то обстоятельство, что когда в 1892 г. в Ханькоу возникли трения между фирмами из-за того, что агентом Добровольного флота была фирма «Молчанов,

⁹⁰ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 318. Л. 113 об., 124–133.

⁹¹ Там же. Л. 124, 126.

⁹² ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 272. Л. 199.

⁹³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 16. Д. 770. Л. 4–4 об.

⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 273. К. 14. Ед. хр. 3. Л. 197.

⁹⁵ Там же. Л. 149 об.

⁹⁶ Письмо С.Н. Милютин А.П. Пикулиной от 6 (18) октября 1889 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 82 об.

⁹⁷ Письмо С.Н. Милютин А.П. Пикулиной от 1 января 1887 года // Там же. Л. 86 об.

⁹⁸ Письмо С.Н. Милютин А.П. Пикулиной от 25 декабря 1891 года // Там же. Л. 74 об.

⁹⁹ Письмо С.Н. Милютин А.П. Пикулиной от 9 (21) августа 1891 года // Там же. Л. 77.

¹⁰⁰ Письмо С.Н. Милютин А.П. Пикулиной от 1 января 1887 года // Там же. Л. 86–86 об.

¹⁰¹ Там же.

Печатнов и К^о», которую обвиняли в протекции собственных интересов при погрузке чаев, кроме того, они как агенты перевозчика знали подробности заказов чаев своими конкурентами¹⁰², что давало им преимущества при торговле чаями, то именно Милютин стал компромиссной фигурой, с которой все согласились, если бы от флота был назначен новый специальный агент¹⁰³. Для него не было бы новым занятием, поскольку помимо основных обязанностей в фирме С.Н. Милютин выполнял функции агента Добровольного флота¹⁰⁴.

Идея независимого агента для Ханькоу была не нова, еще в 1881 г. об этом шла речь¹⁰⁵, а в 1891 г. несколько фирм обратились в Комитет Добровольного флота с просьбой о направлении в Ханькоу независимого агента¹⁰⁶.

Еще одной темой, периодически затрагиваемой в письмах Милютина, были сведения о русских жителях Ханькоу, причем как личного характера, так и коммерческого. Конечно, Милютин периодически рассказывал о руководителях фирмы, в которой служил, – о Молчановых. «Нынешний год уехал отсюда в Россию Никита Матвеевич Молчанов и кроме того двое служащих, так что народу у нас здесь осталось немного»¹⁰⁷. Или: «недавно выехал отсюда на время в Россию его брат (брат г. Молчанова [Яков Матвеевич Молчанов], который лечится в Париже от болезни глаз)»¹⁰⁸. Петру Петровичу Боткину Милютин сообщал и об изменениях в составе конкурентов и посредников: «в нашей фирме произошли небольшие изменения. После ухода нашего фучжоуского доверенного г-на С.А. Чиркова, в нынешнем году вышел г-н Я.К. Панов и вступил в компанию с С.А. Чирковым (фирма “Спешилов, Чирков и К^о”). Вероятно, Вам известны причины ухода этих лиц, служивших в нашей фирме, один – 12 лет, а другой – более 15. <...> Мои бывшие товарищи по службе открыли свое дело. Чайное дело они знают превосходно <...> К сожалению, не обладают большими денежными средствами»¹⁰⁹. На трения в фирме «Молчанов, Печатнов и К^о» С.Н. Милютин намекал и в письме одному из представителей Добровольного флота: «обстоятельства заставляют меня выйти со службы из нашей фирмы по примеру моих долголетних товарищей С.А. Чиркова и Я.К. Панова, которые открыли в нынешнем году свою фирму»¹¹⁰. Отметим, что отношения между бывшими сослуживцами оставались хорошими, и Я.К. Панов, и С.А. Чирков в 1892 г. поддержали кандидатуру Милютина на должность специального агента Добровольного флота¹¹¹.

Встречается в письмах Милютина и информация про климат и погоду в Ханькоу: «теперь у нас наводнение <...> У нас все построено на возвышенности, а у китайцев залиты дома и их земли»¹¹². По словам В. Надарова, в Ханькоу происходили ежегодные наводнения¹¹³, и «хотя европейский квартал огорожен с набережной каменным оплотом, неукротимо разливающаяся мутная река затопляет иногда и тамошние благоустроенные улицы-аллеи»¹¹⁴. Были проведены масштабные работы, чтобы поднять почву европейского квартала выше уровня наводнений и построить оборонительную плотину высотой в 15 метров, которой англичане дали название банд (bund)¹¹⁵ от английского слова «набережная».

¹⁰² РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 318. Л. 118, 129; Ф. 98. Оп. 1. Д. 295. Л. 10. Впрочем, такие обвинения были и в 1870-е гг. в адрес агента Русского общества пароходства и торговли Н.А. Иванова. См.: *Хамзин И.Р.* Морская торговля России и Китая во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2021. С. 164.

¹⁰³ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 318. Л. 128.

¹⁰⁴ Там же. Д. 295. Л. 10; Ф. 20. Оп. 2. Д. 1005. Л. 85.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 86. Л. 100–100 об.

¹⁰⁶ Там же. Д. 318. Л. 113.

¹⁰⁷ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 6 (18) октября 1889 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 82 об.

¹⁰⁸ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 25 декабря 1887 года // Там же. Л. 83 об.

¹⁰⁹ Письмо С.Н. Милютина П.П. Боткину от 9 (21) августа 1891 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 272 а. Л. 22 об.

¹¹⁰ Письмо С.Н. Милютина С.И. Кази от 2 (14) июня 1892 года // РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 295. Л. 10 об.

¹¹¹ Там же. Д. 318. Л. 121.

¹¹² ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 82 об. Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 6 (18) октября 1889 года.

¹¹³ *Надаров В.И.* Материалы к изучению Ханькоу, его географического положения, связанных с ним транзитных путей, его торговли и пр. Владивосток, 1901. С. 8.

¹¹⁴ *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 2. Ч. 4. СПб.; Лейпциг, 1895. С. 239.

¹¹⁵ *Реклю Ж.Ж.Э.* Земля и люди. Всеобщая география. Т. VII: Восточная Азия... С. 365.

Как сказано в справочнике «Спутник по Дальнему Востоку» за 1910–1911 г., климат в Ханькоу тяжелый, «летом бывает сильная жара, которая благодаря обилию вод производит большие испарения и делает воздух сырым и потому нездоровым. Летом часто болеют европейцы, не выдерживая тяжелого климата. Лучшим временем года считаются осень и зима, когда устанавливается сухая, теплая, спокойная погода»¹¹⁶. Такой климат плохо сказывался на самочувствии С. Милютина, он беспокоился: «если позволит здоровье, то предполагаю прожить здесь еще года два»¹¹⁷. С другой стороны, зимой находиться в Ханькоу было значительно легче: «погодой здесь мы избалованы, только недавно выпал снег, и то на один день»¹¹⁸. Тяжелый климат стал одной из причин того, что С.Н. Милютин хотел периодически уезжать из Ханькоу в Москву или Петербург¹¹⁹, как это уже стали практиковать владельцы некоторых русских фирм в Китае¹²⁰. Если бы Милютин стал бы агентом Добровольного флота, то это было бы достаточно легко устроить, учитывая, что пароходы Добровольного флота приходили в Ханькоу друг за другом. Например, в 1884 г. в Ханькоу пароход «Россия» стоял с 1 по 17 мая, пароход «Петербург» – с 9 по 26 мая, «Москва» – со 2 по 15 июня, пароход «Кострома» – с 7 июня по 3 июля¹²¹. На остальное время можно было возвращаться в Россию.

В итоге к 1892 г. Сергей Милютин был опытным работником, знакомым с таможенными порядками и местными условиями¹²², которого знали лично и командиры судов, и представители чаоторговых фирм русских и иностранных, а также владеющим языками¹²³ – французским, английским и немецким¹²⁴. Для чаоторговой деятельности не было особой необходимости знать китайский язык, все переговоры шли на английском. Как сказано в справочнике «Спутник по Дальнему Востоку»: «главствующим элементом в колонии являются англичане, наложившие на европейский Ханькоу свой резкий национальный отпечаток: всюду почти жизнь построена на их лад. Общим и вместе с тем официальным языком также является английский, на котором объясняются иностранцы разных национальностей как между собой, так и с китайцами»¹²⁵. В Ханькоу выходили две газеты на английском языке – “Hankow Daily News” и “Hankow Mail”¹²⁶, а также короткое время – русскоязычная газета «С Востока».

Таким образом, письма Сергея Николаевича Милютина, написанные Петру Петровичу Боткину и Анне Петровне Пикулиной, урожденной Боткиной, являются важным источником о жизни в Ханькоу чаоторговцев, как русских, так и иностранных. Милютин делился деталями о повседневной жизни и деятельности чаоторговцев, писал о взаимоотношениях с коллегами и конкурентами, рассказывал о знаковых для русских ханькоусцев событиях – о посещении Ханькоу цесаревичем Николаем Александровичем, архимандритом Анатолием Тихаев, канонерской лодкой «Сивуч». И хотя об отдельных из этих событий есть сведения из других источников, а также некоторые детали жизни русских чаоторговцев реконструированы в нескольких историографических работах, подробности, переданные очевидцем, долгое время жившим в Ханькоу и принимавшим в событиях непосредственное участие, придают его рассказам дополнительную ценность.

¹¹⁶ Спутник по Дальнему Востоку... С. 330, 333.

¹¹⁷ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 25 декабря 1887 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 480. Л. 83 об.

¹¹⁸ Письмо С.Н. Милютина А.П. Пикулиной от 1 января 1887 года // Там же. Л. 86 об.

¹¹⁹ Письмо С.Н. Милютина Сергею Ильичу Казю (?) от 2 (14) июня 1892 года // РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 295. Л. 10 об.

¹²⁰ Шаронова В.Г. Православная община в Ханькоу (1860–1910)... С. 158.

¹²¹ Отчет общества Добровольного флота. С 1-го декабря 1883 по 1-го декабря 1884. СПб., 1884. С. iii, ii, v, iv.

¹²² РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 318. Л. 121–121 об.

¹²³ Письмо С.Н. Милютина Сергею Ильичу Казю (?) от 2 (14) июня 1892 года // Там же. Д. 295. Л. 10.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Спутник по Дальнему Востоку... С. 330.

¹²⁶ Там же. С. 335.

Литература

Афонин Н.Н. Канонерские лодки типов «Сивуч» и «Грозящий». СПб., 2011. 61 с.

Бакалдина Е.В. Боткины в письмах А.П. Константинова, доверенного фирмы «Петра Боткина сыновья» в Петербурге (по материалам ОПИ ГИМ) // Забелинские научные чтения – 2018: Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. М., 2020. Вып. 214. С. 209–216.

Бакалдина Е.В. Схемы приобретения китайского чая фирмой «Петра Боткина сыновья» // Проблемы новой и новейшей истории Китая. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 117–133.

Галыня В., Киселев Д. Германская «Выдра» для Янцзы. Речная канонерская лодка «Оттер». Ч. 1 // Канонерские лодки Германии. Сборник материалов. Курск, 2021. С. 16–26.

Дацышен В.Г. Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений второй половины XIX – первой половины XX вв. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб.: Альфарет, 2012. Вып. 2. С. 67–81.

Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: ЛеКо, 2006. 343 с.

Лю Цзайци. Чайный путь и русская диаспора в Ханькоу // Enciclopeddica. Revista de istorie a Stintei si Studii encliclopedie. 2014. № 1–2 (6–7). С. 197–204.

Лю Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией // Теория и практика общественного развития. 2009. Вып. 2. С. 63–75.

Самохлеб С.О. Японский миссионер архимандрит Анатолий (Тихай; 1838–1893) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 134–142.

Хамзин И.Р. Морская торговля России и Китая во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2021. 263 с.

Хохлов А.Н. Российские купцы в Китае в 60-е – 80-е гг. 19 в: трудные будни и редкие праздники // Общество и государство в Китае: тезисы докладов XIX науч. конф. Ч. II. М., 1988. С. 210–222.

Хохлов А.Н. Торговля и предпринимательская деятельность россиян в Китае во второй половине XIX века // Российская история. 2012. № 3. С. 144–152.

Шаронова В.Г. Православная община в Ханькоу (1860–1910) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 151–169.

Шаронова В.Г. Русский храм на Янцзы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 155–166.

Шаронова В.Г. Русский храм на Янцзы (Окончание) // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 163–172.

Шаронова В.Г., Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу // Российское зарубежье: история и современность. М., 2017. Вып. 6. С. 153–159.

References

Afonin, N.N. (2011). *Kanonerskie lodki tipov “Sivuch” i “Grozyashchiy”* [Gunboats of the “Sivuch” and “Grozyashchiy” Types]. St. Petersburg, 61 p.

Bakaldina, E.V. (2020). *Botkiny v pis'makh A.P. Konstantinova, doverennogo firmy “Petra Botkina synov'ya” v Peterburge (po materialam OPI GIM)* [Botkins in Letters of A.P. Konstantinov, a Trustee of the Firm “Peter Botkin’s Sons” in St. Petersburg (Based on the Materials of the OPI State Historical Museum)]. In *Zabelinskie nauchnye chteniya – 2018: Istoricheskiy muzey – entsiklopediya otechestvennoy istorii i kul'tury / Trudy GIM*. Moscow. Iss. 214, pp. 209–216.

Bakaldina, E.V. (2018). *Skhemy priobreteniya kitayskogo chaya firmoy “Petra Botkina synov'ya”* [Schemes for the Purchase of Chinese Tea by the Company “Peter Botkin’s Sons”]. In *Problemy novoy i noveyshey istorii Kitaya*. Moscow, IDV RAN, pp. 117–133.

Galynya, V., Kiselyov, D. (2021). Germanskaya "Vydra" dlya Yantszy. Rechnaya kanonerskaya lodka "Otter". Chast' 1 [German "Otter" for the Yangtze. River Punboat "Otter". Part 1]. In *Kanonerskie lodki Germanii. Sbornik materialov*. Kursk, pp. 16–26.

Dacyshen, V.G. (2012). Russkie v Khan'kou: iz istorii rossiysko-kitayskikh otnosheniy vtoroy poloviny XIX – pervoy poloviny XX vv. (po arkhivnym i knizhnym fondam Moskvy, Sibiri, Dal'nego Vostoka i Kitaya) [Russians in Hankou: From the History of Russian-Chinese Relations in the Second Half of the 19th – First Half of the 20th Centuries (According to Archival and Book Stocks of Moscow, Siberia, the Far East and China)]. In *Rossiya i Kitay: nauchnye i kul'turnye svyazi (po materialam arkhivnykh, rukopisnykh, knizhnykh i muzeynykh fondov)*. St. Petersburg, Al'faret. Iss. 2, pp. 67–81.

Kondratenko, R.V. (2006). *Morskaya politika Rossii 80-kh godov XIX veka* [Maritime Policy of Russia in the 80s of the 19th Century]. St. Petersburg, LeKo. 343 p.

Lyu Czajci. (2014). Chaynyy put' i russkaya diaspora v Khan'kou [The Tea Road and the Russian Diaspora in Hankou]. In *Entsiklopedika. Revista de istorie a Stintei si Studii entslikopedie*. No. 1–2 (6–7), pp. 197–204.

Lyu Czajci. (2009). Chaynaya trgovlya mezhdru Kitaem i Rossiey [Tea Trade Between China and Russia]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. Iss. 2, pp. 63–75.

Samokhli, S.O. (2021). Yaponskiy missioner arkhimandrit Anatoliy (Tikhay; 1838–1893). [Japanese Missionary Archimandrite Anatoly (Tihai, 1838–1893)]. In *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii*. No. 2 (7), pp. 134–142.

Khamzin, I.R. (2021). *Morskaya trgovlya Rossii i Kitaya vo vtoroy polovine XIX v.* [Maritime Trade Between Russia and China in the Second Half of the 19th Century], Cand. hist. sci. diss. abstract. Yekaterinburg. 263 p.

Khokhlov, A.N. (1988). Rossiyskie kupty v Kitae v 60-e – 80-e gg. 19 v: trudnye budni i redkie prazdniki [Russian Merchants in China in the 60s – 80s. 19th Century: Difficult Everyday Life and Rare Holidays]. In *XIX nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae". Tezisy dokladov*. Moscow. Part 2, pp. 210–222.

Khokhlov, A.N. (2012). Torgovlya i predprinimatel'skaya deyatelnost' rossiyan v Kitae vo vtoroy polovine XIX veka [Trade and Entrepreneurial Activity of Russians in China in the Second Half of the 19th Century]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 144–152.

Sharonova, V.G. (2020). Pravoslavnaya obshchina v Khan'kou (1860–1910) [Orthodox Community in Hankou (1860–1910)]. In *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii*. No. 2 (5), pp. 151–169.

Sharonova, V.G. (2018). Russkiy khram na Yantszy [Russian Temple on the Yangtze]. In *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 5, pp. 155–166.

Sharonova, V.G. (2018). Russkiy khram na Yantszy (Okonchanie) [Russian Temple on the Yangtze (The End)]. In *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 6, pp. 163–172.

Sharonova, V.G., Chen' Kajke. (2017). Russkaya kontsessiya v Khan'kou [Russian Concession in Hankou]. In *Rossiyskoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost'*. Moscow. Iss. 6, pp. 153–159.

Е.И. Нестерова*

**ОТКРЫТИЕ РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО
КОНСУЛЬСТВА В ХАРБИНЕ: ПРЕДЫСТОРИЯ (1906–1907)**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-5
УДК 327:94(5)

Выходные данные для цитирования:
Нестерова Е.И. Открытие российского генерального консульства в Харбине: предыстория (1906–1907) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 67–79.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-05.pdf>

E.I. Nesterova*

**OPENING OF THE RUSSIAN CONSULATE GENERAL
IN HARBIN: PREHISTORY (1906–1907)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-5

How to cite:
Nesterova E.I. Opening of the Russian Consulate General in Harbin: Prehistory (1906–1907) // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 67–79.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-05.pdf>]

Abstract. The alliance treaty between China and Russia (05.22.1896), the contract for the construction and operation of the Chinese Eastern Railway (08.27.1896), and the convention on the Liaodong Peninsula (03.15.1898) made Russia's priority in Manchuria obvious. However, the Russo-Japanese War changed the situation. After its end and the signing of the Japanese-Chinese agreement, the Chinese government decided to open a number of cities in Manchuria to foreigners from January 1, 1907. Thanks to this, any state could establish its own consulate in open cities. In the context of competition for the expansion of spheres of influence in China, the question of consulates acquired special importance. The very fact of their creation was an important means of strengthening the influence of a state both in the region and in the country. The specificity of Harbin was that by the time the Russian consulate was established, institutions (both Russian and Russian-Chinese) that partially performed consular functions had been operating there for several years. The article attempts to identify institutions that are significant in this aspect, to trace the conditions of their emergence, the scope of competencies and powers, and the mechanism of communication with regional and central Chinese authorities. The analysis of this subject allows us to further study the activities of the Russian consuls in Manchuria and to more clearly understand the situation in which they had to protect the interests of the Russian Empire and its subjects.

Keywords: Harbin, Russian Consulate, diplomatic agent of the Ministry of Foreign Affairs in Manchuria, mixed courts, D.D. Pokotilov, V.F. Luba.

The article has been received by the editor on 01.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Подписание в конце XIX в. российско-китайских договора, конвенции и контракта (союзный договор между Китаем и Россией (22.05.1896), контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги (27.08.1896), конвенция о Ляодунском полуострове (15.03.1898)) сделало приоритет России в Маньчжурии очевидным, но не неоспоримым, что и продемонстрировала русско-японская война. После ее окончания и подписания японо-китайского соглашения китайское правительство приняло решение открыть для иностранцев с 1 января 1907 г. ряд городов Маньчжурии. Благодаря этому любое государство могло учредить свои консульства в открытых городах.

* Елена Ивановна Нестерова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, e-mail: blb1@mail.ru

Elena Ivanovna Nesterova, Candidate of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: blb1@mail.ru

В условиях политического и экономического соревнования за сферы влияния в Китае вопрос о приоритете открытия консульств приобретал особое значение, а сам факт их наличия являлся важным средством упрочения влияния того или иного государства как в регионе, так и в стране. Специфика Харбина заключалась не только в том, что он к этому времени стал центром КВЖД, но и в том, что к моменту создания российского консульства здесь уже не первый год действовали институции (как российские, так и российско-китайские), частично выполнявшие консульские функции. В статье предпринята попытка выявить значимые в этом аспекте институции, проследить условия их возникновения, объем компетенций и полномочий, механизм коммуникации с региональными и центральными китайскими властями. Анализ этого сюжета позволяет в дальнейшем при исследовании деятельности российских консулов в Маньчжурии более четко понимать ту ситуацию, в которой им пришлось отстаивать интересы Российской империи и ее подданных.

Ключевые слова: Харбин, российское консульство, дипломатический агент МИД в Маньчжурии, смешанные суды, Д.Д. Покотилов, В.Ф. Люба.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023 г.

---

1 июля 1908 г.¹ был принят «высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой» закон «Об учреждении консульств в Маньчжурии», согласно которому в Харбине и Мукдене были учреждены генеральные консульства в Дальнем, Гирине, Цицикаре – консульства, а в Куаньченцзы – вице-консульство². Однако генеральное консульство в Харбине было открыто раньше – 1 января 1907 г., штат был утвержден Николаем II в конце 1906 г., а этому моменту, как следует из архивных документов, предшествовала интенсивная подготовка к открытию консульства, развернувшаяся осенью 1906 г. Настоящая статья посвящена анализу ситуации, предшествовавшей учреждению консульства в Харбине и истории его открытия.

Согласно японо-китайскому «Соглашению о Маньчжурии» (22.12.1905), после эвакуации русских и японских войск китайское правительство обязалось незамедлительно открыть для проживания иностранцев 16 городов в трех маньчжурских провинциях. Среди предназначенных к открытию городов был указан и Харбин³. Портсмутский мир отводил на вывод русских и японских войск полтора года⁴, и, следовательно, в начале 1907 г. центр КВЖД – Харбин – стал открытым для иностранцев городом, где могли действовать консульства любых государств.

Осознавая эти перспективы, российский МИД начинает форсировать работы по открытию консульств в Маньчжурии, российские дипломаты на протяжении второй половины 1906 г. предпринимают все возможные меры, чтобы не отстать от других стран и не остаться без официального представительства в сердце собственной сферы влияния – Харбине. В начале декабря 1906 г. на стол императора ложится секретная телеграмма посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, в которой говорится о «крайней желательности» назначения консулов в Харбине, Гирине, Цицикаре, Куанченцзы не позже первого наступающего января, «дабы, в виду несомненного назначения туда же иностранных консулов, наши представители повсюду в Северной Маньчжурии занимали первенствующее положение»⁵. Николай II пишет на телеграмме единственное слово: «Да».

---

¹ Даты в статье приведены по старому стилю.

² Об учреждении консульств в Маньчжурии // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1911. Т. 28. Ч. 1. С. 454.

³ Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге. Харбин, 1922. С. 63.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 2236. Л. 8, 11–13.

Опасения российских дипломатов были не беспочвенны – ряд иностранных государств также проявил явную заинтересованность и был намерен воспользоваться этой возможностью. Особенно в этом преуспели США и Япония, так как первые были заинтересованы в экономическом проникновении в регион, а вторая, получив в качестве сферы влияния Южную Маньчжурию, пристально наблюдала за Северной. Американское правительство отправило своего представителя в Харбин даже не дожидаясь официального открытия Маньчжурии. Назначение будущий консул Фред Дуглас Фишер⁶ получил 22 июня 1906 г.⁷, а уже в начале октября 1906 г. он находился в Харбине, правда пока как неофициальное лицо⁸.

Первое здание российского генерального консульства в Харбине (1907–1909). В наши дни в здании находится гранд-отель «Лунмэнь Модерн Плаза». ул. Хунцзюнь, д. 85

будущий консул Фред Дуглас Фишер⁶ получил 22 июня 1906 г.⁷, а уже в начале октября 1906 г. он находился в Харбине, правда пока как неофициальное лицо⁸.

Основная тяжесть, связанная с решением организационных вопросов по открытию российского императорского генконсульства в Харбине, легла на плечи дипломатического агента в Гирине – В.Ф. Люба⁹. Во многом благодаря его усилиям удалось открыть генконсульство раньше всех – 1 января 1907 г.¹⁰ В «Записке о консульстве в Харбине» В.Ф. Люба не без гордости писал: «одновременно с открытием Северной Маньчжурии для иностранной торговли русский консульский флаг взвился над Харбином <...>»¹¹.

Чуть позже, в первых числах января 1907 г., начало свою работу американское консульство, а в 20-х числах февраля того же года приступил к деятельности в Харбине японский консул Каваками Тосицунэ (川上俊彦)¹².

Однако ситуация, в которой начал работу В.Ф. Люба, была далека от стандартной – Северная Маньчжурия входила в сферу политических и экономических интересов Российской империи, здесь располагался главнейший российский актив – КВЖД, в Харбине находилось значительное количество подданных Российской империи, имевших право в случае необходимости обратиться за помощью к своему консулу, при этом формально в консульский округ входила полоса отчуждения, жизнь в которой контролировало Управление КВЖД. Плюс ко всему этому уже существовало несколько инстанций, которые частично выполняли консульские функции. Сам В.Ф. Люба к моменту назначения консулом был чиновником одной из таких структур – дипломатического агентства в Гирине. Кроме агентства, важным представляется упомянуть о существовании смешанных судов и отдела сношения с китайскими властями в Управлении КВЖД, который иногда шутя называли собственным МИДом КВЖД. Рассмотрим подробнее условия возникновения и объем компетенций этих структур, а также попытаемся описать механизм коммуникации с региональ-

⁶ Фред Дуглас Фишер (Fred Douglas Fisher) (13.03.1874–?) – американский дипломат. Более десяти лет прослужил в Китае: консул в Харбине (1906–1908), Ньючжуане (1909), генеральный консул в Мукдене (1909–1914), Тяньцзине (1914–1918).

⁷ Register of the Department of State. December 15, 1916. Washington, 1917. P. 90.

⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 224. Л. 11.

⁹ После окончания в 1886 г. восточного факультета СПбУ В.Ф. Люба был направлен на службу в Степное генерал-губернаторство, назначен переводчиком китайского и маньчжурского языков при первом генерал-губернаторе Степного края Г.А. Колпаковском, в 1887 г. командирован в Кульджу для усовершенствования языка. С 1 июня 1890 г. переходит на службу в МИД. Занимал должности драгомана консульства в Урге, чиновника МИД в Гирине. Во время беспорядков летом 1900 г. находился в Харбине. В феврале 1904 г. прикомандирован к Полевому управлению Маньчжурской армии для ведения дипломатической переписки. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1894. Л. 2–2 об., 6, 10, 23, 39.

¹⁰ Понимая, что такой объем задач невозможно решить в одиночку, в конце сентября 1906 г. В.Ф. Люба обратился с просьбой к посланнику в Пекине Д.Д. Покотилу о придании ему в помощь драгомана консульства в Урге Попова, «ургинского Попова», как писал Люба.

¹¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 210. Л. 45.

¹² Там же. Д. 1422. Л. 47.

ными и центральными китайскими властями. Для этого совершим небольшой экскурс в прошлое.

Айгуньский (1858) договор, помимо разграничения территории между Россией и Китаем, регулировал некоторые сферы экономических взаимоотношений, предоставив представителям обеих стран исключительное право судоходства и торговли по Амуру, Сунгари, Уссури¹³. Позже Санкт-Петербургским договором (1881) было добавлено разрешение беспошлинной торговли в пятидесятиверстной зоне по обе стороны от границы¹⁴. Эти договоры не предполагали открытия консульств в Маньчжурии, поэтому урегулирование всех возникающих вопросов было возложено на местную администрацию. Пекинский договор (1860) (ст. 9) зафиксировал, что, помимо «сношений, производившихся на восточной границе, чрез Ургу и Кяхту, между кяхтинским градоначальником и ургинскими правителями, а на западной между генерал-губернатором Западной Сибири и Илийским управлением, пограничные сношения будут еще производиться: между военными губернаторами Амурской и Приморской областей и хэйлун-цзянским и гириньским цзян-цзюнами¹⁵ (главнокомандующими); между кяхтинским пограничным комиссаром¹⁶ и царгучеем (бу-юань). <...> В случае дел особой важности, генерал-губернатору Восточной Сибири предоставляется право иметь письменные сношения, – или с Верховным советом (Цзюнь-цзи-чу), или с Палатой внешних сношений (Ли-фань-юань), как главным местом, заведывающим пограничными сношениями и управлением»¹⁷.

В приграничных с Маньчжурией российских областях – Забайкальской (1863), Приморской (1869) и Амурской (1896) – были введены должности пограничных комиссаров, «для заведования пограничными делами и сношения с китайскими властями по пресечению перехода через границу злонамеренных людей»¹⁸, как писал генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков в записке с предложениями по реформированию системы управления Приморской областью, поданной императору 17 декабря 1868 г.

На примере временной инструкции пограничному комиссару Южно-Уссурийского края рассмотрим ту часть его обязанностей и полномочий, которая может пересекаться с консульскими. Пограничный комиссар должен был заниматься урегулированием спорных вопросов между русскими и китайскими подданными. В случае возникновения претензии к русскому подданному со стороны китайцев пограничному комиссару следовало с помощью местных властей найти виновных, записать их показания и «по подробном рассмотрении удовлетворить претензии или требования китайских властей, уведомляя их о своем решении письменно или словесно». Виновных надлежало отослать к тому начальству, которому они подведомственны. Пограничный комиссар должен был наблюдать, чтобы китайские подданные также несли наказание в надлежащем случае¹⁹. Кроме того, он должен был «заботиться о сохранении соглашения между местными жителями обоих государств, а благоразумными и справедливыми действиями в сношениях с китайскими властями стараться приобрести нравственное над ними влияние и внушить им необходимое к себе уважение»²⁰. В силу слабой изученности Китая и Кореи в обязанности пограничного комиссара включались сбор и систематизация сведений о внутренних делах этих стран, экономическом развитии приграничных провинций, структуре власти. Отмечалась важность сбора сведений о чиновниках, с которыми приходится иметь дело, и о новых распоряжениях китайского правительства²¹.

¹³ Сборник документов, относящихся... С. 1.

¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ Цзянцзюнь (将军 (кит.) полководец, военачальник) – военный губернатор в Маньчжурии в эпоху Цин.

¹⁶ Первоначально в 1851 г. должность пограничного комиссара в Кяхте была учреждена при Кяхтинском градоначальнике. В 1863 г. систему изменили: пограничный комиссар стал находиться в прямом подчинении у военного губернатора Забайкальской области, а по дипломатической части – у генерал-губернатора Восточной Сибири.

¹⁷ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 80.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3184. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 29–29 об.

²⁰ Там же. Л. 29 об.

²¹ Там же. Л. 31.

Пограничный комиссар Забайкальской области взаимодействовал с «цзаргучеем Кяхтинского Маймачена», пограничный комиссар Южно-Уссурийского края – с селином г. Хунчуня, так как этот город «находится поблизости к русской границе»²², пограничный комиссар Амурской области – с фудутун²³ г. Айгуна. Однако генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков еще в 1869 г. сообщал, что «в видах упрощения и обеспечения пограничных сношений комиссар может входить в письменные сношения не с одними только китайскими начальниками ближайшими к месту его пребывания, но с другими властями в разных местах на границе, которых известное пограничное дело может непосредственно касаться»²⁴.

Увеличение интенсивности международных связей, миграционных процессов, регионального экономического взаимодействия привело к тому, что разнообразных дел с участием подданных Российской империи и иностранцев становилось все больше и не всегда они оказывались в поле зрения пограничного комиссара. В связи с этим приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской инициировал вопрос о введении должности чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Осенью 1896 г. этот вопрос был решен положительно. Чиновник по дипломатической части (согласно инструкции 1898 г.) должен был докладывать генерал-губернатору и вести делопроизводство по всем делам генерал-губернаторского управления, относившимся к сфере деятельности пограничного комиссара, а также вопросам, касавшимся иностранных государств и международного права²⁵.

Однако, как показала многолетняя практика, усовершенствование административной системы в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве, а затем, после реорганизации, в Приамурском, не решало проблем, возникавших у российских подданных на территории Маньчжурии. Российская администрация оказалась практически бессильна защитить тех, чьи права нарушались. По свидетельству С.М. Духовского, довольно часто маньчжурские власти пытались затруднить русское пароходство по Сунгари, что приводило «<...> после каждого рейса наших пароходов к массе жалоб и недоразумений». Сложно обстояли дела и с деятельностью российских купцов в районах, прилегающих к Сунгари – местные власти, иногда запрещали покупать что-либо у русских купцов, а иногда – вывозить из Маньчжурии купленный хлеб. В такой ситуации, «не имея средств предупредить на месте нарушения законных интересов и прав наших подданных, Приамурское начальство обречено на непосильный труд улажения самых разнообразных дел, возникающих с китайцами на огромном пространстве государственной нашей границы с Маньчжурией и внутри этой области, но не в состоянии изменить к лучшему общее ненормальное положение вещей, обусловленное как дальностью расстояний в этих краях, так и более своеволием главных и второстепенных маньчжурских властей, враждебно нам настроенных, которые, пользуясь обычною для местных администраций в Китае, независимостью от центрального правительства, мало обращают внимания на законные требования нашего пограничного начальства, даже и в том случае, когда они подкрепляются соответствующими предписаниями из Пекина»²⁶.

Для решения проблемы региональные власти несколько раз пытались инициировать вопрос об открытии российских консульств в Маньчжурии: одного – в Сан-Сине, как ближайшем к границе сунгарийском городе, другого – в Цицикаре или Гирине, «как более многолюдных городах и резиденциях местных генерал-губернаторов»²⁷.

В ноябре 1897 г. чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе Я.Я. Лютш в письме к вице-директору Азиатского Департамента Н.Г. Гартвигу писал:

²² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3184. Л. 34.

²³ Фудутун (副都统 (кит.) заместитель начальника «знамени») – начальник военного округа, подчинен цзянцзюню.

²⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3184. Л. 33.

²⁵ Там же. Д. 1947. Л. 8.

²⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 12. 1899. Д. 83 // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prilib.ru/item/875997> (дата обращения: 11.01.2023).

²⁷ Там же.

«В тесной связи с возрастанием наших интересов в Маньчжурии стоит вопрос об учреждении нашего там представительства. Приамурский генерал-губернатор <...> говорил мне, что такое крупное предприятие как постройка железной дороги, вынудит нас назначить там своего представителя, и так как учреждение консульств в Маньчжурии признается нежелательным, то можно было бы придать нашему представителю другое название, например Комиссара»²⁸.

Лютш подтверждал, что вопрос о «представительстве в Маньчжурии действительно назрел и требовал бы возможно скорого разрешения в той или другой форме, разумея под этим выражением главным образом число наших представителей в Маньчжурии. Во многих отношениях проект генерала Духовского заслуживал бы серьезного внимания. Учреждение одного представителя для всей Маньчжурии с необходимым числом помощников обеспечило бы единство в действиях нашего представительства, каковое обстоятельство играет немаловажную роль в такой стране, как Китай»²⁹. Необходимо было бы подчинение этого представителя МИДу и, следовательно, посланнику в Пекине.

Лютш аргументировал эту позицию так: «Как бы не оберегали самостоятельность и обособленность железнодорожных администрации и строителей, необходимость сношений (и весьма оживленных) с нашей миссией в Пекине будет безусловно неизбежной, потому что постройка железной дороги и в такой стране, как Китай, может производиться только при постоянном воздействии на Цзун-ли-ямьнь³⁰, а через сей последний на местную власть»³¹. В силу этого подчинение представителя в Маньчжурии посланнику в Пекине представлялось логичным и полезным. Обращаясь к кругу обязанностей представителя в Маньчжурии, Лютш предполагал, что он может следить за торговлей, которая «несомненно будет развиваться очень быстро», оказывать содействие российским купцам, торгующим на р. Сунгари, участвовать в разборе разных исков, предъявляемых к китайцам, или наоборот, и тому подобных ситуаций. В связи с этим представителем в Маньчжурии должен быть чиновник, имеющий специальное образование и консульский опыт, приобретенные в Китае, так как, по мнению Лютша, имелась специфика работы с китайскими чиновниками. Кроме того, он считал, что учреждение представительства сделает излишним в самом скором времени ассигнование 30 тыс. рублей в год на поощрение российского судоходства на Сунгари»³².

В конце концов, дело сдвинулось с мертвой точки. В марте 1898 г. комитет министров занялся этим вопросом, так как император сделал отметку в соответствующей части всеподданнейшего отчета военного губернатора Амурской области Д.Г. Арсеньева. Однако идея открытия консульства комитетом министров была отвергнута. Было заявлено, что появление российских консульств в Маньчжурии сделало бы возможным открытие консульств и другими государствами, что пошатнуло бы исключительное положение и преимущества России в Маньчжурии. Поэтому было предложено назначить в Маньчжурию дипломатического агента, которого не называли бы консулом, но который бы имел право коммуницировать с маньчжурскими властями «по делам нашей торговли и подданных, и, в случае надобности, мог бы, совместно с этими властями, решать спорные дела русскоподданных с местными жителями»³³.

Преимущество введения должности дипломатического агента заключалось еще и в том, что статус командированного чиновника не требовал переговоров и такого фундаментального согласования с китайской стороной, как открытие постоянно действующих представительств. Тем более что ст. 10 Петербургского договора (1881) указывала, что у России нет

²⁸ АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1096. Л. 58.

²⁹ Там же. Л. 58–58 об.

³⁰ Цзунли ямэнь (總理衙門) с 1861 г. – внешнеполитическое ведомство в цинском Китае. В дореволюционном отечественном делопроизводстве встречаются разные варианты написания этого названия, наиболее частый – Цзун-ли-ямьнь.

³¹ АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1096. Л. 59–59 об.

³² Там же. Л. 59 об.

³³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. 1899. Д. 83 // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prlib.ru/item/875997> (дата обращения: 11.01.2023).

права учреждать консульства в Маньчжурии³⁴, следовательно для решения этого вопроса требовался пересмотр договора. Предполагалось, что Цзунли ямэнь увидит выгоду в появлении дипломатического чиновника в Маньчжурии, уполномоченного решать конфликтные ситуации на месте, а не через Миссию в Пекине, и не будет препятствовать его деятельности. Российскую сторону вполне бы устроило, если бы Цзунли ямэнь «предписал подлежащим властям впредь относиться к подобным делам непосредственно со сказанным чиновником на одинаковых основаниях, как местные власти близ границы сносятся с нашими пограничными комиссарами»³⁵. 7 апреля 1898 г император одобрил это решение.

Придумать название должности оказалось непростым делом. Комитет министров остановил свой выбор на названии «пограничный комиссар», однако МИД нашел такое название «неудобным», так как «оно могло бы породить недоразумения с китайскими властями в тех случаях, когда подлежащее рассмотрению дело не касалось бы приграничной части Маньчжурской области»³⁶. Кроме того, в приграничных с Маньчжурией российских областях должность с таким названием уже существовала.

МИД предложил то название, которое и было утверждено – «чиновник, специально командированный в Маньчжурию для заведывания делами общего характера, возникающими в этой области между русскими и китайскими подданными, за исключением относящихся к постройке дороги»³⁷.

Затраты на дипломатическое агентство проектировались такие же, как на содержание консульств во внутренних областях Китая (в Урге, Урумчи, Кульдже, Кашгаре). Годовое жалование чиновника – 9 000 руб., секретаря-драгомана – 3 750 руб. Кроме того, на канцелярию выделялось 1 500 руб., на почтово-конвойную команду – 1 275 руб., на найм и содержание помещения – 3 000 руб. Таким образом, агентство обходилось казне в 18 525 руб. в год.

Обсуждая объем полномочий, представитель министерства финансов сразу обозначил границы компетенции дипломатического агента: все, за исключением тех дел, «которые касаются постройки Китайской Восточной железной дороги, так как, по его словам, предприятие это достаточно уже обеспечено особыми средствами надзора и действует успешно»³⁸.

МИД оговорил еще несколько моментов. Во-первых, в виде исключения не указывать в документах город и провинцию Маньчжурии, в которых должен был работать дипломатический агент, «так как, впредь до опыта, вопрос о месте пребывания, по необходимости, должен оставаться открытым»³⁹. Во-вторых, публичное извещение о новой должности было сочтено «неудобным», поэтому «после утверждения в установленном порядке она оставалась не опубликованною Правительствующим Сенатом»⁴⁰.

7 июня 1899 г. в Петергофе решение Государственного Совета об учреждении новой должности было утверждено императором.

Собственно, таким первым неофициальным «консулом», не касающимся дел КВЖД, и стал В.Ф. Люба. В качестве резиденции агентства был избран г. Гирин⁴¹.

³⁴ Сборник договоров России... С. 216.

³⁵ РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. 1899. Д. 83 // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prlib.ru/item/875997> (дата обращения: 11.01.2023).

³⁶ Там же.

³⁷ Такое громоздкое наименование было неудобно в использовании, поэтому в документах часто встречаются «укороченные» варианты – «дипломатический агент в Маньчжурии», «чиновник МИД в Маньчжурии» или «дипломатический чиновник в Маньчжурии».

³⁸ РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. 1899. Д. 83 // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prlib.ru/item/875997> (дата обращения: 11.01.2023).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Всего было учреждено три должности дипломатического агента в Маньчжурии. 12 марта 1901 г. император в Царском Селе утвердил вторую должность дипломатического агента в Маньчжурии на тех же условиях и с той же сметой, что и первую. Местопребыванием второго дипломатического агента был выбран Мукден. 6 мая 1902 г. Николай II утвердил третью должность дипломатического агента в Цицикаре. В разное время эти должности занимали Н.В. Богоявленский, С.А. Колоколов, Н.М. Поппе, Н.Н. Кротков.

С 1901 г. агент МИДа присутствовал и в Харбине. Специально назначенного чиновника не было, но периодически для решения вопросов приезжал дипломатический агент из Гирина. Для подобных (нечастых) случаев Управление дороги выделило небольшой домик. По свидетельству В.Ф. Люба: «наезды эти до 1904 г. были редки, а затем Агентура приобрела более или менее постоянный характер путем откомандирования на большую часть года одного из чинов Гиринского агентства. Агентура эта делала в пределах возможного свое дело, но несомненно, что жалкое помещение, неопределенность функций и наличный штат из одного чиновника и писаря не могли способствовать созданию авторитета этого учреждения в глазах населения Харбина и многочисленных русских властей и китайской администрации»⁴². Функции Харбинского агентства заключались в основном в разборе судебных дел смешанного характера, поэтому складывалось впечатление, что агент – второстепенный чин в русской местной администрации⁴³.

Другой структурой, решавшей некоторые вопросы, находившиеся в консульской компетенции, являлись *главные отделения иностранных и железнодорожных дел (те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй)*.

Строительство КВЖД стимулировало появление новых и рост старых населенных пунктов в трех маньчжурских провинциях. Приток населения, причем людей не только разных национальностей, но принадлежавших к разным цивилизационным системам, имевших разное подданство/гражданство, поставил на повестку дня вопросы управления, административного надзора, судопроизводства. Пока дорога строилась с 1897 по 1903 г., «гражданское управление в полосе отчуждения совмещалось с общим руководством строительством»⁴⁴. После официальной передачи КВЖД строительным управлением эксплуатационному 1 июля 1903 г. все вышеупомянутые вопросы оказались в ведении последнего.

Однако уже вскоре после начала строительства стало очевидно, что имеющегося ресурса не хватает и необходимо создать институты, которые бы решали возникающие проблемы и координировали действия русских и китайских чиновников. Такими учреждениями стали Главные отделения иностранных и железнодорожных дел (те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй)⁴⁵, первоначально открытые в Харбине (бюро Гиринской провинции) и на ст. Фульэрди (бюро провинции Хэйлунцзян).

В 1899 г. по инициативе управления КВЖД прошли переговоры с гириным и хэйлунцзянскими цзянцзюнями. В мае 1899 г. в Харбине по результатам переговоров с цзянцзюнем Гиринской провинции Энем был подписан договор об открытии те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй, а спустя пять месяцев, 22 сентября 1899 г., практически идентичный договор⁴⁶ был заключен с цзянцзюнем Хэйлунцзянской провинции. С российской стороны договор подписали представители КВЖД – главный инженер А.И. Югович и помощник главного инженера С.В. Игнациус⁴⁷.

Первым в Харбине было открыто гириное отделение, созданное для решения возникающих в провинции дел, затрагивающих интересы Общества КВЖД, работников КВЖД, поставщиков, подрядчиков и мастеровых. Преступления (убийство, воровство, прелюбодеяние и т.п.), совершенные чернорабочими, оставались в ведении китайских властей. Все жалобы и претензии, а также тяжелые правонарушения должны были анализироваться в Отделении и расследоваться членами Отделения совместно с главным инженером КВЖД или его уполномоченным. Решения по делам принимали председатель и вице-председатель

⁴² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 210. Л. 45.

⁴³ Там же. Л. 46.

⁴⁴ Салогуб Я.Л., Казанцев В.П. Железнодорожная концессия 1898 года как фактор колониальной экспансии России в Китае // Общество и государство в Китае. 2014. № 1. С. 450.

⁴⁵ В документах и литературе встречаются и другие названия – дипломатических бюро, смешанные коллегии (цзяошэцзюй), смешанные суды.

⁴⁶ Разница заключалась в объеме финансирования – на содержание отделения выделялось 40 тыс. лян в год, а на обзаведение хозяйством – 10 тыс. Кроме того, несмотря на то, что соглашение было подписано осенью, финансирование начиналось с 14 апреля 1899 г.

⁴⁷ Сборник документов, относящихся... С. 38.

по взаимному соглашению с главным инженером или его уполномоченным. Пункт 5 предусматривал все постановления по всем делам принимать после согласования с главным инженером или его уполномоченным.

Если руководство Отделения и главный инженер (или его уполномоченный) не приходили к согласию, то дело для решения передавалось гириному цзянцзюню. Кандидатуры председателя и вице-председателя требовали согласования с главным инженером. Он же имел возможность предложить кандидатов на посты председателя и вице-председателя из числа «чиновников Гириной провинции, действительно известных Главному Инженеру, даровитых и близко знакомых с железнодорожными делами; такие представления рассматриваются Цзянь-Цзюнемь, который и постановляет по ним свое решение».

Финансирование Отделения в размере 60 тыс. лян в год ложилось на плечи КВЖД, также Дорога брала на себя постройку административных «зданий Отделения и домов для служащих (низших)», а также выдавала «деньги на обзаведение и обстановку зданий Отделения»⁴⁸.

Таким образом, создание Те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй, по сути, означало появление в пространстве русско-китайского взаимодействия нового контролирующего и инспектирующего органа в условиях нечетко определенного правового поля – с одной стороны, и усиление бюрократического начала и режима ручного управления – с другой. Важно отметить, что часть вопросов, которые были определены для решения те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй, входили в сферу консульской компетенции.

Спустя два с лишним года в связи с изменившейся ситуацией руководство Дороги и региональные китайские власти вернулись к обсуждению вопроса об организации деятельности те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй. 5 июля 1901 г. был заключен повторный договор с Гириным цзянцзюнем, а 1 января 1902 г. был подписан договор «на учреждение те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй Хэйлунцзянской провинции». С российской стороны переговоры вел представитель Дороги Е.В. Даниэль⁴⁹.

Остановимся на этом моменте чуть подробнее. Евгений Васильевич Даниэль (Даниель) возглавлял один из отделов КВЖД – отдел сношения с китайскими властями. Как отмечает В.П. Казанцев: «Формирование самостоятельной структуры для осуществления взаимоотношений с представителями китайской администрации осуществлялось в соответствии с нормами “Оснований русского правительственного надзора в Маньчжурии”, принятыми во время “боксерского” восстания (1900 г.), по которым руководство КВЖД получило право по всем спорным вопросам напрямую обращаться к китайским властям. Для решения данной категории дел в аппарате строительного управления, а затем и эксплуатационного, была учреждена соответствующая должность – “Уполномоченный по сношению с китайскими властями”»⁵⁰. Первоначально назначение на должность уполномоченного по сношению с китайскими властями автоматически означало совмещение должности заведующего отчуждением земель, однако в 1904 г. ситуация изменилась и на эти должности стали назначать разных людей⁵¹. Бессменным уполномоченным по сношению с китайскими властями с 1902 и по 1917 г. был Е.В. Даниэль. Уполномоченный осуществлял общее руководство сношениями с китайской администрацией, а помощнику передавались дела по цзяо-шэцзюй и производство расследований по особо важным делам. Первым помощником уполномоченного 31 мая 1905 г. стал В.С. Иваненко, бывший до этого помощником заведующего отчуждением земель⁵².

Итак, полномочия российского генконсула были ограничены, о чем В.Ф. Люба не мог не знать, так как новичком в Харбине не был и с деятельностью этих структур и чиновников был знаком, но масштаб ограничений был неясен. МИД, назначив В.Ф. Люба на должность генерального консула, не снабдил его особой инструкцией, учитывавшей специфику деятель-

⁴⁸ Сборник документов, относящихся... С. 35.

⁴⁹ Там же. С. 43.

⁵⁰ Казанцев В.П. Формирование системы гражданского управления на арендованных Россией территориях: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 1890-х годов – февраль 1917 года). СПб., 2015. С. 227.

⁵¹ Казанцев В.П. Формирование системы гражданского управления... С. 228.

⁵² Там же.

ности в Харбине, возможный конфликт межведомственных интересов и особенности уже сложившейся практики коммуникации с китайскими властями. С другой стороны, выбор в качестве кандидатуры на должность генерального консула именно В.Ф. Люба, как с точки зрения профессиональной подготовки, так и осведомленности о подводных камнях, по всей видимости был оптимален, ведь бывший дипломатический агент в Гирине В.Ф. Люба периодически работал и в Харбине⁵³.

Открытию генконсульства в Харбине, как отмечалось выше, предшествовала сложная и разноплановая работа. Весь октябрь 1906 г. Д.Д. Покотилов бомбардирует МИД телеграммами об острой необходимости безотлагательного назначения консулов в Маньчжурию⁵⁴. Но для того чтобы назначения состоялись, нужно было утвердить документацию, касающуюся организации работы консульств, в том числе и штатное расписание, найти подходящие кандидатуры на открывающиеся вакансии и, наконец, решить вопрос размещения консульства.

Безусловно, все окончательные решения по первым двум вопросам принимались в Петербурге, однако между чиновниками МИД, находившимися в Китае, прежде всего В.Ф. Люба и Д.Д. Покотиловым, происходил интенсивный обмен мнениями по поводу будущего генконсульства в Харбине. В сентябре 1906 г. Люба отправляет в Пекин телеграммы, в которых излагает свое видение ситуации. «Исключительное положение наше в Харбине, по открытии здесь иностранных консульств, вынуждает позаботиться о том, чтобы чины нашего генерального консульства были поставлены в возможно благоприятные материальные условия, в особенности ввиду чрезвычайной дороговизны здешней жизни»⁵⁵.

«Первым необходимым условием функционирования нашего будущего генерального консульства в Харбине я считаю соответствие его штата действительной потребности. Правильная постановка ведения судебной части, которая является главной и самостоятельной ответственной функцией консульства в связи с проектируемой реорганизацией смешанного суда в Харбине, потребует от членов консульства напряжения всех сил и вызывается необходимостью включения в его состав лиц со специальным образованием или, в крайнем случае, подготовленных по прежней своей службе к предстоящей здесь деятельности. При этом существенно важно направить работу будущего консульства в соответствующие рамки с момента его открытия»⁵⁶. Ряд предложений и замечаний был учтен в итоговых документах, а вот высказанная позиция по отношению к судебной части и смешанным судам станет в будущем одним из катализаторов конфликта между консульством и Управлением КВЖД, разгоревшегося весной 1907 г.

7 ноября 1906 г. МИД представил в Совет министров проекты штатов и расходов, сопряженных с открытием новых консульств (табл. 1, 2)⁵⁷.

Таблица 1

Расходы на содержание консульских учреждений в Маньчжурии

Название консульства	Сумма (в руб.) в год
Генеральное консульство в Харбине	31 025
Генеральное консульство в Мукдене	27 025
Консульство в Дальнем	17 250
Консульство в Цицикаре	20 525
Вице-консульство в Куанченцзы	7 800

Составлено по: АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2236. Л. 5.

⁵³ В.Ф. Люба оказался в Харбине и во время восстания ихэтуаней с 28.06 по 12.07.1900 г. Как отмечал генерал Гродеков, действовать ему приходилось «под огнем противника», за что позже он будет представлен к награде по военному ведомству. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1894. Л. 23.

⁵⁴ Там же. Д. 2236. Л. 13.

⁵⁵ Там же. Д. 224. Л. 3.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Д. 2236. Л. 3 об.

Таблица 2

Расходы на содержание генеральных консульств в Харбине и Мукдене

Штат	Харбин (штат. ед./руб.)	Мукден (штат. ед./руб.)
Генеральный консул	1 (10 500)	1 (10 500)
Канцелярские расходы	1 500	1 500
Вице-консул	1 (5 000)	–
Секретарь	1 (3 750)	1 (3 750)
Драгоман	2 (3 000)	1 (3 000)
На почтовую и конвойную команду	1 275	1 275
Найм и содержание помещения	3 000	3 000
Врач	–	3 500
Медикаменты	–	500
Итого:	31 025	27 025

Составлено по: АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2236. Л. 5.

После обсуждения вопроса было решено ввести штаты консульств с 01.01.1907 г., одновременно упразднив дипломатические агентства в Гирине, Цицикаре, Мукдене. Параллельно в МИДе идут поиски наиболее подходящих кандидатур на вновь открывающиеся вакансии, что приводит к рокировкам мест службы дипломатов и консулов в Китае. В качестве возможных кандидатов для назначения в Харбин на должность вице-консула рассматриваются фигуры Лаврова⁵⁸, Кузьминского⁵⁹.

Как ни странно, препятствием, чуть было не ставшим непреодолимым, поставившим под большой вопрос саму возможность открытия российского консульства в Харбине, стало отсутствие подходящего помещения.

Для решения проблемы Люба задействует всевозможные каналы, как официальные, так и неофициальные. 8 октября 1906 г. он отправляет в министерство секретную телеграмму № 20, в которой сообщает о невозможности «приискать здесь в настоящее время сколько-нибудь сносное помещение на подходящем месте даже за приличную плату. В ожидании приезда иностранцев и устройства консульств цены на квартиры упорно поддерживаются высокие, несмотря на переживаемый Харбином после отлива войск кризис и множество построек. Аренда небольшого дома из 4–5 комнат в центре нового города, где должно быть устроено наше генеральное консульство, обходится в 5–6 тысяч в год без отопления, которое убийственно дорого»⁶⁰. Единственный выход из затруднительного положения, которое обрисовал В. Люба, – попросить помощи у руководства КВЖД, и хотя будущий консул считал, что это нежелательно, выбора не было. Управляющий КВЖД Д.Л. Хорват в свою очередь, по отзывам В. Любы, не горел желанием помочь будущему консульству, «ссылаясь на стеснение в помещениях испытываемое самую железную дорогой и на удержание до сего времени многих квартир за военными чинами»⁶¹.

Не видя возможности разрешить эту ситуацию, Люба, сетуя, что открытие генерального консульства встретило препятствие, «особенно досадное в виду преобладающего нашего положения в Харбине и предстоящего несомненно тотчас же после окончания оккупационного срока открытия иностранных Представительств», предлагает отложить

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2236. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Л. 11.

⁶⁰ Там же. Д. 224. Л. 7.

⁶¹ Там же. Л. 7.

открытие консульства, «если таковое намечено в ближайшем будущем, до вырешения существенного вопроса о помещении»⁶².

Спустя несколько дней Люба отправляет в министерство новую телеграмму, в которой уточняет ситуацию: «Новый город почти сполна застроен зданиями китайской дороги, и аренда подходящего здания обошлась бы по наведенным справкам не менее 12 000 в год»⁶³. Люба предлагает начать строить весной 1907 г. здание консульства, а пока в качестве временного варианта считает возможным попросить у Дороги в пользование пустующие, но числящиеся за военным ведомством два дома в Новом городе, по Разъезжей улице, угол Большого проспекта 2/4. В них можно было бы разместить двух чинов и канцелярию, а в имеющейся в его распоряжении камере чиновника МИД выделить комнаты под квартиру для одного из сотрудников консульства и разместить помещение для проведения смешанных судов⁶⁴.

Одновременно он поручает жене, находившейся в Гатчине, связаться с вице-директором I департамента МИД И.Я. Коростовцом, чтобы тот помог, включив невидимые рычаги давления. В АВПРИ сохранилась записка Н. Любы, адресованная Коростовцу (11.10.1906): «Получила от мужа телеграмму: “Передай Ивану Яковлевичу, что консульство не открываю, так как квартирный вопрос не вырешен. Иначе придется открывать в гостинице”»⁶⁵.

Слабые надежды на то, что позиция Хорвата может измениться, дает будущему консулу ожидаемый визит в Харбин товарища председателя Правления КВЖД. Действительно, пессимистичная тональность докладов меняется после встречи с А.Н. Вентцелем. Несмотря на то, что присмотренные дома получить не удалось, появилась «новая комбинация», о которой раньше не приходилось и мечтать. Вентцель предложил одно из лучших зданий в городе (см. фото), ранее в нем располагался штаб командующего войсками. Правда, складывалось все не очень гладко: здание хоть и было прекрасно, но требовало значительного ремонта⁶⁶. Так или иначе, к концу октября 1906 г. эпопея с поиском здания завершилась успешно, в ноябре были утверждены необходимые документы, 1 января 1907 г. консульство открылось.

Стоит отметить, что 1907 г. для Харбина не был ни годом динамичного развития, ни годом взлета и расцвета. Город, которому еще не исполнилось и десяти лет, уже пережил «боксерское» восстание, трудности военных месяцев во время русско-японской войны и находился в точке определения будущего вектора своего развития. Как ни странно, достаточно точно описал этот момент американский консул Фишер в беседе с В.Ф. Любой (2 февраля 1907 г.).

Фишер отметил, что для иностранцев вполне очевиден выбор между Харбином и Куанченцзы, причем последний является более естественным рынком Гиринской провинции. Япония не дремлет, поэтому необходимо создать в Харбине такие условия, при которых иностранные капиталы и иностранные предприятия направлялись бы в Харбин, а не в Куанченцзы⁶⁷.

По мнению Фишера, все благосостояние Харбина до сего момента было построено на дороге и войне. «Только теперь Харбин переходит на нормальное положение и должен найти в себе самом источники для своего благосостояния и развития»⁶⁸. Для Фишера очевидно, что без подкрепления извне в виде притока сюда иностранных капиталов и сил Харбин погибнет и настоящий его кризис станет не временным, а окончательным падением Харбина. До сих пор в Харбине ничего не было сделано для развития фабричной и заводской деятельности, а только на этой деятельности может быть, с уверенностью за прочный успех,

⁶² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 224. Л. 7 об.

⁶³ Там же. Л. 11.

⁶⁴ Там же. Л. 7.

⁶⁵ Там же. Л. 11.

⁶⁶ Там же. Л. 14, 16, 17.

⁶⁷ Там же. Д. 210. Л. 17.

⁶⁸ Там же. Л. 16.

построено процветание каждого промышленного пункта. По словам Фишера, надо все начинать сначала и прежде всего поставить все дело на новых основаниях⁶⁹.

С чисто американской деловитостью и прагматичностью он советовал дать возможность каждому работать свободно и без всяких стеснений. За внешне нейтральным и логичным советом скрывался источник российско-американских разногласий – объем полномочий Управления КВЖД⁷⁰. С точки зрения Фишера, Дорога не могла выступать в зависимости от российских интересов то частным русским предприятием, то официальным казенным учреждением⁷¹.

Именно эта двойственность положения Дороги станет для российского консула самой большой неразрешаемой проблемой. А помимо этого, придется искать ответы и на другие не менее сложные вопросы: в чем именно заключается вклад консульства в «укрепление русского дела в Маньчжурии», как выстраивать отношения с КВЖД; интересы какого ведомства приоритетнее – Министерства финансов (Общество КВЖД) или МИДа; какую позицию занять по отношению к общественному управлению, создаваемому в населенных пунктах полосы отчуждения; все ли вопросы в пределах консульской компетенции должен решать российский консул в Харбине, каковы границы консульского округа; с какими должностными лицами в китайской администрации решать вопросы. Это лишь малый перечень проблем, не считая ежедневной консульской работы, с которым столкнулся В.Ф. Люба в 1907–1908 гг., находясь на должности российского генерального консула в Харбине.

Литература

Казанцев В.П. Формирование системы гражданского управления на арендованных Россией территориях: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 1890-х годов – февраль 1917 года). СПб.: Росток, 2015. 587 с.

Салогуб Я.Л., Казанцев В.П. Железнодорожная концессия 1898 года как фактор колониальной экспансии России в Китае // Общество и государство в Китае. 2014. № 1. С. 444–452.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / ред. Е.А. Адамов, сост. И.В. Козьменко. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. 470 с.

References

Adamov, E.A. (Ed.), Kozmenko, I.V. (Comp.). (1952). *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917* [Collection of Treaties of Russia with Other States. 1856–1917]. Moscow. 470 p.

Kazantsev, V.P. (2015). *Formirovanie sistemy grazhdanskogo upravleniya na arendovannykh Rossiey territoriyakh: polosa otchuzhdeniya KVZHD, Kvantunskaya oblast' (sередina 1890 godov – fevral' 1917 goda)* [Formation of a Civil Administration System in the Territories Leased by Russia: The Exclusion Zone of the CER, the Kwantung Region (mid-1890s – February 1917)]. St. Petersburg, Rostok. 587 p.

Salogub, Ya.L., Kazantsev, V.P. (2014). *Zheleznodorozhnaya kontsessiya 1898 goda kak faktor kolonial'noy ekspansii Rossii v Kitae* [The Railway Concession of 1898 as a Factor of Russia's Colonial Expansion in China]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Moscow. Vol. 1, pp. 444–452.

⁶⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 210. Л. 16–16 об.

⁷⁰ Там же. Л. 16 об.

⁷¹ Там же.

Г.И. Ерофеева*

СЕМЬЯ ДАНИЕЛЬ НА СЛУЖБЕ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИdoi:10.31518/2618-9100-2023-3-6
УДК 929.52(510.1)+656.2(510.1)

Выходные данные для цитирования:
Ерофеева Г.И. Семья Даниель на службе Китайско-Восточной железной дороги. Материалы к биографии // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 80–94.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-06.pdf>

G.I. Erofeeva*

DANIEL'S FAMILY IS IN THE SERVICE OF THE CHINESE
EASTERN RAILWAY. MATERIALS FOR THE BIOGRAPHY

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-6

How to cite:
Erofeeva G.I. Daniel's Family is in the Service of the Chinese Eastern Railway. Materials for the Biography // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 80–94.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-06.pdf>]

Abstract. The article highlights the pages of the biography of the Daniel dynasty who connected their lives with the Chinese Eastern Railway. When writing the article, little-known documents were used, stored in the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Russian Federation, the Central State Administration of Moscow, materials from the Museum of Russian Culture in San Francisco and the personal archive of the Daniel family were also used. Evgeny Vasilyevich Daniel worked for 18 years at the Chinese Eastern Railway, 12 of them as an Authorized Road Manager in communication with the Chinese authorities. The signature of E.V. Daniel stands on a number of important Russian-Chinese contractual acts regulating various spheres of activity of the road. Evgeny Vasilyevich was a member of various scientific and educational and charitable societies of Harbin. The Museum of Russian Culture in San Francisco contains letters from E.V. Daniel addressed to a public figure, teacher N.V. Borzov. These letters provide interesting information about the political situation in China in the 1920s–1930s. The construction work and subsequent operation of the Chinese Eastern Railway line required the creation of a powerful armed guard – a special guard. V.V. and A.V. Daniel connected their lives with this military formation. Vladimir Vasilyevich Daniel is a talented engineer, a participant in the Chinese campaign of 1900–1901, the Russian-Japanese and the First World Wars, for more than 15 years he served in a Separate corps of the border guard, including in the second Trans-Amur railway battalion of the Trans-Amur Railway brigade. Alexander Vasilyevich Daniel is an officer of the Trans-Amur district of the border guard, a participant in the Russian-Japanese and the First World Wars. His activities during the fight against the plague epidemic in Manchuria deserve special attention. A.V. Daniel's wife, Sofya Evgenyevna (nee Lancere) also worked on the Chinese Eastern Railway. The contribution of the Daniel family to the formation and development of the road is significant, so it is quite fair to turn to the pages of the biography of this family.

Keywords: Daniel, Manchuria, Chinese Eastern Railway, Separate Border Guard Corps, Harbin.

The article has been received by the editor on 28.01.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Галина Игоревна Ерофеева**, Государственный историко-архитектурный, художественный и ландшафтный музей-заповедник «Царицыно», Москва, Россия; соискатель, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия, e-mail: nosoreva1987@mail.ru
Galina Igorevna Erofeeva, State Historical, Architectural, Art and Landscape Museum-Reserve “Tsaritsyno”, Moscow, Russia; Applicant for a Degree, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University, Bryansk, Russia, e-mail: nosoreva1987@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются страницы биографии династии Даниель, связавших свою жизнь с Китайско-Восточной железной дорогой. При написании статьи были привлечены малоизвестные документы, хранящиеся в РГИА, ГА РФ, ЦГА г. Москвы, также использованы материалы Музея русской культуры в Сан-Франциско и личный архив семьи Даниель. Евгений Васильевич Даниель в течение 18 лет проработал на КВЖД, 12 из них – на должности Уполномоченного Управляющего дорогой по сношению с китайскими властями. Подпись Е.В. Даниеля стоит на ряде важных русско-китайских договорных актов, регламентирующих различные сферы деятельности дороги. Евгений Васильевич состоял членом различных научно-просветительских и благотворительных обществ Харбина. В Музее русской культуры в Сан-Франциско находятся письма Е.В. Даниеля, адресованные общественному деятелю, педагогу Н.В. Борзову. Эти письма дают интересные сведения о политической обстановке в Китае 1920–1930-х гг. Проведение строительных работ и последующая эксплуатация линии КВЖД требовали создания мощной вооруженной охраны – особой стражи. С этим военным формированием связали свою жизнь В.В. и А.В. Даниели. Владимир Васильевич Даниель – талантливый инженер, участник китайского похода 1900–1901 гг., русско-японской и Первой мировых войн, более 15 лет он прослужил в Отдельном корпусе пограничной стражи, в том числе во 2-м Заамурском железнодорожном батальоне Заамурской железнодорожной бригады. Александр Васильевич Даниель – офицер Заамурского округа пограничной стражи, участник русско-японской и Первой мировых войн. Особенного внимания заслуживает его деятельность во время борьбы с чумной эпидемией в Маньчжурии. Супруга А.В. Даниеля София Евгеньевна (урожденная Лансере) также работала на КВЖД. Вклад семьи Даниель в дело становления и развития дороги значителен, поэтому вполне справедливо обратиться к страницам биографии этой семьи.

Ключевые слова: Даниель, Маньчжурия, КВЖД, Отдельный корпус пограничной стражи, Харбин.

Статья поступила в редакцию 28.01.2023 г.

История сооружения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), ее роль в хозяйственном освоении российского Дальнего Востока и Маньчжурии, влияние на развитие политических, экономических, демографических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии и другие вопросы, имеющие отношение к КВЖД, до сих пор являются объектами изучения как в российской, так и зарубежной науке¹. Теме КВЖД посвящены труды известного российского историка-китаеведа Г.В. Мелехова: «Маньчжурия далекая и близкая»², «Белый Харбин. Середина 20-х»³, «Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.)»⁴ и др. Среди авторитетных современных исследователей истории КВЖД, российской эмиграции в Китае также необходимо выделить работы Н.Е. Абловой⁵, А.А. Забияко⁶, А.А. Хисамутдинова⁷, В.Г. Шароновой⁸, Н.П. Крадина⁹, Ван Чжичэна¹⁰ и др.

¹ Василенко Н.А. Первостроители КВЖД: к 100-летию Магистрала // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 62.

² Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991.

³ Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003.

⁴ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997.

⁵ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М., 2005.

⁶ Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 100.

⁷ Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток, 2002.

⁸ Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. СПб., 2015.

⁹ Крадин Н.П. Русские инженеры и архитекторы в Китае. Хабаровск, 2018.

¹⁰ Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008.

КВЖД играла значительную роль в международных отношениях на Дальнем Востоке на протяжении всей первой половины XX в., что было обусловлено ее важным экономическим и военно-стратегическим значением в регионе. В становлении и развитии дороги участвовали такие видные политические и государственные деятели Российской империи, а далее Советской России, как министр финансов С.Ю. Витте (1849–1915), управляющие КВЖД Д.Л. Хорват (1903–1918) и Б.В. Остроумов (1921–1924), главный инженер КВЖД А.И. Югович (1842–1925), приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти (1860–1946) и др. Их роль в строительстве и дальнейшей эксплуатации дороги широко известна. Тем не менее на КВЖД и связанных с ней ведомственных подразделениях трудились и менее известные личности, также внесшие свой посильный вклад в дело становления и развития дороги. В этой статье хотелось бы остановиться на династии Даниель, несколько членов этой семьи имели тесные связи с КВЖД.

Глава семьи Василий Иванович Даниель (Даниэль) – выпускник Санкт-Петербургского лесного и межевого института, был причислен к Корпусу лесничих Министерства государственных имуществ. В 1887 г. В.И. Даниель был внесен в третью часть дворянской родословной книги Харьковской губернии. С 1868 по 1884 г. он состоял на должности заведующего лесами Брасовского имения Орловской губернии дворян Апраксиных, далее – великого князя Георгия Александровича (брата императора Николая II)¹¹. Брасовское поместье¹² представляло собой образец высокодоходной экономии, включавшей многоотраслевое рациональное хозяйство, оно обладало развитой технической, материальной базой, имело высокоорганизованную систему управления¹³. Большая заслуга в этом, несомненно, и В.И. Даниеля. Высокий профессионализм Василия Ивановича был оценен по достоинству. В его формулярном списке читаем: «по представлению г. Министра Государственных имуществ о полезных трудах и примерной деятельности по заведыванию частными лесами, Всемилюстивейше пожалован в <...> 1875 г. орденом Святого Владимира 4 степени»¹⁴.

Василий Иванович был женат на дочери титулярного советника Сабине Самуиловне, урожденной фон Гинденбург. В семье Даниелей родилось 14 детей. Четвертым ребенком был Евгений Васильевич Даниель.

Е.В. Даниель – первостроитель КВЖД

Е.В. Даниель родился 18 октября 1863 г. в слободе Алтухово Трубчевского уезда Орловской губернии¹⁵. В 1885 г. он закончил Орловское Александровское реальное училище. Евгений Васильевич решил идти по стопам отца и поступил в Петровскую земледельческую и лесную академию¹⁶.

В 1887 г. Е.В. Даниель был привлечен в качестве обвиняемого по делу о Народовольческом кружке¹⁷, вследствие чего за ним установили негласный надзор¹⁸. В 1888 г. Евгений Васильевич женился на М.С. Рудневой. Мария Степановна происходила из семьи потомственных врачей. Ее отец, Руднев Степан (Стефан) Матвеевич, действительный статский советник, доктор медицины, работал врачом в Военном министерстве (инспектор 8-го гренадерского Московского Великого Герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха полка). У четы Даниелей родилось двое детей: сын Борис 1889 г.р. и дочь Людмила 1893 г.р.

¹¹ Дело о дворянстве Даниель // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343-III Департамент Сената. Оп. 20. Ед. хр. 276. Л. 1–9.

¹² В 2019 г. Брасовская усадьба стала одним из пунктов на карте проекта «Императорский маршрут». В настоящее время в усадьбе ведутся реставрационные работы с последующим открытием музея.

¹³ Ерофеева Г.И. Страницы истории Брасовского имения великого князя Михаила Александровича (на основе новых архивных документов) // Культурный ландшафт регионов. 2021. Т. 3, № 5. С. 33–52.

¹⁴ Дело о дворянстве Даниель // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343-III Департамент Сената. Оп. 20. Ед. хр. 276. Л. 9.

¹⁵ Теперь территория Брянской области.

¹⁶ Петровская сельскохозяйственная академия. Дело студента Е.В. Даниель // Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 228. Оп. 3. Ед. хр. 1666. Л. 2.

¹⁷ Народная воля – революционная политическая организация, вела борьбу за социальное преобразование общества.

¹⁸ Дело о студенте Даниель // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63. Оп. 41. Ед. хр. 448. Л. 8.

За участие в студенческих беспорядках в марте 1890 г. Евгению Васильевичу было запрещено жить в Москве и Московской губернии¹⁹. Тем не менее это не помешало Е.В. Даниелю закончить Петровскую лесную академию со званием кандидата сельского хозяйства. В 1892 г. Евгений Васильевич был причислен к удельному ведомству и направлен в Саратовский удельный округ, работал на должности степного лесовода II разряда (Саратовская губерния, Камышенский уезд, Руднянское имение). По служебным делам Е.В. Даниель неоднократно посещал Саратов: возможно, именно там состоялось его знакомство с инженером Адамом Шидловским – начальником постройки 9-го участка линии Пенза – Тоболжанка. В дальнейшем А.И. Шидловский был назначен начальником 5-го Ляояньского строительного участка южной ветки КВЖД.

За отличную службу Е.В. Даниель был награжден серебряной медалью «В память в Бозе почившего императора Александра III»²⁰. Так как Евгений Васильевич находился под негласным надзором, периодически подавались сведения о его благонадежности. В отчете за второе полугодие 1895 г. читаем: «Ведет жизнь скромную, и хотя в знакомстве с лицами политически неблагонадежными не замечался, но в личных своих суждениях проявляет некоторый либерализм, но не в резкой однако форме»²¹. В 1896 г. надзор был прекращен, Е.В. Даниель получил разрешение проживать в Москве и Московской губернии. В 1897 г. Евгений Васильевич оставляет службу в удельном ведомстве, начинается новый этап в его жизни.

Дальнейшую свою трудовую деятельность Е.В. Даниель связал с Китайско-Восточной железной дорогой. Сохранился послужной список Евгения Васильевича, обратимся к нему²². С 1897 по 1900 г. он занимал должность агента для поручений, входил в разведывательную партию инженера С.Н. Хилкова, заместителем которого являлся уже упомянутый А.И. Шидловский. Данный период работы подробно освещен в книге «Исторический обзор Китайской Восточной Железной Дороги» агента КВЖД Е.Х. Нилуса: «15-го апреля (1897 г.) на пароходе Добровольного Флота “Владимир” отплыли из Одессы кн. С.Н. Хилков и К.Ю. Вебер со своими сотрудниками – А.И. Шидловским, Е.В. Даниелем, Карповым и др. 29 мая пассажиры “Владимира” благополучно прибыли во Владивосток, где были, между прочим, встречены <...> Д.Л. Хорват»²³. Дальнейший маршрут экспедиции проходил по реке Сунгари на пароходе «Силач» в район Бодунэ, изыскательные работы продолжались вплоть до конца 1897 г.

Начальный этап строительства КВЖД сопровождался огромными трудностями: тяжелейшие природные условия, отсутствие дорог, бытовая неустроенность и пр. Летописец истории КВЖД Е.Х. Нилус отмечал: «Сопряженная с исключительными трудностями работа на постройке К.В.ж.д. в пустынной местности, на тысячи верст удаленной от отечественных центров, лишенной самых примитивных культурных удобств, среди чужого населения, требовала совершенно незаурядных качеств не только технического работника, но и администратора, дипломата и т.д., требовала особой выдержанности, спокойствия, такта и других ценных внутренних ресурсов»²⁴. Тем не менее, несмотря на тяжелые условия жизни, в Маньчжурию переехала семья Евгения Васильевича. Супруга Е.В. Даниеля, Мария Степановна, в полной мере разделила все тяготы походной жизни: «Даниели были очень популярной семьей на Дальнем Востоке во время строительства железной дороги. <...> Мария была первой русской женщиной, пригласившей китайских чиновников в свой дом, что способствовало их популярности среди местного населения. <...> У Даниелей было двое детей, тогда еще подростков – сын Борис и очаровательная дочь Милочка (Мила или Людмила)»²⁵ (перевод с англ. – Г. Е.).

¹⁹ Дело о студенте Даниель // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63. Оп. 41. Ед. хр. 448. Л. 8.

²⁰ Аттестат Даниель Е.В. Архив семьи Даниель.

²¹ 3-Делопроизводство. Студент Петровской академии Е.В. Даниель // Семейный архив Mila Kim Maskay (М. Даниель).

²² Личные и пенсионные дела служащих управления КВЖД, Даниель Е.В. // РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1390.

²³ Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923. Харбин, 1923. Т. 1. С. 38.

²⁴ Там же.

²⁵ Govor E. My Dark Brother: the Story of the Illins a Russian – aboriginal family. Sydney, 2000. P. 139.

В 1900 г. Борису (сыну Е.В. Даниеля) исполнилось 11 лет. Встал вопрос о дальнейшем обучении. После того как Харбин стал центральным узлом железной дороги, количество русских здесь значительно возросло: это были не только служащие КВЖД, но и торговцы, ремесленники, ехали целыми семьями с женами и детьми. Для решения проблемы обучения детей управление КВЖД открыло в городе несколько школ. Тем не менее на начальном этапе их существования качество образования было ниже, чем в русских школах. К тому же оставаться в Маньчжурии было опасно, вспыхнуло Боксерское восстание. М.С. Даниель уехала с детьми в Россию. Забегая вперед, коснемся дальнейшей судьбы Бориса Евгеньевича Даниеля. Б.Е. Даниель закончил Тенишевское училище. Среди известных выпускников: поэт О.Э. Мандельштам, писатель В.В. Набоков, русский живописец, летчик Н.А. Бруни и др. В 1909 г. Б. Даниель поступил в Психоневрологический институт (Санкт-Петербург).

В 1900 г. Е.В. Даниель был назначен на должность правителя дел канцелярии главного инженера А.И. Юговича. Александр Иосифович Югович – талантливый русский инженер, сыгравший ключевую роль в строительстве КВЖД. С Юговичем Евгения Васильевича связывали не только профессиональные, но и личные дружеские отношения.

Так как Е.В. Даниель имел значительный опыт в лесном деле (являлся кандидатом сельского хозяйства, происходил из семьи потомственных лесоводов), в 1901 г. его назначили начальником Отдела отчуждения и заведующим лесными операциями. Главный редактор «Харбинского вестника», профессор Института ориентальных и коммерческих наук П.С. Тищенко так писал о деятельности Евгения Васильевича на этом посту: «В обязанности Даниеля входило обеспечение строящейся дороги лесными материалами. Добычу леса в верховьях Сунгари он сумел поставить так рационально, что рубка и доставка древесины в Харбин обходились достаточно дешево. В его обязанности входила и работа дипломатического характера, связанная с отчуждением земель в пользу КВЖД. <...> Обладал исключительной работоспособностью»²⁶.

Особенно хотелось бы выделить деятельность Е.В. Даниеля во время визитов С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина в Маньчжурию. Как свидетельствует Е.Х. Нилус, организация приезда генерал-губернатора (цзянь-цзюня) Гиринской провинции Чана в Харбин для встречи с Витте (1902 г.), а затем с Куропаткиным (1903 г.) – исключительная заслуга Е.В. Даниеля²⁷.

Приказом от 12 апреля 1901 г. Е.В. Даниель был причислен к Министерству финансов. Своевременное обеспечение КВЖД топливом имело первостепенное значение. Для решения этой задачи необходимо было получить согласие китайских властей, в этом также немалая заслуга Е.В. Даниеля – именно он вел переговоры с китайской администрацией. Подпись Евгения Васильевича стоит на ряде важных русско-китайских договорных актов, регламентирующих данную сферу деятельности дороги. Перечислим некоторые из них. 2 июня 1901 г. был подписан договор, обеспечивающий право беспрепятственно проводить изыскания и разработку каменного угля в Гиринской провинции²⁸. Подобный договор был заключен и с военным губернатором Хэйлунцзянской провинции (1 января 1902 г.)²⁹.

При непосредственном участии Е.В. Даниеля 5 июля 1901 г. был подписан договор с Гириным военным губернатором об учреждении в Харбине китайского Главного отделения иностранных и железнодорожных дел³⁰. Также, согласно договорам от 1 января 1902 г.³¹ и 20 апреля 1902 г.³², предписывалось учреждение Главного отделения иностранных и железнодорожных дел для Хэйлунцзянской и соответственно Мукденской провинций.

²⁶ Крадин Н.П. Русские инженеры и архитекторы в Китае... С. 234.

²⁷ Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги... С. 245, 249.

²⁸ Русско-китайские договорные акты // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3147. Л. 60–63.

²⁹ Русско-китайские договорные акты // АВПРИ. Ф. 188 (Миссия в Пекине). Оп. 761. 1896. Ч. II. Л. 82–82 об.

³⁰ Русско-китайские договорные акты // АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3147. Л. 66–69.

³¹ Русско-китайские договорные акты // АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 978. Л. 12–13.

³² Русско-китайские договорные акты // АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3147. Л. 85–87 об.

Евгений Васильевич Даниель участвовал и в подписании договора на постройку и эксплуатацию Гиринской ветви КВЖД (20 июня 1903 г.)³³.

Земельный вопрос долгое время не был окончательно решен с китайскими властями. Данная работа нередко сопровождалась спорными, а порой даже конфликтными ситуациями. При непосредственном участии Е.В. Даниеля были подписаны договоры, устанавливающие правила отчуждения земель для нужд КВЖД в Хэйлунцзянской (10 марта 1904 г.³⁴, 17 августа 1907 г.³⁵), Цицикарской (28 ноября 1904 г.)³⁶ и Гиринской (17 августа 1907 г.)³⁷ провинциях.

Местопребыванием Управления дороги избрали Харбин. При Управлении работали Гражданская и Политическая, Врачебная, Ветеринарно-санитарная части, Отдел сношений с китайскими властями, Земельный отдел. В 1903 г. Отдел Уполномоченного Управляющего дорогой по сношению с китайскими властями возглавил Е.В. Даниель. Сохранился список служащих данного отдела, предположительно датирован 1904 г.³⁸ Обратимся к нему: на должности драгоманов состояли китайские поданные – Ли-Хун-гуй и Чу-Ю-чень, годовое содержание которых составляло 4 200 и 3 600 руб. соответственно. Представителем от Особого Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи являлся А.Д. Хитрово (1 200 руб.). В отделе также значились: делопроизводитель (2 400 руб.), шесть конторщиков (заработная плата варьировалась и зависела от стажа работы), два сторожа. Годовое содержание начальника отдела Е.В. Даниеля составляло 12 000 руб. Для сравнения – главноуправляющий Брасовского имения великого князя Георгия Александровича (брата императора Николая II) также получал в год 12 000 руб.³⁹

19 октября 1904 г. был убит военный комиссар Цицикарской провинции Генерального Штаба подполковник Богданов. Данное событие вызвало широкий резонанс на КВЖД. Е.В. Даниель курировал расследование этого дела⁴⁰. Следствие показало, что убийцами были хунхузы.

Положительно зарекомендовав себя на службе, Евгений Васильевич получил ряд наград: орден Святого Станислава II и III степеней (1904, 1901 гг.), орден Святой Анны II степени (1905 г.), орден Святого равноапостольного князя Владимира IV степени (1905 г.), медаль «За усердие» (1905 г.), серебряную медаль «За поход в Китай» (1903 г.)⁴¹. В послужном деле Е.В. Даниеля сохранилось отношение начальника Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи Н.М. Чичагова от 6 июня 1903 г., адресованное главному инженеру КВЖД А.И. Юговичу о награждении 12 служащих дороги данной медалью. В прилагаемом списке значился и Евгений Васильевич. Из отношения Н.М. Чичагова: «Препровождая при сем 12 медалей “за поход в Китай” <...>, я считаю для себя особенным удовольствием отметить, что мне пришлось вручить их Вам и тем еще теснее связать корпорацию служащих на КВЖД с Заамурским округом, как перенесшим вместе все невзгоды минувшей кампании»⁴².

Е.В. Даниель был награжден рядом иностранных орденов, в том числе китайским орденом «Двойного дракона» 3-й степени 1-го класса (1902 г.) и 2-й степени 2-го класса с лентой (1908 г.). Обстоятельства награждения этим орденом узнаем из докладной записки председателя Гиринского бюро Са Ин-ту на имя Вице-короля Маньчжурии: «В настоящее время препровождаю Вам еще один список с покорнейшей просьбой ходатайствовать перед Двором о награждении этих лиц с указанием заслуг по Вашему усмотрению, хотя бы,

³³ Русско-китайские договорные акты // АВПРИ. Ф. 163 (Трактаты). Оп. 4. 1903. Д. 66. Л. 3–5 об.

³⁴ Русско-китайские договорные акты // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. 1896. Д. 651. Ч. I. Л. 21–24 об.

³⁵ Русско-китайские договорные акты // АВПРИ. Ф. 163. Оп. 3. 1907. Д. 923. Л. 1–5.

³⁶ Русско-китайские договорные акты // АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. 1896. Д. 651. Ч. I. Л. 23–24.

³⁷ Русско-китайские договорные акты // АВПРИ. Ф. 163. Оп. 3. 1907. Д. 925. Л. 1–4 об.

³⁸ Даниель Е.В. // РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1390. Л. 4.

³⁹ Площадь Брасовского имения составляла 100 000 га.

⁴⁰ Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги... С. 499.

⁴¹ Серебряный вариант медали предназначался для награждения всех лиц, прямо участвовавших в боевых действиях.

⁴² Даниель Е.В. // РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1390. Л. 6.

например, за охрану императорских могил. Лица, упомянутые в списке, занимают ответственные посты и известны своей долгой и плодотворной деятельностью в Северной Маньчжурии, в особенности господин Даниель, который находится в Харбине уже очень давно и в своих непрерывных дипломатических отношениях всегда старался об ограждении общих интересов. Господин Даниель имеет уже орден 3 класса 1 степени, и я Вас покорнейше прошу представить его к следующему. Это важно для дипломатических сношений обеих стран»⁴³.

Также Евгений Васильевич был награжден японским орденом Восходящего солнца 4-й и 3-й степеней, китайским орденом «Тучного колоса» 3-й степени (декрет президента от 13 мая 1914 г. Минь-го)⁴⁴ (рис. 1). По представлению японского генерального консула Евгению Васильевичу были подарены две вазы клаозоне с японским государственным гербом⁴⁵. Нужно отметить, что ввиду своих служебных обязанностей Е.В. Даниель контактировал и с японскими властями. 29 июля 1912 г. умер император Японии Муцухито Мэйдзи. По инициативе русской дипломатической миссии в японском генеральном консульстве состоялось богослужение в память умершего императора. В журнале «Огонек» за № 39 опубликована заметка, посвященная этому событию, где был указан состав участников. Среди высших должностных лиц (российский генеральный консул Г.К. Попов, китайский военный даотай⁴⁶ Ли-Тя-яо, заместитель управляющего КВЖД С.Н. Хилков, начальник Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи Е.И. Мартынов) на данном мероприятии присутствовал и Е.В. Даниель (дипломатический представитель КВЖД)⁴⁷.

Ввиду ответственной работы Евгению Васильевичу не разрешалось часто ездить в Россию и навещать близких. Жизненные обстоятельства развели Е.В. и М.С. Даниелей. Мария Степановна вместе с детьми решила уехать из страны, конечным пунктом их проживания стала Новая Зеландия, Крайстчерч. Еще до отъезда Мария Степановна брала уроки у известного художника С.А. Сорина. В Новой Зеландии М.С. Даниель продолжила занятия живописью. Она являлась членом художественного общества Крайстчерча (Художественная галерея Крайстчерча). Сохранился ее рисунок, изображающий китайского дракона: за эту работу Мария Степановна получила высокую награду⁴⁸. Потомки Е.В. Даниеля от первого брака проживают в Австралии и Новой Зеландии.

Далее Евгений Васильевич вступил во второй брак с Л.В. фон Рейтер, урожденной Маловичко. Первый муж Лидии Васильевны служил старшим ветеринаром в Охранной страже КВЖД. Даниель Лидия Васильевна родилась 25 января 1874 г. в Санкт-Петербурге,

Выписка из послужного списка Е.В. ДАНИЕЛЯ о пожалованных ему иностранных орденах.

Наименование ордена.	Когда пожалован.	По какому случаю пожалован.
1/ Китайский орден «Двойного Дракона» 3-й степени 1-го класса	20-го Мая 1902 года.	
2/ То же «Двойного Дракона» 2-ой степени 2-го класса с лентой	19-го Января 1908 года.	В донгадной записке Председателя Гириньск. Вэро Са Ин-гу на имя Вице Короля Маньчжурии говорится, что г. Даниэль в своих непрерывных дипломатических сношениях всегда старался об ограждении общих интересов.
3/ Японский орден «Восходящего Солнца» 4-ой степени.	16-го Июля 1910 года.	
4/ То же орден «Восходящего Солнца» 3-й степ.	1913 года.	В связи с профзлом Министра-Президента Нияя Натсура.
5/ Две вазы клаозоне с японским Государственным гербом.	1915 года.	Представление Японск. Генерального Консула в Октябрь 1914 года.
6/ Китайский орден «Тучного Колоса» 3-й ст.	Декрет Президента от 13-го Мая 4 года Минь-го.	

СЕКРЕТАРЬ РУССКО-КИТАЙСКОГО СЕКРЕТАРИАТА

4 Марта 1924 г.

Рис. 1. Выписка из послужного списка Е.В. Даниеля о пожаловании ему иностранных орденов. РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1390. Л. 41. Публикуется впервые

⁴³ Даниель Е.В. // РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1390. Л. 37.

⁴⁴ Там же. Л. 41.

⁴⁵ Клаозоне – техника создания перегородчатой эмали на металлических предметах.

⁴⁶ Даотай – китайский чиновник, управляющий определенным административным округом.

⁴⁷ Огонек. 1912. № 39. 23 сент. (6 окт.). С. 2.

⁴⁸ Семейный архив Mila Kim Mackay (М. Даниель).

в 1893 г. окончила Николаевский сиротский институт⁴⁹. В семье родилось двое детей: Василий (1909 г.р.) и Андрей (1913 г.р.) (рис. 2).

В 1915 г. по причине болезни Е.В. Даниель оставил службу на КВЖД. На благо дороги Евгений Васильевич отдал 18 лет своей жизни. Отойдя от дел, он активно включился в общественную работу. Евгений Васильевич состоял членом различных научно-просветительских и благотворительных организаций. Из статьи П.С. Тишенко: «он занимался и общественной работой. Был председателем Общества защиты детей, его избирали во всевозможные комиссии и другие общественные организации как человека авторитетного, обладающего знаниями по многим проблемам. Занимал должность Товарища Председателя Харбинского комитета Союза городов»⁵⁰. Также Евгений Васильевич был председателем Общества русских ориенталистов (1911–1915)⁵¹. Подлинным краеведческим центром Маньчжурии стало Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК). В составе ОИМК работало 12 секций. Е.В. Даниель был председателем секции «Культурное развитие Края» (1926 г.)⁵².

Последние годы жизни Евгения Васильевича можно проследить по его переписке с Н.В. Борзовым. Она представляет собой несомненный интерес. Николай Викторович являлся видной фигурой в Харбине, был начальником учебного отдела Правления КВЖД, директором коммерческих училищ, одним из создателей «Общества вспомоществования учащимся вузов, окончивших средние учебные заведения Харбина» и «Комитета по делам высших и специального типа учебных заведений», инициатором проведения ежегодных съездов учителей железнодорожных школ (1907–1925) и др. По требованию советских властей он был уволен со службы, переехал в США (Беркли), был председателем «Русского национального студенческого общества»⁵³, далее проживал в Сан-Франциско. В Музее русской культуры в Сан-Франциско находятся письма Евгения Васильевича, адресованные Борзову: переписка охватывает четыре года – с 1925 по 1929 г.⁵⁴ Это не образцово-показательные записки, рассчитанные на широкий круг людей, а наполненные бытовыми подробностями записи личного характера, прекрасно иллюстрирующие будни и повседневную жизнь Харбина 1920–1930-х гг. Эти письма также дают интересные сведения о политической обстановке в Китае того времени, в частности упоминаются лица, игравшие значительную роль в общественной жизни Харбина, со многими из них Евгений Васильевич был знаком лично. На момент переписки Е.В. Даниель проживал по следующему адресу: Харбин, ул. Мостовая, 50 (16). Из его письма от 14 августа 1925 г.: «Дорогой Николай Викторович! <...> Живу я на даче с детьми, “зажмурившись”, а в Харбине идет во всю мочь китайзация, из бывшего ХОУ⁵⁵ пачками выкидывают народ (недалече уволили [неразборчиво] и

Рис. 2. Е.В. Даниель с сыновьями Василием и Андреем. Источник: семейный архив А.А. Даниель. Публикуется впервые

⁴⁹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 12467.

⁵⁰ Крадин Н.П. Русские инженеры и архитекторы в Китае... С. 234.

⁵¹ Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта... С. 100.

⁵² Весь Харбин на 1926 год: адресная и справочная книга. Харбин, 1926. С. 130.

⁵³ Н.В. Борзов // ГАРФ. Ф. 1033. Оп. 11. Ед. хр. 7. Коробка 7. Ед. хр. 8. Коробка 7 (продолжение).

⁵⁴ Копии писем находятся в архиве семьи Даниель.

⁵⁵ Харбинское Общественное Управление.

Авенариуса)⁵⁶. <...> Лопухин⁵⁷ и Крынин⁵⁸ как-то влезли в Управление, Тишенко ищет уроков». Причиной «китаизации» КВЖД стало подписанное в 1924 г. советско-китайское соглашение, согласно которому дорога перешла в совместное управление на паритетных началах.

В письме от 14 октября 1925 г. Евгений Васильевич также затрагивает непростые советско-китайские отношения: «Уж очень тяжело складывается здесь жизнь: каждое наглое наступление новой власти (московской) на китайскую, каждая их выходка, <...> все это тяжело сказывается на русских вообще, не касаясь партий и цветов. Ходи все более и более стягивают над нами свое желтое кольцо, а если прибавить к этому еще и большую дозу рабского угодничества среди нашей братии, то конец очень недалек. <...> И уверяю Вас, что недалек тот день, когда китайцы потребуют ведения дел на китайском языке, а затем и собрания уполномоченных будут сначала вестись на общих языках (с драгоманом), а потом может быть и совсем на китайском языке (как в суде). Вот эти веяния часто не дают мне хорошо спать, а поэтому Ваше последнее письмо может быть попало в центр (или как у Гл. Успенского сказано “в точку и в жилу”), чем Вы думаете. Для меня очень ценно получить внешние сведения именно от Вас, и не восклицания только, а счет, т.е. реальность».

В письме есть упоминание и о высших должностных лицах КВЖД: «Остроумов⁵⁹ поехал в Мукден по поводу дороги Харбин – Сахалин, Гондатти⁶⁰ избран председателем оценочно-налоговой комиссии, полон жажды деятельности, готов сражаться с китайцами в Городском Совете, но мне думается, он останется один».

Обстановка в Харбине накалялась, из письма от 15 января 1926 г.: «Наша жизнь идет день за днем. Была у нас тут война, но мы как-то по-любительски наблюдали за ней: – это ходи дерутся, – хотя если бы победил южный генерал (фактически работает от Карахана), то конечно нам пришлось бы тяжело. Но японцы, выпустив предварительно несколько самых категорических деклараций в полном невмешательстве своем во “внутренние дела Китая”, ввели тоже несколько дивизий в Мукденскую провинцию “для защиты резидентов”, и чаша весов склонилась очень быстро на сторону Чжан Цзолиня⁶¹. Сейчас он объявил уже о полной автономии и независимости от Пекина, где действительно идет анархия, трех восточных провинций. Харбинцы, особенно изголодавшаяся беженская среда, с горячей надеждой ждет окончания вопроса о железнодорожном строительстве (Харбин – Сахалин) и с вожделием смотрит на Остроумова. <...> Красная молодежь перестала просто хулиганить, а взялась за поножовщину и несколько дней тому назад ранили на улице одного из инакомыслящих, а вчера убили другого, причем китайской полиции все же удалось напасть на след и даже арестовать несколько славных комсомольцев. Честь и слава Вашей выращенной Вами молодежи, которая не на словах и не в поступках только показала себя, а подперла Вашу хату в это тяжелое время».

Нужно отметить, что Н.В. Борзов не оставлял надежды вернуться в Харбин. Переговоры по этому вопросу с китайскими властями (Ли Шао-гэн)⁶² вел Е.В. Даниель, но безрезультатно.

Все эти волнения не остались бесследными, здоровье Евгения Васильевича заметно ухудшилось. Из письма от 7 декабря 1928 г.: «...на почве <...> сердечного переутомления, –

⁵⁶ Авенариус Г.Г. – юрист, экономист, преподавал в институте св. Владимира, работал в Харбинской Городской Управе.

⁵⁷ Крынин П.П. на 1926 г. являлся членом Городского совета, заведовал Хозяйственным отделом, включал склад топлива, ночлежные дома, городской обозный двор, Городской сад (Весь Харбин. 1926. С. 96).

⁵⁸ Лопухин Н.С. – заведовал торгово-налоговым отделом Городского совета.

⁵⁹ Остроумов Б.В. (1879–1944) – русский инженер, управляющий КВЖД в 1921–1924 гг.

⁶⁰ Гондатти Н.Л. (1860–1946) – русский государственный деятель, исследователь Северной и Северо-Восточной Сибири, действительный статский советник. Член многих русских ученых обществ.

⁶¹ Чжан Цзолинь – китайский и политический деятель. Под его контролем находились провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян.

⁶² Ли Шао-гэн – помощник начальника Главного управления по городским и поселковым делам, заместитель председателя по иностранным делам.

все общественные дела! – со мной случился удар и до сих пор, вот уже год, как у меня плохо действует левая (хорошо, что не правая) рука». Последнее письмо Е.В. Даниеля Борзову датировано 14 мая 1929 г., а 15 марта 1930 г. Евгения Васильевича не стало. Е.В. Даниель был похоронен в Харбине.

Сыновья от второго брака, Василий и Андрей Даниели, закончили 1-е Харбинское Русское Реальное училище. Сохранился аттестат на имя А.Е. Даниеля на русском и китайском языках. Училище Андрей Евгеньевич закончил с золотой медалью⁶³ (рис. 3). Дальнейшее образование Василий и Андрей получили в Бельгии, закончили Льежский университет. Василий Евгеньевич Даниель (1909–1964) – известный бельгийский архитектор, инженер, один из соавторов уникального сооружения в Брюсселе – здания «Атомиум»⁶⁴. Андрей Евгеньевич Даниель (1913–1992) – инженер-химик, работал по специальности в Бельгии и Пакистане.

История семьи Е.В. Даниеля неразрывно связана с КВЖД, Харбином. Ариадна Андреевна Даниель бережно хранит лаковый альбом (рис. 4), инкрустированный перламутром, бархатное панно и хлыст, украшенный золотыми буквами, драконом и бриллиантом на конце. Эти вещи – дар китайских властей Евгению Васильевичу.

В.В. и А.В. Даниели на службе Заамурского округа

Проведение строительных работ и последующая эксплуатация линии КВЖД требовали создания мощной вооруженной охраны – особой стражи. В 1901 г. охранная стража была преобразована в Заамурский округ отдельного корпуса пограничной стражи. Е.Х. Нилус так писал об этом военном формировании: «За время свыше 15-летней службы на Дальнем Востоке охранной стражи <...> вписано немало ярких страниц в историю русской военной доблести не только в местной борьбе с хунхузами и боксерами, но и на полях сражений в русско-японскую, а затем и в великую европейскую войну на австро-германском фронте, куда Заамурский Округ был командирован в полном составе в 1915 году»⁶⁵.

С Заамурским округом связали свою жизнь братья Евгения Васильевича – Владимир и Александр. Обратимся к страницам их биографии.

Владимир Васильевич Даниель

Владимир Васильевич Даниель родился 20 мая 1876 г. В 1895 г. он закончил Орловский Бахтина кадетский корпус, далее поступил в Александровское военное училище. В 1897 г.

Рис. 3. Аттестат А.Е. Даниеля.

Источник: ГАРФ. Ф. 10017. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 2, 3 об.
Публикуется впервые

Рис. 4. Лаковый фотоальбом. Источник: семейный архив А.А. Даниель. Публикуется впервые

⁶³ Личное дело А.Е. Даниель // ГАРФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 122.

⁶⁴ Крадин Н.П. Русские инженеры и архитекторы в Китае... С. 234.

⁶⁵ Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги... С. 503.

Владимир Васильевич был распределен в 34-й пехотный Севский полк. В 1900 г. В.В. Даниель был переведен в Отдельный корпус пограничной стражи. Точно неизвестно, что явилось причиной перемены места службы – возможно, это было сделано не без влияния Евгения Васильевича.

В.В. Даниель получил большой боевой опыт, что пригодилось ему в дальнейшем: он являлся участником Китайского похода 1900–1901 гг. и Русско-японской войны (1904–1905 гг.).

В.В. Даниель за отличную службу и проявленную храбрость в военных действиях был награжден орденами: Святого Станислава II и III степеней, Святой Анны II, III, IV степеней, Святого Владимира IV степени, китайским орденом «Двойного дракона» IV степени⁶⁶.

Неудачная Русско-японская война вызвала революционные беспорядки как на КВЖД, так и в поселках полосы отчуждения дороги. На тот момент Владимир Васильевич служил на станции Чжаланьтунь Западной линии КВЖД, которая также оказалась в центре революционных событий. Из автобиографии В.В. Даниеля: «Когда начались народные волнения, объявлена была забастовка железной дороги и я присоединился к решению Самарского стачечного комитета⁶⁷, подписав о нем депешу со станции Чжаланьтунь вместе с доктором и пр. Эта депеша вызвала целую бурю среди военного начальства»⁶⁸. В итоге В.В. Даниель был вынужден уйти в запас. Далее Владимир Васильевич получил инженерное образование (Комиссаровское техническое училище), став инженером-механиком.

В 1910 г. В.В. Даниель вернулся на КВЖД и был зачислен во 2-й Заамурский железнодорожный батальон Заамурской железнодорожной бригады. Основной задачей данного подразделения было обслуживание линии КВЖД. «Служба железнодорожной бригады, как воинской части, – писал Е.Х. Нилус, – покоилась на следующем основном принципе: в военное время – все для железной дороги, обслуживающей армию, в мирное время – все для воинского и технического обучения»⁶⁹.

Имея профильное образование, Владимир Васильевич стал работать в Главных механических мастерских КВЖД. Из автобиографии В.В. Даниеля: «пройдя цеха Мастерских: колесный, котельный, механический и сборный <...>, перешел в депо Харбин, <...> работал помощником машиниста, а потом как машинист»⁷⁰.

На период Первой мировой войны силы Заамурского округа были мобилизованы на нужды фронта. На полях сражений были впервые использованы многие достижения военной техники, в том числе бронепоезда. Несмотря на свою малочисленность, «стальные крепости» действовали весьма успешно, что побудило Управление военных сообщений (УВОСО) Русской армии начать их широкое строительство. Наиболее активно в этом деле проявила себя 2-я Заамурская железнодорожная бригада под командованием генерал-майора Михаила Викторовича Колобова, автора эскизного проекта бронепоезда. В документах Первой мировой войны данные поезда именовались «бронепоездами типа 2-й Заамурской железнодорожной бригады». Строительство четырех таких бронепоездов поручили 4-й роте 2-го Заамурского железнодорожного батальона, которой командовал В.В. Даниель. Работы велись в Киевских Главных мастерских Юго-Западных железных дорог. Из объяснительной записки командира 4-й роты капитана В.В. Даниеля: «Участие бронированных поездов в боях против неприятеля в настоящую войну показало необходимость таких отрядов. Огромно моральное впечатление, производимое ими на противника, при отступлении, особенно в ночное время, они, вводя в заблуждение противника, дают возможность своим частям делать отходы и переходы под их прикрытием, удачный и неожиданный набег

⁶⁶ Списки по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 11753.

⁶⁷ Подробно о железнодорожных забастовках и в том числе о телеграмме «Самарского комитета» написано в книге Е.Х. Нилуса «Исторический обзор...», глава XI.

⁶⁸ Автобиография В.В. Даниель // УФСБ России по Ростовской области. Д. П-48474.

⁶⁹ Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги... С. 533.

⁷⁰ Автобиография В.В. Даниель // УФСБ России по Ростовской области. Д. П-48474.

поезда, действующего мгновенно, может сделать большое опустошение в неприятельских рядах»⁷¹. По документам Владимир Васильевич значился как производитель работ.

Благодаря четкой организации строительство бронепоездов велось чрезвычайно высокими темпами. Первый бронепоезд закончили 1 (14) сентября 1915 г. (рис. 5). За успешную работу главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта И.И. Иванов лично выразил благодарность В.В. Даниелю⁷².

Дальнейшая судьба Владимира Васильевича сложилась непросто. Не мысля себя без Родины, В.В. Даниель остался жить в Советской России. Работал старшим ревизором отдела тяги Северо-Кавказской железной дороги. В 1927 г. был арестован, обвинен по статьям 58-2, 58-11, 58-12 УК РСФСР (участие в контрреволюционной деятельности), приговорен к расстрелу. 13.07.1927 г. приговор был изменен на 10 лет заключения в Соловецком концлагере. Освобожден досрочно из Свирского лагеря 05.11.1932 г.⁷³ Пережив ужасы лагерной жизни, Владимир Васильевич вернулся домой. С 1944 г. В.В. Даниель работал инженером по охране труда и техники безопасности Тимошевского отделения Северо-Кавказской железной дороги. Решив добиться справедливости, Владимир Васильевич подал заявление о снятии с него судимости. В 1955 г. В.В. Даниель умер. Ровно через год судимость с него была снята, но об этом В.В. Даниель уже не узнал. 16.04.1992 г. он был реабилитирован. Память о Владимире Васильевиче продолжает жить в семье Даниелей. Хранителем семейного архива является правнучка Владимира Васильевича – Н.В. Даниель.

Рис. 5. Бронепоезд «Хунхуз». 5-й слева В.В. Даниель. 1915 г. Источник: семейный архив Н.В. Даниель

Александр Васильевич Даниель

В пограничной страже служил и младший брат Е. и В. Даниелей – Александр. В Государственном архиве Российской Федерации сохранилось личное дело А.В. Даниеля⁷⁴. Ранее оно было передано в архив известным деятелем русской эмиграции Р.В. Полчаниновым. А.В. Даниель родился 15 марта 1880 г. Образование получил в Полтавском реальном училище (5 кл.), выдержал экзамен на вольноопределяющегося 2-го разряда в Слуцкой гимназии. В 1898 г. Александр Васильевич был распределен в 34-й пехотный Севский полк. В 1904 г. А.В. Даниель поступил на сверхсрочную службу во 2-ю бригаду Заамурского округа пограничной стражи. За отличие в деле против японцев Даниель был произведен в корнеты (22.09.1906 г.), награжден светло-бронзовой медалью «В память русско-японской войны» (30.12.1906 г.).

А.В. Даниель был женат на дочери скульптора Е.А. Лансере – Софии. С.Е. Даниель также имела непосредственное отношение к КВЖД. София Евгеньевна родилась 24 июля 1880 г., закончила Николаевский сиротский институт и педагогические курсы. В 1906 г. она была зачислена в штат КВЖД конторщицей⁷⁵. С.Е. Даниель приходилась двоюродной сестрой К.А. Хорват (урожденной Бенуа), супруги управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата.

⁷¹ Коломиец М.В. Оружие Великой войны. Бронепоезда Российской армии. М., 2021. С. 110–111.

⁷² Там же. С. 132.

⁷³ Заключение по материалам уголовного дела В.В. Даниель // УФСБ России по Ростовской области. Д. П-48474.

⁷⁴ Личное дело С.Е. и А.В. Даниель // ГАРФ. Ф. 10038. Оп. 1. Ед. хр. 317.

⁷⁵ Личные и пенсионные дела служащих управления КВЖД. С.Е. Лансере (Даниель) // РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Ед. хр. 2963.

В семье Даниелей родилось двое детей: Ирина (25 ноября 1908 г.) и Елена (18 сентября 1910 г.).

Родные и близкие С.Е. Даниель по роду своей деятельности также были связаны с Маньчжурией, КВЖД. Брат Софии Евгеньевны – известный художник Е.Е. Лансере, был на Дальнем Востоке, в Маньчжурии. Многочисленные путевые этюды послужили материалом для цикла станковых произведений, частично воспроизведенных в «открытых письмах» («Стены в Старом Харбине» (1904), «Северная Маньчжурия. У станции “Барим”» (1905), «Маньчжурия. Станция “Якешу”» (1906) и др.). Супругом сестры Софии Евгеньевны – Зинаиды был инженер-путеец Б.А. Серебряков. Борис Анатольевич, будучи студентом Института путей сообщения, был послан в 1904 г. на практику в Маньчжурию⁷⁶, в Ляоян, где вскоре развернулись ожесточенные бои Русско-японской войны.

Помимо своих должностных обязанностей, А.В. Даниель находился в распоряжении полковника А.Д. Хитрово. Также Александр Васильевич был вторым представителем от Особого Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи отдела Уполномоченного по сношению с китайскими войсками Е.В. Даниеля. В 1909 г. Александр Васильевич был награжден китайским орденом «Двойного дракона» 3-й степени 2-го класса (рис. 6). Об этом свидетельствуют две грамоты на имя А.В. Даниеля. Из текста: «Российская Императорская Миссия в Пекине сим удостоверяет, что Грамота сия выдана Китайским Министерством Иностранных Дел корнету Даниель на пожалованный ему Китайским Правительством орден Двойного Дракона третьей степени второго класса»⁷⁷.

В 1910–1911 гг. в Маньчжурии свирепствовала чума. А.В. Даниель был награжден орденом Святого Станислава III степени за особые труды по борьбе с чумной эпидемией (1912 г.). Далее А.В. Даниель был переведен во 2-й пограничный Заамурский конный полк того же округа.

В 1911 г. по случаю отпуска Александра Васильевича семья Даниелей навестила родных и близких в России. Из письма З.Е. Серебряковой брату Николаю (Нескучное, 19 июня 1911 г.): «Завтра посылаем лошадей за Соней, вот неожиданный приезд! Едет она с двумя детьми и китайкой-няней»⁷⁸. Е.Н. Лансере⁷⁹ после смерти мужа было трудно управлять имением Нескучное, встал вопрос о его продаже. Из письма Екатерины Николаевны сыну Николаю от 22 июля 1911 г. (Нескучное): «...Была у нас большая радость на этой неделе: сюрпризом приехал Саша Даниель. <...> Он сын помещика, вырос в деревне, ее любит и практичный. Саша говорит, чтобы я не продавала Нескучное, <...> И так возьму опять слово назад и оставлю пока Нескучное за собой»⁸⁰.

О пребывании семьи Даниелей в России (1911 г.) и о Харбинском периоде их жизни свидетельствует хранящийся в ГМЗ «Петергоф» альбом с фотографиями «Внуки и внучки»⁸¹.

Рис. 6. Грамота на имя А.В. Даниеля.
Источник: ГАРФ. Ф. 10038. Оп. 1. Ед. хр. 317. Л. 17.
Публикуется впервые

⁷⁶ Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице. М., 1987. С. 31.

⁷⁷ Личное дело С.Е. и А.В. Даниель // ГАРФ. Ф. 10038. Оп. 1. Ед. хр. 317. Л. 16.

⁷⁸ Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице... С. 57.

⁷⁹ Лансере Екатерина Николаевна – мать С.Е. Даниель, З.Е. Серебряковой, Н.Е. и Ев.Е. Лансере, М.Е. Калачевой, Ек.Е. Зеленковой.

⁸⁰ Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице... С. 57.

⁸¹ Альбом «Внуки и внучки». Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры ГМЗ «Петергоф». ГМЗ Пф КП 40162.

19 марта 1915 г. А.В. Даниель вместе с полком убыл на театр военных действий. Далее он был переведен во 2-й Заамурский железнодорожный батальон Заамурской железнодорожной бригады, появилась возможность видаться с братом Владимиром. 2 сентября 1918 г. А.В. Даниель был переведен в Харбин и зачислен в Охранную стражу КВЖД (3-й отдел 13-я рота). Александра Васильевича не стало 22 ноября (5 декабря) 1918 г. Сохранилась выписка из метрической книги, где указана причина смерти. Даниель умер от тифа и был похоронен на общественном кладбище Харбина⁸².

София Евгеньевна после смерти мужа осталась в Харбине, в 1919 г. она подала прошение на выплату пенсии по потере кормильца.

После революции 1917 г. Харбин стал прибежищем для многих русских людей, тем местом, где залечивали раны, приходили в себя и где начиналась уже новая жизнь вдали от Родины – России. Таким местом стал он и для младшей сестры Софии Евгеньевны Даниель – Марии. М.Е. Калачева (ур. Лансере) прибыла в Маньчжурию в сентябре 1917 г. вместе с сыном Александром⁸³. Сохранилась ее переписка с К.А. Хорват. Из письма от 7 февраля (год не указан): «Милая Камиша, вот уже сколько времени собираюсь тебе написать. <...> Живем мы теперь с Сашей в Старом Харбине на Офицерской улице, <...> 2 комнатки <...>, соседи милые люди, также беженцы из Сибири. <...> Я целыми днями работаю, много рисую и вышиваю»⁸⁴. В дальнейшем Марии Евгеньевне удалось покинуть Харбин, она умерла в Русском доме в Ганьи в 1961 г. Уехала из Харбина и С.Е. Даниель. Вместе с дочерью Ириной она проживала во Франции.

Роль КВЖД в хозяйственном освоении Дальнего Востока и Маньчжурии огромна. С железной дорогой связали свою жизнь тысячи русских людей, что в дальнейшем определило их судьбу. На благо КВЖД трудилась и семья Даниелей. Город Харбин стал центром русской эмиграции на Дальнем Востоке. Здесь нашли временный или постоянный приют многие русские беженцы. Именно в Харбине закончили свой жизненный путь Евгений Васильевич, Лидия Васильевна и Александр Васильевич Даниели. Вещи, напоминающие о харбинском периоде их жизни, бережно хранят потомки большой и дружной семьи Даниелей. Достоин памяти и имя талантливого инженера В.В. Даниеля: более 15 лет он прослужил в Отдельном корпусе пограничной стражи, был участником Русско-японской и Первой мировой войн. Он был верным сыном своей Родины – России.

Хочу выразить особую благодарность и признательность Н.В. Даниель, А.А. Даниель, Мiла Кiм Маскау (М. Даниель), Е. Вебер за предоставленные архивные материалы семьи Даниель, неоценимую помощь и поддержку.

Литература

Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М.: Русская панорама, 2005. 430 с.

Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русский путь; Русское зарубежье, 2008. 573 с.

Василенко Н.А. Первостроители КВЖД: к 100-летию Магистрала // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 62–66.

Ерофеева Г.И. Страницы истории Брасовского имения великого князя Михаила Александровича (на основе новых архивных документов) // Культурный ландшафт регионов. 2021. Т. 3, № 5. С. 33–52.

Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице / авт.-сост. В.П. Князева. М.: Изобразительное искусство, 1987. 301 с.

Коломиец М.В. Оружие Великой войны. Бронепоезда Российской армии. М.: Русские витязи, 2021. 200 с.

⁸² Личное дело С.Е. и А.В. Даниель // ГАРФ. Ф. 10038. Оп. 1. Ед. хр. 317. Л. 5.

⁸³ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 18931.

⁸⁴ Письмо Хорват К.А. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры ГМЗ «Петергоф». ГМЗ Пф КП 72169.

Крадин Н.П. Русские инженеры и архитекторы в Китае. Хабаровск: Хабаровская краев. тип., 2018. 379 с.

Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с.

Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М.: ИРИ РАН, 1997. 245 с.

Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 438 с.

Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левашко, А.А. Хисамутдинов. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 461 с.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 360 с.

Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015. 510 с.

Govor E. My Dark Brother: The Story of the Illins a Russian – aboriginal family. Sydney: UNSW Press, 2000. 385 p.

References

Ablova, N.E. (2005). *KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX veka)* [CER and Russian Emigration to China: International and Political Aspects of History (The First Half of the 20th Century)]. Moscow, Ruskaya panorama. 430 p.

Erofeeva, G.I. (2021). Stranitsy istorii Brasovskogo imeniya velikogo knyazya Mikhaila Aleksandrovicha (na osnove novykh arkhivnykh dokumentov) [Pages of the History of the Brasov Estate of Grand Duke Mikhail Alexandrovich (Based on New Archival Documents)]. In *Kulturnyy landschaft regionov*. Vol. 3, No. 5, pp. 33–52.

Govor, E. (2000). My Dark Brother: The Story of the Illins a Russian – Aboriginal Family. Sydney, UNSW Press. 385 p.

Khisamutdinov, A.A. (2002). *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae: opyt entsiklopedii* [Russian Emigration in China: The Experience of the Encyclopedia]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. 360 p.

Knyazeva, V.P. (Comp.). (1987). *Zinaida Serebryakova. Pis'ma. Sovremenniki o khudozhnitse* [Zinaida Serebryakova. Letters. Contemporaries about the Artist]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. 301 p.

Kolomiets, M.V. (2021). *Oruzhie Velikoy voyny. Bronepoezda Rossiyskoy armii* [Weapons of the Great War. Armored Trains of the Russian Army]. Moscow, Russkie vityazi. 200 p.

Kradin, N.P. (2018). *Russkie inzhenery i arkhitektory v Kitae* [Russian Engineers and Architects in China]. Khabarovsk, Khabarovskaya kraevaya tipografiya. 379 p.

Melikhov, G.V. (1991). *Man'chzhuriya dalekaya i blizkaya* [Manchuria is Distant and Close]. Moscow, Nauka. 319 p.

Melikhov, G.V. (1997). *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae (1917–1924)* [Russian Emigration to China (1917–1924)]. Moscow, IRI RAN. 245 p.

Melikhov, G.V. (2003). *Belyy Kharbin. Seredina 20-kh* [White Harbin. Mid-20s]. Moscow, Russkiy put'. 438 p.

Sharonova, V.G. (2015). *Istoriya russkoy emigratsii v Vostochnom Kitae v pervoy polovine XX veka* [History of Russian Emigration to East China in the First Half of the 20th Century]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga. 510 p.

Vasilenko, N.A. (2003). Pervostroiteli KVZhD: k 100-letiyu Magistrali [First Builders of the CER: To the 100th Anniversary of the Highway]. In *Rossia i ATR*. No. 4 (42), pp. 62–66.

Wang Zhicheng. (2008). *Istoriya russkoy emigratsii v Shankhae* [History of Russian Emigration in Shanghai]. Moscow, Russkiy put', Russkoe zarubezh'e. 573 p.

Zabiyako, A.A., Zabiyako, A.P., Levashko, S.S., Khisamutdinov, A.A. (2015). *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: Experience of Life Building in the Conditions of the Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk, Amurskiy gosudarstvennyy universitet. 461 p.

В.Г. Дацышен
Дай Цзяньбин*

**В.Д. ЛАЧИНОВ И Д.П. КАЗАКЕВИЧ –
ПЕРВЫЕ УПРАВЛЯЮЩИЕ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ЭМИГРАНТСКИЙ
ПЕРИОД ИСТОРИИ ХАРБИНА****

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-7
УДК 656.2(510.1)“1917/1929”

*Выходные данные для цитирования:
Дацышен В.Г., Дай Цзяньбин, В.Д. Лачинов и Д.П. Казакевич –
первые управляющие Китайско-восточной железной дороги в эмигрантский
период истории Харбина // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 95–102.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-07.pdf>*

V.G. Datsyshen
Dai Jianbing*

**V.D. LACHINOV AND D.P. KAZAKEVICH –
THE FIRST MANAGERS OF THE CHINESE EASTERN
RAILWAY IN THE EMIGRANT
PERIOD OF HARBIN HISTORY****

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-7

*How to cite:
Datsyshen V.G., Dai Jianbing, V.D. Lachinov and D.P. Kazakevich –
the First Managers of the Chinese Eastern Railway in the Emigrant Period of Harbin
History // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 95–102.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-07.pdf>]*

Abstract. An important but insufficiently studied page in the history of the CER is the activities of the railway administration in a difficult and controversial period in the history of the railway during the years of the civil war and foreign intervention in Siberia. After the severance of communication between the Far East and Petrograd, the permanent Manager of the CER D.L. Horvath was elected in Beijing as the Managing Director of the road, and in 1918–1921 CER was headed by engineers V.D. Lachinov and D.P. Kazakevich. Becoming an assistant to the Manager of the CER in 1917, V.D. Lachinov acted as the Manager for more than three years, factually during the first year, and then formally as well. This course of events was determined by the fact that during the First World War, being the head of the Traction Service, he actually supervised the work of the entire railway. V.D. Lachinov managed the CER in close connection and interaction with his assistant, the like-minded and successor engineer D.P. Kazakevich. To study the place of these figures in the history of the CER, we used materials collected by their contemporary, E.Kh. Nilus, a participant in the events and at the same time a researcher of the CER. The materials prepared for the publication of the second volume of the Historical Review of the CER are kept in the USA. Among the materials collected, typewritten drafts of several chapters of the proposed second volume stand out the most, as they present biographical data on V.D. Lachinov and D.P. Kazakevich, as well as the facts of their participation in historical events on the CER in the first years after the revolution of 1917. The personal characteristics of the little-known leaders of the CER by E.Kh. Nilus are valuable, as the was an eyewitness and participant in

* **Владимир Григорьевич Дацышен**, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: dazishen@mail.ru

Vladimir Grigor'evich Datsyshen, Doctor of Historical Sciences, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'ev, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: dazishen@mail.ru

Дай Цзяньбин, доктор исторических наук, профессор, Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай, e-mail: jianbd@263.net

Dai Jianbing, Doctor of Historical Sciences, Professor, Hebei Normal University, Shijiazhuang, China, e-mail: dazishen@mail.ru

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия» (<https://rscf.ru/project/23-48-00004/>).

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-48-00004 “Chinese Eastern Railway as a Trans-Border Socio-Cultural System: Studying its History, Reconstructing and Modeling Mechanisms of Cultural Heritage Protection” (<https://rscf.ru/project/23-48-00004/>).

the events. Materials collected by researcher E.Kh. Nilus show how experienced engineers and like-minded people, Harbin old-timers V.D. Lachinov and D.P. Kazakevich were able to maintain the stable operation of the CER in the years which were difficult for Russia and Northeast China. The further fate of these historical figures was complex, contradictory and even tragic, but largely thanks to their work, the CER survived and proved to be viable in the new historical circumstances.

Keywords: Chinese Eastern Railway, CER, managing staff, V.D. Lachinov, D.P. Kazakevich, archive of E.Kh. Nilus.

The article has been received by the editor on 24.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Важной, но недостаточно изученной страницей истории КВЖД является деятельность администрации дороги в сложный и противоречивый период истории дороги в годы Гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири. После разрыва связи Дальнего Востока с Петроградом бессменный управляющий КВЖД Д.Л. Хорват был избран в Пекине директором-распорядителем дороги, а в 1918–1921 гг. КВЖД возглавляли инженеры В.Д. Лачинов и Д.П. Казакевич. Став в 1917 г. помощником управляющего КВЖД, В.Д. Лачинов на протяжении более трех лет, сначала фактически, а затем и формально, исполнял обязанности управляющего. Такой ход событий был определен тем, что уже в годы Первой мировой войны, будучи начальником Службы тяги, он фактически руководил работой всей железной дороги. В.Д. Лачинов управлял КВЖД в тесной связи и взаимодействии со своим помощником, единомышленником и преемником инженером Д.П. Казакевичем. Для изучения места этих деятелей в истории КВЖД в качестве исторических источников привлечены материалы, собранные их современником, участником событий и одновременно исследователем КВЖД Е.Х. Нилусом. Подготовленные для предполагавшегося к изданию второго тома «Исторического обзора КВЖД» материалы находятся в США. В их числе выделяются машинописные черновики нескольких глав предполагаемого второго тома, в которых приводятся биографические сведения о В.Д. Лачинове и Д.П. Казакевиче, а также факты их участия в исторических событиях на КВЖД в первые годы после революции 1917 г. Представляют ценность личные характеристики малоизвестных руководителей КВЖД, данные Е.Х. Нилусом как очевидцем и участником событий. Собранные им материалы показывают, как опытные инженеры и единомышленники харбинские старожилы В.Д. Лачинов и Д.П. Казакевич смогли сохранить стабильную работу КВЖД в трудные для России и Северо-Восточного Китая годы. Дальнейшая судьба этих исторических деятелей была сложной, противоречивой и даже трагической, но во многом благодаря их трудам КВЖД сохранилась и оказалась жизнеспособной в новых исторических условиях.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, КВЖД, управляющий персонал, В.Д. Лачинов, Д.П. Казакевич, архив Е.Х. Нилуса.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023 г.

Китайско-Восточная железная дорога за время своей истории с конца XIX в. и до середины 1930-х гг. пережила немало сложных и даже кризисных периодов. Сохранение дороги, восстановление полученных разрушений, продолжение работы и ее развитие во все времена зависели от профессионализма и слаженности работы всего многонационального коллектива служащих дороги, и в первую очередь от ее руководства. В историю России в качестве примера успешного и эффективного руководителя и администратора вошел управ-

ляющий КВЖД Д.Л. Хорват, на период работы которого пришлось время стабильного развития дороги и всего Северо-Восточного Китая. В силу многих причин «в тени» Д.Л. Хорвата на долгое время оказались другие руководители КВЖД, возглавлявшие дорогу в самые сложные и противоречивые периоды ее истории.

Одним из критических периодов в истории КВЖД были годы Гражданской войны и иностранной интервенции на Востоке России. Это было время разрухи в стране и разрыва хозяйственных связей КВЖД с Россией. Пользуясь отсутствием международно-признанного правительства в России, власти Китайской Республики установили контроль над полосой отчуждения дороги. В этих условиях не только сохранение стабильности на дороге и выживание огромной русской общины в Северо-Восточном Китае, но и жизнь многочисленного китайского населения, связанного с дорогой, во многом зависели от работы руководства КВЖД.

В 1918–1921 гг. КВЖД возглавляли В.Д. Лачинов и Д.П. Казакевич, которые и в предыдущие годы тесно взаимодействовали и сменяли друг друга на разных постах. Фактически эти два инженера встали во главе Управления КВЖД сразу после того, как в 1918 г. бессменный управляющий КВЖД Д.Л. Хорват был назначен на должность директора-распорядителя Правления КВЖД и уехал в Пекин. Руководили В.Д. Лачинов и Д.П. Казакевич недолго, а в 1921 г. они вообще отказались от ответственных постов на дороге. Однако значение и роль В.Д. Лачинова и Д.П. Казакевича нельзя недооценивать, учитывая, в какие трудные годы им приходилось работать.

Одним из первых в современной российской исторической науке написал о В.Д. Лачинове и Д.П. Казакевиче выдающийся историк-востоковед Г.В. Мелихов, сам бывший выходцем из Харбина. В его работе «Белый Харбин середины 20-х» представлены краткие биографии этих двух «прекрасных инженеров»¹. Вслед за Г.В. Мелиховым информация о В.Д. Лачинове и Д.П. Казакевиче появилась в работах по истории Харбина². Современные исследователи Н.В. Хисамутдинов, В.Г. Шаронова и другие в своих трудах также упоминают некоторые факты биографии инженера В.Д. Лачинова³. В последние годы в российской науке вышло несколько крупных исследований, затрагивающих различные проблемы истории КВЖД. Например, в 2015 г. выдающийся российский синолог М.В. Крюков в рамках начатого им совместно с сыном В.М. Крюковым исследовательского проекта под названием «Документальная история советско-китайских отношений (1917–1929 гг.)» выпустил первый том двухтомной монографии «Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае»⁴. Авторы сконцентрировали свое внимание на развитии советско-китайских противоречий на КВЖД, вследствие чего в работе не было уделено должного внимания деятелям КВЖД, не принимавшим активного участия в политической борьбе, а направившим все свои усилия на сохранение бесперебойной работы дороги.

Для продолжения исследования, более глубокого изучения истории КВЖД необходимо расширить круг исторических источников по данной теме. Важным источником для исследования истории КВЖД являются работы харбинцев – современников и участников событий.

Среди первых исследователей-харбинцев особо выделяется бывший офицер Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи и штаб-офицер для поручений при Д.Л. Хорвате Евгений Христианович Нилус. Документы, собранные им и опубликованные

¹ Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. С. 189–190.

² Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011. С. 53.

³ Хисамутдинова Н.В. Русская инженерная школа в Китае // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4 (24). С. 204–212; Хисамутдинова Н.В., Хисамутдинов А.А. А.А. Щелков – первый директор Харбинского политехнического института (к 100-летию со дня открытия вуза) // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 3 (39). С. 183–191; Шаронова В.Г. Роль русской эмиграции в подготовке китайских национальных кадров (на примере Харбинского политехнического института) (1920–1932 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25, № 25. С. 400–416.

⁴ Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. М., 2015. Т. 1: 1917–1922.

еще в 1923 г. в фундаментальной работе «Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг.»⁵, не потеряли своей актуальности до сегодняшнего дня. Однако не все собранные Е.Х. Нилусом документы и материалы по истории КВЖД были опубликованы. Подготовленные для публикации материалы хранятся в США, в Стенфордском университете. В Архиве Гуверовского института Стенфордского университета имеется специальный фонд «Евгений Христианович Нилус»⁶, где хранятся материалы для предполагавшегося к изданию второго тома «Исторического обзора КВЖД». В числе собранных материалов выделяются машинописные черновики нескольких глав предполагаемого второго тома, в том числе «Краткий очерк важнейших политических событий пореволюционного периода (1917–1924 гг.), влиявших на деятельность Китайской Восточной железной дороги», «Управление дороги как центральный орган технического и административного надзора» и «Очерк деятельности Правления КВЖД», более ста машинописных страниц каждая.

В хранящейся в архиве черновой работе Е.Х. Нилуса имеется подробное описание исторических событий, связанных с Китайско-Восточной железной дорогой, даны краткие биографические данные руководителей КВЖД, представлены их характеристики, оценки деятельности. В числе руководителей КВЖД Е.Х. Нилус указывает и инженеров В.Д. Лачинова и Д.П. Казакевича, данные о которых представлены в главе «Управление дороги как центральный орган технического и административного надзора», а также и в черновиках других глав.

Василий Дмитриевич Лачинов был уроженцем Санкт-Петербурга. Он родился в 1872 г. в семье профессора и закончил Петербургский технологический институт. В.Д. Лачинов начал службу на Дальнем Востоке с июня 1903 г., перейдя с Николаевской железной дороги на должность помощника начальника службы тяги КВЖД. 1 октября 1907 г. инженер Лачинов стал начальником Службы Тяги Управления КВЖД.

К началу революции 1917 г. он был одним из самых опытных и авторитетных служащих КВЖД. Начиная с 1912 г. В.Д. Лачинов был бессменным почетным мировым судьей Пограничного окружного суда. Далее, как отмечал Е.Х. Нилус, он «в 1915 г. был избран Председателем Комитета Старшин Железнодорожного Собрания и в 1918 г. переизбран на новое трехлетие, но по служебным обстоятельствам был вынужден отказаться от этого звания и передать его инж. Казакевичу»⁷. В годы Первой мировой войны управляющий дорогой Д.Л. Хорват решал множество новых военно-политических и мобилизационных проблем, вызванных военным временем, и вопросы собственно функционирования всего железнодорожного хозяйства легли на плечи В.Д. Лачинова. Неслучайно уже с 25 марта 1917 г. он стал исполнять обязанности помощника управляющего КВЖД.

Говоря о событиях 1917 г., Е.Х. Нилус писал: «Еще больше расширились компетенции помощника Управляющего дорогой с началом революции. Когда почти все время Управляющего стало уходить на переговоры и сношения с разными новыми общественными и железнодорожными организациями <...> начальники служб шли за указаниями к помощнику <...> Таким образом, помощнику Управляющего по железнодорожной части пришлось стать фактически в положение Управляющего дорогой...»⁸.

Служебные обстоятельства смены руководства КВЖД Е.Х. Нилус описал следующим образом: «С избранием Д.Л. Хорвата Директором-Распорядителем Правления – временное управление дорогой было возложено на Помощника Д.Л. Хорвата по железнодорожной части инженера В.Д. Лачинова, которому и пришлось затем в продолжение целого ряда

⁵ Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. По поручению Правления О-ва и под редакцией Специальной Комиссии составил Агент Правления О-ва Е.Х. Нилус. Харбин, 1923. Т. 1.

⁶ Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. Box No. 1. Accession No. XX728-16.11.

⁷ Нилус Е.Х. Управление дороги как центральный орган технического и административного надзора // Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. Box No. 1. Accession No. XX728-16.11. HE 3290. C6N71. V. 2:1. L. 44.

⁸ Ibid. L. 45.

последующих тяжелых годов оставаться во главе предприятия КВЖД»⁹. 1 апреля 1918 г. В.Д. Лачинов был утвержден в должности помощника управляющего КВЖД, а уже «28 апреля возложено исп. об. Управляющего дорогой»¹⁰.

В 1918 г. на плечи В.Д. Лачинова легла тяжелейшая работа по сохранению нормального функционирования КВЖД. Управляющему КВЖД приходилось решать многие проблемы, связанные с иностранными интервентами, забастовками экономического и политического характера служащих КВЖД и т.д. В.Д. Лачинов как глава крупнейшего в Северо-Восточном Китае предприятия участвовал в решении и собственно китайских проблем. В работе Е.Х. Нилуса указано: «15 октября организован “Комитет КВЖД по оказанию помощи населению Китая, пострадавшему от неурожая” под почетным председательством Председателя Правления О-ва КВЖД Сун-Сяо-Лянь и председательством временно Управляющего дорогой инж. В.Д. Лачинова»¹¹.

И здесь он нашел опору и поддержку других инженеров. Е.Х. Нилус пишет: «В течение всего периода управления дорогой инженером Лачиновым его работа протекала в теснейшем сотрудничестве с Помощником Управляющего дорогой по железнодорожной части инж. Д.П. Казакевичем, также одним из коренных работников КВЖД»¹². Далее Е.Х. Нилус особо остановился на «единстве взглядов, связывавшем г.г. Лачинова и Казакевича», отметив: «Это единство закреплялось соседством квартир и личной дружбой обоих этих инженеров, что позволяло им нередко даже вечерние и праздничные досуги посвящать обсуждению служебных дел и не раз обмениваться мнениями по важнейшим из них, прежде чем прийти к тому или иному решению»¹³.

Дмитрий Петрович Казакевич также родился в Санкт-Петербурге, в 1869 г., в семье адмирала. Он окончил Институт инженеров путей сообщения. Говоря о Д.П. Казакевиче, Е.Х. Нилус писал: «В числе служащих КВЖД инж. Казакевич был одним из самых старых дальневосточников, т.к. прямо со школьной скамьи отправился на постройку Уссурийской линии, чтобы познакомиться с краем, где за 40 лет перед тем запечатлел свое имя на скрижалях истории его отец <...> Здесь инж. Казакевич пробыл до 1897 г. В 1898 и 1899 гг. он служил на Риго-Орловской ж.д. <...> В 1900 г. перешел на КВЖД <...> в 1902 году возвратился в С. Петербург <...> где и состоял до 1 августа 1911 г., когда был назначен Помощником Начальника Службы Пути...»¹⁴.

Характеризуя Д.П. Казакевича, Е.Х. Нилус писал: «Возвышенная натура и исключительно полезная работа этого человека на дороге побуждают к тому, чтобы посвятить ему здесь несколько слов, кроме уже сказанных раньше. Нельзя не упомянуть прежде всего об умелом сотрудничестве его с Международным Техническим Советом. Сотрудничестве, всегда ставившем на первый план интересы КВЖД. Поистине добрая фея подсказала в свое время Д.Л. Хорвату мысль послать Казакевича в 1917 году во Владивосток, встретить впервые прибывшего тогда в Россию с миссией специалистов знаменитого американского железнодорожника и строителя Панамского канала инж. Стивенса, долго прожившего потом в Харбине в качестве Председателя Международного Технического Совета. Высокий гость <...> на все вопросы он стал получать ответы вполне откровенные, проникнутые в то же время горячей преданностью своему делу. Ответы, сказанные, к тому же, на великолепном английском языке...»¹⁵.

В.Д. Лачинов исполнял обязанности управляющего КВЖД с перерывами, он часто болел, а в ноябре 1920 г. выехал в Пекин. На состоявшемся в конце октября в помещении

⁹ Нилус Е.Х. Управление дороги... Л. 41.

¹⁰ Ibid. Л. 41.

¹¹ Нилус Е.Х. Краткий очерк важнейших политических событий пореволюционного периода (1917–1924 гг.), влиявших на деятельность Китайской Восточной железной дороги // Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. Box No. 1. Accession No. XX728-16.11. HE 3290. C6N71. V. 2:1. L. 110.

¹² Нилус Е.Х. Управление дороги... Л. 46.

¹³ Ibid. Л. 47.

¹⁴ Ibid. Л. 46.

¹⁵ Ibid. Л. 64.

Русско-Азиатского Банка в Пекине очередном Собрании акционеров КВЖД В.Д. Лачинов был избран в члены Правления КВЖД¹⁶. В рукописной работе Е.Х. Нилуса в двух разных главах представлены две разные даты избрания В.Д. Лачинова на новую должность: «6 ноября состоялись выборы нового Правления с инж. В.Д. Лачиновым в качестве Товарища Председателя»¹⁷; «22 ноября 1920 года в Пекине первое заседание нового Правления, на котором были избраны Товарищем Председателя инж. В.Д. Лачинов, его помощником русским инж. С.И. Данилевским и китайским д-р Ван-Цзин-Чунь»¹⁸.

Преемником В.Д. Лачинова на посту главы КВЖД был Д.П. Казакевич. Е.Х. Нилус сообщал: «Он дважды принимал от В.Д. Лачинова управление дорогой (14 апреля 1920 г. и 10 ноября того же года). В обоих случаях персональная смена Управляющего не сказывалась в налаженной официальной жизни дороги сколько-нибудь ощутительными переменами»¹⁹. Д.П. Казакевич возглавлял КВЖД также недолго. Е.Х. Нилус, повествуя о событиях 1921 г., констатировал: «Первым выдающимся событием этого года явилось состоявшееся 2 февраля по инициативе Парижского Правления Русско-Азиатского Банка назначение на освободившуюся за избранием В.Д. Лачинова Товарищем Председателя должность Управляющего дорогой инж. Б.В. Остроумова»²⁰.

Дальнейшая судьба двух инженеров, возглавивших КВЖД в трудное и противоречивое время, сложилась по-разному. В.Д. Лачинов продолжил службу на КВЖД. Е.Х. Нилус пишет, что бывший управляющий «6 ноября 1920 г. Собранием Акционеров избран членом Правления Общества»²¹. Сначала он работал товарищем председателя правления, но затем ушел с этого поста: «14 июня начались заседания Общего Собрания Акционеров О-ва КВЖД (закончились 5 июля). Ввиду отказа инж. В.Д. Лачинова от звания члена Правления и Товарища Председателя – членом Правления избран инж. П.И. Кузнецов...»²².

В работе Е.Х. Нилуса имеется противоречие по вопросу, когда же В.Д. Лачинов вышел из состава Правления. Так, он пишет: «5 июля 1921 г. отказался от должности члена Правления и назначен старшим консультантом Правления»²³. Однако в другой главе Е.Х. Нилус, приводя текст протокола заседания правления Общества КВЖД от 3 марта 1922 г. № 1508, писал: «В конце последнего заседания Собрания Акционеров было оглашено письмо Товарища Председателя В.Д. Лачинова, адресованного Председателю Правления. В этом письме инж. Лачинов указал, что по его убеждению дальнейшая служба в должности Товарища Председателя при создавшихся обстоятельствах не может принести Обществу КВЖД той пользы, которую он вправе от него ожидать и которую он хотел бы и должен бы был О-ву принести <...> Соглашаясь удовлетворить эту просьбу В.Д. Лачинова, Собрание Акционеров постановило выразить сожаление о его уходе, благодарить за понесенные труды и пригласить его на должность старшего консультанта Правления. Сверх того, было постановлено презентовать В.Д. Лачинову от имени Правления 50 тысяч рублей»²⁴.

В начале 1920-х гг. В.Д. Лачинов стоял у истоков Харбинского Политеха, принимал участие в создании института на разных его этапах²⁵. В 1922 г. В.Д. Лачинов председательствовал на годовом собрании Общества по учреждению Русско-китайского техникума, на котором техникум был преобразован в Русско-китайский политехнический

¹⁶ Нилус Е.Х. Очерк деятельности Правления КВЖД // Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. Box No. 1. Accession No. XX728-16.11. NE 3290. C6N71. V. 2:1. L. 77.

¹⁷ Нилус Е.Х. Краткий очерк... L. 11.

¹⁸ Нилус Е.Х. Очерк деятельности... L. 78.

¹⁹ Нилус Е.Х. Управление дороги... L. 47.

²⁰ Нилус Е.Х. Очерк деятельности... L. 83.

²¹ Нилус Е.Х. Управление дороги... L. 41.

²² Нилус Е.Х. Краткий очерк... L. 115.

²³ Нилус Е.Х. Управление дороги... L. 42–44.

²⁴ Нилус Е.Х. Очерк деятельности... L. 91–92.

²⁵ Шаронова В.Г. Роль русской эмиграции в подготовке китайских национальных кадров (на примере Харбинского политехнического института) (1920–1932 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25, № 25. С. 403.

институт²⁶. Бывший управляющий КВЖД занимал в Харбине ряд почетных должностей: например, он был почетным директором беженской школы Утреннего приюта²⁷. В.Д. Лачинов продолжал работать на КВЖД в качестве консультанта Правления КВЖД до перехода в октябре 1924 г. дороги под советский контроль. Г.В. Мелихов назвал имя В.Д. Лачинова в числе сподвижников известного управляющего КВЖД Б.В. Остроумова²⁸. Умер В.Д. Лачинов в 1933 г. в Харбине, а его потомки переехали в Европу. По свидетельству очевидцев, в 1935 г. в здании правления КВЖД в Харбине рядом с портретом Д.Л. Хорвата висел портрет В.Д. Лачинова.

Д.П. Казакевич вскоре после оставления поста управляющего КВЖД покинул дорогу. Е.Х. Нилус писал: «1 ноября 1921 года Казакевич был уволен со службы согласно прошению»²⁹. Д.П. Казакевич уехал из Китая в США, где в 1924 г. трагически погиб. Сын В.Д. Казакевича после 28 лет проживания в США в 1949 г. переехал в Советский Союз.

Несмотря на роль, которую сыграли инженеры В.Д. Лачинов и Д.П. Казакевич в истории, возглавив дорогу в труднейшие для нее годы, их имена оказались вскоре забытыми. В большом историческом очерке, посвященном празднованию в 1923 г. в Харбине 25-летнего юбилея КВЖД, имена В.Д. Лачинова и Д.П. Казакевича ни разу не были упомянуты ни среди участников торжества, ни в связи с историей Китайской Восточной железной дороги³⁰.

Таким образом, в трудные для КВЖД годы дорогу возглавляли старожилы Харбина, опытные инженеры и единомышленники. Это позволило сохранить стабильную работу железной дороги, без больших потерь пройти через тяжелые испытания огромному региону в Северо-Восточном Китае. Имена возглавлявших КВЖД в 1918–1921 гг. В.Д. Лачинова и Д.П. Казакевича вскоре были незаслуженно забыты, но их вклад зафиксирован в сохранившихся в американском архиве рукописных трудах современника событий и одного из первых исследователей истории КВЖД Е.Х. Нилуса. В заключение можно привести и его оценку управляющих КВЖД Мелихов Г.В. Белый Харбин... ЖД в тот сложный период: «Одинаковость понимания основных задач и способов их осуществления, преемственно переходившая в ту тяжелую пору от первого управляющего ко второму и от второго к третьему, являлась, таким образом, как бы укреплявшейся традицией, дававшей руководителям дороги значительную моральную силу. Такая сила была чрезвычайно нужна в то время, когда управление дорогой представляло собой сплошную цепь трудностей»³¹.

Литература

Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. 204 с.

Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2015. Т. 1: 1917–1922. 615 с.

Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 438 с.

Хисамутдинова Н.В. Русская инженерная школа в Китае // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4 (24). С. 204–212.

Хисамутдинова Н.В., Хисамутдинов А.А. А.А. Щелков – первый директор Харбинского политехнического института (к 100-летию со дня открытия вуза) // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 3 (39). С. 183–191.

²⁶ Хисамутдинова Н.В., Хисамутдинов А.А. А.А. Щелков – первый директор Харбинского политехнического института (к 100-летию со дня открытия вуза) // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 3 (39). С. 186–187.

²⁷ Мелихов Г.В. Белый Харбин... С. 161.

²⁸ Мелихов Г.В. Белый Харбин... С. 27–28.

²⁹ Нилус Е.Х. Управление дороги... Л. 47.

³⁰ Нилус Е.Х. 25-летний юбилей КВЖД // Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. Box No. 1. Accession No. XX728-16.11. HE 3290. C6N71. V. 2:3. L. 1–32.

³¹ Нилус Е.Х. Управление дороги... Л. 48–49.

Шаронова В.Г. Роль русской эмиграции в подготовке китайских национальных кадров (на примере Харбинского политехнического института) (1920–1932 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25, № 25. С. 400–416.

References

Kapran, I.K. (2011). *Povsednevnyaya zhizn' russkogo naseleniya Kharbina (konets XIX v. – 50-e gg. XX v.)* [The Daily Life of the Russian Population of Harbin (Late 19th Century – 50s 20th Century)]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. 204 p.

Kryukov, V.M., Kryukov, M.V. (2015). *Vesna i osen' revolyutsionnoy diplomatii: Pervoe desyatiletie sovetskoj politiki v Kitae. Tom 1: 1917–1922* [Spring and Autumn of Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Politics in China. Vol. 1: 1917–1922]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli. 615 p.

Melikhov, G.V. (2003). *Belyy Kharbin: Seredina 20-kh* [White Harbin: Mid-20s]. Moscow, Russkiy put'. 438 p.

Khisamutdinova, N.V. (2016). Russkaya inzhenernaya shkola v Kitae [Russian Engineering School in China]. In *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. No. 4 (24), pp. 204–212.

Khisamutdinova, N.V., Khisamutdinov, A.A. (2020). A.A. Shchelkov – pervyy direktor Kharbinskogo politekhnicheskogo instituta (k 100-letiyu so dnya otkry'tiya vuza) [A.A. Shchelkov – the First Director of the Harbin Polytechnic Institute (on the 100th Anniversary of the Opening of the University)]. In *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. No. 3 (39), pp. 183–191.

Sharonova, V.G. (2020). Rol' russkoj emigratsii v podgotovke kitayskikh natsional'nykh kadrov (na primere Kharbinskogo politekhnicheskogo instituta) (1920–1932 gg.) [The Role of Russian Emigration in the Training of Chinese National Personnel (On the Example of the Harbin Polytechnic Institute) (1920–1932)]. In *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremenost'*. Vol. 25, No. 25, pp. 400–416.

М.В. Кротова*

**В ПРЕДДВЕРИИ СЕРЕБРЯНОГО ЮБИЛЕЯ
КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ И ХАРБИНА**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-8
УДК 94(510)(793.2)“1923”

Выходные данные для цитирования:
Кротова М.В. В преддверии серебряного юбилея Китайско-Восточной железной дороги и Харбина // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 103–114.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-08.pdf>

M.V. Krotova*

**ON THE EVE OF THE SILVER ANNIVERSARY
OF THE CHINESE EASTERN RAILWAY AND HARBIN**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-8

How to cite:
Krotova M.V. On the Eve of the Silver Anniversary of the Chinese Eastern Railway and Harbin // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 103–114.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-08.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the events around the 25th anniversary of the Chinese Eastern Railway (CER) and the city of Harbin in 1923, when the situation of uncertainty of the status of the CER dictated its conditions. It was decided to celebrate the anniversary of the railway widely, but the Board of the CER Society faced a number of problems: determining the date of the celebration and the founding day of Harbin, compiling a historical review of the CER and finding sources for it, placing emphasis on the celebration program in a difficult political situation. It was necessary to maintain a balance between the desire to recall Russia's role in the development of Manchuria and to show respect for the interests of the Chinese side. To prepare for the anniversary, several commissions were created, the materials of which have been preserved in the Russian State Historical Archive (RGIA) and formed the basis for this article: protocols of meetings, letters and proposals sent to the Anniversary Commission, the forming of the program and the guest list, financial and other issues. Based on documents and materials of the Harbin press, the article examines the contribution of individual employees of the CER, public, educational and commercial organizations, both Russian and Chinese, to the preparation of the anniversary celebration. In connection with the 125th anniversary of the CER and Harbin in 2023, it seems important to clarify some details of the establishment of the anniversary date, the creation of a Historical review of the CER, the work of the commissions for the preparation of celebrations. It can be concluded that the CER anniversary had a symbolic meaning for the Russian colony in Manchuria and became an important unifying moment in the life of the Russian and Chinese population of Harbin.

Keywords: Chinese Eastern Railway, CER, Harbin, Manchuria, anniversary, Russian State Historical Archive (RGIA).

The article has been received by the editor on 31.01.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена событиям вокруг празднования 25-летия Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и города Харбина в 1923 г., когда ситуация неопределенности статуса КВЖД диктовала свои условия. Юбилей дороги решено было отметить широко, однако перед Правлением Общества КВЖД возник ряд проблем: определение даты празднования и дня основания Харбина, составление исторического обзора КВЖД и поиск источников для него, расставление акцентов в программе празднования в

* **Мария Владимировна Кротова**, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mary_krot@mail.ru
Mariya Vladimirovna Krotova, Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, e-mail: mary_krot@mail.ru

условиях сложной политической обстановки. Необходимо было соблюсти равновесие между желанием напомнить о роли России в деле освоения Маньчжурии и проявить уважение к интересам китайской стороны. Для подготовки к юбилею было создано несколько комиссий, материалы которых сохранились в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и составили основу для настоящей статьи: протоколы заседаний, письма и предложения, направленные в Юбилейную комиссию, определение программы и списка гостей, финансовые и другие вопросы. На основе документов и материалов харбинской прессы в статье рассматривается вклад отдельных служащих КВЖД, общественных, образовательных и коммерческих организаций, как русских, так и китайских, в подготовку празднования юбилея. В связи со 125-летним юбилеем КВЖД и Харбина в 2023 г. представляется важным уточнить некоторые подробности установления даты юбилея, создания исторического обзора КВЖД, работы комиссий по подготовке торжеств. Делается вывод о том, что юбилей имел символическое значение для русской колонии в Маньчжурии и стал важным объединяющим моментом в жизни русского и китайского населения Харбина.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, КВЖД, Харбин, Маньчжурия, юбилей, Российский государственный исторический архив (РГИА).

Статья поступила в редакцию 31.01.2023 г.

В 2023 г. отмечается 125-летие Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). 100 лет назад в июне 1923 г. в Харбине отметили 25-летие дороги, и этому событию посвящено несколько работ¹. Однако вопрос об определении даты юбилея и подготовки к нему остался за рамками исследований, поэтому в настоящей статье хотелось бы сфокусироваться на причинах возникновения интереса к празднованию 25-летнего юбилея КВЖД, обстоятельствах утверждения даты начала строительства дороги и основания Харбина, роли Правления Общества КВЖД, организаций и отдельных людей в создании исторического обзора КВЖД и подготовке торжеств.

Вопрос о праздновании 25-летия КВЖД возник в 1921 г. в условиях сложной международной обстановки и неопределенного статуса дороги, когда после краха Российской империи образовался вакуум власти. С начала своей деятельности КВЖД служила интересам Русского государства, с 1914 г. и в период Гражданской войны дорога фактически работала только для военных целей. Падение правительства А.В. Колчака и эвакуация союзных войск нанесли дороге большой урон. Главная роль КВЖД как транзитной дороги была утрачена, нарушилось движение по Западной и Восточной линиям дороги, связанным с Советской Россией, количество перевозимых грузов и пассажиров резко уменьшилось, что привело к серьезному финансовому кризису. В 1920 г. полоса отчуждения КВЖД была переименована в Особый район Восточных провинций (ОРВП) и перешла под управление китайских властей. 20 октября 1920 г. было

Рис. 1. Управляющий КВЖД
Б.В. Остроумов (1921–1924 гг.).
РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 462. Л. 2

¹ Буюков А.М. 25-летие Китайско-Восточной железной дороги: по страницам харбинской прессы // Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства). Владивосток, 2018. С. 18–30; Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003. С. 377–383; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997. С. 192–193.

заключено дополнительное соглашение между Китайским правительством и Русско-Азиатским банком, по которому был определен новый состав Правления Общества КВЖД, а в качестве Управляющего дорогой приглашен инженер путей сообщения Б.В. Остроумов. Можно говорить о том, что с 1921 г. начался новый период в истории КВЖД, когда были приведены в порядок бюджет и имущество дороги, введены технические улучшения, пересмотрена тарифная политика, в результате чего грузооборот увеличился и эксплуатация дороги стала приносить доход. Появились надежды на большое будущее КВЖД как успешного коммерческого предприятия.

В этих условиях вспомнили о предстоящей дате 25-летия дороги. 22 октября 1921 г. Правление Общества КВЖД постановило «ознаменовать» предстоящий юбилей выпуском особого исторического обзора, составление и издание которого было возложено на комиссию по изданию Исторического юбилейного обзора КВЖД (ее называли еще Историческая комиссия). Председателем комиссии стал член правления Общества КВЖД, один из старослужащих, инженер Петр Иванович Кузнецов. В комиссию вошли член Правления доктор Хэ Шоужень, заведующий русско-китайским секретариатом В.Н. Веселовзоров, старший драгоман Правления Чжу Ю Чен, старший секретарь канцелярии Правления Е.Х. Нилус. Инициатива сбора документов принадлежала инженеру В.Д. Лачинову, в то время товарищу председателя Правления Общества КВЖД.

При подготовке обзора комиссия решила дать историю КВЖД на широком историческом фоне – Боксерское восстание, Русско-японская и Мировая войны, революции в Китае и России. Считалось, что «все эти события так или иначе коснулись нашей дороги, вовлекли ее в свой круговорот, неоднократно нарушая ее мирную работу; таким образом история КВЖД невольно становится существенным звеном общей мировой истории последнего времени». Также было решено сделать акцент на культурно-экономическом влиянии КВЖД на Маньчжурию и «исключительную жизнеспособность» дороги, которая «оправдала все усилия и материальные средства, вложенные в дело ее созидания искони дружественными Россией и Китаем». По мнению комиссии, обзор должен был иметь и практическое значение, явиться «всеобъемлющим справочником по различным отраслям жизни и работы дороги»².

Проблема была в том, что до этого времени не существовало ни одного обобщающего исследования по истории КВЖД, поэтому комиссии пришлось предложить свою концепцию, выстроить определенный план изучения создания и деятельности дороги. Для этого Историческая комиссия составила хронологический перечень событий истории КВЖД за 25 лет и разослала его начальникам служб и просто сведущим людям³. Именно этот перечень

Рис. 2. Драгоману Лю Цзиньжень и Чу Ю Чен. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 гг. Харбин, 1923. Т. 1.

Рис. 3. В.Н. Веселовзоров и Русско-китайский секретариат (1923 г.). РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 462. Л.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1679. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 42. Л. 1–44.

событий стал основой будущего исторического обзора. Комиссия призвала старожилов и старослужащих включиться в подготовку, внести свои коррективы и предоставить исторические материалы. При составлении хронологического перечня встал вопрос о выборе даты юбилея. Судя по всему, на КВЖД до этого отмечали только окончание строительства и начало движения по магистрали – 1 июля 1903 г. В этот день вступил в должность первый управляющий дорогой Д.Л. Хорват. 1 июля 1913 г., в день 10-летия начала движения по дороге, вышел праздничный номер местной газеты «Харбинский вестник», на первой странице которой был приведен текст приказа № 1 управляющего дорогой Хорвата: «С 1 июля Китайская Восточная железная дорога со всем имуществом и устройствами передается Управлением по сооружению дороги в ведение эксплуатационного Управления, открывающего правильное движение и правильную эксплуатацию дороги»⁴. Городской голова Харбина П.С. Тищенко к первому юбилею издал работу «Китайская Восточная железная дорога. 1903–1913 гг.». Именно эту дату – 1 июля 1903 г. – исследователь Н.А. Василенко назвала в статье, посвященной столетию КВЖД, одним из важных праздников в «жизни русских людей на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии»⁵.

При обсуждении даты празднования в 1921 г. в качестве точки отсчета был предложен день начала строительства КВЖД и Харбина – 16 августа 1897 г. (по старому стилю), когда возле города Санчагоу на границе Китая и Приамурского края было отпраздновано начало сооружения дороги. В подтверждение тому приводилась копия телеграммы главного инженера А.И. Юговича представителю Правления Общества КВЖД Д.Д. Покотилкову от 16/28 августа 1897 г.: «Сегодня шестнадцатого официальное открытие работ на китайской территории вблизи станицы Полтавской»⁶. Таким образом, первоначально предполагалось отметить 25-летний юбилей КВЖД в августе 1922 г. Однако Историческая комиссия в письме правлению Общества КВЖД от 29 августа 1922 г. отметила, что дата 28 августа 1897 г. была принята по «формальным соображениям» из-за необходимости выполнить требование параграфа 3 договора на постройку дороги (приступить к работам не позднее чем через год со дня подписания договора 16/28 августа 1896 г.). Фактически работы по постройке КВЖД начались «несколько позже в районе нынешнего Харбина как центрального пункта проектируемой магистрали». Комиссия по изданию исторического юбилейного обзора КВЖД признала «наиболее обоснованным считать начальным моментом строительных работ 28 мая 1898 г. (ст. ст.)» – день прибытия из Владивостока на пароходе «Одесса» в район будущего города Харбина строительного управления во главе с заместителем главного инженера С.В. Игнациусом. Дату 28 мая 1898 г., по мнению комиссии, можно

Рис. 4. Е.Х. Нилус.

Источник: https://www.ria1914.info/index.php/Файл:НИЛУС_Евгений_Хрисанфович_.jpg

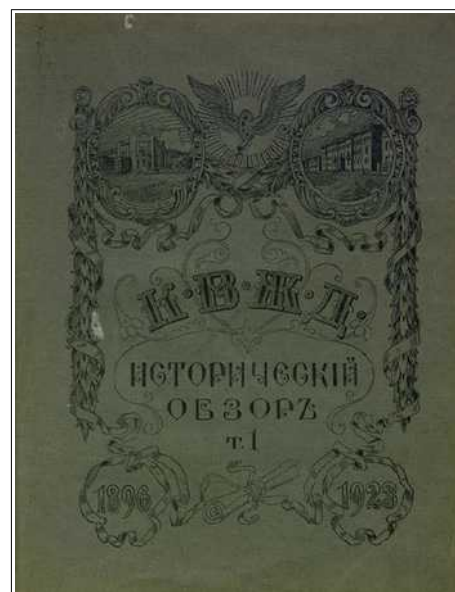

Рис. 5. Титульный лист «Исторический обзор КВЖД» (1923 г.)

⁴ Харбинский вестник. 1913. № 2826. 1 июля. С. 1.

⁵ Василенко Н.А. Первостроители КВЖД: к 100-летию магистрали // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 62.

⁶ РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

было считать днем основания города Харбина, «судьбы которого неразрывно связаны с судьбой и деятельностью Китайской Восточной железной дороги». Решение отметить 25-летие КВЖД 28 мая 1923 г. было зафиксировано в протоколе заседания Правления Общества КВЖД от 9 августа 1922 г. № 1710⁷.

Необходимо отметить, что были и другие предложения по определению даты праздника – например, считать днем основания дороги и Харбина 23 апреля 1898 г., когда инженер Адам Иванович Шидловский с командой в поисках места для размещения главной конторы Строительного управления выбрал постройки бывшего ханшинного завода «Сян-Фан» (32 длинные фанзы) в 8 верстах от реки и купил его у хозяев завода за 11 тыс. руб. Генерал С.Н. Люпов считал, что только этот день – 23 апреля 1898 г. – и должен считаться днем основания Харбина⁸. Эту дату поддерживал харбинец, востоковед Л.И. Чугуевский, считая, что именно день «юридического оформления приобретения участка дает все основания считать 23 апреля (6 мая по новому стилю) днем рождения Харбина»⁹.

Рис. 6. Первый председатель правления Общества КВЖД Сюй Цзинчень. Исторический обзор...

При подготовке исторического обзора комиссия столкнулась с рядом трудностей: материалы архива Правления Общества КВЖД, хранившиеся в Петербурге (Петрограде), оказались недоступны. В конце 1905 г. ряд пожаров в здании Управления КВЖД в Харбине уничтожил множество ценных документов. Частично материалы по истории КВЖД сохранились в Пекинском отделе правления Общества. В Пекин были командированы члены комиссии Е.Х. Нилус и Чжу Ю Ян. Большое содействие им в поиске документов оказали заведующий Пекинским отделом правления Р.И. Барбье и его помощник Э.Х. Тамберг. Генерал Сун Сяолян, бывший до января 1922 г. председателем Правления Общества КВЖД, обратился в Министерство путей сообщения и Министерство иностранных дел Китайской Республики для получения официальных материалов, относящихся к биографиям китайских сановников: чжильского вице-короля Ли Хунчжана, первого председателя Общества КВЖД Сюй Цзинчэна, бывшего китайского посланника в Петербурге Лю Цзинжэня и других деятелей.

Историческая комиссия использовала и личные документы. К счастью, еще живы были многие участники постройки, и комиссия обратилась непосредственно к ним. Была послана телеграмма в Петроград бывшему главному инженеру по постройке дороги А.И. Юговичу (ему уже было около 80 лет), и он выслал записанные им биографические материалы. Бывший управляющий дорогой Д.Л. Хорват также поделился в Пекине с представителями Исторической комиссии Е.Х. Нилусом и Чжу Ю Яном своими воспоминаниями. Степан Цезаревич фон Оффенберг, помощник управляющего КВЖД, служивший на КВЖД с 1897 г., предоставил мемуары¹⁰. Управляющий дорогой Б.В. Остроумов открыл доступ представителям комиссии ко всем наличным архивам и материалам дороги. Большую роль в подготовке обзора сыграл русско-китайский секретариат Управления дороги в лице заведующего В.Н. Веселовцова и секретаря А.М. Яковлева, которые не только предоставили ценные материалы и справки, но и приложили немало времени и личных усилий по сбору, розыску и их систематизации.

Историческая комиссия использовала и личные документы. К счастью, еще живы были многие участники постройки, и комиссия обратилась непосредственно к ним. Была послана телеграмма в Петроград бывшему главному инженеру по постройке дороги А.И. Юговичу (ему уже было около 80 лет), и он выслал записанные им биографические материалы. Бывший управляющий дорогой Д.Л. Хорват также поделился в Пекине с представителями Исторической комиссии Е.Х. Нилусом и Чжу Ю Яном своими воспоминаниями. Степан Цезаревич фон Оффенберг, помощник управляющего КВЖД, служивший на КВЖД с 1897 г., предоставил мемуары¹⁰. Управляющий дорогой Б.В. Остроумов открыл доступ представителям комиссии ко всем наличным архивам и материалам дороги. Большую роль в подготовке обзора сыграл русско-китайский секретариат Управления дороги в лице заведующего В.Н. Веселовцова и секретаря А.М. Яковлева, которые не только предоставили ценные материалы и справки, но и приложили немало времени и личных усилий по сбору, розыску и их систематизации.

⁷ РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 24. Л. 2–4.

⁸ Люпов С. Постройка КВЖД // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 23–24. 24 июня. С. 4.

⁹ Чугуевский Л. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 116.

¹⁰ РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 24. Л. 11–12.

О Владимире Николаевиче Веселовзорове стоит сказать отдельно – он был одним из старейших служащих КВЖД, служил на дороге с 1897 г. агентом по отчуждению на строительстве КВЖД. Родился в 1868 г. в семье дворянина, окончил физико-математический факультет Московского университета, служил в Николаевской главной физической обсерватории. По рекомендации директора обсерватории в 1897 г. был приглашен в Строительное управление КВЖД для организации метеорологических наблюдений на постройке железной дороги в Маньчжурии. Однако заниматься ему пришлось другими делами. По его словам, «по приезде морем во Владивосток ввиду невозможности начать работу по прямому назначению из-за неясности еще общего направления железнодорожной линии был по собственному желанию прикомандирован для технических работ к изыскательной партии инженера Н.Н. Бочарова, отправлявшейся на изыскание участка: государственная граница (ст. Пограничная) – река Муданьцзянь (Эхо)»¹¹. 14 апреля 1897 г. В.Н. Веселовзоров был зачислен на должность техника Технического отдела и проработал на изысканиях до января 1898 г. В апреле 1898 г. вместе с первой партией строителей он прибыл в Харбин и занялся своим прямым делом. Впоследствии он оставил воспоминания о начале Харбина¹². В дальнейшем он с 1 января 1905 г. стал агентом в отделе уполномоченного управляющего дорогой по сношению с китайскими властями Е.В. Даниэля, а с 1 июня 1911 г. – его помощником. 2 февраля 1921 г. отдел сношений с китайскими властями был упразднен и образован Русско-китайский секретариат, заведующим которым стал В.Н. Веселовзоров. На этой должности он оставался до 1929 г., прослужив таким образом на КВЖД более 30 лет. Впоследствии к нему обращались как к старожилу Маньчжурии и эксперту по вопросам раннего периода существования КВЖД и Харбина.

Таким образом, создание исторического обзора стало коллективным трудом всего персонала дороги и заинтересованных людей, а не авторской работой Е.Х. Нилуса, как утверждают некоторые исследователи, хотя роль Нилуса как систематизатора огромного массива разнообразных источников не отрицается. 9 августа 1922 г. была утверждена смета, и первые главы обзора (период изысканий и постройки дороги) были сданы в печать уже в августе 1922 г. Первый том Исторического обзора (690 страниц с иллюстрациями) был выпущен к юбилею и до сих пор является одним из основных источников по истории начального периода КВЖД и активно используется исследователями¹³. Второй том не успели подготовить к печати. В мае 1923 г. было решено ко второму тому добавить фотоснимки юбилея («юбилейную главу») и перевести его на английский язык¹⁴. Известно, что Е.Х. Нилус продолжал работу по подготовке к изданию второго тома. Сохранилось письмо председателя комиссии по изданию второго тома исторического обзора КВЖД Лю Чжэ от 20 мая 1925 г. в Правление КВЖД: «Нилус закончил изготовление текста 2 тома Исторического обзора, надлежит приступить к его окончательной обработке и печатанию (начать следует не позже середины июня 1925 г.)»¹⁵. Однако текст так и не был издан, материалы его хранятся в архиве Гуверовского института революции, войны и мира в Стэнфордском университете (США), частично они были напечатаны в журнале «Русская Атлантида»¹⁶.

4 апреля 1923 г. была создана Юбилейная комиссия при Правлении Общества КВЖД под началом Льва Викторовича фон Гойера, в которую вошли Хэ Шоужень, П.И. Кузнецов, С.Ц. Оффенберг, Ч.Т. Шар, Го Фумянь, Чжу Ю Чен, В.К. Калабановский, А.М. Чижевский, М.П. Куренков, Е.Х. Нилус, В.Н. Веселовзоров, К.В. Покровский, Г.Г. Сатовский-Ржевский и др. Секретарями комиссии были К.А. Голиков, К.П. Харитонов. На заседания комиссии пригла-

¹¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 818. Л. 89.

¹² *Веселовзоров В.Н.* Как был заложен Харбин (по личным воспоминаниям) // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1922. № 1. Ноябрь. С. 22–25.

¹³ Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 гг. / сост. Е.Х. Нилус. Харбин, 1923. Т. 1.

¹⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 126. Л. 13.

¹⁵ Там же. Д. 268. Л. 266.

¹⁶ *Нилус Е.Х.* Краткий очерк важнейших политических событий пореволюционного периода (1917–1924 гг.), влиявших на деятельность Китайской Восточной железной дороги // Русская Атлантида. 2009. № 35–37.

шались управляющий дорогой Б.В. Остроумов, представители служб КВЖД и общественные деятели.

Из материалов заседаний комиссии можно проследить объединение усилий разных учреждений – Управления КВЖД, Харбинского общественного управления (ХОУ), Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), учебных заведений, благотворительных организаций, представителей прессы, общественных деятелей, которые участвовали в составлении программы торжеств. В Юбилейную комиссию посыпались предложения о проведении в дни празднования лекций и чтений, популяризирующих деятельность дороги, демонстрации кинематографических фильмов, оформлении зданий, изготовлении юбилейных знаков и орденов. К юбилею предлагали открыть публичную библиотеку, учредить стипендии при местных учебных заведениях (Русско-Китайском политехническом институте, Юридическом факультете, Высшей медицинской школе, китайском колледже «Дун Хуа»), издать специальный фотографический альбом. Владелец цирка Боровский предложил устроить представления на ипподроме, А.И. Погребецкий – провести этнографический вечер, Евгений Гриневский – снять фильм о КВЖД. Управляющий дорогой Б.В. Остроумов посчитал необходимым почтить память С.Ю. Витте – присвоить его имя одному из учебных заведений КВЖД¹⁷.

Многие предложения отклонили, но часть была принята. Так, начальник Учебного отдела КВЖД Д.А. Дьяков предложил открыть образцовую русско-китайскую школу на 520–550 китайских и русских учеников и выстроить для нее специальное «юбилейное» здание с аудиториями и лабораториями для практических занятий, актовым и гимнастическим залом – «долговечный памятник КВЖД» приблизительной стоимостью 120 тыс. руб. Комиссия посчитала это предложение удачным и закладку здания будущей школы внесли в программу юбилейных торжеств.

Также комиссия согласилась с устройством юбилейной выставки, в которой участвовали бы русские и китайские учреждения и лица. Член ОИМК А.И. Погребецкий предложил организовать выставку в помещении Московских торговых рядов, где КВЖД предоставила помещение для музея ОИМК, и сделать выставку основой будущего краевого музея. ОИМК предложило взять на себя устройство выставки в помещении будущего музея, оборудовать музей витринами, заполнить экспонатами относящимися к разнообразным отраслям хозяйства и жизни края. К устройству выставки подключилось Экономическое бюро КВЖД во главе с И.А. Михайловым. Было решено, что на выставке каждый отдел Управления дороги представит экспонаты, отражающие его деятельность. Кроме отдела КВЖД, на выставке должны были быть организованы другие отделы: геологический, естественно-исторический, этнографический, искусства, сельского хозяйства, торгово-промышленный. Выставка должна была показать хозяйственные успехи края, его достижения и дальнейшие перспективы¹⁸.

Городской совет Харбина на заседании 7 мая 1923 г. предложил отметить 11 июня 1923 г. 25-летие образования Харбина, приурочив его к началу работы КВЖД, так как Харбин «начал свое существование одновременно с КВЖД». Совет предложил Юбилейной комиссии программу празднования 25-летнего юбилея Харбина 11 июня 1923 г.:

1. Открытие городской русско-китайской ремесленной школы «в память 25-летия города Харбина» и закладка здания школы.

2. Учреждение в городском высшем начальном училище четырех стипендий, из них две – имени строителя КВЖД инженера Юговича и две – имени первого председателя Правления Сюй Цзинчена для детей беднейших служащих и рабочих ХОУ.

3. Учреждение двух бесплатных коек «в память 25-летия города Харбина» в Русском доме для инвалидов служащих и рабочих ХОУ.

4. Принятие на счет ХОУ содержания двух сирот в Русско-китайском приюте, детей служащих и рабочих ХОУ.

¹⁷ РГИА. Ф. 323. Оп 4. Д. 126. Л. 1–17.

¹⁸ *Меньшиков П., Радченко Л.* Юбилейная выставка КВЖД и музей // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1923. № 3. С. 1.

5. Участие в Юбилейной выставке КВЖД по Муниципальному отделу.

6. Издание в виде брошюры «Истории Харбина за 25 лет (1898–1923)».

7. Публичные сообщения по истории возникновения, постепенного развития и современного состояния городского хозяйства Харбина.

8. Украшение зала заседаний собрания Уполномоченных портретами первых деятелей по сооружению Харбина.

9. Вечер служащих ХОУ.

10. Большое народное гулянье в городском саду¹⁹.

При обсуждении программы празднования юбилея был утвержден список гостей. Управляющий КВЖД Б.В. Остроумов предложил пригласить на торжества инженера А.И. Юговича из Петрограда, оплатив ему проезд до Харбина²⁰. Было решено поместить в день юбилея в русских и китайских газетах статьи, освещающие работу КВЖД, вспомнить тех людей, которые способствовали своим трудом возникновению КВЖД и Харбина.

Отдельно было принято решение воздвигнуть памятник первому председателю Правления Общества КВЖД Сюй Цзинчену, назначенному на эту должность указом Богдыхана 11 января 1897 г. Сюй Цзинчен, будучи китайским посланником в Берлине, в 1896 г. разработал детали и окончательную редакцию договора на постройку КВЖД, он же подписал его с китайской стороны 27 августа (8 сентября) 1896 г. Сюй Цзинчен трагически погиб во время восстания ихэтуаней 28 июля 1900 г. Памятник ему решили поставить между Харбином и Фуцзянем (китайским пригородом), для чего необходимо было проложить дорогу (проспект Сюя), разбить сквер на пересечении проспекта Сюя и Нагорного проспекта, в центре которого установить памятник в виде обелиска из серого гранита высотой 7 с половиной метров. На разбивку сквера и установку памятника было отпущено около 20 тыс. руб.²¹

11 мая 1923 г. на заседании Юбилейной комиссии была утверждена программа торжеств, рассчитанная на 3 дня: 11 июня в 9 часов – молебен в Свято-Николаевском соборе, затем с 11 до 4 часов – торжественное заседание в Железнодорожном собрании (Желсобе), вечером в 8 часов там же – раут для юбиляров и почетных гостей. 12 июня в 9 часов – открытие памятника первому председателю правления Общества Сюй Цзинчену. В 11 часов – открытие выставки КВЖД и музея Общества изучения Маньчжурского края. От 2 до 4 часов – осмотр гостями главных мастерских и телефонной станции. В 7 часов вечера – торжественное заседание Городского совета в Коммерческом собрании и открытие народного гуляния в Городском саду. 13 июня – поездка в Имяньпо для желающих. От 10 до 12 часов – осмотр учебных заведений дороги. От 2 до 3 часов – закладка здания русско-китайского училища. В 8 часов вечера – оперный спектакль в Желсобе²². По приблизительным подсчетам на устройство торжеств требовалось около 200 тыс. руб.²³ Здесь необходимо заметить, что с 20 июля 1920 г. дорога перешла на условный золотой рубль – расчет шел в мексиканских серебряных долларах (один доллар – 1 руб. 40 коп. золотом)²⁴.

Однако на заседании Юбилейной комиссии 25 мая 1923 г. Л.В. фон Гойер сообщил о беседе с председателем правления Общества КВЖД доктором Ван Цзинчунем, который посчитал, что юбилейным торжествам не следовало бы давать «слишком широких размеров», он же предложил сократить список китайских гостей и иностранцев из Пекина, а Ревизионный комитет вынес заключение о необходимости сокращения связанных с юбилеем расходов. После этого программу пересмотрели: было решено ограничиться двумя днями праздника, отменить спектакль «Гала», заменив его оперой «Паяцы», урезать смету на иллюминацию и украшение зданий Правления, Управления и Желсоба (с 7 тыс. руб. до 500 руб.). На устройство раута (около 600 гостей) и постановку оперы «Паяцы» ассигновали 4 тыс.

¹⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 126. Л. 91–92.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Бужков А.М. 25-летие Китайско-Восточной железной дороги... С. 25.

²² Программа юбилейных торжеств // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 20. 20 мая. С. 23.

²³ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 126. Л. 72.

²⁴ РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 24. Л. 53.

руб.²⁵ Суммы на благотворительность не стали сокращать. На эти цели решено было выделить 6 тыс. руб.: 4 тыс. руб. распределить между благотворительными обществами, 2 тыс. руб. потратить на выдачу единовременных пособий бывшим служащим дороги²⁶.

29 мая 1923 г. была избрана Особая Юбилейная комиссия проведения празднования 25-летнего юбилея Харбина²⁷. Она составила окончательную программу торжеств, в которой отразились усилия в поддержании хрупкого равновесия между китайцами, японцами и остальными иностранцами в Маньчжурии. Это выразилось в расставлении акцентов в программе праздника – были приглашены все высокопоставленные китайские чиновники, представители ЮМЖД, японского дипломатического корпуса, запланировано открытие памятника первому председателю правления Общества Сью Цзинчену с приглашением китайского оркестра, закладка здания русско-китайского училища.

Все харбинские газеты подготовили специальные номера к торжествам, но все-таки самым значительным стал юбилейный выпуск газеты «Русский голос», редактором которой был С.В. Востротин. Лейтмотивом номера была гордость за творение русских людей, «замечательный памятник творческой деятельности национальной российской государственности». В материалах номера газеты отразилась история дороги и служащих, роль в постройке КВЖД С.Ю. Витте, которому должны быть «благодарны все те сотни тысяч русских граждан, которые нашли ныне в полосе отчуждения КВЖД временный приют и кусок хлеба», о ширине размаха, разнообразии преследуемых целей. Подчеркивалось, что КВЖД «уцелела после революции и в настоящий момент является единственным крупным русским национальным предприятием, сохранившимся от коммунистического разгрома. Минует, наконец, надо надеяться скоро, лихолетье и вновь возродится Великая национальная Россия. Тогда вновь неразрывно воссоединится с остальной русской железнодорожной сетью и КВЖД»²⁸.

11 июня 1923 г. состоялся день празднования 25-летия Харбина и КВЖД. Дату отмечали два дня: 11 и 12 июня. Накануне, 10 июня, в 17 часов на старом кладбище по Большому проспекту архиепископом Мефодием при участии всего духовенства была отслужена панихида по умершим строителям и служащим КВЖД. 11 июня в 10 часов утра в фойе Желсоба архиепископ Мефодий совершил торжественный молебен с провозглашением многолетия руководителям и служащим КВЖД, после молебна в зрительном зале прошло торжественное собрание, на котором присутствовали все члены Правления, Ревизионного комитета, управляющий дорогой и его помощники. Они находились на сцене за столом, а в зале в ложах расположились представители дипломатического корпуса, Городского управления, Биржевого комитета, представители маршала Чжан Цзолина, Гирина и Цицикарского губернаторов, японского и китайского министерств путей сообщения, соседних железных дорог, поселковых общественных управлений и общественных организаций. В первом ряду в зале

Рис. 7. Зал Железнодорожного собрания (1923 г.).
РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 462. Л. 7 об.

²⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 126. Л. 23 об.

²⁶ Там же. Л. 24.

²⁷ ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 36. Л. 6.

²⁸ Там же. Д. 41. Л. 101–104.

находились Главнначальствующий генерал Чжу Цинлань, монгольские князья и представители китайских властей.

В 12 ч. 30 мин. председатель правления Общества КВЖД доктор Ван Цзинчунь объявил заседание открытым. Последовали речи товарища председателя правления Общества КВЖД С.И. Данилевского, члена правления Л.В. фон Гойера, от Ревизионного комитета выступил его председатель инженер Чен Хань. Затем управляющий дорогой Б.В. Остроумов дал краткий очерк деятельности КВЖД. От имени Исторической комиссии выступил ее председатель, член Ревизионного комитета инженер П.И. Кузнецов, затем были зачитаны приветственные поздравления от имени китайского правительства, маршала Чжан Цзоля, дипломатического корпуса и др., поздравительные адреса, телеграммы и письма. Собрание длилось до 15 ч. 50 мин.

В 16 ч. 30 мин. на Большом проспекте состоялась закладка русско-китайского ремесленного училища. В церемонии также участвовали представители железнодорожной администрации и высшие китайские чиновники, заложившие первые камни в здание будущей школы. Вечером этого дня состоялся грандиозный раут-спектакль в Желсобе – опера «Паяцы», ужин-фуршет с танцами, на котором присутствовало 500 человек²⁹. А.М. Буюков упоминал, что организацией ужина занимался ресторатор С.Г. Котенко. Было подано около 400 блюд с закусками. Гости съели два пуда паюсной икры и свыше двух пудов разных фруктов. Было выпито около 500 бутылок шампанского и около 200 бутылок разных вин. Танцевали фокстрот до 5 часов утра³⁰.

12 июня в 10 часов состоялось открытие памятника Сюю Цзинчену. Когда под салют опустилась пелена с памятника, китайский оркестр сыграл свой национальный гимн и гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». После речей и салюта под звуки оркестров прошли учащиеся китайских и русских школ, был установлен почетный караул³¹. В гимназии Оксакской состоялось торжественное заседание ОИМК, на котором присутствовали члены общества, в том числе его почетный председатель генерал Чжу Цинлань, товарищ председателя Ли Шаожен, представители Правления и Управления КВЖД, общественных учреждений и организаций. Все речи и приветствия были переведены с русского на китайский и обратно старшим секретарем правления Общества КВЖД Ся Зун-и³². Затем в помещении музея ОИМК в Московских торговых рядах прошло открытие выставки, подробное описание экспонатов было дано в специальном бюллетене³³. Вечером прошло заседание Городского совета, 13 июня – поездка в Имяньпо³⁴.

Можно сказать, что это был первый и последний юбилей КВЖД, в подготовке которого объединились самые разные силы, не только администрация дороги, но и китайские чиновники, Харбинское общественное управление, Общество изучения Маньчжурского края, учебные организации, харбинские газеты. Судя по статьям в прессе, в оценке роли Харбина сошлись русские, китайцы, японцы и европейцы. Юбилей продемонстрировал потенциал русской колонии, стал поводом вспомнить людей, участвовавших в освоении Маньчжурии.

Празднование серебряного юбилея КВЖД и Харбина в 1923 г. стало образцом для последующих поколений. Так, 10 июля 1938 г. харбинская газета «Заря» выпустила специальный номер «40 лет Харбина – 1898–1938 гг.», на первой странице которого крупным шрифтом был дан заголовок: «28 мая 1898 года был основан город Харбин», а содержание номера отражало темы харбинских газет 15-летней давности³⁵. Судя по всему, в 1943 г. собирались отмечать 45-летний юбилей Харбина, так как среди документов, хранящихся в Государственном архиве Хабаровского края, несколько дел содержат материалы по истории

²⁹ Юбилейные торжества по случаю 25-летия КВЖД // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 25. С. 1–2.

³⁰ Буюков А.М. 25-летие Китайско-Восточной железной дороги... С. 24.

³¹ Юбилейные торжества по случаю 25-летия КВЖД // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 25. С. 3.

³² Торжественное заседание Общества изучения Маньчжурского края 12 июня 1923 г. // Бюллетень музея ОИМК и юбилейной выставки КВЖД. 1923. № 1. С. 1–5.

³³ Бюллетень музея ОИМК и юбилейной выставки КВЖД. 1923. № 2. С. 1–46.

³⁴ Юбилейные торжества по случаю 25-летия КВЖД // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 5. С. 1–4.

³⁵ Заря. 1938. № 180. 10 июля.

города Харбина, в том числе собранные к 25-летнему и 35-летнему юбилею³⁶. После долгого перерыва в 1998 г. было отмечено 100-летие КВЖД и Харбина³⁷, которое показало всплеск интереса к истории города, а в 2018 г. – 120-летие Харбина³⁸.

Несомненно, что дата начала строительства КВЖД и города Харбина – 28 мая 1898 г. (по ст. ст.), определенная в 1922 г., имеет важное символическое значение и сегодня, связанное с исторической памятью о русском присутствии в Маньчжурии, объединением потомков строителей КВЖД и бывших «харбинцев», возможностью осмыслить русско-китайские отношения в исторической перспективе.

Литература

Буяков А.М. 25-летие Китайско-Восточной железной дороги: по страницам харбинской прессы // Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства). Владивосток: Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса, 2018. С. 18–30.

Василенко Н.А. Первостроители КВЖД: к 100-летию магистрали // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 62–66.

Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Харбина и КВЖД (Москва, 19–21 мая 1998 г.) / ред. В.И. Иванов. М.: ИРИ РАН, 1998. 93 с.

Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 438 с.

Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: ИРИ РАН, 1997. 245 с.

Лахузен Т. Место под названием Харбин: размышления о 100-летию города // Россия и АТР. 1999. № 1 (23). С. 28–36.

Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / отв. ред. Ли Яньлин. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. 372 с.

Нилус Е.Х. Краткий очерк важнейших политических событий пореволюционного периода (1917–1924 гг.), влиявших на деятельность Китайской Восточной железной дороги // Русская Атлантида. 2009. № 35–37.

Чугуевский Л. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 116–122.

References

Buyakov, A.M. (2018). 25-letie Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi: po stranitsam kharbinskoy pressy [The 25th Anniversary of the Chinese-Eastern Railway: On the Pages of the Harbin Press]. In *Voprosy istorii Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi i goroda Kharbina (120-letie stroitel'stva)*. Vladivostok, VGUES, pp. 18–30.

Chuguevskiy, L. (1998). 100-letie Kharbina [100th Anniversary of Harbin]. In *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 3, pp. 116–122.

Ivanov, V.I. (Ed.). (1998). *Gody. Lyudi. Sud'by. Istoriya rossiyskoy emigratsii v Kitae: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Kharbina i KVZhD (Moskva, 19–21 maya 1998 g.)* [Years. People. Fate. The History of Russian Emigration in China: Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Harbin and the CER (Moscow, May 19–21, 1998)]. Moscow, IRI RAN. 93 p.

³⁶ ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 29–42.

³⁷ Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию Харбина и КВЖД (Москва, 19–21 мая 1998 г.). М., 1998; Лахузен Т. Место под названием Харбин: размышления о 100-летию города // Россия и АТР. 1999. № 1 (23). С. 28–36.

³⁸ Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства). Владивосток, 2018; Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.). Владивосток, 2019.

Lakhuzen, T. (1999). Mesto pod nazvaniem Kharbin: razmyshleniya o 100-letii goroda [A Place Called Harbin: Reflections on the 100th Anniversary of the City]. In *Rossiya i ATR*. No. 1 (23), pp. 28–36.

Li Yanling (Ed.). (2019). *Lyubimyy Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 120-letiyu russkoy istorii g. Harbina, proshlomu i nastoyashchemu russkoy diaspory v Kitae (Kharbin, 16–18 iyunya 2018 g.)* [Russian and Chinese Friendship City of Harbin: Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 120th Anniversary of the Russian History of Harbin, the Past and Present of the Russian Diaspora in China (Harbin, June 16–18, 2018)]. Vladivostok, VGUES. 372 p.

Melikhov, G.V. (1997). *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae (1917–1924 gg.)* [Russian Emigration in China (1917–1924)]. Moscow, IRI RAN. 245 p.

Melikhov, G.V. (2003). *Belyy Harbin* [White Harbin]. Moscow, Russkiy put'. 438 p.

Nilus, E.Kh. (2009). Kratkiy perechen' vazhneyshikh politicheskikh sobytiy porevolutsionnogo perioda (1917–1924 gg.), vliyavshikh na deyatel'nost' Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi [A Brief Outline of the Most Important Political Events of the Post-Revolutionary Period (1917–1924) that Influenced the Activities of the Chinese Eastern Railway]. In *Russkaya Atlantida*. No. 35–37.

Vasilenko, N.A. (2003). Pervostroiteli KVZhD: k 100-letiyu magistrali [The First Builders of the CER: To the 100th Anniversary of the Railway]. In *Rossiya i ATR*. No. 4 (42), pp. 62–66.

О.А. Ренева*

МОНАХИ БЕЛОЙ ГОРЫ: ПУТЬ НА ВОСТОК

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-9
УДК 271.2(470.53/47+51)*Выходные данные для цитирования:*
Ренева О.А. Монахи Белой горы: путь на восток // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 115–123. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-09.pdf>

O.A. Reneva*

MONKS OF THE WHITE MOUNTAIN: THE WAY TO THE EAST

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-9

How to cite:
Reneva O.A. Monks of the White Mountain: The Way to the East // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 115–123. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-09.pdf>]

Abstract. The article traces the history of the Belogorsky Monastery on Belaya Gora (Osinsk District, Perm' Province) and its monks during the period of 1918–1924, both perished during the Civil War and emigrated eastward to Siberia and China. The author suggests that the Ural monastery aroused strong hatred among the Bolsheviks because of its close ties to the imperial family. The first victim of the red terror on Belaya Gora was the abbot, Archimandrite Varlaam (Konoplev). In 2000 he was canonized by the Russian Orthodox Church as a saint, as were a number of monks who were brutally murdered in the monastery in the fall of 1918. Particular attention is paid to the fate of Hegumen Seraphim (Kuznetsov), who saved the bodies of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and her companions from desecration, as well as Hegumen Yuvenaly (Kilin), who later served in churches in Harbin, Shanghai and Beijing. The first, having fulfilled his sorrowful mission, remained in the Holy Land, in Jerusalem; the second, in 1947, returned to the Soviet Union, where he successively led the dioceses: Chelyabinsk and Zlatoust, Irkutsk and Chita, Omsk and Tyumen, and Izhevsk and Udmurtia. For the first time documents about the closure of the monastery in 1924, which are stored in the Archive of the Kungur municipal district, are introduced into scientific circulation. Thanks to these materials we can appreciate the sacrifice of the monks who, under threat of imprisonment and death, remained on the White Mountain and tried their best to preserve the monastery.

Keywords: Belogorsky Monastery, Belaya Gora, emigration, Hegumen Seraphim (Kuznetsov), Hegumen Yuvenaly (Kilin), Harbin, Shanghai.

The article has been received by the editor on 31.01.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье прослеживается история Свято-Николаевского мужского монастыря на Белой горе (Осинский уезд Пермской губернии) и его монахов в период 1918–1924 гг., как погибших во время Гражданской войны, так и эмигрировавших на восток, в Сибирь и Китай. Автор выдвигает предположение, что уральская обитель вызвала сильную ненависть большевиков из-за тесной связи с императорской семьей. Первой жертвой «красного террора» на Белой горе стал настоятель – архимандрит Варлаам (Коноплев). В 2000 г. он был причислен Русской православной церковью к лику святых, как и ряд монахов, зверски убитых на территории монастыря осенью 1918 г. Особое внимание уделено судьбам игумена Серафима (Кузнецова), спасшего от поругания тела великой княгини Елизаветы Федоровны и ее спутников, а также игумена Ювеналия

* **Ольга Анатольевна Ренева**, Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Кунгур, Россия, e-mail: olga.reneva23@yandex.ru
Olga Anatolievna Reneva, Kungur Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Kungur, Russia, e-mail: olga.reneva23@yandex.ru

(Килина), позднее служившего в храмах Харбина, Шанхая и Пекина. Первый, выполнив свою скорбную миссию, остался на Святой Земле, в Иерусалиме, второй в 1947 г. вернулся в Советский Союз, где последовательно руководил епархиями: Челябинской и Златоустовской, Иркутской и Читинской, Омской и Тюменской, Ижевской и Удмуртской. Впервые в научный оборот вводятся документы о закрытии монастыря в 1924 г., которые хранятся в Архиве Кунгурского муниципального округа. Благодаря этим материалам можно оценить жертвенность монахов, которые под угрозой тюремного заключения и смерти остались на Белой горе и старались всеми силами сохранить обитель.

Ключевые слова: Свято-Николаевский мужской монастырь, Белая гора, эмиграция, игумен Серафим (Кузнецов), игумен Ювеналий (Килин), Харбин, Шанхай.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023 г.

Эмиграция, связанная с событиями Гражданской войны, затронула все слои российского общества, в том числе и духовенство. Среди тех, кто покинул родные места, были и монахи Белогорского Свято-Николаевского мужского общежительного монастыря, находившегося в Осинском уезде Пермской губернии. Отправиться на чужбину их вынудили события 1918 г., когда на Урале чудовищные обороты набирал маховик красного террора, когда в Перми, Екатеринбурге и Алапаевске были зверски убиты представители рода Романовых. В том же году трагически погибли многие священнослужители Пермской епархии, среди них – настоятель Белогорского монастыря архимандрит Варлаам (Василий Евфимович Коноплёв) и часть насельников, а сама обитель была разорена. В 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской православной церкви к лику новомучеников и исповедников российских было причислено более тысячи двухсот пострадавших в годы гонений, начиная с императора Николая II и его семьи. В этом перечне также указаны имена архимандрита Варлаама и двадцати шести человек белогорской братии (иеромонахи Сергей, Илия, Вячеслав, Иоасаф, Иоанн, Антоний, иеродиаконы Михей, Виссарион, Матфей, Евфимий, монахи Варнава, Димитрий, Савва, Гермоген, Аркадий, Евфимий, Маркелл, послушники Иоанн, Иаков, Петр, другой Иаков, Александр, Феодор, другой Петр, Сергей, Алексей).

Резкое ухудшение социально-политического положения монастыря после революционных событий 1917 г. было обусловлено в первую очередь его тесной связью в предшествующий период с царским двором. И впоследствии это дало большевикам возможность закрыть монастырь. В обвинении, предъявленном арестованным монахам в 1923 г., содержалась такая фраза: «Монастырь основан в честь тезоименинства последнего Российского коронованного кровавого дракона Николая II, который был тесно связан взаимной царской любовью к первому основателю монастыря безграмотному архимандриту Варлааму (ныне несуществующему)»¹. Обитель, претендовавшая на титул пятой лавры Российской империи, возникла в краю старообрядцев среди дремучих таежных лесов. Предыстория монастыря уходит в 1891 г., когда на вершине Белой горы по благословению епископа Пермского и Соликамского Владимира состоялось освящение монумента, получившего в народе название «Царский крест». Его установка была связана с благоприятным исходом трагического инцидента, произошедшего с наследником царского престола Николаем Александровичем 29 апреля 1891 г. во время посещения японского города Оцу². Через три года на Белой горе рядом с «Царским крестом» по благословению епархиального начальства обосновались первые насельники, а строителем обители был назначен инок Варлаам (в миру Василий Евфимович Коноплёв), бывший старообрядец, принявший православие и монашеский

¹ Архив Кунгурского муниципального округа (АКМО). Ф. 40. Оп. 1. Д. 5. Л. 292.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 198. Оп. 1. Д. 456. Л. 1.

постриг в 1893 г. В январе 1897 г. Святейший Синод утвердил Белогорскую общину как штатный монастырь, а иеромонах Варлаам был назначен его настоятелем. С самого начала обитель прославилась своим строгим церковным уставом, напоминавшим афонский.

С конца XIX в. на Белой горе велось масштабное строительство: возводились храмы, братские корпуса, гостевые дома, здания мастерских. 12 июня 1894 г. началось сооружение второй монастырской церкви. На ее первом этаже находился Всехсвятский храм, заложенный в память помолвки наследника российского престола Николая Александровича и принцессы Виктории-Алисы Гессен-Дармштадтской³. Строительство главного монастырского храма – Крестовоздвиженского собора – продолжалось с 1902 по 1917 г. Среди жертвователей был российский император Николай II.

С царской семьей была связана история и монастырского скита, существовавшего с 1902 г. В 1910 г. его наместник иеромонах Серафим (Георгий Михайлович Кузнецов) вместе с архимандритом Варлаамом были удостоены аудиенции у императора Николая II, на приеме присутствовал и цесаревич Алексей. 12 мая 1914 г. на заседании Святейшего Синода рассматривался вопрос об официальном утверждении скита при Белогорском монастыре и присвоении ему наименования «Серафимо-Алексиевский Наследника Цесаревича Алексия Николаевича». Но поскольку монастыри именовались по святым, в честь которых были сооружены их храмы, то решили оставить краткое название «Серафимо-Алексиевский», имея в виду, что имя святителя Алексия носит цесаревич⁴. 19 августа 1912 г. иеромонах Серафим был возведен в сан игумена. С того же года он стал редактором журнала «Голос долга», издаваемого монастырем. Первый номер журнала был посвящен приближающемуся 300-летию Дома Романовых, монархическая тема оставалась главной и в последующих выпусках.

Игумен Серафим был известен не только как аскет и талантливый организатор, но и как духовный писатель. Например, он автор трехтомного труда о монастырских уставах («Монастырский мужской общежительный устав» (Т. 1), «Скитские иноческие уставы» (Т. 2), «Женские иноческие уставы» (Т. 3)), высоко оцененного Вселенским (Константинопольским) Патриархом Иоакимом III. Именно благодаря этим изданиям в 1909 г. в Троице-Сергиевой лавре во время Первого Всероссийского иноческого съезда состоялась его первая встреча с великой княгиней Елизаветой Федоровной, основавшей Марфо-Мариинскую обитель⁵. Позднее, в июле 1914 г., во время паломнической поездки по монастырям Пермской губернии августейшая паломница посетила Белую гору, побывала она и в Серафимо-Алексиевском скиту⁶, где в пещерном храме епископ Пермский Палладий отслужил литию по ее мужу, великому князю Сергею Александровичу, погибшему от руки террориста.

После начала Первой мировой войны игумен Серафим, получив благословение епископа Пермского и Соликамского Андроника, уехал в действующую армию, стал полковым священником, писал о событиях на фронте, эти заметки публиковались на страницах газеты «Пермские епархиальные ведомости». В октябре 1916 г., во время приезда в Москву, ему удалось вновь встретиться с великой княгиней Елизаветой Федоровной. Именно тогда он стал ее духовником. Во время еще одной встречи, в начале 1917 г., он выслушал пожелание на случай ее гибели⁷. Она хотела быть погребенной на Святой Земле, у храма Марии Магдалины в Русской Гефсиманской обители.

³ Белая гора и Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской монастырь (Географическо-исторический очерк) // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. Пермь, 1895. С. 34.

⁴ Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Пермские епархиальные ведомости. 1914. № 20 (отд. оф.). С. 189.

⁵ Серафим, иеромонах. Первый Всероссийский иноческий съезд. Воспоминания, записки и наблюдения участника съезда. Кунгур, 1912. С. 37.

⁶ ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об.

⁷ Стегний П.В. Скитоначальник. Жизнь и судьба игумена Серафима (Кузнецова). М., 2017. С. 132.

Игумен Серафим, преодолевая все препятствия, сумел выполнить просьбу духовной дочери, мученически погибшей в Алапаевске в ночь на 18 июля 1918 г. Осенью того же года, когда армия адмирала А.В. Колчака заняла Средний Урал, игумен Серафим вместе с монахами Серафимо-Алексиевского скита приехал в Екатеринбург. Затем с двумя послушниками Серафимом Дмитриевичем Гневашевым и Максимом Григорьевичем Канунниковым он отправился в Алапаевск к месту гибели великой княгини Елизаветы Федоровны, где принял участие в поиске погибших и извлечению их тел со дна шахты. Дальнейшие события подробно освещаются в ряде статей и книг, написанных в начале XXI в.⁸ Многие из авторов в качестве первоисточника используют труд игумена Серафима «Мученики Христианского долга», опубликованный им в 1920 г. в Пекине.

Тело великой княгини было обнаружено 11 октября⁹, тогда же его извлекли из шахты, а через неделю, 18 октября, в Алапаевске в Свято-Троицком соборе была отслужена заупокойная всенощная по всем погибшим. Затем гробы были помещены в специально устроенном склепе, вход в который был замурован. В июне 1919 г., когда к Екатеринбург и Алапаевску подошли части Красной армии, встал вопрос о транспортировке тел погибших в безопасное место. Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, главнокомандующий Сибирской армией, в письме от 1 июля того же года приказал уполномоченному Алапаевским горным округом вывезти из Алапаевска на станцию Ишим Омской железной дороги трупы великих князей Сергея Михайловича, Иоанна Константиновича, Константина Константиновича, Игоря Константиновича, графа Владимира Павловича Палея, великой княгини Елизаветы Федоровны, Федора Семеновича Ремеза и монахини Варвары Яковлевой. Этот же документ гарантировал оказание помощи в невероятно трудной миссии со стороны военных и гражданских чинов. Приказ генерал-лейтенанта Дитерихса выполнили игумен Серафим и белогорские послушники Максим Канунников и Серафим Гневашев.

14 июля 1919 г., погрузив свой скорбный груз в товарный вагон, скитники отправились из Алапаевска в сторону Ишима. Воспоминания об этой поездке были записаны со слов игумена Серафима в 1956 г. в Иерусалиме монахиней Серафимой (Путятиной), племянницей князя Н.А. Кудашева: «Вагон его передвигался вместе с фронтом: проедет вперед верст двадцать пять, а потом откатится верст на пятнадцать и т.д. Благодаря пропуску <...>, его постоянно отцепляли и прицепляли к разным поездкам, в общем содействуя его продвижению к конечной цели. Путешествие продлилось три недели, и невозможно представить себе, что пережили за это время о. Серафим и его два спутника, провожавшие свой страшный груз. Из щелей пяти гробов постоянно сочилась жидкость, распространявшая ужасный смрад. Поезд часто останавливался среди поля, тогда они собирали траву и вытирали ею гробы. Жидкость же, вытекавшая из гроба Великой Княгини, благоухала, и они бережно собирали ее как святыню в бутылочки»¹⁰.

Следующая вынужденная длительная остановка была сделана в Чите, где в Покровском женском монастыре игумен Серафим и его спутники вместе с восемью гробами нашли приют с 30 августа 1919 г. по 26 февраля 1920 г. Под полом предоставленной им кельи они вырыли неглубокую могилу, куда поставили гробы. Приближение фронта заставило их двигаться дальше на восток, дальнейшую помощь в транспортировке скорбного груза оказал генерал-лейтенант Г.М. Семёнов, главнокомандующий вооруженными силами Российской Восточной Краины. Путешествие было не только сложным, но и опасным: уже на границе на поезд напали красноармейцы, помощь подоспела со стороны китайских солдат.

В Китае первоначально гробы были доставлены в Харбин, где их встретил епископ Камчатский Нестор (Анисимов). Сюда для опознания умерших приехал князь Н.А. Кудашев,

⁸ Марченко А. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и начальник Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря Пермской епархии игумен Серафим (Кузнецов). История взаимоотношений [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ippp.ru/historyippp/article/velikaya-knyaginya-elisaveta-feodorovna-i-nachalni-200567> (дата обращения: 14.0.2022); Стегний П.В. Скитоначальник...

⁹ Здесь и далее даты даются по труду игумена Серафима (Кузнецова) «Мученики христианского долга» (Пермь, 2021).

¹⁰ Марченко А. Великая княгиня Елисавета Феодоровна...

бывший посланник России в Китае. Николай Александрович позднее вспоминал: «Как официальному лицу, мне пришлось поехать в Харбин, чтобы их опознать и составить протокол. Трудно себе представить ужас, который мне пришлось испытать: тела убитых пролежали в шахте целый год<...> По прибытии в Харбин тела были в состоянии полного разложения – все, кроме Великой княгини, которая была совершенно нетленна. Гробы открыли и поставили в русской церкви. Когда я вошел в нее, мне чуть не стало дурно, а потом была сильная рвота. Великая княгиня лежала как живая и совсем не изменилась с того дня, как я перед отъездом в Пекин прощался с ней в Москве, только на одной стороне лица был большой кровоподтек от удара при падении в шахту»¹¹.

3 апреля 1920 г. гробы с сопровождающими прибыли в Пекин, откуда игумен Серафим отправил письмо генерал-лейтенанту Г.М. Семёнову с отчетом о частичном выполнении своей миссии. В ответном письме военачальника были такие строки: «<...> хотя я ни на минуту и прежде не сомневался, что Преосвященный Иннокентий, по долгу верноподданнической преданности и Христианской любви, окажет достойный прием и великий почет останкам Августейших Мучеников; пусть служит прием в Пекине примером всем бывшим верным Царским слугам»¹². Правда, в Пекине с погребением тел возникли проблемы. Епископу Иннокентию (Фигуровскому) не удалось получить разрешение на их захоронение на территории Русской Духовной миссии. Пришлось гробы поместить в специальном склепе, устроенном на средства, пожертвованные по просьбе игумена Серафима генерал-лейтенантом Г.М. Семёновым. Усыпальница с железной дверью, закрывавшейся на ключ, была обустроена под амвоном Серафимо-Саровского храма на загородном православном кладбище. Ключи от склепа имелись только у игумена Серафима, который несколько месяцев провел в Пекине, дожидаясь, пока будет получено разрешение на дальнейшую транспортировку двух гробов с телами Елизаветы Федоровны и ее келейницы Варвары Яковлевой в Иерусалим, о чем перед английскими колониальными властями и Патриархом Иерусалимским Дамианом ходатайствовала принцесса Виктория Баттенберг, родная сестра великой княгини. Для белогорского игумена это мучительное ожидание оказалось временем творческого подвига: в сложной обстановке, на чужбине, он написал три книги – «Православный Царь-Мученик», «Мученики Христианского долга» и «Венок на могилу доброго пастыря. Памяти прот. Павла Фигуровского», которые сразу же были изданы в типографии Русской Духовной миссии. Когда разрешение на доставку гробов в Иерусалим было получено, то игумен Серафим ключи от склепа с шестью оставшимися гробами передал епископу Иннокентию.

17 ноября 1920 г. начался последний этап долгого странствия, из Пекина до Тяньцзиня, затем пароходом до Шанхая, где пришлось провести больше трех недель. Оттуда 15 декабря гробы в сопровождении отца Серафима и двух послушников отправили морем в Порт Саид, куда корабль прибыл 26 января 1921 г. Там, на египетской земле, их встретила принцесса Виктория Баттенберг (маркиза Милфорд-Хэвен), которая на следующий день в своем письме сообщила: «Здесь есть греческая церковь, и гробы на ночь были оставлены там. Мы пошли в церковь. Задрапированные в черное, они только что были установлены в маленькой боковой часовне. Там были: отец Серафим, монах, который ни разу не оставил их еще с Алапаевска; греческий священник и несколько русских людей. Было очень тихо и уединенно и спокойно в этой маленькой часовне. Только по одной свече горело у изголовья каждого гроба. <...> Этим утром гробы будут отправлены опять товарным поездом в специальном вагоне, который будет переправлен паромом через канал <...> Монах и его два послушника едут в вагоне. По прибытии (в Иерусалим. – О. Р.) нас встретят катафалки и духовенство, и после короткой службы мы должны будем поехать через город к русской церкви св. Марии Магдалины, которая расположена возле Гефсиманского сада, около 4 километров от станции. Патриарх и церковные власти предложили, чтобы гробы были поставлены в церковь на несколько дней и что я должна решить на месте, где их потом

¹¹ Марченко А. Великая княгиня Елисавета Феодоровна...

¹² Там же.

лучше установить. Будет большое богослужение, когда их будут переносить из храма туда. Я надеюсь, что найду там склеп под церковью, где они могут оставаться до тех пор, пока их можно будет повезти в Москву»¹³. Судя по этим строкам, адресованным принцессой брату Эрнсту Людвигу Гессенскому, родственники великой княгини Елизаветы Федоровны, несмотря на ее волеизъявление о месте погребения, рассматривали вариант в случае реставрации монархии в России перезахоронения тела в Москве.

Организацией погребения тел великой княгини и ее келейницы занимались представители Императорского Православного Палестинского общества, председателем которого до 1917 г. была Елизавета Федоровна. Позаботились они и о судьбе монахов, доставивших скорбный груз в Иерусалим. Князь А.А. Ширинский-Шихматов, являвшийся на тот момент председателем общества, особо подчеркнул заслуги этих людей.

Погребение состоялось 30 января 1921 г., заупокойную литию служил Патриарх Иерусалимский Дамиан. 5 февраля завершились работы по устройству усыпальницы, рядом с которой в двух комнатах поселились игумен Серафим и послушники Максим Канунников с Серафимом Гневашевым. Принцесса Виктория Баттенберг (маркиза Милфорд-Хэвен), покидая Иерусалим, оставила доверенность белогорскому игумену: «Многоуважаемый Отец Серафим! Сим поручаю Вам охрану драгоценных останков сестры моей великой княгини Елисаветы Федоровны и сообщаю Вам, что как Его Блаженству Патриарху Иерусалимскому, так и великобританским королевским властям в Палестине известно мое желание и законное право, чтобы гроб с телом покойной великой княгини ни в коем случае не переносился из склепа церкви св. Марии Магдалины без особенного письменного моего, либо, после меня, с согласия сына моего Георгия Маунт-Бэттенского, графа Медена»¹⁴.

Вся дальнейшая жизнь игумена Серафима была связана со Святой Землей. Тоска по родине вылилась в желание хотя бы духовно воссоединиться с Московской Патриархией, что встретило неприязнь со стороны епископа Аполлинария (Кошевого), и отец Серафим в 1923 г. был запрещен в священнослужители. Помог ему Патриарх Дамиан, который снял запрещение и разрешил служение в греческих храмах. Он же позволил устроить келью в Малой Галилее на Елеонской горе, на склоне которой располагалась церковь Марии Магдалины. В Иерусалиме отец Серафим продолжал изучение монастырских уставов, занимался литературным творчеством. В 1932 г. в Варшаве был издан его труд «Светлой памяти Дамиана патриарха Иерусалимского». На Святой Земле отец Серафим жил до самой смерти в 1959 г., там и был похоронен. Еще в 1945 г. во время приезда в Иерусалим Патриарха Алексия I он вернулся в юрисдикцию Московской Патриархии.

Известно, что игумен Серафим вел обширную переписку, поддерживал связь и с теми, с кем ему довелось служить на Белой горе, и с теми, кто уцелел во время войн и репрессий. Среди этих людей был и епископ Ювеналий (в миру Иоанн Кельсиевич Килин). В одном из писем, адресованных пермской схимонахине Евсевии (Попатенко), владыка, в то время уже архиепископ Ижевский и Удмуртский, сообщал следующее: «Отец игумен Серафим иногда навещает меня письмами хорошими <...> Он, конечно, доволен, что живет близ Гроба Господня под мудрым руководством Патриарха Иерусалимского Тимофея, находясь на даче в Малой Патриархии в Галилее. Имеет свою маленькую церковку, в которой служит каждый день и освящается благодатными таинствами. Там он и намеревается окончить свою старческую жизнь. Он уже сгорбленный старец, похожий на преподобного Серафима Саровского, одногодок со мной – 77 лет»¹⁵. В судьбе этих белогорских монахов действительно было много общего. Оба пришли на Белую гору в молодости, осознанно выбрав путь духовного совершенства, и тот и другой руководили сооружением монастырских зданий, занимались храмостроительством и литературной деятельностью, оба во время Гражданской войны оказались в эмиграции в Китае.

¹³ Марченко А. Великая княгиня Елисавета Федоровна...

¹⁴ Стегний П.В. Скитоначальник... С. 155.

¹⁵ Гладышев В., Кудрина А. Свет Белой горы. Пермь, 2003. С. 33.

На Белую гору Иван Кельсиевич Килин, уроженец Сарапульского уезда Вятской губернии (в настоящее время Удмуртская Республика. – О. Р.), пришел весной 1896 г., отбыв к тому времени воинскую повинность. 1 марта он был зачислен в число послушников Свято-Николаевского монастыря, стал келейником настоятеля Варлаама. Через четыре года И.К. Килин был пострижен в монашество с наречением имени Ювеналий. Вместе с игуменом он посетил Иерусалим, Афон, побывал во всех крупных монастырях Российской империи. В 1903 г. иеромонах Ювеналий был назначен заведующим монастырским подворьем в губернской Перми. Там под его руководством был построен Иоанно-Златоустовский храм, не сохранившийся до нашего времени. В 1910 г. отец Ювеналий был переведен экономом в Пермский Архиерейский дом. На следующий год состоялась его встреча с камчатским миссионером – иеромонахом Нестором (Анисимовым), рассказы которого о суровых, но благодатных местах подали мысль отправиться на Дальний Восток и заняться там миссионерской деятельностью. Но епископ Пермский Палладий назначил отцу Ювеналию другое послушание – определил его устройтелем и начальником новой мужской обители – Фаворской Спасо-Преображенской пустыни, которая стала дочерней по отношению к Белогорскому Свято-Николаевскому монастырю.

Там на горе Фавор, недалеко от села Елово Осинского уезда, за три года было сооружено три храма: Спасо-Преображенский собор, Казанская домовая церковь и Крестовоздвиженский храм. Когда в июле 1914 г. великая княгиня Елизавета Федоровна посетила Пермскую губернию, то среди первых увиденных ею храмов был еловский, Петропавловский, где вместе с приходским духовенством высоких гостей встречал игумен Ювеналий. На следующий год его назначили благочинным всех монастырей Пермской епархии, а еще через год отец Ювеналий был возведен в сан архимандрита. Уже в то время он пользовался немалым авторитетом в духовной среде. Например, его старший современник, священник и краевед Я.В. Шестаков написал следующее: «И на жизнь о. Ювеналия имела громадное влияние домашняя среда: благодаря прекрасному воспитанию, о. Ювеналий дает нам образ мужа строго подвижнической жизни и опыта жизни иноческой. Его приветливость и учтивость невольно располагают к сему ревностному домоправителю монастырского достоинства, каковым является о. игумен»¹⁶.

1918 г. стал переломным в судьбе архимандрита Ювеналия и насельников Фаворской пустыни, какое-то время им пришлось скрываться в таежных скитах, а в июне следующего года уехать в Сибирь. Сначала эвакуировались в Читу, где отец Ювеналий был назначен временно исполняющим обязанности настоятеля Верхнеудинского мужского монастыря. Затем был Харбин, куда архимандрит приехал 14 марта 1920 г. И с того времени почти 27 лет он жил в Китае, окормляя русских эмигрантов. Его китайские страницы биографии очень подробно исследованы протоиереем С.С. Ганом¹⁷ и Е.В. Королёвой¹⁸. В 1921 г. он служил настоятелем харбинского Успенского кладбищенского храма и смотрителем кладбища, спустя год по благословию архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мефодия (Герасимова) основал Казанско-Богородицкий монастырь на Крестовском острове. В начале 1923 г. игумен Ювеналий получил новое послушание – он был назначен настоятелем сербского мужского монастыря Витовница. Через год вернулся в Харбин в основанную им обитель, которая уже была перенесена на новое место – в Новое Модягоу. При нем Казанско-Богородицкий мужской монастырь, расположенный на Румынской-Печерской улице у ипподрома¹⁹, превратился в крупный центр православия и благотворительности. Здесь были построены внушительный Казанский храм, келейные корпуса, мастерские, типография, боль-

¹⁶ Шестаков И., свящ. Значение монастырей на святой Руси. Предисловие к истории Фаворской Спасо-Преображенской пустыни Осинского уезда Пермской губернии. М., 1914. С. 6.

¹⁷ Ган С., свящ. Архиепископ Цицикарский Ювеналий (Килин) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40795.htm> (дата обращения: 14.10.2022).

¹⁸ Ковалёва Е.В. Православная церковь в Харбине: служение епископа Ювеналия (Килина) // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 42–58.

¹⁹ Весь Харбин на 1926 год. Адресная и справочная книга. Харбин, 1926. С. 109.

ница, где лечились не только монахи, но и бедные прихожане. Архимандрит Ювеналий был редактором журнала «Хлеб Небесный», издаваемого в монастыре.

В 1934 г. отец Ювеналий был посвящен в сан епископа Синьцзянского, первая епископская лития состоялась в родном монастырском Казанско-Богородицком храме. Уехать в Северную Маньчжурию, где находилась его кафедра, епископ не смог по политическим причинам, поэтому его назначили заведовать подворьями и приходами Пекинской духовной миссии (членом которой он являлся с начала 1935 г.) в Маньчжоу-Ди-Го²⁰. Одновременно он продолжал руководить Казанско-Богородицким монастырем. Только в 1936 г. епископ Ювеналий переехал в Пекин, где жил до 1941 г., занимаясь делами миссии. Затем, после открытия Цицикарского викариатства, он в качестве епископа Цицикарского был переведен в Харбинскую епархию и вновь назначен настоятелем Казанско-Богородицкого монастыря. В конце 1945 г. состоялось воссоединение Дальневосточной православной церкви с Русской православной церковью. Вскоре епископ Ювеналий был определен на место епископа Шанхайского, но прибыть к новому месту службы он не успел – потребовалось срочно выехать в Ленинград, чтобы совершить отпевание умершего архиепископа Димитрия (Вознесенского), только недавно уехавшего в СССР. Владыка принял решение остаться на родине, несколько месяцев он провел в Псково-Печерском монастыре. В июне 1947 г. был назначен епископом Челябинским и Златоустовским, в следующем году возведен в сан архиепископа и назначен на Иркутскую и Читинскую кафедру. В 1949 г. его назначили архиепископом Омским и Тюменским, а с 1952 г. до самой смерти он служил на Ижевской и Удмуртской кафедре. В Ижевскую епархию владыка попросился, «чтобы завершить земное свое служение на родине»²¹. Предчувствуя кончину, он попросил архимандрита Петра (Семёновых) из Троице-Сергиевой Лавры, с которым был хорошо знаком по Харбину, постричь его в схиму. Схимонах Иоанн скончался 28 декабря 1958 г., был похоронен в Ижевском кафедральном соборе²².

Игумен Серафим и епископ Ювеналий, находясь на чужбине, всегда интересовались судьбами родной Белогорской обители и ее насельников. Из переписки с земляками им было известно, что монастырь большевики закрывали неоднократно. Уже в 1920 г. у монастыря были изъяты земля и все гражданские постройки. Здания как жилого, так и хозяйственного назначения органы советской власти передали Отделу народного образования под школу-коммуна²³. 1 марта 1922 г. Белогорский монастырь на бумаге был ликвидирован. На базе монастырского хозяйства организовали Военсовхоз. Крестовоздвиженский собор превратили в приходскую церковь. Братия ликвидированной обители продолжала жить на Белой горе во главе иеромонахом Иоанном (Ветер), который исполнял обязанности заведующего монастырем²⁴.

В феврале 1923 г. Осинский Уисполком предпринял вторую попытку закрытия монастыря²⁵. Всех имеющих отношение к обители, даже простых богомольцев, было решено выселить с Белой горы. Для этого их должны были разбить на три группы. Военнообязанных планировалось препроводить в Осинский Уездвоенкомат, трудоспособных отправить в Отдел Труда, а инвалидов и лиц преклонного возраста отослать «этапным порядком» к местам их жительства. Но реальная действительность оказалась еще более сурова, чем планы на бумаге. Всех, кто оказался на Белой горе 25 марта, сотрудники осинской милиции арестовали и отправили в Осинский Рабдом. Арестованных во главе с Иваном Ефремовичем Ветер обвиняли в «антисоветской агитации путем проповедей, в использовании религиозных предрассудков масс в корыстных целях»²⁶. Следствие затянулось надолго, в конце концов

²⁰ Ковалёва Е.В. Православная церковь в Харбине... С. 44.

²¹ Заря таинственного дня: книга посвящается 100-летию храма Успения Пресвятой Богородицы г. Ижевска. Ижевск, 2016. С. 81–82.

²² Ган С., свящ. Архиепископ Цицикарский Ювеналий (Килин)...

²³ ГАПК. Ф. Р-301. Оп. 1. Д. 85. Л. 63–63 об.

²⁴ АКМО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 197.

²⁵ Там же. Д. 5. Л. 55.

²⁶ Там же. Л. 156.

белогорскую братию вместе с паломниками перевели в Пермский губдом № 1. Монастыря не стало. Был закрыт и Крестовоздвиженский собор. Только в конце января 1924 г. арестованные монахи и миряне были освобождены под подписку о невыезде за пределы бывшей Пермской губернии. По-разному сложилась их судьба, многие были репрессированы в 1930-е гг.

Литература

Гладышев В., Кудрина А. Свет Белой горы. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003. 280 с.

Заря таинственного дня: книга посвящается 100-летию храма Успения Пресвятой Богородицы г. Ижевска / В. Шкляев. Ижевск: Храм Успения Пресвятой Богородицы г. Ижевска, 2016. 256 с.

Ковалёва Е.В. Православная церковь в Харбине: служение епископа Ювеналия (Килина) // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 42–58.

Серафим, игумен. Мученики христианского долга. Пермь, 2021. 80 с.

Стегний П.В. Скитоначальник. Жизнь и судьба игумена Серафима (Кузнецова). М.: Индрик, 2017. 352 с.

References

Gladyshev, V., Kudrina, A. (2003). *Svet Beloy gory* [The Light of the Belaya Gora]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatelstvo. 280 p.

Kovaleva, E.V. (2007). Pravoslavnaya tserkov' v Kharbine: sluzhenie episkopa Yuvenaliya (Kilina) [The Orthodox Church in Harbin: The Ministry of Bishop Juvenaly (Kilin)]. In *Vestnik tserkovnoy istorii*. No. 4 (8), pp. 42–58.

Serafim, igumen. (2021). *Mucheniki khristianskogo dolga* [Seraphim, Abbot. Martyrs of Christian Duty]. Perm. 80 p.

Shklyayev, V. (2016). *Zarya tainstvennogo dnya: kniga posvyashchaetsya 100-letiyu khrama Uspeniya Presvyatoy Bogoroditsy g. Izhevsk* [Dawn of the Mysterious Day: The Book is Dedicated to the 100th Anniversary of the Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary of Izhevsk]. Izhevsk, Khram Uspeniya Presvyatoy Bogoroditsy g. Izhevsk. 256 p.

Stegniy, P. (2017). *Skitonachal'nik. Zhizn' i sud'ba igumena Serafima (Kuznetsova)* [Chief of the Skete. Life and Destiny of Abbot Seraphim (Kuznetsov)]. Moscow, Indrik. 352 p.

Е.Н. Наземцева*

**ВЛИЯНИЕ ПРОВОКАЦИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ
ПРОТИВ СОВЕТСКИХ КОНСУЛЬСТВ В КИТАЕ
НА СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В 1920–1930-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-10
УДК 323.268(510::47):327(47:510)

Выходные данные для цитирования:
Наземцева Е.Н. Влияние провокаций представителей русской политической и военной эмиграции против советских консульств в Китае на советско-китайские отношения в 1920–1930-е годы // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 124–136. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-10.pdf>

E.N. Nazemtseva*

**THE INFLUENCE OF RUSSIAN POLITICAL AND MILITARY
EMIGRATION REPRESENTATIVES' PROVOCATIONS
AGAINST SOVIET CONSULATES IN CHINA
ON SINO-SOVIET RELATIONS
IN THE 1920S–1930S**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-10

How to cite:
Nazemtseva E.N. The Influence of Russian Political and Military Emigration Representatives' Provocations against Soviet Consulates in China on Sino-Soviet Relations in the 1920s–1930s // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 124–136. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-10.pdf>]

Abstract. Russian White emigration's political and military struggle against the Soviet authorities is considered in the article based on the example of provocations against the USSR representative's offices in China. Based on the documents of the OGPU and NKID Foreign Affairs Organizations, as well as special literature, the facts of the leadership of emigration's organization of armed attacks on Soviet consulates and their employees in different provinces and cities of China are shown, as well as propaganda against Soviet consulates in order to hinder the implementation of Soviet policy in China and the Far East. The measures of the Chinese authorities aimed at preventing such actions are also considered. The influence of these facts on the Sino-Soviet relations of the 1920s–1930s is revealed.

Keywords: China, USSR, Russian emigration, consulates of the USSR in China.

The article has been received by the editor on 02.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается борьба политической и военной части русской белой эмиграции с советской властью на примере провокаций против представительств СССР в Китае. На основании документов ИНО ОГПУ и НКВД, а также специальной литературы показаны факты организации руководством эмиграции вооруженных нападений на советские консульства и их сотрудников в разных провинциях и городах Китая, пропагандистской деятельности против советских консульств с целью помешать реализации советской политики в Китае и на Дальнем Востоке в целом. Рассмотрены также

* Елена Николаевна Наземцева, доктор исторических наук, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: nazemtsevaelena5535@gmail.com
Elena Nikolaevna Nazemtseva, Doctor of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: nazemtsevaelena5535@gmail.com

меры китайских властей, направленные на предотвращение подобных акций. Выявлено влияние данных фактов на советско-китайские отношения 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Китай, СССР, русская эмиграция, консульства СССР в Китае.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023 г.

В 1920–1930-е гг. различного рода террористические акты и провокации стали одной из распространенных форм борьбы русской эмиграции с советской властью в разных странах русского рассеяния, в том числе в Китае. В основном они устраивались против советских граждан, у советских консульств, в приграничье, на КВЖД.

Активную роль в провокациях и антисоветских акциях играли русские военные эмигранты. По данным советских спецслужб, в частности ИНО ОГПУ, наиболее непримиримая и активная часть эмиграции находилась в Шанхае, Тяньцзине и Пекине¹.

Различного рода акции против советских служащих на территории Китая существенно осложняли и без того непростые отношения между только что образованным и выходящим из тяжелейшего революционного кризиса советским государством и Китайской Республикой, продолжающей пребывать в состоянии внутривосточного коллапса.

Установление советско-китайских отношений 31 мая 1924 г. не привело к стабилизации взаимоотношений двух государств. На протяжении последующих лет имели место неоднократные противоречия между СССР и Китайской Республикой, вылившиеся затем в вооруженный конфликт 1929 г. и разрыв отношений. Их последующее восстановление в 1932 г. также не гарантировало дальнейшего тесного взаимодействия.

Кроме того, в период образования государства Маньчжоу-го и оккупации Японией Северо-Восточного Китая отдельные китайские города и населенные пункты, в которых были сосредоточены русские эмигранты, оказались вне сферы юрисдикции китайского правительства. Соответственно, провокации и террористические акты русских эмигрантов в этих городах уже оказывали влияние на международную ситуацию во всем регионе. Информация о провокациях против консульств фиксировалась в дневниках консульств.

В середине 1920-х гг. русская белая колония Тяньцзиня насчитывала около 7 000 человек. Она состояла из разных группировок бывших Белых армий. Большинство из них материально не были обеспечены, занимались малооплачиваемым трудом, не требующим какой-либо специальной подготовки, часть же из них попрошайничала. Именно они представляли собой постоянную базу для пополнения известного военного формирования русской военной эмиграции в Китае, так называемого «Нечаевского» отряда и других отрядов, состоящих на службе у различных китайских властей².

¹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века: док-ты и мат-лы. Т. 7: Восточная ветвь, 1920–1928 гг. М., 2015. С. 388.

² Там же. С. 342. «Нечаевский отряд» – имеется в виду 1-я Отдельная «Нечаевская» бригада, сформированная из русских эмигрантов-добровольцев участником Гражданской войны в России, соратником генерала В.О. Каппеля генерал-лейтенантом Русской армии, генерал-лейтенантом Маньчжурской армии К.П. Нечаевым. «Нечаевская» бригада входила в состав 1-й Мукденской армии генерала Чжан Цзунчана. Подробнее см.: Гаврин Д.А. Отряд генерала К.П. Нечаева в Гражданской войне в Китае в 1924–1925 гг. // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 3. Благовещенск, 2013. С. 18–24; Гладких А.А. Террористическая деятельность белоэмигрантских организаций на Дальнем Востоке и борьба с ними органов госбезопасности в 1920-е годы // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 22–30; Мелихов Г.В. Русская «Нечаевская дивизия» в армии северных китайских милитаристов (Формирование. Состав. Командование). 1924–1928 годы // Труды Института российской истории РАН. М., 2006. С. 120–139; Рубанов Е.А. Белая эмиграция в Китае в межвоенный период: русские наемники на иноземной службе в Маньчжурии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 4. С. 70–75; Смирнов С.В. Русские эмигранты в китайской армии (1920–1928) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург. 2003. № 13. С. 86–98.

Например, из дневника генерального консула СССР в Тяньцзине от 25 марта 1926 г. следует, что около 10 часов утра группа «нечаевцев» в явно нетрезвом состоянии переправилась через канал и, подойдя к ограде советского генконсульства, стала вызывающе вести себя, угрожая «жидовскому консульству». Через некоторое время один из группы – русский эмигрант Георгий Ефимов – перелез через забор и стал подниматься по лестнице флагштока, чтобы достать флаг, однако был задержан и передан полиции. После задержания Ефимова группа «нечаевцев» разбежалась³.

В это время исполняющим обязанности генконсула СССР в Тяньцзине являлся опытный дипломат И.И. Спильванек, одновременно он исполнял обязанности генконсула СССР в Пекине⁴. Работники советского консульства расценили данный инцидент как «хулиганство пьяных людей», действовавших «на свой страх и риск». Для разрешения конфликта сотрудники консульства обратились к представителю эмигрантской колонии – бывшему царскому вице-консулу, заведующему 3-м Отделением Муниципального Совета Тяньцзиня⁵. По распоряжению последнего к зданию генконсульства СССР был направлен особый наряд полицейских, часть «нечаевцев» была выслана из города⁶. Спустя некоторое время «нечаевцы» снова появились под стенами советского представительства, однако активных действий не предпринимали, лишь выкрикивали угрозы в адрес СССР⁷.

Частыми были случаи исчезновения или избияния советских граждан русскими военными эмигрантами. В том же Тяньцзине это, как правило, были уже упоминавшиеся «нечаевцы». Например, спустя некоторое время после упомянутой «пьяной акции» были избиты сотрудники советского консульства в Тяньцзине – Шорник, Лукачер, Гольбрах и др.⁸

8 июня 1926 г. в Тяньцзинь вошли войска Чжан Цзолина и Ли Цзина. Вместе с ними – часть бригады генерал-лейтенанта К.П. Нечаева численностью около 1 000 человек. Предполагалось, что «нечаевцы» останутся в городе на некоторое время, а затем двинутся на Пекин. В связи с их приходом активность белой эмиграции в городе усилилась. Учитывая предыдущие провокации, советским генконсульством было принято решение «об усилении бдительности»⁹.

К концу 1920-х гг. ситуация обострилась. «Нечаевцы» постоянно устраивали демонстрации и дебоши у стен советского генконсульства в Тяньцзине. В отдельных случаях доходило даже до стрельбы по зданию, консульским автомобилям. В то же время сохранялись и прежние формы провокаций: срыв гербов, флагов и т.д. При этом, по данным сотрудников советского представительства, китайская полиция практически бездействовала¹⁰. Например, подобный случай произошел в конце июля 1927 г. Незадолго до этого тяньцзинская фашистская группа, состоявшая из русских эмигрантов, пыталась организовать боевой отряд под руководством эмигранта Петрологонова (бывшего адъютанта министра

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 10. П. 129. Д. 76. Л. 72.

⁴ Барский К.М. Полпредство СССР в Китае в 1933–1937 годах: сильные люди и сложные задачи, которые они решали // *Международная жизнь*. 2020. № 6. С. 128–164.

⁵ Третье отделение муниципального совета Тяньцзиня (правильно 3-й район Тяньцзиньского особого административного района) являлось территорией бывшей концессии Российской империи в Тяньцзине. 6 августа 1924 г. советское правительство официально передало территорию правительству Китайской Республики, и концессия была преобразована в Третий район Тяньцзиньского особого административного района. По данным Е.И. Нестеровой, вице-консулом при последнем генеральном консуле Российской империи в Тяньцзине П.Г. Тидемане являлся А.А. Соколов. Однако она считает, что именно П.Г. Тидеман с 1921 по 1934 г. занимал пост «муниципального консула русской концессии в Тяньцзине» (*Нестерова Е.И. Российский генеральный консул в Тяньцзине Петр Генрихович Тидеман: жизнь в Китае до и после эмиграции // Восточные ветви российской диаспоры*. М., 2022. Т. 5: Из прошлого в настоящее: коллективная монография. С. 437–438). В то же время, как указано выше, русской концессии в Тяньцзине с 1924 г. не существовало, поэтому вопрос о том, кто занимал пост заведующего 3-м Отделением Муниципального Совета Тяньцзиня, остается открытым.

⁶ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 129. Д. 76. Л. 72.

⁷ Там же. Л. 76.

⁸ Там же. Л. 91.

⁹ Там же. Л. 70.

¹⁰ Там же. Д. 75. Л. 60, 61.

военно-морских и иностранных дел Приамурского временного правительства Н.Д. Меркулова) для проведения террористических актов, но благодаря целому ряду внутренних разногласий это осуществить не удалось, и Петрологинов впоследствии был арестован комендантом г. Тяньцзиня¹¹.

В конце же июля 1927 г. небольшая группа местных русских фашистов снова попыталась организовать нападение на советское консульство, но посланный для разведки первый русский эмигрант был арестован советскими властями, а второй – китайской полицией, и оба были переданы китайским властям. Следует отметить, что в финансовом отношении русские фашисты в Тяньцзине были весьма обеспечены. Так, по данным советских спецслужб, снабжавший их Н.Д. Меркулов имел большие денежные средства, чего не было у других руководителей эмиграции¹².

Тем не менее антисоветские акции у консульств продолжались. Другой подобный случай произошел через несколько месяцев – 7 ноября 1927 г., в годовщину революции, в Тяньцзине была организована демонстрация бывших белогвардейцев, в ходе которой толпа около 150 человек пыталась ворваться в ворота консульства, но была остановлена полицией. Советским представителем – генконсулом В.Т. Шило – по этому поводу был заявлен протест¹³.

Кроме того, советское генконсульство в Тяньцзине получало анонимные письма угрожающего характера. Однако служащие консульства все же надеялись на помощь китайских властей, заверяющих их в том, что «они и сами не допустят активных против нас выступлений»¹⁴. Это свидетельствовало о нежелании китайской стороны на официальном уровне осложнять отношения с представителями СССР, однако отнюдь не доказывало это при конкретных фактах провокаций.

В 1927 г. учащение акций против советских представительств было связано с активной подготовкой к серии мероприятий русской военной эмиграции, направленных на срыв празднования десятилетия Октябрьской революции.

Помимо акций в Тяньцзине, 7 ноября 1927 г. было осуществлено нападение на советское консульство в Шанхае¹⁵. При этом местные китайские власти остались безучастными к этой акции. Разъяренная толпа после молебна по погибшим членам семьи Романовых ломилась в двери, надеясь совершить погром в здании и уничтожить находившихся в нем сотрудников советского представительства¹⁶. Жизнь сотрудников консульства и членов их семей буквально висела на волоске. Толпа эмигрантов обступила здание. Сотрудники генконсульства даже не успели закрыть парадную дверь. Под стенами генконсульства на канале соорудили виселицу и подожгли висевшее на ней чучело «коммуниста». Электричество в здании было отключено, в одном из окон верхних этажей загорелась портьера. Несколько человек распахнули парадную дверь, намереваясь ворваться в здание генконсульства. Однако напротив парадного входа был установлен сломанный пулемет максим. Участники штурма отшатнулись назад, раздавили несколько человек, а в это время сотру-

¹¹ В конце 1920-х гг. Н.Д. Меркулов, эмигрировавший из России после Гражданской войны и обосновавшийся в Маньчжурии, пытался объединить под своим руководством все русские фашистские организации, активно формирующиеся в этот период в различных центрах русского рассеяния в Китае, в том числе в Тяньцзине. Однако это ему не удалось (Подробнее см.: *Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008; *Пушкарев В.А.* «Японцы хотят сделать из меня Гитлера». Председатель российского антикоммунистического комитета белой эмиграции в Китае Е.Н. Пастухин // *Военно-исторический журнал.* 2019. № 1. С. 83–86; *Смирнов С.В.* Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х годов). М., 2019; *Hohler S.* Fascism in Manchuria: the Soviet-China encounter in the 1930-s. London, 2020).

¹² Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века... Т. 7... С. 388.

¹³ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 129. Д. 75. Л. 60, 61.

¹⁴ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века... Т. 7... С. 343.

¹⁵ Там же. С. 388.

¹⁶ *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С. 279.

ники консульства успели закрыть парадную дверь и припереть ее стальными стержнями. В верхней комнате тем временем потушили огонь¹⁷.

Несколько иное описание событий представлено в книге белоэмигрантского автора В.Д. Жиганова «Ноябрьские события 1927 года в Шанхае»: «В день десятилетия советской власти в 1927 г. русские белые эмигранты устроили у советского консульства в Шанхае демонстрацию протеста. Сначала они соорудили гроб с надписью “Communism” и двумя фигурами – каторжника и советского дипломата, которые были доставлены к подъезду советского консульства. После вызова полиции эти вещи были вывезены на свалку, но члены эмигрантского “Кружка русской молодежи” нашли их и установили гроб и обе фигуры на специально нанятую баржу. Баржа была поставлена на якорь в канале, у середины Бридж-Гарден, напротив советского консульства, где и простояла до ночи. К вечеру того же дня (7 ноября) эмигранты, желая помешать празднованию юбилея, собрались в количестве около 1 000 человек у консульства и устроили громадную демонстрацию, во время которой камнями были перебиты почти все стекла первого и второго этажей. В ответ на это сотрудники советского консульства открыли огонь по эмигрантам, двое человек были ранены. Один из раненых вскоре скончался в больнице, и на его похоронах многотысячная толпа эмигрантов на кладбище устроила грандиозный митинг протеста против советской власти»¹⁸. Согласно Жиганову, все эти акции происходили при полной апатии муниципальных властей, и только вмешательство шанхайского дипкорпуса заставило городскую полицию навести порядок¹⁹.

Сотрудник генконсульства И.М. Ошанин за участие в обороне генконсульства был награжден личным оружием²⁰. В защите генконсульства отличился и его сотрудник Л. Мадьяр. Вооруженный револьвером, он находился на передовой линии – защищал вход в здание. Когда двери поддались и погромщики ворвались внутрь, Мадьяр и сопровождавшие его сотрудники открыли огонь. Это создало перелом, нападавшие отступили. Один человек погиб. Только после этого появилась английская полиция сэттльмента. Л.М. Карахан специальной телеграммой передал благодарность генконсулу СССР в Шанхае Б.И. Козловскому²¹. Однако после налета генконсульство все же было закрыто вплоть до сентября 1933 г.²²

Акции различного рода и террористические акты имели место и в отдаленных от центров русского дальневосточного рассеяния провинциях Китая, например в Синьцзяне. 3 марта 1929 г. у ворот генерального консульства СССР в Урумчи представителями русской военной и политической эмиграции была устроена демонстрация. Причиной стала смерть одного из лидеров белой эмиграции – великого князя Николая Николаевича. Демонстрация сопровождалась выкриками по адресу советской власти, генерального консульства. Руководство акцией осуществлял бывший генеральный консул Российской империи в Урумчи А.А. Дьяков. В ней также принимали участие эмигранты К.И. Дубровский, М.В. Кузнецов, А.Д. Педашенко, А.И. Полещук, А.И. Проскуряков, Н.А. Ананьин и др. Демонстранты потребовали открыть ворота консульства для того, чтобы войти в церковь, расположенную на ее территории, и отслужить панихиду по умершему. Следует отметить, что требование демонстрантов было выполнено. Между тем еще накануне, 27 февраля, генеральным консульством СССР во главе с М.А. Немченко было сделано предупреждение о недопустимости служб в церкви. После панихиды участники продолжили демонстрацию. По этому поводу генеральное консульство СССР выразило официальный протест китайским властям провинции²³. Несмотря на это, никто из участников демонстрации так и не был привлечен к ответственности.

¹⁷ *Верещагин Б.Н.* В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М., 1999. С. 9–10. См. также: *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае... С. 279–280; *Барский К.М.* Полпредство СССР в Китае... С. 128–164.

¹⁸ Цит. по: *Черникова Л.П.* «Землю под фундамент привезли с родины»: очерк истории генерального консульства России в Шанхае в 1890-е – 1927 гг. // *Общество и государство в Китае.* 2013. Т. XLIII, ч. 2. С. 186–210.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Барский К.М.* Полпредство СССР в Китае...

²¹ *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае... С. 280.

²² *Барский К.М.* Полпредство СССР в Китае...

²³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 13. П. 20. Д. 27. Л. 24–25.

Однако в дальнейшем акции продолжались: 22 сентября 1930 г. тремя русскими эмигрантами во главе с П. Арестовым было совершено нападение на работника советского консульства в Чугучаке А.Э. Германа и его жену. По словам консула СССР в Чугучаке А.Д. Дедловского, несмотря на то, что в последнее время нападения подобного рода участились, никаких действий против их участников и организаторов со стороны китайских властей также не последовало²⁴.

Тем не менее, несмотря на достаточно лояльное отношение к выходкам белогвардейцев, местная китайская администрация иногда все же принимала меры против политических акций русских эмигрантов. Например, во время конфликта на КВЖД и активизации в связи с этим деятельности русской эмиграции губернатор провинции Синьцзян Цзинь Шужень запретил эмигрантам ношение каких-либо атрибутов и знаков отличия царской армии. Им также были запрещены собрания, корреспонденция эмигрантов подвергалась строжайшей цензуре, за всеми более или менее заметными эмигрантами было установлено наблюдение²⁵. Такое поведение властей Синьцзяна было обусловлено их позицией по отношению к ситуации на КВЖД в 1929 г., а именно нежеланием провокаций с СССР в регионе из-за и без того сложной этнополитической ситуации в провинции и намечающегося очередного восстания коренных народов провинции против китайских властей.

Планировались и масштабные террористические акции против советских представительств в Китае. В 1930-е гг. в связи с активизацией Японии в Китае русская военная эмиграция получила новый импульс к борьбе с СССР и более масштабную поддержку со стороны японских властей. В частности, еще до образования марионеточного государства Маньчжоу-го, в начале 1931 г., русской военной эмиграцией велась активная подготовка к нападению на советское консульство в Харбине. Об этом сообщал советскому консульству русский эмигрант, бывший штабс-капитан русской армии Ф. Карапетов. Так, в феврале 1931 г. он, находясь в Харбине, несколько раз, сначала в гостинице «Виктория», а затем 21 марта в столовой «Ерофеич», встречался с генералами В.П. Малакеном, Н.А. Савельевым и некоторыми другими представителями русской военно-политической эмиграции. Из его донесения следует, что Савельев сообщил Карапетову о готовящейся в Харбине антисоветской акции: «в разговоре Савельев упомянул, что Малакен виделся с атаманом Семеновым и что с приездом Володи (Владимира Петровича Малакена. – *Е. Н.*) – Харбин скоро загремит. На вопрос «почему загремит» – ответил... Володя приехал с целью убрать головку этой с... Все уже решено, люди есть, вопрос в деньгах. (Фразе этой предшествовала речь Савельева – о большевиках, о разрухе на дороге, продажности китайцев и т.д.) На мое замечание, что убьют одного, будет другой, оказывается рассчитывают на то, что убийство кого-либо из представителей СССР неизбежно повлечет осложнение в отношениях СССР и Китая, возможен срыв конференции и т.д.»²⁶. Кого именно предполагают убрать в первую очередь, каким образом и когда, узнать Карапетову не удалось, 22 марта Карапетов вынужден был покинуть Харбин. По мнению самого Карапетова, в Харбине была организована террористическая группа из несколько лиц видных в прошлом белых офицеров для совершения покушений на виднейших представителей СССР в Харбине. Эту организацию и возглавлял генерал В.П. Малакен²⁷.

Донесение Карапетова консул СССР в г. Маньчжурия В.В. Смирнов направил генконсулу СССР в Харбине Б.Н. Мельникову. Последний заявил соответствующий протест китайским властям. Советские представители надеялись, что китайские власти привлекут Карапетова в качестве свидетеля для раскрытия всей организации русских эмигрантов, однако китайские власти арестовали самого Карапетова, пытавшегося покинуть Харбин, заковали его в кандалы и вернули в Харбин²⁸.

²⁴ Там же. Оп. 9. П. 14. Д. 8. Л. 24.

²⁵ Там же. Оп. 12. П. 124. Д. 9. Л. 6.

²⁶ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 14. П. 122. Д. 67. Л. 31.

²⁷ Там же. Л. 46.

²⁸ Там же. Л. 39.

Об аресте и увозе закованного в кандалы Ф. Карапетова было сообщено Б.Н. Мельникову и советскому полпреду в Китае Л.М. Карахану, потому что, по мнению советского консула в Маньчжурии В.В. Смирнова, «китайцы арестом Карапетова как бы продемонстрировали свое сочувствие белым, мечтающим и делающим все для них возможное для срыва советско-китайских отношений, тем самым совершили политический ляпсус, что также можно было бы использовать в нотной кампании против белых»²⁹. При этом советские власти не собирались выступать в защиту личности Карапетова, а напротив, стремились опротестовать сочувственное отношение китайских властей к белым.

На допросе у китайской полиции Карапетов показал, что он, будучи эмигрантом, считал террористические акты по отношению к представителям СССР недопустимыми, так как они могли принести эмигрантам лишь вред, поскольку «несомненно, что под влиянием протестов СССР китайские власти усилят репрессии по отношению русской эмиграции». На вопрос же китайского полицейского, почему он сделал заявление консулу, а не в полицию, Карапетов показал, что так как в полиции служит много русских эмигрантов, он опасался, что его заявление не будет доведено до сведения китайцев³⁰. По данным советских властей, генерал Малакен действовал по прямому поручению атамана Г.М. Семенова³¹.

Подготовку к масштабной акции против советских представителей в Харбине подтверждают и мемуары руководителя студенческих фашистских групп в Харбине Н.П. Меди, который писал: «Между прочим, не раз приходилось слышать разговоры о необходимости нападения на советское консульство и управление КВЖД. Косьмин (генерал-лейтенант Владимир Дмитриевич Косьмин. – Е. Н.) даже вынужден был в очень резкой форме заявить Родзаевскому, что при малейшей попытке антисоветской провокации он примет против Родзаевского самые крутые меры. Косьмин считал партию неподготовленной к событиям, которые могли бы произойти из вовлечения СССР в конфликт»³².

Несмотря на отсутствие дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой в этот период, подобные факты еще больше осложняли ситуацию и препятствовали их налаживанию.

Продолжались акции против советских консульств в начале 1930-х гг. и в Сынцзяне. В частности, в 1932 г. ИНО ОГПУ было отмечено «усиление деятельности белогвардейских банд» на севере провинции, в районе г. Шарасумэ, выразившееся в формировании различных вооруженных группировок. В результате активизации русской военной и политической эмиграции советский консул в Алтайском округе провинции, учитывая ненадежность китайской охраны и опасаясь возможности нападения белых на консульство, уничтожил всю секретную переписку. По данным ИНО ОГПУ, белые банды действовали в районе Ак-Кобы Алтайского округа и возглавлялись эмигрантами Лебедевым и Ниловым³³.

Иногда акции против советских представительств оказывались весьма успешными для их организаторов. Так, из телеграммы исполняющего обязанности генконсула СССР в Пекине А.С. Никитина народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову от 11 июня 1939 г. следует, что 10 июня 1939 г. здание советского консульства в Тяньцзине, расположенное в Третьем районе Тяньцзиня на территории бывшей концессии Российской империи, было полностью занято членами фашистской организации русской эмиграции – Антисоветского комитета. Советский флаг был спущен и поднят флаг Российской империи. Кроме того, Антисоветский комитет выпустил манифест о том, что старое здание консульства принадлежит Российской империи, белоэмигранты являются действительными представителями России и, не признавая советский режим, берут здание консульства в свое ведение для передачи его будущему антисоветскому прави-

²⁹ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 14. П. 122. Д. 67. Л. 40.

³⁰ Там же. Л. 40.

³¹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 15. П. 26. Д. 21. Л. 57.

³² Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века: док-ты и мат-лы. Т. 8: Противостояние, 1927–1941 гг. М., 2016. С. 780.

³³ Центральный архив Федеральной Службы Безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 10. Д. 598. Л. 340.

тельству России³⁴. Данный район города в это время находился под контролем японских военных властей и считался военной зоной, поэтому никто без специального пропуска сюда не допускался. А.С. Никитин предъявил протест японскому посольству в Пекине, а советский консул В.Я. Смирнов в Тяньцзине – японскому консулу в Тяньцзине. Также советские представители потребовали освобождения здания и наказания виновных³⁵. Этот факт влиял скорее на советско-японские, чем на советско-китайские отношения, однако в целом осложнял ситуацию на Дальнем Востоке.

Иногда акции носили форму спонтанных частных выступлений, а не спланированных акций. Например, 13 февраля 1927 г. бывший белогвардеец А. Кузнецов нанес оскорбление представителю Всесоюзного Акционерного Общества «Шерсть» в Синьцзяне Злоказову, причем «громко произносил неприличные слова» в адрес Советского Союза и РККА. 24 мая 1928 г. тот же А. Кузнецов явился на территорию генерального консульства СССР в Урумчи и публично оскорбил его сотрудника Величко, к тому же угрожая ему расправой. По мнению советского генерального консула в Урумчи Л.М. Гавро, эти инциденты свидетельствовали о сознательных намерениях внести раздор между местными властями и представителями СССР. Консул направил официальную просьбу генерал-губернатору Синьцзяна о необходимости высылки Кузнецова из Урумчи без права поселения в городах, являющихся местом пребывания консулов СССР³⁶.

Другой такой случай произошел в Сахалине. Так, консул СССР в Сахалине Г.М. Меламед в письме к хэйхэсскому даоиню и дипломатическому чиновнику в Айгуне от 16 октября 1928 г. сообщал, что «15 октября 1928 г. в советское консульство в Айгуне обратилась некая гражданка Киселева с просьбой о выдаче ей разрешения на въезд в гор. Благовещенск. Ей были сделаны соответствующие разъяснения и предложено заполнить анкеты, после чего она ушла. В консульстве она находилась с неизвестным гражданином. Последний в повышенном и грубом тоне ругался по адресу Союза Советских Социалистических Республик. Временно исполняющий обязанности секретаря консульства Чуприн предложил ему оставить консульство, после чего смутьян ушел, продолжая ругаться и заявляя, что “Советская власть падет не позже нынешней осени”. Однако вечером около половины седьмого часа кто-то несколько раз постучал в дверь консульства. Находившийся в канцелярии Чуприн открыл дверь и увидел того же хулигана, последний снова стал ругаться площадной бранью и угрожал, что “если кто-либо из сотрудников консульства выйдет на улицу, мы его изобьем”, при этом он ссылаясь на то, что местные китайские власти поддерживают организацию, в которую он входит». Чуприн зашел в полицейскую будку рядом с консульством и попросил полицейского задержать хулигана. Когда Чуприн вместе с полицейским вышел из будки, хулиган быстрыми шагами отходил от консульства. После того как полицейский его догнал и стал вести к будке, он пытался ударить Чуприна, но полицейский схватил его руку, чем отклонил удар и увел в будку³⁷. Слова о принадлежности хулигана к «какой-то организации (очевидно белобандитской)», которую «поддерживают местные китайские власти», вызвали подозрение консула и, по его мнению, свидетельствовали о наличии у различных «злоумышленных организаций и лиц, стремящихся ухудшить взаимоотношения между СССР и Китайской Республикой, сознания полной безнаказанности своих поступков». Консул считал, что данное обстоятельство являлось прямым результатом непринятия местными китайскими властями каких бы то ни было мер в отношении существующих в Хэйхэсском округе белогвардейских организаций, несмотря на ряд сообщений консульства по этому вопросу. В связи с этим Г.М. Меламед просил даоиня о срочном расследовании указанного инцидента и о привлечении виновного к ответственности, выражая надежду, что китайскими властями «будут в целях укрепления дружественных отношений между обоими соседними государствами приняты решительные меры к

³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. М., 1992. С. 450.

³⁵ Там же. С. 451.

³⁶ АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 8. П. 11. Д. 23. Л. 13.

³⁷ АВП РФ. Ф. 293. Оп. 9. П. 23. Д. 8. Л. 4.

ликвидации местных белогвардейских организаций, деятельность коих особенно угрожающа в силу пограничного положения Хэйхэского округа»³⁸.

Хэйхэским даоинем было проведено соответствующее расследование. Оскорблявшим советского консула оказался командир китайского парохода «Шунтен» (Shu Tien) Ефимов. Он был отправлен в Окружной суд для наказания за нанесение оскорбления находящимся в Китае иностранным посланникам. На допросе Ефимов сознался, что он действительно ругал делопроизводителя консульства Чуприна, который заявил в находившийся поблизости полицейский участок, полицейские чины задержали его и отправили в главное полицейское управление до выяснения дел³⁹.

Несколько позже, в 1934 г., подобный случай произошел в Шанхае. 12 ноября 1934 г. около 13 часов к входной двери советского консульства подошел в пьяном виде белогвардеец, требуя пропустить его в консульство. Однако в консульство его не пустили. Тогда он начал кричать: «Вы знаете Орлова, который предал консульство в Харбине». Сотрудник консульства Пестов попытался прогнать его, однако пришедший стал просить 20 центов. Не получив их, он отошел от консульства и вместе с другим белогвардейцем покинул площадь перед консульством. Находившийся рядом полицейский не реагировал на инцидент. По мнению Пестова, такие факты не были единичными. По этому поводу он выражал недовольство китайской полицией: «Я считаю такое безобразное отношение к охране консульства со стороны китполиции нетерпимым и прошу Вас принять надлежащие меры в этом отношении»⁴⁰. О произошедшем Пестов доложил генеральному консулу СССР в Шанхае И.И. Спильванку.

Одним из видов провокаций против советских консульств могли быть и различные аферы. Такой оказалась афера с фальшивыми деньгами. Так, в газете Daily Mail от 20 декабря 1926 г. была помещена заметка о том, что в Шанхае французской полицией арестованы шесть русских белогвардейцев, и в их числе М.В. Сазонов – бывший председатель Автономного Сибирского Правительства и В.Н. Моравский – министр этого же правительства. Им предъявлено обвинение в том, что они подделывали марки и распространяли их в Сибири; при обыске на французской концессии действительно были обнаружены печатный станок и полное оборудование для этого производства. По данным ИНО ОГПУ, эти лица также занимались выпуском фальшивых червонцев с целью контрреволюционной работы по созданию «независимой Сибири»⁴¹.

План этого предприятия был разработан в Японии. По мере развития дела в него вошел генерал Д.Л. Хорват. На печатание фальшивых червонцев было получено согласие и Чжан Цзолина. Главные совещания происходили с участием членов «Лиги борьбы с III Интернационалом»⁴². Так как это должно было происходить в Шанхае, то вся группа лиц старалась добиться согласия на это предприятие от английского и французского консулов, которые официально заявили, что они ничего не знают, но ничего против этого не имеют. В этом предприятии участвовали также известный в делах по фальшивым деньгам эмигрант Маринич, адвокат Дюпак де Мерсулье, датчанин Дженкипс, доктор Киндлер и Шварц. В «Лиге» был задуман план произвести провокацию путем передачи каким-либо способом в советское консульство фальшивой иностранной валюты и потом обвинить советские учреждения в Китае в подделке денег⁴³.

Марки же начали печатать на сумму 600 000 рублей с целью продать их одному китайскому крупному филателисту; бумагу прислал из Японии некий Чертков, причем бумага была такая же по сорту, как и старая царская бумага. Кроме французов, на это дело давал

³⁸ АВП РФ. Ф. 293. Оп. 9. П. 23. Д. 8. Л. 4.

³⁹ Там же. Л. 1.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 312. Оп. 6. П. 16. Д. 6. Л. 154.

⁴¹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века... Т. 7... С. 265.

⁴² Лига Обера – полное официальное название Лига борьбы с III Интернационалом – международный антикоммунистический союз. Учреждена в 1923 г. в Женеве. Русская секция данной организации была наиболее активной.

⁴³ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века... Т. 7... С. 266.

деньги и японец Судзуки, причем к изданию были привлечены не фальшивые марки и деньги, а действительные «Автономного Сибирского Правительства». Был план напечатать также на два-три миллиона «царских марок» и всю эту сумму передать Японии, которая предъявила бы их правительству СССР на погашение. Это дело развивалось постепенно. В здании австрийского посольства в Пекине – в квартире Хорвата – в начале ноября 1926 г. состоялось совещание о распределении суммы в 20 миллионов фальшивых червонцев, причем в этом деле принял участие и великий князь Николай Николаевич⁴⁴.

Довольно часто в советские консульства в огромном количестве попадали различные прокламации, листовки. Их разбрасывали около консульств, отдельные экземпляры направляли непосредственно на адрес консульства почтой. Из политсводки советского консульства г. Маньчжурия от 28 марта 1927 г., направленной наркому Г.В. Чичерину, полпреду СССР в Пекине и другим сотрудникам НКВД и советских консульств в Китае, следует, что такие прокламации или листовки «перехватывались десятками футов и пудами», затем они уничтожались в консульстве по акту. Часто на оборотах писем с прокламациями были написаны «лестные эпитеты»⁴⁵.

Использовались и другие формы провокаций, например публикации в прессе. Так, в тяньцзиньской газете «Наш Путь»⁴⁶ от 2 марта 1927 г. за № 45 была опубликована заметка «Бахвальство консула Матвеева», в которой сообщалось, что генеральный консул СССР в Тяньцзине Н.М. Матвеев выступил с докладом перед командой парохода «Ставрополь», находившегося в это время в тяньцзинском порту. Консул выступил с опровержением этой заметки и направил комиссару по иностранным делам провинции Чжили господину Чжуану Цзин Кэ категорический протест. В нем он отметил, что содержание приписываемого ему выступления «носит явно вымышленный, абсурдный характер». Более того, по его мнению, «с подобным докладом не может выступить ни один из представителей СССР». Консул отмечал, что в это время с 24 февраля по 1 марта он находился в служебной поездке в Пекине, а в заметке сказано, что он выступал 26 февраля. Таким образом, сопоставление дат уже доказывало, что по отношению к консулу была допущена «безобразная инсинуация». Консул просил принять «соответствующие меры к тому, чтобы оградить Генеральное консульство СССР от клеветнических сообщений газеты “Наш путь”, которые, безусловно, рассчитаны на ухудшение дружественных взаимоотношений между Китайским Правительством и Правительством СССР»⁴⁷.

Полный текст «выступления» советского консула Н.М. Матвеева на пароходе «Ставрополь» также был приведен в японской газете Manchuria Daily News⁴⁸ от 9 марта 1927 г.: «Китай фактически побежден Советами и никакие усилия Великобритании или какой-либо другой “империалистической рвани” не могут заставить его уклониться с пути, начертанного для него Москвой». В качестве примера солидарности населения Китая в борьбе за его советизацию Матвеев якобы указал на положение дел на юге страны, «где все население работает для поддержания и создания мощного военного аппарата [гоминьдановской] армии, которая, будучи снабжена советским оружием и обучена советскими инструкторами, не преминет подавить сопротивление Чжан Цзолина и его приверженцев». Для достижения этой цели, согласно приведенному выступлению советского консула, «Советы уже предприняли новую

⁴⁴ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века... Т. 7... С. 267.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 10. П. 29. Д. 128. Л. 20–21.

⁴⁶ «Наш путь: Ежедневная русская газета». Циань; Тяньзинь, 1926. № 1–12; 1927. № 44–304; 1928. № 1–148. Издатель В.П. Разумов. Редакторы: В.Н. Иванов (1926–1927), В.П. Разумов (1927–1928).

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 129. Д. 75. Л. 23.

⁴⁸ «Manchuria Daily News» была основана в 1908 г., через три года после победы Японии в русско-японской войне, и базировалась в Дайрене (современный Дайлянь, Китай), где находилась Южно-Маньчжурская железнодорожная компания (Minami Manshū). Там же была расположена штаб-квартира Тэцудо Кабусики-гайся: 南滿洲鉄道株式会社. Целью газеты было продвижение японского режима в Маньчжурии. Выходила в 1908–1940 гг. (The Ohio State University. University Libraries [Электронный ресурс] // Introducing the newly available Manchuria Daily News Online English Database | Japanese Collections. URL: <https://library.osu.edu/site/japanese/2018/10/05/introducing-the-new-manchuria-daily-news-online-english-database/> (дата обращения: 17.02.2023)).

перегруппировку военных сил на маньчжурской границе, что вынудит Чжан Цзолина оттянуть часть его войск с Хотанского фронта, вследствие чего облегчится нажим на красные войска в этом районе и будет исключена возможность захвата Ханькоу и Учана». Пламенная речь консула завершалась фразой: «Теперь, полагаю, Вам ясно, что мы прочно ухватили Китай!». ⁴⁹ По мнению редакторов газеты Manchuria Daily News, такие слова свидетельствуют о вмешательстве СССР во внутренние дела Китая, демонстрации его «империализма». В результате редакция газеты не без иронии отмечала, что «очевидно, “Советы” имеют свои собственные мерилы, свою этику и логику, недоступную для понимания обыкновенных смертных», при этом советский полпред А.С. Черных ⁵⁰ «продолжает находиться в Пекине как аккредитованный представитель державы, якобы дружелюбно настроенной к той, от лица которой действует Пекинское Правительство» ⁵¹.

Таким образом, напечатанная в эмигрантской газете речь советского генерального консула в Тяньцзине Н.М. Матвеева вызвала бурный резонанс в международной прессе, а также действительно могла нанести серьезный ущерб советско-китайским отношениям. Поэтому опровержение Матвеевым своей речи, а также его категорический протест с требованием принять соответствующие меры против эмигрантской газеты последовали незамедлительно.

Акции в периодической печати продолжались и позднее. В июне 1937 г. в Тяньцзине начала выходить новая фашистская газета на русском языке «Русский путь». Газета руководилась и субсидировалась штабом японской контрразведки в Тяньцзине, выходила один раз в неделю. В № 3 от 5 июля 1937 г. этой газетой было помещено сообщение об освобождении из тюрьмы эмигранта Б.С. Каверды, убившего полпреда СССР П.Л. Войкова. В статье восхвалялся его поступок, а представители белой эмиграции призывались следовать его примеру, также объявлялся сбор пожертвования денег в пользу Б.С. Каверды, для чего на французской концессии на 6 июля было назначено собрание. В связи с этим вице-консул М.Я. Смирнов 5 июля посетил французское консульство – консула Буфана – и обратил его внимание на недопустимость собрания белоэмигрантских фашистов, призывающих к террору в отношении советских представителей. Буфане обещал выяснить этот вопрос через французскую полицию и о принятых мерах с его стороны поставить Смирнова в известность. Вечером в тот же день он по телефону сообщил, что по затронутому вопросу сделал доклад возглавляющему французское консульство Леписье и последний сделал распоряжение запретить собрание белоэмигрантских фашистов ⁵².

Таким образом, в 1920–1930-е гг. русская военно-политическая эмиграция в Китае, продолжая активную борьбу против советской власти, СССР, одним из ключевых методов своей борьбы считала провокации против советских представительств. Разрабатывались и осуществлялись как вооруженные нападения, так и различные компрометирующие советских служащих акции. Их периодичность зависела от различных факторов – годовщин российской революции, состояния советско-китайских отношений, политики Японии в отношении Китая, общей международной ситуации на Дальнем Востоке и т.д. Осуществление данных акций наносило серьезный вред советско-китайским отношениям 1920–1930-х гг., которые и так развивались весьма противоречиво и нестабильно, ухудшало советско-японские связи и еще более дестабилизировало международную ситуацию на Дальнем Востоке, а также в Центральной Азии.

Литература

Антропов О.К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань: Астраханский ун-т, 2008. 325 с.

Барский К.М. Полпредство СССР в Китае в 1933–1937 годах: сильные люди и сложные задачи, которые они решали // Международная жизнь. 2020. № 6. С. 128–164.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 129. Д. 75. Л. 35.

⁵⁰ Ошибка в газете. На самом деле А.С. Черных в 1926–1927 гг. являлся временным поверенным в делах в Китае и не был полномочным представителем (Дипломатический словарь. М., 1985–1986. Т. 3. С. 621).

⁵¹ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 129. Д. 75. Л. 36.

⁵² Там же. Оп. 21. П. 188. Д. 25. Л. 2.

Верещагин Б.Н. В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М.: Изд-во Института Дальнего Востока, 1999. 253 с.

Гаврин Д.А. Отряд генерала К.П. Нечаева в Гражданской войне в Китае в 1924–1925 гг. // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.В. Буяров. Вып. 3. Благовещенск, 2013. С. 18–24.

Гладких А.А. Террористическая деятельность белоэмигрантских организаций на Дальнем Востоке и борьба с ними органов госбезопасности в 1920е годы // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 22–30.

Дипломатический словарь: в 3 т. / гл. ред. А.А. Громыко. М.: Наука, 1986. Т. 3. 749 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. / редкол. В.Г. Комплектов и др. М.: Международные отношения, 1992. 708 с.

Мелихов Г.В. Русская «Нечаевская дивизия» в армии северных китайских милитаристов (Формирование. Состав. Командование). 1924–1928 годы // Труды Института российской истории РАН. М.: Наука, 2006. С. 120–139.

Нестерова Е.И. Российский генеральный консул в Тяньцзине Петр Генрихович Тидеман: жизнь в Китае до и после эмиграции // Восточные ветви российской диаспоры. М.: ИВ РАН, 2022. Т. 5: Из прошлого в настоящее: кол. моногр. С. 424–441.

Пушкарев В.А. «Японцы хотят сделать из меня Гитлера». Председатель российского антикоммунистического комитета белой эмиграции в Китае Е.Н. Пастухин // Военно-исторический журнал. 2019. № 1. С. 83–86.

Рубанов Е.А. Белая эмиграция в Китае в межвоенный период: русские наемники на иноземной службе в Маньчжурии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 4. С. 70–75.

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века: док-ты и мат-лы. Т. 7: Восточная ветвь, 1920–1928 гг. / сост. В.А. Авдеев и др. М.: Гея, 2015. 951 с.

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов XX века: док-ты и мат-лы. Т. 8: Противостояние, 1927–1941 гг. / сост. В.А. Авдеев и др. М.: Гея, 2016. 974 с.

Смирнов С.В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х годов). М.: ЛитРес; Самиздат, 2019. 712 с.

Смирнов С.В. Русские эмигранты в китайской армии (1920–1928) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2003. № 13. С. 86–98.

Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: Олма-Пресс, 2002. 384 с.

Черникова Л.П. «Землю под фундамент привезли с родины»: очерк истории Генерального консульства России в Шанхае в 1890-е – 1927 гг. // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 2 / редкол. А.И. Кобзев и др. М.: ИВ РАН, 2013. С. 186–210.

Hohler S. Fascism in Manchuria: the Soviet-China encounter in the 1930s. London: Bloomsbury academic, 2020. IX, 262 p.

References

Antropov, O.K. (2008). *Rossiyskaya emigratsiya v poiskakh politicheskogo ob'edineniya (1921–1939 gg.)* [Russian Emigration in Search of Political Unification (1921–1939)]. Astrakhan, Astrakhanskiy universitet. 325 p.

Avdeev, V.A. (Comp.). (2015). *Russkaya voennaya emigratsiya 20-kh – 40-kh godov XX veka: dokumenty i materialy. T. 7: Vostochnaya vetv, 1920–1928 gg.* [Russian Military Emigration of the 20s–40s of the 20th Century: Documents and Materials. Vol. 7: Eastern Branch, 1920–1928]. Moscow, Geya. 951 p.

Avdeev, V.A. (Comp.). (2016). *Russkaya voennaya emigratsiya 20-kh – 40-kh godov XX veka: dokumenty i materialy. T. 8: Protivostoyanie, 1927–1941 gg.* [Russian Military Emigration of the 20s–40s of the 20th Century: Documents and Materials. Vol. 8: Confrontation, 1927–1941]. Moscow, Geya. 974 p.

Barskiy, K.M. (2020). Polpredstvo SSSR v Kitae v 1933–1937 godakh: sil'nye ludi i slozhnye zadachi, kotorye oni reshali [The USSR Plenipotentiary Mission to China in 1933–1937: Strong People and the Difficult Tasks They Solved]. In *Mezhdunarodnaya zhizn*. No. 6, pp. 128–164.

Chernikova, L.P. (2013). “Zemlu pod fundament privezli s rodiny”: ocherk istorii General'nogo konsul'stva Rossii v Shankhae v 1890-e – 1927 gg. [“The Ground for the Foundation was Brought from the Motherland”: An Essay on the History of the Consulate General of Russia in Shanghai in the 1890s – 1927]. In *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae*. Vol. XLIII, Part 2. Moscow, IV RAN, pp. 186–210.

Gavrin, D.A. (2013). Otryad generala K.P. Nechaeva v Grazhdanskoj vojne v Kitae v 1924–1925 gg. [The Detachment of General K.P. Nechaev in the Chinese Civil War in 1924–1925]. In *Rossiya i Kitay: Istorija i perspektivy sotrudnichestva. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Iss. 3. Blagoveschensk, pp. 18–24.

Gladkih, A.A. (2009). Terroristicheskaya deyatel'nost' beloemigrantskikh organizatsiy na Dal'nem Vostoke i bor'ba s nimi organov gosbezopasnosti v 1920-e gody [Terrorist Activity of White Emigrant Organizations in the Far East and the Fight Against them by State Security Agencies in the 1920s]. In *Vestnik DVO RAN*. No. 5, pp. 22–30.

Gromyko, A.A. (Ed.). (1986). *Diplomaticheskij slovar* [Diplomatic Dictionary. In 3 vol. Vol. 3]. Moscow, Nauka. 749 p.

Hohler, S. (2020). Fascism in Manchuria: the Soviet-China Encounter in the 1930s. London, Bloomsbury Academic. IX, 262 p.

Komplektov, V.G. (Ed.). (1992). *Dokumenty vneshney politiki SSSR. T. 22, kn. 1: 1 yanvarya – 31 avgusta 1939 g.* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 22, Book 1: January 1 – August 31, 1939]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 708 p.

Melikhov, G.V. (2006). Russkaya “Nechaevskaya diviziya” v armii severnykh kitayskikh militaristov. (Formirovanie. Sostav. Komandovanie). 1924–1928 gody [The Russian “Nechaev Division” in the Army of the Northern Chinese Militarists. (Formation. Composition. Command). 1924–1928]. In *Trudy Instituta rossiyskoj istorii RAN*. Moscow, Nauka, pp. 120–139.

Nesterova, E.I. (2022). Rossiyskij general'nyy konsul v Tyan'tzine Petr Genrihovich Tideman: zhizn' v Kitae do i posle emigratsii [Russian Consul General in Tianjin Petr Genrihovich Tidelman: Life in China before and after Emigration]. In *Vostochnye vetvi rossiyskoj diaspory*. Vol. 5: Iz proshlogo v nastoyashee: kollektivnaya monografiya. Moscow, IV RAN, pp. 424–441.

Pushkarev, V.A. (2019). “Yapontsy khotyat sdelat' iz menya Gitlera”. Predsedatel' rossiyskogo antikommunisticheskogo komiteta beloy emigratsii v Kitae E.N. Pastukhin [“The Japanese want to Make Hitler out of Me”. Chairman of the Russian Anti-Communist Committee of White Emigration in China E.N. Pastukhin]. In *Voенно-istoricheskij zhurnal*. No. 1, pp. 83–86.

Rubanov, E.A. (2012). Belaya emigratsiya v Kitae v mezhoennyj period: russkie naemniki na inozemnoj sluzhbe v Man'chzhurii [White Emigration in China during the Interwar period: Russian Mercenaries in foreign Service in Manchuria]. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. No. 4, pp. 70–75.

Smirnov, S.V. (2003). Russkie emigranty v kitayskoj armii (1920–1928) [Russian Emigrants in the Chinese Army (1920–1928)]. In *Belaya armiya. Beloe delo*. Yekaterinburg. No. 13, pp. 86–98.

Smirnov, S.V. (2019). *Dal'nevostochnyy tupik: russkaya voennaya emigratsiya v Kitae (1920 – konets 1940-kh godov)* [Far Eastern Impasse: Russian Military Emigration in China (1920 – Late 1940s)]. Moscow, LitRes, Samizdat. 712 p.

Usov, V.N. (2002). *Sovetskaya razvedka v Kitae. 20-e gody XX veka* [Soviet Intelligence in China. The 20s of the 20th Century]. Moscow, Olma-Press. 384 p.

Vereschagin, B.N. (1999). *V starom i novom Kitae. Iz vospominaniy diplomata* [In Old and New China. From the Memoirs of a Diplomat]. Moscow, Izdatelstvo Instituta Dal'nego Vostoka. 253 p.

Е.В. Дроботушенко*

**«ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА РУССКОЙ
КОНЦЕССИИ В ХАНЬКОУ» КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-11
УДК 070(510.2)::314.743(=161.1)

Выходные данные для цитирования:
Дроботушенко Е.В. «Известия Общественного совета Русской концессии в Ханькоу» как источник по истории российской эмиграции в Китае // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 137–145.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-11.pdf>

E.V. Drobotushenko*

**NEWS OF THE PUBLIC COUNCIL
OF THE RUSSIAN CONCESSION IN HANKOU AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF RUSSIAN EMIGRATION IN CHINA**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-11

How to cite:
Drobotushenko E.V. News of the Public Council of the Russian Concession in Hankou as a Source on the History of Russian Emigration in China // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 137–145. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-11.pdf>]

Abstract. The article, based on a number of issues for different years, characterizes the most interesting Russian-language periodical in China at the turn of the second or third decades of the 20th, the ‘News of the Public Council of the Russian Concession in Hankou’. It is regarded as a little-known source on the history of Russians in the country. In general, this history, as well as the history of the Russian Concession in Hankou, was reflected on the pages of scientific and popular science publications. The Hankou periodicals have not become the object of close attention and have not received serious coverage in research today. There are only a few mentions. In the publications one can find references to the surviving issues of the ‘News of the Public Council of the Russian Concession in Hankou’ in the National Library of the Czech Republic and the Museum of Russian Culture in San Francisco. At the same time, a number of issues are stored in the funds of the State Archives of the Russian Federation. ‘News’ was not the only Russian-language periodical, but they went out of print for a relatively long time, from 1917 to 1924. Their pages reflected the most diverse issues of the life of the Russian Concession of Hankou. These were the official information of the Consulate General of the Russian Empire in Hankou, the Public Council of the Concession, a chronicle of events, various popular materials. News published the minutes of the meetings of the Public Council, which had previously been published independently and distributed throughout the Russian Concession. An analysis of the publications of a number of issues of the ‘News of the Public Council of the Russian Concession in Hankou’ allows us to say that the publication provides very interesting material on the history of the Concession. Some materials confirm known facts, while others give new, previously unknown information. At the same time, further work is required to identify and analyze all issues of the named edition.

Keywords: publication, number, section, Russian Community, Consulate General, Russian Concession, China, Hankou.

The article has been received by the editor on 15.02.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Евгений Викторович Дроботушенко**, кандидат исторических наук, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия, e-mail: DRZZ@yandex.ru
Evgeny Viktorovich Drobotushenko, Candidate of Historical Sciences, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: DRZZ@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе ряда номеров за разные годы характеризуется интереснейшее русскоязычное периодическое издание в Китае рубежа второго-третьего десятилетий XX в. «Известия Общественного совета Русской концессии в Ханькоу». Оно рассматривается как малоизвестный источник по истории русских в стране. В целом данная история, а также история Русской Концессии в Ханькоу находили отражение на страницах научных и научно-популярных публикаций. Периодика же Ханькоу не стала объектом пристального внимания и не получила на сегодня серьезного освещения в исследованиях. Встречаются только отдельные упоминания. В публикациях можно встретить отсылки к сохранившимся номерам «Известий Общественного совета Русской концессии в Ханькоу» в Национальной библиотеке Чешской Республики и Музее русской культуры в Сан-Франциско. В то же время ряд номеров хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации. «Известия» были не единственным русскоязычным периодическим изданием, однако выходили они из печати относительно долго, с 1917 по 1924 г. На их страницах находили отражение самые разные вопросы жизни Русской концессии в Ханькоу. Это официальная информация Генерального консульства Российской империи в Ханькоу, Общественного совета концессии, хроника событий, различные популярные материалы. В «Известиях» печатались протоколы заседаний Общественного Совета, которые до того издавались самостоятельно и рассылались по Русской Концессии. Анализ публикаций ряда номеров «Известий Общественного совета Русской концессии в Ханькоу» позволяет говорить о том, что издание дает интереснейший материал по истории концессии. Некоторые материалы подтверждают известные факты, иные же дают новую, неизвестную ранее информацию. В то же время требуется дальнейшая работа по выявлению и анализу всех номеров названного издания.

Ключевые слова: издание, номер, раздел, русская община, Генеральное Консульство, Русская Концессия, Китай, Ханькоу.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023 г.

История русских в Ханькоу находила отражение на страницах научных и научно-популярных публикаций. Главным специалистом в проблематике, несомненно, является В.Г. Шаронова¹. Существуют исследования и иных авторов². Отдельные упоминания о каких-либо страницах русской истории в Ханькоу появились еще в XIX – начале XX в.³

¹ Шаронова В.Г. Православная община в Ханькоу (1810–1860) // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2020. № 2 (5). С. 151–169; Шаронова В.Г. Русский храм на Янцзы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 155–166; № 6. С. 163–172; Шаронова В.Г. Русская эмиграция в Ханькоу (Китай) // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 218–224; Шаронова В.Г. Русско-китайская торговля в Ханькоу в годы Первой мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 1. С. 104–109; Шаронова В.Г., Чень Кайке Русская концессия в Ханькоу // Русское Зарубежье: история и современность: сб. ст. Вып. 6. М., 2017. С. 153–159; и др.

² Дацьиен В.Г. Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений второй половины XIX – первой половины XX вв. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб., 2012. С. 67–80; Лю Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6. С. 121–130; Лю Цзайци. Чайный путь и русская диаспора в Ханькоу // Enciclopedica. Revista de istorie a științei și studii enciclopedice. 2014. № 1–2 (6–7). С. 197–204; Христолюбова Ю.С. Жизнь русской общины чаоторговцев в Ханькоу со второй половины XIX до середины XX вв. // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 3. С. 218–232; Христолюбова Ю.С. Русские консулы в Ханькоу и развитие консульской службы в Китае в 1861–1920 гг. // European Scientific Conference: сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2019. С. 134–139; и др.

³ Восстание в Китае. Русские колонии в Китае // Московский листок, Иллюстрированное прибавление. № 25, 25 июня 1900 [Электронный ресурс]. URL: https://nik191-1.ucoz.ru/blog/russkie_kolonii_v_kitae/2021-07-01-8691 (дата обращения: 06.02.2023); Надаров В.И. Материалы к изучению Ханькоу, его географического положения,

История русских Ханькоу нашла свое отражение в мемуарной литературе. К ним следует относиться с осторожностью, поскольку они, очевидно, субъективны⁴. Краткая информация представлена в обобщающих трудах по истории русских в Китае⁵. Несмотря на наличие определенного количества публикаций по истории русских в Ханькоу, сказать, что все ее страницы на сегодня заполнены, нельзя. Не стала предметом серьезного научного анализа история периодического издания «Известия Общественного совета Русской концессии в Ханькоу». На большом справочном портале периодики русского зарубежья «Эмигрантика» в краткой характеристике издания «Известия Общественного совета Русской концессии в Ханькоу» речь идет о номерах с первого по сто семьдесят шестой за 1917 г., при этом местом хранения номеров за 1917–1924 гг. называется Национальная библиотека Чешской Республики в Праге. Известно, что номера «Известий» хранятся в Музее русской культуры в Сан-Франциско. Это первые 32 номера за 1917–1918 гг. Как отмечается в одной из публикаций, их подарил бывший Генеральный Консул Российской империи в Ханькоу Андрей Терентьевич Бельченко⁶.

В данном исследовании мы будем говорить о ряде номеров рассматриваемого издания, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Находим их в деле 473 «Протоколы заседаний общественного совета русской концессии в Ханькоу. 17 декабря 1917 – 2 августа 1919» первой описи «Дела Министерства иностранных дел Российского правительства А.В. Колчака. 1918–1920 гг.» фонда Р-200 «Министерство иностранных дел Российского правительства. Омск. 1918–1920»⁷. В данном исследовании мы не ставим целью всестороннюю характеристику «Известий Общественного совета Русской концессии в Ханькоу», т.е. контент-анализ всех номеров, оценку особенностей процесса издания, характеристику редакторов и авторов издания. Цель работы заключается в попытке на примере некоторых номеров оценить «Известия Общественного совета Русской концессии в Ханькоу» как источник по истории Концессии.

«Известия Общественного совета Русской концессии в Ханькоу» – это издание Общественного совета, на чем акцентировалось внимание на титульном листе. Выходили они из печати два раза в месяц. Первый номер вышел из печати в 10 октября 1917 г. В публикациях встречается упоминание о том, что всего было издано 176 номеров. Последний номер вышел из печати 31 декабря 1924 г.⁸ К сожалению, отсылок к источнику информации авторы не приводят. После прекращения издания «Известий Общественного совета Русской концессии», в Ханькоу некоторое время выходили из печати «Известия русской колонии в Ханькоу»⁹. Здесь следует обратить внимание на интересный факт. При том что первый номер действительно вышел из печати, как следует из его обложки, 10/23 октября 1917 г., в № 6 от 19/1 января указан также 1917 г., в № 8 от 2/15 января указан 1918 г.¹⁰ Очевидно, что в № 6 указан год по старому стилю, однако у читателя, которому в руки попадет только он, может сложиться предположение, что начало изданию было положено в 1916 г., что неверно.

связанных с ним транзитных путей, его торговли и пр. Владивосток, 1901; Попов А.Ф. Драгоман дипломатической миссии в Пекине Путевые заметки о Хань-Коу и русских чайных фабриках // Записки по отделению статистики РГО. СПб., 1871. Т. II. С. 539–570; Церкви Духовной Миссии // Известия Братства православной церкви в Китае. Пекин, 1906. Вып. 27–28. С. 2.

⁴ Бутина В. «В памяти всплыли образы прошлого...». Ханькоу, Китай. Годы между двумя мировыми войнами // Вестник Ариаварты. 2005. № 1–2; Казанин М.И. В штабе Блюхера: Воспоминания о китайской революции 1925–1927 гг. М., 1966; и др.

⁵ Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 426–431 и др.

⁶ Франкьен Ив. Обзор русских периодических изданий в Китае (1904–1948 гг.), которые хранятся в архиве Музея русской культуры в г. Сан-Франциско // Музей русской культуры в Сан-Франциско [Электронный ресурс]. URL: http://www.mrcsf.org/file_download/48/review2_Yv.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 1–16, 153–169, 224–226.

⁸ Дацьишен В.Г. Русские в Ханькоу... С. 76–77; Русские в Китае... С. 431; Франкьен Ив. Обзор русских периодических изданий в Китае...

⁹ Дацьишен В.Г. Русские в Ханькоу... С. 76–77; Известия русской колонии в Ханькоу (Ханькоу, 1924) // Эмигрантика. Периодика русского зарубежья [Электронный ресурс]. URL: http://www.emigrantica.ru/item/izvestiya-russkoj-kolonii-v-khankou?category_id=238 (дата обращения: 14.02.2023).

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 9, 13; Франкьен Ив. Обзор русских периодических изданий в Китае...

Подписка на характеризуемое издание принималась в канцелярии Общественного совета Русской концессии в Ханькоу. В 1918 г. стоимость составляла: с доставкой по Ханькоу – 4 доллара в год или 1 доллар на три месяца, для иногородних – 6 долларов в год или 1,5 доллара на три месяца¹¹.

Структурно «Известия» делились на две объемные части: официальную и неофициальную. Такое деление было традиционным для российских изданий досоветского периода. В рамках официального раздела «Известий» публиковалась информация Российского Консульства в Ханькоу, протоколы заседаний Общественного совета Русской концессии в Ханькоу, различная официальная информация. В самом издании содержание официальной части определялось «протоколами заседаний, отчетами, обязательными постановлениями и разными распоряжениями Общественного Совета <...> распоряжениями и разными циркулярами Российского Консульства» (№ 1 от 10/23 октября 1917 г.). В № 6 от 19/1 января 1917 г. (1918 г.) читаем, что содержание официальной части «Известий» наполнялось только объявлениями Дипломатической миссии в Пекине и Консульства Дальнего Востока¹².

Официальные документы Российского Консульства в Ханькоу печатались не в «чистом» виде, т.е. не как конкретное распоряжение или указание, а под заголовком «Объявления». Так, в объявлениях номеров «Известий» 6 от 19/1 января 1917 г., 4 от 21 декабря 1917 г. и 35 от 6 февраля 1919 г. прописаны нормы, принятые обязательным постановлением Российского консульства в Ханькоу от 20 февраля / 4 марта 1916 г. № 289 о регистрации русских граждан¹³.

Встречаем в «Известиях Общественного совета Русской концессии в Ханькоу» опубликованное аналогичное объявление о регистрации русских граждан, прибывающих в Шанхай. В основу легло уже постановление Российского генерального консульства в Шанхае от 20 февраля 1916 г.¹⁴ Протоколы заседаний Общественного совета Русской концессии в Ханькоу ценны как источник сами по себе. Здесь следует отметить, что они встречаются в делах отдельно, вне периодического издания, в «Известиях» же они полностью дублировались для широкого круга представителей Русской концессии, да и не только ее¹⁵. До начала издания «Известий» протоколы рассылались. Об этом можно прочесть в первом номере. Кому конкретно они рассылались – не указывается, однако отмечается, что «Известия» будут рассылаться «всем налогоплательщикам Русской Концессии, а также всем русским Учреждениям, общественным и политическим организациям в Ханькоу». Можно предположить, что им же рассылались ранее протоколы. Рассылка планировалась бесплатной¹⁶.

Общественный Совет Русской Концессии в Ханькоу был небольшим. Зачастую это 6–8 чел., включая председателя и его заместителя. В отдельные годы Совет достигал 10 чел. (в 1911 г.), 11 чел. (в 1913 г.)¹⁷. На заседаниях, которые в дальнейшем находили отражение в протоколах и на страницах «Известий Общественного совета Русской концессии в Ханькоу», присутствовало зачастую по четыре человека.

В отдельных случаях к протоколам прилагаются объемные отчеты о состоянии дел на Русской концессии в Ханькоу. Такой отчет на 24 страницы встречаем за 1917 г. Протокол заседания Общественного совета Русской концессии в Ханькоу, на котором отчет был заслушан и утвержден, напечатан в № 5 от 5/18 декабря 1917 г. Отчет достаточно подробный, содержит самую разную информацию о Русской концессии¹⁸. В публикуемых протоколах находит отражение обсуждение вопросов внутренней жизни Русской концессии в Ханькоу.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 12.

¹² Там же. Л. 11.

¹³ Там же. Л. 1, 10, 224.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 6. К. 1. Л. 134–135, 235; ГАРФ. Ф. Р5826. Оп. 1. Д. 137. Л. 155–157; ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 472. Л. 1–5, 7, 80, 97–157; ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 1–16, 153–169, 224–226.

¹⁶ Франкьен Ив. Обзор русских периодических изданий в Китае...

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 472. Л. 33.

¹⁸ Там же. Л. 7–33.

В первом номере «Известий» был опубликован протокол № 15 заседания Общественного совета Русской концессии в Ханькоу от 29/12 октября 1917 г., в рамках которого обсуждался проект нового устава Общественного управления концессии. На заседании присутствовал Генеральный Консул Российской империи в Ханькоу А.Т. Бельченко. Итогом стало решение представить проект устава через А.Т. Бельченко «на усмотрение Российской миссии в Пекине и Министерства Иностранных Дел»¹⁹.

Интересным представляется протокол Общественного совета Русской концессии в Ханькоу, опубликованный в № 6 от 19/1 января 1917 г. Это протокол № 22 заседания Совета от 12/25 декабря 1917 г., посвященного обсуждению событий в России. На рассматриваемом заседании присутствовали: председатель Совета В.Ю. Григорьев, В.П. Голиков, Х.М. Бенземан и А.Г. Иванов.

В.Ю. Григорьев отмечал, что Общественный совет Русской концессии в Ханькоу «вообще всегда придерживался принципа не касаться политических вопросов, преследуя лишь исключительно выполнение возложенной на него выборщиками задачи – управлять Концессией в хозяйственном отношении...». Происходившие в России события заставили «изменить» правило. Итогом стало появление следующего заявления: «...мы должны сказать, что не считаем возможным признавать ни Ленина, ни Троцкого с их последовательными государственной власти, как захвативших правление нашей страной до созыва Учредительного Собрания при помощи грубого насилия, опираясь на несознательные массы, и ведущих Россию к позорному миру, разрыву с союзниками и к полной гибели государственного строя. Совет обязан объявить, что признает в настоящий момент единственно Временное Правительство, которому мы, русские, присягали, и его законного представителя в Китае Посланника в Пекине князя Н.А. Кудашева». Сказанное было единогласно поддержано членами Совета. Было постановлено сообщить решение через Консульство посланнику в Пекине, а также поместить текст решения в местной английской газете²⁰.

Отметим важность последнего замечания. Из него можно вывести предположение, что наиболее широко распространенным периодическим изданием в Ханькоу была именно английская газета, а «Известия Общественного совета Русской концессии в Ханькоу» охватывали меньший круг читателей. В то же время на сегодня это всего лишь предположение, поскольку при иной оценке можно предположить о желании Совета донести позицию до более широкого круга именно иностранной общественности.

Примером вопроса внутренней жизни Русской концессии в Ханькоу является отражение в опубликованном в номере 1 протокола № 16 заседания Общественного совета от 3/16 октября 1917 г. обсуждения обращения председателя Русского клуба в Ханькоу Н.А. Иванова с просьбой об освобождении клуба от уплаты земельного и имущественного налогов²¹.

В № 4 «Известий» от 21/4 декабря 1917 г. опубликован протокол № 20 заседания Общественного совета. В нем встречаем информацию о составлении и утверждении оценочных листов на земельные участки и доходность недвижимого имущества Русской концессии в Ханькоу на 1918 г. Площади участков были проверены по купчим земельной книги консульства²².

В протоколе № 20 встречаем информацию об утверждении предварительной инструкции по охране Русской концессии для господина начальника русских дружинников. Она была составлена на случай возникновения «китайских беспорядков»²³. В том же протоколе читаем об окончательном одобрении двух соглашений между русским и французским муниципалитетами: 1) «О постройке лестницы на набережной против Банковской улицы»; 2) «относительно содержания в порядке, ремонта, полицейского надзора, санитарных мер и

¹⁹ Франкьен Ив. Обзор русских периодических изданий в Китае...

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 9.

²¹ Франкьен Ив. Обзор русских периодических изданий в Китае...

²² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 9

²³ Там же. Л. 2.

освещения двух пограничных улиц Банковской (Rue de la Banque) и Ваховича (Rue Dubail)»²⁴.

Помимо протоколов, Общественный совет Русской концессии в Ханькоу в «Известиях» печатал и иные протоколы, к примеру, родительских собраний школ Русской Концессии, Общего собрания дружинников. Примером первого может служить протокол в № 5 от 5 декабря 1917 г. Помимо членов Совета, на собраниях присутствовали представители школы. Речь шла о введении в образовательный процесс новой орфографии, т.е. упрощения русского правописания. Стоит отметить, что идее введения подобного новшества в трех группах младших отделений поддержал генеральный консул Российской империи в Ханькоу А.Т. Бельченко²⁵.

В № 4 от 21/4 декабря 1917 г. опубликован протокол общего собрания дружинников Русской концессии в Ханькоу от 17/30 ноября 1917 г. присутствовало 19 чел. Председателем традиционно был В.Ю. Григорьев. В его выступлении говорилось, что отряд был создан 4/17 октября 1917 г. Желание принять участие в его работе высказали 25 чел., однако постепенно число волонтеров, посещавших занятия, стало сокращаться и к моменту собрания дошло до 9–11 чел. Дружинники набирались для защиты жизни и имущества обывателей Русской концессии в случае возникновения беспорядков «туземной черни». Названная защита до прибытия регулярных китайских войск всецело лежала на дружинниках Русской концессии в Ханькоу совместно с волонтерами иных концессий и аннамитами-стражниками. Начальник русских дружинников вошел в соглашение с «Начальствующими иностранных волонтеров». Итогом обсуждения сложившейся ситуации стало введение штрафов за нарушение установленного порядка посещения занятий дружинников²⁶.

В официальном разделе «Известий» полностью или частично печатались различные акты, к примеру, выписки из устава Общественного управления Ханькоу²⁷. Полный текст Устава среди проанализированных документов нами не встречен. Данный Устав упоминается в ряде публикаций, однако сам текст не приводится²⁸. В рассматриваемых выписках приведены статьи устава, касающиеся выборщиков на выборы в Общественное управление Ханькоу, опубликованы статьи 5–9 устава²⁹.

Отметим, что в документах встречаем полный текст устава Общественного управления бывшей Русской концессии Ханькоу от 15 октября 1924 г., подписанный бывшим генеральным консулом Российской империи в Ханькоу, представителем русской колонии А.Т. Бельченко³⁰. Встретить публикацию нового устава в «Известиях Общественного совета Русской концессии в Ханькоу» на сегодня не удалось.

Примером официальной информации, публикуемой в официальной части «Известий Общественного совета Русской концессии в Ханькоу», являются объявления о событиях. К примеру, объявление о регистрации выборщиков на выборы в Общественное управление концессии на 1919 г. В нем прописывалось, что на основании статьи 13 устава Общественного совета Русской концессии в Ханькоу заявления могли подаваться не позже, чем 31 декабря 1918 г. Опубликовано объявление в № 30 от 28 ноября (по новому стилю) 1918 г. Иным примером официальной информации является заметка в том же номере о переименовании Банковской улицы в улицу Президента Вильсона³¹.

Следует отметить, что отдельные публикации в официальной части «Известий» осуществлялись по распоряжению Общественного совета Русской концессии в Ханькоу.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 153–154.

²⁸ Шаронова В.Г. Русско-китайская торговля в Ханькоу... С. 108; Шаронова В.Г., Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу... С. 153–159.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 153–154.

³⁰ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 6. Д. 1. Л. 215–221.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 154.

Так, упоминавшиеся выше выписки из устава Общественного управления были подготовлены М.Ю. Лебедевым именно в соответствии с названной процедурой³².

Особый интерес представляет раздел «Хроника» «Известий», в котором описывались текущие события на Русской концессии в Ханькоу. В данном разделе от 19/1 января 1917 г. (№ 6) читаем: «В среду, 20/2 января, Комитет Русского Клуба назначает чрезвычайное Собрание всех действующих членов для выражения протеста против действий большевиков»³³.

Материалы для публикации в неофициальной части «Известий», по крайней мере в 1918 г., принимались председателем Общественного Совета Русской Концессии в Ханькоу. В первом номере «Известий» было прописано, что в неофициальной части «Известий» предполагалось печатать «...протоколы и циркуляры общественных и политических организаций как в Ханькоу, так и в других городах Китая, по их желанию, также различные статистические данные...». Отмечалось, что протоколы благотворительных организаций в «Известиях» планировалось печатать бесплатно, «прочие организации» должны печататься за плату. Стоимость публикаций определялась секретарем Общественного Совета Русской Концессии в Ханькоу³⁴. В неофициальной части «Известий» печатались самые разные научно-популярные статьи по истории и современности Китая. Примером могут являться заметки «Из писем русского путешественника» (№ 5 за 1917 г., № 29 за 1918 г.), «Поездка в долину реки Нинчжоу на чайные плантации» (№ 35 за 1919 г.), «Соляной налог в Китае и соляные копи в г. Цзылюэцзинь провинции Сычуань» (№ 30 за 1918 г.)³⁵.

Особенности жизни в Китае занимали на страницах неофициальной части «Известий Общественного Совета Русской Концессии в Ханькоу» значительное место. В то же время очевидно, что не могли представители русской концессии обойти стороной и события в бывшей Российской империи. Они находили отражение в публикациях все той же неофициальной части издания. В № 7 за 1918 г. это статья «Оставление Риги русскими войсками (из письма очевидца с фронта)»³⁶. В этом же разделе встречаем переводы различных публикаций на русский язык. Таковым является заметка «Книга “Безсмертие” – 1917 год», краткое изложение с английского И.Л.³⁷.

Не обошли «Известия» стороной и рекламу. Примером ее является объявление о продаже и прокате автомобилей от французского гаража (близ французского муниципалитета)³⁸. Печатались в «Известиях» афиши театральные выступления на Русской Концессии. В № 6 от 1917 г. – это афиша картины «Кармен» в 5 частях, планировавшаяся к показу 19/1 января 1918 г. в «Электро-театре Виктория» на углу улиц Ваховича и Банковской. После этого, 2, 3 и 4 января (по новому стилю), новая программа Ben Blair «с участием известного уже местной публике Дустин Фарнум», афиша электротeatра Экцельсиор (термин «электро-театр» и в первом, и во втором случае – транскрипция с источника) на французской концессии показа картины «Двойной крест» и ряд «других интересных картин»³⁹. Реклама и афиши именовались частными объявлениями и печатались за плату.

В отдельных номерах в разделе рекламных объявлений печатались объявления социально-политического характера. Так, в № 29 от 14 ноября (по новому стилю) 1918 г. напечатано объявление о сборе средств с 11 по 16 ноября 1918 г. для «Соединенной компании на военные нужды». До того, 5 ноября, состоялось собрание в американском консульстве Ханькоу, на котором присутствовали консулы «и представители колоний всех союзных наций». Суть собрания заключалась в обсуждении вопроса сбора средств «для оказания помощи в социальном, физическом, умственном и моральном деле солдатам всех союзных

³² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 155.

³³ Там же. Л. 11.

³⁴ Франкьен Ив. Обзор русских периодических изданий в Китае...

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 6, 153, 168, 224.

³⁶ Там же. Л. 15.

³⁷ Там же. Л. 169.

³⁸ Там же. Л. 11, 16.

³⁹ Там же. Л. 8, 12.

армий». Поводом стала организация семью организациями «в Америке» объединения с целью создания фонда в 170,5 млн долларов. К процессу решили присоединиться и представители международной общественности Ханькоу. Был избран Комитет по сбору средств. От Русской Концессии в него вошли В.Ю. Григорьев и Х.М. Бенземан. Итогом встречи стало решение о том, что каждый из членов комитета с 11 по 16 ноября 1918 г. будет заниматься сбором пожертвований⁴⁰.

Таким образом, можно констатировать, что «Известия Общественного Совета Русской Концессии в Ханькоу» являются богатейшим источником по истории российской эмиграции в Китае. На сегодня они не стали объектом пристального исследовательского анализа. Не все номера выявлены в хранилищах на настоящее время. Требуется серьезная работа с источниками по выявлению всех номеров издания и их анализу.

Литература

Бутина В. «В памяти всплыли образы прошлого...». Ханькоу, Китай. Годы между двумя мировыми войнами / пер. с англ. Егора Фалёва // Вестник Ариаварты. 2005. № 1–2. С. 64–71.

Дацышен В.Г. Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений второй половины XIX – первой половины XX вв. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб.: БАН, Альфарет, 2012. С. 67–80.

Казанин М.И. В штабе Блюхера: Воспоминания о китайской революции 1925–1927 гг. М.: Наука, 1966. 167 с.

Лю Цзайци Чайная торговля между Китаем и Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6. С. 121–130.

Лю Цзайци Чайный путь и русская диаспора в Ханькоу // Enciclopedica. Revistă de istorie a științei și studii enciclopedice. 2014. № 1–2 (6–7). С. 197–204.

Русские в Китае / под общ. ред. и предисл. А.А. Хисамутдинова. Шанхай: Издание Координационного совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010. 572 с.

Христолюбова Ю.С. Жизнь русской общины чаоторговцев в Ханькоу со второй половины со второй половины XIX до середины XX вв. // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 3. С. 218–232.

Христолюбова Ю.С. Русские консулы в Ханькоу и развитие консульской службы в Китае в 1861–1920 гг. // European Scientific Conference: сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 134–139.

Шаронова В.Г. Русская эмиграция в Ханькоу (Китай) // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 218–224.

Шаронова В.Г., Чень Кайке Русская концессия в Ханькоу // Русское Зарубежье: история и современность: сб. ст. Вып. 6. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. С. 153–159.

Шаронова В.Г. Русский храм на Янцзы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 155–166.

Шаронова В.Г. Русский храм на Янцзы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 163–172.

Шаронова В.Г. Русско-китайская торговля в Ханькоу в годы Первой мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 1. С. 104–109.

Шаронова В.Г. Православная община в Ханькоу (1810–1860) // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2020. № 2 (5). С. 151–169.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 473. Л. 158.

References

Butina, V. (2005). “V pamyati vsplyli obrazy proshlogo...”. Han’kou, Kitay. Gody mezhdv dvumya mirovymi voynami [“Images of the Past Surfaced in My Memory...”. Hankou, China. The Years between the Two World Wars]. In *Vestnik Ariavarty*. No. 1–2, pp. 64–71.

Datsyshen, V.G. (2012). Russkie v Khan’kou: iz istorii rossiysko-kitayskikh otnosheniy vtoroy poloviny XIX – pervoy poloviny XX vv. (po arkhivnym i knizhnym fondam Moskvy, Sibiri, Dal’nego Vostoka i Kitaya) [Russians in Hankou: From the History of Russian-Chinese Relations of the Second Half of the 19th – First Half of the 20th Centuries. (According to Archival and Book Collections of Moscow, Siberia, the Far East and China)]. In *Rossiya i Kitay: nauchnye i kul’turnye svyazi (po materialam arhivnykh, rukopisnykh, knizhnykh i muzejnykh fondov)*. St. Petersburg. Vol. 2, pp. 67–80.

Kazanin, M.I. (1966). *V shtabe Blyukhera: Vospominaniya o kitayskoy revolyutsii 1925–1927 gg.* [At Blucher’s Headquarters: Memories of the Chinese Revolution of 1925–1927]. Moscow, Nauka. 167 p.

Khisamutdinov, A.A. (Ed.). (2010). *Russkie v Kitae* [Russians in China]. Shanghai, Izdanie Koordinatsionnogo soveta sootchestvennikov v Kitae i Russkogo kluba v Shankhae. 572 p.

Khristolyubova, Yu.S. (2019). Russkie konsuly v Khan’kou i razvitie konsul’skoy sluzhby v Kitae v 1861–1920 gg. [The Russian Consuls in Hankou and the Development of the Consular Service in China in 1861–1920]. In *European Scientific Conference: sbornik statey XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Penza, Nauka i Prosveshchenie, pp. 134–139.

Khristolyubova, Yu.S. (2019). Zhizn’ russkoy obshchiny chaetorgovtsev v Khan’kou so vtoroy poloviny XIX do serediny XX vv. [The Life of the Russian Community of Tea Merchants in Hankou From the Second Half From the Second Half of the 19th to the Middle of the 20th Centuries]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Vol. 49, No. 3, pp. 218–232.

Lyu Czaytsy. (2007). Chaynaya trgovlya mezhdv Kitaem i Rossiey [Tea Trade between China and Russia]. In *Problemy Dal’nego Vostoka*. No. 6, pp. 121–130.

Lyu Czaytsy. (2014). Chaynyy put’ i russkaya diaspora v Khan’kou [Tea Way and the Russian Diaspora in Hankou]. In *Enciclopedia. Revistă de istorie a științei și studii enciclopedice*. No. 1–2 (6–7), pp. 197–204.

Sharonova, V.G. (2015). Russkaya emigratsiya v Khan’kou (Kitay) [Russian Emigration to Hankou (China)]. In *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 4 (89), pp. 218–224.

Sharonova, V.G. (2018). Russkiy hram na Yancy [Russian Temple on the Yangtze]. In *Problemy Dal’nego Vostoka*. No. 6, pp. 163–172.

Sharonova, V.G. (2018). Russkiy khram na Yantszy [Russian Temple on the Yangtze]. In *Problemy Dal’nego Vostoka*. No. 5, pp. 155–166.

Sharonova, V.G. (2020). Pravoslavnyaya obshchina v Han’kou (1810–1860) [Orthodox Community in Hankou (1810–1860)]. In *Vestnik istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii*. No. 2 (5), pp. 151–169.

Sharonova, V.G. (2020). Russko-kitayskaya trgovlya v Khan’kou v gody Pervoy mirovoy voyny [Russian-Chinese Trade in Hankou During the First World War]. In *Problemy Dal’nego Vostoka*. No. 1, pp. 104–109.

Sharonova, V.G., Chen’ Kayke (2017). Russkaya kontsessiya v Khan’kou [Russian Concession in Hankou]. In *Russkoe Zarubezh’e: istoriya i sovremennost’*. Moscow, Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN. Vol. 6, pp. 153–159.

А.Г. Голиков*

**«НОВОЕ ВРЕМЯ» О СОБЫТИЯХ
ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1894–1895 ГОДОВ**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-12
УДК 070(47):94(510).08"1894/1895"

Выходные данные для цитирования:
Голиков А.Г. «Новое время» о событиях Японо-китайской войны 1894–1895 годов // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 146–151.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-12.pdf>

A.G. Golikov*

**“NOVOYE VREMYA” ABOUT ON THE EVENTS
OF THE SINO-JAPANESE WAR OF 1894–1895**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-12

How to cite:
Golikov A.G. “Novoye Vremya” about on the Events of the Sino-Japanese War of 1894–1895 // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 146–151.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-12.pdf>]

Abstract. The article analyzes the publications identified in the daily well-informed influential private newspaper “Novoye vremya”. It was printed in a significant circulation in St. Petersburg, but it could also be bought at the stations of all state-owned railways of the country. Its readers found information about the main stages of the Sino-Japanese war and editorial opinions about the position that Russia should take in this conflict. “Novoye vremya” consistently and decisively argued that Japan should under no circumstances receive either protectors over Korea or territorial increments in Manchuria. This should be achieved by acting together with other powers and trying to defend Russian interests, if possible by diplomatic means. As a result of the conducted research, it was found that the position of the newspaper as a whole coincided with the foreign policy line of the government, which was reflected in the issues of the publication of the Russian Foreign Ministry – “Journal de St.-Petersbourg”.

Keywords: The Sino-Japanese War of 1894–1895, the Russian press, “Novoye vremya”.

The article has been received by the editor on 21.02.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье проведен анализ публикаций, выявленных в ежедневной хорошо осведомленной влиятельной частной газете «Новое время». Она печаталась значительным тиражом в Петербурге, но ее также можно было купить на станциях всех казенных железных дорог страны. Читатели находили в ней информацию об основных этапах Японо-китайской войны и суждения редакции о позиции, которую Россия должна занимать в этом конфликте. «Новое время» последовательно и решительно утверждало: Япония ни при каких обстоятельствах не должна получить ни протекторат над Кореей, ни территориальных приращений в Манчжурии. Добиваться этого следует, действуя совместно с другими державами и стараясь отстоять российские интересы, по возможности дипломатическим путем. В результате проведенного исследования установлено, что позиция газеты в целом совпадала с внешнеполитической линией правительства, получившей отражение в публикациях издания российского МИД – Journal de St.-Petersbourg.

* **Андрей Георгиевич Голиков**, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: golikov@hist.msu.ru
Andrey Georgievich Golikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: golikov@hist.msu.ru

Ключевые слова: Японо-китайская война 1894–1895 гг., русская пресса, «Новое время».

Статья поступила в редакцию 21.02.2023 г.

До Японо-китайской войны вопросы дальневосточной политики привлекали внимание русской прессы сравнительно редко. Начавшаяся в июле 1894 г. война резко изменила положение. В газетах печатают многочисленные и разнообразные материалы по этой проблематике: телеграммы информационных агентств, аналитические и публицистические статьи, исторические очерки, карты театра боевых действий, фотографии военачальников и государственных деятелей, оказавшихся вовлеченными в дела Дальнего Востока. Периодическая печать сообщала современникам о происходящем и одновременно присущими ей средствами формировала общественные представления о событиях.

Цель статьи – проанализировать публикации в хорошо осведомленной влиятельной ежедневной частной газете «Новое время», выходявшей значительным тиражом¹. Задача, поставленная автором, заключалась в том, чтобы выявить средства и приемы, которые использовала редакция, формируя общественные представления о событиях: непосредственно – в аналитических и передовых статьях, опосредованно – сообщая читателям о происходящем. В таком случае перед исследователем периодики встает проблема – определить позицию газеты через выявление в ее публикациях выраженной и скрытой информации. Методология подобных исследований разработана в 1980-е гг. академиком И.Д. Ковальченко. Применительно к прессе каждый номер газеты и каждая публикация в ней выполняют функцию передачи информации, в том числе во времени.

Газета «Новое время» издавалась в Петербурге. Ее владельцем в рассматриваемый период был талантливый журналист А.С. Суворин. За время Японо-китайской войны (с июля 1894 по май 1895 г.) в течение 11 месяцев было напечатано более 300 номеров. Все они были изучены при подготовке статьи, при этом ссылки на цитируемые положения, сформулированные в газете, даются в тексте.

Начиная со времени открытия боевых действий и до их окончания это издание регулярно помещало сообщения, полученные по телеграфу, перепечатки из ведущих зарубежных органов печати, передовые (по терминологии того времени – руководящие) статьи и другие материалы, посвященные ситуации на Дальнем Востоке. Камертоном для отечественной прессы в отношении вопросов внешнеполитической линии российского правительства служили публикации в издававшейся МИД на французском языке газете *Journal de St.-Petersbourg*².

В конце XIX столетия в Корее, номинально находившейся в вассальной зависимости от Китая, значительно усилилось влияние Японии. Используя как предлог посылку Пекином на полуостров войск для подавления крестьянского восстания, Токио потребовал провести в Корее «реформы», означавшие установление там японского контроля. Китай ответил отказом.

Еще до официального объявления войны, в связи с получением сообщения о потоплении японским крейсером транспорта с китайскими солдатами, «Новое время» в передовой статье номера от 13 июля³ 1894 г. определило позицию по отношению к конфликту, который «может начаться каждую минуту». Для России, по мнению редакции газеты,

¹ Специально публикации в «Новом времени» за период Японо-китайской войны не изучались. Отдельные аспекты темы рассмотрены в монографии А.Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895» (М., 1956) и в статье И.С. Рыбаченок «Дальневосточная политика России 90-х годов XIX в. на страницах русских газет консервативного направления» / Внешняя политика России и общественное мнение. М., 1988. С. 125–146.

² См.: Голиков А.Г. «*Journal de St.-Petersbourg*» – газета российского МИД // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2003. № 2. С. 3–16.

³ Даты в статье указаны по старому стилю, принятому в России.

«не может быть безразличным, сохранит ли Корея ту свою, хотя бы неустойчивую, самостоятельность, которая, несомненно, выгодна для нашего политического положения на Тихом океане».

В передовой статье номера от 15 июля разъяснялось: «Если бы Японии удалось окончательно утвердиться в Корее, то, владея обоими берегами Корейского полуострова, она создала бы нам на Востоке такой же Босфор, какой уже давно представляет нашу “любимую мозоль” в Европе, не говоря уже о несомненной невыгоде замены удобного корейского соседства беспокойным, если не угрожающим (при существующих пока сообщениях) японским».

На формальное объявление войны «Новое время» в номере от 22 июля откликнулось передовой статьей. Редакция солидаризировалась с опубликованным в *Journal de St.-Petersbourg* заявлением о намерении русского правительства «поддерживать в Корее политическую автономию, наиболее соответствующую многочисленным интересам, существующим в этих областях Дальнего Востока». Вывод: «Чем бы ни кончилась начавшаяся борьба, Россия не может допустить и не допустит, чтобы она лишила Корею ее автономии и создала в Корейских водах новое положение вещей, стесняющее свободу действий нашего флота на Тихом океане». Уже на следующий день в «Иллюстрированном приложении» газета напечатала карту Кореи.

Сделав принципиальное заявление, официальный Петербург решил выждать, чтобы в зависимости от того, как будут развиваться события, действуя совместно с другими державами, стараться отстоять интересы России по возможности дипломатическим путем. Вплоть до апреля 1895 г. *Journal de St.-Petersbourg*, по свидетельству «Нового времени», хранил «глубокое молчание» о событиях Японо-китайской войны и воздерживался «комментировать слухи», которые, по оценке дипломатического органа, «кажутся весьма рискованными»⁴.

Для подданных российского императора частные периодические издания вели постоянную хронику противостояния на Дальнем Востоке. Даже летом, когда известия, приходящие по телеграфу из-за границы, представляют «мало общего интереса», отметило 29 июля 1894 г. «Новое время», единственное исключение составляли сообщения, «получаемые с театра японо-китайской войны». 18 сентября, когда боевые действия находились «в самом разгаре», «Новое время» посвятило им большую передовую статью (полностью занявшую три колонки), сопроводив текст крупной картой местности.

К началу 1895 г. победа Японии стала очевидной. На первый план выходит вопрос об условиях будущего мира. 22 января «Новое время», сообщая о прибытии в Японию китайских уполномоченных для ведения переговоров, подчеркивает назревшую необходимость для великих европейских держав «заранее знать определенным образом, чего они могут ожидать друг от друга. Только ведь на этих условиях возможно их совокупное действие». Вместе с тем, по мнению редакции газеты, «необходимо будет еще раз напомнить японцам, что, не говоря уже о Корее, им не следует вообще думать о каких бы то ни было территориальных приобретениях в Северном Китае. На русско-китайской границе существующее положение вещей не может измениться в их пользу».

Этот принципиальный тезис конкретизируют многочисленные публикации. Так, из напечатанной 23 января телеграммы из Шанхая читатель узнавал, что «английским, французским и русским посланниками в Токио и Пекине получены инструкции их правительств советовать Китаю и Японии войти в соглашение о мире». 28 января телеграмма, отправленная двумя днями ранее из Лондона, информировала: парижский корреспондент *Times* «полагает возможным сообщить... Державы намереваются сохранить выжидательное положение до тех пор, пока Китай не признает себя побежденным, тогда Японии будет объявлено, что никаких присоединений к ней китайских владений на материке они не допустят».

В передовой статье того же номера газеты дан следующий комментарий этого сообщения: «Нам неизвестно, насколько достоверны известия, добытые парижским корре-

⁴ Новое время. 1895. 9 (21) апр.; 22 апр. (4 мая).

спондентом газеты “Times” об основах соглашения, будто бы уже состоявшегося между Россией, Англией и Францией, по вопросу о будущем вмешательстве этих трех держав в Японо-китайскую распрю, но нет повода, на наш взгляд, находить эти “основы” неправдоподобными или несогласованными с интересами правительств, готовящихся напомнить Японии о неизбежности принятия его в соображение вышеупомянутых интересов, как бы ни велики были ее военные успехи... С этой точки зрения мы находим, что известия, сообщенные газете “Times” ее парижским корреспондентом, появились совершенно своевременно и могут послужить полезным предостережением японскому правительству».

7 февраля в рубрике «Внешние известия», со ссылкой на берлинскую National Zeitung, сообщалось из Салоник: «Для того, чтобы довести свой флот в Тихом океане до 21 судна, Россия сократила свою эскадру Средиземного моря до 4 военных судов... Ход событий в Восточной Азии, заставляющий предположить скорее возбуждение вопроса о мире между воюющими странами, объясняет желание России, не теряя времени, довести численность своих судов в восточно-азиатских водах до цифры, отвечающей всяким случайностям. В случае надобности России представится, вероятно, возможность рассчитывать и на содействие французской эскадры».

1 марта в связи с телеграммой из Лондона, что, по сведениям Times, Пекин согласился на включение в программу переговоров о мире пунктов о признании независимости Кореи и территориальных уступок, «Новое время» в передовой статье четко формулирует позицию: «Японцы очень высоко ценят свои победы над китайцами и требуют, как нам пишут из Тянь-зина, присоединения к Японии не только Порт-Артура, но и Манчжурии по Мукден и великую стену. Таким образом “Англия Дальнего Востока” желает прочно утвердиться на азиатском материке; Корейский полуостров не прельщает японцев, они хотят врезаться внутрь материка, захватить обширную область между коренным Китаем и Сибирью... Японцам не мешает напомнить, что Манчжурия давно уже входит в сферу торговых интересов России и ни в коем случае не может сделаться добычей Японии».

Заключение мира между Японией и Китаем стало моментом истины для европейских держав. Для читателей «Нового времени» редакция газеты предлагала свое видение «нынешней политической минуты». Под таким заголовком была напечатана передовая статья в номере от 9 апреля. Статья начиналась с утверждения: «Мы думаем, что Россия в полной мере оценивает настоящий политический момент. В эти дни решается вся будущая политика наша на Дальнем Востоке... Если даже хотя бы один форт Порт-Артура останется в японских руках, в нашем теле на Тихоокеанском побережье будет воткнута длинная и ядовитая игла, которую мы ощутим немедленно в огромном возрастании хлопот и издержек, с одной стороны – вследствие беззащитности наших тамошних владений, а с другой – ради нашего престижа и достоинства великой державы».

Поэтому, во-первых, «Россия не может допустить протектората Японии над Кореей, который японцы фактически обеспечили себе условиями мирного договора. По своему географическому положению Порт-Артур есть входная дверь в Корею... Мы должны громко заявить свои права на протекторат над Кореей». Во-вторых, «так как неприкосновенность Печелийского побережья от японского захвата была одним из условий нейтралитета России во время войны, то Россия имеет право пригласить все державы, вошедшие в соглашение об этом нейтралитете, к деятельному содействию в предупреждении напрасного упорства Японии пред справедливыми требованиями России... Мы не можем уже соблюдать прежнее безучастие, которое было бы уже прямой ошибкой, но должны получить верные гарантии в обеспечении наших интересов».

Скоординированные действия российских дипломатов и военных обеспечили успех акции⁵. 11 апреля «Новое время» опубликовало телеграмму из Лондона, в которой, со ссылкой на Агентство «Рейтера», сообщалось о соглашении между Россией и Германией «по вопросу об ограничении претензий Японии».

⁵ См. подробнее: Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 45–50.

На следующий день в газете были напечатаны телеграммы из Берлина и Парижа. В первой, полученной редакцией от собственного корреспондента, констатировалось: «Решительное участие Германии в протесте России и Франции против притязаний Японии считается немецкими политиками симптомом и даже ручательством мирного разрешения возникших на Дальнем Востоке политических осложнений». По информации французской *Temps*, Петербург, Париж и Берлин предложат Токио «выбрать между созванием конгресса для пересмотра Симоносекского договора, подобно тому как Сан-Стефанский договор был пересмотрен конгрессом в Берлине, и переговорами с заинтересованными державами обычным дипломатическим путем». В передовой статье, которая в «Новом времени» размещалась после рубрики «Телеграммы», редакция заключала: «Тройственное соглашение России, Франции и Германии по японскому вопросу приходится, по-видимому, признать фактом не только совершившимся, но уже готовым перейти в совместное воздействие этих держав на Японию».

13 апреля в подтверждение прогноза читатели узнавали из помещенной в номере телеграммы Российского телеграфного агентства, что посланники России, Франции и Германии «сделали от имени этих держав представления против тех статей мирного договора, в которых постановляется присоединение к Японской империи части континентальных владений Китая. Заявление это принято заместителем министра иностранных дел». А в передовой статье следующего номера решительно утверждалось: «Условия мирного договора, заключенного между Японией и Китаем, должны быть и будут изменены в смысле замечаний, предъявленных в Токио дипломатическими представителями России, Германии и Франции». Тогда же в рубрике «Внешние известия» со ссылкой на *Times* сообщалось, что офицерам русского флота, суда которых находились на зимней стоянке в портах Японии, «не разрешается более уезжать в отпуск», а командирам русских судов предписано обеспечить возможность выхода в море «в 12-часовой срок».

«Дружеские советы» держав, которые Япония получила по дипломатическим каналам, были своевременно подкреплены военно-морской демонстрацией флотов. 23 апреля «Новое время» напечатало телеграмму Российского телеграфного агентства из Иокогамы, извещавшую, что «русские военные суда, стоявшие в открытых для европейцев китайских портах, вышли в море». 25 апреля в рубрике «Телеграммы» можно было прочитать полученное через то же агентство сообщение из Чифу, где сосредоточивались иностранные эскадры. К уже находившимся там восьми русским судам (в том числе трем миноноскам) ожидался приход других русских судов, а также двух германских и по одному английскому, американскому и французскому.

В передовой статье этого номера газеты крупным шрифтом воспроизведен текст сообщения, которое *Journal de St.-Petersbourg* поместил как срочную новость «во главе своего прибавления, но в части неофициальной»: «Императорское правительство Японии, следуя дружеским советам России, Франции и Германии, принимает на себя обязательство отказаться от окончательного обладания Фанг-Тиенским полуостровом». Пояснялось, что «Фанг-Тьен» – китайское название города, который носит манчжурское имя «Мукден», а «Фанг-Тиенским» в Японии называли Ляодунский полуостров. По мнению редакции, публикация в органе российского дипломатического ведомства – несомненный симптом того, что тройственное вмешательство в японо-китайские дела «если не привело, то, по-видимому, приводит к желаемому результату». На Дальнем Востоке создается «совершенно новое положение вещей. На очередь ставится осуществление видоизмененного Симоносекского договора».

Симоносекский мирный договор между Японией и Китаем, заключенный 5 (17) апреля 1895 г., предусматривал признание Китаем независимости Кореи, уступку Японии Ляодунского полуострова, уплату контрибуции в сумме 200 млн лян и ряд других условий. Под давлением держав Япония согласилась возвратить Китаю Ляодунский полуостров с Порт-Артуром за дополнительную компенсацию в 30 млн лян. 30 апреля «Новое время» сообщило, что, по сведениям *Daily Cronicle*, китайский император послал в Петербург и

Париж «собственноручные письма, в которых просит помочь ему уплатить военную контрибуцию, требуемую Японией, обещая в благодарность за такую услугу большие торговые льготы». Просьба была удовлетворена.

Казалось, конфликт на Дальнем Востоке завершился благоприятно для России. Что же дальше? Издатель «Нового времени» А.С. Суворин обращается к читателям со страниц газеты⁶ с вопросом: «Вы не знаете, господа, кончился японский вопрос или нет?» И далее излагает свой разговор с молодым японцем: «Японец мне говорил, что независимость Кореи условие *sine qua non*. Ради этой независимости Япония начала войну с Китаем. Кто будет владеть Кореей, тот враг Японии. Если Россия попытается овладеть каким-нибудь корейским портом, то Япония станет воевать с Россией. Оно и понятно: для процветания Японии необходимо, чтобы оба берега пролива были ей безопасны: один собственный, другой корейский, то есть тоже собственный... Ясно, – заключает автор, – что Япония добивается и, вероятно, добьется того, что Корея станет фактически японской провинцией». А что же Россия? На этот вопрос у А.С. Суворина нет ответа.

Как можно заметить, на страницах «Нового времени» читатели находили информацию об основных этапах Японо-китайской войны. Суждения о позиции, которую Россия должна занимать в этом конфликте, в целом соответствовали линии российского МИД. В этом убеждает сопоставление суждений газеты с публикациями в *Journal de St.-Petersbourg*.

Литература

Голиков А.Г. «*Journal de St.-Petersbourg*» – газета российского МИД // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2003. № 2. С. 3–16.

Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 899 с.

Рыбаченок И.С. Дальневосточная политика России 90-х годов XIX в. на страницах русских газет консервативного направления // Внешняя политика России и общественное мнение. М., 1988. С. 125–146.

Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М.: Ин-т истории СССР, 1993. 351 с.

References

Golikov, A.G. (2003). “*Journal de St.-Petersbourg*” – gazeta rossiyskogo MID [“*Journal de St.-Petersbourg*” – Newspaper of the Russian Foreign Ministry]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. No. 2, pp. 3–16.

Narochnickiy, A.L. (1956). *Kolonial'naya politika kapitalisticheskikh derzhav na Dal'nem Vostoke. 1860–1895* [The Colonial Policy of the Capitalist Powers in the Far East. 1860–1895]. Moscow, AN SSSR. 899 p.

Rybachenok, I.S. (1988). *Dal'nevostochnaya politika Rossii 90-kh godov XIX v. na stranitsakh russkikh gazet konservativnogo napravleniya* [The Far Eastern Policy of Russia in the 90s of the 19th Century on the Pages of Russian Conservative Newspapers]. In *Vneshnyaya politika Rossii i obshchestvennoe mnenie*. Moscow, pp. 125–146.

Rybachenok, I.S. (1993). *Soyuz s Frantsiey vo vneshney politike Rossii v kontse XIX v.* [Alliance with France in Russia's Foreign Policy at the End of the 19th Century]. Moscow, Institut istorii SSSR. 351 p.

⁶ Новое время. 1895. 14 (23) мая. Суворин А. Маленькие письма. ССXXXVI.

И.С. Рыбаченок*

**БОКСЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ В КИТАЕ
НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «НОВОЕ ВРЕМЯ»**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-13
УДК 070(=161.1):94(510).08

Выходные данные для цитирования:
Рыбаченок И.С. Боксерское восстание в Китае на страницах газеты «Новое время» // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 152–161.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-13.pdf>

I.S. Rybachenok*

**THE BOXER REBELLION IN CHINA
ON THE PAGES OF THE “NOVOE VREMYA” NEWSPAPER**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-13

How to cite:
Rybachenok I.S. The Boxer Rebellion in China on the Pages of the “Novoe Vremya” Newspaper // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 152–161.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-13.pdf>]

Abstract. The Yihetuan People’s Liberation movement in China (1898–1901), which received the name “boxer rebellion” in journalism and then in Western European historiography, is covered in sufficient detail in research articles and monographs concerning the problems of international relations in the Far East. Its origin, ideology, organizational form, program slogans, social composition, relations with local authorities and the central government, periodization are studied. For a historian studying Russian foreign policy, the reflection of the events of that time in the domestic periodical press is of great interest. This makes it possible to find out the degree of awareness of contemporaries about the phenomenon itself, the attitude towards it, its potential impact on Russia’s relations with a neighboring country. Based on the materials of the newspaper “Novoye Vremya” (“The New Time”) – one of the most widely circulated and well-informed periodicals of private publication – the structure of information about the “boxer rebellion” is traced: its volume, dynamics, forms and genres of published materials. They are diverse and multifaceted: telegrams, messages, reprints from foreign newspapers, historical reviews, analytical articles, photographs, drawings, satirical graphics. Taken as a whole, this information creates a voluminous representation of both the phenomenon itself and its assessments by the newspaper and those theses that were inspired by contemporaries. Thanks to these materials, a domestic reader could follow the course of events and form their attitude towards them.

Keywords: Boxer Rebellion, Russian periodical press, newspaper “Novoe Vremya”.

The article has been received by the editor on 23.02.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Народно-освободительное движение ихэтуаней в Китае (1898–1901 гг.), получившее в публицистике, а затем в западноевропейской историографии наименование «боксерское восстание», достаточно подробно освещено в исследовательских статьях и монографиях, касающихся проблем международных отношений на Дальнем Востоке. Изучены его происхождение, идеология, организационная форма, программные лозунги, социальный состав, отношения с местными властями и центральным правительством, периодизация. Для историка, изучающего внешнюю политику России, огромный интерес представляет отражение событий того времени в отечественной периодической печати.

* **Ирина Сергеевна Рыбаченок**, доктор исторических наук, Институт Российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: rybachenok@gmail.com
Irina Sergeevna Rybachenok, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: rybachenok@gmail.com

Это позволяет выяснить степень информированности современников о самом явлении, об отношении к нему, о потенциальном влиянии на взаимоотношения России с соседней страной. На материалах газеты «Новое время», одного из самых тиражных и хорошо осведомленных периодических частных изданий, прослеживается структура информации о «боксерском восстании»: ее объем, динамика, формы и жанры публиковавшихся материалов. Они разнообразны и многоаспектны: телеграммы, сообщения, перепечатки из иностранных газет, исторические обзоры, аналитические статьи, фотографии, рисунки, сатирическая графика. В совокупности эта информация создает объемное представление как о самом явлении, так и о его оценках газетой и тех тезисах, которые внушались современникам. Благодаря этим материалам отечественный читатель мог следить за ходом событий и формировать к ним свое отношение.

Ключевые слова: Боксерское восстание, русская периодическая печать, газета «Новое время».

Статья поступила в редакцию 23.02.2023 г.

Международные противоречия на Дальнем Востоке существенно обострились после Японо-китайской войны. Экспансия европейских держав происходила в форме займов, железнодорожных и других концессий, аренды территории. К концу XIX в. главными кредиторами Пекина стали: Англия с займом в 21,6 млн фунтов стерлингов, Германия – 17 млн фунтов стерлингов, Россия и Франция – по 16 млн фунтов стерлингов. Иностранные компании, вложившие в строительство железных дорог в общей сложности свыше 55 млн фунтов стерлингов, получали не только прибыли от их эксплуатации, но и право контроля над территорией и использования природных ресурсов.

Взаимоотношения Европы и Китая получили наглядное отражение в карикатуре, опубликованной в 1898 г. Молодая бонна-Европа покачивает колыбель, в которой лежит туго запеленутый младенец с ликом старого китайца. Надписи на пеленках: «Китайский заем», «Промышленность», «Таможни», «Железные дороги», «Армия» ясно обозначали те пути, которыми европейские державы связали империю богдыханов. Решительный отпор притязаниям иностранных завоевателей дал китайский народ, встав на путь открытого вооруженного сопротивления.

Нападения на иностранных миссионеров и принявших христианство китайцев происходили с начала 1890-х гг., а с середины 1896 г. участились в провинции Шаньдун. Убийство там двух немецких миссионеров в ноябре 1897 г. дало Германии предлог для захвата порта Цзяочжоу (Киао-Чао). Это послужило сигналом для других держав: Россия заняла Порт-Артур, Франция – Гуанчжоувань, Англия – Вейхайвэй. Оформление права аренды этих портов явилось лишь прикрытием раздела Китая на сферы интересов. При посредничестве Русско-Китайского банка Петербург заключил с правительством Цинской империи контракт на постройку по ее территории Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) к Владивостоку и ветви от нее к Порт-Артуру. Существенное усиление позиций России в Маньчжурии вызвало недовольство других держав.

Чувство вражды к иностранцам в Китае вылилось в стихийные массовые беспорядки, которые с весны 1898 г. переросли в восстание. Разрозненные отряды из крестьян, городских ремесленников и переходивших на их сторону солдат, посланных правительством против восставших, назывались «Ихэтуань» («Отряды справедливости»), «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости») и др. Движение ихэтуаней, получившее в публицистике, а затем и в западноевропейской историографии наименование «боксерское восстание», достаточно подробно освещено в работах, касающихся проблем международных отношений на Дальнем Востоке. Изучены его происхождение, идеология, организационные формы, программные

лозунги, социальный состав, отношения с местными властями и центральным правительством, периодизация¹.

Для историка, изучающего внешнюю политику России, огромный интерес представляет отражение этих событий в отечественной периодической печати. Какова была степень информированности современников о самом явлении, как оно воспринималось, как оценивалось потенциальное влияние событий на взаимоотношения России с соседней страной – вот круг вопросов, на которые можно попытаться найти ответы. Проследим структуру информации о «боксерском восстании», ее объем, динамику, формы и жанры на материалах газеты «Новое время» – одном из самых тиражных и хорошо осведомленных периодических частных изданий.

Основанную в 1865 г. газету «Новое время», несколько раз менявшую владельцев, в 1876 г. выкупил журналист и писатель Алексей Сергеевич Суворин. Более 30 лет он являлся ее фактически единственным владельцем с момента выхода первого номера 29 февраля (13 марта) 1876 г. Суворин, ежедневно находясь в редакции, прочитывал всю газету в столбцах. Всего за год он добился увеличения тиража в десять раз – до 15 тыс. экземпляров, который к 1905 г. составлял уже 40 тыс. Чтобы обеспечить выросший спрос, для собственной типографии издания в Париже приобрели скоропечатную машину, способную печатать 6–8 тыс. листов в час. Спустя два года закупили четыре ротационные машины, позволившие увеличить ширину полосы с 6 до 8 столбцов и скорость печати до 20 тыс. листов в час. Наконец, в 1885 г. при типографии появилась фотоцинкографическая мастерская². Это дало возможность издавать иллюстрированное приложение к газете и даже заверстывать изобразительные материалы на полосу.

В 1901 г. Суворин покинул «Новое время», а редакторство перешло в руки Ф.И. Булгакова и сына Алексея Сергеевича – Михаила. В результате, по воспоминаниям одного из сотрудников газеты, помещаемый в ней материал стал бессистемным и случайным, «исчезло и постоянство редакторской власти»³. Это утверждение явно неверное, поскольку и при А.С. Суворине на страницах газеты, иногда даже и в одном конкретном номере, можно было обнаружить спектр различных мнений по какому-либо вопросу. Основным достоинством издания всегда оставалась его высокая степень информированности о внешнеполитических вопросах и международных проблемах в целом. Залогом этого являлась созданная Сувориным служба собственных корреспондентов в ряде стран Европы и тесные связи с ответственными чиновниками ряда департаментов в России.

«Новое время» выходило в двух изданиях, из которых первое поступало в розницу около 7 часов утра, второе – в 10 часов. Незначительные различия заключались в обновлении официальной информации и поступлении новых телеграмм. Оба издания выходили с одинаковым количеством листов в номере, в одинаковом формате и с «Иллюстрированным приложением». Газета имела сплошную двойную нумерацию – от начала года и от начала издания Сувориным. Датировка давалась и по старому, и по новому (в скобках) стилю. Купить «Новое время» в Петербурге можно было в розницу на улице, в книжном магазине Суворина, в конторе издательства или оформить подписку (на месяц, несколько месяцев, год). Годовая подписка стоила немалых денег – 14 руб. (в других городах – 17 руб., за границей – 32 руб.). По оценке исследователя отечественной прессы, «газета была самой дорогой из всех российских газет», и цена годового абонемента оказывалась не по карману «для людей с небольшим достатком». По словам самого Суворина, «рабочие “Новое время” не читают»⁴.

Количество страниц в каждом номере – 6 или 8 – зависело от объема рекламы, и именно она делала издание прибыльным. Почти половину первой страницы занимала реклама книг, выпускаемых издательством А.С. Суворина, лекарств и парфюмерии, конди-

¹ Калужная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М., 1978.

² Динерштейн Е.А. А.С. Суворин: Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 56, 59, 62.

³ Снесарев Н. Мираж «Нового времени»: почти роман. СПб., 1914. С. 67.

⁴ Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал, конец XIX в. – 1914 г. М., 1984. С. 45.

терских изделий, анонсы театральных постановок и концертов, различные объявления, в том числе о смерти и похоронах. На двух последних страницах газеты публиковались частные объявления (например, о найме кухарки, гувернантки, конюха и пр.). Часть первой полосы газеты отводилась для публикации официальных материалов: правительственных сообщений, указов императора, документов государственных ведомств, телеграмм. Дважды в неделю – в среду и в субботу, когда выходило «Иллюстрированное приложение», объем номера увеличивался до 16 страниц.

Количество колонок на полосе – 7–8 – могло меняться от номера к номеру и зависело от объема материала. Но сравнительно стабильным было его размещение по рубрикам, которые создавали структуру номера. В каждом имелся раздел «Телеграммы РТА» (Российского телеграфного агентства), «Телеграммы наших корреспондентов», обычно печатавшиеся на второй (иногда третьей) полосе и занимавшие 1–1,5 колонки. Для каждого сообщения указывались дата и город, из которого поступала телеграмма. В этих разделах сосредоточивалась большая часть оперативной информации. Кроме того, она имела в рубрике «Внешние известия», где публиковались сообщения из иностранных газет. Как правило, это были наиболее солидные и известные европейские и американские издания: Daily Telegraph, Morning Post, Journal des Debats, Le Figaro, Matin, Berliner Anzeiger, Hamburger Nachrichten, Reuters, Associated Press и др.

Телеграммы агентств и сведения из иностранных газет служили основой для аналитических статей. Прежде всего речь идет о передовицах. Особенностью «Нового времени» являлось наличие двух передовых статей, одна из которых имела тематический заголовок. Передовые статьи дают возможность выявить отношение редакции газеты к событиям, проследить подвижки в ранее заявленной точке зрения. Вместе с тем ассоциировать сформулированные в передовице тезисы с позицией газеты в целом было бы неточным. Иные взгляды на происходящее можно обнаружить в разделе «Внешние известия», в котором помещались статьи корреспондентов газеты из Лондона, Берлина, Вены, Парижа, Рима. Авторские оценки прослеживаются также в небольших заметках или в фельетонах, помещавшихся в так называемом «подвале».

Особое место среди материалов «Нового времени» занимает рубрика «Маленькие письма», автором которых являлся Суворин. Эти самостоятельные литературные произведения, отражавшие личную позицию публициста, на страницах газеты печатались не регулярно, но тогда, когда у Суворина появлялась потребность высказаться по тому или иному вопросу. Зачастую носившие полемический характер, разные по объему, они занимали колонку или полторы, как правило, на второй полосе. Письма, имевшие сплошную нумерацию римскими цифрами, в наши дни были изданы отдельной книгой⁵.

Ограниченные рамки статьи позволяют лишь пунктиром обозначить основные вехи информационной картины в «Новом времени» о движении «боксеров» от первых телеграфных известий в мае 1900 г. до «Правительственного сообщения» 20 августа об отзыве посланника России из Тяньцзиня и вывода русских войск из Пекина.

Оперативная информация о событиях в Китае поначалу появилась на страницах газеты во второй декаде мая 1900 г. в рубрике «Телеграммы». В первые дни основными пунктами, откуда поступали сведения, являлись Пекин, Тяньцзинь, Шанхай. Затем на протяжении всего рассматриваемого периода в этой рубрике печатались телеграммы из Чифу, Токио, Гонконга, Лондона, Берлина, Вены, Парижа, Рима, Вашингтона и др. Они стали особенно важны после того, как в первых числах июня телеграфное сообщение между Тяньцзинем и Пекином было прервано. Следует отметить, что поступление информации с Дальнего Востока затруднялось ввиду отсутствия у России собственного подводного кабеля и наличия договора (действовавшего до августа 1902 г.) с иностранными компаниями, имевшими монопольные концессии на русские телеграфные линии.

С момента появления первых известий о действиях «боксеров» – поджогах и разрушениях зданий, нападениях на иностранцев, убийств их и принявших христианство китайцев,

⁵ Алексей Суворин. В ожидании века XX. Маленькие письма, 1889–1903 гг. М., 2005.

по телеграммам ясно прослеживается, как нарастает тревога в Петербурге. 14 мая⁶ в газете сообщалось о ноте китайского правительства к дипломатическому корпусу в Пекине, в которой давалось обещание «совершенно подавить секту “Большого кулака” во всем Китае». На следующий день стало известно о решении дипломатического корпуса потребовать от Цзун-ли-ямыня⁷ сообщить о принятых правительством мерах.

Еще день спустя читатели узнали о разрушении повстанцами железнодорожного полотна и разрыве сообщения между Тяньцзинем и Пекином, движении их на столицу и разрастании восстания. 20 мая поступили сведения о согласии Цзун-ли-ямыня на присылку иностранных войск для охраны миссий в Пекине, против чего поначалу он возражал.

Здесь уместно коснуться вопроса о терминологии, употреблявшихся в корреспонденциях применительно к участникам народного восстания в Китае. Определения колебались в интервале от слов «чернь», «толпа туземцев», «бунтовщики», «скопища мятежников» до «шайка» или «секта» «Большого кулака». Употребление того или иного из них зависело от источника информации. В собственных материалах «Нового времени» – передовицах, авторских статьях и очерках – использовались в основном понятия «смута», «преступные замыслы мятежников», «движение против иностранцев», «боксерское движение».

Впервые передовая статья «События в Китае» появилась на второй полосе газеты 23 мая. В ней формулировались два важных положения: о том, что «“Большой кулак” – секта ожесточенно-враждебная всем иностранцам, этим бледным варварам Запада», и о призывах большинства органов европейской печати «к единодушному согласованному действию всех заинтересованных держав в недоразумениях в Китае». В этом контексте отметим, что уже на следующий день в традиционном разделе газеты «Внешние известия» появилась специальная рубрика «Державы и Китай». В ней помещалась оперативная информация, получаемая иностранными изданиями по своим каналам, а также интервью с государственными, общественными и религиозными деятелями, пространные выдержки из статей западноевропейских и других газет о китайских событиях, комментарии к ним. Так, резюмируя информацию лондонского агентства из Шанхая о сосредоточении у фортов порта Дагу иностранных военных судов, «Новое время» заявляло: «Энергичные меры против боксеров тем более необходимы, что и в других частях Китая происходят факты, весьма опасные для европейцев».

26 мая «Новое время» публикует передовую статью «Волнения в Китае», в которой впервые четко сформулирована позиция газеты: «Большой кулак» – не частное явление, созданное фанатиками, ожесточенно-враждебное по отношению к иностранцам, оно стало ответом на вторжение их вглубь Китая, ответом жестоким, но, по определению автора статьи, «до некоторой степени заслуженным». В этом же номере помещена первая из карикатур на эту тему «Долой цивилизацию!», где удачно обыграно и ясно выражено графически самоназвание отрядов восставших – огромный китаец в свирепой ярости гвоздит огромным кулаком чужеземца.

В дальнейшем на протяжении мая-августа «Новое время» регулярно публиковало передовые статьи о происходящем в Китае. Они позволяют не только проследить динамику событий, но и оценку их редакцией газеты, прежде всего с точки зрения интересов России, а также выявить отношение к политике западноевропейских держав, Японии и США. В дальнейшем на протяжении мая-августа на страницах газеты появилось 47 передовых статей (дважды по две в одном номере) в подавляющем большинстве под нейтральными заголовками. Но в некоторых случаях в названии передовых четко формулировалась позиция «Нового времени»: «Китай и наши задачи» (3 июня), «Что делать в Китае дальше» (26 июня), «Мятеж или война?», «Наш путь» (4 июля), «Война ли?» (5 июля), «Что нам нужно в Китае?» (21 июля), «Китайский кризис для России и для прочих держав» (5 августа), «Тяжба народов» (15 августа), «Русская политика в Китае» (20 августа).

⁶ Даты даются по старому стилю.

⁷ Министерство иностранных дел Китая.

Рост масштабов движения встревожил Англию, Германию, Францию, Россию, Японию и США, потребовавших от цинского правительства принять решительные меры для борьбы с восставшими и обеспечить безопасность и имущество иностранцев. Для охраны дипломатических миссий готовили десантные отряды. В порту Дагу стояло 8 английских военных кораблей, 6 русских, 3 французских, по 2 германских, американских и итальянских и один австро-венгерский. «Новое время» поместило схему размещения кораблей на рейде. Западные державы предлагали немедленно перейти к военным мерам, а на совещании посланников в Пекине барон К.Ф. Кеттлер даже заявил, что «наступило время поставить ребром вопрос о разделе Китая». Но пока ограничились решением просить правительства прислать дополнительные войска.

Тем временем с кораблей высадили десанты, и 28 мая газета сообщила, что сводный отряд держав под командованием английского адмирала Эд. Сеймура двинулся по железной дороге на Пекин, рассчитывая легко и быстро расправиться с восставшими. Газета подробно сообщала читателям о маршруте следования, засадах и нападениях восставших на отряд.

Перепуганная размахом народного недовольства и угрозами иностранцев китайская верхушка 1 (14) июня 1900 г.пустила отряды восставших в Пекин. Между тем телеграфная, почтовая и железнодорожная связь китайской столицы с миром была прервана, а иностранные дипломатические миссии оказались в осаде. Это дало европейским державам предлог для широкомасштабного военного вмешательства. 4 (17) июня державы захватили крепость Дагу, что открывало дорогу к Тяньцзиню. Между тем продвижению препятствовало разрушение восставшими железных дорог, поджоги и убийства христиан и иностранцев. Из многочисленных материалов разных рубрик читатель узнавал подробности о происшедшем и мог дополнить впечатления, рассматривая размещенные на полосе схемы, карты, рисунки, карикатуры.

Россия также направила войска в Китай. Во всех передовых и иных статьях «Нового времени» подчеркивалось намерение помочь правительству богдыхана в подавлении беспорядков, выделялась особая позиция России, мотивированная желанием сохранять и впредь добрососедские отношения с Китаем и уважение законной власти в стране. Вместе с тем в ряде материалов сообщалось о разногласиях в верхах при дворе императрицы-регентши и среди чиновников, часть которых в своих интересах поддерживала восставших.

Из-за разрушения телеграфных и железнодорожных линий поступающая в Петербург информация из Китая была отрывочной и иногда неточной. Особенно беспокоила всех судьба посланников, оказавшихся в заточении в дипмиссиях в Пекине. В «Иллюстрированном приложении» к газете были помещены фотографии посланников, виды зданий русской и британской миссий.

Как известно, одной из причин народного негодования являлись действия европейских миссионеров. По условиям Тяньцзиньского договора 1858 г. они получили возможность распространять христианство по всей Китайской империи, и к 1900 г. там действовало около пятисот миссионерских станций. В передовой статье «Нового времени» от 10 июня «Западноевропейские миссионеры» говорилось: «В современной действительности миссионер является как бы пионером вторгающихся за ним иноземной торговли и иноземного вмешательства. За миссионерами следуют пушки». Поэтому, утверждал отечественный публицист, миссионеры в глазах китайцев ассоциировались с торговцами и политическими деятелями, которых в народе не только не жаловали, но считали врагами. Визуально этот тезис раскрывался в опубликованной несколько дней спустя карикатуре Соколовского «Зловещий миссионер». Она напоминала об убийстве немецких миссионеров.

Кроме того, «Новое время» перепечатало из иностранных изданий два интервью с католическим пастором Анцером (его портрет читатели могли увидеть в «Иллюстрированном приложении»), который прожил в Китае более 20 лет и хорошо представлял ситуацию. Газета называла причинами нынешней смуты нарушение иностранцами строя жизни в Китае, навязывание своих представлений о цивилизации. Во многих статьях подчеркивалось,

что китайская цивилизация, достижения и заслуги которой неоспоримы, гораздо древнее европейской, греческой и римской.

Вместе с тем Анцер обращал внимание на факты вступления Цинской империи в новый период политических, экономических и социальных перемен и обострения соперничества европейских держав за Китай как рынок сбыта для своей продукции. Позже эти положения были развиты в передовой статье «Нового времени» от 3 июня «Китай и наши задачи». В том же номере в рубрике «Державы и Китай», откликаясь на предложение Times о совместных действиях с Англией, «Новое время» сформулировало тезис, который позже не раз ретранслировался в других статьях: о полном праве России действовать самостоятельно в Маньчжурии и готовности в других пунктах Китая поступать сообща с европейскими державами. При этом подчеркивалось, что это точка зрения Петербурга, т.е. правительственная.

Тезис о правомерности изолированных действий Петербурга нашел отражение в статье «Россия и Китай», опубликованной 8 июня. В ней акцентировались два аспекта: особые интересы России, основанные на добрососедстве и обоюдных выгодах, и уверенность в том, что «Европа расплачивается в Китае за свои грехи». Это последнее положение визуализировала помещенная в том же номере карикатура Соколовского «Кулак и Европа». Диалектику столкновения художник показал в виде удара кулака по символизирующему Европу ежу, который оцетинился штыками. Те же положения об особой роли России развивались в новой рубрике «Русско-китайские дела». В структурном отношении она с 11 июня стала постоянной и размещалась на второй полосе, занимая две-три колонки.

По мере осложнения ситуации объем оперативной и аналитической информации растет и занимает почти целиком пространство второй и третьей полос. Это позволяло читателям шаг за шагом следить за развитием событий. 4 июня им стало известно об отправке посланниками гонцов в Тяньцзинь с требованием прислать в Пекин по две тысячи человек от каждой державы для охраны миссий. 8 июня в передовой статье «События в Китае» формулировалась главная задача России – «выручить посольства» и публиковалась карта посольского квартала. В тот же день сообщалось о занятии коллективным десантом фортов Дагу после семичасового боя.

8 (21) июня 1900 г. императорским указом державам объявлялась война. В опубликованном в «Новом времени» 11 июня «Правительственном сообщении» вступление русских войск на территорию соседнего государства объяснялось не враждебными целями, а желанием «оказать существенную помощь пекинскому правительству в борьбе с мятежниками и ускорить восстановление в империи законного порядка вещей в интересах самого Китая».

Правда, Лондон пытался добиться согласия Петербурга и Берлина на предоставление Японии особых прав в подавлении восстания, рассчитывая превратить ее не только в ударную силу, но и в заслон против России. Петербург и Берлин каждый по своим причинам совместно сорвали план Лондона. Из-за погромов на КВЖД и обстрела Благовещенска царское правительство в июле 1900 г. ввело в Маньчжурию войска, заверив при этом державы во временном характере этой меры.

11 июня из передовой статьи читатели «Нового времени» узнали о движении международного отряда на Тяньцзинь и намерении держав затем направиться освободить Пекин, план которого был опубликован. В передовой за 16 июня вновь подчеркивалось, что движение войск к столице со стороны России диктуется не намерением начать войну с Китаем, а долгом оказать помощь в борьбе с мятежниками. В течение следующей недели сообщались как достоверные факты, в том числе информация об убийстве 5 июня барона Кеттлера, о судьбе отряда Сеймура, так и непроверенные слухи об участии посланников, осажденных в Пекине.

7 июля поступили известия о взятии Тяньцзиня, главным образом русскими войсками, как о втором успехе после занятия Дагу и начале работ по восстановлению железной дороги в Пекин. Вместе с тем в передовице «Диссонансы», опубликованной на следующий день, анализировались причины крупных жертв и больших затрат времени на занятие города, обсуждавшиеся в западной печати. «Новое время» видело их в отсутствии единства и согла-

сованных действий держав, имевших разные интересы. 9 июля читатели узнали успокоительные вести о судьбе посланников в Пекине, а позже о том, что, захватив и разграбив в середине июля Тяньцзинь, иностранные войска начали поход на столицу. Официальной целью беспрецедентной международной интервенции провозглашалось только освобождение дипломатических миссий.

Опасаясь приближения отряда, китайские сановники задумали обратиться к посредничеству Франции, Германии и США для восстановления нормальных отношений с державами. Читатели узнали об этом из передовицы «Посредничество в китайском вопросе» от 13 июля. Редакция газеты призналась в неосведомленности о взаимоотношениях императора, императрицы-регентши, высших сановников и в целом об истинном положении дел во дворце, а также об отношении правящей верхушки к руководителям «боксерского движения».

Вместе с тем до начала переговоров «Новое время» предлагало выяснить, не хитрят ли китайцы, чтобы выиграть время, и потребовать ясных доказательств того, что посланники живы, возможности связи с ними и заверений в готовности властей сотрудничать с освободительной экспедицией. В опубликованной на следующий день статье «К характеристике китайской политики» открытым текстом указывалось на «коварные замыслы» властей, их двурушничество и потворство действиям «боксеров», которых рассчитывали использовать в борьбе с «иностранными дьяволами».

Не владея достоверной информацией о внутривластных и дворцовых интригах, в газете верно отмечались факты, которые позволяли фиксировать двойственность политики правящей верхушки. С согласия сторонников опереться на восставших отряды ихэтуаней в начале июня вошли в Пекин и осадили иностранные миссии. В то же время антиихэтуаньская оппозиция призывала правительство применить против повстанцев оружие. Объявляя войну державам, императрица Цыси и ее сторонники планировали, поставив отряды восставших под контроль цинских чиновников, победить иноземцев, выдворить их из Китая и укрепить собственную власть.

Вместе с тем в различных статьях газеты в середине-конце мая проводилась мысль о необходимости твердых, но гибких действий европейской дипломатии для поисков разрешения кризиса. 17 июля на страницах «Нового времени» читатели увидели первое из серии «Маленьких писем» Суворина о событиях в Китае и вокруг него, и до 2 сентября их было опубликовано 14. Каждое из писем появлялось в конкретной ситуации, являвшейся для публициста поводом высказать свою позицию. Несколько важных тезисов пронизывают все письма, объединяя их в общую картину представлений Суворина о целях и задачах внешней политики России и международных отношений в целом.

Первый из тезисов: Россия и Китай граничат на огромном пространстве, и поскольку ни овладеть им, ни избавиться от него нельзя, «нам необходимо сохранить с ним соседские отношения», ибо «Китай нам не враг». Второй тезис логично вытекал из первого: у Европы и России разные отношения и исторический опыт общения с Китаем, следовательно, Россия должна сохранять там свободу действий, а не плестись в хвосте у Европы. Третий тезис: после освобождения посольств в Пекине «свое дело мы кончили», и поэтому русские войска покинут столицу Поднебесной. Наконец, Китай не следует делить между державами, а для России гораздо полезнее, чтобы Маньчжурия оставалась китайской областью, но с русской железной дорогой. Она принесет жителям пользу и примирит их с нею. А ближайшая задача России – закончить Сибирскую дорогу и получить выход в Тихий океан через ближайший к нему порт.

Основные из этих положений нашли отражение в передовой «Россия и Китай» от 21 июля, после публикации статьи в «Правительственном вестнике», и второй передовой «Что нам нужно в Китае» в том же номере «Нового времени». В передовице «Движение на Пекин» за 28 июля зафиксирован новый фазис в развитии событий – начавшийся 22 июля (4 августа) поход международного корпуса на столицу. 4 (15) августа императрица с

ближайшим окружением и император покинули Пекин, из которого также ушли отряды ихэтуаней.

Несколько дней спустя читатели «Нового времени» узнали, что весь состав русской миссии во главе с посланником М.Н. Гирсом выехал в Тяньцзинь, поскольку в столице Цинской империи отсутствовала верховная власть, ко двору которой он был аккредитован. В передовой «Отъезд посланников из Пекина» от 30 июля утверждались два положения: теперь начнутся переговоры, но вопрос о Маньчжурии – «дело России и других не касается».

Десять дней спустя, захватив китайскую столицу, разделенную командованием на подведомственные державам зоны, интервенты в течение нескольких дней ее разграбили. Особенно пострадали императорские дворцы с бесценными произведениями китайской и мировой культуры, но об этом читатели газеты в те дни не узнали. В передовицах от 5, 6 и 7 августа утверждалось, что после взятия Пекина Россия достигла цели – освободить посланников, теперь следует заняться обеспечением Маньчжурской железной дороги и ее достройкой и для окончательного разрешения кризиса державы могут проводить совещания, но форма проведения международной конференции неприемлема.

В информационных материалах и статьях до конца августа сообщалось множество подробностей о подготовке и взятии Пекина, о расправах в императорском дворце, о действиях других держав, их намерении получить вознаграждение. 20 августа в передовой статье «Русская политика в Китае» «Новое время» прокомментировало правительственное сообщение и циркуляр МИД к российским представителям за границей, в которых определялась политика России к событиям на Дальнем Востоке и намечался путь к разрешению кризиса. Позиция газеты формулировалась четко: отъезд из Пекина богдыхана, императрицы-регентши и Цзун-ли-ямыня «делает ненужным пребывание в этом городе дипломатических миссий». Поэтому русское правительство отзывало в Тяньцзинь своего посланника и свои войска, ибо, не сделав этого, «Россия вышла бы из пределов той задачи, которую она себе заранее поставила».

В Петербурге надеялись, что в переговорах с Пекином можно будет опереться на помощь известного сановника Ли-Хун-Чжана, умного, опытного, хитрого дипломата и государственного деятеля. О его жизни и деятельности в газете опубликовали большую статью, поместили портрет и даже карикатуру. Вместе с тем заявлялось о готовности вести переговоры с законным китайским правительством. И, наконец, выражалась надежда на то, что «примеру России последуют все заинтересованные правительства, обещающие поддержку общего согласия».

Но Пекин покинули только русские войска. 27 августа (7 сентября) императорским указом главными виновниками событий объявлялись ихэтуани, с которыми войскам предписывалось беспощадно расправляться. После падения столицы восстание фактически завершилось. Позже по требованию Лондона и Берлина многих руководителей движения приговорили к казни или самоубийству.

Наиболее остро противоречия между державами выявились в ходе Пекинской конференции посланников, на которой выработывался проект мирного договора с цинским правительством. Переговоры начались в октябре 1900 г. и длились десять месяцев, пока интервенты согласовывали условия «умиротворения» Китая и получения «вознаграждения» за понесенные в ходе военных действий убытки.

17 (30) декабря 1900 г. цинское правительство приняло коллективную ноту держав с условиями мира. Берлин, чтобы добиться уступок, предпочитал запугать китайское правительство, и к тому же западноевропейское общественное мнение требовало возмездия. Для наказания виновных в беспорядках и убийстве Кеттлера народное восстание в Китае было жестоко подавлено. В ходе карательных экспедиций русские войска не участвовали. Особенно жестко действовали немцы. Возглавлявший международный отряд фельдмаршал гр. А. Вальдерзее получил напутствие кайзера Вильгельма II: «Пощады не давать, пленных не брать». Отношение «Нового времени» к действиям бравого вояки нашло визуальное выражение в карикатуре «Крестonosцы».

Разногласия между «освободителями» о сумме и источниках возмещения убытков затягивали переговоры. Вопрос о распределении долей платежей окончательно согласовали лишь в июне 1902 г. Правительство Поднебесной империи обязывалось выплатить оккупантам огромную контрибуцию в 450 млн таэлей (67,5 млн фунтов стерлингов или 650 млн руб.). Значительная ее часть пришлось на долю Англии и Германии.

Отношение газеты к политике этих держав однозначно прочитывается в помещенной на ее страницах в ноябре 1902 г. карикатуре Соколовского «Друзья». Зритель видел, как британский лев и германский орел, злобно косясь друг на друга, закогтили труп китайца. Изобразив Англию и Германию в образе делящих добычу хищников, художник именно на них возлагал ответственность за закабаление Китая.

В совокупности информация, имеющаяся в «Новом времени» создает объемное представление как о самом явлении, так и о его оценках газетой и тех тезисах, которые внушались читателям-современникам. Благодаря этим материалам отечественный читатель мог следить за ходом событий и формировать к ним свое отношение. Здесь важно отметить и оценку значимости газеты ее владельцем – редактором. В одном из «Маленьких писем» в конце декабря 1900 г. он опровергал утверждение о том, что в Европе «Новое время» называли правительственным органом. «Правительственной или официозной газетой мы никогда себя не считали, и права на это никакого не имели и иметь не будем – писал Суворин, – Да и самому русскому правительству... было бы совсем неинтересно, если бы мы повторяли или резюмировали канцелярии». Публицист утверждал, что «Новое время» «было государственной газетой. В том отношении, что всегда стояло за русские интересы и говорило о всех вопросах и явлениях русской жизни с той искренностью, какая была возможна».

Литература

Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал, конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.

Динерштейн Е.А. А.С. Суворин: Человек, сделавший карьеру. М.: РОССПЭН, 1998. 374 с.

Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М.: Наука, 1978. 363 с.

Снесарев Н. Мираж «Нового времени»: почти роман. СПб.: тип. М. Пивоварского и И.А. Типографа, 1914. 135 с.

Суворин Алексей. В ожидании века XX. Маленькие письма, 1889–1903 гг. / сост., подгот. текстов, вступ. ст. А. Романенко. М.: Алгоритм, 2005. 1021 с.

References

Bohanov, A.N. (1984). *Burzhuznaya pressa Rossii i krupnyy kapital, konets XIX v. – 1914 g.* [The Bourgeois Press of Russia and Big Capital, the End of the 19th Century – 1914]. Moscow, Nauka. 152 p.

Dinershteyn, E.A. (1998). *A.S. Suvorin: Chelovek, sdelayshiy kar'eru* [A.S. Suvorin: A Man Who Has Made a Career]. Moscow, ROSSPEN. 374 p.

Kalyuzhnaya, N.M. (1978). *Vosstanie ikhetuaney (1898–1901)* [The Ihetuan Rebellion (1898–1901)]. Moscow, Nauka. 363 p.

Snesarev, N. (1914). *Mirazh "Novogo vremeni": pochtii roman* [The Mirage of the "Novoye Vremya": Almost a Novel]. St. Petersburg, Tipografiya M. Pivovarskogo i I.A. Tipografa. 135 p.

Romanenko, A. (Comp.), Suvorin, Aleksey. (2005). *V ozhidanii veka XX. Malen'kie pis'ma, 1889–1903 gg.* [Waiting for the 20th Century. Little Letters, 1889–1903]. Moscow, Algoritm. 1021 p.

Сунь Ичжи*

МОНАРХИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА «ШАНХАЙСКОЕ НОВОЕ ВРЕМЯ» И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ (1921–1925 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-14
УДК 070(510.2)+314.743(=161.1)

Выходные данные для цитирования:
Сунь Ичжи. Монархическая газета «Шанхайское новое время» и русская эмиграция (1921–1925 годы) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 162–178.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-14.pdf>

Sun Yizhi*

MONARCHIST NEWSPAPER “SHANKHAYSKOYE NOVOE VREMYA” (“THE SHANGHAI NEW TIMES”) AND RUSSIAN EMIGRE (1921–1925)

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-14

How to cite:
Sun Yizhi. Monarchist Newspaper “Shankhayskoye Novoe Vremya” (“The Shanghai New Times”) and Russian Emigre (1921–1925) // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 162–178. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-14.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the Russian monarchist newspaper “Shankhayskoye Novoe Vremya” (“The Shanghai New Times”). A comprehensive analysis of the content, political orientation, and attitude of the editorial board to world powers, local authorities, and other emigre organizations in Shanghai was carried out. The analysis of the editorial policy of the newspaper shows that from 1921 to 1925 the editor-in-chief, E.K. Gedroitz, had full control over the newspaper. Splits within the editorial board always led to a departure of those people who were opposed to the editor-in-chief’s policies. Under the pseudonyms Maria Zvezdich and Marsel Ferry, E.K. Gedroitz pursued a pro-monarchist policy in support of Nicholas Nikolaevich. At the same time, the editorial board welcomed the rise of the Italian Fascists and believed that for Russia too, fascism was a valuable method of restoring the monarchy. Close contact was established with Russian Fascist organisations in Europe. E.K. Gedroitz and the editorial board of “Shankhayskoye Novoe Vremya” were negatively disposed towards other Russian newspapers in Shanghai, and there were several splits within the editorial board during 1922–1925. The editorial board had an ambivalent attitude towards V.F. Grosse and the Bureau of Russian Affairs. However, after the liquidation of the Russian Affairs Bureau, E.K. Gedroitz stopped doubting the correctness of the actions of the former Consulate-General and began to fully support V.F. Grosse and his activities.

Keywords: Shanghai, China, Émigré Periodicals, Russian Émigré, Russian Émigré in China, E.R. Gedroits.

The article has been received by the editor on 11.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена русскоязычной монархической газете «Шанхайское новое время». Проведен комплексный анализ содержания, политической ориентации, отношения редакции к мировым державам, местным властям, а также к другим эмигрантским организациям Шанхая. Анализ политики редакции газеты показал, что в течение 1921–1925 гг. главный редактор Е.К. Гедройц имела полный контроль над газетой. Расколы внутри редакции всегда означали уход тех людей, которые были противниками политики главного редактора. Под псевдонимами Мария Звездич и Марсель Ферри Е.К. Гедройц вела промонархическую политику в поддержку Николая Николаевича. Одно-

* Сунь Ичжи, лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: yizhisun961203@gmail.com

Sun Yizhi, Assistant Researcher, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: yizhisun961203@gmail.com

временно редакция приветствовала возвышение итальянских фашистов и считала, что и для России фашизм является ценным методом восстановления монархии. Был налажен тесный контакт с русскими фашистскими организациями в Европе. Е.К. Гедройц и редакция газеты «Шанхайское новое время» отрицательно относились к другим русским газетам в Шанхае, а также внутри редакции в течение 1922–1925 гг. произошло несколько расколов, в результате из редакции вышли В.С. Валь, Н.Ц. Грудзинский, Н.В. Колесников и др. Неоднозначное отношение у редакции было к В.Ф. Гроссе и Бюро по русским делам. Однако после признания СССР Китайской Республикой и ликвидации Бюро по русским делам Е.К. Гедройц перестала сомневаться в правильности действий работников бывшего Генконсульства и начала всесторонне поддерживать В.Ф. Гроссе и его деятельность.

Ключевые слова: Шанхай, Китай, эмигрантская периодика, русское зарубежье, русская эмиграция в Китае, Е.К. Гедройц.

Статья поступила в редакцию 11.11.2022 г.

Эмигрантская периодика является одним из важных наследий русского зарубежья. В связи с отсутствием особой цензуры и контроля со стороны русскими эмигрантами по всему миру издавались газеты и журналы различной политической ориентации – от большевистской до монархической.

В Шанхае как центре сосредоточения информационных потоков Восточной Азии изначально были сильны журналистские традиции. Прибывшие после революции 1917 г. русские эмигранты быстро адаптировались в новых условиях и открыли множество русскоязычных газет. Уже с 1918 г. в англоязычной газете «Shanghai Gazette» появился так называемый «русский отдел», имевший индивидуальную шапку «Шанхайская газета». В течение первой половины 1920-х гг., до появления в 1925 г. виднейшей газеты «Шанхайская заря», выходило свыше десятка русскоязычных газет¹. Не все они сохранились до наших дней, и названия некоторых мы можем узнать лишь по репортажам.

Среди всех издававшихся русскоязычных газет в Шанхае в 1918–1925 гг. самыми важными были, с одной стороны, выразители большевистских идей – «Шанхайская жизнь» и «Новая шанхайская жизнь», и, с другой стороны, «Шанхайское новое время», являвшееся лагерем русских монархистов. В связи с интенсивным развитием исследований по истории КПК шанхайская большевистская пресса была детально проанализирована в многочисленных работах, среди которых стоит упомянуть статью специалистов по истории КПК Ли Даньян (李丹阳) и Лю Цзяньи (刘健一)².

Совсем иная ситуация сложилась в исследовании ранней белоэмигрантской прессы. Как мы уже упомянули выше, многие газеты не сохранились до наших дней. До сих пор исследователи не могут назвать точное количество изданий белоэмигрантской прессы в Шанхае с 1918 по 1925 г. Виной тому, вероятно, мелкая типографская ошибка, допущенная при печати известного фотоальбома «Русские в Шанхае» В.Д. Жиганова³. В своем фотоальбоме В.Д. Жиганов привел краткие описания всех существовавших на тот момент русских организаций в Шанхае, и, согласно оглавлению, на страницах 105–110 должен был быть напечатан очерк «Русская пресса и русские литературные объединения в Шанхае», который

¹ Согласно сведениям от 1 ноября 1924 г., уже девять русскоязычных газет в Шанхае, существовавших с 1918 по 1924 г., перестали выпускаться. Если прибавить еще существовавшие в тогдашнее время газеты, то общее количество выпущенных русскоязычных газет с 1918 по 1925 г. превышает 10 изданий. См.: Шанхайское новое время. 1924. 1 нояб.

² 李丹阳 (Ли Даньян), 刘健一 (Лю Цзяньи). 《上海俄文生活报》与布尔什维克早期在华活动 («Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае) // 近代史研究 (Исследование Новой истории). 2003. № 2. С. 1–43.

³ Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. Шанхай, 1936.

раскрывал бы общие черты развития русскоязычной журналистики в этом городе. Однако эти страницы в экземплярах фотоальбома отсутствуют.

Отсутствие очерка в фотоальбоме В.Д. Жиганова и плохая сохранность ранних газет не позволяли исследователям детально проанализировать эту проблематику. Известный ученый Ван Чжичэн, используя разрозненные материалы из различных источников, с трудом восстановил 15 названий газет до 1925 г. (среди них 13 белоэмигрантских), однако ему удалось дать им только общую характеристику⁴. Через 20 лет после публикации монографии Ван Чжичэна в 2014 г. была выпущена монография владивостокского исследователя А.А. Хисамутдинова «Русская словесность в Шанхае». Однако в разделе о периодической печати ранняя русскоязычная пресса была освещена недостаточно детально⁵. В докторской диссертации исследователя П.Н. Базанова «Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции» также есть краткое упоминание о монархической политической печати в Шанхае⁶.

В данной работе предпринята попытка комплексного и детального анализа первого этапа развития монархической газеты «Шанхайское новое время» (1921–1925 гг.)⁷, главной линии политики ее редакции, а также отношений между редакцией и различными русскими организациями в Шанхае.

Бессменный главный редактор «Шанхайского нового времени» Е.К. Гедройц публиковалась под псевдонимами Мария Звездич, Марсель Ферри и Елена Славянская и была яркой сторонницей царизма. Согласно сведениям из исследований известного историка В.Г. Шароновой, журналистка родилась 10 мая 1890 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье и начала свою литературную деятельность в редакции «Нового времени» А.С. Суворина⁸. Сама Е.К. Гедройц на страницах русского отдела «Shanghai Gazette» писала, что 1920 г. был годом 15-летнего юбилея ее журналистской деятельности⁹. Таким образом, если верить словам журналистки, то в 1905 г. в 15-летнем возрасте и с большой вероятностью будучи гимназисткой она уже публиковалась в одной из крупнейших петербургских газет тогдашнего времени. Во время Первой мировой войны она была сестрой милосердия, в 1919 г. состояла в Осведверхе А.В. Колчака, в Шанхай прибыла весной 1920 г.

До начала издания данной газеты Е.К. Гедройц с 1920 г. занимала должность редактора в русском отделе «Shanghai Gazette» и уже в июне 1921 г. превратила отдел в полноценную газету «Новое время» – «орган независимой мысли, посвященный защите русских интересов за границей»¹⁰. Начиная с выпуска № 5 от 22 июня 1921 г. газета была переименована в «Шанхайское новое время», это название не менялось вплоть до ее ликвидации.

В передовой статье первого номера от 17 июня 1921 г. Е.К. Гедройц обозначила главную линию развития своей газеты. В ней пока не проявилась явная монархическая ориентация, а лишь упоминалось, что целью газеты является «защита русских интересов на Дальнем Востоке» и «служение дорогой Родине»¹¹.

В номере от 14 января 1922 г. редакция более подробно изложила свою политику. Газета объявлялась «беспартийной и строго национальной», а также обслуживающей исклю-

⁴ 汪之成 (Ван Чжичэн). 近代上海俄国侨民生活 (Жизнь русских эмигрантов в Шанхае Нового времени). Шанхай, 2008. С. 318–321.

⁵ Хисамутдинов А.А. Русская словесность в Шанхае. Владивосток, 2014. С. 68–69.

⁶ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. С. 232–244.

⁷ В 1925 г. в Шанхае произошло знаменитое Движение 30 мая, положение русских эмигрантов существенно улучшилось за счет замены китайских рабочих на заводах и фабриках. К тому же в середине года была основана известная газета «Шанхайская заря», принесшая в русскоязычную прессу новые силы и фундаментально изменившая журналистику.

⁸ Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М., 2013. С. 129.

⁹ Шанхайская газета (русский отдел «Shanghai Gazette»). 1920. 17 сент.

¹⁰ Новое время (Шанхай). 1921. 17 июня.

¹¹ Там же.

чительно «народные вопросы и русскую народную патриотическую армию» и стоящей «исключительно на защите интересов родины и русского народа»¹².

Хотя фактически первый номер «Шанхайского нового времени» вышел в июне 1921 г. и газета была отнюдь не самой старой русскоязычной прессой в Шанхае, Е.К. Гедройц всячески позиционировала свою газету как самую популярную и старейшую. Так, например, в англоязычной рекламе на первой полосе было написано, что «Шанхайское новое время» является первой русской ежедневной утренней газетой, созданной в Шанхае в 1918 г. и пользующейся большой популярностью¹³. Редакция уже в 1923 г. печатала под шапкой газеты фразу «IV год издания». Хотя газета и являлась ежедневной, однако количество выпущенных номеров к тому времени еще не достигло 600. Далее с ноября 1924 г. под шапкой уже фигурировала фраза «VI год издания», что удлиняло историю газеты еще на год. «Мифотворчество» Е.К. Гедройц основывалось на том, что газета «Шанхайское новое время» была наследницей русского отдела «Shanghai Gazette», созданного в 1918 г. Однако, как известно, Е.К. Гедройц стала редактором первой русской прессы в Шанхае только в 1920 г., до ее прихода состав редакции русского отдела «Shanghai Gazette» неоднократно менялся, в него входили в разное время большевики, эсеры и белогвардейцы. В крайнем случае Е.К. Гедройц могла удлинить историю своей газеты только на год, ее стремление считать историю «Шанхайского нового времени» с момента основания русского отдела «Shanghai Gazette» является более чем необоснованным.

Газета обладала определенной известностью в Европе. Так, например, после учреждения РЗИА временный руководитель Архива А. Гуревич направил официальную просьбу о высылке в адрес Архива номеров «Шанхайского нового времени»¹⁴. В Национальной библиотеке Чешской Республики также хранится личный номер «Шанхайского нового времени» генерала Е.К. Миллера от 1 ноября 1924 г., что подтверждает хождение газеты в высших кругах русской эмиграции в Европе.

С другой стороны, стоит отметить, что в начале издания, в конце 1921 – начале 1922 г., газета «Шанхайское новое время» на самом деле не имела достаточную известность в самом Шанхае. Свидетельством этому может стать статья известного социалистического журналиста, основателя газеты «Шанхайская хроника» и «Шанхайская жизнь» Г.Ф. Семешко в новогоднем номере «Шанхайской жизни» от 1 января 1922 г., где он критиковал все шанхайские белоэмигрантские газеты, перечислив только названия газет «Русское эхо» и «Русская свободная мысль» и «ряд бульварно-лубочных журнальчиков, выходящих не периодически»¹⁵.

Изначально «Шанхайское новое время» было ежедневным изданием, однако в конце ноября 1923 г. в связи с воспалением легких Е.К. Гедройц регулярный выпуск был прекращен. С начала декабря 1923 г. до середины марта 1924 г. вышло только три номера «Шанхайского нового времени»¹⁶. С марта до июля 1924 г. газета выпускалась еженедельно (иногда и через неделю). В номере от 19 июля 1924 г. было помещено объявление о том, что «в скором времени» газета «будет выходить каждый день»¹⁷. Однако этого не случилось. С августа до конца 1924 г. редакции удалось напечатать лишь 17 номеров¹⁸, в 1925 г. за весь год было выпущено только 35 номеров¹⁹.

¹² Шанхайское новое время. 1922. 14 янв.

¹³ «The first Russian daily morning newspaper established in Shanghai and the most popular one»; «The existence of this newspaper is counted since 1918 functioning regularly in this city and having the best connections with Hankow, Tientsin, Harbin and other principal towns in the Far East & Europe» («Первая российская ежедневная утренняя газета, основанная в Шанхае, и самая популярная»; «Существование этой газеты отсчитывается с 1918 года, она регулярно выходит в этом городе и имеет наилучшие связи с Ханькоу, Тяньцзинем, Харбином и другими крупными городами Дальнего Востока и Европы»). См.: Шанхайское новое время. 1923. 11 апр., 22 авг.; и др.

¹⁴ Там же. 1923. 22 нояб.

¹⁵ Шанхайская жизнь. 1922. 1 янв.

¹⁶ Шанхайское новое время. 1923. 3–4 дек. (№ 671); 1924. 21 марта (№ 675).

¹⁷ Там же. 19 июля.

¹⁸ Там же. 1924. 3 авг. (№ 691); 25 дек. (№ 707).

¹⁹ Там же. 1925. 7 янв. (№ 708); 25 дек. (№ 742).

Приостановка регулярного ежедневного выпуска сильно снизила влияние «Шанхайского нового времени» в Шанхае, а также отрицательно сказалась на способности редакции «Шанхайского нового времени» сопротивляться ударам критики во время конфликта с газетой «Россия» под редакцией Н.В. Колесникова, ушедшего из «Шанхайского нового времени» в конце 1924 г.²⁰ Первое время редакция «Шанхайского нового времени» зачастую не могла должным образом ответить на вызовы Н.В. Колесникова и проявила слабость в борьбе с ним и поддерживавшими его монархистами.

Одна болезнь Е.К. Гедройц не может объяснить приостановку регулярного выпуска «Шанхайского нового времени». С большой долей вероятности ключевой проблемой было отсутствие финансов. Сама главный редактор писала, что она находится «в крайнем тяжелом материальном положении» и отказывает себе во всем ради газеты²¹. Согласно словам А.И. Исакова, председателя Русского монархического общества «Вера, Царь и Народ», газета «Шанхайское новое время» «существует без субсидий»²².

Влияние Е.К. Гедройц в редакции было крайне велико. Она имела исключительные права на размещение материалов на полосах газеты²³ и рассматривала «Шанхайское новое время» как свое личное имущество, нередко называя ее «своей»²⁴. Поэтому изменения состава редакции в течение 1921–1925 гг. не влияли на политику газеты. Первое упоминание о сотрудниках редакции появилось в выпуске от 29 ноября 1922 г. Среди них были Гусев-Оренбургский²⁵, Апостолидис Констанда, Г. Клерже²⁶, М. Николаев, Н. Валь, М. Монгэн, Н. Немо и Омега, Г. Колкий, Свет-Волхов, Токкер и др.²⁷ Многие работники предпочитали публиковаться под псевдонимами, что затрудняет для историков задачу установления их личностей. В данном списке самым известным был Н. Валь, его настоящее имя – Валентин Сергеевич Валь. Он являлся одним из известных русских писателей и журналистов в Шанхае, основателем содружества русских работников искусства «Понедельник»²⁸.

В начале 1923 г. состав редакции подвергся изменениям. В новом составе редакции сотрудники в основном использовали свои настоящие имена: Н.В. Колесников, генерал Грудзинский, генералы Д.Н. и Н.У. Мартынов, Н. Баранов, С.Ц. Моряков, Н. Николаев, Г. Гендриков, П. Сосновский, Н. Валь, А. Ющенко, М. Звездич, Квятковский, М. Ферри, С.Ц. Гедройц²⁹. Среди упомянутых имен М. Звездич и М. Ферри были псевдонимами Е.К. Гедройц, а С.Ц. Гедройц был ее мужем. Данный состав редакции был в некотором смысле «военизированным» в связи с участием в нем достаточного количества военных. Также в него входил будущий основатель газеты «Россия» Н.В. Колесников, объявивший себя генштабистом. «Генерал» Н.Ц. Грудзинский был в действительности полковником, ротным командиром Хабаровского кадетского корпуса³⁰. Некоторые члены редакции отсут-

²⁰ Сунь Ичжи. Советский Союз, русское зарубежье и шанхайские власти в пропагандистской борьбе середины 1920-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 102–122.

²¹ Шанхайское новое время. 1925. 23 апр.

²² Архив Дома Русского Зарубежья (Архив ДРЗ). Ф. 2. К. 2. Ед. хр. 6. Л. 28.

²³ Шанхайское новое время. 1923. 26 июля.

²⁴ Там же. 1925. 23 апр.

²⁵ С.И. Гусев-Оренбургский – известный писатель, имевший тесные контакты с М. Горьким. С 1921 по 1923 г. находился в Харбине. См.: Прокофьева А.Г., Прокофьева В.Ю. Русские писатели – уроженцы Оренбургского края (XIX – начало XX вв.). М., 2019. С. 117–129. В действительности С.И. Гусев-Оренбургский, не будучи фанатом политики, не состоял в редакции «Шанхайского нового времени», а был членом редакции «Нивы». «Нива» – литературный журнал, издаваемый Е.К. Гедройц в Шанхае. См.: Шанхайское новое время. 1922. 4 дек.

²⁶ Г.И. Клерже – помощник начальника главного штаба в армии А.В. Колчака, начальник штаба атамана Семенова. С 1922 по 1927 г. состоял военным советником маршала Чжан Цзолина. В Шанхай прибыл только в 1935 г. См.: Жиганов В.Д. Русские в Шанхае... С. 279.

²⁷ Шанхайское новое время. 1922. 29 нояб.

²⁸ Жиганов В.Д. Русские в Шанхае... С. 111.

²⁹ Шанхайское новое время. 1923. 20 апр.

³⁰ Гаттенбергер П. С Амура на Дунай, трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса // Военная быль. 1974. № 126. С. 13–18.

ствовали в Шанхае. Так, например, Н.В. Колесников прибыл в Шанхай лишь в середине 1924 г.³¹

После внутреннего конфликта в середине 1923 г. (о нем речь пойдет позже) состав редакции подвергся реорганизации³². Однако имена членов нового состава не были опубликованы.

Хотя официально газета была «беспартийной», на самом деле политическая ориентация редакции четко прослеживается по опубликованным материалам. В первое время, до ликвидации белого Приморья в конце 1922 г., «Шанхайское новое время» фактически являлось органом приморских белых правительств в Шанхае, причем опора была сделана именно на самую консервативную часть белого Приморья – на монархические движения и организации. Уже с 1921 г. на страницах «Шанхайского нового времени» появлялись различные приказы и объявления от белых властей. Так, например, 28 декабря 1921 г. на первой полосе было опубликовано объявление от Временного приамурского правительства к населению г. Хабаровска и Хабаровского уезда под заголовком «Приморское правительство несет серп и рало, а не мечи и копья»³³. 19 августа 1922 г. в «Шанхайском новом времени» появились сведения об избрании М.К. Дитерихса Приамурским земским собором в должности правителя Приамурского земского края. Была опубликована «Присяга правителя», где особо подчеркивалось, что правитель должен дать ответ «перед русским Царем и русской землей»³⁴.

Начиная с возвышения М.К. Дитерихса вплоть до ликвидации белого Приморья в октябре 1922 г. газета постоянно публиковала различные новости из «последней русской земли». На второй полосе был выделен специальный раздел для размещения приказов белого правительства.

У редакции во главе с Е.К. Гедройц была крепка вера в силу так называемой «национальной России» и белого правительства в Приморье. Даже в начале октября, когда Дальневосточная республика (ДВР) официально объявила войну белым, а японцы постепенно начали эвакуацию из Приморья, редакция все равно утверждала, что «положение Приморья достаточно тяжелое, но не настолько, как это рисуется испуганному обывателю», и «если Приморье покажет достаточно единодушия, выдержанности и упорства в борьбе с коммунистами, то победа за национальным Приморьем обеспечена»³⁵. Редакция до самого конца верила в слабость и серьезные внутренние проблемы Красной армии, а также ее антинародность: «внутреннее же положение у красных настолько серьезное, что для них не может быть и речи о значительной переброске своих войск на приморский фронт. <...> Красная пехота перебрасывается обезоруженной и под конвоем, ввиду ненадежности ее и массового дезертирства красноармейцев»³⁶.

После падения белого Приморья начался второй период развития «Шанхайского нового времени» – условно «эмигрантский». Ввиду ликвидации «русского дела» на родине редакция начала обращать больше внимания на эмигрантскую деятельность и состояние русских беженцев по всему миру. Характерным признаком переворота редакционной политики стало появление с 1 ноября 1922 г. раздела «Отдел для беженцев» и «Беженский отдел» на третьей полосе. В данном разделе редакция публиковала различную информацию о жизни беженцев, в том числе инструкции по въезду в США, Канаду, Центральную, Южную Америку и Европу³⁷, освещала ситуацию в Харбине и в других маньчжурских лагерях³⁸, проблемы беженцев Сибирской флотилии в Гензане³⁹, а также трудовой рынок в Шанхае⁴⁰. В основном

³¹ Шанхайское новое время. 1924. 19 июля.

³² Там же. 1923. 6 сент.

³³ Там же. 1921. 28 дек.

³⁴ Там же. 1922. 19 авг.

³⁵ Там же. 4 окт.

³⁶ Там же.

³⁷ Шанхайское новое время. 1 нояб., 8 дек.; 1923. 22 сент.

³⁸ См., например: Там же. 15, 24, 26, 28 нояб., 1 дек.; 1923. 4 сент., 20 окт.; и др.

³⁹ См., например: Там же. 21 нояб.; 1923. 12 апр.; 20 мая; и др.

⁴⁰ См., например: Там же. 23 нояб.; 7 дек.; и др.

данный раздел был посвящен именно состоянию беженцев в Китае и Корее, однако также выходили репортажи о состоянии беженцев в других регионах мира. Раздел печатался почти в каждом номере в конце 1922 г., в дальнейшем он изредка публиковался до октября 1923 г.

Что касается главной линии политики редакции в «эмигрантский» период, то газета «Шанхайское новое время» из органа белого Приморья превратилась в орган Высшего монархического совета (далее – ВМС) и подчиненных ему монархических организаций в Шанхае. Среди доступных номеров первое упоминание о ВМС встречается на первой полосе «Шанхайского нового времени» от 24 мая 1923 г.: в этом номере было размещено решение ВМС об образовании так называемого «Комитета по разработке мероприятий переходного времени» в связи со «скорым падением советской власти», а также призыв ВМС к местным монархическим объединениям создавать на местах подобные комитеты⁴¹. В течение 1923–1925 гг. редакция «Шанхайского нового времени» установила с Советом тесные связи. Его решения всегда публиковались на самых видных местах, в большинстве случаев на первой и второй полосах. Также в газете размещалась реклама подписки на Еженедельник ВМС⁴². Следуя за линией политики Совета, редакция «Шанхайского нового времени» встала на сторону Николая Николаевича и Марии Федоровны: уже в 1923 г. редакция публиковала их многочисленные приветствия, направленные в ВМС, портреты великого князя и императрицы постоянно присутствовали на полосах газеты⁴³. Редакция также постоянно отправляла номера «Шанхайского нового времени» Николаю Николаевичу⁴⁴. В канцелярии Николая Николаевича отложились и письма Е.К. Гедройц и С.Ц. Гедройц⁴⁵.

Что касается монархических организаций местного уровня, то изначально редакция во главе с Е.К. Гедройц поддержала Русское монархическое общество «Вера, Царь и Народ» (МО ВЦН) во главе с А.И. Исаковым⁴⁶. Данное общество было основано во Владивостоке и после падения белого Приморья эвакуировалось в Шанхай⁴⁷. Редакция «Шанхайского нового времени» широко освещала деятельность МО ВЦН в Шанхае, в том числе помощь Общества приплывшим в Шанхай кадетам⁴⁸, организацию молебствия о здравии и долголетьи Марии Федоровны⁴⁹ и т.д. Циркуляры между МО ВЦН и Г.М. Семеновым также публиковались на полосах газеты⁵⁰. Сам атаман направлял различные благодарности МО ВЦН именно через «Шанхайское новое время», что подтверждает тесную связь между редакцией и Обществом. Личные отношения между А.И. Исаковым и Е.К. Гедройц были достаточно теплыми, о чем свидетельствует отложенное в канцелярии Николая Николаевича письмо А.И. Исакова от 18 января 1924 г., где он наилучшим образом оценивал деятельность Марии Звездич (Е.К. Гедройц) как редактора газеты «Шанхайское новое время»⁵¹. До середины 1924 г. МО ВЦН действовало независимо от харбинских монархических организаций. Общество руководствовалось «всецело распоряжениями Высшего монархического совета»⁵².

В апреле-мае 1924 г. внутри монархических организаций Шанхая произошла перемена. В Шанхае образовался так называемый «Комитет объединенных монархических организаций Дальнего Востока (далее – КОМО ДВ)». Возможно, этот Комитет стал преемником некогда существовавшего в Харбине «Союза объединенных монархических организаций Дальнего Востока» во главе с генералом Мурзаевым⁵³. Председателем КОМО ДВ был известный деятель русского зарубежья в Шанхае генерал М.А. Домрачев, единомышленник бывшего

⁴¹ Шанхайское новое время. 1923. 24 мая.

⁴² Там же. 9 нояб.; и др.

⁴³ Там же. 22 авг.; и др.

⁴⁴ Архив Дома русского зарубежья (Архив ДРЗ). Ф. 2. К. 2. Ед. хр. 6, 7, 10; К. 7. Ед. хр. 47; К. 11. Ед. хр. 8.

⁴⁵ Там же. Ф. 2. К. 11. Ед. хр. 15. Л. 2; Ф. 2. К. 10. Ед. хр. 35. Л. 2; Ф. 2. К. 11. Ед. хр. 8. Л. 7–8 об. и др.

⁴⁶ Жиганов В.Д. Русские в Шанхае... С. 56.

⁴⁷ Шанхайское новое время. 1923. 24 июля.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. 3 авг.

⁵⁰ Там же. 22, 30 авг.

⁵¹ Архив ДРЗ. Ф. 2. К. 2. Ед. хр. 6. Л. 25–28 об.

⁵² Шанхайское новое время. 1924. 16–17 окт.

⁵³ Там же. 1924. 12 апр.

русского генконсула В.Ф. Гроссе⁵⁴, вице-председателем – А.И. Исаков⁵⁵. МО ВЦН продолжало существовать как организация внутри КОМО ДВ⁵⁶, и в Шанхае образовалась трехуровневая система монархических организаций: МО ВЦН – КОМО ДВ – ВМС. Газета «Шанхайское новое время» как неформальный орган этих трех организаций продолжала всецело освещать их деятельность.

Вышеназванные пропагандистские кампании, инициированные редакцией «Шанхайского нового времени», четко показали приверженность данной газеты идеям ВМС. Сама Е.К. Гедройц, позиционируя себя защитником всеобщего русского дела, хоть и обещала не участвовать в расколе монархического движения, но фактически встала на сторону ВМС и подконтрольных ему местных шанхайских организаций КОМО ДВ и МО ВЦН.

Как самая популярная монархическая газета, «Шанхайское новое время» также стало базой шанхайских антисемитов. Однако стоит сказать, что на начальном этапе развития, в 1921–1922 гг., на страницах «Шанхайского нового времени» редакция не размещала ярко выраженные антисемитские материалы. В конце 1922 г. на первой полосе даже появлялась реклама концертов еврейского клуба «Ахдус»⁵⁷.

Поворот политики редакции случился в августе 1923 г. в связи с инцидентом, связанным с публикацией на страницах газеты поэмы Андрю Сфинкса «Вечный жид». Андрю Сфинкс был сотрудником и наборщиком объявлений в редакции «Шанхайского нового времени»⁵⁸. Номер с поэмой «Вечный жид» не сохранился, но, исходя из полемизирующих материалов со страниц газеты по данному делу, поэма Андрю Сфинкса была посвящена религии и православию, в особенности толкованию статуса евреев в православной догме. С большой вероятностью статья носила критический характер, направленный против православия. Часть шанхайских монархистов во главе с В.С. Валем и Н.Ц. Грудзинским, тогда уже отколовшихся от «Шанхайского нового времени», использовала шанс атаковать Е.К. Гедройц: якобы она привела свою читательскую аудиторию в «антихристианство»⁵⁹. Сама главный редактор объяснила мотив публикации поэмы «Вечный жид» тем, что, ознакомив читателей с литературой Андрю Сфинкса, она «именно познакомила с новым течением времени, в котором так сильно влечение человека ко злу и так смешна борьба земных карликов с Великим Богом»⁶⁰.

После данного инцидента отношение Е.К. Гедройц и в целом редакции к евреям радикализировалось. Антисемитизм на страницах «Шанхайского нового времени» появлялся и в репортажах о мелких городских делах, и в статьях, посвященных роли евреев в русской истории.

Что касается мировоззренческого и политического уровней, то редакция газеты придерживалась традиционной точки зрения о том, что революции в России были еврейскими, причем речь шла не только об Октябрьской революции, но также о Феврале, Революции 1905 г.⁶¹, и даже о революционном движении при Александре III⁶². Сама Е.К. Гедройц назы-

⁵⁴ Как ни странно, в фотоальбоме В.Д. Жиганова отсутствует портрет М.А. Домрачевева, лишь приведено сведение о том, что он был одним из инициаторов создания Комитета защиты прав и интересов русских в Шанхае после ликвидации Бюро по русским делам в связи с установлением дипломатических отношений между Китаем и СССР. См.: Жиганов В.Д. Русские в Шанхае... С. 62; Chashchin K.V. Russians in China, Genealogical Index. New York, 2014. P. 245.

⁵⁵ Шанхайское новое время. 1924. 10 мая.

⁵⁶ Там же. 8 нояб.

⁵⁷ Там же. 1922. 4 дек. Еврейский клуб «Ахдус (Единение)» – объединение русских евреев в Шанхае, созданное 19 декабря 1920 г. В него вошли представители русских евреев в деловом мире (например, коммерсант И. Шейнин по розничному продуктовому торговле), в русских общественных организациях (например, В.Н. Гинзбург и С. Бурак (Буряк), старшины Русского общественного собрания) и в медицинской среде (например, стоматолог Е.Г. Лобзовский). См.: Шанхайская жизнь. 1920. 23 дек.

⁵⁸ Шанхайское новое время. 1923. 25 авг.

⁵⁹ Там же. 1923. 25 авг.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. 1924. 4 окт.

⁶² Там же. 1923. 3 нояб.

вала СССР «еврейской Россией», а русские люди обязаны были бороться с «еврейской оккупацией»⁶³.

Кроме ярко выраженного антисемитизма, редакция «Шанхайского нового времени» также отрицательно относилась к любым немонархическим политическим силам, от кадетов до эсеров. 28 марта 1922 г. после доклада П.Н. Милюкова в Берлинской филармонии о текущем положении России его пытались убить бывшие офицеры П.Н. Шабельский-Борк и С.В. Таборицкий⁶⁴. Весть о покушении на П.Н. Милюкова дошла до Шанхая в августе 1922 г. По этому поводу в «Шанхайском новом времени» 17 августа 1922 г. вышла передовая (без подписи). Несмотря на смерть В.Д. Набокова, в этой трагедии автор статьи (с очень большой вероятностью это была Е.К. Гедройц)⁶⁵ не проявил сострадания к умершему и назвал выстрел сигналом «пробуждения России»⁶⁶.

Редакция обвиняла эсеров в подготовке почвы для возвышения большевизма. Известный эсер А.А. Аргунов в своей книге «Между двумя большевизмами» определил монархическое движение как особое вредное течение в «большевизме справа»⁶⁷, и после выхода его книги данная идея была воспринята в среде эсеров. В статье о московском процессе над эсерами на страницах берлинского «Голоса России», купленного правыми эсерами в феврале 1922 г.⁶⁸, монархисты ставились в один ряд с большевиками. Редакция «Шанхайского нового времени» решила вступить в полемику с «Голосом России». 30 сентября 1922 г. появилась передовая без подписи с названием «Пугающие призраки и свет истины» по поводу статей на страницах «Голоса России» о сотрудничестве монархистов и большевиков в московском процессе над эсерами. Редакция «Шанхайского нового времени» желала эсерам «не давать демонам страха мучить вас внушением противоречивых представлений» и «познав действительность, вы не поддадитесь соблазну и не запутаетесь в утверждении несуществующего». Редакция «Шанхайского нового времени» также рекомендовала эсерам «брать пример с монархистов», так как они «познали истину» и, в отличие от эсеров, боровшихся за власть «своекорыстно» над народом, «сохранили для него [народа] чистый животворящий источник – идею власти великого православного русского царя»⁶⁹.

Редакция приветствовала возвышение итальянских фашистов и считала, что и для России фашизм является ценным методом восстановления монархии. 21 сентября 1923 г. появилась передовая от Е.К. Гедройц о личности Муссолини. Она назвала фашизм «новой системой у королей нашего века подавлять революции»: «Муссолини – новый щит для королей, объединяющее звено короля с народом»⁷⁰.

Уже в номере от 18–19 октября 1923 г. появилась передовая Т.В. Локотя, в эмигрантские годы ставшего профессором Агрономического факультета Белградского университета⁷¹, под названием «Задачи фашизма», в которой автор размышлял о возможности применения итальянского опыта в России. Он называл фашизм «национальным активизмом» и считал, что «русский национальный активизм, фашизм начнет тяжелую, но упорную и решительную борьбу с революционным маразмом, погубившим Россию и причинившим столько стра-

⁶³ Шанхайское новое время. 1924. 5 апр.

⁶⁴ Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Милюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста П.Н. Шабельского // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 867–881.

⁶⁵ Передовая без подписи выражала коллективное мнение редакции. В связи с тем, что Е.К. Гедройц полностью контролировала редакцию, то, скорее всего, данная передовая была написана именно ею.

⁶⁶ Шанхайское новое время. 1922. 17 авг.

⁶⁷ Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919.

⁶⁸ Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 2. Ч. 1. М., 1996. С. 176.

⁶⁹ Шанхайское новое время. 1922. 30 сент.

⁷⁰ Там же. 1923. 21 сент.

⁷¹ Тимофей Васильевич Локоть – депутат I Государственной думы из фракции трудовиков. В дальнейшем перешел в лагерь националистов. В эмиграции он смещался еще правее и стал одним из идеологов монархизма. Подробно см.: Иванов А.А., Чемакин А.А. Профессор Тимофей Локоть: политик, публицист, идеолог «экономического национализма» // Проблемы экономики и управления в торговле и промышленности. 2015. № 1. С. 101–113; Иванов А.А. Профессор Т.В. Локоть: путь русского националиста // Имперское возрождение. 2008. № 3. С. 75–80.

даний русскому народу». Первой практической задачей русского фашизма, на его взгляд, должна была быть всемерная поддержка русской национальной армии и объединение ее разоренных частей. После чего эту единую армию возглавит «Верховный национальный вождь», который поведет «армию на освобождение России от интернационального маразма и восстановит в России русскую национальную власть и государственность»⁷².

Редакция «Шанхайского нового времени» наладила тесный контакт с русскими фашистскими организациями в Европе. Так, например, 9 ноября 1923 г. на страницах газеты появилась информация о получении редакцией приветствия от главы русских фашистов во Франции с пожеланием процветания «Шанхайскому новому времени». В том же номере была опубликована краткая программа русских фашистов в Европе⁷³.

Кроме контактов с европейскими фашистами, редакция «Шанхайского нового времени» также способствовала рождению русского фашистского движения в Шанхае. Во второй половине октября 1923 г. в рекламном разделе на четвертой полосе появилось объявление от анонима под псевдонимом «Фашист» по поводу создания в Шанхае фашистского общества: «Всех интересующихся фашизмом, как одним из средств спасения национальной России, прошу по этому вопросу обменяться со мной письменными мнениями для создания общества»⁷⁴. Однако сведения о создании в Шанхае русского фашистского общества в 1923–1925 гг. отсутствуют.

Отношение редакции «Шанхайского нового времени» к другим шанхайским эмигрантским изданиям и местным эмигрантским организациям также является предметом нашего анализа.

14 января 1922 г. в новогоднем номере редакция разместила «Новогодние пожелания» в стихах с подписью «ПЭЧЭ» в адрес всех русских организаций и изданий в Шанхае. Как упоминалось выше, редакция «Шанхайского нового времени» была полностью подконтрольна Е.К. Гедройц, поэтому главный редактор, разрешив публикацию новогодних пожеланий, соглашалась с мнением автора. «ПЭЧЭ» передавал газете «Шанхайское новое время» следующее пожелание: «Расти размером и числом. Крепка ты духом и умом»⁷⁵. Однако стихотворения, посвященные другим русским периодическим изданиям, были совсем иными. По понятной причине газета «Шанхайская жизнь», в 1920 г. выкупленная большевиками и ставшая рупором ДВР и Советской России⁷⁶, подвергалась самой жесткой критике: «Пора старушка умирать. Довольно воздух отравлять»⁷⁷. Что касается комментариев о других белоэмигрантских газетах, то они также не были положительными. Так, например, стихотворение, посвященное газете «Русская свободная мысль»⁷⁸, было направлено на критику ее несодержательности: «Хотя ты велика⁷⁹, но больно пустовата. Будь содержательна, умна и таровата». Стихотворение, посвященное другой не менее важной эмигрантской газете в Шанхае «Русское эхо»⁸⁰, также было критическим: «Она преогромная щука. Карасиков не мало скушала сестрица <...> Но Бог с тобой, живи Вампука. Успели с тобою мы сжиться...»⁸¹.

Стоит отметить интересный факт: в 1920 г., когда «Шанхайского нового времени» еще не существовало, в газете «Русское эхо» публиковались стихотворения с подписью того же

⁷² Шанхайское новое время. 1923. 18–19 окт.

⁷³ Там же. 9 нояб.

⁷⁴ Там же. 16–17 окт., 18–19 окт., 23–24 окт.

⁷⁵ Шанхайское новое время. 1922. 14 янв.

⁷⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Д. 137. Л. 68.

⁷⁷ Шанхайское новое время. 1922. 14 янв.

⁷⁸ «Русская свободная мысль» – ежедневная «независимая, внепартийная, литературная, прогрессивная» газета, которая «ставит своей задачей объединение многочисленных русских на Дальнем Востоке». Газета выпускалась на двух языках – русском и английском. Издателями были А.М. Котенев и Вс. Иванов.

⁷⁹ Здесь слово «велика» скорее всего подразумевает размер газеты. «Русская свободная мысль» – крупномасштабная газета, размер которой в два раза превышает размер «Шанхайского нового времени».

⁸⁰ «Русское эхо» – ежедневная «демократическая антибольшевистская, общественно-политическая, торгово-промышленная и литературная» газета, «орган защиты русских интересов в Китае».

⁸¹ Шанхайское новое время. 1922. 14 янв.

«ПЭЧЭ». Эти произведения в основном были направлены на критику посольства Юрина от ДВР и политики Ллойд Джорджа в отношении к РСФСР⁸². В связи с неполной сохранностью номеров «Русского эха» мы не знаем, какое количество стихотворений написал «ПЭЧЭ» для этой газеты, однако, согласно сведениям «Шанхайской жизни», тогда он был достаточно важным автором для «Русского эха» и писал довольно много: «Знает или не знает скорбный главою “Пэчэ”, который печет такого печения штуки по 3, по 4 в номере <...>»⁸³.

Редакция «Шанхайского нового времени» после публикации «Новогодних пожеланий» 1922 г. продолжала враждебно относиться к белоэмигрантской газете «Русское эхо». Согласно словам редакции, именно газета «Русское эхо» нападала на «Шанхайское новое время»: «Впрочем, сама судьба уже начинает карать “Русское Эхо”. Нападки на нас не принесли счастья»⁸⁴. Редакция «Шанхайского нового времени» обвинила газету «Русское эхо» в «кощунстве», «выступлениях против правой прессы», «неверности идеалам», «большевизме» и «изложении культурного красивого языка»⁸⁵. Конфликт между двумя правыми газетами был с сарказмом отмечен фельетонистом Н.К. Новицким в отделе «Брызги жизни» в газете «Шанхайская жизнь» от 2 апреля 1922 г.

Редакция «Шанхайского нового времени» во главе с Е.К. Гедройц выражала пренебрежение не только к большевистской прессе в Шанхае, но и любым газетам, которые на ее взгляд являлись «левыми». Так, например, 1 декабря 1922 г. в разделе «Хроника» появилась новость о выходе новой русской газеты в Шанхае. В связи с тем, что новая газета «принялась кастить ген. Дитерихса» и в хронике «сразу подгадили русским коммерсантам»⁸⁶, редакция «Шанхайского нового времени» написала на нее длинный критический обзор. Конкретное название и издатель газеты не были озвучены, однако с большой вероятностью это была газета «Курьер» или «Тайфун», издаваемые Н.Н. Грозиным с 1922 г.⁸⁷ Согласно исследованию А.А. Хисамутдинова, Н.Н. Грозин с 1926 г. начал сотрудничать с большевистскими газетами, например «Новой шанхайской жизнью» и др. За сотрудничество с большевиками он даже был арестован властями, но, «несмотря на сотрудничество с советскими изданиями, был настроен про-фашистски»⁸⁸. Возможно, в ноябре 1922 г. Н.Н. Грозин, уже не будучи работником владивостокской газеты «Вечерняя газета», обращался в редакцию «Новая шанхайская жизнь» с просьбой о вступлении в команду редакторов, однако получил отказ⁸⁹. Редакция «Шанхайского нового времени» назвала новую газету еврейской: «И отчего это евреи никогда своих не ругают и на царя Соломона никакой пакости не написали». Снисходительность ярко показана в словах: «Итак, в Шанхае, кроме классической большевистской вонючки, выходят еще две газетки – видимо левые. Что ж – стихийно»⁹⁰. Однако почти в то же время газета «Тайфун» и сам Н.Н. Грозин были раскритикованы и со стороны газеты «Новая шанхайская жизнь»⁹¹.

Конфликтность монархистов проявилась не только в их отношении к другим газетам, но и во внутренних делах. Так, в течение 1923–1925 гг. внутри редакции «Шанхайского нового времени» произошло два раскола. Результатом первого раскола стал уход из редакции Н.Ц. Грудзинского и В.С. Валя, последний создал свою собственную газету «Студенческая газета». Вторым раскол ознаменовался громким скандалом между Е.К. Гедройц и Н.В. Колесниковым из-за личных разбирательств и репатриации генерала Н.С. Анисимова в начале 1925 г., в конечном итоге развившимся до полугодичной непрерывной

⁸² Пэчэ. По поводу обращения Юрина // Русское эхо. 1920. 24 окт.

⁸³ Шанхайская жизнь. 1920. 31 окт.

⁸⁴ Там же. 1922. 2 апр.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Хотя по факту у самой Е.К. Гедройц были не очень хорошие отношения с некоторыми богатыми русскими коммерсантами в Шанхае, которые не хотели помогать беженцам своими средствами.

⁸⁷ Ван Чжичэн. Жизнь русских эмигрантов в Шанхае Нового времени... С. 320.

⁸⁸ Хисамутдинов А.А. Русские литераторы-эмигранты в Китае: Материалы к словарю (1-я половина XX в.). Владивосток, 2017. С. 39.

⁸⁹ Новая Шанхайская жизнь. 1922. 10 дек.

⁹⁰ Шанхайское новое время. 1922. 1 дек.

⁹¹ Новая Шанхайская жизнь. 1922. 10 дек.

травли со стороны газеты «Россия» по отношению к редакции «Шанхайского нового времени» и лично Е.К. Гедройц⁹².

В.С. Валь начал работать в редакции «Шанхайского нового времени» уже в 1922 г. Он часто публиковался на страницах газеты, в том числе выпустил несколько передовиц. Его первая статья была опубликована 14 октября 1922 г.⁹³, а первая передовая – 22 ноября 1922 г.⁹⁴ По всей вероятности, уход В.С. Валя из редакции в середине 1923 г. и создание собственной газеты были изначально встречены Е.К. Гедройц добродушно, В.С. Валь даже публиковал рекламу подписки на свою газету на первой полосе «Шанхайского нового времени»⁹⁵. Однако такая ситуация продолжалась недолго. Уже 16 августа 1923 г. в связи с публикацией писем, направленных «против национальной газеты ШНВ» на страницах «Студенческой газеты», редакция «Шанхайского нового времени» опубликовала свой материал, направленный против В.С. Валя. В нем редакция осудила вероломное поведение В.С. Валя, указав, что он копирует «точка в точку» содержание «Шанхайского нового времени» и пользуется «во всех смыслах ее объявлениями»⁹⁶, но при этом пишет «с пафосом», что ничего общего с «Шанхайским новым временем» не имеет⁹⁷. Нападение «Шанхайского нового времени» на «Студенческую газету» В.С. Валя ограничилось не только публикацией редакторских статей. Редакция способствовала распространению слухов о В.С. Вале и его газете: будто бы в редакции рассказали анекдот, что В.С. Валь обратился к Марии Федоровне с просьбой о субсидиях для своей газеты. В депеше прибавлена «будто бы фраза, включающая просьбу “о закрытии ШНВ”»⁹⁸.

В августе 1923 г. конфликт между «Шанхайским новым временем» и «Студенческой газетой» продолжался. В частности, В.С. Валь и Н.Ц. Грудзинский способствовали инциденту, связанному с публикацией поэмы Андрю Сфинкса «Вечный жид» на страницах «Шанхайского нового времени»⁹⁹. Однако уже в ноябре 1923 г. внутри редакции «Студенческой газеты» также произошел раскол. В это время «Шанхайское новое время» стала некой платформой для полемики между В.С. Валем и «раскольниками». Обе стороны публиковали материалы на страницах газеты Е.К. Гедройц друг против друга¹⁰⁰. Во время конфликта Е.К. Гедройц не поддерживала никакую из сторон и не использовала данный случай для очернения В.С. Валя, что свидетельствует о нормализации отношений между ними.

Конфликт Е.К. Гедройц с Н.В. Колесниковым был более продолжительным и серьезным, нежели с В.С. Валем. Уже с конца 1922 г. (когда Н.В. Колесников еще не был в Шанхае) он начал сотрудничать с «Шанхайским новым временем». В течение 1922–1923 гг. на страницах «Шанхайского нового времени» печаталось произведение Н.В. Колесникова «Книга великой печали и гнева»¹⁰¹, а в начале 1923 г. он уже вошел в состав редакции¹⁰².

19 июля 1924 г. в «Шанхайском новом времени» появилась информация о прибытии Н.В. Колесникова в Шанхай. В сообщении Н.В. Колесников был охарактеризован как

⁹² *Сунь Ичжи*. Советский Союз, русское зарубежье и шанхайские власти... С. 106.

⁹³ Студенчество – Контр-революционеры! // Шанхайское новое время. 1922. 14 окт.

⁹⁴ Двуликий Янус // Шанхайское новое время. 1922. 22 нояб.

⁹⁵ «Открыта подписка на еженедельную литературно-художественную газету “Студенческая газета”». См.: Шанхайское новое время. 1923. 28 июля.

⁹⁶ Имеется в виду реклама «Студенческой газеты» на «Шанхайском новом времени».

⁹⁷ Шанхайское новое время. 1923. 16 авг.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. 25 авг.

¹⁰⁰ Там же. 9, 13 ноября. В связи с тем, что Русский студенческий союз в Шанхае несколько раз предоставлял В.С. Валью субсидии в виде долгов с обязательством вернуть средства при первой возможности, Союз считал, что «Студенческая газета» являлась его органом и должна была находиться под его контролем. Однако В.С. Валь не согласился с этим мнением. Воспользовавшись отъездом большого количества русских студентов из Шанхая в США, он сумел установить полный контроль над газетой и переименовал ее в «Новое слово», что вызвало сильную критику со стороны Союза.

¹⁰¹ Там же. 1922. 7 окт., 14 окт.; 1923. 12 апр., 13 апр., 24 июля; и др.

¹⁰² Там же. 1923. 20 апр.

«талантливый писатель и государственный деятель», «полковник Генерального штаба», «блестящий лектор и историк»¹⁰³.

Н.В. Колесников был амбициозной личностью и радикальным монархистом, его прибытие в Шанхай означало неизбежное столкновение с Е.К. Гедройц. Так, уже 4 сентября 1924 г. на страницах «Шанхайского нового времени» вышла статья о французской дипломатии в Японии без подписи, хотя материал был подан Н.В. Колесниковым. Это стало причиной серьезного недовольства самоуверенного монархиста. 23 сентября 1924 г. на страницах «Шанхайского нового времени» было опубликовано его письмо Е.К. Гедройц, в котором он объяснял, что статья от 4 сентября принадлежала ему. Тем не менее в это время он не критиковал главного редактора, а подчеркивал, что в редакцию «Шанхайского нового времени» поступали просьбы от его врагов о недопущении статьи к печати¹⁰⁴. Однако в своем письме он указал, что его статьи «в каком угодно количестве» поступают в распоряжение Е.К. Гедройц.

Как мы упомянули выше, из-за отсутствия финансов и ряда других причин с конца 1923 г. газета «Шанхайское новое время» перестала выходить ежедневно. По этой причине редакция не смогла организовать публикацию нового романа Н.В. Колесникова. 20 октября 1923 г. на первой полосе «Шанхайского нового времени» появилась реклама о скором выходе романа «Святая Русь» Н.В. Колесникова. В ней было сказано, что роман выходит исключительно на страницах «Шанхайского нового времени»¹⁰⁵. Однако Е.К. Гедройц не могла организовать выход романа вплоть до конца 1924 г., что вызвало еще больше недовольства со стороны Н.В. Колесникова.

Нерегулярный выход в печать «Шанхайского нового времени» и задержка публикации романа «Святая Русь» не соответствовали амбициям Н.В. Колесникова. В конце 1924 г. он решил выпускать собственную газету, и уже 21 декабря 1924 г. в свет вышел первый номер газеты «Россия. Русская, национальная газета»¹⁰⁶. По всей видимости, в конце 1924 г. отношения между Н.В. Колесниковым и Е.К. Гедройц еще не испортились окончательно: Н.В. Колесников предложил Е.К. Гедройц объединить две газеты для решения финансовых сложностей «Шанхайского нового времени»¹⁰⁷. Однако Е.К. Гедройц отказалась от данного предложения.

Окончательный раскол между «Шанхайским новым временем» и «Россией» случился после инцидента с репатриацией генерала Анисимова вместе с оренбургскими казаками в начале 1925 г. Е.К. Гедройц сочувствовала бедственному положению оренбуржцев, что вызвало ненависть со стороны генерала Ф.Л. Глебова и Н.В. Колесникова. После ухода генерала Анисимова в СССР Н.В. Колесников начал длительную травлю Е.К. Гедройц вплоть до конца августа 1925 г.¹⁰⁸

Отношение редакции «Шанхайского нового времени» к различным русским общественным объединениям также заслуживает внимания. Из текста «Новогодних пожеланий» 1922 г. мы узнаем о критическом отношении к ним редакции «Шанхайского нового времени». Так, например, в названии стихотворения, посвященного Бюро по русским делам наследника бывшего Генконсульства в Шанхае, демонстративно значилось «Нерусское Бюро по русским делам»: «Дел много, из-за них все время перепалка, но русским от того ни холодно ни жарко»¹⁰⁹. Отношение к Русскому благотворительному обществу также было отрицательным: «Благотвори – благое дело, но только, душечка, умело»¹¹⁰.

Отношения Е.К. Гедройц и ее издания с бывшим русским Генконсульством и его работниками во главе с бывшим консулом В.Ф. Гроссе были сложными. В 1922 г. между

¹⁰³ Шанхайское новое время. 1924. 19 июля.

¹⁰⁴ Там же. 23 сент.

¹⁰⁵ Там же. 1923. 20 окт.

¹⁰⁶ Россия. 1924. 21 дек.

¹⁰⁷ Шанхайское новое время. 1925. 23 апр.

¹⁰⁸ *Сунь Ичжи*. Советский Союз, русское зарубежье и шанхайские власти...

¹⁰⁹ Шанхайское новое время. 1922. 14 янв.

¹¹⁰ Там же.

ними случались конфликты, однако главный редактор не принимал «никаких фельетонов или памфлетов против русского консульства», считая, что «теперь не время расшатывать русскую общественность»¹¹¹.

Хотя в октябре 1922 г. редакция обещала «разбираться с русским консульством», но еще в сентябре 1923 г. на страницах «Шанхайского нового времени» печаталась информация о неспособности работников бывшего консульства объединить русскую колонию в Шанхае: «Консульство имело связи, престиж, силу своего положения. Оно было признано всеми русскими и могло быть единой, объединяющей всех нас, могучей силой, на горькой, унылой чужбине. Что случилось? Почему мы здесь все на распутье, отчего нет доброй руки объединить всех нас?»¹¹².

После признания СССР Китайской Республикой и ликвидации Бюро по русским делам Е.К. Гедройц перестала сомневаться в правильности действий работников бывшего Генконсульства и начала всесторонне поддерживать В.Ф. Гроссе и его деятельность. 10 июля 1924 г. было опубликовано стихотворение Е.К. Гедройц «По случаю спуска русского национального флага над зданием Русского консульства», в котором она выражала свои истинные чувства к русскому флагу и Русскому консульству¹¹³. Уже в следующем номере на первой полосе редакция приветствовала «русского консула В.Ф. Гроссе и Русское консульство в полном составе в тяжкие минуты русского горя и разрухи российской»¹¹⁴.

С июля 1924 г. редакция оценивала действия В.Ф. Гроссе исключительно с положительной стороны: «Честь и слава Виктору Федоровичу, сумевшему сделать все возможное для поддержания престижа русских в тяжелые годы!»¹¹⁵. Е.К. Гедройц также поддерживала инициативу В.Ф. Гроссе, направленную на организацию Комитета защиты прав и интересов русских в качестве преемника Бюро по русским делам. Уже 4 сентября 1924 г. на страницах газеты появилось объявление об открытии Комитета¹¹⁶.

В 1924–1925 гг. Е.К. Гедройц поддерживала не столько позицию Комитета, сколько действия самого В.Ф. Гроссе. Так, например, в связи с уходом В.Ф. Гроссе из Комитета из-за конфликтов с военными в руководстве в июне 1925 г. газета «Шанхайское новое время» перестала поддерживать позицию Комитета. Напротив, «враг» Е.К. Гедройц – газета «Россия» во главе с Н.В. Колесниковым стала рупором данной общественной организации.

Стоит отдать должное редакции «Шанхайского нового времени» и лично Е.К. Гедройц за то, что в течение 1921–1925 гг. они всегда выступали за помощь бедствующим эмигрантам, осуждая богатых русских, которые не обращали внимания на судьбу своих соотечественников и жили в роскоши. На страницах газеты часто появлялись материалы, критикующие русских богачей: «Между ними есть и богатые. Эти холодные и недоступны. “Очень заняты” <...> Боятся, а вдруг попросят о помощи их меньшие замученные борьбой братья. Но есть Бог на небе. Все эти люди “особняки” попадают в лапы юрких интернационалистов, которые и быстро и ловко обирают и передают их предприятия в руки шанхайского интернационального центра. <...> Перестаньте отворачиваться от них, сытые “особняки”, подайте им помощь и не говорите, что Вы заняты, когда они приходят к Вам, ибо бьет и Ваш час, может быть, последний»¹¹⁷.

Во время прибытия корабля с беженцами «Эльдорадо» в Китай редакция «Шанхайского нового времени» разместила на второй полосе объявление жирным шрифтом о том, что она «предупреждает, что будет защищать интересы прибывших беженцев и будет беспощадно бичевать тех, кто осмелится пренебрегать жизнью и интересам русских на чужбине»¹¹⁸.

¹¹¹ Шанхайское новое время. 1922. 21 окт.

¹¹² Там же. 1923. 6 сент.

¹¹³ Там же. 1924. 10 июля.

¹¹⁴ Там же. 1924. 19 июля.

¹¹⁵ Там же. 19 авг.

¹¹⁶ Там же. 4 сент.

¹¹⁷ Там же. 1922. 8 дек.

¹¹⁸ Там же. 1923. 8 сент.

В номере от 9–10 октября 1923 г. появилась статья Е.К. Гедройц «Как вам не стыдно, мадам», осуждающая русских богачей в Шанхае. Статья была написана от лица одной русской беженки, осуждающей «мадам» за жизнь в роскоши и нежелание помочь своим соотечественникам: «Как Вам не стыдно? – Я голодна, я падаю от голода, ноги дрожат. А Вы, мадам, оделись в тысячи и сотни долларов. <...> На эти деньги я бы жила пять месяцев, Мадам, и у меня была бы постель, деревянная койка, подушка, простыня и одеяло – знаете ли Вы, Мадам, какое это счастье не спать на полу. <...> Вы улыбаетесь, мадам, вы не верите мне, о жестокая красивая кукла, это потому, что вы не знаете жизни, совсем не знаете жизни среди вашего хрустального замка»¹¹⁹.

Такое отношение к русским богачам неблагоприятно сказалось на финансовом положении Е.К. Гедройц. Она не получала существенные субсидии и с 1923 г. претерпела, по ее словам, «материальное лишение»¹²⁰. Такое положение вещей заставило ее с конца 1923 г. отказаться от формата ежедневного издания и перейти к нерегулярным выпускам.

Редакция «Шанхайского нового времени» выступала за единство русской колонии и не занималась разжиганием конфликтов между русскими органами и конкретными людьми. Она обещала не публиковать полемические материалы, которые могли бы стать поводом для раскола внутри шанхайской эмигрантской среды¹²¹. Такая позиция была не по душе некоторым русским кругам в Шанхае, поэтому с самого начала существования газеты сформировалась определенная группа людей, настроенная против нее. Согласно словам самой Е.К. Гедройц, именно эти «враги» спровоцировали ее конфликт с бывшим русским консульством¹²². В 1922–1925 гг. Е.К. Гедройц постоянно упоминала об определенном круге своих «врагов», однако не называла конкретных имен. По ее мнению, противники решили твердо очернить «Шанхайское новое время» в связи с тем, что редактор газеты отказалась публиковать их материалы «против г. Дитерихса, против мадам Гроссе, против Отца Антония». После отказа редактора «Шанхайского нового времени» печатать ряд материалов «некоторые из сих мужей пошли походом против редакции ШНВ», «написали немало жалоб великим мира сего – о необходимости реорганизации ШНВ и бесполезной работы редакции»¹²³. После раскола между «Шанхайским новым временем» и «Россией» «враги» Е.К. Гедройц перешли на сторону Н.В. Колесникова, что еще более усугубило положение этой старой монархической газеты.

Литература

Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж: Union, 1919. 47 с.

Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. 645 с.

Гаттенбергер П. С Амура на Дунай, трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса // Военная быль. 1974. № 126. С. 13–18.

Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. Шанхай: Слово, 1936. 290 с.

Иванов А.А. Профессор Т.В. Локоть: путь русского националиста // Имперское возрождение. 2008. № 3. С. 75–80.

Иванов А.А., Чемакин А.А. Профессор Тимофей Локоть: политик, публицист, идеолог «экономического национализма» // Проблемы экономики и управления в торговле и промышленности. 2015. № 1. С. 101–113.

Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Милюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста П.Н. Шабельского // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 867–881.

Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / глав. ред. А.Н. Николюкин. Т. 2. Ч. 1. М.: Отд. литературоведения ИНИОН, 1996. 299 с.

¹¹⁹ Шанхайское новое время. 1923. 9–10 окт.

¹²⁰ Там же. 1924. 1 нояб.

¹²¹ Там же. 10 мая.

¹²² Там же. 1922. 21 окт.

¹²³ Там же. 1924. 1 нояб.

Прокофьева А.Г., Прокофьева В.Ю. Русские писатели – уроженцы Оренбургского края (XIX – начало XX вв.). М.: Спутник+, 2019. 303 с.

Сунь Ичжи. Советский Союз, русское зарубежье и шанхайские власти в пропагандистской борьбе середины 1920-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 102–122.

Хисамутдинов А.А. Русская словесность в Шанхае. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2014. 133 с.

Хисамутдинов А.А. Русские литераторы-эмигранты в Китае: Материалы к словарю (1-я половина XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2017. 125 с.

Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М.: Старая Басманная, 2013. 519 с.

Chashchin K.V. Russians in China, Genealogical Index. New York: South Eastern Publishers, 2014.

李丹阳 (Ли Даньян), 刘健一 (Лю Цзяньи). 《上海俄文生活报》与布尔什维克早期在华活动 («Шанхайская жизнь» и ранняя большевистская деятельность в Китае) // 近代史研究 (Исследование Новой истории). 2003. № 2. С. 1–43.

汪之成 (Ван Чжичэн). 近代上海俄国侨民生活 (Жизнь русских эмигрантов в Шанхае Нового времени). Шанхай: Шанхай-ци-шу, 2008.

汪之成 (Ван Чжичэн). 上海俄侨史 (История русской эмиграции в Шанхае). Шанхай: Сяньлянь-шудянь, 1993.

References

Argunov, A. (1919). *Mezhdv dvumya bol'shevizmami* [Between Two Bolshevisms]. Paris, Union. 47 p.

Bazanov, P.N. (2005). *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988 gg.)* [Publishing Activities of Political Organizations of the Russian Emigration (1917–1988)], Dr. hist. sci. diss. St. Petersburg. 645 p.

Chashchin, K.V. (2014). *Russians in China, Genealogical Index*. N.Y., South Eastern Publishers. 932 p.

Gattenberger, P. (1974). S Amura na Dunay, tragediya Khabarovskogo grafa Murav'eva-Amurskogo kadetskogo korpusa [From the Amur to the Danube, the Tragedy of the Khabarovsk Count Muravyov-Amur Cadet Corps]. In *Voennaya byl'*. No. 126, pp. 13–18.

Ivanov, A.A. (2008). Professor T.V. Lokot': put' russkogo natsionalista [Professor T.V. Lokot': The Path of a Russian Nationalist]. In *Imperskoe vozrozhdenie*. No. 3, pp. 75–80.

Ivanov, A.A., Chemakin, A.A. (2015). Professor Timofey Lokot': politik, publitsist, ideolog "ekonomicheskogo natsionalizma" [Professor Timofey Lokot': Politician, Publicist, Ideologist of "Economic Nationalism"]. In *Problemy ekonomiki i upravleniya v torgovle i promyshlennosti*. No. 1, pp. 101–113.

Khisamutdinov, A.A. (2014). *Russkaya slovesnost' v Shankhae* [The Russian Publications in Shanghai]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta. 133 p.

Khisamutdinov, A.A. (2017). *Russkie literaturnyye-emigranty v Kitae: Materialy k slovaryu (1-ya polovina XX v.)* [Russian Emigré Writers in China: Materials to the Dictionary (1st Half of the 20th Century)]. Vladivostok, Dal'nevostochny universitet. 125 p.

Kotel'nikov, K.D. (2018). Pokushenie v Berline v 1922 g. na P.N. Milyukova i ubiystvo V.D. Nabokova: pokazaniya obvinyaemogo, monarkhista P.N. Shabel'skogo [Assassination Attempt in Berlin in 1922 on P.N. Milyukov and the Murder of V.D. Nabokov: Testimony of the Accused, Monarchist P.N. Shabelsky]. In *Vestnik arkhivista*. No. 3, pp. 867–881.

Li Danyang, Liu Jianyi. (2003). "Shanghai ewen shenghuo bao" yv buershiweiike zaoqi zaihua huodong [The "Shanghai Life" and Early Bolshevik Activities in China]. In *Jingdaishi yanjiu*. No. 2. pp. 1–43.

Nikolyukin, A.N. (Eds.). (1996). *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940)* [Literary Encyclopedia of the Russian Diaspora (1918–1940)]. Vol. 2-1. Moscow, Otd. literaturovedeniya INION, 299 p.

Prokof'eva, A.G., Prokof'eva, V.Yu. (2019). *Russkie pisateli – urozhentsy Orenburgskogo kraya (XIX – nachalo XX vv)* [Russian Writers – Natives of the Orenburg Region (XIX – Early XX Centuries)]. Moscow, Sputnik+. 303 p.

Sharonova, V.G. (2013). *Nekropol' russkogo Shankhaya* [Necropolis of Russian Shanghai]. Moscow, Staraya Basmannaya. 519 p.

Sun Yizhi. (2020). Sovetskiy Soyuz, russkoe zarubezh'e i shankhayskie vlasti v propagandist-skoy bor'be serediny 1920-kh gg. [Soviet Union, Russian Emigré, and Shanghai Governments in the mid1920s Propaganda Campaigns]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 1 (25), pp. 102–122.

Wang Zhicheng. (1993). *Shanghay eqiao shi* [The History of Russian Émigré in Shanghai]. Shanghai, Sanlian shudian. 832 p.

Wang Zhicheng. (2008). *Jingdai Shanghai eguo qiaomin shenghuo* [The Life of Russian Emigrants in Shanghai in Modern Period]. Shanghai, Shanghai cishu. 569 p.

Zhiganov, V.D. (1936). *Russkie v Shankhae* [The Russians in Shanghai]. Shanghai, Slovo. 290 p.

Т.Ю. Феклова*

**МАГНИТНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ СТАНЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
В КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-15
УДК 551.501 (470+510)“18”*Выходные данные для цитирования:**Феклова Т.Ю. Магнитно-метеорологические станции Санкт-Петербургской академии наук в Китае во второй половине XIX века // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 179–188. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-15.pdf>*

T.Yu. Feklova*

**MAGNETO-METEOROLOGICAL STATIONS
OF THE SAINT-PETERSBURG'S ACADEMY OF SCIENCES
IN CHINA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-15

*How to cite:**Feklova T.Yu. Magneto-Meteorological Stations of the Saint-Petersburg's Academy of Sciences in China in the Second Half of the 19th Century // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 179–188. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-15.pdf>]*

Abstract. Currently, the world community actively raises the issue of the anthropogenic influence on the climate. However, it should be noted that the instrumental weather measurement only started in the second half of the 19th century and cannot give the whole picture of the long-term processes of climate change. In the 19th century meteorology began to develop as an independent science in Russia and the world. In the second half of the 19th century permanent magneto-meteorological stations and observatories were established. They were equipped with a unified methodological and instrumental apparatus for meteorological research. At the same time meteorological investigations moved far beyond metropolises. At the beginning of the 18th century a Russian Orthodox mission was organized in China. In 1848 a Magneto-meteorological observatory was established on its territory. The observatory became the first European magneto-meteorological observatory in China. Information about the observations was being transmitted to the Saint-Petersburg Academy of Sciences. In 1862, the observatory in Beijing was transferred into the jurisdiction of the Academy of Sciences. The director of the Beijing Observatory, G.A. Fritsche organized several stations on the territory of China and Mongolia (stations in Urga, Kalgan, Kyakhta). Observations at the stations were carried out for a short time and by non-specialists, but those stations were very important as they collected and accumulated information about the weather conditions of China.

Keywords: China, Beijing, meteorology, observatory, station, G.A. Fritsche.

The article has been received by the editor on 16.02.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В настоящее время в мировом сообществе активно поднимаются вопросы антропогенного влияния на климат. Однако инструментальное измерение погоды начато сравнительно недавно и неспособно дать полной картины о

* **Татьяна Юрьевна Феклова**, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: tat-feklova@yandex.ru

Tatiana Yurievna Feklova, Candidate of History Sciences, Saint-Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology named by S.I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: tat-feklova@yandex.ru

глобальных процессах изменения климата. Метеорология как наука начинает активно развиваться в России и в мире в XIX в. Тогда же появляются постоянные станции и обсерватории, снабженные унифицированным методико-инструментальным аппаратом метеорологических исследований. В середине XIX в. наблюдения шагнули далеко за пределы метрополий. В начале XVIII в. в Пекине (Китай) была организована Русская Духовная миссия. В 1848 г. на территории Русской Духовной миссии была основана Магнитно-метеорологическая обсерватория. Данная обсерватория стала первой европейской магнитно-метеорологической обсерваторией в Китае. Информация о наблюдениях передавалась в Главную Физическую обсерваторию Санкт-Петербургской академии наук. В 1862 г. обсерватория в Пекине была передана под юрисдикцию Академии наук. Стараниями директора Пекинской обсерватории Г.А. Фритше на территории Китая и Монголии было организовано несколько станций, собиравших и аккумулирующих информацию о погодных условиях такой закрытой страны, как Китай (станции Урга, Тяньцзинь, Кяхта, Сиваньцзы, Калган). Наблюдения на станциях проводились недолго и силами неспециалистов, однако они были важны для развития сети магнитно-метеорологических наблюдений в России и накопления информации из разных регионов. Автор впервые вводит в научный оборот архивные данные из Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук.

Ключевые слова: Китай, Пекин, метеорология, обсерватория, станция, Г.А. Фритше.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023 г.

Введение. В настоящее время отмечается рост сотрудничества между Россией и Китаем. В этой связи внимание исследователей привлекают сюжеты об истории взаимоотношения этих двух стран.

В XVII в. казаки активно проникали в Сибирь и на Дальний Восток. Ими было основано несколько острогов, в число которых вошел и Албазин. Правительство Китая не признавало власть России над этими территориями, и в 1685 г. Албазин был захвачен китайскими войсками. Оставшиеся в живых казаки были уведены в Пекин, где впоследствии вошли в состав императорской гвардии. Для сохранения в их среде православия в 1713 г. (1715 г.) в Пекине была организована Русская духовная миссия. Данная миссия стала своеобразным «опорным пунктом» России для изучения Китая.

В XIX в. активно развивается наука и происходит ее дальнейшая дифференциация. Особое развитие получает метеорология. В мире растет число магнитно-метеорологических станций и обсерваторий. Россия активно принимала участие в этом процессе и к 70-м гг. XIX в. стала одним из мировых лидеров по охвату территорий, унификации инструментов и методов наблюдений и количеству проводимых исследований. В середине XIX в. в орбиту магнитно-метеорологических исследований Российской империи вошел Китай. В 1848 г. на территории Русской духовной миссии была основана первая европейская

Магнитно-метеорологическая станция в Пекине. 1904.
Альбом барона Ф.Р. Остен-Сакена.
РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1943.

магнитно-метеорологическая обсерватория в Азиатско-Тихоокеанском регионе (обсерватория французских иезуитов Зи-ка-вей в Шанхае была открыта только в 1872 г.). Особый вклад в развитие метеорологии в данном регионе внес директор Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории (ПММО) Г.А. Фритше (время директорства 1867–1881 гг.)¹. Благодаря его деятельности, помимо обсерватории в Пекине, на территории Китая было создано несколько станций, занимавшихся наблюдениями над погодой. Это позволило охватить большой регион и получить более полные данные о его климатических особенностях.

Сеть русских магнитно-метеорологических станций охватила практически весь Китай от Тяньцзиня на севере до Цзилунга на юге с включением станции в Урге (центр Монголии). В отличие от предыдущих исследований², где работа русских магнитно-метеорологических станций была показана как часть более масштабных исследований Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории, основной фокус данной статьи сосредоточен именно на станциях. В статье значительно расширена информация о деятельности станций (история станции Сиваньцзы была продлена вплоть до 1949 г.), приведены таблицы температур, а также показана их интеграция (на уровне инструкций и правового положения) в российскую сеть магнитно-метеорологических станций.

В 1869 г. директор Главной Физической обсерватории Г.И. Вильд разработал специальную инструкцию для проведения метеорологических исследований³. В 1870 г. инструкция была доработана и внедрена во все магнитно-метеорологические станции и обсерватории страны⁴. Инструкция унифицировала и стандартизировала методы, методики и инструментарий проведения наблюдений, что позволило объединить все станции России в единую действующую сеть наблюдений над погодой. Вводились системы проверок инструментов, что привело к повышению достоверности предоставляемых данных. В связи с тем, что большинство станций Пекинской обсерватории были основаны Г.А. Фритше уже после принятия инструкции Г.И. Вильда, наблюдения в них проводились по стандартам проверенными приборами, а данные включались в ежегодный отчет Пекинской обсерватории.

За период пребывания на посту директора Пекинской обсерватории, непосредственно или при своем участии, Г.А. Фритше удалось организовать несколько станций:

- 1) Урга (совр. Улан-Батор, Монголия), 1869 г.;
- 2) Тяньцзинь (около Пекина), 1871 г.;
- 3) Калган (север Китая), 1871 г.;
- 4) Крепость Дагу (около Тяньцзиня), 1872 г.;
- 5) Сиваньцзы (север Китая), 1873 г.;
- 6) Келунг (Цзилунг, Тайвань), 1873 г.;
- 7) Кяхта (Россия), 1876 г.

Необходимо отметить, что наблюдениями на данных станциях занимались не профессиональные ученые, а служащие, врачи, миссионеры и ученики. Сами станции чаще всего располагались либо на личном участке, либо при училище/консульстве. Тем не менее директор Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории Г.А. Фритше в своих ежегодных отчетах по Главной Физической обсерватории описывает их именно как полноценные магнитно-метеорологические станции. Помимо этого, в 70-х гг. XIX в. процесс институализации метеорологии только начинался и большинство станций существовало именно в таком формате, и лишь позднее они стали оформляться в полноценные станции, приближенные к современным.

Станция Урга в Монголии. Из-за политики изоляционизма вплоть до середины XIX в. в Китае отсутствовали официальные дипломатические представительства других стран, в том числе и России. Только после поражения Китая во Второй Опиумной войне (1856–

¹ Феклова Т.Ю. Магнитно-метеорологическая обсерватория Академии наук в Пекине: хроники событий. М.; СПб., 2021. 300 с.

² Феклова Т.Ю. Магнитно-метеорологическая обсерватория Академии наук в Пекине...

³ Очерки по истории гидрометеорологической службы России. Т. 3. Кн. 2. СПб., 2005. С. 308.

⁴ Вильд Г.И. Инструкция для метеорологических станций. СПб., 1879. 49 с.

1860 гг.) ряд посольств европейских стран был открыт в Пекине (России, Франции и Великобритании в 1861 г., США – в 1862 г. и др.).

Одним из первых (1861 г.) было открыто консульство Российской империи в Урге (Внешняя Монголия являлась императорским наместничеством)⁵. Само консульство располагалось на открытом пространстве, неподалеку от ряда торговых поселений, объединенных под общим названием Маймачен⁶.

Создание консульства в Урге способствовало расширению торговли между Россией и Китаем, укреплению межгосударственных отношений и решению ряда конфликтов, неизбежно возникающих в приграничной области. Магнитно-метеорологическая станция в Урге стала одной из ключевых позиций для изучения климата Монголии и была включена в формирующуюся сеть станций и обсерваторий на линии магнитно-метеорологических станций и обсерваторий Российской империи от Хельсинки до Тайваня.

Заинтересованность в развитии метеорологических исследований в Урге высказал и консул Я.П. Шишмарев⁷. Он оказывал посильное содействие и помощь как в организации самой станции, так и в проведении дальнейших наблюдений. В связи с невозможностью назначения на место наблюдателя специального человека и выплатой ему отдельного жалования, после согласования с директором Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории Г.А. Фритше и короткого обучения на это место был назначен сотрудник консульства И.М. Сахаров. Первые данные с этой станции поступили в ПММО в сентябре 1869 г. и после обработки (расчет поправок инструментов) совместно с информацией из самой ПММО были отправлены Г.А. Фритше в Санкт-Петербург для публикации в ежегодных летописях Главной Физической обсерватории Санкт-Петербурга. Посильную помощь в проведении наблюдений оказывали сотрудник консульства Г.А. Мосин (после увольнения Сахарова и прохождения обучения в Пекинской обсерватории возглавил станцию в Урге) и студенты, изучающие монгольский и маньчжурский языки при консульстве⁸.

Согласно постановлению Первого метеорологического конгресса, проходившего в Вене в 1873 г., все метеорологические станции были разделены на три разряда согласно объему выполняемых ими работ:

- 1) обсерватории и станции, выполняющие широкий спектр наблюдений;
- 2) станции, проводящие наблюдения только над атмосферным давлением, температурой, влажностью воздуха, ветром, облачностью, осадками;
- 3) станции, проводящие наблюдения над отдельными атмосферными явлениями, например осадками, грозами и т.д.

Первоначально станция в Урге располагала только спиртовым термометром, барометром, дождемером и флюгером, в связи с чем могла проводить только отдельные наблюдения (табл. 1)⁹. Но через несколько лет ей были присланы дополнительные инструменты, и она была переведена в 1-й разряд¹⁰.

Таблица 1

Температура в Урге в 1870 г.^{*11}

Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Сред.
-28,6	-24,97	-13,9	+0,55	+8,9	+13,2	+18,2	+15,2	+9,3	-2,4	-16,8	-25,5	-3,9

* Летописи Главной Физической обсерватории за 1870 г. / под ред. Г.И. Вильда. СПб., 1872. С. 31.

⁵ Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М., 2015. С. 58.

⁶ Фритше Г.А. Отчет Фритше об учреждении в Сибири в 1874 г. новых метеорологических станций и о состоянии прежних станций // Отчет по Главной Физической Обсерватории за 1873 и 1874 гг. СПб., 1875. С. 136.

⁷ Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии... С. 59.

⁸ Фритше Г.А. Отчет Фритше об учреждении в Сибири в 1874 г. новых метеорологических станций... С. 136.

⁹ Фритше Г.А. Отчет по Пекинской обсерватории за 1871 г. // Отчет по Главной Физической Обсерватории за 1871 и 1872 гг. СПб., 1873. С. 74.

¹⁰ Летописи Главной Физической обсерватории за 1870 г. / под ред. Г.И. Вильда. СПб., 1872. С. 31.

¹¹ Там же. С. 562.

Одними из первых среди всех магнитно-метеорологических станций и обсерваторий России в Урге проводятся наблюдения над температурой на поверхности и в глубине почвы. Данные исследования начались с октября 1872 г.¹² Пекинская магнитно-метеорологическая обсерватория и ее станции стали первыми из сети станций и обсерваторий Российской империи, которые стали проводить подобного рода наблюдения (1869 г. – изучение температуры в глубине почвы впервые стали проводиться в Пекине, в Санкт-Петербурге подобные наблюдения проводились начиная с 1872 г.)¹³.

В конце XIX в. в связи с нехваткой сотрудников в консульстве метеорологические наблюдения существенно сократились и в основном проводились силами учеников школы переводчиков, не имевших нужных знаний. Поэтому в отчетах Главной Физической Обсерватории, например за 1896 и 1897 г., данные со станции Урга публиковались не в полном объеме¹⁴.

Станция в Урге занимала достойное место в ряду магнитно-метеорологических станций и обсерваторий России. Она обеспечивала поступление важных данных о погоде в Монголии как основном пути для русских караванов из Санкт-Петербурга в Пекин, а также позволила провести долговременные метеорологические наблюдения в условиях резко континентального климата и определить некоторые его закономерности.

Станция Тяньцзинь. Тяньцзинь находился примерно в 100 км от Пекина и благодаря своему удобному расположению около моря был привлекателен для торговли. После поражения Китая во Второй Опиумной войне Тяньцзинь был открыт для иностранцев. После этого в Тяньцзине был построен отдельный европейский квартал, где проживало, в том числе, много русских купцов. Для их удобства в Тяньцзине было открыто отделение почты Российской империи. В европейской части города число жителей варьировалось от 100 до 200 человек, в китайской же части постоянно проживало несколько сот тысяч человек.

Метеорологические исследования в Тяньцзине проводились не специалистом, а помощником купца первой гильдии, одного из основателей Русско-Китайского банка А.Д. Старцева, И.А. Бардачевым¹⁵. Первые наблюдения над погодой Бардачев производил по инструментам, приобретенным лично Старцевым, и лишь позднее из Пекинской обсерватории в Тяньцзинь были доставлены инструменты (смоченный и сухой термометры Гейслера, волосной гигрометр¹⁶ и термограф)¹⁷. Инструменты были размещены не на отдельной площадке, а на балконе дома, что влияло на правильность их показаний (табл. 2). Дождемер, разработанный еще бывшим директором Главной Физической обсерватории Г.А. Купфером, был помещен на открытом месте на высоте 1,8 м от земли.

Таблица 2

Температура в Тяньцзине в 1872 г.*

Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Сред.
-3,7	-0,1	5,5	12,9	20,2	24,8	28,3	26,1	22,8	15,4	4,6	1,3	13,2

* Летописи Главной Физической обсерватории за 1873 г. / под ред. Г.И. Вильда. СПб., 1874. С. 655.

Занятость не позволила Бардачеву долго заниматься проведением постоянных исследований, и вскоре они были прекращены.

¹² Фритше Г.А. Отчет по Пекинской обсерватории за 1871 г. // Отчет по Главной Физической Обсерватории за 1871 и 1872 гг. СПб., 1873. С. 78.

¹³ Быховец С.С., Сороковников В.А., Мартуганов Р.А., Мамыкин В.Г., Гиличинский Д.А. История наблюдений за температурой почвы на сети метеорологических станций России // Криосфера Земли. 2007. Т. XI, № 1. С. 9.

¹⁴ Летописи Главной Физической обсерватории за 1897 / под ред. Г.И. Вильда. СПб., 1898. С. 38.

¹⁵ Фритше Г.А. Отчет по Пекинской обсерватории за 1871 г. // Отчет по Главной Физической Обсерватории за 1871 и 1872 гг. СПб., 1873. С. 78.

¹⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 4. Оп. 110. Д. 10. Л. 3.

¹⁷ Фритше Г.А. Отчет по Пекинской обсерватории за 1877 и 1878 г. // Отчет по Главной Физической Обсерватории за 1877 и 1878 гг. СПб., 1879. С. 97.

Спустя пять лет, в 1877 г., метеорологические наблюдения были возобновлены консулом К.И. Вебером в здании консульства Российской империи (существовало до 1920 г.)¹⁸. Однако занятость консула не позволяла ему проводить наблюдения чаще одного раза в день, что было недостаточным для полноценных магнитно-метеорологических наблюдений.

Директор Г.А. Фритше отмечал усердие, с которым производили исследования И.А. Бардачев и К.И. Вебер, однако эти наблюдения не могли дать полного представления о климатологии Северного Китая.

Станция Калган на севере Китая. Город Калган (совр. Чжанцзякоу) являлся приграничным городом с Внутренней Монголией, и через него, как и через Кяхту, осуществлялась торговля России с Китаем. Во время своей экспедиции на север Китая Фритше посетил Калган и попросил местного купца К.И. Громова проводить отдельные метеорологические наблюдения. 1 июля 1871 г. из Пекина в Калган были доставлены следующие инструменты: анероид, два ртутных термометра, гигрометр с волоском, металлический термограф и старый дождемер¹⁹. Громову была также предоставлена инструкция Г.И. Вильда для правильности расстановки инструментов и корректировки наблюдений²⁰.

Наблюдения в Калгане продолжались чуть больше года, так как купец вынужден был уехать из Калгана и, не найдя никого вместо себя, вернул все инструменты в Пекин²¹. Тем не менее Фритше включил наблюдения со станции Калган в ежегодный отчет Пекинской обсерватории, и они были опубликованы в Летописях Главной Физической обсерватории (табл. 3).

Таблица 3

Температура в Калгане в 1871, 1872 г.*

Янв. 1872	Фев. 1872	Авг. 1871	Сент. 1871	Окт. 1871	Нояб. 1871	Дек. 1871
-12,5	-8,7	23,2	16,8	9,8	-2,4	-9,6

* Летописи Главной Физической обсерватории за 1873 г. / под ред. Г.И. Вильда. СПб., 1874. С. 659.

Несмотря на краткость наблюдений, они показывали, во-первых, возросший интерес населения к метеорологии и готовность проводить исследования, а во-вторых, позволили получить дополнительные сведения о климате Внутренней Монголии.

Станция в крепости Дагу около Пекина. Неподалеку от Тяньцзиня еще во время династии Мин (время правления 1368–1644 гг.) была построена крепость Дагу. В середине XIX в. крепость была расширена и сыграла значительную роль во время Опиумных войн. После подписания мира с Китаем и открытия Тяньцзиня для иностранцев там была образована одна из станций китайской морской торговли. В 1872 г. директор ПММО Г.А. Фритше обратился к начальнику гавани Ганкоку с просьбой о проведении барометрических и психрометрических наблюдений в крепости Дагу.

Наблюдения проводились до октября 1872 г., когда Ганкок оставил свой пост и передал инструменты (барометр и психрометр) своему преемнику Моргиду (в отчете за 1873 г. Фритше приводит другую фамилию – Мореход²²), продолжившему метеорологические исследования. В 1877 г. наблюдения велись Транаком.

В 1872 г. Г.А. Фритше отправил в крепость Дагу новые инструменты, в число которых вошли ртутные термометры, анероид и психрометры. Дождемер был отправлен на станцию в

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 337. Оп. 1. Д. 364. Л. 7.

¹⁹ Фритше Г.А. Отчет по Пекинской обсерватории за 1871 г. // Отчет по Главной Физической Обсерватории за 1871 и 1872 гг. СПб., 1873. С. 78.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 110. Д. 9. Л. 3.

²¹ Там же. Д. 10. Л. 1 об.

²² Фритше Г.А. Отчет об учреждении в Сибири в 1874 г. новых метеорологических станций и о состоянии прежних станций // Отчет по Главной Физической Обсерватории за 1873 и 1874 гг. СПб., 1875. С. 99.

1873 г. Наблюдения со станции Дагу (Таку – под таким названием станция значится в Летописях ГФО) из-за их нерегулярности и сомнений в правильности их проведения хранились в архиве Обсерватории без опубликования²³.

Нерегулярные, но ценные наблюдения, проводимые на станции Дагу, способствовали накоплению данных о климате прибрежной зоны Китая²⁴.

Станция Сиваньцзы на севере Китая. В 1873 г. Фритше исследовал прихинганскую часть Китая (северо-восток Китая, Ляодунский полуостров, южная часть Маньчжурии)²⁵. 13 мая участники экспедиции сделали остановку в деревне Сиваньцзы, где иезуитами из Бельгии была основана миссионерская станция. Селение Сиваньцзы находилось в 40 км к востоку от Калгана, недалеко от пустыни Гоби. Изучение погоды на этой территории представляло особый интерес как образец резко континентального климата. Фритше уговорил бельгийских миссионеров-иезуитов Мейера, Дж. Ван-Эртселера и Ван-Гека проводить метеорологические наблюдения²⁶.

В связи с тем, что после посещения Сиваньцзы Фритше направлялся в Санкт-Петербург, он направил письмо в Пекин к своему заместителю с просьбой выслать в селение инструменты для корректного проведения наблюдений. Вскоре на станцию из Пекина прибыли термометры и анероид²⁷.

Дождемер был изготовлен лично Фритше на месте из стеклянного цилиндра с нанесенными на него делениями. Данный дождемер проработал до 1878 г., когда из Пекина был прислан новый на замену.

Отсутствие возможности сверки часов для метеорологических исследований заставило Фритше создать во дворе бельгийской миссии солнечные часы²⁸.

Станция Сиваньцзы оказалась самой долго работающей среди всех магнитно-метеорологических станций Пекинской обсерватории. Большинство станций держались либо работой директора обсерватории Г.И. Фритше и после его ухода в 1881 г. сократили или прекратили наблюдения, либо на энтузиазме самих исследователей, которые по разным обстоятельствам заканчивали свою деятельность. В связи с тем, что бельгийские миссионеры общины Сиваньцзы принадлежали к римско-католическому ордену Общества Иисуса (иезуиты), они были включены в обширную сеть миссионеров-иезуитов по всему миру. В своей работе «Иезуиты в Китае и распространение западноевропейских книг по естественным наукам» профессор Ноэль Голверс²⁹ высказывал идею, что, несмотря на огромные пространства, ученые-иезуиты, работавшие в Китае в XVII и XVIII вв., не были изолированы: «они могли полагаться на сложную, но эффективную сеть связи с международным европейским *res publica litterarum*». Параллельно с отправлением метеорологических данных в Пекинскую обсерваторию миссионеры из Сиваньцзы направляли информацию в метеорологическую обсерваторию Зи-ка-вей. Пересылка данных продолжилась и после закрытия Пекинской обсерватории (предположительно в 1915 г.). Работа станции Сиваньцзы была прекращена в 1949 г. после национализации всех иностранных организаций новым коммунистическим правительством Китая³⁰.

Станция Келунг (Цзилунг), Тайвань. В 1854 г. Англией, Францией и США по взаимному соглашению с Китаем была основана Китайская таможенная служба (КМТС). По прошествии времени данная служба стала контролировать всю береговую таможенную Китай. Юридически береговая таможня была подконтрольна Китаю, однако фактически весь

²³ Летописи Главной Физической обсерватории за 1876 г. / под ред. Г.И. Вильда. СПб., 1877. С. VII.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 337. Оп. 1. Д. 364. Л. 7 об.

²⁵ Там же. Д. 366.

²⁶ Фритше Г.А. Годовой отчет директора Пекинской обсерватории за 1873–1874 гг. // Записки Императорской Академии наук. Т. 28. Кн. 1. СПб., 1876. С. 75–85.

²⁷ Фритше Г.А. Отчет по Пекинской обсерватории за 1877 и 1878 г. // Отчет по Главной Физической Обсерватории за 1877 и 1878 гг. СПб., 1879. С. 97.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 337. Оп. 1. Д. 366.

²⁹ Golvers N. The Jesuits in China and the Circulation of Western Books in the Sciences (17th–18th Centuries): The Medical and Pharmaceutical Sections in the SJ Libraries of Peking. EASTM 34. 2011. P. 15–85.

³⁰ Udías A. Jesuits and the Natural Sciences in Modern Times, 1814–2014. Leiden; Boston: Brill, 2019. P. 32.

высший и средний персонал комплектовался из иностранцев. Большинство из них были англичанами, но были среди них и подданные Российской империи. 13 ноября 1869 г. на службу в КМТС поступил Н.Н. Титушкин³¹.

В начале 1873 г. он обратился к Г.А. Фритше с просьбой прислать необходимые инструменты и инструкции для производства метеорологических наблюдений на Тайване. Наблюдения начались в сентябре 1873 г.

В октябре 1873 г. Титушкин написал письмо директору ПММО с просьбой дать подробные инструкции относительно того, как высчитывать абсолютную и относительную влажность, «все ли равно, что барометр лежит или висит, что находится в комнате или вне?»³².

В ноябре 1873 г. Титушкин передал свои температурные наблюдения в Пекин. В сопроводительном письме он написал, что термометр, по которому он производит наблюдения, это по сути «развалина барометра», а в связи с тем, что практически все приборы сделаны в Англии, то шкалы на них выполнены в градусах Фаренгейта (в России с 1865 г. большинство инструментов имели шкалу в градусах Цельсия)³³. Разность шкал требовала дополнительной корректировки наблюдений.

В 1874 г. на Тайвань из Главной Физической обсерватории были направлены термометр и анероид (прибор для измерения атмосферного давления).

В Летописях Главной Физической обсерватории, в которых публиковались данные со всех магнитно-метеорологических станций Российской империи, за 1877 г. и за последующие годы отсутствует информация, переданная с Тайваня, что позволяет говорить о том, что наблюдения после 1877 г. не проводились.

Метеорологические наблюдения, проводимые Титушкиным в 70-х гг. XIX в. на Тайване, стали первыми метеорологическими исследованиями, проведенными европейцами на Тайване с помощью современных (на тот момент) приборов и современными методами, и внесли значимый вклад в изучение погоды данного региона.

Станция Кяхта на русско-китайской границе. В 1727 г. на российско-монгольской границе был основан город Кяхта. В XIX в. он стал центральным финансовым и торговым узлом в российско-китайских отношениях.

Как и на остальных станциях, наблюдения на Кяхтинской магнитно-метеорологической станции производились неспециалистом. Наблюдения над погодой по личной инициативе, еще до просьб Фритше о создании станции, производил доктор К.П. Козих. Во время отпуска доктора Козиха заменял аптекарь Филькевич.

Дом доктора К.П. Козиха находился на западном склоне хребта, образующего долину. Это сказывалось на наблюдениях силы и направления ветра, так как эти данные могли находиться под влиянием местности.

По общему плану оснащения всех станций однотипными приборами из Главной Физической обсерватории были высланы термометры Гейслера, дождемер, анероид и барометр Туретини № 66 (табл. 4).

К 1877 г. барометр еще не был установлен согласно новой инструкции Вильда в цинковую клетку, и Козих делал наблюдения по старым барометрам.

Таблица 4

Температура в Кяхте в 1877 г.

Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Сред.
-27,6	-24	-7,5	2,7	8,4	16,9	17,6	15,7	8,8	-1	-12,5	-25,2	-2,6

* Летописи Главной Физической обсерватории за 1877 г. / под ред. Г.И. Вильда. СПб., 1878. С. 466.

³¹ Зайцев Р.В. Н.Н. Титушкин – первый русский резидент на Тайване // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 3. С. 462–469.

³² СПбФ АРАН. Ф. 337. Оп. 1. Д. 373. Л. 11 об.

³³ Там же. Л. 5.

В заключении к своему отчету в ГФО за 1877 и 1878 гг. Г.А. Фритше написал, что в связи с тем, что на Кяхтинскую станцию были высланы хорошие инструменты из ГФО, «можно надеяться, что эта станция будет одной из лучших в России»³⁴.

Заключение. Россия и Китай имеют долгую историю межгосударственного взаимодействия. Общая граница, долгое время не закреплённая официально, с одной стороны, приводила к постоянным пограничным конфликтам, а с другой – позволяла налаживать долгосрочные торговые связи. Закрытость Китайской империи (частичная, в отличие от Японии) не способствовала установлению постоянных дипломатических отношений.

С 1713 по 1955 г. на территории Китайского государства работала Русская Духовная миссия в Пекине. Только благодаря посредничеству миссии светские ученые могли заниматься изучением Китая.

В XIX в. в России наблюдался рост интереса в обществе к метеорологическим исследованиям. Отчасти это объясняется огромной территорией и необходимостью учитывать климатические особенности различных биогеографических зон для прогнозирования сельскохозяйственных работ и технических разработок. Внимание правительства к этому вопросу, выраженному прежде всего в достаточном финансировании исследований, привело к тому, что было построено большое количество метеорологических и магнитных обсерваторий, а также региональных станций, в которых велись систематические наблюдения. К концу XIX в. именно в Российской империи метеорология достигла наивысшего для того времени расцвета. Необходимость в организации научных исследований Китая на постоянной основе привела к тому, что на территории Северного подворья Русской Духовной миссии в 1848 г. была построена Магнитно-метеорологическая обсерватория. Пекинская обсерватория стала «якорной» обсерваторией для ряда магнитно-метеорологических обсерваторий и станций в Сибири, Китае и Монголии. Директором ГФО Г.И. Вильдом в 1869 г. была разработана «Инструкция для метеорологических станций», заложившая основы современной метеорологии в деле регулярности и постоянства наблюдений и унификации приборов и методов. Пекинская обсерватория и ее станции были включены в общую сеть магнитно-метеорологических станций Российской империи под общим управлением Императорской академии наук, создав, таким образом, самую протяженную сеть научных учреждений в мире (от Хельсинки, Финляндия, на западе до Килунга, Тайвань, на востоке).

Исследования, проводившиеся в Пекинской обсерватории и ее станциях, расположенных на линии Кяхта-Тайвань, позволили собрать новые данные о ранее неизученном в метеорологическом и магнитном отношении Дальневосточном регионе, что способствовало переходу от просто наблюдений над погодой к первым погодным прогнозам и в дальнейшем привело к появлению новой отрасли науки – климатологии.

Литература

Быховец С.С., Сороковников В.А., Мартуганов Р.А., Мамыкин В.Г., Гиличинский Д.А. История наблюдений за температурой почвы на сети метеорологических станций России // Криосфера Земли. 2007. Т. XI, № 1. С. 7–21.

Зайцев Р.В. Н.Н. Титушкин – первый русский резидент на Тайване // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 3. С. 462–469.

Очерки по истории гидрометеорологической службы России / под общ. ред. А.И. Бедрицкого. Т. 3. Кн. 2. СПб.: Гидрометеоиздат, 2005. 390 с.

Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: Наука, 2015. 294 с.

Феклова Т.Ю. Магнитно-метеорологическая обсерватория Академии наук в Пекине: хроники событий. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 300 с.

³⁴ Фритше Г.А. Отчет по Пекинской обсерватории за 1877 и 1878 г. // Отчет по Главной Физической Обсерватории за 1877 и 1878 гг. СПб., 1879. С. 113.

Golvers N. The Jesuits in China and the Circulation of Western Books in the Sciences (17th–18th Centuries): The Medical and Pharmaceutical Sections in the SJ Libraries of Peking // *East Asian Science, Technology, and Medicine*. 2011. No. 34. P. 15–85.

Udías A. *Jesuits and the Natural Sciences in Modern Times, 1814–2014*. Leiden, Boston: Brill, 2019. 104 p.

References

Bedritskiy, A.I. (Eds.). (2005). *Ocherki po istorii gidrometeorologicheskoy sluzhby Rossii* [Essays on the History of the Hydrometeorological Service of Russia]. Vol. 3, No. 2. St. Petersburg, Gidrometeoizdat. 390 p.

Bykhovets, S.S., Sorokovnikov, V.A., Martuganov, R.A., Mamykin, V.G., Gilichinskiy, D.A. (2007). *Istoriya nablyudeniya za temperaturoy pochvy na seti meteorologicheskikh stantsiy Rossii* [History of Observations of Soil Temperature on the Network of Meteorological Stations of Russia]. In *Kriosfera Zemli*. Vol. XI, No. 1, pp. 7–21.

Feklova, T.Yu. (2021). *Magnitno-meteorologicheskaya observatoriya Akademii nauk v Pekine: khroniki sobytii* [Magnetic Meteorological Observatory of the Academy of Sciences in Beijing: Chronicles of Events]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 300 p.

Golvers, N. (2011). The Jesuits in China and the Circulation of Western Books in the Sciences (17th–18th Centuries): The Medical and Pharmaceutical Sections in the SJ Libraries of Peking. In *East Asian Science, Technology, and Medicine*. No. 34, pp. 15–85.

Sizova, A.A. (2015). *Konsul'skaya sluzhba Rossii v Mongolii (1861–1917)* [The Consular Service of Russia in Mongolia (1861–1917)]. Moscow, Nauka. 294 p.

Udías, A. (2019). *Jesuits and the Natural Sciences in Modern Times, 1814–2014*. Leiden, Boston, Brill. 104 p.

Zaytsev, R.V. (2019). N.N. Titushkin – pervyy russkiy rezident na Tayvane [Titushkin – the First Russian Resident in Taiwan]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Vol. 49, No. 3, pp. 462–469.

А.М. Харитоновна*

КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ ДИПЛОМАТА П.К. РУДАНОВСКОГО
В БИБЛИОТЕЧНОМ СОБРАНИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-16
УДК 821.581;929

Выходные данные для цитирования:
Харитоновна А.М. Коллекция книг дипломата П.К. Рудановского в библиотечном собрании Санкт-Петербургского государственного университета // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 189–198.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-16.pdf>

A.M. Kharitonova*

THE BOOK COLLECTION OF THE DIPLOMAT
P.K. RUDANOVSKY IN THE LIBRARY
OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-16

How to cite:
Kharitonova A.M. The Book Collection of the Diplomat P.K. Rudanovsky in the Library of St. Petersburg State University // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 189–198. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-16.pdf>]

Abstract. The article analyzes the book collection of the diplomat Petr Konstantinovich Rudanovsky (1871–1904), which was transferred to the library of St. Petersburg University. The article provides new data related to the identity of the diplomat. The scientific novelty of the study is represented by new facts concerning the biography of P.K. Rudanovsky, as well as use of the previously unpublished archival materials, e.g., the case of his inheritance is being scrutinized for the first time in the scientific literature. This study has been pending due to the growing interest of historians towards the book collections stored in the Oriental Department of the Academic Library at St. Petersburg State University, as well as lives of their collectors. The source base of this study includes the documents of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (Moscow), the State Archive of the Russian Federation (Moscow), the Central State Historical Archive of St. Petersburg (St. Petersburg), the Archive State Hermitage Museum (St. Petersburg), as well as inventory books of the Oriental Department of the St. Petersburg State University Library. The study uses the hermeneutic approach with focus on the interpretation of archival documents of personal origin, the book collection and official documents of the Ministry of Foreign Affairs. The analysis of the archives related to the transfer of P.K. Rudanovsky's heritage made it possible to clarify some facts concerning his brothers. The collection of books, transferred to the academic library of the University, has more than fifty books, which were identified according to the presence of an ex-libris or based on an entry record in the inventory book. The main bulk of the collection are educational books (textbooks, dictionaries); translations of Chinese historical works; geographical or historical works about China in Russian, English, German, French and Chinese.

Keywords: P.K. Rudanovsky, book collection, Russian-Chinese relations, Ministry of foreign affairs.

The article has been received by the editor on 01.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье исследуется книжная коллекция дипломата Петра Константиновича Рудановского (1871–1904), которая после его смерти была передана в библиотеку Санкт-Петербургского университета. Кроме того, в статье раскры-

* Анна Михайловна Харитоновна, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.kharitonova@spbu.ru

Anna Mikhailovna Kharitonova, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: a.kharitonova@spbu.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН № 21-59-93001.

The reported study was funded by RFBR and CASS, project No. 21-59-93001.

ваются новые данные, связанные с личностью дипломата. Научная новизна исследования подтверждается проведенной систематизацией данных о личности П.К. Рудановского, а также использованием ранее не публиковавшихся архивных материалов – например, впервые в научной литературе изучается дело о его наследстве. Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом исторической науки к книжным коллекциям, которые хранятся в Восточном отделе научной библиотеки СПбГУ, а также к судьбам их собирателей. Источниковой базой для исследования стали документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб, Санкт-Петербург), Архива Государственного Эрмитажа (АГЭ, Санкт-Петербург), а также инвентарные книги Восточного отдела библиотеки СПбГУ. В исследовании используется герменевтический метод, сконцентрированный на толковании архивных документов личного происхождения, книжной коллекции и официальных документов МИД. Проанализированное дело о передаче наследства П.К. Рудановского позволило прояснить вопрос о его братьях. Коллекция книг, переданная в научную библиотеку университета, насчитывает более пятидесяти книг, восстанавливается по наличию экслибриса или наличию записи в инвентарной книге. Основа коллекции – это образовательные книги (учебники, словари), переводы китайских исторических сочинений, географические или исторические произведения о Китае на русском, английском, немецком, французском и китайском языках.

Ключевые слова: П.К. Рудановский, книжная коллекция, российско-китайские отношения, Министерство иностранных дел.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023 г.

Введение. Статья представляет собой итог научной работы по описанию книжной коллекции, принадлежавшей дипломату и переданной в библиотеку Санкт-Петербургского университета, а также реконструкции биографии Петра Константиновича Рудановского (1871–1904). Научная новизна исследования подтверждается проведенной систематизацией данных о личности П.К. Рудановского, а также использованием ранее не публиковавшихся архивных материалов: например, впервые в научной литературе изучается дело о его наследстве, изучается книжная коллекция, переданная в научную библиотеку через много лет после его смерти. Ранее о жизни дипломата были опубликованы тезисы исследователя А.Н. Хохлова¹, статья А.М. Харитоновой², статья о восстании ихэтуаней и о деятельности китайского политика Ли Хунчжана (1823–1901), содержащая некоторые сведения о дипломате³. Общее научное описание книжной коллекции ранее не публиковалось. Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом исторической науки к книжным коллекциям, которые хранятся в Восточном отделе научной библиотеки СПбГУ, а также к судьбам их собирателей. Источниковой базой для исследования стали документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб, Санкт-Петербург), Архива Государственного Эрмитажа (АГЭ, Санкт-Петербург), а также инвентарные книги Восточного отдела

---

¹ Хохлов А.Н. Китаист Петр Рудановский (1871–1904): судьба дипломата // Источниковедение и историография стран Азии и Африки: тезисы докладов XXIV Междунар. науч. конф. (10–12 апреля 2007 г.). СПб., 2007. С. 175–176.

² Харитонова А.М. Дипломат П.К. Рудановский (1871–1904): биографические данные и китайские книги из его коллекции // Россия – Китай: история и культура: сб. ст. и докл. участников XV Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2022. С. 355–360.

³ Хохлов А.Н. Движение ихэтуаней в Китае (1898–1901) и контакты Ли Хунчжана с россиянами (по материалам архивных фондов и периодической печати) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб., 2012. С. 177–202.

библиотеки СПбГУ. В исследовании используется герменевтический метод, сконцентрированный на толковании архивных документов личного происхождения, книжной коллекции и официальных документов МИД.

Новые сведения о семье и профессиональной деятельности дипломата.

Петр Константинович Рудановский родился 14 января 1871 г. и был родом из дворян Казанской губернии. Его отец Константин Васильевич Рудановский (1834–?) дослужился до высшего генеральского чина в пехотных войсках Российской империи, т.е. был генералом от инфантерии. Кроме того, К.В. Рудановский в период с 1878 до 1900 г. был директором Александровского кадетского корпуса, а в 1906 г. вышел в отставку с пенсией и мундиром. Известно, что Петр Рудановский имел двух братьев.

Аркадий Константинович Рудановский (1873–1933) учился со старшим братом Петром в Императорском училище правоведения, начинал карьеру военного офицера, но в дальнейшем вошел в историю как состоятельный антиквар. После начала Октябрьской революции 1917 г. его квартира подверглась обыску, в результате чего антикварные ценности были изъяты и переданы в Эрмитаж с последующей экспортной продажей ряда экспонатов. С частью коллекции можно ознакомиться через акты музейных распродаж 1929 г., которые хранятся в архиве Государственного Эрмитажа⁴. Сам Аркадий был вынужден эмигрировать во Францию. В его биографии в настоящее время остается множество белых пятен.

Второй брат П.К. Рудановского – Василий. О Василии Константиновиче Рудановском (?–1932) известно, что он также работал в дипломатическом ведомстве. По изданиям Ежегодника Министерства иностранных дел можно восстановить его карьерные перемещения в ведомстве. Первые сведения о В.К. Рудановском датируются 1899 г. Он был причислен в чине титулярного советника ко второму департаменту МИД⁵. Следующие три года В.К. Рудановский находился в чине коллежского асессора в должности переводчика VIII⁶ и VII⁷ класса. Далее он был переведен в первый департамент⁸, где получил чин надворного советника⁹, и отправлен консулом в Сингапур¹⁰. Его донесения о европейских колониальных захватах в Юго-Восточной Азии сохранились в АВПРИ¹¹. Вернувшись в Россию, он был отправлен в чине коллежского советника консулом на Мальту в 1908 г.¹² Судя по сведениям в Ежегодниках, он в чине статского советника¹³ находился на Мальте. Там он составил и издал два учебника по грамматике мальтийского языка¹⁴. Как сообщает исследователь Н.Ю. Фотина, В.К. Рудановский возглавлял российское консульство на Мальте в период с 1908 по 1917 г. Он умер в Париже в 1932 г., где и был похоронен. Его супруга Татьяна

⁴ Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1929. Архивные документы: Вып. 4. Ч. 1. СПб., 2014. С. 117, 123, 131–133, 175; Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1929. Архивные документы: Ч. 2. СПб., 2014. С. 137, 178, 185, 205.

⁵ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1899. Тридцать шестой год. СПб., 1899. С. 73.

⁶ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1900. Тридцать седьмой год. СПб., 1900. С. 72.

⁷ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1901. Тридцать восьмой год (исправлено и дополнено по 21 мая 1901 г.). СПб., 1901. С. 70; Ежегодник Министерства иностранных дел. 1902. Тридцать девятый год (исправлено и дополнено по 12 февраля 1902 г.). СПб., 1902. С. 80.

⁸ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1903. Сороковой год (исправлено и дополнено по 20 февраля 1903 г.). СПб., 1903. С. 39.

⁹ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1904. Сорок первый год (исправлено и дополнено по 12 января 1904 г.). СПб., 1904. С. 53.

¹⁰ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1905. Сорок второй год (исправлено и дополнено по 24 февраля 1905 г.). СПб., 1905. С. 65; Ежегодник Министерства иностранных дел. 1906. Сорок третий год (исправлено и дополнено по 28 января 1906 г.). СПб., 1906. С. 65.

¹¹ АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1356. Л. 4–5.

¹² Ежегодник Министерства иностранных дел. 1908. Сорок пятый год. СПб., 1908. С. 43

¹³ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1916. Пятьдесят третий год (исправлено и дополнено по 9 декабря 1915 г.). Петроград, 1916. С. 51.

¹⁴ Лопухов А. Ко дню российских дипломатов // Мальтийский вестник [Электронный ресурс]. URL: <https://maltavest.com/malta-news/ko-dnyu-rossijskix-diplomatov.html> (дата обращения: 15.01.2023).

Михайловна Рудановская умерла в эмиграции в Англии в 1957 г.¹⁵ Детали судьбы В.К. Рудановского после Октябрьской революции 1917 г. остаются неизвестными.

Российский исследователь А.Н. Хохлов сообщает, что П.К. Рудановский начал свою дипломатическую карьеру после окончания факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета в 1892 г. С 1 июня 1893 г. он состоял при канцелярии министерства сверх штата¹⁶. Должности, которые занимал П.К. Рудановский в Министерстве иностранных дел, можно определить по сведениям из «Ежегодников Министерства иностранных дел». До 1904 г. П.К. Рудановский состоял на службе при канцелярии Министерства иностранных дел, пройдя путь в чине от коллежского секретаря до надворного советника, последовательно занимая должности от третьего до первого секретаря. Судя по информации в Ежегоднике 1902 г., он находился в заграничной командировке в Турции в Константинополе, занимая должность второго секретаря в чине коллежского асессора¹⁷. На следующий год благодаря знанию китайского языка он был направлен в Пекин, где числился два года в должности первого секретаря в чине надворного советника¹⁸. О его блестящем знании восточного языка свидетельствует воспоминание современника П.К. Рудановского, министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа (1845–1907): «Наш молодой Рудановский, прикомандированный к чрезвычайному посольству Китая и прекрасно знающий китайский язык»¹⁹. Дипломат Г.А. Плансон (1859–?) в записи от 4 ноября 1902 г. писал, что ожидалось прибытие П.К. Рудановского в Китае. Он был вызван в миссию из-за своего высокого уровня владения языком²⁰. Г.А. Плансон так пишет о своем коллеге: «Лесс. (П.М. Лессар. – А. Х.) говорит, известно, что Руд. (П.К. Рудановский. – А. Х.) шальный²¹. Я (П.М. Лессар. – А. Х.) просил его только из-за китайского языка»²². По приезде в Китай П.К. Рудановский вместе с Г.А. Плансоном регулярно устраивали прогулки на лошадях: «Каждое утро делаем прогулки с Рудановским верхом»²³.

В 1898–1901 гг. в Китае бушевало восстание ихэтуаней, боровшихся с иностранным вмешательством в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Цинской империи. Восстание закончилось поражением китайского народа, 7 сентября 1901 г. был подписан Заключительный протокол между Китаем и 11 державами, в соответствии с которым Цинская империя должна была выплачивать контрибуцию в размере 450 млн лян, идти на еще большие политические и военные уступки по отношению к странам-победительницам. Во время восстания секретарь российской дипломатической миссии и переводчик П.К. Рудановский сопровождал Ли Хунчжана во время его поездки из Тяньцзиня в Пекин через зону военных действий. Это была уже не первая встреча китайского сановника и российского дипломата. В 1896 г. они встречались в Санкт-Петербурге. Когда прибыла делегация из Цинской империи на коронацию Николая II, П.К. Рудановский в должности третьего секретаря был прикомандирован к Ли Хунчжану.

До подписания Заключительного протокола 18 июня 1901 г. было составлено «Соглашение о возмещении убытков Пекинской православной общине и ее членам, понесенных во время восстания ихэтуаней»²⁴, которое хранится в АВПРИ на русском и

¹⁵ Фотина Н.Ю. Семья Гирс в истории села Щурово (по статистическим данным документов XIX–XX вв.) // Слобожанщина. Погляд у минуле: збірник науково-документальних праць. Житомир, 2018. С. 246.

¹⁶ Хохлов А.Н. Китаист Петр Рудановский... С. 175.

¹⁷ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1902. Тридцать девятый год (исправлено и дополнено по 12 февраля 1902 г.). СПб., 1902. С. 106.

¹⁸ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1903. Сороковой год (исправлено и дополнено по 20 февраля 1903 г.). СПб., 1903. С. 85.

¹⁹ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 144.

²⁰ Государственный ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 211. Л. 4.

²¹ Шальный – уст. неуравновешенный, сумасбродный.

²² ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 211. Л. 4.

²³ Там же. Л. 8.

²⁴ АВПРИ. Ф. Трактаты. Оп. 3. 1901. Д. 916/867. Л. 1–6 – на русском языке; АВПРИ. Ф. Трактаты. Оп. 3. 1901. Д. 916/867. Л. 7–13 – на китайском языке. Цит. по: Соглашение о возмещении убытков Пекинской православной общине и ее членам, понесенных во время восстания ихэтуаней [Электронный ресурс] // Восточная литература. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Rus_kit_dog_prav_akt/81-100/84.htm?ysclid=lj13nch9zl649215604 (дата обращения: 15.01.2023).

китайском языке. Фамилия П.К. Рудановского значится как «Специально командированный императорско-российским чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пекин, секретарь канцелярии Министерства иностранных дел Рудановский».

Жизнь дипломата П.К. Рудановского неожиданно оборвалась в июле 1904 г. Он, получив отпуск, застрелился в поезде, направляясь из Сингапура в Индию.

Наследство. Известно, что книги передавались в университет через много лет после смерти дипломата, важно было обратиться к сохранившимся наследственным документам, которые могли бы пролить свет на судьбу книг. К сожалению, сведений о передаче книг по наследству в найденных документах нет. Тем не менее наследственные документы могут прояснить некоторые страницы из жизни его семьи, поскольку личность российского дипломата в полной мере до сих пор не изучена современной наукой. Например, по-прежнему не раскрыта тайна его скорострительной гибели 7 июля 1904 г.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга был найден документ «Об опеке над имуществом надворного советника Рудановского П.К.»²⁵, датированный (19.09.1905–06.07.1906). На основании данного документа можно сделать вывод о том, что вдова П.К. Рудановского после смерти супруга вышла замуж за его брата надворного советника Василия Константиновича Рудановского, консула в Сингапуре.

Согласно делу об опеке, первоначально опекунство над имуществом П.К. Рудановского было назначено отставному полковнику Николаю Николаевичу Симонтовскому²⁶. В качестве наследства в документах речь идет о сумме в 1115 руб.²⁷ Во исполнение предписания от 11 ноября 1905 г. по делу П.К. Рудановского полковнику Н.Н. Симонтовскому была выдана книжка на 688 руб. 45 коп., о чем свидетельствует донесение казначея о расходе № 474²⁸.

В документах отделения денежных вкладов и перевода сумм Санкт-Петербургской конторы государственного банка хранятся сведения, что сумма вклада, хранившегося на книжке умершего Петра Константиновича Рудановского, была передана вдове Татьяне Михайловне Рудановской, в девичестве Гирс, в размере 1/4 от наследства и двум братьям – надворному советнику Василию и поручику Аркадию Рудановским в размере 3/8 от наследства.

Т.М. Рудановская, дочь российского дипломата Михаила Николаевича Гирса (1856–1932), в молодости была фрейлиной императрицы Александры Федоровны, жены Николая II. На основании документа «Об опеке над имуществом» можно с уверенностью сказать, что Татьяна Михайловна Рудановская была сначала женой Петра Константиновича Рудановского, а после его смерти стала женой его брата Василия Константиновича Рудановского. Данный факт подтверждается соответствующими формулировками в наследственном деле. Сначала она выступает в качестве вдовы, претендующей на долю наследства: «К имуществу умершего 7 июля 1904 г. Надворного Советника Петра Константиновича Рудановского утвердить в правах наследства вдову его Татьяну Михайловну Рудановскую в 1/4 движимого и родных братьев»²⁹. В последующей нотариальной доверенности она фигурирует уже как жена консула в Сингапуре: «Уполномочиваю Вас получить причитающиеся на мою долю деньги, доставшиеся мне по наследству после умершего Надворного Советника Петра Константиновича Рудановского в том размере, в каком мне будут следовать... Доверенность эта дана Присяжному Поверенному Ивану Игнатьевичу Дунину-Слепцу. ... Доверенность эта явлена у меня ... Московского Нотариуса ... женой Российского ИМПЕРАТОРСКОГО Консула в Сингапуре Надворного Советника Татьяной Михайловной Рудановской...»³⁰.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 10131.

²⁶ Там же. Л. 14.

²⁷ Там же. Л. 17.

²⁸ Там же. Л. 15.

²⁹ Там же. Л. 17.

³⁰ Там же. Л. 18.

Книжная коллекция. Много лет ведется научная работа по описанию и систематизации книжных коллекций³¹, а также отдельных рукописей³², ксилографов и книг, которые находятся в Восточном отделе научной библиотеки СПбГУ. Тем не менее и сегодня библиотека хранит отдельные издания, а также целые книжные коллекции, которые ждут своего исследователя.

Говоря о книжном собрании П.К. Рудановского, пока невозможно назвать точное количество книг, принадлежащих коллекции, поскольку они обнаруживаются в разных частях фонда библиотеки. Кроме того, выявление книг происходит до сих пор. На данный момент книжная коллекция насчитывает более пятидесяти наименований. Принадлежность книг к собранию П.К. Рудановского восстанавливается по экслибрису «Изъ книжь Петра Констновича РУДАНОВСКОГО. 5 IV 1913 г.» (рис. 1), а также по перечислению в инвентарной книге № 61 Восточного отдела НБ СПбГУ от 1925 г. списка книг, озаглавленного «Из книг П.К. Рудановского, поступивших в 1913 г.» (рис. 2). По записям в инвентарной книге числится 49 книг³³; по электронной базе данных Восточного отдела научной библиотеки СПбГУ обнаруживаются еще две книги³⁴; одна книга является частью коллекции книг академика В.П. Васильева³⁵, а именно – ксилограф китайского классического романа «Сон в красном тереме» (*Хун лоу мэн 紅樓夢*). Книги поступали на баланс библиотеки в три этапа: 1913 г., март 1925 г. и апрель 1925 г. Некоторые книги, принадлежащие коллекции П.К. Рудановского, по отметкам в инвентарной книге были исключены из инвентаря в 1966 и 1967 гг., тем не менее экземпляры находятся в библиотеке в настоящее время.

Коллекция состоит из учебников восточных языков, словарей, образцов переводной христианской литературы, классических произведений китайской литературы. Отдельное место в коллекции занимают книги географического или исторического содержания на русском, английском, немецком, французском и китайском языках.

Значительная часть коллекции представляет собой научные результаты российской синологии (учебные пособия преподавателей факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, переводы сотрудников Российской Духовной Миссии в Пекине). Следует упомянуть некоторых ключевых авторов, преподавателей факультета восточных языков, а также их сочинения, представленные в коллекции: В.П. Васильев (1818–1900)³⁶, Д.А. Пещуров (1833–1913)³⁷, С.М. Георгиевский (1851–1893)³⁸, А.О. Ивановский (1863–1903)³⁹. В коллекции также хранится классический «Саньцзыцзин» (三字經) или «Троеслобие», конфуцианский канон, использовавшийся в образовательных целях как в Китае, так и в России. Известно, что «Троеслобие» активно включал в процессе изучения китайского языка еще И.К. Россохин (1707–1761)⁴⁰. Обучающие материалы по другим языкам Восточной Азии представлены «Корейской грамматикой» и учебником «Русско-японские разговоры».

³¹ Завидовская Е.А., Маяцкий Д.И. Описание собрания китайских книг академика В.П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2012; См. также: Zavidovskaia E.A., Vinogradova T.I., Maiatskii D.I. Interpretation of Novels and Plays about Song Dynasty Judge Bao in the Chinese Illustrated Woodblock Editions and Popular Prints nianhua. Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies. 2021. Vol. 13, Iss. 3. P. 383–399; Азаркина М.А., Маяцкий Д.И. Некоторые сведения об истории образования и развития фонда Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ // Россия – Китай: история и культура: сб. ст. и докл. участников ХJV Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2021. С. 4–12.

³² Харитонова А.М., Лю Жомэй. «Песнь святого сновидения» и ее двуязычный рукописный список из книжной коллекции архимандрита Петра (Каменского) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21, № 4. С. 153–163.

³³ Инвентарная книга № 61 ВО НБ СПбГУ от 1925 г. Л. 72 об. – 74 (№ 5143–5191).

³⁴ Добровидов Н.Н. Спутник по Маньчжурии: в 2 ч. Хабаровск. 1898; Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб., 1889.

³⁵ Завидовская Е.А., Маяцкий Д.И. Описание собрания китайских книг академика В.П. Васильева... С. 46.

³⁶ Васильев В.П. Анализ китайских иероглифов. Ч. 1. Изд. 2. СПб., 1898; Васильев В.П. Анализ китайских иероглифов. Ч. 2. СПб., 1884.

³⁷ Пещуров Д.А. Словарь и дополнение к русско-китайскому словарю. СПб., 1888.

³⁸ Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб., 1890.

³⁹ Ивановский А.О. Маньчжурская хрестоматия. В. 1. СПб., 1893; Ивановский А.О. Китайская хрестоматия. В. 3. СПб., 1898.

⁴⁰ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 44–45.

Рис. 1. Пример экслибриса из книги «Троеслобие», хранящейся в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ

№№ по инв.	Наименование предметов и кратко их описания	Виды	Объем, вес, стоимость, количество на складе	Состояние предметов	Дата поступления	Полное наименование автора или составителя	Примечания
5142	Книга К. С. Леонтьева...		84822				
5143	Книга К. С. Леонтьева...		84823				
5144	Книга К. С. Леонтьева...		84824				
5145	Книга К. С. Леонтьева...		84825				
5146	Книга К. С. Леонтьева...		84826				
5147	Книга К. С. Леонтьева...		84827				
5148	Книга К. С. Леонтьева...		84828				
5149	Книга К. С. Леонтьева...		84829				
5150	Книга К. С. Леонтьева...		84830				
5151	Книга К. С. Леонтьева...		84831				
5152	Книга К. С. Леонтьева...		84832				
5153	Книга К. С. Леонтьева...		84833				

Рис. 2. Пример страницы инвентарной книги, хранящейся в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ

Из переводов на русский язык в коллекции представлено три работы Алексея Леонтьева (1716–1786), бывшего студента Третьей Миссии в Пекине (1736–1743), впоследствии переводчика Коллегии иностранных дел: 1) перевод законов и установлений маньчжурского правительства⁴¹, который был осуществлен по личному распоряжению Екатерины II; 2) частичный перевод классического конфуцианского «Четверокнижия»⁴² (перевод А.Л. Леонтьев сделал с издания XVII в. с предисловием Канси, из четырех книг им переведены: «Да сюэ», извлеченная из книги «Ли цзи» и «Чжун юн», также извлечение из «Ли цзи»); 3) исторический перевод о войне с ойратами⁴³. По датировке это самые ранние работы в коллекции. В коллекции присутствуют пять переводов одного из основоположников российской синологии отца Иакинфа (Н.Я. Бичурин, 1777–1853), классические переводы которого – описание Пекина, история первых четырех ханов из дома Чингисова, собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Если обратиться к диссертациям выпускников факультета восточных языков, можно увидеть активное использование и цитирование данных классических переводов⁴⁴.

В коллекции представлены две работы Якова Ивановича Шмидта (Исаак Яков Шмидт, 1779–1847), российского и немецкого ученого-востоковеда: «Грамматика монгольского языка»⁴⁵ и «Монгольско-немецко-русский словарь»⁴⁶. Я. Шмидт большую часть своей

⁴¹ Тай-Цин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства / перевел с маньчжурского на русский язык Коллегии иностранных дел надворной советник Алексей Леонтьев Т. 1. СПб., 1781.

⁴² Сы Шу Геи, то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая философа Конфуциуса / перевел с китайского и маньчжурского на русский язык надворной советник Алексей Леонтьев. СПб., 1780.

⁴³ Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами / Леонтьев Алексей Леонтьевич; Косицкий, Ефим Васильевич. СПб., 1777.

⁴⁴ Например, см. дис. Г.А. Плансона. ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 1.

⁴⁵ Шмидт Я.И. Грамматика монгольского языка. СПб., 1832.

⁴⁶ Schmidt I.J. Mongolisch-Deutsch-Russisches Wörterbuch: nebst einem deutschen und einem russischen Wortregister. Монгольско-немецко-русский словарь: с присовокуплением немецкого и русского алфавитных списков. СПб., 1835.

жизни провел в Петербурге, был академиком Петербургской академии наук, являлся автором исследований по литературе, истории монгольского и тибетского языков. Он заложил основы для развития монголоведения в России и Германии. Общее количество научных трудов насчитывает более 70 наименований, в это число входят лекции, прочитанные в Академии наук, переводы с комментариями, рецензии⁴⁷, учебные пособия, отдельные сочинения и словари. В XIX в. появляется множество различных переводов христианской литературы на монгольском, бурятском и калмыцком языках. Помимо двух учебных сочинений, посвященных монгольскому языку, в коллекции имеется «Краткий катехизис на монгольском языке»⁴⁸, переведенный миссионером А.М. Орловым и изданный в Петербургской синодальной типографии в 1875 г.⁴⁹ Научные труды И.Я. Шмидта использовались в дипломных работах выпускников факультета восточных языков. Так, например, в университетской диссертации будущего российского дипломата Г.А. Плансона «О военном искусстве монголов при Чингисхане и его приемниках до Тамерлана»⁵⁰ цитируется исследование-перевод «История восточных монголов и их княжеского дома»⁵¹.

Две книги из собрания были изданы в 1924 г. (т.е. через 10 лет после гибели П.К. Рудановского) и переданы в библиотеку в 1925 г. Речь идет о «Забытой поэме о Фирдоуси» российского филолога Д.К. Петрова (1872–1925) и «Об одном комментарии из газет Аттара» советского ираниста и тюрколога Е.Э. Бертельса (1890–1957). Это свидетельствует о том, что не все книги, атрибутированные к коллекции дипломата, могут быть реально к ней отнесены.

Таким образом, данная статья позволила раскрыть ранее неизвестные сведения о жизни дипломата и его книжной коллекции. Портрет дипломата дополнился новыми оценками его современников – воспоминаниями в дневниках министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа и российского дипломата Г.А. Плансона. Проанализировано дело о передаче его наследства, которое позволило прояснить вопрос о братьях Петра Рудановского (Аркадии и Василии), поскольку ранее исследователи не всегда однозначно указывали Василия Рудановского братом Петра. На основе документов, хранящихся в ЦГИА СПб, делается вывод о том, что супруга Т.М. Рудановская после смерти дипломата становится женой В.К. Рудановского. Коллекция книг, переданная в научную библиотеку университета, насчитывает более пятидесяти экземпляров. Она может быть восстановлена по наличию экслибриса или записи в инвентарной книге. Основа коллекции – это образовательные книги (учебники, словари), переводы китайских исторических сочинений, географические или исторические произведения о Китае на русском, английском, немецком, французском и китайском языках. Важно подчеркнуть, что некоторые книги, формально относящиеся к коллекции дипломата, были изданы уже после смерти П.К. Рудановского. Тем не менее, согласно записи в инвентарной книге, они поступили в библиотеку в составе единого собрания.

Литература

Азаркина М.А., Маяцкий Д.И. Некоторые сведения об истории образования и развития фонда Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ // Россия – Китай: история и культура: сб. ст. и докл. участников XIV Междунар. науч.-практ. конф. Казань: АН РТ, 2021. С. 4–12.

⁴⁷ Кульганек И.В. И.Я. Шмидт на службе российской науки // *Mongolica*-XIII: сб. науч. ст. по монголоведению, посвящ. 235-летию со дня рождения И.Я. Шмидта (1779–1847). СПб., 2014. С. 7.

⁴⁸ Краткий катехизис на монгольском языке. СПб., 1875.

⁴⁹ Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. Т. 1: Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века. С. 136.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 об., 12.

⁵¹ Schmidt I.J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben. St. Petersburg; Leipzig, 1829.

Завидовская Е.А., Маяцкий Д.И. Описание собрания китайских книг академика В.П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: НП-Принт, 2012. 440 с.

Кульганек И.В. И.Я. Шмидт на службе российской науки // *Mongolica-XIII*: сб. науч. ст. по монголоведению, посвящ. 235-летию со дня рождения И.Я. Шмидта (1779–1847). СПб.: ИВР РАН, 2014. С. 6–9.

Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896 / ред., предисл. В.И. Бовыкин, пер., введ., сост., коммент. И.А. Дьяконова. М.: Междунар. отношения, 1991. 453 с.

Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2000. Т. 1. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / отв. ред. В.Н. Волкова. 316 с.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.

Фотина Н.Ю. Семья Гирс в истории села Щурово (по статистическим данным документов XIX–XX вв.) // Слобожанщина. Погляд у минуле: збірник науково-документальних праць. Житомир: Видавець О.О. Євенок, 2018. С. 240–247.

Харитонова А.М. Дипломат П.К. Рудановский (1871–1904): биографические данные и китайские книги из его коллекции // Россия – Китай: история и культура: сб. ст. и докл. участников XV Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 355–360.

Харитонова А.М., Лю Жомэй. «Песнь святого сновидения» и ее двуязычный рукописный список из книжной коллекции архимандрита Петра (Каменского) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21, № 4. С. 153–163.

Хохлов А.Н. Китаист Петр Рудановский (1871–1904): судьба дипломата // Источниковедение и историография стран Азии и Африки: тезисы докладов XXIV Междунар. науч. конф. (10–12 апреля 2007 г.). СПб., 2007. С. 175–176.

Хохлов А.Н. Движение ихэтуаней в Китае (1898–1901) и контакты Ли Хунчжана с россиянами (по материалам архивных фондов и периодической печати) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб.: БАН; Альфарет, 2012. С. 177–202.

Zavidovskaia E.A., Vinogradova T.I., Maiatskii D.I. Interpretation of Novels and Plays about Song Dynasty Judge Bao in the Chinese Illustrated Woodblock Editions and Popular Prints nianhua // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2021. Vol. 13, Iss. 3. P. 383–399.

References

Azarkina, M.A., Mayatskiy, D.I. (2021). Nekotorye svedeniya ob istorii obrazovaniya i razvitiya fonda Vostochnogo otdela Nauchnoy biblioteki SPbGU [Some Information about the History of Formation and Development of the Fund of the Eastern Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University]. In *Rossiya – Kitay: istoriya i kul'tura: sbornik statey i dokladov uchastnikov XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kazan, AN RT, pp. 4–12.

Bovykin, V.I. (Ed.), Dyakonova, I.A. (Trans., Comp.), Lamzdorf, V.N. (1991). *Dnevnik. 1894–1896* [Diary. 1894–1896]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 453 p.

Fotina, N.Yu. (2018). Sem'ya Girs v istorii sela Shchurovo (po statisticheskim dannym dokumentov XIX–XX vv.) [The Girs Family in the History of the Village of Shchurovo (According to Statistical Data from Documents of the 19th–20th Centuries)]. In *Slobozhanshchina. Poglyad u minule: zbirnik naukovodokumental'nikh prats'*. Zhytomyr, Vidavets O.O. Evenok, pp. 240–247.

Kharitonova, A.M. (2022). Diplomat P.K. Rudanovskiy (1871–1904): biograficheskie dannye i kitayskie knigi iz ego kollektzii [Diplomat P.K. Rudanovsky (1871–1904): Biographical Data and Chinese Books from His Collection]. In *Rossiya – Kitay: istoriya i kul'tura: sbornik statey i dokladov uchastnikov XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kazan, AN RT, pp. 355–360.

Kharitonova, A.M., Liu, Ruomei. (2022). “Pesn’ svyatogo snovideniya” i ee dvyazychnyy rukopisnyy spisok iz knizhnoy kolleksii arkhimandrita Petra (Kamenskogo) [“The Song of the Holy Dream” and Its Bilingual Manuscript from One Book Collection of Archimandrite Peter (Kamensky)]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 21, No. 4, pp. 153–163.

Khohlov, A.N. (2012). Dvizhenie ikhetuaney v Kitae (1898–1901) i kontakty Li Khunchzhana s rossiyanami (po materialam arkhivnykh fondov i periodicheskoy pechati) [The Yihequan Movement in China (1898–1901) and Li Hongzhang’s Contacts with the Russians (Based on Archival Collections and Periodicals)]. In *Rossiya i Kitay: nauchnye i kul’turnye svyazi (po materialam arkhivnykh, rukopisnykh, knizhnykh i muzeynykh fondov)*. Vol. 2. St. Petersburg, BAN, Al’faret, pp. 177–202.

Khokhlov, A.N. (2007). Kitaist Petr Rudanovskiy (1871–1904): sud’ba diplomata [Sinologist Pyotr Rudanovsky (1871–1904): The Fate of a Diplomat]. In *XXIV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Istochnikovedenie i istoriografiya stran Azii i Afriki” (10–12 aprelya 2007): Tezisy dokladov*. St. Petersburg, pp. 175–176.

Kul’ganek, I.V. (2014). I.Ya. Shmidt na sluzhbe rossiyskoy nauki [I.Ya. Schmidt in the Service of Russian Science]. In *Mongolica-XIII: sbornik nauchnykh statey po mongolovedeniyu posvyashhaetsya 235-letiyu so dnya rozhdeniya I.Ja. Shmidta (1779–1847)*. St. Petersburg, IVR RAN, pp. 6–9.

Skachkov, P.E. (1977). *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [Essays on the History of Russian Sinology]. Moscow, Nauka. 505 p.

Volkova, V.N. (Ed.). (2000). *Ocherki istorii knizhnoy kul’tury Sibiri i Dal’nego Vostoka. T. 1: Konets XVIII – seredina 90-kh godov XIX veka* [Essays on the History of Book Culture in Siberia and the Far East. Vol. 1: The End of the 18th – the Middle of the 90s of the 19th Century]. Novosibirsk, GPNTB SO RAN. 316 p.

Zavidovskaya, E.A., Vinogradova, T.I., Maiatskiy, D.I. (2021). Interpretation of Novels and Plays about Song Dynasty Judge Bao in the Chinese Illustrated Woodblock Editions and Popular Prints nianhua. In *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. Vol. 13, Iss. 3, pp. 383–399.

Zavidovskaya, E.A., Mayatskiy, D.I. (2012). *Opisanie sobraniya kitayskikh knig akademika V.P. Vasil’eva v fondakh Vostochnogo otdela Nauchnoy biblioteki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Description of the Collection of Chinese Books by Academician V.P. Vasiliev in the Collections of the Eastern Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University]. St. Petersburg, NP-Print Studio. 440 p.

До Лимэй*

РУССКИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ХУДОЖНИКИ
XIX ВЕКА В КИТАЕ**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-17
УДК 7.035(=161.1)(510)

Выходные данные для цитирования:
До Лимэй. Русские профессиональные художники XIX века в Китае // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 199–207.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-17.pdf>

Duo Limei†

RUSSIAN PROFESSIONAL ARTISTS
OF THE 19TH CENTURY IN CHINA**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-17

How to cite:
Duo Limei. Russian Professional Artists of the 19th Century in China // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 199–207.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-17.pdf>]

Abstract. This article examines the activities and achievements of the first Russian professional artist of the 19th century. Anton Mikhailovich Legashev in China through a portrait of a Chinese official painted by him, stored at the Royal Ontario Museum in Canada. On the one hand, A.M. Legashev tried to realize breakthroughs in self-realization and artistic creativity through the paintings he created during his stay in China, at the same time he served the tsarist government and carried out a political mission to explore China. A.M. Legashev's surviving paintings played an important role in visualizing the construction of cultural exchanges between China and Russia.

Keywords: Russian artist, spiritual mission in Beijing, collection of the Canadian Museum, cultural exchanges between China and Russia.

The article has been received by the editor on 16.12.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность и достижения первого русского профессионального художника XIX в. Антона Михайловича Легашева в Китае через написанный им портрет китайского чиновника, хранящийся в Королевском музее Онтарио в Канаде. С одной стороны, А.М. Легашев пытался реализовать прорывы в самореализации и художественном творчестве через картины, созданные им во время пребывания в Китае, в то же время он служил царскому правительству и выполнял политическую миссию по исследованию Китая. Сохранившиеся картины А.М. Легашева сыграли важную роль в визуализации построения культурных обменов между Китаем и Россией.

Ключевые слова: русский художник, духовная миссия в Пекине, коллекция Канадского музея, культурные обмены между Китаем и Россией.

Статья поступила в редакцию 16.12.2022 г.

* До Лимэй, Музей Гугун, Пекин, Китай, e-mail: duolimeid@dpm.org.cn
† Duo Limei, Gugong Museum, Beijing, China, e-mail: duolimeid@dpm.org.cn

** Статья написана в рамках проекта Музея Гугун «Исследование русских культурных реликвий Музея Гугун». The article was written as part of the Gugun Museum project “Research on Russian Cultural Relics of the Gugun Museum”.

В первые годы правления династии Цин европейские иезуиты с их культурным и технологическим потенциалом завоевали широкое признание и уважение китайской императорской семьи и высокопоставленных лиц и работали при императорском дворе. Среди них были художники, музыканты, часовщики, астрономы, математики и другие специалисты, такие как Лан Шинин (郎世宁, европ. Джузеппе Кастильоне / Giuseppe Castiglione, 1688–1766), Ван Чжичэн (王致诚, европ. Жан Денис Аттире / Jean Denis Attiret, 1702–1768), Сюй Жишэн (徐日升, европ. Томас Перейра / Thomas Pereira, 1645–1708), Чжан Чэн (张诚, европ. Жан Франсуа Жербийон / Jean-François Gerbillon, 1654–1707) и др. Картины европейских придворных художников оказали глубокое влияние на стиль и эстетический вкус придворной живописи династии Цин. С другой стороны, несмотря на то, что Русская духовная миссия обосновалась в Пекине и вела постоянную деятельность с начала XVIII в., миссионеры не удостоивались чести поступить на дворцовую службу. Причиной тому служило отсутствие художественных талантов в составе миссионерских групп того времени. Таким образом, культурное влияние России на Китай было минимальным. Чтобы изменить это положение, с 1830 г. российское правительство направило в Китай профессиональных художников для сопровождения 11-й, 12-й, 13-й и 14-й духовных миссий, из которых 11-я и 12-я миссии занимались, в том числе, научными исследованиями¹. В настоящее время большинство работ этих художников-миссионеров собрано в коллекциях крупнейших российских музеев, но многие работы находятся и в других странах. Среди них одна из прекрасных картин Антона Михайловича Легашева, бережно хранящаяся в коллекции Королевского музея Онтарио в Канаде (далее – ROM). Эта картина – единственная на сегодняшний день из работ Легашева, обнаруженная за пределами России.

Профессор Сяо Юйцю упомянула о художнике Легашеве и его работах в своей статье «Российские художники XIX в., изображавшие красками Китай». Проанализировав деятельность и творчество Легашева в Китае, она пришла к выводу, что Легашев, как первый приехавший в Китай русский профессиональный художник, возымел очевидное значение и роль в китайско-российских культурных обменах. Российский профессор Е.В. Нестерова также провела подробный анализ коллекции живописи Легашева в своей статье «Российская духовная миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства». По архивным материалам, обнаруженным в Государственном архиве Санкт-Петербурга, была изучена деятельность Легашева в Китае и его внимание к китайским пигментам. Обнаружилось, что российское правительство тщательно спланировало деятельность Легашева в Китае. Профессор Н.А. Самойлов из Санкт-Петербургского государственного университета в своем недавнем исследовании «Китай в произведениях российских художников XVIII–XIX веков» отметил, что за время своего пребывания в Китае Легашев создал более 40 картин маслом, и также перечислил, где коллекционируются эти картины. Профессор Самойлов считает, что в процессе китайско-российских обменов русские художники создали множество произведений на территории Китая, а также в китайско-российских пограничных районах. Во времена, когда еще не была изобретена фотография, они давали России наглядный образ для понимания реальной жизни ее восточного соседа. Данные работы не только помогали восстановить историю их деятельности в Китае, но и имели важное значение для понимания Россией Китая того времени.

Николетта Томасси, стажер по реставрации культурных реликвий в ROM, в 2016 г. опубликовала статью «Когда встречаются Восток и Запад: сохранившийся портрет китайского чиновника в коллекции Королевского музея Онтарио», в которой представила эту картину. В статье она указала, что на созданном Легашевым в 1839 г. портрете китайского чиновника на первый взгляд использованы типичные западные техники масляной живописи, однако при внимательном рассмотрении и анализе можно обнаружить его склонность к экспериментам с новыми способами рисования, сочетающими в себе китайские и западные стили.

¹ Шубина С.А. Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998.

Данная статья ссылается на исследования вышеуказанных ученых, а также на коллекцию ROM и другие исторические документы на английском и русском языках для дальнейшего анализа картин Легашева.

1. Портрет китайского чиновника из коллекции Королевского музея Онтарио в Канаде. С 2016 по 2018 г. автор неоднократно наблюдал портретную картину Легашева в ROM. Согласно архивам музея, картина была приобретена англичанином Джорджем Крафтсом (George Crafts) в Тяньцзине в начале XX в. К 1924 г. китайские культурные реликвии, приобретенные компанией Крафтса, уже поступили в коллекции многих всемирно известных музеев, из которых ROM насчитывает большую часть – около 8 000 экспонатов.

Высота картины составляет 98 см, а ширина – 71 см. В левой части картины имеется подпись Легашева на русском языке – А. Легашов (Легашев), дата прописана арабскими цифрами – 1839, а место отмечено по-русски – Пекин. Очевидно, что этот портрет маслом написан Легашевым в 1839 г. в период работы в Пекинской духовной миссии. Согласно рапорту, отправленному Легашевым в Санкт-Петербург в 1839 г., он создал в Пекине 26 картин на историческую и религиозную темы, а также 24 портрета китайских чиновников, многие из которых остались в Китае. Можно предположить, что этот портрет должен быть одной из этих работ, специально заказанной для какого-то чиновника и оставленной в Китае, которая позже была приобретена Джорджем Крафтсом. Ввиду своего возраста картина сильно пострадала и в последние годы была скрупулезно и безукоризненно отреставрирована в ROM. «Когда Хайди Соболев (Heidi Sobol, исследователь ROM) показала мне этот портрет, я убедилась, что упомянутая ей важная картина была сильно повреждена», – сказала стажер-реставратор Николетта Томасси. Она взялась за эту сложную работу в 2013 г. и за 12 недель полностью восстановила картину (рис. 1).

Персонаж на портрете – китайский чиновник лет пятидесяти с доброжелательными бровями и улыбающимися глазами. Черты лица на портрете пропорциональны, точны и выразительны, полны трехмерности, яркие и реалистичны. Персонаж одет в официальный меховой костюм с зимним головным убором, украшенным сверху хрустальными бусинами, на груди у него бусы «чаочжу» (парадное ожерелье высших рангов империи династии Цин), изумрудное кольцо (для стрельбы из лука) на большом пальце правой руки свидетельствует о его достоинстве.

Рис. 1. Китайский чиновник

Что касается головных уборов, «Цин хуэйдянь» (Цинский свод законов) предусматривает: «В соответствии с указом, уборы “чаогуань” (уборы к парадным одеждам), предписанные по кодексу, и уборы “цзифугуань” (уборы к официальным одеждам), предписанные в пятом году правления императора Юнчжэн, будут тщательно рассмотрены <...> сверху уборы чиновников пятого ранга будут украшены горным хрусталем или белым стеклом»². Кроме того, бусы «чаочжу» носили императоры и чиновники династии Цин с формами «лифу» (ритуальная одежда), «цзифу» (официальная одежда) и «чанфу» (повседневная рабочая форма чиновников). Бусы висели у них на шее и на груди. Использование бус «чаочжу» в начале династии Цин было очень строгим: бусы, носимые людьми разного статуса и по разным поводам, различались. «Все бусы “чаочжу” у тех, кто по статусу ниже циньвана (Великий князь первого ранга) и цзюньвана (Великий князь второго ранга) и выше

² 清会典 «Цин хуэйдянь» (Цинский свод законов), 嘉庆朝 (годы правления императора Цзяцин) –钦定大清会典事例二 (высочайше утвержденный Дацин хуэйдянь шили (примеры Цинского свода законов), пример 2). 卷二百六十三 (Т. 263). 礼部二十二 (Ведомство церемоний 22).

гражданского чиновника пятого ранга или военного чиновника четвертого ранга, а также ниже ханьлиня (литературная элита), кэдаогуаня (инспектор, который осуществляет надзор и контролирует выполнение действий шести ведомств и чиновников при династии Цин), принцессы и фуцзини (титул супруги циньвана и цзюньвана) и выше матери и жены чиновника пятого ранга, могут быть сделаны из различных драгоценных камней и ароматных деревьев»³. Что касается «чанфу» (повседневная рабочая форма чиновников), поскольку «чанфу» носится чаще и является более удобной, чем «чаофу» (парадная одежда чиновника высшего ранга) и «цзифу» (официальная одежда), носимые с ней бусы «чаочжу» тоже были повседневными⁴. Таким образом, судя по хрустальным бусинам на головном уборе, бусам «чаочжу» на груди, одежде «чанфу», а также по внешнему виду и темпераменту персонажа, можно предположить, что человек на портрете является государственным чиновником пятого ранга. Что касается творческих методов, то художник использовал типичные западные техники масляной живописи. Его искусные приемы отражают превосходный художественный уровень русской масляной живописи, включая фокусировку на отдельном источнике света и использование пересечения света и тени для придания глубины и трехмерных эффектов. В то время как черты лица и личностные характеристики персонажа переданы четко, правая половина его лица находится в тени. Благодаря внимательному наблюдению, тщательному изучению и анализу мы можем подтвердить, что картина приобрела характерную индивидуальность и художник попытался реализовать свои креативные методы рисования в Китае⁵. Вместе с тем картина отличается как от многих западных портретов, так и от традиционных китайских портретов. Как правило, традиционные китайские портреты имеют чистый фон за персонажем, в то время как Легашев использовал приемы масляной живописи, чтобы изобразить на фоне персонажа горы и реки Китая, применяя композиционный метод плоскости и отдаленности китайской пейзажной живописи со спокойными и простыми цветами, гибким и свободным ведением кисти. При таком сочетании способов рисования западный романтический стиль искусно сочетается с реальностью китайского общества. В то же время размещение чиновника на фоне горного пейзажа традиционной китайской живописи, по-видимому, символизирует идеал карьеры роскошно одетого государственного служащего при императорском дворе с одновременной тоской по лесам и рекам и стремлением в сельскую местность. Сочетание принятых художником китайских и западных методов живописи в то время можно было бы назвать новаторским.

Художник Антон Михайлович Легашев (1798–1865) родился в Пензенской губернии в семье крепостных. В детстве он любил музыку, а позже увлекся столярным делом. В 1822 г. он поступил вольнослушателем в Императорскую Академию художеств в Петербурге и постепенно совершенствовался в работе портретиста, добившись значительных успехов под руководством своего учителя – художника Григория Александровича Варнека. В 1824 г. он был награжден серебряными медалями первой и второй степени. После окончания учебы в 1826 г. комитет Академии художеств хотел присвоить ему звание гражданского художника 14-го класса, но царь Николай I лично обратился к комитету и высказал мнение о преждевременности присуждения этого звания Легашеву и возможности рассмотрения данного вопроса через год. Однако по прошествии нескольких лет царь Николай I так и не доверил Легашеву ни одной важной работы, поскольку был недоволен изображением рук на написанном им портрете генерала Хатова⁶.

В начале XIX в. русские художники по-прежнему стремились служить религии и императорскому двору. Поэтому Легашев с нетерпением ждал своего избрания на службу к царю

³ 清会典«Цин хуэйдянь» (Цинский свод законов), 乾隆朝 (Годы правления императора Цяньлун) – 钦定大清会典 (Высочайше утвержденный Дацин хуэйдянь (Цинский свод законов). 卷 30 (Т. 30), 礼部仪制清吏司 (Ведомство церемоний, департамент системы церемоний чиновников династии Цин) – 冠服 (Уборы и одежды).

⁴ 吕 Чжунань. Дискуссия о бусах «чаочжу» династии Цин // Журнал Национального музея Китая. 2013. № 6.

⁵ Tomassi N. When East meets West: The Conservation of «Portrait of Chinese Official» in the Collection of The Royal Ontario Museum // The Picture Restorer. London: Spring, 2013. No. 42. P. 36–41.

⁶ Марков С.Н. Вечные следы: книга о землепроходцах и мореходах. М., 1973. С. 64.

Николаю I. После того как эта идея провалилась, в ноябре 1829 г. Легашев с целью улучшения своего материального положения подал прошение о включении в состав 11-й духовной миссии в Китай. Его кандидатуру утвердили и одновременно он получил звание гражданского художника 14-го класса.

В 1830 г. 11-я духовная миссия во главе с первосвященником монахом Вэй Жомином (Морачевич Вениамин) отправилась из Санкт-Петербурга и прибыла в Пекин через Иркутск, Чакту, Кулун и Чжанцзякоу. Прибыв на китайско-российскую границу, Легашев написал серию работ. Важным средством выразительности портретной живописи явилась передача на картину личного опыта художника и социальной реальности. Когда Легашеву не удалось нарисовать руки на портрете генерала Хатова, он не получил от Николая I важную работу, поэтому в последующие годы руки персонажей редко появлялись на его картинах. Это видно по работам, созданным в Китае около 1830 г. На портретах, написанных по пути в Китай, он рисовал только головы и ни на одном не показывал рук (рис. 2).

Рис. 2. Портреты из коллекции Русского музея

Однако на этой картине, созданной в 1839 г. и хранящейся в РОМ, отчетливо изображены руки с четкими и реалистичными линиями, указывающие на изнеженную жизнь персонажа картины. Эта картина является прямым доказательством царю, что за долгие годы упорной работы в Китае художник многому научился и теперь был полон уверенности. Стиль картины представляет собой гармоничное сочетание китайских и западных элементов, что свидетельствует о достижении важного прорыва в личном творчестве, а также раскрывает значение и ценность искусства того времени. Это связано с почетом и влиянием, которые Легашев приобрел за время своего пребывания в Китае, что резко контрастирует с его безвестностью в России. После возвращения на родину художник продолжил писать портреты уже с руками персонажей (рис. 6).

Рис. 3. Китайский чиновник и супруга (картина хранится в Амурском музее, Россия)

2. Миссия Легашева в Китае. В истории распространения западной живописи при династии Цин был широко известен итальянский миссионер и придворный живописец Лан Шинин (Джузеппе Кастильоне). Единственным, кто мог сравниться с Лан Шинином и пользовался авторитетом при китайском дворе и в народе, был только русский художник Легашев. Русскому живописцу так и не довелось служить при дворе династии Цин, благодаря чему он лишь обрел творческую свободу.

Факт пребывания Легашева с миссией в Пекине подтверждается письмом Верховного Тайного совета Российской империи в Палату по делам вассальных территорий (Лифаньюань) династии Цин: «С уважением в ответ на Ваше письмо от 16 марта 1829 года об одобрении Его Величеством Великим императором Китая замены наших священников и учеников в Пекине <...> специально направляются в столицу Китая с этого времени: <...> церковнослужители Григорий Роджов и Антон Легашов...»⁷.

Упомянутый в письме Антон Легашов – это и есть художник Антон Михайлович Легашев, хотя в письме он упоминается как «церковнослужитель». Это произошло потому, что царское правительство намеренно скрывало его личность, поскольку в предыдущем письме цинскому двору не упоминалось о наличии художника в составе следующей миссии, поэтому опасалось, что цинское правительство не позволит художнику приехать в Пекин. Такая ситуация могла быть возможна потому, что до этого не было прецедента отправки художников в Пекин.

«Легашев вошел в состав 11-й духовной миссии, и его прибытие значительно повысило статус царского правительства перед цинским двором. Легашеву было поручено написать портреты для некоторых высокопоставленных лиц, способствовавших обменам между двумя странами»⁸. В сводном отчете за 1837 г., составленном миссией в соответствующие российские ведомства, творческая деятельность Легашева в Китае была высоко оценена. «Художественная газета» опубликовала соответствующий репортаж, и даже великий китаевед Васильев, всегда известный своей строгостью, похвалил Легашева. Художественный свет Петербурга также расточал похвалы его «сильной художественной кисти». В третьем номере газеты «Изобразительное искусство» за 1838 г. писалось: «Легашев известен в Пекине даже лучше, чем Тициан в Италии»⁹. Такая оценка говорит о признании творчества Легашева в Китае.

Прежде всего, во время своего пребывания в Пекине Легашев выполнял разведывательную миссию российского правительства. По указанию президента Академии художеств Оленина, Легашев должен был время от времени писать картины по пути в Китай, максимально точно воспроизводя увиденное на холсте, избегая искажения сцен и персонажей в угоду стремления к красоте. Оленин, будучи археологом и фольклористом, хотел, чтобы привезенные в Россию работы художника являлись не произведениями искусства в чистом виде, а служили «фотографиями» или фольклорными материалами¹⁰. На самом деле работы Легашева, которые сегодня находятся в различных российских музеях, подтверждают, что художник, следуя указанию Оленина, точно воспроизводил множество персонажей и сцен, встречающихся на пути. Все картины написаны максимально реалистично и имеют «эффект фотографии».

Во-вторых, посредством живописи Легашев достиг цели российского правительства по формированию и углублению контактов с Китаем. Установление тесных контактов между

⁷ Совместная группа Национального комитета по составлению истории династии Цин в соавторстве с редакционным отделом «Исторические исследования»: Новое издание перевода истории династии Цин, «Исторические материалы о Музее Гугун на русском языке», внутренние материалы.

⁸ *Нестерова Е.В.* Российская Духовная Миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства (новые архивные материалы) // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 127–133.

⁹ 蔡鸿生 (Цай Хуншэн). 俄罗斯馆纪事 (Хроника подворья Русской духовной миссии) // 中华书局 (Китайское книгоиздательство), 2006. С. 108.

¹⁰ Сяо Юйцю. Русские художники XIX века, изображающие красками Китай // Русская литература и искусство. 2002. № 2.

Легашевым и чиновниками династии Цин могут полностью подтвердить стихотворения, написанные Ихуэем. Стихотворения подписаны: «Пищу стихотворение на картине, отправляю Жунчжаю и прошу вместе рисовать в будущем», с комментариями от себя:

«Картина русского художника Анатона»

(полный текст стихотворений)

Первое

У Северного Ледовитого океана – Россия,
Ее культура довольно близка к западным нормам;
Десятилетнее обучение заменила новая учебная поездка,
Приехал лучший художник века;
В правильном цвете нарисуй меня,
С помощью твоей кисти и бумаги мое изящество появляется.
Какой магией может узнать судьбу Хуцзы шаман духа,
Ведь у него небесный Ян и земная Инь в разные времена.

Второе

Помню, как мы с тобой прогуливались и сочиняли стихотворение,
Вместе сидели на высоком каменном ложе в беседке;
Когда смогу снова сидеть в этом месте,
И выпросить этого господина размахивать кистью;
Слушали воду и вместе смотрели на облака,
Опираясь на гуцинь и держа книгу, каждый был занят своими делами;
И пусть интересные истории о нас передают будущие поколения,
Мы изящно поднимемся на сцену и получим большое удовлетворение¹¹.

Как видно из приведенных выше стихотворений Ихуэя, он поддерживал дружеские отношения с Легашевым и даже превозносил его как «лучшего художника века». Полное имя Легашева – Антон Михайлович, а упомянутый в стихотворении «Анатон» и Антон – одно и то же имя, относящееся к Легашеву.

Согласно исследованиям профессора Сяо Юйцю, на картинах Легашева изображены представители всех слоев пекинского общества, в том числе: Бэйлэ (титул князя) и его жена, Чжуши (делопроизводитель) Лифаньюаня (Палата по делам вассальных территорий) (Чанлин), Шаншу¹² (Сиэнь), генерал и китайский учитель, который преподавал маньчжурский язык в Российском подворье, потомки военнопленных русско-китайского пограничного конфликта (Николай), португальский священник (Би Сюэюань – Г.Р. Перейра, 1763–1838) и т.д.¹³ Среди них «Бэйлэ и его жена» могут относиться к Ихуэю и его боковой Фуцзинь (вторая жена) Гу Тайцин. Чиновник Лифаньюаня Чанлин трижды приходил в подворье Российской духовной миссии и просил Легашева написать для него портрет, что было честью для русской миссии¹⁴.

В-третьих, Легашев также собирал информацию о китайских пигментах. На самом деле превосходство китайских красок уже давно привлекало внимание Императорской Академии художеств России. Когда глава 9-й миссии Бичурин вернулся в Россию, он привез большое количество китайских пигментов. Он также опубликовал статью под названием «Происхождение китайских красок», в которой упоминалось об удивительной яркости и прозрач-

¹¹ 顾太清奕绘诗词合集 (Сборник стихотворений Гу Тайцина и Ихуэя) // 张璋编校 (в ред. Чжан Чжана) // 上海古籍出版社 (Шанхайское издательство древних книг), 1998. С. 496.

¹² Во времена династии Цин главных чиновников шести министерств и палаты внешних сношений называли Шаншу.

¹³ 肖玉秋 (Сяо Юйцю). 用丹青描绘中国的 19 世纪俄国画家 (Русские художники XIX века, изображающие красками Китай) // 俄罗斯文艺 (Русская литература и искусство). 2002. № 2.

¹⁴ Наша китайская миссия полвека назад. Письмо Аввакума Честного из Пекина в Архангельск // Русский Архив. 1884. № 5. С. 155.

ности красок, используемых китайскими художниками. Он пояснил, что китайцы используют специальные методы очистки и удаления примесей, а также подробно описал в статье процесс производства красок¹⁵. Президент Академии художеств Оленин поручил художникам, отправлявшимся с миссией в Пекин, особое задание по изучению смешивания, состава и использования настоящих китайских пигментов. Академия художеств косвенно получала пигменты через миссии и применяла их в обучении студентов. Для этой цели Оленин выдал первосвященнику 10-й духовной миссии Каменскому 1 000 рублей, половина из которых пошла на покупку чернил, киновари и лучших пигментов. Сопровождающий группу студент Леончиевский написал китайской акварелью автопортрет, который сейчас находится в коллекции Российской национальной библиотеки. В 1841 г. Легашев вернулся из Пекина в Санкт-Петербург. Он обратился в Академию художеств за возможностью преподавания и надеялся, что ему разрешат производить китайские пигменты, однако академия сочла европейские пигменты лучше китайских и не поддержала его инициативу. Его просьба о преподавании в Академии художеств также была отклонена.

После возвращения Легашева на родину его не оценили по достоинству, но тема его более поздних творений никогда не отделялась от Китая. Все самые важные достижения его жизни были связаны с Китаем.

3. Заключение. В начале XVIII в. с появлением Русской духовной миссии китайско-русские отношения вступили в стадию личных обменов. В китайско-русских отношениях до 1860-х гг., будь то торговля, дипломатия или культура, почти все проходило через Русскую духовную миссию, образуя своеобразную паутиную связь. Русская духовная миссия, расположенная в центре города, фактически являлась российским представительством в Пекине. В то же время во времена Петра Великого «китайский стиль» Европы стал распространяться и на Россию. «В это время в Россию начало поступать большое количество китайских товаров, которые не только привнесли художественную эстетику китайского колорита, но и что более важно, постепенно прояснили образ Китая в России». Несмотря на это, прямые культурные обмены между Китаем и Россией все еще были достаточно ограничены вплоть до XVIII–XIX вв.

Будучи первым профессиональным русским художником в Китае, Легашев принес русскую цивилизацию и явился посланником по распространению искусства между двумя странами. Когда его не признали в собственной стране, он впал в депрессию и уехал в Китай. Десятилетний опыт работы в Пекине дал ему возможность в полной мере соприкоснуться с цинским двором и народом и стал золотым периодом его творчества. В то время когда в мире еще не была изобретена фотография, реалистичный стиль работ Легашева являлся важным способом наблюдения, фиксации и свидетельства реальной общественной жизни Китая. В то же время в его картинах отражалось совершенство русского живописного искусства. В этот период он не только совершил прорыв в своем личном стиле живописи, но и интегрировал в свои работы множество китайских элементов, которые можно наглядно лицезреть на этой картине, хранящейся в РОМ. Легашев сыграл важную роль в китайско-русских отношениях, китайско-западном обмене произведениями искусства и даже в получении китайской промышленной информации. Построение визуального образа Китая с помощью его произведений должно еще больше привлечь наше внимание.

Литература

Марков С.Н. Вечные следы: книга о землепроходцах и мореходах. М.: Молодая гвардия, 1973. 495 с.

Нестерова Е.В. Российская Духовная Миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства (новые архивные материалы) // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и Сыновья, 1993. С. 127–133.

¹⁵ Нестерова Е.В. Российская Духовная миссия в Пекине... С. 127–133.

Шубина С.А. Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль 1998. 25 с.

Tomassi N. When East meets West: The Conservation of «Portrait of Chinese Official» in the Collection of The Royal Ontario Museum // *The Picture Restorer*. London: Spring, 2013. No. 42. P. 36–41.

蔡鸿生 (Цай Хуншэн). 俄罗斯馆纪事 (Хроника подворья Русской духовной миссии // 中华书局 (Китайское книгоиздательство), 2006.

肖玉秋 (Сяо Юйцю) 用丹青描绘中国的 19 世纪俄国画家 (Русские художники XIX века, изображающие красками Китай) // 俄罗斯文艺 (Русская литература и искусство). 2002. № 2.

李芝安 (Ли Чжиань) 清代朝珠述论 (Дискуссия о бусах «чаочжу» династии Цин) // 中国国家博物馆馆刊 (Журнал Национального музея Китая). 2013. № 6.

References

Cai Hongsheng. (2006). *E luo si guan ji shi*. Zhong hua Book Company.

Li Zhian. (2013). *Qing dai chao zhu su lun* // *Journal of National Museum of China*. № 6.

Markov, S.N. (1973). *Vechnye sledy: kniga o zemleprohodtsakh i morekhodakh* [Eternal Traces: A Book about Land Explorers and Sailors]. Moscow, Molodaya gvardiya. 495 p.

Nesterova, E.V. (1993). *Rossiyskaya Dukhovnaya Missiya v Pekine i nachalo russko-kitayskikh kontaktov v sfere izobrazitel'nogo iskusstva (novye arhivnye materialy)* [Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Beijing and the Beginning of Russian-Chinese Contacts in the Field of Fine Arts (New Archival Materials)]. In *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke: 275-letie Rossiyskoy dukhovnoy missii v Kitae*. St. Petersburg, Andreev I synov'ya, pp. 127–133.

Shubina, S.A. (1998). *Russkaya pravoslavnaya missiya v Kitae (XVIII – nachalo XX vv.)* [Russian Orthodox Mission in China (18th – Early 20th Centuries)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Yaroslavl. 25 p.

Tomassi, N. (2013). When East Meets West: The Conservation of “Portrait of Chinese Official” in the Collection of The Royal Ontario Museum. In *The Picture Restorer*. London, Spring. No. 42, pp. 36–41.

Xiao Yuqiu. (2002). *Yong dan qing miao hui zhong guo de 19 shi ji e guo hua jia*. In *Russian Literature and Art*. No. 2.

Ду Цзяци*

КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В ХАРБИНЕ (1900–1930-Е ГОДЫ)doi:10.31518/2618-9100-2023-3-18
УДК 7.01(=161.1)(510.1)

Выходные данные для цитирования:
Ду Цзяци. Культурная деятельность русской эмиграции в Харбине (1900–1930-е годы) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 208–219.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-18.pdf>

Du Jiaqi*

CULTURAL ACTIVITY OF THE RUSSIAN EMIGRATION
IN HARBIN (1900–1930)

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-18

How to cite:
Du Jiaqi. Cultural Activity of the Russian Emigration in Harbin (1900–1930) // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 208–219.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-18.pdf>]

Abstract. The article provides a historical and cultural review of the basic factual material representing the sociocultural adaptation of representatives of the migration wave from Russia to China and characterising the main directions of the development of Russian culture in Harbin. The period of 1900–1930 studied in this article is characterised by positive socio-economic factors for Russian emigrants to establish multi-level educational institutions, newspapers and magazines on various subjects, Russian-language publishing houses, cultural and creative communities in Harbin. The experience of preserving national cultural values, spiritual, linguistic and mental environment by Russians in the education of the younger generation in a foreign cultural environment is shown. The implementation of creative potential in the field of literature, art, and publishing has been studied. From 1900–1930 the formation and development of the Russian cultural and educational center in Harbin was facilitated by the purposeful creation of an integral education for the children of the Russian community, i.e. 14 public schools and more than 60 private educational institutions (preschool “children’s lighthouses”, a school for deaf and mute children, gymnasiums, institutions of secondary vocational education). The fact of teaching in Russian in all schools, which was not typical for other Russian communities in China is stated. The significance of the Harbin Faculty of Law and the Russian–Chinese Polytechnic Institute created by Russian emigrants for the development of education and the training of qualified personnel with the Russian language knowledge in Harbin and Northeast China is shown. The main influence of Russian emigration on the cultural development of the city was noted by Russian intelligentsia, including a large group of famous people active in literature, music, and art. In particular, the activity of the literary association “Churaevka” that brought up two generations of Russian poets and made a great contribution to the prosperity of Russian poetry in Harbin is shown. The influence of periodicals of Russian emigration on Harbin journalism is revealed. The formation of the “Russian Society of Orientalists” for the next cultural exchange between East and West is noted. The conclusion about the rich cultural heritage and great contribution of Russian emigration to the development of educational, literary, artistic, and publishing spheres in the Northeast of China is made.

Keywords: Russian emigration in Harbin, Chinese Eastern Railway (CEL), educational activities, activities in literature and art, publishing activities.

The article has been received by the editor on 27.01.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Ду Цзяци, магистрант, Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай, e-mail: sashadu990413@163.com

Du Jiaqi, Master’s Student, Shanghai International Studies University, Shanghai, China, e-mail: sashadu990413@163.com

Аннотация. В статье дан историко-культурологический обзор базового фактического материала, представляющего социально-культурную адаптацию представителей миграционной волны из России в Китай и направленного на характеристику основных путей развития русской культуры в Харбине. Изучаемый в данной статье период 1900–1930-х гг. характеризуется положительными социально-экономическими факторами для формирования русскими эмигрантами в Харбине разноуровневых образовательных заведений, газет и журналов разной тематики, русскоязычных издательств, культурных и творческих сообществ. Показан опыт сохранения русскими национально-культурных ценностей, духовной, языковой и ментальной среды в образовании молодого поколения в чужой культурной среде. Исследована реализация творческого потенциала в сфере литературы, искусства, издательской деятельности. Формированию и развитию русского культурно-образовательного центра в Харбине способствовало целенаправленное создание за период 1900–1930-х гг. целостной системы образования детей русской диаспоры: 14 государственных школ и более 60 частных образовательных учреждений (дошкольные «детские маяки», школа для глухонемых детей, гимназии, учреждения среднего профессионального образования). Выделен факт преподавания во всех школах на русском языке, что не было характерно для других русских диаспор Китая. Показана значимость созданных русскими эмигрантами Харбинского юридического факультета и Русско-Китайского политехнического института для развития образования в Харбине и Северо-Восточном Китае и подготовки высшего персонала со знанием русского языка. Отмечено основное влияние русской эмиграции на культурное развитие города представителями русской интеллигенции, среди которых выделялась большая группа тех, кто состоялся в литературе, музыке и искусстве. В частности, показана деятельность литературного объединения «Чураевка», которое воспитало два поколения русских поэтов и внесло большой вклад в процветание русской поэзии в Харбине. Выявлено влияние периодических изданий русской эмиграции на харбинскую журналистику. Отмечается становление «Российского общества востоковедов» для последующего культурного обмена между Востоком и Западом. Сделан вывод о богатом культурном наследии и вкладе русской эмиграции для развития образовательной, литературной, художественной и издательской сфер на Северо-Востоке Китая.

Ключевые слова: русская эмиграция в Харбине, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), образовательная деятельность, деятельность в сфере литературы и искусства, издательская деятельность.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023 г.

Миграционные процессы из России в Китай начались более 300 лет назад, в ранний период династии Цин. В связи с географической близостью двух стран китайское побережье Амура заселялось русскими с середины XVII в., и после подписания Пекинского трактата в 1860 г. русское население Дальнего Востока активно продолжало расти. Увеличивалось и количество подданных Российской империи, которые переезжали в Китай. Таким образом, складывалась община русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае, которая «пережила много нелегких событий, однако она не отступала от своей миссии: сохранить русскую культуру и традиции и передать их потомкам»¹.

После Октябрьской революции 1917 г. более 100 тыс. русских эмигрантов перебрались в Северо-Восточный Китай. Ими в районе вдоль Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) была создана постоянная русская община, центром которой стал Харбин. В начале 1930-х гг. в Харбине проживало около 200 тыс. русских эмигрантов. Большую часть русской

---

¹ Кизюн Е.В., Кемерова Т.А. Культурная миссия русских эмигрантов в Харбине // Человек в мире культуры. 2017. № 4. С. 41.

диаспоры составляла интеллигенция, значительное число которой представлено писателями, художниками и журналистами. Социально-культурная адаптация представителей второй миграционной волны из России отличалась четкой культурной идентификацией русской диаспоры в Харбине, осознанием «принадлежности к русской культуре и ее ценностям, своей роли в ее воспроизведении на территории другой страны»².

Изучаемый в статье период 1900–1930-х гг. характеризуется положительными социальными и экономическими факторами для формирования «русским Харбином» конфессиональных институтов, разноуровневых образовательных заведений, газет и журналов разной тематики, русскоязычных издательств, культурных и творческих сообществ – разнообразных «социокультурных институтов, способных к воспроизводству и трансляции русской культуры»³.

Историко-культурологический обзор базового фактического материала в статье направлен на характеристику основных направлений развития русской культуры в Харбине. Представлен опыт сохранения русскими национально-культурных ценностей, духовной, языковой и ментальной среды в образовании молодого поколения в чужой культурной среде, реализации творческого потенциала в сфере литературы, искусства, издательской деятельности.

Формированию и развитию русского культурно-образовательного центра в Харбине способствовало в первую очередь целенаправленное создание русскими эмигрантами целостной системы образования.

1. Образовательная деятельность русских эмигрантов в Харбине. В русской культуре всегда придавалось большое значение вопросам образования и воспитания. Основную роль в развитии образовательной деятельности русских эмигрантов в Харбине сыграло строительство КВЖД, российское руководство которой открыло в Харбине много школ для детей управляющего персонала, железнодорожников и других выходцев из России. За период 1900–1930 гг. была сформирована целостная система управления образованием. У большинства детей эмигрантов появилась возможность получить образование, по крайней мере в средней школе или в профессионально-техническом училище.

Активное создание начальных школ в Харбине для детей специалистов и рабочих КВЖД прослеживается в следующей хронологии:

– 1898 г., октябрь: Железнодорожная начальная школа в городском районе Сянфан, ставшая первой современной начальной школой «не только в Харбине, но во всей Маньчжурии»⁴;

– 1899 г., октябрь: Сунгаринская начальная школа на улице Синьчши (в настоящее время район Наньган);

– с 1903 по 1916 г.: «Харбинская первая новая начальная, начальная школа Дибao, начальная школа Док, Первая высшая школа, Третья высшая школа и др. Для детей русских харбинцев, получивших начальное образование, в 1907 г. была открыта гимназия, названная

Рис. 1. Вид на центральную улицу Харбина. Начало XIX в.

² Ван Кэвэнь. Русская культура Харбина: историко-культурологический анализ. Чита, 2017. С. 11.

³ Там же. С. 11–12.

⁴ Хисамутдинов А.А. Русская школа в Китае [Электронный ресурс]. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2018. С. 11. URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/server/api/core/bitstreams/d9393b2c-5eef-4870-8935-4bc644e75b98/content> (дата обращения: 07.01.2023).

именем управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата. Масштаб этого учебного заведения считался большим: ежегодно в гимназии обучалось более 500 учеников, а к 1916 г. их количество достигло 700 с лишним человек»⁵.

Выявленная активная динамика в хронологических рамках 1898–1916 гг. всеми исследователями связывается со строительством и официальным открытием КВЖД (1903 г.). Дальнейшее увеличение русской диаспоры в Харбине привело к тому, что деятельность государственных школ не могла удовлетворить спрос на образование. В результате русскими педагогами, проживавшими в Харбине, были открыты частные школы, первой из которых стала женская гимназия М.С. Генерозовой, основанная в 1903 г. в городском районе Бутоу (в настоящее время район Даоли). Классическая женская гимназия им. М.А. Аксаковской открыла свои двери в октябре 1906 г., а уже в 1935 г. «слилась с Пушкинской и стала называться объединенной гимназией. Она была закрыта в 1937 г.»⁶. По статистическим данным «Истории образования в Маньчжурии» 1935 г., в Харбине и других городах вдоль КВЖД было 14 русских школ, организованных государством, и более 60 частных русских образовательных учреждений⁷.

Рис. 2. Женская гимназия М.С. Генерозовой

Также следует отметить образовательные дошкольные учреждения, названные «детскими маяками», первый из которых в 1912 г. был открыт Е.Н. и С.С. Соколовыми и в 1913 г. оценен золотой медалью на Хабаровской юбилейной выставке наряду с мужским и женским Харбинскими коммерческими училищами⁸.

Нельзя переоценить значимость внимания русских эмигрантов к образованию детей-инвалидов. Так, в школе для глухонемых детей, основанной в 1922 г. глухонемым директором В.М. Салтыковым, бесплатно работали члены Харбинского отдела глухонемых, которые проводили занятия по обучению «грамоте, счету и ремеслу, учащиеся приобретали некоторые знания и навыки, необходимые для существования»⁹.

Положительную динамику развития среднего профессионального образования можно проследить по следующим фактам:

- 1906 г.: открытие Харбинского мужского и Харбинского женского коммерческих училищ (учредитель – управление КВЖД);
- 1911 г.: первая харбинская зубоветеринарная школа, организатором которой стала талантливый педагог и зубной врач Е.Х. Фон Арнольд (мадам Фон Арнольд);
- 1920 г.: открытие медсестринского училища при центральной больнице КВЖД.

Средние профессиональные учебные заведения не только активно создавались, но и охватывали различные профессиональные области. Полноценная система школьного и профессионального образования, по заключению А.А. Хисамутдинова, придерживалась дореволюционной системы обучения, принятой в классических гимназиях или в реальных училищах¹⁰, что определяло высокий уровень грамотности детей «русского Харбина».

⁵ Чэн Хунцзэ. Русские образовательные учреждения системы начального и среднего образования в Харбине (1898–1930 гг.) // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 64. С. 4.

⁶ Хисамутдинов А.А. Русская школа в Китае... С. 13.

⁷ 李兴耕 (Ли Синькэн). 风雨浮萍: 俄国侨民在中国 (Бродяга: русские эмигранты в Китае (1917–1945)). Пекин, 1997. С. 342.

⁸ Косинова О.А. Становление системы образования Российского зарубежья в Северной Маньчжурии // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» [Электронный ресурс]. 2008. № 2. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Kosinova_formation/ (дата обращения: 02.01.2023).

⁹ Чэн Хунцзэ. Русские образовательные учреждения системы начального и среднего образования в Харбине (1898–1930 гг.) // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 64. С. 6.

¹⁰ Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: Русские в Китае. Ч. 1. Владивосток, 2000. С. 138–139.

Значимым показателем также стало преподавание на русском языке во всех школах, что не было характерно для других русских диаспор (к примеру, для русской диаспоры, проживающей в Шанхае).

В начале XX в. управление КВЖД планировало создать в Харбине технический вуз для подготовки железнодорожных техников и инженеров. Однако в то время большинство детей русских эмигрантов не достигло нужного возраста для получения высшего образования, поэтому этот план был отложен. К началу 1920-х гг. многие русские дети окончили средние школы или профессиональные училища и в это же время в Харбин эмигрировала из СССР группа русских профессоров. В связи с этим управление КВЖД выделило финансовые средства и создало ряд высших учебных заведений. Наиболее влиятельными из них были Харбинский юридический факультет и Русско-Китайский политехнический институт (РКПИ).

Высшие экономико-юридические курсы, позднее переименованные в Харбинский юридический факультет, официально были открыты 1 марта 1920 г.; первым ректором стал Николай Васильевич Устрялов – известный русский правовед, идеолог «сменовеховства». Первый набор в институт составил 98 студентов. В 1928 г. на Харбинском юридическом факультете числилось 830 студентов и 31 преподаватель. В рамках вуза действовали два факультета: юридический и экономический, а также кафедра востоковедения. Юридический факультет в 1923 г. начал реализовывать курсы, связанные с китайским правом, охватывая такие области, как коммерческое право, уголовное право, процессуальное право и др. Преподаватели и студенты юридического факультета также основали научный журнал «Вестник юридического факультета», который был очень популярен в Харбине.

На факультете собралась плеяда талантливых профессоров, таких как В.А. Рязановский – специалист по монгольскому праву, Г.К. Гинс – экстраординарный профессор кафедры римского права и торгового права юридического факультета, В.В. Энгельфельд – известный юрист по административному делу и др. В начале 1930-х гг. Харбинский юридический факультет включен в состав Педагогического института в связи с сокращением числа студентов и отъездом многих русских преподавателей. В 1937 г. Харбинский юридический факультет прекратил свою деятельность окончательно.

Другой известный вуз – Русско-Китайский политехнический институт (РКПИ), предшественник Харбинского политехнического университета – был открыт в Харбине 9 сентября 1920 г. после почти 20-летней предварительной подготовки. Первым руководителем института стал известный инженер Алексей Алексеевич Щелков. В период становления института обучение инже-

Рис. 3. Русско-китайский политехнический институт

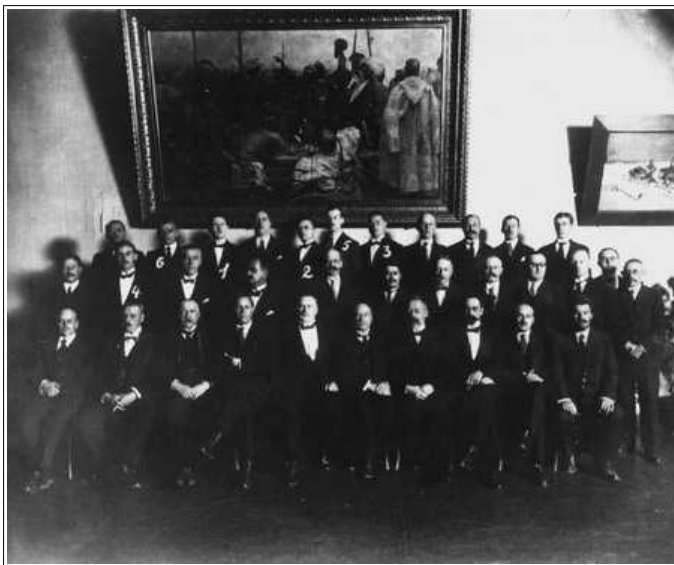

Рис. 4. Первые выпускники Русско-китайского политехнического института. 1924 г.

неров велось только на двух отделениях – дорожно-строительном и электромеханическом. Также в институте были учреждены подготовительные курсы по русскому языку и профильным предметам для китайских студентов. Со временем учебная программа РКПИ постепенно усовершенствовалась. РКПИ стал вузом с передовым учебным оборудованием и очень высоким качеством преподавания. Новый период в истории института начался в феврале 1928 г., когда в соответствии с советско-китайским соглашением от 1927 г. представители китайской стороны стали участвовать в управлении вузом, переименованным в Политехнический институт Особого административного района Северо-Восточных провинций.

В РКПИ работало много известных ученых и экстраординарных профессоров. Например, знаменитый американский ученый-механик украинского происхождения, иностранный член АН СССР Степан Прокофьевич Тимошенко, известный инженер Николай Капитонович Пафнутьев и многие другие. РКПИ также подготовил большое количество специалистов и техников для работы в Китае и СССР, многие из которых внесли выдающийся вклад в развитие своих отраслей. Среди них выделяются Владимир Николаевич Иванов – член-корреспондент РАН и специалист по железнодорожной технике, Василий Григорьевич Мелихов – известный инженер и отец востоковеда Георгия Васильевича Мелихова и др.

Созданные русскими эмигрантами Харбинский юридический факультет и Русско-Китайский политехнический институт не только решили проблему подготовки высшего технического персонала со знанием русского языка, но и оказали глубокое влияние на развитие образования в Харбине и Северо-Восточном Китае.

2. Деятельность русских эмигрантов в Харбине в сфере литературы и искусства.

С открытием КВЖД и развитием экономики русские эмигранты в Харбине начали стремиться к богатой культурной жизни и материальному процветанию, а после октябрьских событий 1917 г. многие представители русской интеллигенции эмигрировали в Харбин, среди которых выделялась большая группа тех, кто состоял в литературе, музыке и искусстве. Их приезд сделал Харбин центром культуры и искусства русских эмигрантов на Дальнем Востоке и оказал глубокое влияние на развитие города.

Русские писатели-эмигранты в Харбине создавали произведения в разных жанрах, включая романы, повести, рассказы, пьесы, поэзию, дневники, мемуары, исторические биографии, а также произведения для детской аудитории. Многие из них также занимались литературными переводами. До Октябрьской революции 1917 г. в Харбине уже жили некоторые русские поэты и писатели, активно занимавшиеся литературным творчеством. Среди них наиболее влиятельные – поэтесса Александра Петровна Паркау и поэт Сергей Яковлевич Алымов.

После Октябрьской революции 1917 г. в Харбин прибыла большая группа эмигрантов, значительно пополнивших ряды русских писателей и поэтов. Самый известный русский поэт в Харбине – Арсений Иванович Несмелов. Несмелов (настоящие имя и фамилия – Арсений Иванович Митропольский) родился в Москве в семье надворного советника и учился во Втором Московском кадетском корпусе. Публиковать свои литературные произведения будущий поэт начал в возрасте 24 лет: его первая работа появилась в журнале «Нева», а в 1915 г. вышел в свет первый сборник Несмелова «Военные странички: стихи и рассказы». В мае 1924 г. Несмелов поселился в Харбине. С этого момента Несмелов стал самым выдающимся среди поэтов – русских эмигрантов в Харбине. Во время проживания в Харбине Несмелов опубликовал в Харбине и Шанхае восемь сборников стихов, в том числе «Кровавый отблеск», «Без России» и «Через океан»¹¹. В августе 1945 г. Несмелов был арестован и вывезен в СССР. Поэт умер 6 декабря того же года в пересыльной тюрьме на Дальнем Востоке.

Для эффективного и плодотворного развития литературной деятельности русскими писателями и поэтами в Харбине был создан ряд литературных групп и клубов: «Круг

¹¹ 荣洁 (Жун Цзе). 涅斯梅洛夫的生平与创作 (Жизнь и творчество Несмелова) // 俄罗斯文艺 (Русская литература и искусство). 2002. № 6. С. 25.

поэтов», «Чураевка», «Литературно-музыкальный кружок» и др.¹² «Чураевка» была создана в 1926 г. поэтом Алексеем Ачаиром и стала самой влиятельной литературной организацией русских эмигрантов на Дальнем Востоке. Как правило, «Чураевка» проводила собрания два раза в неделю, в них участвовали писатели, музыканты и художники. Также на базе «Чураевки» проводились дискуссии, концерты и спектакли. Известные поэты Наталия Семеновна Резникова, Валерий Перелешин и Юстина Крузенштерн-Петерец были участниками организации «Чураевка». Это литературное объединение воспитало два поколения русских поэтов и внесло большой вклад в процветание русской поэзии в Харбине.

Музыкальная деятельность русского зарубежья также оказала значительное влияние на культуру Харбина. До 1940-х гг. крупнейшим русским музыкальным коллективом было Общество изучения русского старинного искусства (ОИРСИ), которое начиналось как народная организация, а затем превратилось в профессиональную труппу. ОИРСИ собрало множество высокопрофессиональных артистов для создания таких коллективов, как народный оркестр под руководством М.В. Карбышева, сводный хор железнодорожников, в репертуаре которого были как классические произведения, так и традиционные русские песни. Национальный колорит подчеркивался русскими народными костюмами выступающих.

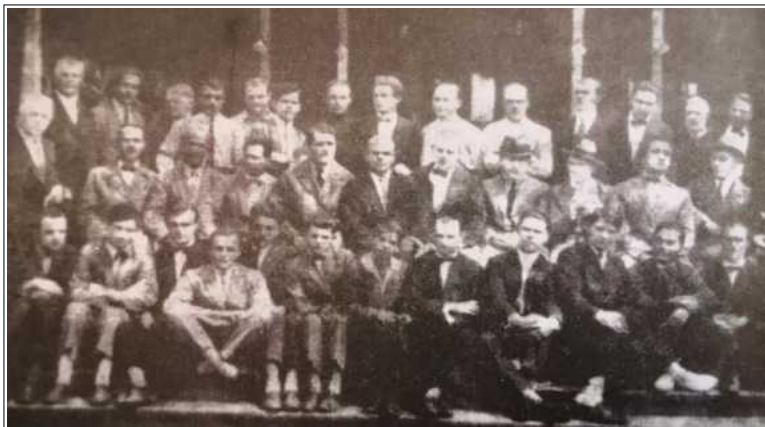

Рис. 5. Симфонический оркестр управления КВЖД

В 1920-е гг. в Харбин эмигрировало из СССР все больше творческих личностей, что сделало культурную жизнь русской диаспоры в городе более красочной. Ставились классические оперы, такие как «Иван Сусанин» М.И. Глинки, «Снегурочка» Н.А. Римского-Корсакова, «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» П.И. Чайковского. В конце 1920-х гг. русские эмигрантские труппы гастролировали с выступлениями в Шанхае, Пекине, а также выезжали на Филиппины и в Японию. Следует отметить создание русскими эмигрантами в 1920-х гг. музыкальных школ в Харбине. Приведем только некоторые примеры:

– 1921 г.: открытие первой музыкальной школы Харбина, основанной известным композитором и дирижером того времени П.Н. Машиним;

– 1925 г.: открытие высшей музыкальной школы им. Глазунова, учредителями которой стали скрипач Ю.М. Гольдштейн и его супруга пианистка В.Б. Диллон. Занятия в этой школе проходили «в соответствии с планом бывшей русской консерватории»¹³;

– 1927 г.: открытие Харбинского училища музыкального обучения, созданного свободным художником Г.Г. Барановой-Поповой, получившей высшее музыкальное образование в Киевской консерватории;

– 1929 г.: открытие Харбинского музыкального института, директором которого стала известная пианистка Л.Б. Аптекарева.

Среди русской эмиграции также было много талантливых художников. В 1922 г. известный русский художник Михаил Александрович Кичигин основал в Харбине студию искусств «Лотос» в мансарде доходного дома Б.Д. Мееровича, близ Свято-Николаевского собора. В студии работало много известных художников, давались уроки натурального эскиза, пастели, живописи, скульптуры и т.д. Здесь было воспитано множество молодых художников.

¹² 荣洁 (Жун Цзе). 哈尔滨的俄侨文学 (Русская эмигрантская литература в Харбине) // 外语研究 (Изучение иностранных языков). 2002. № 3. С. 46.

¹³ Чэ Чуньин. Музыка российской эмиграции и развитие музыкальной культуры в Харбине в первой половине XX века // Педагогическое мастерство: материалы IV Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 27–28.

Другим известным русским художником-эмигрантом в Харбине был Николай Алексеевич Кованцев, который окончил Строгановское художественно-промышленное училище в Москве в 1904 г. и вскоре прославился посмертным портретом великого русского писателя Л.Н. Толстого. В 1916 г. Кованцев прибыл в Харбин. За более чем десять лет работы в Харбине художник провел несколько персональных художественных выставок и много раз бывал в других крупных городах Северо-Восточного Китая в целях поиска вдохновения. В 1933 г. Кованцев переехал в Шанхай. По его словам, цель переезда заключалась в том, чтобы «нарисовать весь Шанхай». Там он продолжил работать и написал портреты многих известных личностей Китая того периода. Кованцев стал одним из самых известных портретистов на Дальнем Востоке.

Рис. 6. ЛОТОС. Студия искусств. Харбин. 1922–1932

До 1940-х гг. большое количество представителей русской эмиграции занималось литературным и художественным творчеством в Харбине, что значительно обогатило культурную жизнь не только русской эмиграции, но и всего города. Культурное наследие того времени, оставленное русскими поэтами, писателями, музыкантами и художниками, оказало глубокое влияние на харбинскую культуру.

Издательская деятельность русских эмигрантов в Харбине. Самые ранние издания русской эмиграции в Китае появились на рубеже XIX–XX вв. начиная с 1897 г., когда русская православная миссия открыла типографию в Пекине. Два года спустя в Харбине была открыта типография для издания печатных религиозных материалов.

На развитие издательской деятельности русских эмигрантов также повлияли строительство и открытие КВЖД. Русские издания выходили в основном на русском языке и затрагивали большой спектр тем, включая политику, культуру, религию, общественную жизнь и т.д.

Именно в это время русский журналист П.В. Ровенский основал первую в Харбине газету на русском языке «Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений», и в течение следующих лет Ровенский последовательно выпускал издания «Маньчжурия» и «Молодая Россия». Однако вскоре выпуск этих газет был прекращен из-за публикации на их страницах радикальных идей.

Официальное издание управления КВЖД «Харбинские вести» впервые вышло в свет в 1903 г. накануне вступления в эксплуатацию КВЖД. Главным редактором газеты был К.П. Лазарев, начальник экономического бюро КВЖД. Позже «Харбинские вести» отделились от экономического бюро КВЖД и стали газетой общего профиля, охватывающей экономическую, социальную и культурную сферы. После Октябрьской революции 1917 г. «Харбинские вести» были переименованы в «Железнодорожник», но после агрессии империалистических государств в Сибирь издание было переименовано в «Маньчжурские новости» и стало рупором антисоветской общественности среди выходцев из Российской империи на Дальнем Востоке. «Маньчжурские новости» перестали выходить в 1920 г., а последний главный редактор И.А. Доброловский покончил с собой.

«Харбинские вести» выходили в течение 17 лет. Распространение издания отличалось широким масштабом, что оказало значительное влияние на мировоззрение в Северо-Восточном Китае. Помимо русскоязычной прессы, в течение 15 лет отделом управления КВЖД по делам информации и издательства выпускалась «Юаньдунбао» («Дальневосточная газета») – первая газета на китайском языке в Северо-Восточном Китае¹⁴, которая обладала наибольшим тиражом и наибольшим влиянием среди всех газет в Харбине. Среди других газет, основанных русскими эмигрантами в Харбине до Октябрьской революции, можно назвать такие издания, как «Вестник Маньчжурии», «Досуги Заамурча», «Дальневосточная копейка», нелегальная газета «Революционная мысль».

¹⁴ 李士良 (Ли Шилян). 哈尔滨史略 (Краткая история Харбина). Харбин, 1994. С. 108.

Наряду с газетами русские эмигранты публиковали в Харбине многочисленные периодические издания. В 1904 г. в Харбине вышло в свет религиозное издание «Известия Братства Православной Церкви в Китае» – один из первых специализированных журналов для русских эмигрантов в Харбине. Первые три номера были опубликованы в Харбине, а затем «Известия» стали выпускаться в Пекине. В 1908 г. начал выходить журнал на русском языке «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке», который в основном содержал статьи, отражающие жизнь железнодорожников на КВЖД. Журнал был очень популярен среди представителей русской эмиграции в Харбине.

Китайский исследователь Лин Цзюнь выделяет январь 1909 г. как дату образования в Харбине «Российского общества востоковедения», инициаторами и организаторами которого были российские востоковеды – выпускники Санкт-Петербургского университета и Восточного института во Владивостоке. Почетным председателем этой организации стал Д.Л. Холварт, директор управления КВЖД. В июне 1909 г. вышло в свет издание «Вестник Азии», которое было выпущено «Российским обществом востоковедения». Его тираж вначале составил 500 экземпляров, а с шестого номера достиг 800 экземпляров. В «Вестнике Азии» было опубликовано много статей о китайской политике, экономике, культуре, истории и других сферах китайской жизни. «Вестник Азии» считали ценным специализированным изданием в то время, когда на Дальнем Востоке не было ни периодических изданий с восточной тематикой, ни специалистов по Китаю, Японии и Монголии¹⁵. Также изданиями, основанными русскими эмигрантами и пользовавшимися большим влиянием в Харбине до Октябрьской революции 1917 г., были «Военнообщественный Еженедельник», «Китай и Япония», «Друг Гимназиста» и др.

После Октябрьской революции 1917 г. миграция русской интеллигенции, недовольной советским режимом, вдохнула новую жизнь в издательское дело в Харбине. Согласно статистическим данным, с 1920 по 1923 г. в Харбине создано 110 газет и журналов на русском языке, из них 46 газет и 66 периодических изданий и журналов¹⁶. Среди наиболее влиятельных – газеты «Заря», «Вперед», «Русский голос» и «Трибуна».

Газета «Заря» была основана в 1920 г. М.С. Лембичем и Г.Н. Шипковым. Они получали финансовую поддержку от генерала белой армии, поэтому «Заря» всегда придерживалась прояпонской и антисоветской политики. Но на самом деле и Лембич, и Шипков были беспартийными, поэтому большинство статей в газете «Заря» намеренно преуменьшало политическую составляющую. Издание ориентировалось на обычных людей, проживающих в Харбине. Статьи, опубликованные в газете «Заря», были простыми для понимания и очень увлекательными, что сделало ее популярной среди русской эмиграции. В конце 1923 г. ежедневные продажи газеты «Заря» достигли 12–15 тыс. экземпляров¹⁷. В 1925 г. Лембич переехал в Шанхай, где основал газету «Шанхайская заря». Китайский журналист Гэ Гунчжэнь называет «Шанхайскую зарю» филиалом харбинской «Зари»¹⁸, а ее издатель Л.В. Арнольдов в

Рис. 7. Ежедневная газета «Заря»

¹⁵ 林军 (Лин Цзюнь). 帝俄在哈尔滨的东方学家协会 (Ассоциация востоковедов Российской империи в Харбине) // 北方文物 (Северное культурно-историческое наследие). 1987. № 1. С. 99.

¹⁶ Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 года. Харбин, 1927. С. 6.

¹⁷ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. С. 79.

¹⁸ 戈公振 (Гэ Гунчжэнь). 中国报学史 (История китайской прессы). Пекин: Китайское издательство новостей,

шутку называл газету старшей сестрой харбинской газеты «Заря»¹⁹. Позднее «Заря» стала рупором общественности в Харбине, выступавшей за антисоветскую и прояпонскую пропаганду²⁰. Газета прекратила выпуск в 1945 г.

В 1920 г. также была создана просоветская газета «Вперед» – орган объединенной конференции профессиональных, политических и общественных организаций полосы отчуждения КВЖД. Газета «Вперед» занималась распространением большевистских идей, таких как «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Рабочие – хозяева страны», а большинство ее подписчиков были служащими КВЖД. В апреле 1921 г. некоторые из ключевых сотрудников газеты были арестованы за «пропаганду радикальных идей», и издание было вынуждено остановить свою деятельность. Вслед за газетой «Вперед» объединенная конференция профессиональных, политических и общественных организаций полосы отчуждения КВЖД в августе 1922 г. создала газету «Трибуна». Как и «Вперед», газета «Трибуна» пропагандировала большевистские идеи и в 1925 г. прекратила свою деятельность. Газета «Русский голос» была основана в 1920 г., а ее главный редактор С.В. Востротин был депутатом III и IV Государственной думы. «Русский голос» имел прояпонскую, антисоветскую и антикоммунистическую направленность. В издании публиковались многочисленные статьи, негативно повлиявшие на советско-китайские отношения, и в итоге «Русский голос» в 1926 г. прекратил издание.

Надо отметить, что в 1920-е гг. издательская деятельность русской эмиграции в Харбине была на вершине развития, что подтверждается появлением новых изданий, альтернативных политическим газетам. Это специализированные периодические издания по вопросам экономики, правоведения, религии, литературы и искусства: например, «Экономический бюллетень» (1925), «Хлеб небесный» (1926), художественный еженедельник «Рубеж» (1926), детское издание «Ласточка» (1926) и др.

В течение первых трех десятилетий XX в. русскими эмигрантами в Харбине было издано несколько сотен изданий периодической печати. Эти издания охватывали различные области и были различного качества. Среди них были как реакционные, так и прогрессивные. Газеты и журналы, основанные представителями русской эмиграции, внесли значительный вклад в развитие издательского дела в Харбине и в Северо-Восточном Китае.

Заключение. В течение первых трех десятилетий XX в. в Харбине проживало значительное число русских эмигрантов. Состав русского зарубежья в Харбине был неоднороден. Русские эмигранты обладали различными политическими убеждениями. Среди них – железнодорожные рабочие, поддерживавшие советскую власть; интеллигенция, которая стремилась к свободе; реакционные белые офицеры. Русские эмигранты развернули в Харбине широкомасштабную образовательную, литературную, художественную и издательскую деятельность. С одной стороны, они привнесли в Китай передовые образовательные идеи, социальную мысль, науку и технику, оставили богатое культурное наследие и дали мощный импульс развитию образовательной, литературной, художественной и издательской сфер на Северо-Востоке Китая. Многие китаеведы также родились в семьях русских эмигрантов Харбина и впоследствии внесли значительный вклад в изучение и популяризацию истории, культуры и философии Китая, что способствовало культурному обмену между Востоком и Западом и позволило носителям русской культурной формации лучше узнать и понять китайскую культуру и китайский народ. С другой стороны, были негативные факторы, связанные с русской эмиграцией в изучаемый период 1900–1930 гг., но это находится за пределами объекта нашего исследования.

1985. С. 77.

¹⁹ Далин С.А. Китайские мемуары. 1921–1927. Пекин, 1981. С. 51.

²⁰ 石方 (Ши Фан). 哈尔滨俄侨史 (История русской эмиграции в Харбине). 2-е изд. Харбин, 2003. С. 303.

Литература

Ван Кэвэнь. Русская культура Харбина: историко-культурологический анализ. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2017. 122 с.

Далин С.А. Китайские мемуары. 1921–1927. М.: Наука, 1982. 382 с.

Кизюн Е.В., Кемерова Т.А. Культурная миссия русских эмигрантов в Харбине // Человек в мире культуры. Екатеринбург: Изд-во ФГБЩУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2017. № 4. С. 40–43.

Косинова О.А. Становление системы образования Российского зарубежья в Северной Маньчжурии // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» [Электронный ресурс]. 2008. № 2. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Kosinova_formation/ (дата обращения: 02.01.2023).

Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: ИРИ РАН, 1997. 245 с.

Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 года. Харбин: Изд-во ОИМК, 1927. 127 с.

Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: Русские в Китае. Ч. 1. Владивосток: ВГУЭС, 2000. 360 с.

Хисамутдинов А.А. Русская школа в Китае [Электронный ресурс]. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2018. URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/server/api/core/bitstreams/d9393b2c-5eef-4870-8935-4bc644e75b98/content> (дата обращения: 07.01.2023).

Чэ Чуньин. Музыка российской эмиграции и развитие музыкальной культуры в Харбине в первой половине XX века // Педагогическое мастерство: материалы IV Междунар. науч. конф. (Москва, февраль 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 27–28.

Чэн Хунцзэ. Русские образовательные учреждения системы начального и среднего образования в Харбине (1898–1930 гг.) // Вестник Амурского государственного университета. 2014. № 64. С. 3–7.

李士良 (Ли Шилян). 哈尔滨史略 (Краткая история Харбина). Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 1994. 378 с.

李兴耕 (Ли Синькэн). 风雨浮萍: 俄国侨民在中国 (1917–1945) (Бродяга: русские эмигранты в Китае (1917–1945)). Пекин: Центральное издательство компиляции и перевода, 1997. 434 с.

林军 (Лин Цзюнь). 帝俄在哈尔滨的东方学家协会 (Ассоциация востоковедов Российской империи в Харбине) // 北方文物 (Северное культурно-историческое наследие). 1987. № 1. С. 98–101.

荣洁 (Жун Цзе). 哈尔滨的俄侨文学 (Русская эмигрантская литература в Харбине) // 外语研究 (Изучение иностранных языков). 2002. № 3. С. 45–50+80.

荣洁 (Жун Цзе). 涅斯梅洛夫的生平与创作 (Жизнь и творчество Несмелова) // 俄罗斯文艺 (Русская литература и искусство). 2002. № 6. С. 24–28+35.

石方 (Ши Фан). 哈尔滨俄侨史 (История русской эмиграции в Харбине). Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2003. 630 с.

戈公振 (Гэ Гунчжен). 中国报学史 (История китайской прессы). Пекин: Китайское издательство новостей, 1985. 355 с.

References

Che, Ch. (2014). Muzyka rossiyskoy emigratsii i razvitie muzykal'noy kul'tury v Kharbine v pervoy polovine XX veka [Music of the Russian Emigration and the Development of Musical Culture in Harbin in the First Half of 20th Century]. In *Pedagogicheskoe masterstvo: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 27–28.

Cheng, H. (2014). Russkie obrazovatel'nye uchrezhdeniya sistemy nachal'nogo i srednego obrazovaniya v Kharbine (1898–1930 gg.) [Russian Educational Institutions of Primary and Secondary Education System in Kharbin (1898–1930)]. In *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 64, pp. 3–7.

Dalin, S.A. (1982). *Kitayskie memuary. 1921–1927* [Chinese Memoirs. 1921–1927]. Moscow, Nauka. 382 p.

Khisamutdinov, A.A. (2000). *Po stranam rasseyaniya: Russkie v Kitae. Ch. 1* [Through the Countries of Dispersion: Russians in China. Part 1]. Vladivostok, VGUES. 360 p.

Khisamutdinov, A.A. (2018). *Russkaya shkola v Kitae* [Russian School in China]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Available at: URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/server/api/core/bitstreams/d9393b2c-5eef-4870-8935-4bc644e75b98/content> (date of access 07.01.2023).

Kizyun, E.V., Kemerova, T.A. (2017). Kul'turnaya missiya russkikh emigrantov v Kharbine [The Cultural Mission of Russian Emigrants in Harbin]. In *Chelovek v mire kul'tury. Yekaterinburg, Izdatelstvo FGBSHCHU VPO "Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet"*. No. 4, pp. 40–43.

Kosinova, O.A. (2008). Stanovlenie sistemy obrazovaniya Rossiyskogo zarubezh'ya v Severnoy Man'chzhurii [Formation of the Education System of the Russian Abroad in Northern Manchuria]. In *Informatsionnyy gumanitarnyy portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"*. No. 2. Available at: URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Kosinova_formation/ (date of access 02.01.2023).

Melikhov, G.V. (1997). *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae (1917–1924 gg.)* [Russian Emigration in China (1917–1924)]. Moscow, IRI RAN. 245 p.

Tyunin, M.S. (1927). *Ukazatel' periodicheskikh i povremennykh izdaniy, vykhodivshikh v g. Kharbine na rusском i drugikh evropeyskikh yazykakh po 1-e yanvary 1927 goda* [Index of Periodical and Time-Based Editions Published in Harbin in Russian and Other European Languages on January 1, 1927]. Harbin, Izdatelstvo OIMK. 127 p.

Van, C. (2017). *Russkaya kul'tura Kharbina: istoriko-kul'turologicheskiy analiz* [Russian Culture of Harbin: Historical and Cultural Analysis]. Chita, Zabaykal'skiy gosudarstvennyy universitet. 122 p.

Li Shiliang. (1994). *Hā'ěrbīn shǐ lué* [A Brief History of Harbin]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House. 378 p.

Li Xinggeng. (1997). *Fēngyǔ fú píng: Éguó qiáomín zài zhōngguó (1917–1945)* [Vagabond: Russian Diaspora in China (1917–1945)]. Beijing, Central Compilation and Translation Press. 434 p.

Lin Jun. (1987). Dì'é zài hā'ěrbīn de dōngfāng xué jiā xiéhuì [Imperial Russian Association of Orientalists in Harbin]. In *Northern cultural and historical heritage*. No. 1 (25), pp. 98–101.

Rong Jie. (2002). Hā'ěrbīn de é qiáo wénxué [Russian Overseas Chinese Literature in Harbin]. In *Foreign Language Studies*. No. 3, pp. 45–50+80.

Rong Jie. (2002). Niè sī méi luò fū de shēngpíng yǔ chuàngzuò [Nesmelov's Life and Work]. In *Russian Literature and Art*. No. 6, pp. 24–28+35.

Shi Fang. (2003). *Hā'ěrbīn é qiáo shǐ* [History of the Russian Community in Harbin]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House. 630 p.

Ge Gongzhen. (1985). *Zhōngguó bào xué shǐ* [History of Chinese Journalism]. Beijing, Chinese Publishing House. 355 p.

М.М. Перекалина*

**РУССКИЕ В КИТАЕ: ПРЕДЫСТОРИЯ УСПЕХА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-19
УДК 314.743(=161.1)(510):338*Выходные данные для цитирования:**Перекалина М.М. Русские в Китае: предыстория успеха: (по материалам фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 220–233.**URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-19.pdf>*

M.M. Perekalina*

**RUSSIANS IN CHINA: BACKSTORY OF SUCCESS
(ON MATERIALS OF FONDS OF CENTRAL STATE
HISTORICAL ARCHIVE OF ST. PETERSBURG)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-19

*How to cite:**Perekalina M.M. Russians in China: Backstory of Success (On Materials of Fonds of Central State Historical Archive of St. Petersburg) // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 220–233. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-19.pdf>]*

Abstract. The publication consists of four biographical notes covering the pages of the lives of musicians Z.A. Pribytkova and B.S. Zakharov, architect A.A. Bernardazzi and diplomat N.G. Poppe. In the pre-revolutionary period, they had St. Petersburg (Petrograd) in common, and later China. The materials of the Central State Historical Archive of St. Petersburg made it possible to document various facts of their biographies, both widely and little known. They were revealed in the archive fonds of Petrograd Imperial University, Petrograd Conservatory, Russian Imperial Musical Society, Institute of Civil Engineers of Emperor Nicholas I, as well as Petrograd executive board, city credit society, spiritual consistory, gymnasium of the Successor Tsesarevich Alexei Nikolaevich, related to the studies and professional activities of the declared characters. The author dwells in detail on the documents that are part of the available personal files, as well as other materials on the topic, carefully describes them, focusing on the completeness and safety of the source. The information presented in the article can serve both to clarify information about specific people in connection with the involvement of a fairly wide range of documents, and to deepen the understanding of the sources themselves, stored in the archive and containing a large amount of information on the history of St. Petersburg and the biographies of its inhabitants in the pre-revolutionary period.

Keywords: St. Petersburg, Petrograd, archive, conservatory, university, architect, diplomat.

The article has been received by the editor on 14.12.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Публикация состоит из четырех биографических заметок, освещающих страницы жизни музыкантов З.А. Прибытковой и Б.С. Захарова, архитектора А.А. Бернардацци и дипломата Н.Г. Поппе. В дореволюционный период их объединил Санкт-Петербург (Петроград), как впоследствии Китай. Материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга позволили документально под-

* **Мария Михайловна Перекалина**, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mperekalina@mail.ru

Mariya Mikhailovna Perekalina, Central State Historical Archive of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, e-mail: mperekalina@mail.ru

твердить различные факты их биографий, как широко-, так и малоизвестные. Выявление производилось по архивным фондам Императорского Петроградского университета, Петроградской консерватории, Императорского Русского музыкального общества, Института гражданских инженеров императора Николая I, а также петроградских: городской управы, городского кредитного общества, духовной консистории, гимназии наследника цесаревича Алексея Николаевича, относящихся к учебе и профессиональной деятельности заявленных персонажей. Автор подробно останавливается на документах, входящих в состав имеющихся личных дел, иных материалах по теме, тщательно их описывает, акцентируя внимание на полноте и сохранности источников. Представленная информация может служить как для уточнения сведений о конкретных людях в связи с привлечением достаточно широкого круга документов, так и для углубления представлений о самих источниках, хранящихся в архиве и содержащих большой объем сведений по истории Санкт-Петербурга и биографиям его жителей в дореволюционный период.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Петроград, архив, консерватория, университет, архитектор, дипломат.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022 г.

Прибыткова Зоя Аркадьевна (1892, Тамбовская губ. – 1962, ?). Музыкант, выпускница Санкт-Петербургской консерватории. В Шанхае с 1929 г. Одна из основателей и режиссер Камерного театра, с 1931 г. – профессор Шанхайской национальной консерватории по классу рояля. Диктор на советском радио в Шанхае. Репатриировалась в СССР после 1945 г.¹

В фонде Петроградской консерватории Императорского Русского музыкального общества имеется личное дело Зои Аркадьевны² (далее – дело), содержащее документы, подтверждающие и уточняющие некоторые факты ее биографии в дореволюционный период (рис. 1). Первый лист, как это чаще всего и бывает в личных делах учеников, – прошение одного из родителей о приеме дочери (сына) на учебу. В данном случае его подает на имя ректора Консерватории коллежский советник Аркадий Георгиевич Прибытков и просит принять свою дочь Зою в число учениц по классу игры на фортепиано. На прошении указаны: дата его подачи – 20 августа 1908 г., адрес проживания семьи на этот момент – Конюшенная пл., д. 4³, кв. 16, а также имеется немаловажная помета, несомненно привлекающая внимание: «плата от А.И. Зилоти»⁴. Здесь уместно вспомнить, что Зоя Аркадьевна состояла в достаточно близком родстве с выдающимися музыкантами эпохи: Сергеем Васильевичем Рахманиновым⁵ и Александром Ильичом Зилоти – двоюродными братьями ее отца. Именно Зилоти и внес первоначальную плату за ее образование, таким образом «благословив». Впоследствии Зоя Аркадьевна написала воспоминания о своих знаменитых родственниках⁶, из которых нам известно об их тесной дружбе и добрых отношениях – личных и профессиональных.

На л. 2 находится копия метрического свидетельства о рождении Зои, выданная 30 ноября 1895 г. из Тамбовской⁷ духовной консистории, удостоверяющая, что «по метриче-

---

¹ Хисамутдинов А.А. Русские музыканты в Китае. Владивосток, 2015. С. 39–40.

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 361. Оп. 2. Д. 5528.

³ Дом придворно-конюшенной части, секретарем Канцелярии которой служил Аркадий Георгиевич Прибытков.

⁴ Зилоти Александр Ильич (1863–1945) – выдающийся музыкальный деятель России рубежа XIX–XX вв., блестящий пианист, дирижер, организатор концертных сезонов в Москве и Санкт-Петербурге, пропагандист русской музыки за рубежом.

⁵ Приезжая в Санкт-Петербург, Сергей Васильевич часто останавливался в квартире А.Г. Прибыткова на Конюшенной площади.

⁶ Прибыткова З.А. С.В. Рахманинов в Петербурге-Петрограде // Воспоминания о Рахманинове. М., 1988. Т. 2. С. 55–93.

⁷ Тамбовская губерния – «вотчина» рода Рахманиновых, предки музыканта поселились здесь в XVIII в.

ским книгам, хранящимся в архиве одной села Нижнего Телелюя Липецкого уезда за 1892 г. под № 42 значится так: штабс-ротмистр Аркадий Георгиевич Прибытков и законная жена его Зоя Николаевна, оба православные, у них родилась дочь Зоя, тринадцатого, а крещена пятнадцатого июля священником Николаем Введенским с псаломщиком Иваном Спасским. Восприемники: поручик Сергей Георгиевич Прибытков и дочь майора Георгия Филипповича Прибыткова⁸ девица Надежда Георгиевна».

Копия с бессрочной паспортной книжки (л. 3 дела), выданной З.А. Прибытковой приставом 2-го участка Петербургской части Санкт-Петербургской столичной полиции 27 декабря 1911 г., не несет особой информации, разве что свидетельствует о том, что в 1911 г. Зоя проживала уже в другом месте⁹.

Следующий документ в деле (л. 4) – свидетельство, выданное из женской гимназии Л.С. Таганцевой 20 мая 1914 г., которое гласит, что «Зоя Аркадьевна Прибыткова успешно прошла курс 6 классов гимназии. Во время пребывания в гимназии поведения была отличного. Весной 1908 г. была переведена в VII класс. Выбыла из гимназии по желанию родителей». Подпись – «начальница гимназии Н. Миштович¹⁰». Этот документ несколько «выбивается» из хронологической цепи событий. В 1914 г., причем еще 9 мая, Зоя Аркадьевна уже окончила Консерваторию, а тут вдруг «вспомнили» о гимназии. Причина может быть проста – вероятно, был неполным комплект документов при оформлении «выпуска» студента, поэтому и сделали запрос. Гимназия Л.С. Таганцевой, не имевшая собственного здания, располагалась в центральной части города, в доме 27–29 по Моховой улице, что буквально в десяти минутах ходьбы от Конюшенной площади. Считалась одним из привилегированных частных женских учебных заведений столицы. Вероятно, уровень подготовки был действительно высок, раз, не проучившись положенных семи лет гимназического курса, Зоя Аркадьевна смогла поступить в Консерваторию, хоть могла иметь место и протекция.

Практически последним в деле является документ, находящийся на л. 5 (машинописная копия) и л. 6 (рукописная копия), переносящий нас уже в другую эпоху, другой строй, другой город. Он датирован 9 августа 1928 г., когда Зои Аркадьевны уже могло не быть в Ленинграде, а может и в стране. Это справка, выданная Правлением Ленинградской государственной консерватории в удостоверение того, что З.А. Прибыткова состояла студентом консерватории с 1910 по 1914 г. на композиторском отделении и окончила консерваторию «на диплом». Перечислены здесь и предметы, изученные в этот период, а также указано, что «гражданка Прибыткова обучалась с 1908 по 1910 гг. по специальности фортепиано в классе профессора Оссовской¹¹ и с 1911 по 1913 гг. по специальному пению в классе профессора Жеребцовой-Андреевой¹²».

Рис. 1. Обложка личного дела студентки Санкт-Петербургской консерватории Зои Прибытковой. 1908 г. ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 2. Д. 5528

⁸ Муж родной сестры отца Сергея Васильевича Рахманинова – Анны Аркадьевны.

⁹ В справочнике «Весь С.-Петербург» на 1911 г. адресом проживания семьи Прибытковых значится Широкая ул., 20 – это на Петербургской стороне.

¹⁰ Начальницей гимназии была Любовь Степановна Таганцева. Надежда Николаевна Миштович, преподававшая там же, вероятно, ее временно замещала.

¹¹ Оссовская Варвара Александровна (1876–1942) – пианистка, педагог, с 1914 г. профессор кафедры специального фортепиано Санкт-Петербургской консерватории.

¹² Жеребцова-Андреева Анна Григорьевна (1868–1944) – певица, преподаватель сольного пения в Санкт-Петербургской консерватории.

Копия справки не подписана, однако в разделе «Подписи» обозначены фамилии проректора по учебной части Александра Вячеславовича Оссовского¹³ и секретаря Правления Консерватории Александра Павловича Аланда.

Можно предположить, что Зоя Аркадьевна истребовала справку, готовясь к отъезду. В таком случае наличие этого документа в ее личном деле, да еще и среди последних, достаточно символично (рис. 2).

В документах архивного фонда № 361 свидетельства и дипломы окончивших выделены в отдельные дела с такими же заголовками. Сохранилось свидетельство¹⁴ от 11 мая 1914 г., в котором значится, что дочь коллежского советника Зоя Аркадьевна Прибыткова, родившаяся 13 июля 1892 г., окончила в Санкт-Петербургской консерватории курс музыкального образования по отделу теории композиции по классам проф. Калафати¹⁵ и Витоля¹⁶ и оказала следующие успехи в главных предметах: по классу форм – хорошие, по классу фуги – хорошие, по классу специальной инструментовки – хорошие; во второстепенных (обязательных предметах): истории музыки и эстетике – отличные, игре на фортепиано – хорошие.

Постановлением Художественного совета Санкт-Петербургской консерватории, утвержденным 9 мая 1914 г. председателем Императорского Русского музыкального общества, З.А. Прибыткова удостоена диплома и звания свободного художника. Самого диплома, точнее его копии, прилагающейся к вышеописанному свидетельству, в деле нет.

Сергей Васильевич Рахманинов покинул страну в 1918 г., Александр Ильич Зилоти направился в эмиграцию в начале 1920-х гг., в конце 1920-х тот же путь выбрала и Зоя Аркадьевна, однако она смогла впоследствии вернуться на родину.

Захаров Борис Степанович (1887, Санкт-Петербург – 1943, Шанхай). Музыкант, выпускник Санкт-Петербургской консерватории. С 1929 г. жил в Шанхае: профессор Шанхайской национальной консерватории, заведующий кафедрой фортепиано, декан фортепианного факультета. Под руководством Б.С. Захарова в консерватории работали русские пианисты-эмигранты, многие его ученики стали впоследствии видными деятелями музыкальной культуры Китая. Сотрудничал с Шанхайским симфоническим оркестром, был председателем Общества камерных концертов, председателем музыкальной секции Арт-клуба, членом жюри первого конкурса китайской музыки «Китайское фортепианное творчество»¹⁷.

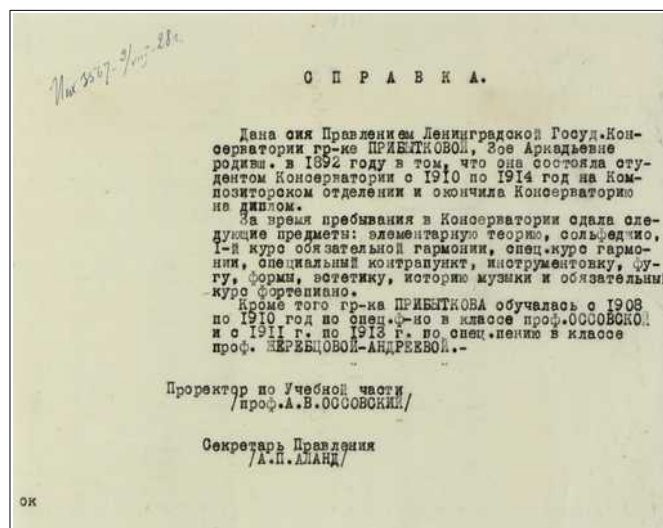

Рис. 2. Справка, выданная Правлением Ленинградской государственной консерватории З.А. Прибытковой о ее обучении в консерватории в период 1908–1914 гг. 9 августа 1928 г. ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 2. Д. 5528. Л. 5

бургской консерватории, с 1913 г. профессор. Давала также частные уроки пения императрице Александре Федоровне.

¹³ Оссовский Александр Вячеславович (1871–1957) – выдающийся представитель музыкознания Санкт-Петербурга (Ленинграда), педагог, историк музыки, друг А.И. Зилоти, автор воспоминаний о С.В. Рахманинове.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 13. Д. 15. Л. 15.

¹⁵ Калафати Василий Павлович (1869–1942) – композитор, педагог, с 1913 г. профессор кафедры теории музыки Санкт-Петербургской консерватории.

¹⁶ Витоль Иосиф Иванович (1863–1948) – композитор, педагог, с 1901 г. профессор кафедры теории музыки Санкт-Петербургской консерватории.

¹⁷ Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conservatory.ru/esweb/zakharov-boris-stepanovich-1887-1943> (дата обращения: 01.12.2022).

Борис Степанович Захаров родился в Санкт-Петербурге 19 ноября 1887 г. в семье купца 1-й гильдии Степана Николаевича Захарова, крупного лесоторговца, домо- и землевладельца¹⁸, и его жены Юлии Андреевны, в девичестве Дурдиной – дочери предпринимателя, владельца пивных заводов, благотворителя Андрея Ивановича Дурдина.

На рубеже веков и вплоть до 1917 г. Захаровы проживали в собственном доме на Старо-Петергофском пр., 27. В архиве сохранились планы земельного участка¹⁹ и чертежи его застройки, в том числе вид фасада трехэтажного дома²⁰, непосредственно в котором и проживала большая семья.

Семья была многодетной, однако все наследники, в том числе и Борис, смогли получить достойное образование. В 1898 г. мальчик был определен в Первую Санкт-Петербургскую гимназию, одну из лучших классических мужских гимназий столицы, и закончил ее с золотой медалью. В архиве сохранилось личное дело ученика гимназии Бориса Захарова²¹, содержащее всего два документа – прошение жены потомственного гражданина Юлии Андреевны Захаровой от 20 апреля 1898 г. о приеме ее сына в гимназию и копию аттестата об окончании гимназии в 1906 г., естественно, с одними «пятерками». Высшее образование Борис Степанович первоначально решил (или такова была воля его родителей) получить в Санкт-Петербургском университете, прошение о приеме на юридический факультет которого он подал 25 июля 1906 г. Оно имеется в личном деле студента университета Б.С. Захарова в фонде Императорского Петроградского университета (ф. 14)²². Дело «укомплектовано» всеми обязательными документами – выпиской из метрической книги о рождении (Бориса крестили в церкви Общины св. Георгия в Санкт-Петербурге), копиями вышеупомянутого аттестата о среднем образовании и свидетельств: о приписке к призывному участку и свободного проживания в столице. Имеется в деле и фотография Бориса Степановича, в частности на его билете для входа в университет²³ (рис. 3).

В том же году, практически сразу после поступления в университет, Борис Степанович подает документы в Санкт-Петербургскую консерваторию, желая, как значится в его прошении от 23 октября 1906 г., «получить полное музыкальное образование и избирая для спец. обучения теорию музыки». Личное дело студента Консерватории Б.С. Захарова мы также бережно храним²⁴. По составу обязательных документов оно схоже с университетским, однако есть в нем и другие ценнейшие материалы.

Рис. 3. Билет для входа в Санкт-Петербургский университет Б.С. Захарова. 1908 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 45567. Л. 9–10

¹⁸ В архиве хранится фонд 1453 (Контора лесных складов купца С.Н. Захарова), содержащий 3 082 дела за 1875–1918 гг. В 1875 г. холмским купцом С.Н. Захаровым в Старорусском уезде Новгородской губернии были открыты лесопильный завод и мукомольная мельница. Для организации торговли лесными материалами, получаемыми при эксплуатации лесных дач, и обустройства собственных имений в 1881 г. им была организована Санкт-Петербургская контора лесных складов. К концу XIX в. он также владел в столице небольшой лесной фабрикой, лесной биржей и собственной флотилией.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5689.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 4. Д. 5883. Л. 9–10.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 9301.

²² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 45567.

²³ Там же. Л. 9–10.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 1476.

Итак, в университете Борис Степанович проучился, как указано в свидетельстве № 1866 от 26 февраля 1909 г.²⁵, в течение осеннего и весеннего полугодий 1906/1907 и 1907/1908 учебных годов и осеннего полугодия 1908 г. Прошение об увольнении он подал 16 февраля 1909 г.²⁶ Вызвано это решение, вероятнее всего, тем, что, перейдя в 1908 г. в класс игры на фортепиано к А.Н. Есиповой²⁷, он не смог уже совмещать учебу в двух столь серьезных учебных заведениях или разочаровался к тому времени в правильности своего первоначального выбора.

Однако была еще одна «угроза» вдумчивому и поступательному пути Захарова-музыканта – это воинский призыв. Санкт-Петербургское по воинской повинности присутствие ожидало его появления не позднее 1 марта 1909 г.²⁸ По закону он имел право на отсрочку до наступления 22-летнего возраста. И вот 31 мая 1910 г. Консерватория обратилась в городское по воинской повинности присутствие с прошением за подписью директора А.К. Глазунова²⁹ о предоставлении сведений о таковой отсрочке³⁰, которые не были вовремя представлены, и получении новой, еще на год. В прошении указывается, что «в течение 1909–1910 гг. означенный Захаров занимался по обязательным музыкальным предметам, но по специальным предметам не имел возможности выполнить требуемую от оканчивающих программу, а потому не окончил курс». Причина таковой задержки не описана, мы ее не знаем, можно только предположить, что Борис Степанович отлучался за границу, так как в деле есть свидетельство, выданное 2 мая 1909 г. Консерваторией для предоставления в иностранное отделение канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника на предмет получения заграничного паспорта с удостоверением того, что препятствий для его выезда за границу нет³¹. По какой-то причине и в 1911 г. Захаров Консерваторию также не окончил. К вышеприведенному прошению Консерватории приложен подлинный отзыв профессора А.Н. Есиповой от 5 апреля 1910 г., который хотелось бы привести полностью: «Сим удостоверяю, что ученик мой Борис Захаров обладает большими музыкальными способностями, и что я очень довольна его успехами и прилежанием, вследствие чего и прошу дать ему отсрочку от воинской повинности»³² (рис. 4).

Завершил обучение Б.С. Захаров в 1913 г. В деле со свидетельствами и дипломами окончивших Санкт-Петербургскую консерваторию в 1913 г. сохранилось как свидетельство, так и диплом (копия), в которых отмечены отличные

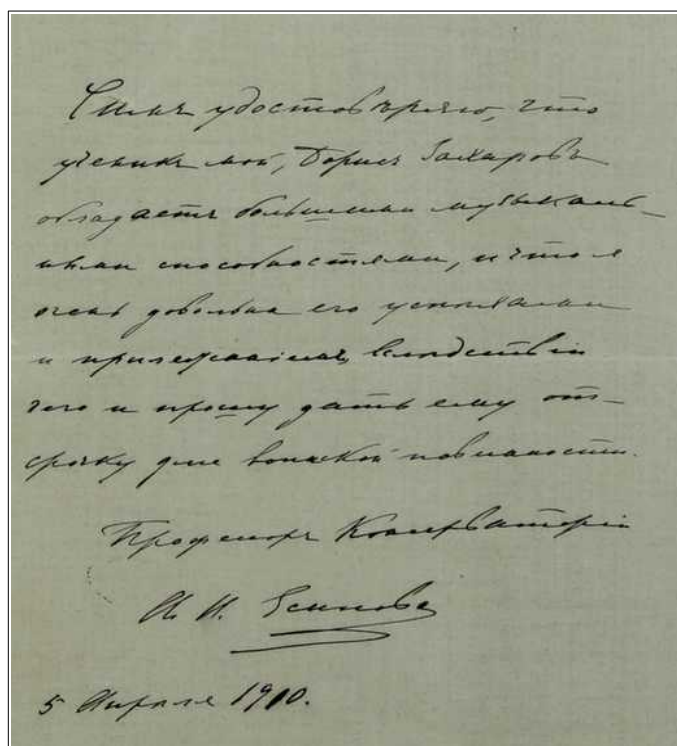

Рис. 4. Отзыв профессора А.Н. Есиповой об ученике Борисе Захарове. 5 апреля 1910 г. ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 1467. Л. 6

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 45567. Л. 7.

²⁶ Там же. Л. 8.

²⁷ Анна Николаевна Есипова (1851–1914) – пианистка, выдающийся музыкант и педагог, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 1476. Л. 4.

²⁹ Александр Константинович Глазунов (1865–1936) – композитор, дирижер, директор Консерватории в 1905–1928 гг.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 1476. Л. 8.

³¹ Там же. Л. 7.

³² Там же. Л. 6.

успехи Бориса Степановича «при обучении игре на фортепиано в классах профессора Боровка³³ и засл. профессора Есиповой и отличные же успехи во второстепенных (обязательных) предметах»³⁴.

Продолжить уже «петроградскую» линию жизни музыканта мы можем с 12 сентября 1915 г., так как документально подтверждено, что именно с этой даты он являлся преподавателем кафедры специального фортепиано Консерватории³⁵.

В 1916 г. Борис Степанович женился. Его избранницей стала скрипачка, коллега по альма-матер Цецилия (Сесилия-Антония) Генриховна Ганзен. Ее личное дело³⁶ крайне лаконично, в нем 1 лист – свидетельство для свободного проживания в Санкт-Петербурге от 23 сентября 1911 г. Вероисповедание Цецилии указано здесь как евангелическо-лютеранское, а в сохранившейся записи о бракосочетании будущих супругов Захаровых³⁷ значится уже православным, а первым именем – имя Юулия, вероятно, полученное при присоединении к вере. Венчание состоялось 3 июня 1916 г. в церкви св. Екатерины в Екатерингофе, крупном приходском храме, расположенном в Нарвской части Петрограда, неподалеку от места домовладения и проживания Захаровых. Поручителями жениха Бориса Степановича Захарова являлись его брат Николай Степанович, а также «Его высочество князь Константин Константинович»³⁸. Вот такое знакомство...

Супруга Бориса Степановича была человеком талантливым. В архиве сохранился документ о награждении ее в 1914 г. премией им. А.Г. Рубинштейна, который, в частности, гласит: «присуждена Цецилии Ганзен по классу заслуженного профессора Ауэра³⁹ ввиду блестяще выразившегося ее виртуозного таланта и артистической музыкальной зрелости»⁴⁰.

В 1917 г. у «молодоженов» Захаровых родилась дочь Татьяна. Крестили ее уже в другой церкви, на Вознесенском проспекте, метрическая запись также имеется в архиве⁴¹. Ее крестным отцом был дядя – Николай Степанович Захаров, крестной матерью – жена действительного статского советника Вера Павловна Кениг, явно принадлежавшая к семье «сахарных» магнатов, завод которых располагался неподалеку от дома Захаровых, вероятно дружили семьями. На 3 февраля 1920 г., согласно списку служащих Петроградской консерватории, поданных в Комитет по борьбе с дезертирством⁴², Борис Степанович еще состоит в числе профессоров учреждения. В 1921 г. музыканты «скрылись» в Терийоках (нынешнем Зеленогорске), где проживали на семейной вилле Захаровых. Это владение в Финляндии подробно описано в документах архивного фонда 1453 «Контора лесных складов купца С.Н. Захарова», упоминавшегося в начале статьи. В 1910-х гг. именно на этой даче часто гостил друг и соученик Бориса Степановича Сергей Прокофьев, о чем известно из его воспоминаний. Чета дружила с И.Е. Репиным и бывала в Пенатах, где Илья Ефимович написал известный портрет Цецилии⁴³.

Следующие этапы биографии Бориса Степановича и его семьи уже не отражены в документах архива. Из Финляндии он уехал на гастроли, затем «осел» в Шанхае. Его жизнь удалась: он был талантлив и востребован, его любили и ценили коллеги и ученики, а кончина была признана современниками крупной культурной потерей.

³³ Боровка Иосиф Александрович (1853–1920-е) – пианист, педагог и композитор, профессор высшего курса игры на фортепиано Санкт-Петербургской консерватории (1902–1911).

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 13. Д. 5. Л. 23–24.

³⁵ Там же. Оп. 11. Д. 579. Л. 18 об.

³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1383.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3296. Л. 527 об. – 528.

³⁸ Константин Константинович (1890–1918) – великий князь, сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Погиб вместе с другими членами семьи Романовых в Алапаевских шахтах близ Перми.

³⁹ Ауэр Леопольд Семенович (1845–1930) – скрипач, дирижер, профессор Санкт-Петербургской (Петроградской) консерватории. В 1918 г. эмигрировал в США.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 371. Л. 35.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3518. Л. 120 об. – 121.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 579. Л. 18 об.

⁴³ Браво А., Травина Е. Зеленогорск / Терийоки. Дачная жизнь сто лет назад. СПб., 2016. С. 146–147.

Бернардацци Александр Александрович (1871, Кишинев – 1925, Харбин). Художник-архитектор. В июне 1917 г. выехал из Петрограда в Пермь, далее переместился в Екатеринбург. Из Сибири в период Гражданской войны эвакуировался на Дальний Восток, затем в Маньчжурию. Жил в Харбине. Один из основателей (1921) и активный участник работы художественной студии «Лотос», читал лекции по истории искусства и архитектуры, руководил дипломным проектированием в Харбинском политехническом институте (1923–1925). По его проектам в Харбине в 1921–1922 гг. были выстроены несколько зданий: двухэтажный и четырехэтажный дома Х.П. Гордона, дом-особняк журналиста З.М. Клиорина, одноэтажный дом Н.М. Ходжиева, двухэтажный дом с магазином И. Рабиновича, а также роскошный особняк лесопромышленника В.Ф. Ковальского⁴⁴.

Александр Александрович Бернардацци – потомственный архитектор, представитель славной династии уроженцев итальянской части Швейцарии, обосновавшихся на юге России при Александре I. Его дед был первым архитектором Пятигорска и Кисловодска, отец – главным архитектором Кишинева и Одессы.

До своего вынужденного отъезда из России младший Бернардацци также успел немало потрудиться, а вступил он в свой творческий путь в Санкт-Петербурге, где получил высшее образование и начал строить. Его отец Александр Иосифович Бернардацци (1831–1907) учился здесь же. В 1843 г. он поступил в Петербургское Строительное училище, где воспитывался за казенный счет и, отлично окончив курс в 1850 г., получил назначение на должность архитекторского помощника в Бессарабскую областную строительную и дорожную комиссию. Его студенческое дело сохранилось в архиве⁴⁵. Одним из важных документов, имеющих в его составе, является свидетельство о принятии Александром Иосифовичем присяги на подданство России, выданное Первым Департаментом управы благочиния 28 июня 1848 г.⁴⁶ (рис. 5). Соответственно, не только он сам, но и его дети становились российскими подданными. А детей у него было двое – Александр и Евгений, и оба пошли по семейным стопам как в выборе самого «ремесла», так и в месте обучения ему, для чего оба первоначально избрали Институт гражданских инженеров, как с 1882 г. стало именоваться Строительное училище. Их студенческие дела также имеются в фонде института⁴⁷. Александр поступил в институт в 1894 г. Его дело невелико, не очень информативно и не содержит личных документов. Оно скорее подтверждает известные факты его биографии, в частности переход в 1896 г. в Академию художеств⁴⁸.

Нам же хочется обратиться к документам архива, освещающим его творческую деятельность, с самого начала яркую и неординарную. Сведения о дебюте Бернардацци в Санкт-Петербурге, а это была небольшая постройка по заказу заводчика Пека, в архиве отсутствуют, зато его работы в Коломне –

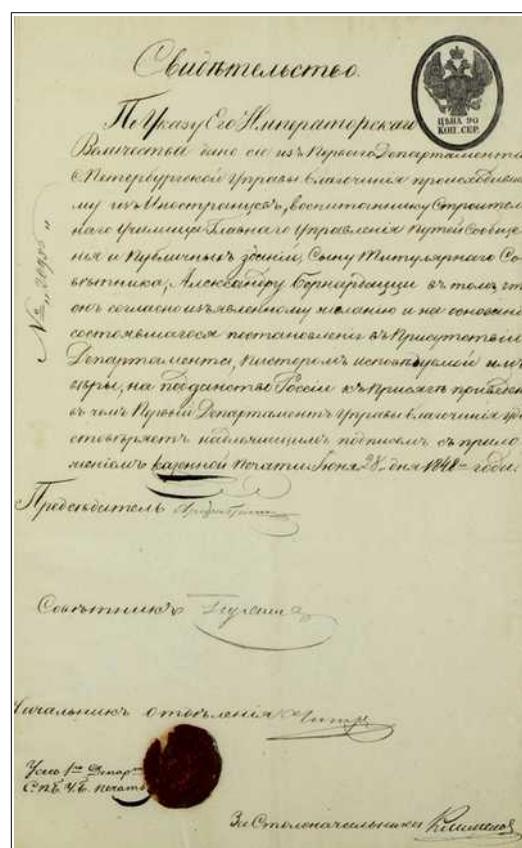

Рис. 5. Свидетельство о принятии Александром Иосифовичем Бернардацци присяги на подданство России. 28 июня 1848 г. ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 1. Д. 72. Л. 37

⁴⁴ Крадин Н.П., Базилевич М.Е. Архитекторы и инженеры Дальнего Востока. Творческая деятельность архитекторов и инженеров – выпускников столичных учебных заведений – в Забайкалье, Якутии, Приамурье, Приморье и Китае. Хабаровск, 2019. С. 50.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 1. Д. 72.

⁴⁶ Там же. Л. 37.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 1. Д. 431, 432.

⁴⁸ А.А. Бернардацци окончил Академию художеств в 1903 г.

историческом районе города – представлены сполна.

Типичным образцом постройки в стиле модерн⁴⁹ стал возведенный арх. А.А. Бернардацци в 1906 г. доходный дом Н.Ф. и Ф.Ф. Комиссаржевских на углу Английского пр. и Торговой ул., проектные чертежи которого сохранились в нашем архиве в фонде Петроградской городской управы⁵⁰. Обязательный «комплект» документов о предполагаемом к постройке здании формировался в управе и собирался в делах: обычно он содержал разрешение на постройку с обозначением функционала дома, материала и этажности, план участка (рис. 6), чертежи фасада, поэтажные планы и разрезы. В данном случае все сохранно, и мы можем наблюдать в их числе изящно выполненный «фасад, украшенный в стиле модерн четкими вертикалями лопаток, удлиненными модульонами и стянутым над окнами третьего этажа поясом из орнаментальных барельефов»⁵¹. Нередко горожанам приходилось дома закладывать. Крупнейшим залоговым учреждением столицы являлось Санкт-Петербургское городское кредитное общество, в документах архивного фонда которого (ф. 515) мы находим подчас бесценную информацию как о самих зданиях, так и об их владельцах и жильцах.

Нам в «информативном плане» повезло: дом был заложен в данном кредитном обществе, документы сохранились. Упомянутыми собственниками являлись братья Комиссаржевские – Николай и Федор⁵², получившие участок с домом, который, собственно, и перестраивали, в наследство от матери – Марии Петровны, жены артиста, оперного певца Федора Петровича Комиссаржевского – отца знаменитой Веры Комиссаржевской (родилась в его первом браке). В отзыве архитектора кредитного общества от 4 июля 1908 г., составленном уже после возведения здания, спроектированного А. Бернардацци, указано, что «...каменный пятиэтажный угловой лицевой дом с таковыми же флигелями по левой границе двора вполне прочен и имеет квартиры хорошей внутренней отделки. Первый этаж этого дома (лицевые помещения) заняты под торговлю, а в остальных этажах расположены квартиры»⁵³. Так вот на 3-м этаже здания в квартире № 7 и проживала, как значится в описи с оценкой дома за 1908 г.⁵⁴, артистка императорских театров В.Ф. Комиссаржевская⁵⁵, занимая пять жилых комнат. Здание сохранилось. Как и прежде, это жилой дом.

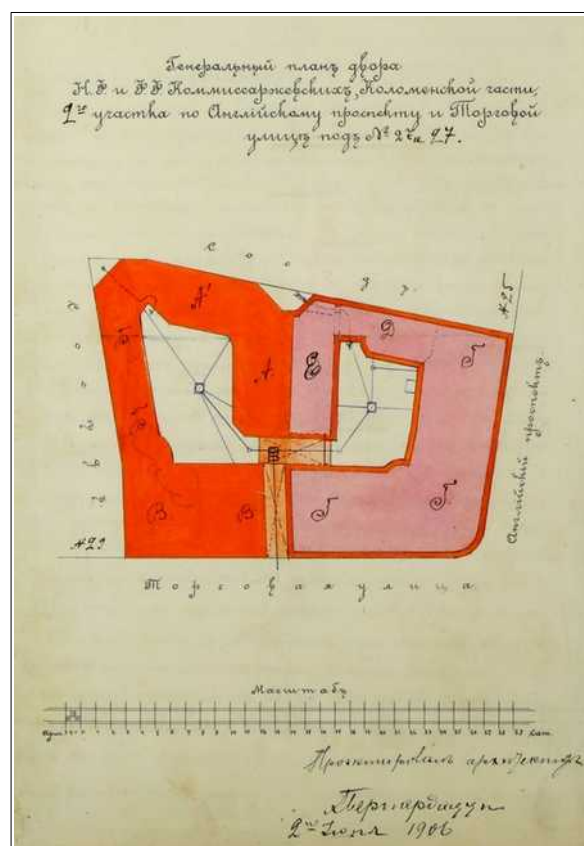

Рис. 6. Генеральный план двора Н.Ф. и Ф.Ф. Комиссаржевских по Английскому пр. 27/27, подписанный А.А. Бернардацци. 2 июня 1906 г. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3491. Л. 33

⁴⁹ Кириков Б. Архитектура Петербургского модерна. Особняки и доходные дома. СПб., 2003. С. 457.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3491.

⁵¹ Боглачев С.В. Петербургский зодчий Александр Бернардацци-младший // Невский архив: историко-краеведческий сб. СПб., 1999. Вып. IV. С. 430.

⁵² Комиссаржевские: Николай Федорович (1884–1938) – юрист и литератор, Федор Федорович (1882–1954) – театральным режиссер, педагог, основатель театра им. В.Ф. Комиссаржевской.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 314-А. Л. 101.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 314-А. Л. 110.

⁵⁵ Это последний адрес проживания Веры Федоровны в Санкт-Петербурге. В начале 1910 г. во время гастролей в Ташкенте она скончалась.

Совсем неподалеку, на той же стороне Английского проспекта, на углу с Офицерской улицей (ныне проспект Декабристов), располагалось любимое детище, гордость архитектора. Речь идет о знаменитом впоследствии здании, выдержанном в неорусском стиле и называемом в городе «дом-сказка». Задумка владельцев была такова: возвести в Санкт-Петербурге некое подобие московского дома Перцовых, выстроенного по эскизам талантливого живописца и декоратора Сергея Малютина. Александр Бернардацци, которому предложили продумать и реализовать проект, съездил в Москву и на основе полученных впечатлений приступил к работе. Построенный к 1909 г. пятиэтажный дом из темно-красного кирпича и светлого отделочного камня с зеленой мансардной крышей имел сложную форму. Объемным акцентом стал угловой эркер-башня с высоким шатром, от которого по Офицерской улице и Английскому проспекту шли длинные крылья. Композиция фасадов, подобно театральной декорации, скрывала прозаическую структуру многоквартирного доходного дома. Окна здания имели подчеркнута разнообразные формы и наличники не только по вертикали, но и по горизонтали. Плоскости фасадов были «изломаны» ризалитами, эркерами и причудливыми балкончиками. Здание украшено стилизованной цветной майоликой и каменной скульптурой на сказочные сюжеты⁵⁶. По итогам конкурса фасадов Петербурга, проведенного в июле 1912 г., жюри назвало этот дом в числе десяти лучших зданий Северной столицы⁵⁷.

К сожалению, в архиве не хранится проект Бернардацци, однако в документах Петроградского городского кредитного общества имеются фиксационные чертежи здания⁵⁸. Выполнены они архитектором кредитного общества не в цвете, но даже по этому достаточно скромному исполнению можно всецело представить роскошество и масштаб постройки. Сохранился и список жильцов дома за 1910 г., в котором мы видим самого Александра Бернардацци, занимающего на шестом этаже лицевого флигеля здания квартиру № 14, состоящую из 10 комнат, ванной, 2 людских, 5 коридоров, шкафной, передней и кухни⁵⁹. Упомянем также, что среди проживающих в доме значится и А.П. Павлова⁶⁰, занимающая две квартиры (№ 3 и № 4) на втором этаже лицевого флигеля, в общей сложности состоящие из 14 комнат, ванной, 2 коридоров, передней и кухни⁶¹. Естественно, что близость Мариинского театра и Консерватории определяла и состав квартирантов дома: в разное время здесь проживали многие известные деятели культуры и искусства.

В 1942 г., во время блокады Ленинграда, лицевой дом сгорел (остался только дворовый флигель). После войны, в 1952–1953 гг., на его месте по проекту арх. С.А. Пермского был выстроен новый дом – образец сталинского неоклассицизма. Примечательно, что и его жители Коломны называют поныне «дом-сказка» – такова «память места»...

В 1911 г. А. Бернардацци становится архитектором Департамента народного просвещения. Достаточно значимым в творческом плане стал для него период, связанный с реализацией решения Министерства народного просвещения предоставить новое здание 6-й Петербургской гимназии⁶². Проект поручили составить Бернардацци. В 1913 г. была высочайше утверждена строительная комиссия, выделен соседний с имеющимся участок, и работа началась. В ЦГИА СПб хранится фонд 458 (Петроградская гимназия наследника цесаревича Алексея Николаевича), в составе которого есть несколько дел о постройке нового здания гимназии, подробно описывающих ход работ. В них неоднократно упоминается Бернардацци, именно он осуществлял технический надзор за постройкой, т.е. через его руки проходила вся переписка с подрядчиками, руководством гимназии и министерством.

⁵⁶ Боглачев С.В. Петербургский зодчий Александр Бернардацци-младший... С. 430–431.

⁵⁷ Хроника // Зодчий. 1912. № 28. С. 290–291.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 4. Д. 3118. Л. 71–86.

⁵⁹ Там же. Оп. 1. Д. 3166-А. Л. 13 об. Согласно данным справочника «Весь С.-Петербург-Петроград», архитектор проживал здесь в 1910–1916 гг.

⁶⁰ Анна Павлова – легендарная русская балерина. Согласно данным справочника «Весь С.-Петербург», проживала в доме по Английскому пр., 21 до и после его перестройки: в 1906–1909 и в 1910–1912 гг.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3166-А. Л. 12 об.

⁶² Основана в 1862 г. В юбилейном 1912 г. ей было присвоено имя наследника цесаревича Алексея Николаевича. Располагалась вблизи здания Министерства народного просвещения на Чернышевском переулке.

Здание в неоклассическом стиле, выстроенное в 1916 г., сохранилось, оно и сейчас занято образовательным учреждением – школой. Находится оно в самом центре города, рядом с рекой Фонтанкой и ул. Ломоносова, нынешний адрес – Торговый переулок, 2А.

Александр Александрович Бернардацци успешно работал в России и за ее пределами, его опорой были отличное профессиональное образование и обширная практика, несколько ярких сюжетов из которой мы представили по документам архива.

Поппе Николай Готфридович (1870, Санкт-Петербург – 1913, Тяньцзинь). Дипломат, а службе в Министерстве иностранных дел с 1895 г., с 1896 по 1913 г. работал в Китае.

Проследить жизненный путь Николая Готфридовича Поппе мы можем благодаря сохранности документальных материалов: в архивном фонде Императорского Петроградского университета имеются студенческие дела как самого Н.Г. Поппе⁶³ (рис. 7), так и его сына Н.Н. Поппе⁶⁴, в них и содержатся необходимые сведения: в первом – о начальном периоде жизни, во втором – послужной список, составленный уже после кончины дипломата в 1913 г.

Итак, Николай Эдвин Готфридович Поппе родился 3 апреля 1870 г. в семье портных дел мастера Готфрида Магнуса Поппе и его жены Марии, урожденной Тромберг. Восприимчивыми при крещении, происходившем в приходе пастора А. Фермана церкви св. Петра в Санкт-Петербурге, были: флигель-адъютант Николай, граф Адлерберг, графиня Екатерина Адлерберг, урожденная фон Кнорринг, графиня Мария Адлерберг, урожденная Нелидова, супруга гофмейстера.

С января 1882 по июнь 1888 г. обучался в гимназии Главного немецкого училища св. Петра, а с 1 сентября 1888 г. по 13 марта 1889 г. состоял слушателем младшего отделения пригготовительного курса Императорской военно-медицинской академии. В июле 1889 г. Николай Поппе подает прошение о приеме в число студентов китайско-маньчжурского отделения восточного факультета Санкт-Петербургского университета, обучение на котором успешно заканчивает в марте 1894 г., получив диплом I степени.

11 февраля 1895 г. Николай Готфридович Поппе был определен на службу по ведомству Министерства иностранных дел с причислением к Азиатскому департаменту и уже в мае 1896 г. «принял» первую награду – японский орден Восходящего солнца⁶⁵ 5-й степени.

В том же 1896 г. удостоен права ношения еще двух орденов – персидского Льва и Солнца 4-й степени⁶⁶ и китайского ордена Двойного Дракона⁶⁷ 3-й степени 3-го разряда.

Рис. 7. Фотография Н.Г. Поппе.
Не ранее 1889 г.
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26871. Л. 5

⁶³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26871.

⁶⁴ Там же. Д. 69353.

⁶⁵ Учрежден в 1875 г., первый национальный орден Японии. Вручался только мужчинам за военные и гражданские заслуги.

⁶⁶ Достаточно доступный для иностранцев орден, 4-я степень – офицерская пятиконечная звезда с розеткой из лент. Носили в петлице.

⁶⁷ Учрежден в 1882 г. как высшая правительственная награда европейского типа в цинском Китае, которой награждались, в том числе, посланники иностранных государств.

27 июня 1896 г. назначен студентом миссии в Пекине⁶⁸, с 18 июня 1899 г. стал секретарем консульства в Тяньцзине, откуда практически сразу (26 июня) был направлен в командировку в Чифу для временного управления вице-консульством. С сентября 1901 г. начал служить секретарем Генерального консульства в Шанхае. В 1901 г. получил вознаграждение в виде 1875 р. за материальные убытки во время беспорядков в Китае. За отличную службу и труды, «понесенные во время военных действий в Китае»⁶⁹, удостоен в 1902 г. права ношения китайского ордена Двойного Дракона 2-й степени 3-го класса, а в 1903 г. – ордена св. Станислава 2-й степени. 1 мая 1903 г. прибыл в Мукден. 11 февраля 1905 г. командирован для управления Дипломатической канцелярией при Главнокомандующем, вступил в должность 10 декабря того же года. 24 марта 1906 г. за «труды, понесенные при условиях военного времени», награжден орденом св. Анны 2-й степени (этим же орденом, только 3-й степени, был награжден еще в 1899 г.).

На период со 2 октября 1906 г. по 1 февраля 1907 г. был командирован в распоряжение командира сводного корпуса, оставляемого «для оккупации Маньчжурии», в качестве исполняющего обязанности чиновника МИД для ведения переписки по дипломатической части. 1 января 1907 г. назначен консулом в Тяньцзине. В апреле того же года награжден орденом св. Владимира 4-й степени, а в июне 1908 г. – японским орденом Священного Сокровища 3-го класса⁷⁰. 14 сентября 1909 г. назначен генеральным консулом в Харбине⁷¹. 18 августа 1912 г. награжден серебряным нагрудным знаком с надписью «борьба с чумой»⁷², а 18 октября того же года – китайским орденом Двойного Дракона 2-й степени 2-го класса.

За период службы с 1895 по 1913 г. с первоначально присвоенного ему чина коллежского секретаря Николай Готфридович «дослужился» до статского советника.

Был женат на Елизавете, в девичестве Моравиц. В этом браке родились: сын Николай – 27 июля 1897 г.⁷³ (рис. 8) и дочь Елизавета – 24 июля 1903 г.

Умер 4 сентября 1913 г.

За достаточно сухой, предельно лаконичной информацией биографического «толка», изложенной выше, стоит яркая и напряженная жизнь дипломата начала XX века – сложного для России и всего мира периода войн, восстаний и эпидемий. Число наград разных стран, которыми отмечены труды Николая Готфридовича Поппе, говорит о многом...

В архиве сохранился еще один интересный документ – это журнал об описи движимого имущества, оставшегося после смерти статского

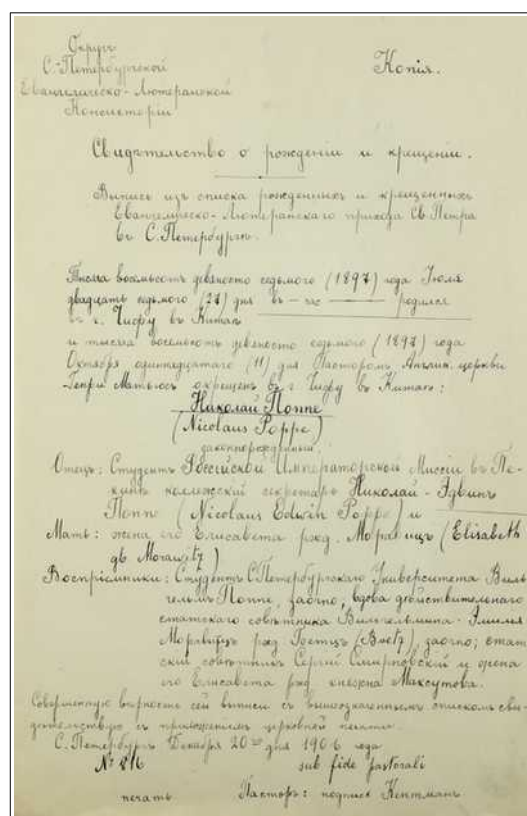

Рис. 8. Свидетельство о рождении и крещении Н.Н. Поппе. 20 декабря 1906 г.

⁶⁸ Крайне необходимым считалось совершенствование практического языка потенциальных дипломатов непосредственно в самом Китае, куда они и направлялись студентами миссии (посольства) в Пекине. После этого, сдав экзамен в МИДе, они возвращались в Китай уже на дипломатическую службу.

⁶⁹ Имеется в виду Ихэтуаньское («Боксерское») восстание.

⁷⁰ Учрежден в 1888 г. Награждались, в том числе, иностранцы – за заслуги перед Японией в культурной и общественной жизни. Орден 3-й степени, с золотыми лучами, носили на 37-миллиметровой шейной ленте

⁷¹ Консульство России в Харбине существовало с 1907 по 1920 г. Н.Г. Поппе был вторым из четырех генеральных консулов, работавших там в этот период.

⁷² В 1910–1911 г. в Маньчжурии была эпидемия чумы.

⁷³ Николай Николаевич Поппе (1897–1991) – лингвист, этнограф, специалист по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии.

советника Николая Готфридовича Поппе, составленный в МИДе в 1915 г. Все вещи поместились в один ящик, и содержались в нем следующие предметы: «три салфетки шелковых, кусок бумажной материи, восемь альбомов с фотографиями, открытками и карточками, металлический поднос, два серебряных подстаканника, две серебряных рюмки, китайского фарфора ваза, серебряный поднос, серебряный кувшин, серебряная разливательная ложка, восемь серебряных чарок, блокнот с серебряной доской, восемь серебряных и три металлических ложки, десять столовых серебряных ложек, семьдесят семь разных металлических ножей, двадцать разных вилок металлических, одна большая вилка, щипцы для сахара, глиняная бутылка, двадцать четыре металлических ложки китайской работы, две книги и брошюра, двадцать четыре китайских подвеска металлических, три белого металла браслета и три блюда металлических, десять рамок деревянных с металлом, тридцать четыре разных китайских изделий из камней и еще одна каменная фигурка, тринадцать серебряных украшений металлических, пять металлических китайской работы украшений, два металлических кольца, две салфетки, каменная кружка, десять чашечек белого нефрита, десять украшений из [копала] китайской работы, подставка для тартинок металлическая, китайское клише и свиток»⁷⁴.

В заключение хочется обратить внимание исследователей на тот отрадный факт, что многие документальные материалы, хранящиеся в архиве, оцифрованы и представлены для просмотра на портале «Архивы Санкт-Петербурга». К таковым относятся (из упомянутых в статье) графические документы по ф. 513 и 515, метрические книги по ф. 19, а также некоторые дела по ф. 14 (Императорский Петроградский университет) и 361 (Петроградская консерватория Императорского Русского музыкального общества).

Литература

Боглачев С.В. Петербургский зодчий Александр Бернардацци-младший // Невский архив: историко-краеведческий сборник. СПб.: Изд-во Чернышева, 1999. Вып. IV. С. 426–435.

Браво А., Травина Е. Зеленогорск / Терийоки. Дачная жизнь сто лет назад. СПб.: Центр сохранения культурного наследия, 2016. 258 с.

Кириков Б. Архитектура Петербургского модерна. Особняки и доходные дома. СПб.: Коло, 2003. 576 с.

Крадин Н.П., Базилевич М.Е. Архитекторы и инженеры Дальнего Востока. Творческая деятельность архитекторов и инженеров – выпускников столичных учебных заведений – в Забайкалье, Якутии, Приамурье, Приморье и Китае. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. 235 с.

Прибыткова З.А. С.В. Рахманинов в Петербурге – Петрограде // Воспоминания о Рахманинове / сост., ред. З.А. Апетян. М.: Музыка, 1988. Т. 2. С. 55–93.

Хисамутдинов А.А. Русские музыканты в Китае. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. 43 с.

References

Boglachev, S.V. (1999). Peterburgskiy arkhitektor Alexander Bernardazzi-mladshiy [Petersburg Architect Alexander Bernardazzi-Junior]. In *Nevskiy arkhiv*. St. Petersburg. Vol. IV, pp. 426–435.

Bravo, A., Travina, E. (2016). *Zelenogorsk / Teriyoki. Dachnaya zhizn' sto let nazad* [Zelenogorsk / Terijoki. Dacha Life a Hundred Years Ago]. St. Petersburg. 258 p.

Kirikov, B. (2003). *Arkhitektura peterburgskogo moderna. Osobnyaki i dokhodnye doma* [Art Nouveau (Modern) Architecture of Petersburg. Mansions and Apartment Buildings]. St. Petersburg. 576 p.

⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 9439. Л. 12–14.

Kradin, N.P., Bazilevich, M.E. (2019). *Arkhitektory i inzhenery Dal'nego Vostoka. Tvorcheskaya deyatel'nost' arkhitektorov i inzhenerov – vypusnikov stolichnykh uchebnykh zavedeniy v Zabaikal'e, Yakutii, Priamurye, Primorye i Kitae* [Architects and Engineers of Far East. Creative Activity of Architects and Engineers – Graduates of Metropolitan Educational Institutions in Transbaikal, Yakutia, Priamurye, Primorye and China]. Khabarovsk. 235 p.

Pribytkova, Z.A. (1988). S.V. Rakhmaninov v Peterburge – Petrograde [S.V. Rachmaninoff in Petersburg – Petrograd]. In *Vospominaniya o Rakhmaninove*. Moscow. Vol. 2, pp. 55–93.

Khisamutdinov, A.A. (2015). *Russkie muzykanty v Kitae* [Russian Musicians in China]. Vladivostok. 43 p.

Е.С. Князева*

**РОССИЙСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ-ЭМИГРАНТЫ
И ИХ НАСЛЕДИЕ В ШАНХАЕ**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-20
УДК 72.007(=161.1)(510.2)"192/194"*Выходные данные для цитирования:*
Князева Е.С. Российские архитекторы-эмигранты и их наследие в Шанхае // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 234–255..
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-20.pdf>

K. Knyazeva*

**RUSSIAN EMIGRE ARCHITECTS
AND THEIR LEGACY IN SHANGHAI**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-20

How to cite:
Knyazeva K. Russian Emigre Architects and Their Legacy in Shanghai // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 234–255.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-20.pdf>]

Abstract. In the 1920s–1940s Shanghai was home to a large Russian diaspora, counting more than 30,000 persons in its heyday. Professional architects, engineers, decorators and contractors were a significant part of this community, and they worked on hundreds of projects, some of which survive to this day. The following article introduces the key figures among the Russian emigre builders, such as the architects Alexander Yaron, Wladimir Livin-Goldenstaedt, Gabriel Rabinovich and Emmanuel Gran, sculptors and interior designers Jacob Lehonos, Victor Podgoursky, Isabella Karsnitsky and Valentin Shabaeff, construction engineers Alexander Kooklin, Vladimir Dronnikoff, Ilarion Tomashevsky and Alexander Reyer, among others. By tracking down their careers and identifying their projects we demonstrate that the availability of Russian professionals enabled the growth of the foreign and Chinese construction firms and made a significant contribution to the rapid growth of the city in the 1920s and 1930s. The Shanghai Russian diaspora dissolved by the 1950s, but more than 80 Russian-built projects are still found in the streets of Shanghai. In spite of their high visibility and artistic value, they remain largely unrecognized and unattributed to their authors. This article makes a step towards better awareness of the Russian-built legacy in Shanghai and the impact of the Russian diaspora.

Keywords: Shanghai, architecture, Russian diaspora in Shanghai, Russian emigration, built legacy, China, Harbin, Russian architects, repatriation.

The article has been received by the editor on 06.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В 1920–1940-е гг. Шанхай был местом проживания десятков тысяч эмигрантов из распавшейся Российской империи. Немалую долю среди них составляли архитекторы, инженеры, дизайнеры и генеральные подрядчики. Их усилиями было создано большое количество зданий, памятников и интерьерных работ в Шанхае, значительная часть из которых сохранилась до наших дней. Предлагаемая статья знакомит с ключевыми фигурами в архитектурно-строительной профессии в Шанхае, такими как А.И. Ярон, В.Ф. Ливин-Гольденштедт, Г.Б. Рабинович, Э.М. Гран, А.А. Рейер, Я.Л. Лихонос, В.С. Подгурский, В.Н. Дронников и И.П. Томашевский, В.А. Шабает-Фирсов, И.А. Карсницкая и др. Россияне были широко представлены в составе иностранных и китайских строительных контор и участвовали в проектировании и строительстве практически всех крупных

* **Екатерина Сергеевна Князева**, аспирант, Университет Восточного Пьемонта, Верчелли, Италия, e-mail: ekaterina.knyazeva@uniupo.it

Katya Knyazeva, PhD Student, University of Eastern Piedmont, Vercelli, Italy, e-mail: ekaterina.knyazeva@uniupo.it

зданий в 1930-е гг. Более 80 объектов, выстроенных при участии эмигрантов, до сих пор украшают центральные районы Шанхая. Эти здания являются неотъемлемыми и зачастую ключевыми элементами исторической застройки, определяя облик улиц, перекрестков и целых кварталов. Однако вклад российских эмигрантов в облик города до сих пор малоизучен и недооценен, и данная статья делает шаг в направлении более глубоких исследований российского архитектурного наследия в Шанхае.

Ключевые слова: Шанхай, архитектура, русская эмиграция, русская диаспора в Шанхае, архитектурное наследие, Китай, Харбин, русские архитекторы, репатриация.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023 г.

Введение. Русское зодчество в Шанхае долгое время было вне внимания историков, оставаясь в тени таких аспектов, как творческая жизнь в эмиграции и деятельность религиозных, военных и общественных организаций. Благодаря отдельным публикациям мы достаточно полно знаем об истории появления трех православных храмов и Генерального консульства в Шанхае¹. Исследования Н.П. Крадина проливают свет на дальневосточные и харбинские этапы карьеры архитекторов, инженеров и интерьерных дизайнеров, оказавшихся в эмиграции в Шанхае². Цель предлагаемой статьи – осветить развитие архитектурной профессии среди русской диаспоры в Шанхае в 1920–1940-х гг., выявить наиболее значимые работы российских архитекторов, описать карьерный путь их создателей и оценить масштаб русского вклада в городской ландшафт. Конечной целью исследования является популяризация российского архитектурного наследия в Шанхае и вклад в изучение истории эмиграции в Китае.

Систематическое исследование русского наследия в Шанхае остается затрудненным из-за ограничения доступа к информации. Хранящиеся в Архиве городского планирования архитектурные чертежи и проектная документация доступны для запроса только собственникам жилья и их законным представителям. Предлагаемое исследование опирается на ранее не задействованные архивные источники, в частности публикации в англоязычной прессе Шанхая и архитектурных журналах 1920–1940-х гг. на китайском и английском языках. Также используются сведения из адресных справочников (Hong Lists), чертежи, документы и фотографии из фондов Архива городского планирования (Шанхай), Гуверовского архива (Стэнфорд) и Музея русской культуры (Сан-Франциско) и информация, полученная в результате общения с семьями шанхайских эмигрантов.

Начало XX в. и первые русские постройки в Шанхае. До начала XX в. постоянное русское население Шанхая было немногочисленным: перепись 1900 г. выявила всего 47 подданных Российской империи, значительная часть которых была связана с чайной торговлей и дипломатическими функциями³. В то время российское дипломатическое представительство, почта и банк располагались в арендованных офисах в деловом центре возле набережной Банд⁴. Позднее по проектам немецких архитекторов были выстроены здания

¹ Князева Е.С. Богоявленский храм в Шанхае – основа российского поселения в 1903–1932 годах // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (9); Шаронова В.Г. Когда звонят пустые колокольни // Журнал Западно-Американской Епархии «Весна духовная». 2013. № 2. С. 49–60, 2014. № 1. С. 50–57; Шаронова В.Г. Свято-Николаевский Храм в Шанхае – Русский памятник Страдания, Любви и Веры // Клио. 2021. № 04 (172). С. 81–93; Черникова Л.П. «Землю под фундамент привезли с родины»: очерк истории Генерального консульства России в Шанхае в 1890-е – 1927 г. // Общество и государство в Китае. 2013. Т. 43, № 2. С. 186–210.

² Крадин Н.П. Русские инженеры и архитекторы в Китае. Хабаровск, 2018; Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск, 2001.

³ North-China Herald. Шанхай, 1900. 27 июня.

⁴ Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. Шанхай, 1936. С. 33.

Русско-Китайского Банка (1902) и Российского Консульства (1916). Первым полностью русским строением в Шанхае стал Храм Богоявления Господня, выстроенный в 1903–1905 гг. на севере города (рис. 1). Кирпичное здание в неорусском стиле с элементами эклектики и модерна перекликалось с архитектурой храмов, возводящихся в то время в России, но отсутствие профессионального надзора во время постройки привело к многочисленным недочетам в конструкции и негативно сказалось на прочности здания⁵.

Массовая эмиграция из Российской империи, распавшейся в результате революции 1917 г. и Гражданской войны, привела к появлению первых российских архитекторов и инженеров в Шанхае. Беженцы начали прибывать в начале 1918 г., путешествуя пассажирским морским транспортом с севера Китая, а также речными и наземными путями⁶. В их размещении и обеспечении самым необходимым участвовали иностранные благотворительные организации и шанхайское отделение Пекинской духовной миссии, к которой принадлежала Богоявленская церковь. К началу 1920 г. число русских беженцев в Шанхае измерялось тысячами⁷, и чтобы их трудоустроить, газеты публиковали списки их профессий. Объявление в «Норд-Чайна Геральд» упоминает, что в одной группе из 65 соискателей было семь инженеров-строителей, а также каменщик, чертежник и столяр⁸.

Ведущие архитекторы эмиграции: Ярон, Ливин, Рабинович, Гран. Число российских эмигрантов в Шанхае резко увеличилось в начале 1923 г. с прибытием флотилии грузовых и военных кораблей из Владивостока, захваченного большевиками. Из более трех тысяч новоприбывших значительную часть составляли военные, в том числе профессиональные архитекторы и инженеры. Полковник Александр Иванович Ярон (1874–1935) имел за плечами многолетнюю карьеру в Ревеле (Таллинне), где его здания в стиле позднего модерна до сих пор украшают улицы города⁹. В феврале 1923 г. он устроился на работу в студию испанского архитектора А. Лафуэнте. Его первым проектом в Шанхае стала реконструкция бального и банкетного залов отеля «Мажестик». Бальный зал, размещавшийся в отдельном здании, был отделан полностью в стиле немецкого ампира, «вплоть до арматуры и мебели»¹⁰.

Сотрудничество с А. Лафуэнте было настолько успешным, что А.И. Ярон стал равноправным партнером в фирме, которая сменила название на «Лафуэнте и Ярон» (рис. 2). За первые три года Ярон создал 14 проектов в Шанхае и за его пределами¹¹. Старший сын архитектора Иван Александрович Ярон (1903–1971) сотрудничал с отцом и замещал его на проектах в Нанкине. Ярон-младший начал свое архитектурное образование в Ревеле в Петри-Реалшуде, а закончил его в 1928 г. в Шанхае посредством американских курсов по пере-

Рис. 1. Подворье Пекинской духовной миссии в Шанхае. Богоявленская церковь в стадии строительства в 1904 г. Архив А.М. Куликова

⁵ Князева Е.С. Богоявленский храм в Шанхае...

⁶ Shanghai Times. Шанхай, 1918. 8 февр.

⁷ Ristaino M.R. Port of Last Resort: Diaspora Communities of Shanghai. Stanford, 2003. P. 35.

⁸ North-China Herald. Шанхай, 1920. 31 янв.

⁹ Ливошко С.С. Архитектор А.И. Ярон и его храм-памятник Николаю II в Шанхае // Россия и АТР. 2002. № 4 (38). С. 100.

¹⁰ Щербаков М.В. Одиссеи без Итаки. Владивосток, 2011. С. 407.

¹¹ Leonardo Perez A. Abelardo Lafuente García-Rojo (1871–1931), un arquitecto español en China. Alcalá, 2019. P. 585.

писке¹². В начале 1927 г. А. Лафуэнте отправился в США продвигать проекты фирмы, в том числе пляжный отель, разработанный А.И. Яроном. В его отсутствие Ярон выстроил две виллы для китайских чиновников, склад-офис для транспортной компании Д.Г.М. Ароновского¹³ и комплекс особняков на рю Буржа во Французской концессии¹⁴. В один из этих особняков он перенес свою резиденцию, но вскоре от нее отказался в пользу приюта для русских детей им. Св. Тихона Задонского.

А.И. Ярон был тесно связан с Русской православной церковью, и ему удалось реализовать свою интерпретацию неорусского церковного стиля в архитектуре Архиерейского дома на рут Поль Анри¹⁵ и Свято-Николаевского храма-памятника на рут Корней¹⁶. Ведущие художники и иконописцы Шанхая, включая М.А. Кичигина, В.А. Засыпкина, А.С. Березина и А.Н. Харитонова, участвовали в росписи внутреннего пространства. Сам архитектор не только безвозмездно изготовил все рабочие чертежи, но и возглавил строительство, выплачивая зарплату техническому персоналу из собственных средств¹⁷.

С момента закладки фундамента в декабре 1932 г. до установки колоколов в марте 1934 г. прошло немногим более года¹⁸. Архиерейский дом и Свято-Николаевский храм-памятник стали уникальными образцами национально-русского церковного стиля в Шанхае. Возведенные через 15 лет после исчезновения этого стиля на территории России, они могут считаться развитием его эстетики¹⁹. Друг и коллега А.И. Ярона, архитектор Н.К. Соколовский, на страницах газеты «Шанхайская заря» в апреле 1934 г. отметил строгую стилевую выдержанность, характерную для национального русского зодчества, ювелирную внутреннюю отделку, а также высокое качество акустики храма²⁰.

Последним проектом А.И. Ярона стало здание Министерства путей сообщения в Нанкине, открывшееся в октябре 1934 г. после четырех лет строительства. Иностранная пресса назвала его великолепным дополнением к столичному правительственному ансамблю и самым крупным его элементом²¹. 120-метровый фасад, увенчанный зеленой черепичной крышей традиционной формы, был выполнен в неокитайском стиле. Здание было разрушено в декабре 1937 г. во время наступления японской армии на Нанкин, и эта потеря оплакивалась как архитектурная трагедия²².

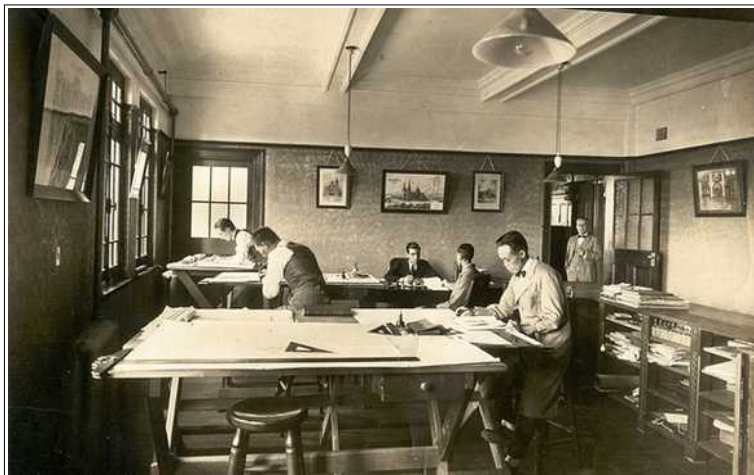

Рис. 2. Студия Ярона и Лафуэнте в 1920-е гг. За столом у стены сидит сын архитектора И.А. Ярон, в дверях стоит А. Лафуэнте. На стенах студии развешены проекты фирмы. Архив семьи Лафуэнте

¹² Personal file of YARON, IVAN, and of further persons. Arolsen Archives, дело № 03020302 021.154 [Электронный ресурс]. URL: https://collections.arolsen-archives.org/en/archive/3-2-3-2_03020302-021-154 (дата обращения: 10.11.2022).

¹³ Адрес: 687 Dongdaming Road.

¹⁴ Адрес: 784–788 Changle Road. Полный список работ – на сайте «Архитектура русского Шанхая» [Электронный ресурс]. URL: <https://brs.russianshanghai.city/architects/1-z/a-j-yaron> (дата обращения: 14.01.2022).

¹⁵ Адрес: 50A Xinle Road.

¹⁶ Адрес: 16 Gaolan Road.

¹⁷ Жиганов В. Д. Русские в Шанхае... С. 44–45.

¹⁸ China Press. Шанхай, 1934. 6 марта.

¹⁹ Лешоко С.С. Архитектор А.И. Ярон... С. 97–110; Масленникова Д.С. Архитектура русских церквей в Китае // Архитектура и строительство России. 2007. № 7. С. 11–26.

²⁰ Шаронова В. Г. Свято-Николаевский Храм... С. 88.

²¹ China Press. Шанхай, 1934. 29 окт.

²² North-China Herald. Шанхай, 1937. 29 дек.

Обращение к китайской традиционной эстетике было, скорее, исключением для А.И. Ярона. Его коллеги-эмигранты, как правило, проектировали в эклектичном стиле с учетом локальных предпочтений и моды на ар-деко (в то время называемого модернизмом). Но А.И. Ярон сторонился «лоскутной архитектуры» с ее нагромождением декоративных элементов и не одобрял увлечения модернизмом и функциональностью²³. По замечанию его друга журналиста И.И. Кунина, Ярона можно было называть классиком, но не консерватором, его проекты «зачастую были смелы и неожиданны»²⁴. Создавая здания в разнообразных стилях, но не смешивая их, А.И. Ярон демонстрировал архитектурное мастерство и творческую эрудицию. А.И. Ярон скончался от пневмонии 18 февраля 1935 г. в шестидесятилетнем возрасте.

Владимир Федорович Ливин-Гольденштедт (1878–1965), архитектор из поколения А.И. Ярона, не только вошел в архитектурную элиту города, но и со временем стал символом шанхайского модернизма. Окончив Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге, В.Ф. Ливин-Гольденштедт работал областным архитектором во Владивостоке, где по его проектам строились муниципальные и частные здания, включая гостиницу «Централь», дом Демби, театр-кабаре «Лотос», Железнодорожное собрание и др.²⁵ В 1922 г. Ливин-Гольденштедт оказался в Шанхае, где заявил о себе участием в конкурсе на сооружение памятника Сунь Ятсену в 1925 г. Предложенные им три проекта заслужили не только почетные упоминания жюри, но и жесткую критику со стороны прессы, назвавшей их «безродной помесью русского собора Ивана Невского с китайскими орнаментами и японскими фениксами»²⁶.

В дальнейшем В.Ф. Ливин-Гольденштедт не прибегал к азиатским мотивам, а всецело погрузился в эстетику модернизма, набиравшую популярность в Шанхае. Дизайн отеля «Тайни», выстроенного в 1928 г. на Юй Юань род, получил похвалу журналистов за «проявленные архитектором вкус и мастерство»²⁷. В качестве главного архитектора и инженера бельгийской католической миссии Ливин выполнил свои крупнейшие проекты: несколько многоквартирных домов, штаб-квартиру иностранных миссий (1931 г.)²⁸, часовню и родильное отделение при Католической больнице Святого Сердца (1932–1934 гг.)²⁹ и другие здания (рис. 3)³⁰.

Особенно изящен дизайн многоэтажного жилого дома «Астрид» (1934 г.), вписанного в остроугольный перекресток во Французской концессии³¹. Рельефные параллельные прямые, прочерченные вдоль фасада, и центральный трапецевидный шпиль со временем стали восприниматься как квинтэссенция шанхайского варианта ар-деко. Здание «Астрид» фигурирует на обложках многочисленных публикаций о городском ландшафте Шанхая и является главным местом действия в высокобюджетном телесериале³². Совместно с Э.М. Граном Ливин работал над архитектурным проектом памятника А.С. Пушкину, изготовленного на деньги российского сообщества в честь столетней годовщины смерти поэта³³. Архитекторы

²³ Лешко С.С. Европейская и дальневосточная ветви русской архитектурной эмиграции: параллели и контрасты // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья. СПб., 2008. С. 307–317.

²⁴ Кунин И.И. Александр Иванович Ярон. К сороковому дню со дня его кончины // Шанхайская заря. Шанхай, 1935. 30 марта. С. 9.

²⁵ Базилевич М.Е., Крадин Н.П. Творческая деятельность архитектора Владимира Карловича Гольденштедта (Ливина) во Владивостоке // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2015. Т. 1, № 1 (21). С. 106–110.

²⁶ China Press. Шанхай, 1925. 4 окт.

²⁷ Там же. 1928. 5 июля. Адрес: 741 Yuyuan Road.

²⁸ Адрес: No. 10 Lane 83 Fenyang Road.

²⁹ Адрес: 349 Hangzhou Road.

³⁰ Zheng S. The Evolution of Shanghai Architecture in Modern Times. New edition. Shanghai, 2020. С. 496; Архитектура русского Шанхая. [Электронный ресурс]. URL: <https://brs.russianshanghai.city/architects/l-z/w-f-livin-goldenstaedt> (дата обращения: 14.01.2022).

³¹ Адрес: 294–316 Nanchang Road.

³² Cranley W.P. Still More Shanghai Walks. Hong Kong, 2011; Johnston T., Erh D. Shanghai Art Deco. Hong Kong, 2006; Wong K. Blossoms Shanghai (Television Series). Hong Kong, 2022.

³³ Адрес: перекресток улиц Fenyang Road, Yueyang Road и Taojiang Road.

использовали серый гранит для пьедестала, формой напоминавшего усеченный трехгранный русский штык³⁴. Памятник был торжественно открыт 11 февраля 1937 г. на маленькой площади в конце рут Пишон, во Французской концессии³⁵.

По утверждению шанхайской прессы, в начале 1930-х гг. русские инженеры и архитекторы участвовали в строительстве практически всех значимых зданий³⁶. В то время в Шанхае наблюдался стремительный рост строительства благодаря политической стабильности, накоплению китайского капитала и распространению новых технологий.

Широкое применение армированного бетона, глубоких свай и плавучих плотов для фундаментов помогало преодолеть проблему зыбкой почвы и сооружать все более высокие и массивные здания. Последним годом интенсивного градостроительства стал 1934 г., когда в иностранных селтльментах города было возведено 46 многоэтажных жилых домов, 529 частных особняков и 3 400 китайских и европейских домов³⁷.

В 1935 г. В.Ф. Ливин-Гольденштедт опубликовал проекты многоквартирных домов «Магнат» и «Леопольд», предназначенных для постройки во Французской концессии³⁸. Но строительная активность уже начала сокращаться. До Азии докатились отголоски Великой депрессии в США, инвесторы стали осторожными и финансирование новых проектов уменьшилось. В ожидании войны с Японией правительство Китая стало готовиться к обороне и установило квоты на расход камня, металла и дерева, отчего выросли цены на стройматериалы. Одновременно из-за портовых забастовок в Портланде (США) остановились поставки орегонского соснового бруса, необходимого для установки свай под фундаментами³⁹. Гигантские проекты Ливина остались нереализованными.

Первым шанхайским проектом Гавриила Борисовича Рабиновича (1899 – после 1961), уроженца Витебска, стала перепланировка жилого здания на Вард род в припортовом районе Вэйсайд в синагогу⁴⁰. Для этого потребовалось удалить перекрытия второго этажа и добавить опорные столбы под крышу; кроме того, были добавлены антресоли (женская галерея)⁴¹. В начале 1930-х гг. Рабинович был главным архитектором в американской фирме Elliott Hazzard, которая возвела апартаменты «Бруксайд», офисное здание «Энтерпрайз» и штаб-квартиру компании «Шанхай Пауэр Ко». В 1933 г. Рабинович перешел в китайскую строительную компанию Republic Land Investment, которая вела застройку северного берега реки Сучжоу, и спроектировал многоквартирные дома «Бридж Хаус» и «Дерринг», которые открылись в январе 1935 г.⁴² По его дизайну было построено несколько компактных кондоминиумов во Французской концессии, а также несколько частных особняков⁴³.

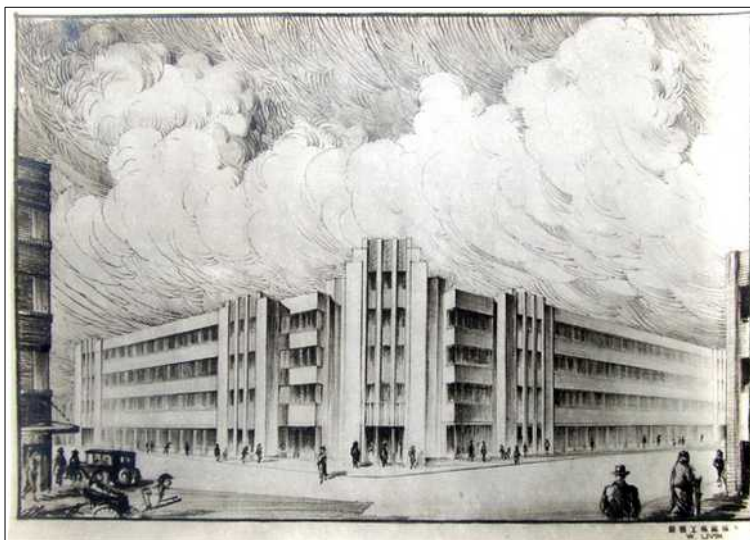

Рис. 3. Архитектурный рисунок В.Ф. Ливина.
Коллекция автора

³⁴ Волегов В.П. Александр Сергеевич в Шанхае // *Revue Russe*. 1999. № 16. С. 36.

³⁵ Там же. С. 35–37.

³⁶ *North-China Herald*. Шанхай, 1937. 14 апр.

³⁷ *Settlement Construction. Many Luxurious Apartments* // *Progress*. Shanghai, 1935. June. P. 6–7, 14.

³⁸ *Shanghai Sunday Times*. Шанхай, 1935. 15 дек.

³⁹ *North-China Herald*. Шанхай, 1937. 3 февр.

⁴⁰ Адрес: 62 Changyang Road.

⁴¹ *Krasno R. History of Russian Jews in Shanghai* // *From Kaifeng to Shanghai: Jews in China*. Nettetal, 2001. P. 334.

⁴² Адреса: 85 North Sichuan Road и 82 Chongming Road.

⁴³ Адреса: 230 Wukang Road, No. 43 Lane 56 Donghu Road, 1274 Middle Huaihai Road, 27 Hengshan Road.

Крупные работы Г.Б. Рабиновича идеально вписаны в городской ландшафт Международного Сеттлмента и выполнены в неоготическом ребристом стиле, в то время как небольшие здания во Французской концессии отражают моду на испанский колониальный стиль и американскую курортную архитектуру. Будучи активным членом еврейской общины Шанхая, Г.Б. Рабинович вошел в комитет по возведению Новой синагоги, выстроенной в 1937–1940 гг. по проекту Э.М. Грана. До наших дней дошло не менее восьми зданий с установленным авторством Г.Б. Рабиновича, и хотя они зачастую являются охраняемыми памятниками архитектуры, имя их создателя не упомянуто на мемориальных досках⁴⁴.

Шанхайская карьера Александра Александровича Рейера (1895–1946), расцветшая во второй половине 1920-х гг., продемонстрировала, что в условиях строительного бума не только архитектор, но и генеральный подрядчик может обрести известность в широких кругах. Уроженец Санкт-Петербурга А.А. Рейер обучался во Владимирском военном училище и Севастопольской авиационной школе, после чего в 1920 г. эмигрировал в Китай. В 1923 г. он открыл строительную контору А.А. Reyer and Co., впоследствии перерегистрировав ее как американскую компанию Reyer Construction Corporation, Inc.

А.А. Рейер был единственным выходцем из России, включенным в английский сборник «Персоналии Шанхая и Северного Китая», в который вошли 280 биографий мужчин «всех рас и происхождений, которые внесли заметный вклад в материальное и культурное развитие Шанхая»⁴⁵. Сборник перечисляет 18 крупных проектов Рейера, таких как фундамент для пивоварни «Ю Би», пристройка к отелю «Плаза», многоквартирный дом «Кавендиш Корт», производственные цеха спичечной фабрики и склады в шанхайском порту. Предметом гордости для А.А. Рейера стало изготовление беспрецедентно длинных железобетонных конструкций для кинотеатра «Гранд» по проекту венгерского архитектора Л. Худеца, строительство которого завершилось в апреле 1933 г.⁴⁶

Архитектор, застройщик и риэлтор русско-чешского происхождения Борис Владимирович Кривош (1901–1990) не имел профессионального образования и потому отдавал предпочтение небольшим проектам. Он эмигрировал в Китай в 1921 г., опасаясь гонений в связи с репутацией его отца, бывшего сотрудника царской тайной полиции. Открыв архитектурно-строительную контору в Шанхае, через несколько лет Б.В. Кривош стал одним из богатейших эмигрантов. Благодаря покровительству именитого земляка Л. Худеца Кривош приобрел опыт реконструкции и интерьерного дизайна, после чего перешел к полному циклу проектирования и строительства. Особенно популярным среди русского населения оказался модернистский комплекс «Жоффер Аркейд» с остекленным фасадом, выходящим на авеню Жоффер, и внутренним двором крестообразной формы⁴⁷. На нижних этажах в комплексе разместились предприятия и магазины, а на верхних – квартиры и офисы (рис. 4). Отмеченные эклектичным стилем, два десятка особняков, таунхаусов и многоквартирных домов работы Кривоша до сих пор стоят на улицах Шанхая⁴⁸.

В июле 1932 г. американская газета China Press взяла у Б.В. Кривоша интервью на тему городского планирования. Архитектор выразил сожаление, что болотистая шанхайская почва не позволяет строить небоскребы, как в Нью-Йорке. Он посетовал, что «пропустил войну в Чапее» (японско-китайский конфликт на севере Шанхая в январе 1932 г.), так как был в кругосветном круизе, но предвкушал рост заказов по восстановлению разрушенного района. Кривош признался, что считает Шанхай своим домом, и видел в нем большой потенциал⁴⁹.

⁴⁴ Полный список работ – на сайте «Архитектура русского Шанхая» [Электронный ресурс]. URL: <https://brs.russianshanghai.city/architects/l-z/g-b-rabinovich> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴⁵ *Nellist G.F. Men of Shanghai and North China: A Standard Biographical Reference Work.* Shanghai, 1933. P. 332–335.

⁴⁶ China Press. Шанхай, 1933. 1 июня.

⁴⁷ Адрес: 542 Middle Huaihai Road.

⁴⁸ Полный список работ – на сайте «Архитектура русского Шанхая» [Электронный ресурс]. URL: <https://brs.russianshanghai.city/architects/a-k/b-v-krivoss> (дата обращения: 10.10.2022).

⁴⁹ China Press. Шанхай, 1932. 28 июля.

По числу возведенных зданий и по продолжительности карьеры немногие могли сравниться с Эммануилом Моисеевичем Граном (1894–1969), выходцем из Самары. В Гражданскую войну он сражался на Восточном фронте в качестве прапорщика флота, а оказавшись в Шанхае в 1921 г., поступил в крупнейшую архитектурную фирму города Palmer and Turner. Будучи исключительно компетентным проектировщиком, Гран быстро стал ведущим архитектором фирмы, однако отсутствие аккредитации Королевского института британских архитекторов (RIBA) помешало ему выйти из тени коллег-англичан Дж.Л. Уилсона и Э.Ф. Босвелла. За десять лет работы Э.М. Грана фирма Palmer and Turner создала свои крупнейшие проекты, включая «Сассун-Хаус», Таможенный союз и Гонконгско-Китайский банк на Банде. Конкретный вклад Э.М. Грана в проекты фирмы не разглашался, но в 1932 г. шанхайская пресса называла его «автором множества известных зданий» и «архитектором со сложившейся репутацией»⁵⁰.

Вероятно, устав от творческой анонимности, Э.М. Гран покинул Palmer and Turner и в январе 1932 г. присоединился на правах партнера к малоактивной архитектурной студии Davies and Brooke, которая поменяла название на Davies, Brooke and Gran. В первый же год работы Гран опубликовал восемь проектов особняков, многоквартирных домов и офисных зданий. Его прямолинейный и ультрафункциональный стиль резко отличался от сдержанной колониальной эклектики, присущей дизайнам Дэвиса и Брука. Впоследствии Гран пригласил в штат фирмы русских коллег из Palmer and Turner, включая архитектора Н.Н. Еманова, помощника архитектора Е.Ф. Кострицкого и инженера А.В. Скворцова. Студия Davies, Brooke and Gran создала десятки зданий в Шанхае и за его пределами, большинство из которых сохранились по сей день⁵¹. В их числе – многоквартирные дома «Лафайет Корт»⁵², «Медхерст»⁵³, «Виктор Корт»⁵⁴ и «Юэ Так»⁵⁵, Коммерческий банк Китая⁵⁶, апартаменты «Ханрэй»⁵⁷, офисное здание «Магнет-хауз»⁵⁸ и др. Э.М. Гран работал над созданием памятника А.С. Пушкину в 1937 г. в тандеме с архитектором В.Ф. Ливиным и художниками В.С. Подгурским и М.А. Кичигиным, а в 1947 г. участвовал в его восстановлении.

К середине тридцатых годов русское население Шанхая превысило 25 тыс. чел., большинство из которых проживали во Французской концессии⁵⁹. Среди них было 4 тыс. евреев, которые оказались в отдалении от единственной русской синагоги, находившейся в припортовом районе. В 1936 г. Э.М. Гран начал разработку проекта и сбор средств для строительства Новой синагоги на рут Тенант де ля Тур⁶⁰. Нападение японской армии на Шанхай,

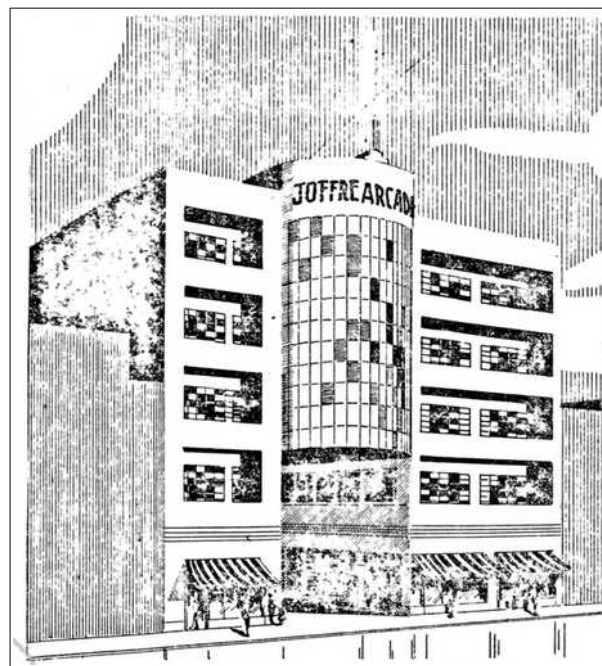

Рис. 4. Проект Б.В. Кривоша «Жоффр Аркейд». Shanghai Sunday Times

⁵⁰ Shanghai Times. Шанхай, 1932. 3 сент.

⁵¹ Полный список – на сайте «Архитектура русского Шанхая» [Электронный ресурс]. URL: <https://brs.russianshanghai.city/architects/a-k/e-m-gran> (дата обращения: 10.10.2022).

⁵² Адрес: 1248 Middle Fuxing Road.

⁵³ Адрес: 934 Bubbling Well Road.

⁵⁴ Адрес: 56 Shaoxing Road.

⁵⁵ Адрес: 69 North Wulumuqi Road.

⁵⁶ Адрес: 181 Middle Jiangxi Road.

⁵⁷ Адрес: 1154–1170 Middle Huaihai Road.

⁵⁸ Адрес: 49 Middle Sichuan Road.

⁵⁹ China Press. Шанхай, 1933. 3 дек.; North-China Herald. Шанхай, 1937. 24 мая.

⁶⁰ China Press. Шанхай, 1936. 23 сент.

начавшееся в августе 1937 г., вызвало задержку строительства, однако оккупационные власти предоставили средства и стройматериалы для завершения здания⁶¹. В апреле 1941 г. Новая синагога открылась массовой свадебной церемонией, на которой поженились двенадцать молодых пар⁶². Фирма Davies, Brooke and Gran имела отделение в Гонконге; помимо этого, Гран является автором отеля «Эджуотер Мэншнс» в Циндао, возведенного в 1934 г. на пляже Странд.

Трудоустройство и профессиональное обучение в Шанхае. Лишь немногие архитекторы-эмигранты работали независимо и подписывали свои проекты, как это делал В.Ф. Ливин-Гольденштедт, использовавший имя Wladimir Livin. Подавляющее большинство россиян входили в состав иностранных и китайских архитектурных студий и редко получали возможность отметить своим именем созданные ими работы. Высокая квалификация, владение европейскими языками и готовность работать за низкую оплату делали эмигрантов привлекательными кандидатами на вакансии в иностранных компаниях. Помимо того, близость восточноевропейских культур и совместно пережитый опыт Первой мировой войны обеспечивали лояльное отношение к русским со стороны югославов, венгров и чехов. В студии австро-венгерского архитектора Ч.Г. Гонды работали архитекторы П.П. Ставицкий и Н.Н. Еманов, инженер и архитектор В. Котельников и начальники строительных участков Л.В. Леонидов, А.М. Янковский и В.В. Баранов⁶³. В 1934 г. при строительстве «Парк-отеля» по проекту югослава Л. Худеца Я.Л. Слащев был главным проектировщиком, а К.Л. Егиков – начальником строительства⁶⁴. В студии немецкого архитектора К.Г. Сура работал инженер Г. Ильяшевич, а чертежными работами занимался князь А.Г. Кольцов-Мосальский⁶⁵. Г.С. Борисоглебский был главным инженером английской фирмы Keys and Dowdeswell и осуществлял надстройку многоэтажного торгового центра «Холл и Хольц» на Бабблинг Уэлл род, реконструкцию прилегающих офисных зданий и ряд других проектов⁶⁶.

Весьма плодотворным было сотрудничество эмигрантов с ведущей архитектурной студией Французской концессии Leonard & Veysseyre. Архитекторы Н.К. Соколовский и Э.Л. Гиндпер, которые начинали свою карьеру в этой фирме, впоследствии успешно работали на собственных проектах. Уроженец Уфы Николай Константинович Соколовский (1897–1958), востоковед по образованию, прибыл в Шанхай в 1924 г., где получил диплом архитектора 1-го разряда на курсах по переписке. Список его проектов нуждается в дополнительном исследовании, но известно, что он занимался интерьерным дизайном торговых помещений, а также реконструкцией зданий, пострадавших от японских бомбардировок⁶⁷.

Американские строительные фирмы получили возможность расти и расширять диапазон проектов благодаря притоку русских инженеров и архитекторов. В строительной фирме Corrit and Co. в одно время работали инженеры Н.П. Иванов, Я.Л. Слащев и В.Ф. Лавров. Американская архитектурно-строительная фирма Elliott Hazzard, где Г.Б. Рабинович был главным архитектором, практически полностью состояла из россиян: в 1930 г. в ее составе числились два китайца, один португалец и четырнадцать русских⁶⁸.

Основатели русской строительной индустрии в Шанхае немало сделали для того, что ввести в профессию новое поколение, растущее в эмиграции. В ноябре 1932 г. группа российских архитекторов и инженеров в Шанхае организовала новое Русское техническое общество, в котором Э.М. Гран выполнял роль председателя. Общество проводило публичные лекции, благотворительные вечера и балы, пополняя свой бюджет не только членскими

⁶¹ Адрес: 102 South Xiangyang Road.

⁶² China Press. Шанхай, 1941. 3 апр.

⁶³ Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 24; Shanghai Directory. Шанхай, 1925–1941.

⁶⁴ China Press. Шанхай, 1934. 2 дек.

⁶⁵ Shanghai Directory 1934. City Supplementary Edition to the China Hong List. Шанхай, 1934. С. 260.

⁶⁶ Р.Т.О. Бюллетень Русского технического общества. Шанхай, 1935. № 3. С. 25–26.

⁶⁷ Shanghai Times. Шанхай, 1941. 17 дек.

⁶⁸ С. Ковалев, Ю.А. Юрьев (инженер), В.Н. Штифельман (архитектор), Э.Л. Гиндпер (архитектор), В.А. Трамбицкий (проектировщик), В.П. Дмитриев (архитектор), Б.Н. Пель-Горский, А. Старковский, В.Д. Плахотниченко, С. Смахов, И.С. Пакидов (архитектор) и А.С. Каффка (клерк).

взносами, но и продажей напитков в баре и доходами от бильярдной комнаты. Штаб-квартирой Общества служил дом «Меджерст», один из проектов Грана⁶⁹.

Важнейшим результатом работы Русского технического общества стало создание техникума в январе 1933 г. по инициативе горного инженера В.С. Котенева. Помещения для занятий предоставило Русское реальное училище, расположенное в припортовом районе. В первом наборе было 28 абитуриентов⁷⁰. Через несколько месяцев стала очевидной необходимость придать техникуму официальный статус и перенести его ближе к центру размещения русских эмигрантов. Этому поспособствовал инспектор образования Французской концессии Ш. Гробуа, и с марта 1934 г. занятия техникума стали проходить в школе «Реми».

В апреле 1935 г. техникум приобрел статус Высшего технического центра (ВТЦ) Французской концессии с двумя отделениями – архитектурно-строительным и электромеханическим⁷¹. Лекторами в ВТЦ были многие члены Русского технического общества, включая Э.М. Грана, А.И. Ярона, Л.Н. Пашкова, В.А. Федорова и француза А. Леонара из студии Leonard & Veysseyre. В январе 1939 г. в ВТЦ состоялся первый выпуск, четверо выпускников были архитекторами (И. Гарвтунг, В. Лепарский, Д. Розенцвейг, В. Титов)⁷². Выпускники ВТЦ пополняли ряды членов Русского технического общества, в котором архитекторы и строительные инженеры стали составлять 40 % от общего числа участников⁷³. Всего за 17 лет ВТЦ закончили 22 архитектора-строителя⁷⁴.

Не менее важным был вклад в шанхайское градостроительство выпускников Харбинского политехнического института (ХПИ), которых к 1937 г. в Шанхае насчитывалось более ста⁷⁵. Среди наиболее успешных выпускников ХПИ, практиковавших в Шанхае, – инженер Б.В. Дистерло (работал в студии А.И. Ярона и участвовал в строительстве Свято-Николаевского храма)⁷⁶, инженер-архитектор В.М. Веселухин (вел частные курсы по черчению и строительному мастерству)⁷⁷, братья Алексей и Артемий Филадельфовы (консультирующие инженеры)⁷⁸ и инженер-строитель А.В. Куклин (подробнее о нем ниже).

Русские архитекторы в Шанхае долгое время оставались без контакта с европейскими очагами эмиграции. Однако выпуски пражского журнала «Русский зодчий за рубежом», начавшего выходить в январе 1938 г., попадали в Шанхай и обзвевались в местной прессе⁷⁹. Первый же номер журнала обрисовал противоречивую задачу национальной профессиональной самоидентификации в эмиграции: «Для того чтобы русский сохранил свое лицо, он должен уметь отбросить типичные черты местной “локальной” архитектуры, подняться над ней и быть в архитектуре космополитом – для того чтобы остаться русским. В этом большая опасность. В этом и вся будущность обновленной русской архитектуры. Взять все лучшее, отбросить “провинциальное”, быть выше для того, чтобы не потерять свое лицо в окружающей среде, живя в то же время общими с ней интересами»⁸⁰. В июле того же года архитектор Н.К. Соколовский установил связь с пражским штабом Объединения русских архитекторов и занялся организацией шанхайского отделения⁸¹. Возможно, благодаря его участию в журнале впервые появился список русских архитекторов и инженеров, практикующих в Китае, в который вошли 26 имен⁸².

⁶⁹ Р.Т.О. Бюллетень Русского технического общества... С. 30.

⁷⁰ Сидоркин Л.В. Высший технический центр в Шанхае // Русские в Китае. 1995. № 4. С. 4.

⁷¹ Р.Т.О. Бюллетень Русского технического общества... С. 28–29.

⁷² North-China Herald. Шанхай, 1939. 18 янв.; Сидоркин Л.В. Высший технический центр в Шанхае... С. 4.

⁷³ North-China Herald. Шанхай, 1940. 22 мая.

⁷⁴ Сидоркин Л.В. Высший технический центр в Шанхае... С. 5.

⁷⁵ North-China Herald. Шанхай, 1937. 14 апр.

⁷⁶ Шаронова В. Г. Свято-Николаевский Храм... С. 86.

⁷⁷ Крадин Н.П. Русские инженеры и архитекторы... С. 216.

⁷⁸ Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь русского Китая. М., 2006. С. 183.

⁷⁹ North-China Herald. Шанхай, 1938. 2 нояб.

⁸⁰ Русский зодчий за рубежом. Прага, 1938. № 1.

⁸¹ North-China Herald. Шанхай, 1938. 20 июля.

⁸² Русский зодчий за рубежом. Прага, 1938. № 7–8.

Владимир Николаевич Дронников (1913–2010) и Иларион Павлович Томашевский (1909–1970) – представители молодого поколения архитекторов, получивших образование в эмиграции и успешно встроившихся в китайскую строительную индустрию. Уроженец Владивостока И.П. Томашевский был сыном архитектора П.А. Томашевского, который ранее трудился на Китайско-Восточной железной дороге. Переехав в Шанхай, Томашевский-старший несколько лет безуспешно искал работу и в 1929 г. покончил с собой, завещав установить на могиле памятник по собственному проекту⁸³. К тому моменту его сын Иларион уже работал архитектором в Palmer and Turner, с которой не расставался вплоть до закрытия шанхайского отделения фирмы в 1941 г. (рис. 5).

Коллега и друг Томашевского В.Н. Дронников был сыном инженера Н.Г. Дронникова (1881–1945), который держал в Шанхае автомастерскую Shanghai Motor Repair Co. и преподавал в ВТЦ. После прохождения школьной программы в шанхайской городской школе для мальчиков В.Н. Дронников обучался архитектуре на курсах по переписке. В 1931 г. его приняли в штат фирмы Palmer and Turner, где числился Томашевский. Дронников проработал в фирме десять лет в должности помощника архитектора. В числе его первых заданий было создание чертежей и макетов здания «Гровенор Хаус» (1932 г.); впоследствии он руководил постройкой жилых домов, многоэтажных офисов, банковских зданий и промышленных сооружений⁸⁴.

Рис. 5. И.П. Томашевский (слева) с коллегами во время возведения коттеджей на рю Мареска, 1935 г. Музей русской культуры, Сан-Франциско

С установлением японской оккупации в 1940–1941 гг. строительная активность в городе практически остановилась. С перемещением иностранных фирм в Гонконг возможности для карьерной реализации российских архитекторов и инженеров существенно сократились. Однако Дронников с Томашевским стали выполнять частные заказы, в результате чего появились два многоквартирных дома на рю Делястр⁸⁵, резиденция Томашевского на рут Маньини⁸⁶, вилла на рут Фергюсон⁸⁷ и другие здания. Оптимизируя свои разработки под небольшие бюджеты военного времени, И.П. Томашевский внедрял концепцию эргономичных «карликовых домов» – малоэтажных зданий на несколько квартир, вписанных в небольшие участки неправильной формы, характерные для Французской концессии. Неизменным генеральным подрядчиком на этих проектах был инженер А.В. Куклин⁸⁸.

Шанхайская карьера Александра Владимировича Куклина (1903–1977) началась в 1932 г. и продлилась 15 лет. В качестве архитектора он реализовал многоквартирный дом «Першинг» на авеню Жоффр⁸⁹ и дом на рут Пер Юк⁹⁰, а в качестве генерального подрядчика – многоквартирные дома «Делястр» по проекту Томашевского и Дронникова, «Думер» по проекту Рабиновича, «Ханрэй» по проекту Грана, «Хилье» для французской фирмы Leonard, Veysseyre & Kruze и др.⁹¹ В соответствии с эстетикой позднего периода ар-деко работам Куклина присущи прямые линии, горизонтально вытянутые объемы и гладкие

⁸³ North-China Daily News. Шанхай, 1929. 17 сент.

⁸⁴ Биографические материалы В.Н. Дронникова. Коллекция № 5904. Музей русской культуры в Сан-Франциско.

⁸⁵ Адреса: 228 и 238 Taiyuan Road.

⁸⁶ Адрес: 103 и 105 Kangping Road.

⁸⁷ Адрес: 274 Wukang Road.

⁸⁸ Shanghai Times. Шанхай, 1941. 17 дек.

⁸⁹ Адрес: 1706 Middle Huaihai Road.

⁹⁰ Адрес: 70 Yongfu Road.

⁹¹ Shanghai Times. Шанхай, 1941. 17 дек.

фасады. По свидетельству В.А. Бородина, Куклин много работал вне Шанхая: руководил постройками водозаборных резервуаров в горах Люшань, разрабатывал проекты жилых зданий в Гонконге и был главным консультантом по сохранению древних сооружений Китая, преимущественно мостов⁹².

Продуктивным творческим тандемом военного времени была студия Associated Architects, основанная в 1940 г. Э.Л. Гиндпером и Н.Н. Емановым при участии К.Н. Малиновского⁹³. Проектам студии, реализованным в 1941–1942 гг., присущи параллельные прямые линии и скругленные углы, характерные для позднего периода ар-деко. Вдоль западной стороны улицы Юнфу Лу⁹⁴ выстроились три «русских» здания подряд: дом № 68 спроектирован Э.Л. Гиндпером и Н.Н. Емановым, дом № 70 – А.В. Куклиным, а № 72 – И.П. Томашевским⁹⁵.

Интерьерный дизайн и отделка: Подгурский, Шабает-Фирсов, Карсницкая, Лихонос. В мае 1925 г. крупнейшая американская газета Шанхая «Чайна Пресс» провела конкурс рисунков на обложку, приуроченный к годовщине Китайской Республики. В семерку финалистов вошли пятеро русских и двое китайских дизайнеров. Победителем стал Вениамин Леонтьевич Мамыш (1895–1984), которому достался приз в сто долларов и заказ на оформление праздничного октябрьского номера⁹⁶. Рисунок Мамыша изображал нагромождение подъемных кранов, лесов и стройматериалов на фоне шанхайской набережной, заключенное внутри китайского круглого фонаря на бамбуковом шесте. Покинув Россию в 1918 г., В.Л. Мамыш пять лет проработал чертежником в архитектурной фирме Palmer and Turner и десять лет в Шанхайском муниципалитете, после чего эмигрировал в Америку. Подобно ему, не менее 130 российских эмигрантов с инженерным, архитектурным и художественным образованием нашли себе применение в Китае в области прикладных искусств и дизайна⁹⁷. В Шанхае они были заняты в строительной, рекламной и издательской сферах, занимались дизайном интерьеров, фотографией, коллажем, созданием театральных декораций и костюмов, оформлением витрин и выставочных стендов.

Финалистом конкурса 1925 г. также стал Виктор Степанович Подгурский (1893–1969), чей рисунок уступил работе В.Л. Мамыша. Впоследствии Подгурский стал самым высокооплачиваемым художником-оформителем русского Шанхая и признанным авторитетом в области искусств. Внук польского аристократа, сосланного в Сибирь, В.С. Подгурский начал осваивать изобразительное искусство во Владивостоке, а в 1914–1918 гг. обучался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Прервав учебу из-за Гражданской войны, он вернулся во Владивосток и в 1918 г. эмигрировал в Китай. В Шанхае В.С. Подгурский устроился карикатуристом в газету, подрабатывая преподаванием рисунка и выставляя свои работы на городских вернисажах. Вскоре его мастерство заслужило признание иностранного сообщества, Подгурский вступил в престижный Арт-Клуб и стал в нем бессменным лектором, критиком и наставником по анатомии, наброску и натюрморту⁹⁸.

Интерьерные работы В.С. Подгурского располагались в самых престижных общественных зданиях Шанхая. В 1929 г. большое панно на тему театральных искусств украсило фойе кинотеатра «Капитоль». Для фойе отеля «Катэй» он создал серию фресок-вакханалий в псевдоитальянском стиле⁹⁹. Крупнейший заказ пришел к Подгурскому из Гонконга: художник разработал потолочную мозаику для нового здания Гонконгско-Шанхайского банка и в феврале 1935 г. отправился руководить ее сборкой. Мозаика общей площадью

⁹² Николаев А. Семейные хроники. М., 2002. С. 20.

⁹³ Полный список – на сайте «Архитектура русского Шанхая» [Электронный ресурс]. URL: <https://brs.russianshanghai.city/architects/a-k/e-l-gindper> (дата обращения: 10.10.2022).

⁹⁴ Yongfu Road.

⁹⁵ Полный список работ Дронникова и Томашевского – на сайте «Архитектура русского Шанхая» [Электронный ресурс]. URL: <https://brs.russianshanghai.city/architects/l-z/i-p-tomashevsky> (дата обращения: 10.10.2022).

⁹⁶ China Press. Шанхай, 1925. 17 мая.

⁹⁷ Лебедева Т.А. На перекрестке культур: Виктор Подгурский – художник и педагог // Искусство Восточной Европы. 2014. № 2. С. 392.

⁹⁸ North-China Herald. Шанхай, 1934. 17 янв.

⁹⁹ North-China Herald. Шанхай, 1928. 11 февр.; China Press. Шанхай, 1931. 6 нояб.

более 370 квадратных метров содержала пятьдесят человеческих фигур в полный рост, а также изображения животных, механизмов и средств транспорта. Цилиндрическая центральная композиция изображала эволюцию человеческого труда от древних времен до наших дней с разделением на западный и восточный пути прогресса¹⁰⁰. Вернувшись в Шанхай, Подгурский стал создателем скульптурного бюста поэта А.С. Пушкина, увенчавшего монумент, разработанный совместно архитекторами В.Ф. Ливиним-Гольденшtedтом и Э.М. Граном.

Сооружение главного общественного здания во Французской концессии – Французского клуба по проекту студии Leonard & Veysseyre – стало прекрасной возможностью для раскрытия талантов русских скульпторов и дизайнеров. Вклад архитектора Л.Н. Пашкова в общий дизайн интерьеров клуба положительно отметила пресса¹⁰¹. Художник В.С. Подгурский создал серию цветных витражных окон, а художник-иконописец Ступин – абстрактную роспись в торцах залов (рис. 6)¹⁰². Скульптор В.А. Шабаев-Фирсов был ответственен за скульптурное оформление интерьеров, в частности рельефное обрамление каминов и изготовление изящных кариатид, увенчавших колонны в фойе второго этажа. После открытия клуба в феврале 1926 г. журналисты с восторгом описывали интерьерные решения русских декораторов: «Трудно определить, что больше достойно восхищения – яркие цветные творения г-на Ступина или кариатиды на колоннах из зеленого мрамора работы г-на Шабаева»¹⁰³. В наши дни после многочисленных модификаций здания рельефные кариатиды на колоннах являются одним из немногих сохранившихся элементов оригинального декора.

Валентин Александрович Шабаев-Фирсов (1891–1978) родом из Белоомута, получил образование в Петрограде и Москве, где изучал искусство византийского периода.

Пробыв в Шанхае несколько лет, в 1929 г. скульптор переехал в Монреаль (Канада), где обрел известность как автор рельефных панелей, украсивших фойе городского вокзала и отеля «Ванкувер», а также многочисленных объектов прикладного искусства. Вспоминая шанхайский период работы, Шабаев-Фирсов упоминал украшение фасада Таможенного Союза, выстроенного на набережной Банд в 1927 г.¹⁰⁴

Среди немногочисленных женщин в оформительской профессии была скульптор Изабелла Антоновна Карсницкая (1902–?), к которой успех пришел в молодом возрасте. Приехав в Шанхай, она вместе с мужем поступила на работу в крупнейшую дизайн-компанию Arts and Crafts. Ее скульптурные работы с успехом выставлялись на шанхайских вернисажах наравне с работами руководителя компании англичанина Уильяма Уагстаффа. Бронзовые барельефы работы И.А. Карсницкой украсили памятник героям Первой мировой войны, который открылся на Банде в феврале 1924 г. В том же году совместно с У. Уагстаффом она работала над созданием многофигурной скульптурной композиции (Эрос, Гермес и Афродита), которая увенчала башню с часами на Городском почтамте.

Рис. 6. Роспись на стенах игрового зала Французского клуба

¹⁰⁰ North-China Daily News. Шанхай, 1935. 6 февр.

¹⁰¹ China Press. Шанхай, 1926. 29 янв.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ North-China Herald. Шанхай, 1926. 6 февр.

¹⁰⁴ Ayre R. Introducing Valentin Shabaeff // Canadian Art Magazine. 1947. Vol. 5, No. 2. P. 80–83.

Согласно альманahu В.Д. Жиганова, Карсницкая создала сотни бюстов и бронзовых барельефов¹⁰⁵. Среди ее наиболее резонансных работ – памятник русским торговцам мануфактурой, погибшим от рук бандитов в китайской провинции в 1925 г., установленный на их братской могиле на кладбище Пасенжао¹⁰⁶. Статуя в натуральную величину изображала согнувшегося под ношей купца с посохом в одной руке и с шапкой в другой; фигура стояла, опершись на колено, словно отдыхая перед подъемом в гору¹⁰⁷. В 1932 г. И.А. Карсницкая в сотрудничестве с харбинским скульптором В.В. Бильяни занималась скульптурными работами в строящемся Свято-Николаевском храме по проекту А.И. Ярона¹⁰⁸. Очевидно, Карсницкая была также талантливой шахматисткой: в январе 1933 г. она выиграла партию у мирового чемпиона А.А. Алехина, находящегося с визитом в Шанхае; впоследствии она изготовила его скульптурный бюст, отлила в серебре и подарила маэстро¹⁰⁹. Помимо творческой работы, И.А. Карсницкая преподавала во Французском муниципальном колледже. После 1939 г. предположительно она переехала в Гонконг¹¹⁰.

На страницах иллюстрированного альманаха «Русские в Шанхае», составленного в 1931–1935 гг., автор В.Д. Жиганов выражает сожаление, что высокое искусство живописи теряет популярность от того, что шанхайская публика увлекается отделкой квартир в стиле модерн и ограничивается покупкой «окантованных фотографических снимков»¹¹¹. Однако многогранная и плодотворная карьера художника, скульптора и дизайнера Якова Лукича Лихоноса (1891–1942) доказывает, что российские художники могли быть одновременно успешными и коммерчески, и на стезе высокого искусства. Уроженец Таганрога Лихонос получил образование на платных курсах Школы Императорского общества поощрения художеств в Петербурге. Пройдя Первую мировую и Гражданскую войны, в 1923 г. он прибыл в Шанхай и вскоре был замечен на выставке 1925 г., где выставлялись также Карсницкая и Подгурский¹¹². Одновременно с развитием художественной карьеры Лихонос создал студию Lehonos Art Co., которая выполняла витражные панно, роспись стен и скульптурные украшения. В числе его ранних заказов – рельефная панель со львами для обрамления входа в китайский военно-морской департамент и литые грифоны, установленные на пьедесталах перед отелом «Мажестик»¹¹³.

Оформительский талант Я.Л. Лихоноса был востребован благодаря зарождающейся киноиндустрии и строительству кинотеатров. Созданные им витражи для кинотеатра «Изис» были признаны «самыми необычными в Шанхае»: на них разыгрывались сцены с участием Ромео и Джульетты, Дон Кихота и Маргерит де Ля Рок. Фойе кинотеатра украсили панно с изображениями богини Изис и муз-покровительниц искусств¹¹⁴. Для «Гранд-театра», перестроенного из кабаре в кинотеатр венгерским архитектором Ч.Г. Гондой, Лихонос расписал фресками стены зала, создал рельефный фриз над авансценой, а также позолотил колонны и стены в фойе¹¹⁵. Модернистские скульптуры высотой 2,5 м разместились в нишах на фасаде многоквартирного дома «Денис» по заказу китайского промышленника Дениса Чэна: они олицетворяли Прогресс, Коммерцию, Экономиию и Индустрию¹¹⁶. Фрески, панно и рельефы Лихоноса украшали шанхайские отели, апартаменты и частные резиденции.

¹⁰⁵ Жиганов В. Д. Русские в Шанхае... С. 144.

¹⁰⁶ North-China Daily News. Шанхай, 1928. 20 окт.

¹⁰⁷ North-China Herald. Шанхай, 1937. 1 дек.

¹⁰⁸ Крадин Н.П. Русские художники в Китае (236 персоналий) // История и культура Приамурья, 2012. № 2 (12). С. 72.

¹⁰⁹ North-China Herald. Шанхай, 1933. 8 февр.; Штейн Э. Художники русского Китая, ХЛАМ и «Понедельник» (Иконография) // Новый журнал. 1998. № 213. С. 215.

¹¹⁰ Крадин Н.П. Русские художники в Китае... С. 72.

¹¹¹ Жиганов В.Д. Русские в Шанхае... С. 143.

¹¹² China Press. Шанхай, 1925. 25 апр.

¹¹³ Там же. 1926. 12 сент.

¹¹⁴ North-China Daily News. Шанхай, 1927. 13 окт.

¹¹⁵ China Press. Шанхай, 1928. 16 дек.

¹¹⁶ Там же. 1930. 6 апр.

Несмотря на большую востребованность, художник много путешествовал по Китаю, привозя из поездок пейзажные и городские зарисовки для шанхайских вернисажей.

Единственный полномасштабный архитектурный проект Я.Л. Лихоноса является также самым крупным памятником шанхайской русской диаспоре – это Кафедральный собор во имя иконы Божьей Матери «Споручницы всех грешных»¹¹⁷. Первоначальный проект, разработанный Л.Н. Пашковым, представлял собою храм во владими́ро-суздальском стиле вместимостью до 750 молящихся, увенчанный девятью большими куполами¹¹⁸. Однако строительство, запланированное еще в 1927 г., было сопряжено с бюрократическими трудностями и задержками финансирования. После ряда кадровых перестановок в церковном руководстве и полного выкупа участка был одобрен проект Лихоноса, который предусматривал здание вместимостью до 2 500 молящихся. Закладка краеугольного камня состоялась в мае 1933 г., первая стадия строительных работ завершилась к весне 1934 г.¹¹⁹ (рис. 7).

В возведении Собора участвовала вся профессиональная и коммерческая элита русского Шанхая. Владелец строительной конторы А.А. Рейер безвозмездно осуществил работы по забиванию свай и сооружению фундамента, представители коммерческих фирм активно жертвовали средства, инженер А.И. Госс взял на себя электрическое оснащение и кровельные работы. Помимо Я.Л. Лихоноса, в техническом совете состояли архитекторы и инженеры В.А. Федоров, А.В. Кузнецов, Ю.А. Юрьев и др.¹²⁰ В процессе работы архитектор сблизился с шанхайским епископом Иоанном Максимовичем и сопровождал последнего в поездках по северу Китая, изучая особенности местных православных церквей¹²¹.

В интервью корреспонденту «Шанхайской зари» Я.Л. Лихонос ответил на вопрос о происхождении архитектурного проекта Собора: «Храм не является образцом и подобием какого-либо определенного храма древнего зодчества, – в нем, скорее, начало собирательное, так как ставилась задача дать характерное выражение о подлинном наиболее ярком и наиболее ценном древнем зодчестве. Прообразами этого храма является Юрьевский собор в Великом Новгороде, своим абрисом он напоминает храм Христа Спасителя в Москве. В основе сооружения была мысль о России, не о какой-либо губернии, а обо всей нашей родине – необъятно великой и дорогой русскому сердцу»¹²². Здание было завершено в апреле 1937 г.¹²³, но доработка, косметический ремонт и перестройка иконостасов велись в тяжелые годы оккупации. Я.Л. Лихонос не дождал до окончания Тихоокеанской войны: он скончался от тифа в августе 1942 г.

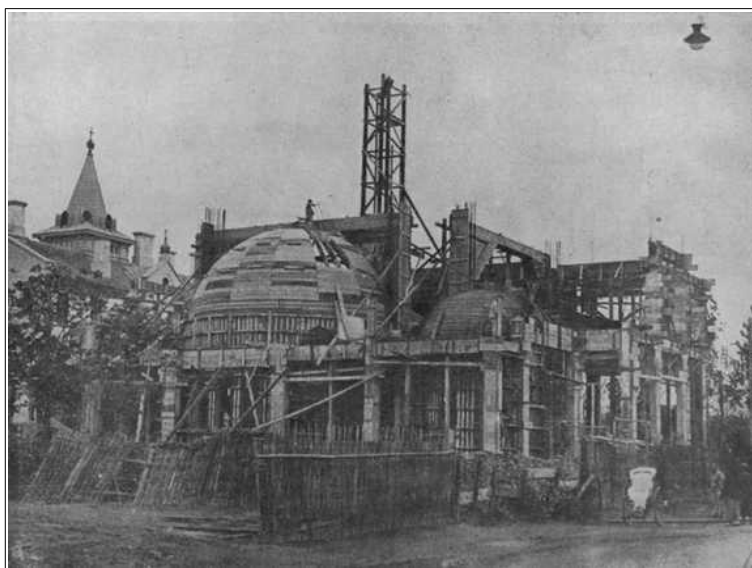

Рис. 7. Кафедральный собор на стадии строительства. Слева виден Архиерейский дом. The Builder. Шанхай, 1934. Вып. 2, № 3

¹¹⁷ Адрес: 50 Xinle Road.

¹¹⁸ Шаронова В.Г. Когда звонят пустые колокольни... С. 56.

¹¹⁹ Там же. С. 60.

¹²⁰ Жиганов В. Д. Русские в Шанхае... С. 142.

¹²¹ Шаронова В.Г. Когда звонят пустые колокольни... С. 60.

¹²² Шанхайская заря. Шанхай, 1934. 3 апр. Прочитано по: Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М., 2015. С. 366.

¹²³ China Press. Шанхай, 1937. 12 апр.

Карьера после повторной эмиграции и репатриации: Засыпкин, Дронников, Томашевский. Большинство российских эмигрантов рассматривали Шанхай как временную остановку перед возвращением в Россию или переездом на Запад. Но до тех пор пока в Шанхае существовали возможности для профессиональной самореализации, лишь немногие решались на отъезд из Китая. Тем не менее к концу 1930-х гг. угроза японского продвижения из Манчжурии на юг начала побуждать специалистов на отъезд из Китая. Так, инженер Г.С. Борисоглебский поменял имя на George Boris и в 1938 г. переехал в Австралию, где много лет прослужил гражданским инженером в муниципалитете Канберры¹²⁴.

Японское вторжение в Шанхай в августе 1937 г. началось с авиационных бомбардировок окраин города. Среди разрушенных кварталов в районе порта оказалась студия В.А. Засыпкина, где утратились все его работы. До переезда в Шанхай в 1929 г. Василий Адрианович Засыпкин (1886–1941) был популярным живописцем в Харбине, принимавшим заказы в том числе от японского правительства. В Шанхае он развивал преподавательскую карьеру, его студентами были живописец В.А. Третчиков и графический дизайнер А.А. Ярон (младший сын архитектора А.И. Ярона). По собственному утверждению, в Шанхае В.А. Засыпкин участвовал в оформлении интерьеров кинотеатра «Гранд» и «Парк-отеля» по проектам Л. Худеца и выполнял архитектурные рисунки для других проектов венгерского архитектора¹²⁵. Для Свято-Николаевского храма он написал фигуры двенадцати апостолов под центральным куполом¹²⁶. Вскоре после утраты своей шанхайской студии Засыпкин переехал в Сингапур. Там он преподавал изобразительное искусство, возродил и возглавил Арт-Клуб и выполнил самый крупный проект своей карьеры – интерьерный дизайн культурно-развлекательного комплекса «Катэй»¹²⁷.

После снятия японской оккупации Шанхая осенью 1945 г. возросла угроза перехода власти в Китае к коммунистам, и русская диаспора начала разъезжаться. При выборе страны для переезда архитекторы, инженеры и дизайнеры имели преимущество как универсально востребованные специалисты. Многим удалось переехать в демократические страны и выстроить успешную карьеру. В 1947 г. Б.В. Кривош переехал в Сантьяго, Чили, где владел отелем и проектировал социальное жилье¹²⁸. Н.Н. Еманов переехал в Бразилию в 1948 г. Его коллега, инженер Н.М. Неклюдов, в 1949 г. переселился в Сан-Франциско. Архитектор В.Ф. Ливин-Гольденштедт в 1956 г. обосновался в Нью-Йорке. Архитектор Г.В. Рабинович переехал в Израиль в 1949 г. Он стал автором синагоги для русских евреев из Китая в Тель-Авиве, направив на проект средства от продажи китайским властям здания синагоги на рут Тенант де ля Тур. Архитектор Э.М. Гран в 1948 г. переехал в Калифорнию, а оттуда в Нью-Йорк. В должности архитектора и директора по интерьерам международной сети «Хилтон» он возвел 45 отелей по всему миру, а незадолго до своей смерти в 1969 г. стал вице-президентом компании¹²⁹.

Эмиграция из Китая подчас шла не по плану. Архитектор Абрам Борисович Радбиль (1866–1954), автор многочисленных зданий в Харбине, перестроивший особняк на авеню Фош для шанхайского Русского клуба, умер в возрасте 88 лет на пути из Гонконга в Швейцарию¹³⁰. Попытки А.В. Куклина эмигрировать в Бразилию или в Австралию через Гонконг оказались unsuccessfulными, и он с семьей репатриировался в СССР, где впоследствии возводил здания в Одессе и публиковал исследования¹³¹.

¹²⁴ Leonard John W., Scott Downs Winfield, Lewis M. (M.). Who's who in Engineering: A Biographical Dictionary of the Engineering Profession. New York, 1954. P. 245.

¹²⁵ New Singapore School of Art. Painting, Sculpture and Modelling // Sunday Tribune (Singapore). 1937. 10 October. P. 13.

¹²⁶ Жиганов В.Д. Русские в Шанхае... С. 45.

¹²⁷ People & Places // Morning Tribune. Singapore. 1939. December 6. P. 6.

¹²⁸ Norambuena C., Ulianova O. Rusos En Chile. Santiago, 2009. P. 392.

¹²⁹ TWA Skyliner Magazine. 1969. Vol. 32, No. 5. 10 March. P. 6.

¹³⁰ Personal file of KEMPNER, VERA [Электронный ресурс]. URL: https://collections.arolsen-archives.org/en/archive/3-2-3-2_03020302-008-273 (дата обращения: 11.12.2022).

¹³¹ Куклина А.А. Памяти моего отца А.В. Куклина // Политехник. Сидней, 2004. № 16. С. 257–258; Personal file of KOOKLIN, ALEKSANDER [Электронный ресурс]. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/en/document/81594320> (дата обращения: 14.01.2022).

Решающее значение для дальнейшей карьеры имел выбор между отъездом на Запад и репатриацией в СССР. Архитектор В.Н. Дронников в 1947 г. переехал в Гонконг, где в составе швейцарской фирмы Minutti and Partners строил многоэтажные дома, коттеджи и фабрики¹³². Переехав впоследствии в Сан-Франциско, В.Н. Дронников дожил до 87 лет. Его последний проект – небольшой православный храм в современном стиле – датируется 2000 годом¹³³. Архитектор И.П. Томашевский в 1948 г. выбрал репатриацию в СССР, где его карьера сложилась менее блестяще. Поселившись в Красноярске, он продолжил работать по профессии и в 1953 г. вступил в Союз советских архитекторов. Однако все его проекты, реализованные в Сибири и на Дальнем Востоке, относились к разряду промышленных и транспортных объектов, весьма далеких от обширных бюджетов и дорогих материалов, с которыми он работал в Шанхае¹³⁴. Томашевский умер в возрасте 61 года. В том же возрасте умер и архитектор Н.К. Соколовский, который переехал в Ташкент.

Проектировщик Игорь Сергеевич Пакидов (1906–1998), долгие годы проработавший в английской фирме Spence, Robinson and Partners, в 1936 г. принял советское гражданство и был активным членом Общества граждан СССР. В 1946 г. он отправил в Советский Союз двенадцатилетнего сына, которого поместили в детдом; самому И. С. Пакидову удалось добиться репатриации лишь через 8 лет. Сохранилось письмо Пакидова в Кустанайский трест зерносовхозов с просьбой принять его на должность архитектора или проектировщика¹³⁵.

В СССР многие выходцы из Шанхая испытывали не только стесненные бытовые условия и непривычный режим работы, но и репрессии со стороны советских карательных органов. Художник В.С. Подгурский с женой обосновались в Казани, где им пришлось пережить арест и тюремное заключение сына. Творческие достижения Подгурского оставались неизвестными широкой публике вплоть до его смерти в 1969 г. Однако ему удалось передать свое художественное восприятие студентам Казанского художественного училища и привить им вкус к мировым шедеврам живописи благодаря коллекции книг по зарубежному искусству, вывезенной из Китая¹³⁶. Художник-оформитель Вера Емельяновна Кузнецова (1904–2005) провела пять лет в лагерях, прежде чем смогла воссоединиться с мужем, художником М.А. Кичигиным, которому удалось избежать ареста. Архитектор Всеволод Александрович Киркор (1901 – после 1952), работавший под псевдонимом William A. Kirk и создавший несколько крупных зданий в Шанхае и Тяньцзине, работал конструктором на Кировградском медеплавильном заводе в Свердловской области. В 1951 г. его арестовали и заключили в исправительно-трудовой лагерь на десять лет¹³⁷.

Неответченные вопросы и перспективы исследования. Работа по установлению авторства и популяризации русского архитектурного наследия в Шанхае далека от завершения. В районах Французской концессии и Международного сэттльмента по сей день остаются неизученными десятки зданий, близких по стилю к «карликовым домам» И.П. Томашевского и к работам других русских архитекторов. В профессиональных биографиях эмигрантов остается много пробелов. Известно, что в 1919–1925 гг. известный петербургский художник и зодчий Александр Сергеевич Хренов (1860–1928) трудился в шанхайском архитектурном бюро и спроектировал несколько зданий, но неизвестно, каких именно¹³⁸. В распоряжении исследователей имеется лишь фотография из семейного архива, датированная 1921 г., на которой Хренов снят на балконе собственного четырехэтажного

¹³² Полный список работ Дронникова – на сайте «Архитектура русского Шанхая» [Электронный ресурс]. URL: <https://brs.russianshanghai.city/architects/a-k/v-n-dronnikoff> (дата обращения: 10.10.2022).

¹³³ Документы в коллекции Русского музея в Сан-Франциско.

¹³⁴ Слабуха А.В. Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX – начало XXI века. М., 2004. С. 130.

¹³⁵ «Прими, родина, вернувшемуся сына». Биография Игоря Сергеевича Пакидова [Электронный ресурс]. URL: http://kostanay1879.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5630&Itemid=51 (дата обращения: 07.01.2023).

¹³⁶ Ахметова Д.И. Игорь Вулох. Эволюция Белого [Электронный ресурс]. URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/city_walks/kazan/painters_in_kazan/igor_vuloh_evolyuciya_belogo/index.php (дата обращения: 21.09.2021).

¹³⁷ Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Том четвертый. [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2003 URL: <https://raaoco.рф/?p=3663> (дата обращения: 03.12.2022).

¹³⁸ Крадин Н.П. Русские художники в Китае... С. 129.

особняка на рут Фергюсон¹³⁹. Дальневосточный инженер-архитектор Владимир Александрович Федоров (1880 – после 1941) создал более двухсот построек в Приморском крае в 1906–1916 гг., включая здание японского консульства во Владивостоке¹⁴⁰. После эмиграции в Китай в 1930-х гг. он работал в шанхайской архитектурной студии Calatroni, Hsieh and Co., которая создала ряд многоквартирных домов и комплексов¹⁴¹. Вклад Федорова в проекты фирмы неизвестен, лишь здание «Дюфур Апартаментс» достоверно закреплено за ним¹⁴².

Архитектор Иосиф Юльевич Левитин (1883 – после 1945), более десяти лет руководивший городским строительством в Харбине, переехал в Шанхай в 1930 г. и открыл собственную студию. В 1931 г. шанхайская пресса подробно осветила харбинские проекты Левитина и привела его доклад о необходимости возводить кооперативные квартиры по американскому образцу¹⁴³. До настоящего момента известно лишь об одной работе И.Ю. Левитина в Шанхае – это перестройка нижнего этажа жилого здания «Вашингтон» под торговые помещения в 1941 г.¹⁴⁴ Судьба архитектора неизвестна; в 1951 г. его взрослые сын и дочь покинули Китай через Гонконг.

После прихода к власти Коммунистической партии Китая в 1949 г. и позднее, во время Культурной революции (1966–1976 гг.), иностранные здания, памятники и кладбища Шанхая подверглись разграблению, перестройке и сносу. Больше всего пострадали интерьеры и наружный декор: фасады упростились, лепнина и скульптуры исчезли. Утрачены практически все интерьерные работы Я.Л. Лихоноса и В.С. Подгурского, от них остались только черно-белые снимки в прессе. Утрачен памятник русским купцам и бронзовые рельефы работы И.А. Карсницкой. Полная перестройка уничтожила следы былого предназначения в синагоге на рут Тенант де ля Тур. Закрашены и стерты иконы и роспись на стенах православных храмов, уничтожены фрески и мозаики в общественных зданиях и квартирах.

Согласно подсчету и анализу сохранившихся в Шанхае архитектурных объектов русского наследия, не менее 80 работ архитекторов и инженеров-эмигрантов по сей день украшают центр города (рис. 8). Они являются неотъемлемыми и зачастую ключевыми элементами исторической застройки, определяя облик улиц, перекрестков и целых кварталов. Наиболее известными являются два православных храма, однако и светские постройки весьма многочисленны и гармонично вписаны в исторический ландшафт¹⁴⁵. К русским объектам также может быть причислен Дворец советско-китайской дружбы (1955 г.) в стиле сталинского ампира, созданный московскими архитекторами В.С. Андреевым и К.Д. Кисловой при участии И.А. Ярона¹⁴⁶. Высокая значимость русского архитектурного наследия в городском ландшафте – убедительное свидетельство профессионализма и самодостаточности русской эмиграции в Шанхае, а также признак актуальности исследований российского наследия в Китае.

¹³⁹ Architect A. Krenov's residence, from 100 years ago [Электронный ресурс] // Katya Knyazeva's Scrapbook. Shanghai history and architecture. URL: <https://avezink.livejournal.com/337833.html> (дата обращения: 23.12.2022). Адрес: 392 Wukang Road.

¹⁴⁰ Толкачёва А.А. Профессиональная деятельность гражданского инженера Владимира Александровича Федорова // Архитектон: известия вузов. 2018. № 2 (62). С. 199–208.

¹⁴¹ Полный список – на сайте «Архитектура русского Шанхая» [Электронный ресурс]. URL: <https://brs.russianshanghai.city/architects/a-k/w-a-fedoroff> (дата обращения: 04.01.2023).

¹⁴² The Chinese Architect. No. 25, 1936. P. 75. Адрес: 176 South Wulumuqi Road.

¹⁴³ China Press. Шанхай, 1931. 29 окт.

¹⁴⁴ Zheng S. The Evolution of Shanghai Architecture... P. 499.

¹⁴⁵ Полный список с обновлениями – на сайте «Архитектура русского Шанхая» [Электронный ресурс]. URL: <https://brs.russianshanghai.city/buildings> (дата обращения: 04.01.2023).

¹⁴⁶ Искусство и архитектура русского зарубежья [Электронный ресурс]. URL: <https://artz.ru/menu/1804656749/1805099645.html> (дата обращения: 13.10.2022). Адрес: 1000 Middle Yan'an Road.

Рис. 8. Карта современного Шанхая с выделенной серым Французской концессией и маркерами, указывающими расположение зданий, созданных русскими архитекторами. На основе Google My Maps

Литература

- Базилевич М.Е., Крадин Н.П. Творческая деятельность архитектора Владимира Карловича Гольденштедта (Ливина) во Владивостоке // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2015. Т. 1, № 1 (21). С. 106–110.
- Волегов В.П. Александр Сергеевич в Шанхае // Revue Russe. 1999. № 16. С. 35–37.
- Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. Шанхай: Слово, 1936. 330 с.
- Князева Е.С. Богоявленский храм в Шанхае – основа русского поселения в 1903–1932 годах // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (9).
- Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск: Издатель Хворов А.Ю., 2001. 352 с.
- Крадин Н.П. Русские художники в Китае (236 персоналий) // История и культура Приамурья. 2012. № 2 (12). С. 40–136.
- Крадин Н.П. Русские инженеры и архитекторы в Китае. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2018. 380 с.
- Куклина А.А. Памяти моего отца А.В. Куклина // Политехник. Сидней, 2004. № 16. С. 257–258.
- Лебедева Т.А. На перекрестке культур: Виктор Подгурский – художник и педагог // Искусство Восточной Европы. 2014. № 2. С. 391–399.
- Левашко С.С. Архитектор А.И. Ярон и его храм-памятник Николаю II в Шанхае // Россия и АТР. 2002. № 4 (38). С. 97–110.
- Левашко С.С. Европейская и дальневосточная ветви русской архитектурной эмиграции: параллели и контрасты // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 307–317.
- Масленникова Д.С. Архитектура русских церквей в Китае // Архитектура и строительство России. 2007. № 7. С. 11–26.

- Николаев А. Семейные хроники. М.: Экспериментальная типография, 2002. 102 с.
- Сидоркин Л.В. Высший технический центр в Шанхае // Русские в Китае. 1995. № 4. С. 4–5.
- Слабуха А.В. Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX – начало XXI века. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 422 с.
- Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь русского Китая. М.: Молодая гвардия, 2006. 376 с.
- Толкачёва А.А. Профессиональная деятельность гражданского инженера Владимира Александровича Федорова // Архитектон: известия вузов. 2018. № 2 (62). С. 199–208.
- Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 360 с.
- Черникова Л.П. «Землю под фундамент привезли с родины»: очерк истории Генерального консульства России в Шанхае в 1890-е – 1927 гг. // Общество и государство в Китае. 2013. Т. 43, № 2. С. 186–210.
- Шаронова В.Г. Когда звонят пустые колокольни // Журнал Западно-Американской Епархии «Весна духовная». Сан-Франциско. 2013. № 2. С. 49–60.
- Шаронова В.Г. Когда звонят пустые колокольни // Журнал Западно-Американской Епархии «Весна духовная». Сан-Франциско. 2014. № 1. С. 50–57.
- Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 510 с.
- Шаронова В.Г. Свято-Николаевский Храм в Шанхае – Русский памятник Страдания, Любви и Веры // Клио. 2021. № 04 (172). С. 81–93.
- Щербаков М. В. Одиссеи без Итаки. Владивосток: Рубеж, 2011. 480 с.
- Штейн Э. Художники русского Китая, ХЛАМ и «Понедельник» (Иконография) // Новый журнал. 1998. № 213. С. 213–228.
- Ayre R. Introducing Valentin Shabaeff // Canadian Art Magazine. 1947. Vol. 5, No. 2, pp. 80–83.
- Cranley W.P. Still More Shanghai Walks. Hong Kong: Old China Hand Press, 2011. 132 p.
- Johnston T., Erh D. Shanghai Art Deco. Hong Kong: Old China Hand Press, 2006. 128 p.
- Krasno R. History of Russian Jews in Shanghai // From Kaifeng to Shanghai: Jews in China. Nettetal: Steyler Verlag, 2001. 706 p.
- Leonard John W., Scott Downs Winfield, Lewis M. (M.). Who's who in Engineering: A Biographical Dictionary of the Engineering Profession. New York: Lewis Historical Publishing Company, 1954. 2861 p.
- Leonardo Perez A. Abelardo Lafuente García-Rojo (1871–1931), un arquitecto español en China. Alcalá: Universidad di Alcalá, 2019. 789 p.
- Nellist G.F. Men of Shanghai and North China: A Standard Biographical Reference Work. Shanghai: Oriental Press, 1933. 516 p.
- Norambuena C., Ulianova O. Rusos En Chile. Santiago: Ariadna Ediciones, 2009. 448 p.
- Ristaino M.R. Port of Last Resort: Diaspora Communities of Shanghai. Stanford: Stanford University Press, 2003. 392 p.
- Shanghai Directory. Shanghai: North-China Daily News and Herald, 1925–1941.
- Zheng S. The Evolution of Shanghai Architecture in Modern Times. New edition. Shanghai: Tongji University Press, 2020. 537 p.

References

- Ayre, R. (1947). Introducing Valentin Shabaeff. In *Canadian Art Magazine*. Vol. 5, No. 2, pp. 80–83.
- Bazilevich, M.E., Kradin, N.P. (2015). Tvorcheskaya deyatelnost arkhitekora Vladimira Karlovicha Goldenshteda (Livina) vo Vladivostoke [Activities of the Architect Vladimir Goldenstaedt (Livin) in Vladivostok]. In *Uchenye zapiski Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Vol. 1, No. 1 (21), pp. 106–110.

Chernikova, L.P. (2013). “Zemlyu pod fundament privezli s rodiny”: ocherk istorii Generalnogo konsulstva Rossii v Shankhae v 1890-e–1927 gg.” [“The Earth for the Foundation Was Brought from Home”: History of the Russian Consulate General in Shanghai, 1890–1927]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Vol. 43, No. 2, pp. 86–210.

Cranley, W.P. (2011). *Still More Shanghai Walks*. Hong Kong, Old China Hand Press. 132 p.

Johnston, T., Erh, D. (2006). *Shanghai Art Deco*. Hong Kong, Old China Hand Press. 128 p.

Khisamutdinov, A.A. (2002). *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae: opyt entsiklopedii* [Russian Diaspora in China: A Tentative Encyclopedia]. Vladivostok, Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta. 360 p.

Knyazeva, E.S. (2022). Bogoyavlenskiy khram v Shankhae – osnova rossiyskogo poseleniya v 1903–1932 godakh [The Church of the Epiphany as the Foundation of the Russian Settlement in Shanghai, 1903–1932]. In *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii*. No. 1 (9).

Kradin, N.P. (2001). *Kharbin – russkaya Atlantida* [Harbin, the Russian Atlantis]. Khabarovsk, Izdatel Khvorov A.Yu. 352 p.

Kradin, N.P. (2012). Russkie khudozhniki v Kitae (236 personaliy) [Russian Artists in China. 236 Biographies]. In *Istoriya i kultura Priamurya*. No. 2 (12), pp. 40–136.

Kradin, N.P. (2018). *Russkie inzhenery i arkhitektory v Kitae* [Russian Engineers and Architects in China]. Khabarovsk, Khabarovskaya kraevaya tipografiya. 380 p.

Krasno, R. (2001). History of Russian Jews in Shanghai. In *From Kaifeng to Shanghai: Jews in China*. Nettetal, Steyler Verlag. 706 p.

Kuklina, A.A. (2004). Pamyati moego ottsa A.V. Kuklina [In the Memory of My Father A.V. Kooklin]. In *Politekhnik*. Sidney. No. 16, pp. 257–258.

Lebedeva, T.A. (2014). Na perekrestke kultur: Viktor Podgurskiy – khudozhnik i pedagog [At the Crossroads of Cultures: Victor Podgoursky, Artist and Educator]. In *Iskusstvo Vostochnoy Evropy*. No. 2, pp. 391–399.

Leonard, J.W., Winfield, S.D., Lewis, M. (M.). (1954). *Who's Who in Engineering: A Biographical Dictionary of the Engineering Profession*. New York, Lewis Historical Publishing Company. 2861 p.

Leonardo Perez, A. (2019). *Abelardo Lafuente García-Rojo (1871–1931), un arquitecto español en China*. Alcalá, Universidad di Alcalá. 789 p.

Levoshko, S.S. (2002). Arkhitekt A.I. Yaron i ego khram-pamyatnik Nikolayu II v Shanhae [Architect A.J. Yaron and His Memorial Church of St. Nicholas in Shanghai]. In *Rossiya i ATR*. No. 4 (38), pp. 97–110.

Levoshko, S.S. (2008). Evropeyskaya i dalnevostochnaya vetvi russkoy arkhitekturnoy emigratsii: paralleli i kontrasty [European and Far-Eastern Branches of Architectural Emigration. Comparisons and Contrasts]. In *Izobrazitelnoe iskusstvo, arkhitektura i iskusstvovedenie russkogo zarubezhya*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, pp. 307–317.

Maslennikova, D.S. (2007). Arkhitektura russkikh tserkvey v Kitae [Architecture of Russian Churches in China]. In *Arkhitektura i stroitelstvo Rossii*. No. 7, pp. 11–26.

Nellist, G.F. (1933). *Men of Shanghai and North China: A Standard Biographical Reference Work*. Shanghai, Oriental Press. 516 p.

Nikolaev, A. (2002). *Semeynye khroniki* [Family Chronicles]. Moscow, Eksperimentalnaya tipografiya. 102 p.

Norambuena, C., Ulianova, O. (2009). *Rusos En Chile*. Santiago, Ariadna Ediciones. 448 p.

Ristaino, M.R. (2003). *Port of Last Resort: Diaspora Communities of Shanghai*. Stanford, Stanford University Press. 392 p.

Sharonova, V.G. (2013). Kogda zvonyat pustye kolokolni [The Ringing of Empty Steeples]. In *Spiritual Spring*. San-Francisco. No. 2, pp. 49–60.

Sharonova, V.G. (2014). Kogda zvonyat pustye kolokolni [The Ringing of Empty Steeples]. In *Spiritual Spring*. San-Francisco. No. 1, pp. 50–57.

Sharonova, V.G. (2015). *Istoriya russkoy emigratsii v Vostochnom Kitae v pervoy polovine XX veka* [History of the Russian Diaspora in East China in the First Half of the 20th Century]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 510 p.

Sharonova, V.G. (2021). Svyato-Nikolaevskiy Khram v Shankhae – Russkiy pamyatnik Stradaniya, Lyubvi i Very [Memorial Church of St. Nicholas in Shanghai: Monument to the Suffering, Love and Faith]. In *Klio*. No. 4 (172), pp. 81–93.

Shcherbakov, M.V. (2011). *Odissey bez Itaki* [Odyssey without Ithaka]. Vladivostok, Rubezh.

Shtein, E. (1998). Khudozhniki russkogo Kitaya, HLAM i Ponedelnik (Ikonografiya) [Artists of Russian China. HLAM and Ponedelnik, Iconography]. In *New Review*. No. 213, pp. 213–228.

Sidorkin, L.V. (1995). Vysshiiy tekhnicheskiy tsentr v Shankhae [The Higher Technical Centre in Shanghai]. In *Russkie v Kitae*. No. 4, pp. 4–5.

Slabukha, A.V. (2004). *Arkhitektory Prieniseyskoy Sibiri. Konets XIX – nachalo XXI veka* [Architects of Enisey Region of Siberia. From the Late 19th to the Early 21st Century]. Moscow, Progress-Traditsiya. 422 p.

Staroselskaya, N.D. (2006). *Povsednevnyaya zhizn russkogo Kitaya* [The Daily Life of Russian China]. Moscow, Molodaya gvardiya. 376 p.

Tolkacheva, A.A. (2018). Professionalnaya deyatelnost grazhdanskogo inzhenera Vladimira Aleksandrovicha Fedorova [Professional Activities of the Civil Engineer Vladimir Aleksandrovich Fedorov]. In *Arkhitekton: izvestiya vuzov*. No. 2 (62), pp. 199–208.

Volegov, V.P. (1999). *Aleksandr Sergeevich v Shankhae* [Aleksandr Sergeevich in Shanghai]. In *Revue Russe*. No. 16, pp. 35–37.

Zheng, S. (2020). *The Evolution of Shanghai Architecture in Modern Times. New edition*. Shanghai, Tongji University Press. 537 p.

Zhiganoff, V.D. (1936). *Russkie v Shankhae* [Russians in Shanghai]. Shanghai, Slovo. 330 p.

Е.П. Яковлева*

**МАНЬЧЖУРСКИЙ ПЕРИОД
В ЖИЗНИ ИСКУССТВОВЕДА Е.Б. ВАНДРОВСКОЙ**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-21
УДК 5.6.1+377+378+7+7.07-
05+7.072.2+929*Выходные данные для цитирования:*
Яковлева Е.П. Маньчжурский период в жизни искусствоведа Е.Б. Вандровской // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 256–272.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-21.pdf>

E.P. Yakovleva*

**THE MANCHURIAN PERIOD
IN THE LIFE OF ART HISTORIAN E.B. VANDROVSKAYA**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-21

How to cite:
Yakovleva E.P. The Manchurian Period in the Life of Art Historian E.B. Vandrovskaia // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 256–272.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-21.pdf>]

Abstract. The article, based on literary materials and documentary sources from the private archive (Republic of Kazakhstan), the Scientific Archive of the Russian Academy of Arts in St. Petersburg and the Foundation “Russian Emigrants in Manchuria” of the Khabarovsk Territory State Archive, is devoted to the Manchurian period in the life of Elena Borisovna Vandrovskaia (1922–2002) – a famous Kazakhstani art critic, museum worker and teacher. A descendant of representatives of the noble Russian surnames Tonkachev and Vandrovskaia, Elena Borisovna was born in Harbin and before her marriage in 1946. She lived in Manchuria, studied at the gymnasium and college of the KHSML (1929–1940). From 1946 she lived in the Soviet Union, until 1953 – in Leningrad, where she studied at the Faculty of Theory and History of Art of the Leningrad State Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin of the Academy of Arts of the USSR. After graduation, together with her husband, an artist, she went to Kazakhstan, with which her further half-century life was connected. Since 1953, E.B. Vandrovskaia worked at the Kazakh National Art Gallery named after T.G. Shevchenko (since 1976 – The State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan named after A. Kasteev) and the Alma-Ata Art School named after O. Tansykbayev (formerly the Alma-Ata Theater and Art School named after N.V. Gogol). The article introduces into scientific circulation many new facts related to the life of E.B. Vandrovskaia and her relatives in Manchuria in the in the first half of the 20th century, which had not previously been reflected in the literature on Russian-Chinese relations. Through the prism of historical events, the features of the formation and formation of the personality of the future art historian, who left a great mark in the culture, science and education of Kazakhstan, are shown.

Keywords: art historian Elena Vandrovskaia, hereditary nobles Vandrovskaia and Tonkachevs, Manchuria, Harbin, Mukden, gymnasium and college of the KHSML, Leningrad Institute named after I.E. Repin.

The article has been received by the editor on 12.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

---

* **Елена Пантелеевна Яковлева**, доктор искусствоведения, Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: avmonal@yandex.ru
Elena Panteleevna Yakovleva, Doctor of Art, Russian Institute of Art History, St. Petersburg, Russia, e-mail: avmonal@yandex.ru

Аннотация. Статья, основанная на литературных материалах и документальных источниках из частного архива (Республика Казахстан), Научного архива Российской академии художеств в Санкт-Петербурге и фонда «Российские эмигранты в Маньчжурии» Государственного архива Хабаровского края, посвящена маньчжурскому периоду в жизни Елены Борисовны Вандровской (1922–2002) – известного казахстанского искусствоведа, музейного работника и педагога. Потомок представителей дворянских российских фамилий Тонкачёвых и Вандровских, Елена Борисовна родилась в Харбине и до своего замужества (1946) проживала в Маньчжурии, училась в гимназии и колледже ХСМЛ (1929–1940). С 1946 г. жила в Советском Союзе, до 1953 г. – в Ленинграде, где училась на факультете теории и истории искусств Ленинградского государственного института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина Академии художеств СССР. После его окончания вместе с мужем-художником поехала в Казахстан, с которым была связана дальнейшая ее полувековая жизнь. С 1953 г. Е.Б. Вандровская работала в Казахской национальной художественной галерее им. Т.Г. Шевченко (с 1976 г. – Государственном музее искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева) и в Алма-Атинском художественном училище им. О. Тансыкбаева (ранее – Алма-Атинском театрално-художественном училище им. Н.В. Гоголя). В статье вводятся в научный оборот многие новые факты, связанные с жизнью Е.Б. Вандровской и ее родственников в Маньчжурии в первой половине XX в., ранее не получавшие отражения в литературе о российско-китайских отношениях. Сквозь призму исторических событий показаны особенности формирования и становления личности будущего искусствоведа, оставившего большой след в культуре, науке и просвещении Казахстана.

Ключевые слова: искусствовед Елена Вандровская, потомственные дворяне Вандровские и Тонкачёвы, Маньчжурия, Харбин, Мукден, гимназия и колледж ХСМЛ, Ленинградский институт им. И.Е. Репина.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023 г.

Рис. 1. Елена Борисовна Вандровская.
Алма-Ата. 1970-е гг.

Елена Борисовна Вандровская – известный казахстанский искусствовед, музейный работник и педагог – родилась 22 мая 1922 г. в Маньчжурии, в Харбине¹. Как железнодорожная станция Харбин основан в 1898 г. на землях Маньчжурии, на северо-востоке современной Китайской Народной Республики. Его основателями были русские поселенцы, строители южной ветки Транссибирской железнодорожной магистрали (1897–1903), проходившей по территории Маньчжурии и соединявшей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Согласно первоначальному замыслу, строительство Маньчжурской (с 1917 г. – Китайско-Восточной) железной дороги (КВЖД) было призвано способствовать укреплению Российской империи на Дальнем Востоке, осва-

иванию Сибири и противостоянию экспансии Японии в Корею и Китае. Однако захват Маньчжурии Японией, Русско-японская война 1904–1905 гг. и поражение в ней России не позволили осуществиться этим планам.

¹ Частный архив (Республика Казахстан). Выпись из Метрической книги Св. Николаевского кафедрального собора в г. Харбине, часть первая, о родившихся за 1922 год, выданная Харбинским Епархиальным советом. № 1196. 14 августа 1953 г.

Часть русскоязычных поселенцев, связанных со строительством Транссибирской магистрали, после поражения России в войне покинула Маньчжурию; другая часть, напротив, сосредоточилась в Харбине, где начиналась апробация новых форм «экономической деятельности, общественной жизни, межнационального общения»², открывались консульства Российской империи, США, европейских стран, а в 1907 г. появилась биржа, активизировавшая международную торговлю и развитие города. К 1908 г. Харбин из железнодорожного поселения превратился в полиэтничный город с собственным самоуправлением, в котором жили не только китайцы и русские, но и другие народы – выходцы из Российской империи, создававшие свои землячества, строившие свои церкви, кирхи, костелы, мечети, синагоги и пр. В городе работали русскоязычные учебные заведения: начальные, средние, профессиональные, а потом и высшие. В значительно меньшей степени обучение проходило на китайском и английском языках, а со временем преподавание в частных школах проводилось и на других языках – польском, латышском, татарском. На русском языке издавались газеты и журналы, работали театры, различные общества. В период «русского управления КВЖД», т.е. до 1923 г., Харбин, имевший внешнее сходство с другими российскими городами и даже называвшийся «русским городом на китайской территории», формально «частью Российской империи»³ не являлся; он становился все более привлекательным для российских и иностранных граждан (рис. 2).

Рис. 2. Вид Харбина. 1930-е гг.

Среди прибывших на поселение в Харбин в самом начале XX в. оказалась семья Тонкачёвых – потомственных дворян Рязанской губернии, представителей древнего касимовского рода золотоордынских князей⁴, как указано в архивных документах, русских по национальности⁵. В 1922 г. в Харбине Евгений Арсеньевич Тонкачёв (23.12.1871–1949?⁶) и его жена

² Кротова М.В. Феномен Харбина как полифоничного города // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2019. Т. 3, № 2. С. 750.

³ Там же. С. 751.

⁴ Информацию об известном дворянском роде касимовских татар Тонкачёвых (Тонкачевых) см. в сети Интернет: Пичугин-Викулов. Проза. Тонкачёво [Электронный ресурс] // История и политика. URL: <https://proza.ru/2022/01/09/495> (дата обращения: 12.03.2023), а также в ранее опубликованной научной статье: Акчурин М.М., Ишеев М.Р., Беляков А.В., Абдурахманов Т.А., Салихов Р.Р. Касимовские татары из рода Кыпчак // *Золотоордынское обозрение*. 2018. Т. 6, № 2. С. 312–341.

⁵ Научный архив Российской академии художеств в Санкт-Петербурге (НА РАХ в СПб). Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 3; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6852.

⁶ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6853. Российские мигранты в Маньчжурии // Государственный архив Хабаровского края [Электронный ресурс]. URL: <https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/53417> (дата обращения: 12.03.2023). Точные сведения о дате ухода из жизни Е.А. Тонкачёва неизвестны. Периодом 1935–1949 гг. ограничен пакет его документов, состоящий из 22 листов, в фонде Р-830 ГАХК: «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи; г. Харбин» (далее – Российские эмигранты в Маньчжурии) // ГАХК. [Электронный ресурс]. URL: https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/?PAGEN_1=2633 (дата обращения: 12.03.2023).

Дату рождения Е.А. Тонкачёва см.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6852. [Электронный ресурс]. URL: https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/53416/?sphrase_id=201577 (дата обращения: 12.03.2023).

Александра Аркадьевна Тихобразова⁷ стали дедом и бабушкой по материнской линии Елены Борисовны Вандровской⁸. В Маньчжурию Тонкачёвы прибыли с четырьмя маленькими детьми из Рязани⁹. Пятый – сын Борис – родился в 1907 г. уже в Харбине. Старшую дочь Надежду (08.07.1897–1982¹⁰), рожденную, по разным источникам, в Калуге в 1898 г.¹¹ или в Рязани «8 июля 1897 г.»¹², в Маньчжурию привезли родители в восьмилетнем возрасте. В начале 1920-х гг. она вышла замуж за потомственного дворянина Херсонской губернии Бориса Ивановича Вандровского¹³, а в мае 1922 г. у них родилась дочь Елена (рис. 3), при крещении названная в честь Святой равноапостольной царицы Елены Константинопольской¹⁴. Восприемниками при крещении были Александра Аркадьевна Тихобразова – бабушка новорожденной и девятнадцатилетний брат ее матери Александр Евгеньевич Тонкачёв (род. 1903)¹⁵.

Рис. 3. Семья Вандровских. Борис Иванович, Надежда Евгеньевна и Лена. Харбин. Фотография 1923 г. Частный архив (Республика Казахстан). Публикуется впервые

Крещение проходило 1 июня 1922 г. в Свято-Николаевском соборе (рис. 4) – первом православном приходском храме Маньчжурии, заложенном и строившимся, согласно древнерусской традиции, одновременно с будущим городом. Расположенный на центральной, круглой в плане Соборной площади, «чудный храм этот» возводился «в древневологд-

⁷ Фамилия, имя и отчество жены Е.А. Тонкачёва А.А. Тихобразовой известны по единственному документу – «Выписи из Метрической книги Св. Николаевского кафедрального собора в г. Харбине <...>» (Частный архив (Республика Казахстан)), в котором она упомянута как восприемница при крещении 1 июня 1922 г. Елены Вандровской. В связи с отсутствием на сайте «Российские эмигранты в Маньчжурии» (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6852) других документов, содержащих сведения о жене Е.А. Тонкачёва и матери их детей, можно предположить, что Александра Аркадьевна скончалась в период с конца 1920-х до середины 1930-х гг.

⁸ Частный архив (Республика Казахстан). Выпись из Метрической книги Св. Николаевского кафедрального собора в г. Харбине, часть первая, о родившихся за 1922 год, выданная Харбинским Епархиальным советом. № 1196. 14 августа 1953 г.; ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6852 [Электронный ресурс]. URL: https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/53416/?sphrase_id=201577 (дата обращения: 12.03.2023).

⁹ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 3; ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6852.

¹⁰ Дата смерти Надежды Евгеньевны Вандровской и годы жизни ее младшей сестры Зои Евгеньевны Тонкачёвой приводятся в настоящей статье согласно надписям на их надгробных памятниках на Алма-Атинском кладбище. Выражаю глубокую признательность Б.И. Стадникуку, сыну Е.Б. Вандровской, за предоставленные сведения. Даты рождения других членов семьи Тонкачёвых заимствованы из материалов фонда «Российские эмигранты в Маньчжурии» (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6852), хотя в ряде случаев они требуют уточнения.

¹¹ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 25.

¹² ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6852.

¹³ «Выпись из Метрической книги Св. Николаевского кафедрального собора в г. Харбине <...>»; НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 3, 25.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

ском стиле»¹⁶ из рубленых бревен-карандашей, доставленных из Канады. Собор красиво возвышался над Харбином, «издали сверкая своими золочеными крестами»¹⁷. Его «шатровая архитектурная композиция»¹⁸ еще более усиливала доминирование собора в окружающем пространстве. В разные стороны от центра расходились шесть улиц, вдоль которых размещались магазины, гостиница, больница, стадион. «Особенно великолепно храм воспринимался во время движения от железнодорожного вокзала в центр города по Вокзальному проспекту»¹⁹.

Богатством поражало и внутреннее убранство собора – великолепный резной «иконостас, росписи, ценные иконы, разнообразная церковная утварь»²⁰. Автор росписей – художник Н.Д. Глущенко, выпускник Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге – создал «изображение Св. Троицы в главном алтаре и композицию “Сошествие Св. Духа” над хорами»²¹. Освященный 5 декабря 1900 г., собор, названный «во имя святителя Николая Чудотворца»²², мог вмещать в свое пространство до пятисот человек. В 1922 г. собор стал кафедральным, а в 1966 г., во время так называемой культурной революции, он «был варварски разрушен хунвейбинами». И все же в памяти харбинцев, где бы они ни жили, Свято-Николаевский собор навсегда остался символом «русского Харбина».

Братья Александр и Борис Тонкачёвы, как и их сестры – Зоя (07.03.1899–07.09.1975) и Наталия (22.01.1901–?), в замужестве Восый, каждый по-своему участвовали в воспитании племянницы, дочери их рано овдовевшей старшей сестры Надежды. После ухода из жизни крестной девочки – ее бабушки Александры Аркадьевны, незамужняя Зоя Евгеньевна вместе с отцом Евгением Арсеньевичем стали жить неподалеку от Вандровских²³, а последние десятилетия своей жизни сестры Надежда и Зоя проживали рядом с Еленой Борисовной уже в Алма-Ате.

Надежда Евгеньевна, вероятнее всего, как и ее младшие сестры, окончила харбинскую женскую классическую гимназию М.А. Оксаковской (1866–1935), в прошлом – выпускницы Московского Николаевского сиротского института²⁴. В этом учебном заведении, открытом в 1906 г., учились главным образом «дочери руководства и старших служащих КВЖД, а также видных горожан»²⁵. Данная информация может свидетельствовать о достатке семьи Тонка-

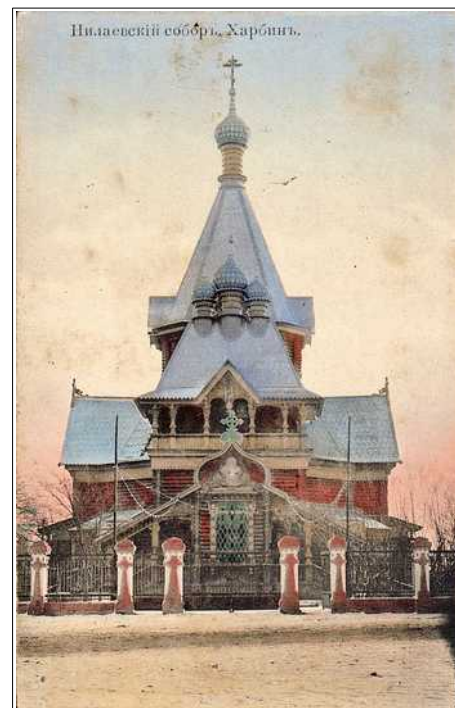

Рис. 4. Свято-Николаевский собор в Харбине

¹⁶ Крадин Н.П. Свято-Николаевский собор в Харбине как символ русской православной культуры // Рябинские чтения – 2015: мат-лы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 198.

¹⁷ Там же. С. 199.

¹⁸ Там же. С. 198.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 199.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 25.

²⁴ Предположение основано на том, что Е.Б. Вандровская упоминала обучение ее мамы в харбинской гимназии (НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141; НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1948. Оп. 52. Д. 1948/8). Из документов младшей сестры Надежды Евгеньевны – Наталии Евгеньевны Тонкачёвой, в замужестве Восый, известно название гимназии, которую она окончила «в городе Харбине в 1919 (1920) г.»: «гимназия Оксаковской» (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5507). Вполне вероятно, что все сестры-погодки Тонкачёвы проходили обучение в одном и том же учебном заведении, т.е. в гимназии М.А. Оксаковской.

²⁵ Потанова И. Русские педагоги в Маньчжурии // Словесница искусств. Региональный культурно-просветительский журнал. 2010. № 2 (26). С. 109.

чѣвых в описываемый период. Гимназия, отличавшаяся высоким уровнем педагогического состава, в городе пользовалась большой популярностью и «деятельной поддержкой»²⁶, поэтому неслучайно в 1908 г. она получила права государственной гимназии Министерства народного просвещения Российской империи. «Идеальную постановку учебно-воспитательного дела в Оксаковской гимназии»²⁷ отмечал на ее юбилейном заседании управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват. По воспоминаниям харбинцев, в Оксаковской гимназии царила «атмосфера института благородных девиц», а ее ученицы воспитывались «в духе тургеневских женщин»²⁸. Полный курс обучения продолжался сначала семь лет, а потом восемь. По его завершении воспитанницы получали звание домашней учительницы и имели право на трехлетний курс обучения в Педагогическом институте. Характерно, что в число обязательных гимназических предметов входила бухгалтерия²⁹, и помимо общепринятых предметов, гимназистки обучались рукоделию, шляпному делу, гимнастике, пению, стенографии и машинописи.

По окончании гимназии Надежда Евгеньевна продолжила учебу в Харбинской общине сестер милосердия Красного Креста, председательницей которой была супруга генерала Хорвата, дочь петербургского акварелиста Альберта Николаевича Бенуа Камилла Альбертовна Хорват-Бенуа (1879–1959), тоже художница.

Профессия медсестры, вероятно, и соединила Надежду Евгеньевну с будущим мужем. По словам их дочери, после замужества мама «занималась хозяйством», но, овдовев в тридцать лет, вновь стала работать медсестрой в Харбинском железнодорожном госпитале³⁰.

Население Харбина, насчитывавшего в середине 1910-х гг. около 70 тыс. человек, после Октябрьской революции 1917 г. значительно выросло за счет бывших военнослужащих царской армии. В их число входил и отец Елены Борисовны – Борис Иванович Вандровский (1895, Елисаветград – 1928, Харбин)³¹, до начала Первой мировой войны – студент 4-го курса медицинского факультета Императорского Киевского университета Св. Владимира, в Первую мировую войну – прапорщик Приморского драгунского полка Уссурийской отдельной конной бригады. По словам Елены Борисовны, в Гражданской войне участия отец не принимал, а с 1918 г., после расформирования Уссурийской дивизии, в Харбине работал «служащим» на КВЖД и впоследствии имел подданство СССР³².

Борис Иванович прожил короткую жизнь. Он умер в 33 года по неизвестной причине, когда дочери было шесть лет. Надежда Евгеньевна тяжело переживала смерть мужа. Чтобы поддержать невестку и помочь ей с воспитанием осиротевшей внучки, из Елисаветграда в Маньчжурию в том же 1928 г. приехала овдовевшая к тому времени шестидесятитрехлетняя мать Бориса Ивановича Софья Андреевна Вандровская, урожденная Войцеховская, 1865 г.р., дворянка по Подольской ветви рода Войцеховских, православная по вероисповеданию, украинка по национальности, республиканка по политическим убеждениям. Она родилась в селе Сокираны Гайсинского уезда Подольской губернии, окончила женскую гимназию в городе Умань, по профессии была учительницей³³.

Краткие сведения о Софье Андреевне, имя и отчество ее мужа Ивана Васильевича Вандровского, а также данные о двух других их сыновьях – Николае и Петре – хранятся в материалах фонда «Российские эмигранты в Маньчжурии» в Государственном архиве Хабаровского края³⁴. Информация о братьях содержится также в справочном издании военного

²⁶ *Потапова И.* Русские педагоги в Маньчжурии... С. 109.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 110.

²⁹ Неслучайно профессией Надежды Евгеньевны, согласно документам из фонда «Российские эмигранты в Маньчжурии», значилась не только «сестра милосердия», но и «контрщица» (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6852).

³⁰ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 25.

³¹ Там же. Л. 24 об., 25.

³² Там же. Л. 3, 24 об., 25.

³³ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 6853. См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/53417> (дата обращения: 12.03.2023).

³⁴ Там же.

историка С.В. Волкова «Офицеры армейской кавалерии»³⁵, а сведения о Петре Ивановиче Вандровском и художнице-реставраторе Елене Владимировне Вандровской (род. 1909), предположительно его жене, – в книге югославского эмигрантоведа А.Б. Арсеньева³⁶.

Установлено, что изначально семья Вандровских проживала в Новороссии, в Елисаветграде Херсонской губернии³⁷, где родились все трое братьев. Старший Борис, как уже было отмечено, до Первой мировой войны учился в Киевском университете Св. Владимира. Средний брат Николай (1896–?) в 1915 г. окончил Елисаветградское кавалерийское училище и служил офицером Приморского драгунского полка. Что именно окончил в начале Великой войны младший, семнадцатилетний Петр (1897–1971), точно неизвестно, но во время войны он вместе с братьями служил в одном полку, а после его расформирования, когда Борис уже трудился в Маньчжурии, Петр с Николаем продолжали сражаться, вплоть до эвакуации Крыма, в Вооруженных силах Юга России и Русской армии. По сведениям на 18 декабря 1920 г., оба служили в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи, откуда переправились в Югославию: Николай – в чине штаб-ротмистра, Петр – в чине поручика³⁸. Оба впоследствии жили в этой стране, но если о Петре известно, что в Югославии он получил образование инженера-гидротехника и скончался в городе Нови Сад в 1971 г., где похоронен на русском участке Успенского кладбища, то о Николае сведения нами не обнаружены. Мало что знала о них и племянница Елена Вандровская. 9 ноября 1948 г., заполняя анкетный лист в своем «личном деле» в отделе кадров Ленинградского института им. И.Е. Репина, согласно требованиям тех лет, она писала о родственниках, проживающих за границей: «в 1938 г. от бабушки [Софьи Андреевны. – Е. Я.] слышала, что в Югославии живут 2 брата отца. Сама связи с ними не имела. Не знаю, где находятся. Возможно, погибли во время войны или переехали»³⁹.

Попутно заметим, что всякий раз, заполняя «личные листки по учету кадров», Елена Борисовна указывала в них свою национальность (русская), подданство (гражданка СССР), социальное происхождение («из дворян»), а также полученное в Маньчжурии образование и знание иностранных языков («английский – хорошо, немецкий – слабо, очень слабо китайский и японский. Изучаю французский»)⁴⁰. Признание в дворянстве в конце 1940-х гг. было довольно смелым для прибывшей из Китая гражданки, которую в документах архива Хабаровского края, несмотря на многолетнее ее советское подданство, как и других ее родственников, продолжали называть «эмигрантами».

Весной 1920 г., еще до рождения Елены Борисовны, китайские войска, воспользовавшись гражданской войной в России, оккупировали полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, которая, согласно договоренности 1896 г., изначально управлялась русской администрацией КВЖД. Кроме того, посланники и консулы Российской империи в этот период уже прекратили свои полномочия в Китае, а подданные Империи были лишены права экстерриториальности.

В 1921 г. полоса отчуждения КВЖД получила статус отдельной административно-территориальной единицы Китайской Республики, а в мае 1924 г., когда в семье Бориса Ивановича и Надежды Евгеньевны Вандровских уже росла дочь, полоса отчуждения КВЖД была закреплена как Особый район Восточных провинций. К тому времени между Китайской Республикой и Советским Союзом установились дипломатические отношения, а КВЖД получила правовой статус. Формально она оставалась под управлением и обслуживанием советской стороны, но лишь в виде коммерческого предприятия. Вопросами гражданского и военного управления КВЖД отныне ведали китайские власти. Поскольку по советско-китай-

³⁵ Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 106.

³⁶ Арсеньев А.Б. У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 135, 141, 143, 160, 178.

³⁷ Южнорусская военная крепость, названная в честь Святой Елисаветы, в 1785 г. была превращена в город Елисаветград, переименованный в 1939 г. в Кировоград, а в 2016 г. – в город Кропивницкий (Украина).

³⁸ Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии... С. 206.

³⁹ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 25.

⁴⁰ Там же. Л. 24.

скому соглашению 1924 г. работать на КВЖД имели право только советские и китайские граждане, русскоязычные служащие и их родственники в массовом порядке стали получать советское гражданство. Соответственно, в Маньчжурии значительно возросла численность населения так называемой советской колонии. Советские паспорта имели все члены семей Вандровских и Тонкачёвых, проживавшие в Маньчжурии.

С 1926 по 1933 г. Харбин, как и вся полоса отчуждения КВЖД, получил статус отдельной административной единицы в составе Особого района Восточных провинций, а к 1933 г., уже после оккупации Японией китайского северо-востока и появления марионеточного государства Маньчжоу-го, и Харбин, и Особый район Восточных провинций стали напрямую подчиняться правительству Маньчжоу-го. К тому времени советские служащие КВЖД уже были высланы из Китая, а в марте 1935 г. правительство Советского Союза продало КВЖД правительству Маньчжоу-го, после чего она была переименована в «Северо-Маньчжурскую железную дорогу», а Особый район Восточных провинций – в «Северо-Маньчжурский особый район».

В 1945 г., когда в Харбин вошли советские войска, они стали сурово обращаться с проживавшими там русскими – и с бывшими участниками Белого движения, и с сотрудничавшими с японскими оккупантами, а также с гражданами других стран, кроме СССР. Вандровские и Тонкачёвы, будучи подданными Советского Союза, не избежали этих репрессий. Когда же после 1952 г. началась вторая волна репатриации харбинских русских, и они получили возможность переселяться из Китая в СССР, то место их переселения было ограничено лишь Казахстаном. Но к тому времени Елена Борисовна уже была замужем и с 1946 г. жила в Ленинграде, а с 1953 г. – в Алма-Ате, куда в середине 1950-х гг. к ней перебрались из Китая ее мама и тетя. Таким образом, в Маньчжурии Елена Борисовна Вандровская прожила 24 года – с рождения до лета 1946 г.

Как уже было отмечено, в связи с ранним уходом из жизни отца и загруженностью по работе мамы-медсестры, воспитанием девочки помогали заниматься ее родственники Тонкачёвы и бабушка-педагог Софья Андреевна Вандровская.

В 1929 г. в семилетнем возрасте Елена Борисовна была принята в харбинскую гимназию Христианского союза молодых людей (ХСМЛ), или иначе Young People's Christian Union – YPCU, которую в 1937 г. она окончила с золотой медалью. Гимназия ХСМЛ являлась одним из лучших средних учебных заведений Харбина. Преподавание там велось на русском языке (рис. 5).

Харбинский Христианский союз молодых людей в те годы находился в ведении «Иностранного Комитета Национального Совета Северо-Американского Христианского союза молодых людей. От него он получал поддержку, выступая как американский союз, работающий среди русских»⁴¹. Структурно Харбинский ХСМЛ состоял из трех комитетов (Делового, Образовательного и Библиотечного) и из таких отделов, как Женский, Юношей, Общественный и Отдел физического развития. Входили в него также библиотека и клуб коллекционеров.

Образовательный отдел, руководивший организацией деятельности всех образовательных учреждений Харбинского союза, обеспечивал одну из главных функций ХСМЛ – образовательную. Именно в его подчинение входила основанная в 1925 г. в Харбине гимназия ХСМЛ. В 1926 г. в ней учились 256 человек, при этом основная масса учащихся в том же году обучалась еще и на разных курсах, а их число с каждым годом возрастало. В середине 1930-х гг. общее обучение в год проходили почти 700 человек⁴².

⁴¹ Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н., Карасёв С.В., Ван Мэн. Христианский союз молодых людей в Харбине: к истории существования и деятельности в середине 1920-х годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 4 (33). С. 211.

⁴² Там же. С. 212.

Рис. 5. Десятый выпуск гимназии ХСМЛ. Харбин, 1937 г.

В период учебы Елены Борисовны гимназия ХСМЛ была шестиклассной. Учащиеся занимались по учебной программе 1917 г., разработанной еще при министре народного просвещения Российской империи «графе Павле Николаевиче Игнатьеве применительно к “American Grate School”»⁴³. Характерно, что при гимназии работал так называемый институт поклассных старостатов, способствовавший «проявлению самостоятельности и общественной солидарности самих учащихся»⁴⁴.

Образовательный отдел занимался также общественной деятельностью в виде работы различных кружков, чтения лекций, проведения концертов, вечеров и экскурсий, организации и проведения выставок, а также издания «журнала союза»⁴⁵. Так, в 1926–1934 гг. при Харбинском ХСМЛ существовала литературная и культурная организация, называемая сначала «Чураевка», потом «Молодая Чураевка», где по четвергам собирались писатели, музыканты, художники, устраивались концерты и спектакли, проводились дискуссии. В 1932 г. при этой организации издавался журнал «Молодая Чураевка», а в 1932–1934 гг. – газета «Чураевка». Каждый номер однодневной газеты «Наш Вестник» посвящался тому или иному событию⁴⁶.

Большую работу проводил Библиотечный комитет. «В связи с расширением гимназии библиотека в 1926 г. уступила ей свои помещения, переместившись в подсобное помещение»⁴⁷. Однако развитие гимназии влекло за собой и приобретение новых книг. Всего гимназическая библиотека включала отделы русской и английской литературы, истории, педагогики, книги для юношества. При ней работал библиотечный кружок, в рамках которого «проводились бесплатные открытые курсы библиотечного дела»⁴⁸, устраивались благотворительные лотереи. На начало 1926 г. библиотека насчитывала

⁴³ Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н., Карасев С.В., Ван Мэн. Христианский союз молодых людей в Харбине... С. 212.

⁴⁴ Там же. С. 211.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 214.

⁴⁷ Там же. С. 212.

⁴⁸ Там же. С. 212.

«711 подписчиков»⁴⁹. Любовь Елены Борисовны к книгам, уважительное отношение к их систематизации, безусловно, закладывались в годы ее обучения в гимназии.

Весьма значимой была деятельность «Народного университета», который организовывал на двух площадках Харбинского ХСМЛ проведение бесплатных открытых лекций. В городе работали «зимние курсы английского языка для взрослых и детей и летние разговорные группы по английскому языку, а также группы изучения китайского и немецкого языков для учащихся. Всего действовало 14 классов английского языка»⁵⁰. Желавшие могли посещать «Школу русской и английской машинописи», «Курсы искусств: живопись и музыка («драма, рисование, рояль»)» и «Курсы кройки и шитья»⁵¹. Елена Борисовна, судя по всему, наряду с гимназией посещала языковые классы, школу машинописи и курсы искусств, что позволило ей получить отличное образование и продолжить его уже в колледже ХСМЛ «по коммерческому и педагогическому отделениям» на английском языке⁵² (рис. 6).

Колледж ХСМЛ находился в Мукдене – главном на тот период городе Маньчжурии, известном ныне под названием Шэньян (провинция Ляонин). До 1905 г. Мукден служил опорным пунктом Российской империи в Китае, но после кровопролитного Мукденского сражения – решающей сухопутной битвы Русско-японской войны – для России он был потерян. До конца 1920-х гг. Мукден знали также как центр «политической активности антисоветской эмиграции», а до начала 1930-х – как четвертый после Харбина, Шанхая и Тяньцзина китайский город по числу проживавших там русских военных. Однако к середине 1930-х Мукден перестал быть «центром белого движения»⁵³, а в годы «Великой Восточно-азиатской войны (1941–1945) русская колония Маньчжоу-го была охвачена всплеском патриотических настроений, выразившихся в симпатиях и поддержке сражающегося с Германией советского народа»⁵⁴. В августе 1945 г. русская диаспора, в том числе бывшие военные, приветствовали вступление советских войск на территорию Китая и активно сотрудничала «с советской администрацией»⁵⁵. Советский контроль над Маньчжурией, как уже было отмечено, привел к массовым «чисткам» белоэмигрантов. Из семьи Тонкачевых в число пострадавших попал Борис Евгеньевич, проживавший в то время в маньчжурском городе Лишучжэнь и заведовавший бухгалтерией Мулинских угольных копи. Согласно сведениям, опубликованным в «Книге памяти Свердловской области» (Т. 8) «Жертвы политического террора в СССР», он был арестован 10 февраля 1947 г. и, спустя два месяца, осужден на десять лет ИТЛ⁵⁶. В такой непростой обстановке проходила жизнь русских в Маньчжурии 1940-х гг.

Рис. 6. Елена Вандровская.
Харбин. Конец 1930-х гг.
Частный архив
(Республика Казахстан).
Публикуется впервые

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н., Карасев С.В., Ван Мэн. Христианский союз молодых людей в Харбине... С. 212.

⁵¹ Там же.

⁵² НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 3; Потапова И. Русские педагоги в Маньчжурии... С. 94.

⁵³ Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Мукдене (1920-е – 1945 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 2. С. 58.

⁵⁴ Там же. С. 59.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Об этом см.: Книга памяти Свердловской области. т. 8 [Электронный ресурс] // Бессмертный барак. URL: https://bessmertnybarak.ru/books/kniga_pamyati_sverdlovsk_8/page-43 (дата обращения: 12.03.2023).

Елена Вандровская с 1937 по 1940 г. жила в Мукдене, училась в колледже ХСМЛ, а после его окончания с 8 мая 1940 г. «работала машинисткой-секретарем» в известной транспортной конторе «Бриннер и К^о»; причем начинала в Харбине, а в сентябре того же года была переведена «на ту же должность в ту же контору»⁵⁷, в Мукден, где трудилась до августа 1945 г., когда с приходом в Манчжурию Советской армии, «с августа по ноябрь 1945 г.», работала уже в мукденской советской комендатуре⁵⁸.

В этот период, по всей видимости, она и познакомилась с будущим мужем – Иваном Яковлевичем Стадничуком (1913–2000), лейтенантом Советской армии, до Великой Отечественной войны окончившим Ташкентское художественное училище и один курс Ленинградского института Всероссийской академии художеств. На войну он ушел добровольцем, воевал на Ленинградском фронте, участвовал в освобождении Карелии, Прибалтики, Польши и закончил службу в Мукдене (рис. 7). Четырежды раненый, он был на девять лет старше Елены Борисовны, имел боевые награды и, конечно, не мог не покорить сердце двадцатитрехлетней девушки. В январе 1946 г., продолжая работать в мукденской комендатуре, она вышла за него замуж, а в марте того же года перешла на работу в Торгпредство СССР, но вскоре уже оттуда была переведена в харбинское отделение Торгпредства с повышением в должности, а именно – стала «секретарем и помощником бухгалтера»⁵⁹. К концу апреля Елена Борисовна «вместе с штабом Тыла фронта» выехала в Советский Союз, в Хабаровск⁶⁰, где вплоть до 1 июля работала переводчицей-машинисткой в воинской части. 3 июля 1946 г., после демобилизации мужа, молодожены отправились в Ленинград, где Иван Яковлевич намеревался продолжить образование в Институте им. И.Е. Репина.

В автобиографии, подписанной 1 августа 1946 г., Елена Борисовна формулировала свою «основную профессию» как «секретарь-машинистка»⁶¹ (рис. 8). В других документах, помимо этого, она указывала также знание английского языка, бухгалтерии и владение русской и английской машинописью – все то, что она познавала на уроках в харбинской гимназии ХСМЛ.

Менее чем через месяц после прибытия в Ленинград Е.В. Вандровская была принята на работу в Художественно-производственное бюро Всероссийской академии художеств на должность лаборанта с исполнением обязанностей секретаря дирекции и окладом 325 руб. в месяц⁶², что позволяло ей уже в августе получить хлебные, продовольственные и промтоварные карточки⁶³. Оценив деловые качества Елены Борисовны,

Рис. 7. Иван Яковлевич Стадничук. Маньчжурия. Фотография 1946 г. Частный архив (Республика Казахстан). Публикуется впервые

Рис. 8. Елена Вандровская. Фотография 1946 г. Частный архив (Республика Казахстан). Публикуется впервые

⁵⁷ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 2, 2 об., 26 об.

⁵⁸ Там же. Л. 3.

⁵⁹ Там же. Л. 3, 25 об.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л.3.

⁶² Там же. Л. 6–8.

⁶³ В то время в СССР еще работала карточная система.

3 августа ее перевели на должность секретарь-машинистки⁶⁴. В выданной ей характеристике от 6 января 1947 г. отмечалось, что работу свою она «знает и с поручаемой работой справляется»⁶⁵. В 1947 г. впервые в своей жизни Елена Борисовна стала членом профсоюза РАБИС, т.е. профессионального союза работников искусств⁶⁶.

Почти весь период жизни в Ленинграде семья Стадничук была прописана и проживала в здании Академии художеств по адресу: Университетская набережная, д. 17, кв. 20А⁶⁷ и позднее – в общежитии Института им. И.Е. Репина на 4-й линии Васильевского острова, д. 1/3⁶⁸, поскольку муж Вандровской – участник войны – в 1946 г. восстановился на I курсе факультета графики⁶⁹, а Елена Борисовна все годы жизни в Ленинграде работала в системе Академии художеств СССР. 24 февраля 1947 г. у супругов родилась дочь Нина⁷⁰.

4 декабря 1947 г. Елена Борисовна была переведена из Художественно-производственного бюро Всероссийской академии художеств на должность секретаря открывавшегося заочного отделения факультета теории и истории искусств (далее – ФТИИ) Института им. И.Е. Репина с окладом 450 руб. в месяц⁷¹.

Рис. 9. Здание Академии художеств в Ленинграде на Университетской набережной, 17

Елена Борисовна мечтала учиться в этом институте на искусствоведческом факультете, но для этого был необходим аттестат зрелости, выдаваемый в СССР выпускникам средней школы. По понятным причинам такого документа у нее быть не могло. Тогда она прикреплена к Средней художественной школе-одинадцатилетке при Институте им. И.Е. Репина и весной 1948 г., сдав экстерном семь экзаменов на аттестат зрелости, получила заветный документ. Все дисциплины, перечисленные в аттестате (русский язык и литература, история – новая и СССР, английский язык), экзаменаторы оценили на «отлично» и только русский язык (устно) – на «хорошо»⁷².

18 декабря 1948 г. Е.Б. Вандровская была допущена к вступительным экзаменам на ФТИИ, а 27 декабря вышел приказ по Институту, свидетельствующий о том, что «на основании результатов приемных испытаний» она зачислена «на I-й курс отделения заочного обучения с 22/XII с.г.»⁷³.

Следует уточнить, что отделение заочного обучения ФТИИ открылось в 1948 г. Продолжительность полного курса обучения на нем была на год больше, чем на дневном отделении, т.е. шесть лет. Открытый в 1937 г. факультет теории и истории искусств стал

⁶⁴ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 6.

⁶⁵ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 12.

⁶⁶ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1948. Оп. 52. Д. 1948/8. Л. 14.

⁶⁷ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 15 об., 25.

⁶⁸ Там же. Л. 23, 26; НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1948. Оп. 52. Д. 1948/8. Л. 97.

⁶⁹ Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского государственного академического института имени И.Е. Репина Российской академии художеств. 1915–2005. СПб., 2007. С. 383.

⁷⁰ Нина Ивановна Стадничук в 1970 г. окончила факультет теории и истории искусств Ленинградского государственного института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, защитив дипломную работу на тему «К вопросу о национальном своеобразии в живописи Советского Казахстана» (см.: Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского государственного академического института... С. 502). Тема диплома отвечала проблематике, интересовавшей не только Нину Ивановну, но и ее маму Елену Борисовну, которая к тому времени около двадцати лет работала в Алма-Ате в Казахской государственной художественной галерее им. Т.Г. Шевченко. Впоследствии Н.И. Стадничук связала свою судьбу с Государственным музеем-заповедником «Павловск». В 2022 г., согласно Указу Президента РФ № 456, она была удостоена звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

⁷¹ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 20, 21.

⁷² Там же. Л. 6.

⁷³ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1948. Оп. 52. Д. 1948/8. Л. 133.

пятым факультетом Ленинградского государственного института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской академии художеств, основанного в 1933 г.

Открытие отделения заочного обучения ФТИИ имело огромное значение для Советского Союза, так как государство нуждалось в квалифицированных кадрах в сфере образования, культуры, искусства и науки об искусстве. В Ленинград на обучение искусствоведческой специальности ежегодно устремлялись десятки, а потом и сотни студентов из разных регионов огромной страны и из государств так называемого социалистического лагеря. Это способствовало комплектованию профессиональными специалистами музеев, галерей, высших и средних художественных учебных заведений, художественных редакций и т.д.

Подчеркнем еще раз, что Елена Борисовна Вандровская поступила на I курс отделения заочного обучения ФТИИ, на котором сама же работала секретарем. Информация о том, у кого, чему и как училась студентка Вандровская, содержится в документах Научного архива Российской академии художеств в Санкт-Петербурге.

В знаменитых аудиториях Ленинградской академии художеств, в Научной библиотеке и Кабинете искусств Елене Борисовне посчастливилось слушать лекции и участвовать в семинарах выдающихся ученых и искусствоведов – преподавателей и профессоров петербургско-ленинградской школы искусствоведения, академической и исторической. Так, *Юлия Андреевна Лебедева* (1893–1962), в прошлом – научный сотрудник Зубовского института⁷⁴, музейный работник, автор книг и учебных пособий, читала курсы лекций по истории древнерусского искусства и русского искусства и архитектуры XVIII и XIX вв. Доцент⁷⁵ *Анна Петровна Чубова* (1905–1989) – специалист по искусству античности, с довоенных времен работавшая в Эрмитаже под руководством крупнейшего историка античного искусства О.Ф. Вальдгауэра, на ФТИИ читала лекции по курсам «Происхождение искусства» и «История античного искусства», а также вела просеминар на II курсе. Просеминар I курса вел *Абрам Львович Каганович* (1918–1976), впоследствии специалист по русскому искусству XVIII в. Семинар по русскому и народному искусству на III курсе вел историк искусства, специалист по русской графике рубежа XIX–XX вв., известный библиофил *Петр Евгеньевич Корнилов* (1896–1981). Семинар по западноевропейскому искусству на IV курсе вел *Владимир Францевич Левинсон-Лессинг* (1893–1972) – крупнейший специалист по искусству Запада, сотрудник Государственного Эрмитажа, один из главных представителей знаточества в российской науке. На III и IV курсах семинар по критике вел *Иосиф Нафтольевич Бродский* (1904–1980), который также читал лекции по русскому искусству XIX в. на творческих факультетах. Доцент *Нина Васильевна Шафранская* (1909–1990) преподавала историю древнего мира и историю средних веков, а обожаемый студентами профессор-археолог *Михаил Михайлович Дьяконов* (1907–1954) – доктор исторических наук, в прошлом сотрудник Эрмитажа, Московского и Ленинградского университетов, знаток арабской литературы и поэзии, читал лекции по истории искусства Ближнего Востока, сопровождая их собственными переводами иранской поэзии. Искусство Древнего Востока на ФТИИ преподавала доктор исторических наук, профессор *Наталья Давыдовна Флиттнер* (1879–1957) – одна из первых в России женщин-историков искусства. В молодости она слушала лекции выдающихся искусствоведов Императорского Санкт-Петербургского университета, профессоров А.В. Прахова и М.И. Ростовцева; в Берлинском университете училась у основателей немецкой египтологии; многие годы работала в Отделе Востока Эрмитажа, преподавала студентам не только ФТИИ, но и Ленинградского государственного университета

⁷⁴ Зубовский институт – старейшее в России и СССР искусствоведческое научное учреждение, основанное в 1912 г. графом В.П. Зубовым по образцу немецкого института искусств во Флоренции, размещался в Санкт-Петербурге в принадлежавшем графу особняке на Исаакиевской площади. После Октябрьской революции 1917 г. В.П. Зубов передал свой особняк и институт новому государству, превратившему его в учебно-научное учреждение – Государственный институт истории искусств, в котором работали выдающиеся ученые, создатели научных школ и направлений. В 1990 г. учреждение получило статус научно-исследовательского института, а в 1998 г. ему было возвращено название Российский институт истории искусств.

⁷⁵ Все должности и ученые степени перечисленных преподавателей приведены на период обучения в институте Е.Б. Вандровской. Все преподаватели, за исключением кандидата исторических наук Н.В. Шафранской, имели ученую степень кандидата искусствоведения.

им. А.А. Жданова. Она была наставником таких крупных ученых, как М.Э. Матъе, И.М. Дьяконов, Б.Б. Пиотровский. Курсы лекций по истории искусства средних веков и эпохи Возрождения читала в Институте им. И.Е. Репина уникальный знаток и переводчик творческого наследия А. Дюрера *Цецилия Генриховна Нессельштраус* (1919–2010), а предмет «Искусство Китая» преподавала сотрудник Государственного Эрмитажа, специалист по резному камню Китая, синолог *Марианна Николаевна Кречетова* (1907–1965). Лекции по истории советского искусства читала доцент *София Владимировна Коровкевич* (1901–1992) – специалист по искусству социалистического реализма. Курс советской архитектуры преподавал искусствовед, художник и архитектор *Игорь Александрович Бартенев* (1911–1985), а курс декоративно-прикладного искусства – *Нина Тимофеевна Яглова* (1905–1995).

Историю русского искусства начала XX в. на V курсе вела ассистент кафедры русского и советского искусства *Раиса Ивановна Власова* (1919–2003), в 1950 г. защитившая кандидатскую диссертацию, посвященную исследованию ранней живописи К.А. Коровина. Раиса Ивановна была старше студентки Вандровской всего на три года, но именно под ее научным руководством Елена Борисовна написала дипломную работу на тему «Проблема типического в эстетике Н.Г. Чернышевского и в произведениях передвижников»⁷⁶. Рецензентом диплома была назначена доцент С.В. Коровкевич. Государственная экзаменационная комиссия Института им. И.Е. Репина оценила дипломную работу Е.Б. Вандровской на «хорошо»⁷⁷. Все государственные экзамены Елена Борисовна сдала на «отлично». В копии диплома отмечено, что за время обучения она «имела 11 отличных и 1 хорошую оценку»⁷⁸. «Хорошую оценку» будущий искусствовед получила за предмет «Основы марксизма-ленинизма»⁷⁹.

В характеристике Е.Б. Вандровской, выданной руководством института 27 апреля 1953 г., отмечалось, что к занятиям она «относилась очень серьезно, вовремя выполняя все задания», и что по окончании института могла бы быть «использована на музейной, педагогической и научной работе»⁸⁰.

Решением Государственной экзаменационной комиссии от 4 июня 1953 г. Вандровской была присвоена квалификация искусствоведа и выдан диплом об окончании полного курса Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Академии художеств СССР по специальности «Теория и история искусств»⁸¹.

Ранее, 30 мая 1953 г., секретарь отделения заочного обучения ФТИИ Елена Борисовна Вандровская написала заявление об увольнении и была освобождена «от работы с 1 июня 1953 года по собственному желанию ввиду отъезда по месту жительства мужа»⁸². Иван Яковлевич Стадничук завершил курс обучения на факультете графики Института им. И.Е. Репина летом 1952 г. и по приглашению Алма-Атинского государственного театрально-художественного училища им. Н.В. Гоголя поехал на работу в Казахстан.

В Алма-Ату поехала за мужем и Елена Борисовна. Там ее ждала интересная и насыщенная жизнь и профессиональная работа. Как искусствовед она принимала активное участие в становлении музейного дела в Казахстане, занималась исследователем изобразительного искусства республики, писала статьи, книги, выступала с докладами и лекциями (рис. 10). Вклад Е.Б. Вандровской в культуру и искусствоведение Казахстана огромный. Неслучайно спустя 20 лет после ухода ее из жизни Государственный музей искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева совместно с Национальной искусствоведческой секцией АИСА и Союзом художников Казахстана организовали и провели Международную научно-практическую

⁷⁶ НА РАХ в СПб. Ф. 7. Оп. 5. Д. 779. Л. 37.

⁷⁷ Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского государственного академического института... С. 441–442.

⁷⁸ НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1948. Оп. 52. Д. 1948/8. Л. 91.

⁷⁹ Там же. Л. 93.

⁸⁰ Там же. Л. 116.

⁸¹ Там же. Л. 92.

⁸² НА РАХ в СПб. Ф. 7. 1946. Оп. 4-в. Д. 141. Л. 28.

конференцию «Историко-теоретические проблемы казахстанской школы искусствоведения», посвятив ее 100-летию со дня рождения Елены Борисовны Вандровской⁸³.

* * *

Завершая, следует отметить, что реконструкция и осмысление маньчжурского периода в жизни Елены Борисовны Вандровской существенно расширили представление о личности и жизненном пути известного казахстанского искусствоведа – музейного работника и преподавателя художественного училища, а также первой в Республике выпускницы факультета теории и истории искусств Ленинградского государственного института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина (1953), что сыграло немаловажную роль в появлении и дальнейшем развитии казахстанской школы искусствоведения. Убедительным подтверждением тому стала Международная научная конференция, приуроченная к 100-летию со дня рождения Е.Б. Вандровской. Она проходила в Алма-Ате – культурной столице Казахстана, с которой Елена Борисовна была связана на протяжении полувека.

Исследование многочисленных документальных и литературных источников и материалов, связанных с жизнью Е.Б. Вандровской в Маньчжурии с момента рождения в Харбине, в семье русских дворян, прибывших в Китай из России с целью трудоустройства на КВЖД, позволило уточнить особенности ее семейного воспитания и обучения в Харбинской гимназии и Мукденском колледже ХСМЛ, узнать о полученной там профессии секретарь-машинистки со знанием бухгалтерии и иностранных языков и уточнить обстоятельства отъезда из Маньчжурии в Советский Союз.

Изучение маньчжурского периода в жизни Е.Б. Вандровской способствовало пониманию двух последующих периодов ее жизни в Советском Союзе – ленинградского (1946 – 1953) и казахстанского (1953–2002). Ленинградский был обусловлен выбором места жительства молодой семьи, в которой муж – демобилизованный советский офицер И.Я. Стадничук – намеревался продолжать художественное образование на графическом факультете Ленинградского института имени И.Е. Репина (1946–1952).

Анализ документов из Научного архива Российской академии художеств в Санкт-Петербурге, связанных с работой и обучением Е.Б. Вандровской в Ленинградском институте имени И.Е. Репина (1946–1953), показал ее деловые качества как секретаря отделения заочного обучения факультета теории и истории искусств и высокие показатели ее обучения искусствоведению, что нашло логическое продолжение в дальнейшей профессиональной деятельности искусствоведа в Алма-Ате.

Начальный – маньчжурский – период в жизни Е.Б. Вандровской явился своего рода фундаментом ленинградского и полувекового казахстанского периодов становления и профессиональной зрелости искусствоведа. Основным результатом последнего стал вклад авторитет-

Рис. 10. Е.Б. Вандровская (вторая слева), директор Казахской художественной галереи им. Т.Г. Шевченко Л.Г. Плахотная (вторая справа) и сотрудники галереи. Алма-Ата. 1950-е гг. Фотография из архива ГМИ РК им. А. Кастеева

⁸³ Конференция состоялась в Алма-Ате 21 октября 2022 г.

ного, высокообразованного и квалифицированного специалиста в историю культуры, изобразительного искусства и художественного образования Республики Казахстан.

О человеческих качествах Е.Б. Вандровской свидетельствуют воспоминания алматинских коллег, с благодарностью рассказывающих о поддержке и обучении начинающих музейных сотрудников. От них же известно, что с середины 1950-х годов до конца дней в Алма-Ате рядом с Еленой Борисовной проживали покинувшие Маньчжурию ее мама и тетя, работавшая ночным сторожем галереи. Все это свидетельствует о доброте, милосердии и семейной привязанности Елены Борисовны.

Важным результатом проведенного исследования стали выявленные и уточненные биографические сведения о ближайших родственниках Е.Б. Вандровской по линии отца и матери, что имеет существенное значение для истории Первой мировой войны, русского присутствия в Маньчжурии в первой половине XX века, русской военной эмиграции в Югославии и истории российского дворянства. Так, установлено, что не два брата Вандровских, а три – Борис Иванович (1895–1928), Николай Иванович (1896–?) и Петр Иванович (1897–1971) – служили в Приморском драгунском полку, после расформирования которого Борис отправился в Маньчжурию, а Николай и Петр сражались в рядах Белой армии, а затем эвакуировались в Югославию.

Упоминание в контексте «русского Харбина» фамилии дворян Рязанской губернии Тонкачёвых расширяет круг потомков древнего касимовского рода золотоордынских князей, что представляет научный интерес для историков. В настоящий момент все еще недостаточно информации о дворянстве Вандровских, хотя установлено, что матерью братьев Вандровских была потомственная дворянка по Подольской ветви рода Войцеховских Софья Андреевна Вандровская, прибывшая в Харбин в 1928 году, после смерти ее старшего сына.

Информация о жизни Тонкачёвых и Вандровских в дореволюционной России, Маньчжурии, Югославии, Советском Союзе и Казахстане в XX столетии свидетельствует о многообразии катаклизмов эпохи, отразившихся в их судьбах. В связи с этим остается немало вопросов, ответы на которые содержатся в еще не изученных архивах и будущих исследованиях.

Литература

Акчурина М.М., Ишеев М.Р., Беляков А.В., Абдурахманов Т.А., Салихов Р.Р. Касимовские татары из рода Кыпчак // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 312–341.

Арсеньев А.Б. У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М.: Русский путь, 1999. 253 с.

Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. 617 с.

Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н., Карасёв С.В., Ван Мэн. Христианский союз молодых людей в Харбине: к истории существования и деятельности в середине 1920-х годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 4 (33). С. 208–217.

Книга памяти Свердловской области. т. 8. [Электронный ресурс] // Бессмертный барак. URL: https://bessmertnybarak.ru/books/kniga_pamyati_sverdlovsk_8/page-43 (дата обращения: 12.03.2023).

Крадин Н.П. Свято-Николаевский собор в Харбине как символ русской православной культуры // Рябининские чтения-2015: мат-лы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. 596 с.

Кротова М.В. Феномен Харбина как полифоничного города // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 2. С. 749–785.

Потапова И. Русские педагоги в Маньчжурии // Словесница искусств. Региональный культурно-просветительский журнал. 2010. № 2 (26). С. 109–112.

Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Мукдене (1920-е – 1945 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 2. С. 55–60.

Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского государственного академического института имени И.Е. Репина Российской академии художеств. 1915–2005 / авт.-сост. С.Б. Алексеева и др. СПб.: Петрополь, 2007. 792 с.

References

Akchurin, M.M., Isheev, M.R., Belyakov, A.V., Abdurakhmanov, T.A., Salikhov, R.R. (2018). Kasimovskie tatarsy iz roda Kypchak [Kasimov Tatars from the Kypchak Clan]. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. Vol. 6, No. 2, pp. 312–341.

Alekseeva, S.B. (2007). *Yubileynyy spravochnik vypusknikov Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo akademicheskogo instituta imeni I.E. Repina Rossiyskoy akademii khudozhestv. 1915–2005* [Anniversary Directory of Graduates of the St. Petersburg State Academic Institute Named after I.E. Repin of the Russian Academy of Arts. 1915–2005]. Petersburg, Petropol. 792 p.

Arsenyev, A.B. (1999). *U izluchiny Dunaya: Ocherki zhizni i deyatel'nosti russkikh v Novom Sadu* [At the Bend of the Danube: Essays on the Life and Activities of Russians in the New Garden]. Moscow, Russkiy put'. 253 p.

Drobotushenko, E.V., Lantsova, Yu.N., Karasev, S.V., Wang Meng. (2019). Khristianskiy soyuz molodykh lyudey v Kharbine: k istorii sushchestvovaniya i deyatel'nosti v seredine 1920-kh godov [Christian Union of Young People in Harbin: To the History of Existence and Activity in the Mid – 1920s]. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. Vol. 15, No. 4 (33), pp. 208–217.

Kniga pamyati Sverdlovskoy oblasti. T. 8 [Book of Memory of the Sverdlovsk Region. Vol. 8]. In *Bessmertnyy barak*. Available at: URL: https://bessmertnybarak.ru/books/kniga_pamyati_sverdlovsk_8/page-43 (date of access 12.03.2023).

Kradin, N.P. (2015). Svyato-Nikolaevskiy sobor v Kharbine kak simvol russkoy pravoslavnoy kul'tury [St. Nicholas Cathedral in Harbin as a Symbol of Russian Orthodox Culture]. In *Ryabininskie chteniya – 2015. Materialy VII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kul'rnogo naslediya Russkogo Severa*. Petrozavodsk. 596 p.

Krotova, M.V. (2019). Fenomen Kharbina kak polifonichnogo goroda [The Phenomenon of Harbin as a Polyphonic City]. In *Zhurnal regional'noy istorii*. Vol. 3, No. 2, pp. 749–785.

Potapova, I. (2010). Russkie pedagogi v Man'chzhurii [Russian Teachers in Manchuria]. In *Slovesnitsa iskusstv. Regional'nyy kul'turno-prosvetitel'skiy zhurnal*. No. 2 (26), pp. 109–112.

Smirnov, S.V. (2019). Russkaya voennaya emigratsiya v Mukdene (1920-e – 1945 gg.) [Russian Military Emigration in Mukden (1920s–1945)]. In *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 19, No. 2, pp. 55–60.

Volkov, S.V. (2004). *Ofitsery armeyskoy kavalerii. Opyt martirologa* [Army Cavalry Officers. Martyrologist Experience]. Moscow, Russkiy put'. 617 p.

А.В. Суржко*

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ. ОПЫТ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В 1988–2006 ГОДАХ**doi:10.31518/2618-9100-2023-3-22
УДК 327(47+57:510):378(571.51)*Выходные данные для цитирования:**Суржко А.В. Российско-китайские отношения в области науки и образования. Опыт Красноярского государственного университета в 1988–2006 годах // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 273–285.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-22.pdf>*

A.V. Surzhko*

**RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE FIELD
OF SCIENCE AND EDUCATION. EXPERIENCE
OF KRASNOYARSK STATE UNIVERSITY IN 1988–2006**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-22

*How to cite:**Surzhko A.V. Russian-Chinese Relations in the Field of Science and Education. Experience of Krasnoyarsk State University in 1988–2006 // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 273–285. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-22.pdf>]*

Abstract. The article examines the experience of cooperation between Russia and China in the field of science and higher education after overcoming the long-term Soviet-Chinese split. One of the largest higher educational institutions in Siberia, the Krasnoyarsk State University (KrasSU, KSU) is taken as an example. The first contacts of the university with educational and scientific organizations of the PR China date back to 1988. It takes less than twenty years to establish in cooperation with China and develop the philological, physical, biological, chemical, economic and other faculties of KrasSU. The work of the Faculty of Modern Foreign Languages (FMFL) which was established in 1996 and became a key element of the university in matters of international cooperation is considered in detail. Regular delegations as well as student exchanges, internships and practices became one of the main tools for the rapprochement of the Krasnoyarsk University with China. The most productive interaction was carried out with the organizations of Harbin (Heilongjiang province). The problems of interpersonal interaction between Russian and Chinese students, the difficulties in establishing a full-fledged partnership are considered. The personal contribution of the scientific and pedagogical staff of the university in the development of relations with the PR China is displayed. The experience gained by KrasSU is of great importance for the successful development of the university partnership between the Russian Federation and the People's Republic of China. At present, the traditions of KrasSU are successfully continued by the Siberian Federal University which was established in 2006.

Keywords: Russian-Chinese relations, Soviet-Chinese relations, Krasnoyarsk State University, Krasnoyarsk State University, Kazan State University, People's Republic of China, humanitarian cooperation, scientific and educational cooperation, Heilongjiang University.

The article has been received by the editor on 27.02.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Антон Валерьевич Суржко**, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, e-mail: surzhkoanton@yandex.ru

Anton Valerievich Surzhko, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: surzhkoanton@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт сотрудничества России и Китая в области науки и высшего образования после преодоления многолетнего советско-китайского раскола. В качестве примера взято одно из крупнейших высших учебных заведений Сибири – Красноярский государственный университет (КрасГУ, КГУ). Первые контакты университета с учебно-образовательными и научными организациями КНР относятся к 1988 г. Менее чем за 20 лет тесные связи с Китаем смогли установить и развить филологический, физический, биологический, химический, экономический и другие факультеты КрасГУ. Подробно рассмотрена работа факультета современных иностранных языков (ФСИЯ), созданного в 1996 г. и ставшего ключевым звеном университета в вопросах международного сотрудничества. Одним из основных инструментов сближения красноярского вуза с Китаем стали регулярные делегации, а также студенческие обмены, практики и стажировки. Наиболее продуктивное взаимодействие осуществлялось с организациями города Харбин (провинция Хэйлунцзян). Рассмотрены проблемы межличностного взаимодействия российских и китайских студентов, сложности в выстраивании полноценного партнерства. Отображен персональный вклад научно-педагогического состава университета в вопросах развития отношений с КНР. Опыт, полученный КрасГУ, имеет большое значение для успешного развития университетского партнерства Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В настоящее время традиции КрасГУ успешно продолжает созданный на его основе в 2006 г. Сибирский федеральный университет.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, советско-китайские отношения, Красноярский государственный университет, КрасГУ, КГУ, КНР, гуманитарное сотрудничество, научно-образовательное сотрудничество, Хэйлунцзянский университет.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023 г.

Современные российско-китайские отношения характеризуются высокой динамикой развития, прочной правовой базой, разветвленной организационной структурой и активными связями на всех уровнях. Двусторонние отношения определяются сторонами как всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие¹. Одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества представляется наука и образование. Эти сферы позволяют решать не только сугубо прикладные задачи, но и расширять гуманитарное присутствие России и Китая за рубежом, формировать положительный имидж двух государств у иностранных партнеров.

Целью настоящего исследования является изучение в динамике становления и развития научно-образовательных связей России и Китая на примере Красноярского государственного университета (КрасГУ, КГУ). Важно обратить внимание на то, что начало связей КраГУ с вузами КНР было положено в период стремительного изменения международной обстановки и баланса сил, смещения внешнеполитических ориентиров российского государства на Восток. С учетом нынешней геополитической ситуации эти факторы, безусловно, придают исследованию дополнительную актуальность.

Обращаясь к историографии вопроса, отметим, что в постсоветский период были изданы работы, в которых рассматривались отдельные аспекты истории международных связей российской высшей школы. К их числу можно отнести исследования В.В. Петрика, Н.В. Мелиховой, В.К. Бацына². Попытки рассмотреть проблемы международного сотрудни-

¹ Межгосударственные отношения России и Китая // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220204/diplomatiya-1770651649.html> (дата обращения: 25.02.2023).

² Петрик В.В. Из истории развития международных научных связей высших учебных заведений Сибири с вузами и научными учреждениями социалистических стран в конце 1950-х – начале 1990-х гг. // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307, № 3. С. 150–154; Мелихова Н.В. Международные связи отече-

чества вузов на уровне отдельных регионов предпринимали такие исследователи, как Д.И. Иванов, В.М. Пряхин, А.Ю. Звягольский, Г.П. Павлихина и А.М. Гущина³. Однако во всех этих работах не делается большого акцента на связях с Китаем. Серьезный вклад в изучение темы внесла Е.И. Медяник, защитившая диссертацию по теме «Российско-китайское университетское сотрудничество (1995–2016)». В своем исследовании основное внимание она уделила рассмотрению общетеоретических вопросов по данной теме⁴.

В историографии современных российско-китайских отношений за последние годы опубликован ряд исследований, посвященных российско-китайским отношениям в области науки и образования, но акцент в них был сделан на развитие нормативно-правовой базы и общих направлениях этой политики, в то время как региональный аспект практически не рассматривался⁵. Кроме того, данная проблематика в разной степени затрагивалась в обобщающих работах таких крупных специалистов, как А.В. Лукин, В.Л. Ларин, В.Г. Дацышен и др.⁶

Как самостоятельный вуз Красноярский государственный университет был основан в 1969 г. На этот год пришлась наиболее горячая фаза советско-китайского раскола – вооруженный конфликт на острове Даманский. Урегулирование приграничного конфликта не способствовало быстрому преодолению военно-политического противостояния между СССР и Китаем. Разумеется, в подобной обстановке Красноярский университет шел в фарватере государственных внешнеполитических установок и не мог помышлять об установлении каких-либо самостоятельных контактов с китайской стороной.

Безусловно, переломным моментом в советско-китайских отношениях стал приход к власти М.С. Горбачева, который предпринял решительные шаги для улучшения взаимодействия с КНР. Необходимость нормализации отношений с Китаем декларировалась генсеком, в частности во время его выступления в Красноярске в сентябре 1988 г. По приглашению китайской стороны М.С. Горбачев в мае 1989 г. посетил Пекин, где состоялась его встреча с лидером Китая Дэн Сяопином. Это событие знаменовало собой полную нормализацию советско-китайских отношений и положило начало будущему стратегическому партнерству⁷.

Начался процесс восстановления старых и установления новых связей между народами двух стран, отношений в области культуры, науки, образования, спорта, а также межличностных контактов, которые принято характеризовать как «гуманитарные». Как отмечает В.Л. Ларин, перестройка и распад СССР привели к децентрализации управления этими связями в России, переводу их на отраслевой, местный и индивидуальный уровни, лишили

ственной высшей школы: традиции и новшества. М., 1999; *Бацын В.К.* Международное сотрудничество российской высшей школы // *Международное сотрудничество в сфере образования*. 1997. № 4. С. 18–27.

³ *Иванов Д.И.* Развитие международного сотрудничества российских вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2002; *Пряхин В.М.* Подготовка специалистов для стран «народной демократии» в вузах Урала 1946–1960 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995; *Звягольский А.Ю.* Международное сотрудничество в сфере высшего образования на примере вузов Краснодарского края (1960–1990 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1997; *Павлихин Г.П., Федоров И.Б.* Международная деятельность МГТУ им. Н.Э. Баумана. История. Тенденции. Перспективы. М., 2000; *Гущина А.М.* Развитие международной деятельности НГТУ (НЭТИ) в 1953–1992 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006.

⁴ *Медяник Е.И.* Российско-китайское университетское сотрудничество (1995–2016 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.

⁵ *Касимова А.Р.* Российско-китайские отношения в области науки и образования на современном этапе // *Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО*. 2013. № 4. С. 7–11; *Хышиктуев О.В., Южикова Е.А.* Российско-китайское сотрудничество в сфере науки и образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // *Власть и общество*. 2020. № 11 (20). С. 4–7; *Топтыгина А.В.* Российско-китайское сотрудничество в области науки и образования на современном этапе // *Студенческая наука и XXI век*. 2017. № 15. С. 179–182.

⁶ *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007; *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006; *Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений* М., 2013.

⁷ *Лу Чуньюе, Дацышен В.Г.* Россия и Китай в 1990-е годы: от «дружественных стран» через «конструктивное партнерство» к «стратегическому партнерству» // *Современная научная мысль*. 2019. № 1. С. 127–128.

их серьезной материальной основы, но в то же время избавили от излишней идеологизации, бюрократизации и формализма⁸.

В конце 1980-х гг. началось активное развитие советско-китайского сотрудничества на межрегиональном уровне в сфере науки, образования и культуры⁹. Именно в таких условиях началось сотрудничество КрасГУ с научными и образовательными учреждениями КНР. Ключевую роль в этом процессе сыграл заслуженный строитель РСФСР, многолетний проректор вуза по строительству С.И. Елисафенко. Его усилиями в КрасГУ были построены университетский корпус, спортивный комплекс, два студенческих общежития и столовая¹⁰.

Он родился в 1930 г. в Харбине в русской семье врачей, окончил местный Политехнический институт, начинал работать в Институте иностранных языков, а покинул Китай в 1954 г.¹¹ Несмотря на то, что в 1960–1980-е гг. советско-китайские отношения носили противоречивый характер, С.И. Елисафенко сумел сохранить весьма обширные связи с восточным соседом. В 1988 г. он совершил первую командировку в Китай и подготовил почву для дальнейшего установления дружественных и партнерских отношений¹².

В свою очередь, в конце марта 1989 г. КГУ посетила первая китайская делегация, прибывшая из Хэйлунцзянского университета (Харбин). Члены делегации побывали на факультетах, кафедрах, в лабораториях, беседовали с сотрудниками и студентами, присутствовали на торжественном собрании по случаю 20-летия КГУ, участвовали в студенческом вечере «Знамок Китая» (рис. 1). В рамках визита китайские гости посетили Мемориальный музей «Ссылка В.И. Ленина в Шушенском», Красноярскую ГЭС, филиал музея В.И. Ленина, а также Театр оперы и балета¹³.

Рис. 1. Делегация из Хэйлунцзянского университета в КрасГУ, 1989 г.

Помимо указанной культурной программы, стороны обменялись опытом по учебным программам, перестройке в преподавании, научно-исследовательской работе, нашли много общих интересов и приняли решение о дальнейшем разностороннем сотрудничестве с совместными научными и методическими разработками, взаимном посещении преподавателями, сотрудниками и студентами, оказании взаимной помощи в приобретении и обмене оборудованием, материалами, учебными пособиями. Началось обсуждение возможности обмена студентами, стажировок и чтения лекций преподавателями, а также организации отделения или целой кафедры китайского языка в КрасГУ¹⁴.

Красноярский университет выразил желание в составлении пособий и учебников силами филологического и других факультетов китайского вуза. Стороны проявили заинтересованность в создании условий для проведения совместных соревнований, а также в приглашении друг друга для участия в них на своих территориях. Была достигнута договоренность о возможности приглашения представителей двух университетов на научные конференции, симпозиумы, семинары и другие мероприятия. Основным итогом визита первой китайской делегации в КрасГУ стало получение приглашения посетить провинцию Хэйлунцзян для заключения договора о сотрудничестве¹⁵.

⁸ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона... С. 19–21, 34–35.

⁹ Россия и Китай: четыре века взаимодействия... С. 449.

¹⁰ В историю КрасГУ навсегда // Университетская жизнь. 2004. 14 дек. С. 3.

¹¹ Там же.

¹² Китай: экзотика и сотрудничество // Университетская жизнь. 1991. 17 окт. С. 3.

¹³ Дневник университетской жизни // Университетская жизнь. 1989. 18 апр. С. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Ответный визит делегации Красноярского госуниверситета (в составе пяти человек под руководством проректора В.А. Сапожникова) в Хэйлунцзянский университет состоялся в июне 1989 г., через несколько недель после судьбоносной поездки в Пекин М.С. Горбачева. Основная цель поездки – знакомство с опытом работы китайских коллег, поиск делового сотрудничества в научных исследованиях, учебном процессе и производстве, а также укрепление дружбы между советским и китайским народом¹⁶.

Красноярцы удостоились теплого и дружественного приема. Им были устроены встречи с преподавателями и научными сотрудниками, а также со студентами факультета русского языка, проведено ознакомление с научными центрами университета и Харбинского политехнического института. Делегация дважды была принята ректором университета Сюй Ланьсюем (так в источнике), а на заключительной встрече стороны подписали договор и протокол о сотрудничестве. Его дальнейшее развитие теперь рассматривалось в установлении контактов на уровне кафедр, лабораторий и студенческих организаций. Этот почин активно поддержали филологический, химический, физический и математический факультеты (см. таблицу)¹⁷. Одной из первых прямые связи с китайскими коллегами установила кафедра квантовой электроники, возглавляемая А.С. Проворовым¹⁸.

Таблица

Установление научно-образовательных связей КрасГУ с КНР
(кон. 1980-х – нач. 1990-х гг.)*

Структурное подразделение КрасГУ	Научно-образовательная организация КНР	Направления сотрудничества
Физический факультет (декан В.В. Овчинников, затем – А.В. Сорокин)		
Кафедра ФТТ (заведующий В.И. Кирко)	Харбинский политехнический институт	Работы в области взрывной обработки металлов
	Пекинский Институт физики	Исследования структуры аморфных сплавов после воздействия на них высоких давлений и импульсной обработки
Кафедра прикладной космофизики (заведующий Л.В. Границкий)	Пекинская астрономическая обсерватория	Проведение выставки научного оборудования и компьютерной техники
Кафедра квантовой электроники (заведующий А.С. Проворов)	Хэйлунцзянский университет	Установка лазерной техники в поликлинике КрасГУ
Экономический факультет (декан В.М. Зубов)		
Кафедра политэкономии (заведующий В.А. Медведев)	Хэйлунцзянский университет	Изучение конъюнктуры советско-китайского рынка
Биологический факультет (декан В.М. Гольд)		
Все кафедры	Хэйлунцзянский университет	Обмен различными сельскохозяйственными культурами
	Харбинский сельскохозяйственный колледж	

¹⁶ Сапожников В.А. Китай. Харбин // Университетская жизнь. 1989. 28 ноября. С. 3.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Окончание таблицы

Структурное подразделение КрасГУ	Научно-образовательная организация КНР	Направления сотрудничества
Химический факультет (декан С.В. Качин)		
Все кафедры	Харбинский научно-технический университет	Научные исследования. Обмен специалистами и преподавателями, подготовка студентов. Создание совместных производств
	Хэйлунцзянский университет	
	Харбинский политехнический институт	

Составлено по материалам газеты «Университетская жизнь».

Для понимания того, как складывались научные связи КГУ с Китаем в первой половине 1990-х гг., обратимся к опыту красноярских физиков. Так, в ноябре 1991 г. по приглашению Института оптоэлектроники Харбинского политехнического института Китай посетила небольшая делегация из КрасГУ в составе первого проректора А.С. Проворова, И.Я. Шапарева и А.Г. Сизых. Их целью было знакомство с работами в области лазерной физики и квантовой электроники, проводимыми под руководством профессора Ма Зугуанга (так в источнике)¹⁹.

Красноярские специалисты прочитали несколько лекций, которые получили высокие оценки китайских ученых. Поскольку тематики исследований в области квантовой электроники, проводимых в Красноярске и Харбине, в значительной степени перекликались, а китайский вуз располагал современным экспериментальным оборудованием, стороны провели переговоры о совместных работах. Их результатом стало принятие «Программы кооперации по лазерной физике и технологиям», предполагающей сотрудничество КрасГУ, Красноярского научного центра и Харбинского политехнического института²⁰.

Направление совместных работ должно было заключаться в исследованиях в области волноводных газовых лазеров, перестраиваемых лазеров, резонансных лазерных процессов в газе и плазме и т.д. В связи с этим должен был осуществляться регулярный научный обмен результатами исследований, а также преподавателями, аспирантами и научными сотрудниками в количестве 72 человек ежегодно (ежемесячно по шесть человек). Кроме того, было принято решение о проведении раз в два года совместных семинаров по физике и лазерным технологиям. Первый подобный семинар было решено провести весной 1993 г. в Китае, а второй – в 1995 г. в России²¹.

К середине 1990-х гг. тесные связи с Китаем удалось наладить Научно-исследовательскому физико-техническому институту (НИФТИ) при КрасГУ во главе с В.И. Кирко. Так, по его технологии в Харбине был построен и приступил к работе завод по производству электротехнических контактов. Весь процесс с учетом непрерывных переговоров и согласования позиций занял три года. После этого китайской стороне поступило предложение вложить средства в новое производство искусственных алмазов на Красноярском горно-химическом комбинате с перспективой создания совместного российско-китайского предприятия и фирмы²².

Между тем в декабре 1990 г. визит в Хэйлунцзянский университет совершила еще одна делегация из Красноярского госуниверситета. На этот раз ее возглавил лично ректор Н.Д. Подуфалов. В рамках развития двустороннего сотрудничества сторонами была

¹⁹ О развитии связей с Китаем // Университетская жизнь. 1991. 11 дек. С. 4.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Гаврилова Н. Бизнес-план для НИФТИ // Университетская жизнь. 1994. 7 нояб. С. 2.

подписана программа конкретных работ и мероприятий до конца 1993 г. Среди наиболее значимых и обсуждаемых вопросов было создание центра лазерной медицины в КГУ, для которого китайская сторона обещала достать необходимое оборудование. В качестве оплаты красноярский вуз принимал китайских студентов для обучения русскому языку.

В связи с этим основное взаимодействие с китайскими коллегами и студентами возлагалось на филологический факультет, который уже в сентябре 1991 г. был готов принять 15 первых студентов из КНР, а также несколько аспирантов, направленных под руководство профессора А.П. Сковородникова (уроженца Харбина, выходца из семьи русских эмигрантов). На факультете велась серьезная подготовительная работа: готовилась к открытию специализация по изучению китайского языка и секция «русский язык для иностранцев», а доцентом кафедры теории литературы и поэтики В.К. Васильевым был составлен русско-китайский разговорник для широкого пользования²³.

Одновременно с этим впервые в крае началось преподавание китайского языка в одной из учебных групп, состоявшей из 11 студенток. Преподавание редкого на тот момент иностранного языка осуществлялось на кафедре общего языкознания и риторики. Для чтения курса лекций заведующему кафедрой А.П. Сковородникову удалось пригласить из Харбина преподавателей Чен Шаохуа, супругов Джао Вэй и Дзжун Цзе (все имена как в источнике)²⁴.

В этот момент обозначились первые серьезные сложности в развитии двусторонних связей. Во-первых, оказалось, что потенциальных китайских студентов элементарно некуда заселить, поскольку жилищный фонд университета полностью занят, из-за чего прибытие китайцев было отложено минимум на полгода. Во-вторых, после подавления так называемого августовского путча (выступления ГКЧП) китайская сторона высказывала недвусмысленные опасения в связи с отправкой своих студентов из-за возобладавшей в России антикоммунистической риторики, что противоречило государственной идеологии КНР²⁵.

Некоторое затишье в развитии бурно начавшегося установления отношений наблюдалось и со стороны Красноярского края. Дело в том, что краевое руководство не спешило связывать себе тесными узами с Китаем в экономических вопросах, полагая, что через несколько лет Россия сможет поправить ухудшающееся с каждым днем экономическое положение. Так, С.И. Елисафенко не удалось добиться в Агропроме заключения договора на поставку из КНР маленьких тракторов для нужд сельского хозяйства, которых там было в избытке. Поставка китайских товаров народного потребления также усложнялась из-за нестабильного курса валют. По этой же причине красноярская сторона явно переплачивала за обучение своих студентов в Китае, имея возможность отправлять их лишь на несколько месяцев, а не на полный учебный год²⁶. В качестве обменного эквивалента китайцы были готовы принимать российский лес, однако этот вариант также не устраивал краевое правительство²⁷.

Впрочем, несмотря на некоторые сложности, в сентябре 1992 г. к обучению на филологическом факультете приступили первые китайские студенты (20 человек). Пионером в вопросе их обучения стала преподаватель кафедры русского языка Е.В. Боева²⁸. Через месяц после начала обучения для иностранных студентов был открыт подготовительный факультет (его первым деканом стал В.К. Васильев). Стоит отметить, что первоначально этот факт вызвал неприятие преподавателей кафедры русского языка, поскольку многие их наработки были свернуты, а хозрасчетный принцип обучения воспринимался ими как сугубо коммерческий проект, оторванный от реальной науки и образования²⁹.

²³ Дневник университетской жизни // Университетская жизнь. 1990. 17 дек. С. 1.

²⁴ Разумовская В.А. Немного истории и взгляд в будущее нашего факультета // Университетская жизнь. 2006. 25 апр. С. 1–2.

²⁵ Китай: экзотика и сотрудничество // Университетская жизнь. 1991. 17 окт. С. 3.

²⁶ А мы будем ездить в Киев // Университетская жизнь. 1992. 2 нояб. С. 2.

²⁷ Китай: экзотика и сотрудничество // Университетская жизнь. 1991. 17 окт. С. 3.

²⁸ Дневник университетской жизни // Университетская жизнь. 1992. 25 сент. С. 1.

²⁹ Челаэнова В. К успеху – по головам, или и кухарка может управлять государством // Университетская жизнь. 1992. 2 нояб. С. 1.

Ежегодно на факультете обучалось около 50 студентов из КНР, желающих изучать русский язык. Китайские студенты помогали факультету с учебниками китайского языка и дарили необходимые для работы русско-китайские и китайско-русские словари и переводчики³⁰.

В конце 1992 г. заведующий отделом международных связей КрасГУ В.А. Вишнеvский отмечал, что в вопросе обучения иностранных студентов университет не намерен ограничиваться лишь изучением русского языка. Так, при поддержке созданного в Красноярске Центра международной ассоциации содействия развитию информатики, имитационного моделирования и их приложений, возглавляемого сотрудником СО РАН А.Н. Горбанем, планировалось заключить соглашение о приеме иностранцев не только на подготовительный, но и на другие факультеты, а также в аспирантуру и докторантуру³¹.

Первоначально китайцы произвели благоприятное впечатление на университетскую общественность своей старательностью и дисциплинированностью (рис. 2). Однако затем наступило некоторое разочарование: китайские студенты переставали посещать занятия, постепенно утрачивали связи с университетом. По словам В.А. Вишнеvского, одна из причин этого заключалась в том, что группу студентов в одностороннем порядке набирал Хэйлунцзянский университет без участия красноярских представителей и обозначения четких критериев отбора³².

Рис. 2. Обучение китайских студентов русскому языку, 1993 г.

Межличностные отношения между российскими и китайскими студентами на первых порах также складывались непросто. Например, в ноябре 1992 г. между ними произошла драка якобы из-за некультурного поведения китайцев в столовой. Руководству КГУ удалось урегулировать конфликт, однако оно же было вынуждено признать тот факт, что нормальные отношения с китайцами до сих пор не налажены, их не познакомили с университетской жизнью, не устраивали «братания», не проявили стремления к взаимодействию культур и т.д.³³ В одном из номеров газеты КрасГУ «Университетская жизнь» совершенно справедливо отмечалось, что университету нужно глубже понимать своеобразие и отличие китайской культуры и широко распространять эти знания. Констатировался тот факт, что в вопросе развития дружественных связей с Китаем университет добился весьма посредственных результатов³⁴.

В апреле 1993 г. все 11 студенток филфака, изучающих китайский язык, в сопровождении начальника международного отдела В.А. Вишнеvского выехали в Харбин на языковую десятимесячную стажировку. В Хэйлунцзянском университете российским гостям был оказан весьма теплый прием. Так, в первый же вечер им была устроена официальная встреча с ректором Сюй Лан Сюем, проректором Чжао Ли и начальником международного отдела Чжангом Юном (все имена как в источнике), после чего последовал праздничный банкет. Студенткам были предоставлены удобные комнаты для проживания, назначена стипендия в размере 80 юаней в месяц. Обучение языку проводилось по трем дисциплинам: каллиграфия, устная речь (диалог) и лексика³⁵.

Отметим, что политика КГУ на сближение с Китаем совпадала с общим вектором развития российско-китайских отношений, поскольку в декабре 1992 г. между Российской

³⁰ Разумовская В.А. Немного истории и взгляд в будущее нашего факультета // Университетская жизнь. 2006. 25 апр. С. 1–2.

³¹ А мы будем ездить в Киев // Университетская жизнь. 1992. 2 нояб. С. 2.

³² Там же.

³³ Кулешова Н. «Ввяжемся в драчку», как завещал великий Ленин // Университетская жизнь. 1992. 2 нояб. С. 4.

³⁴ Там же.

³⁵ Привет от будущих переводчиков // Университетская жизнь. 1993. 7 мая. С. 1.

Федерацией и КНР было подписано межправительственное Соглашение о культурном сотрудничестве, в том числе в вопросах образования. Как отмечает исследователь Ван Вэй, это соглашение стало краеугольным камнем научно-образовательного сотрудничества двух стран³⁶.

Впрочем, до середины 1990-х гг. у КрасГУ был лишь один заключенный договор с Китаем – на обучение русскому языку студентов из Хэйлуцзянского университета. Однако в 1994 г. ситуация заметно изменилась. Так, были заключены договоры с Харбинским научно-техническим университетом и Суйхуанским педагогическим институтом в области научно-технического сотрудничества и обмена студентами и преподавателями. В том же году на факультете филологии и журналистики была открыта специальность «Лингвистика», выпускающая специалистов с квалификацией «переводчик-референт, преподаватель китайского и английского языков». В это время китайский язык преподавали А.С. Кирпичев (язык он освоил в 1960-е гг. в КНР, где обучался по специальной программе студенческого обмена), Т.Е. Загибалов и В.Б. Утробин. Обучение подразумевало прохождение обязательной двухмесячной практики в КНР³⁷.

1995 г. ознаменовался расширением связей университета с Китаем. В Красноярске вновь побывало несколько китайских делегаций, причем к уже привычным гостям из провинции Хэйлуцзян присоединились представители Университета иностранных языков из г. Тяньцзинь. Стороны провели переговоры о новых формах взаимоотношений, в частности – подготовке переводчиков с русского языка и проведении разнообразных стажировок³⁸. Несколько забегаая вперед, отметим, что в 2002 г. на одном только факультете современных иностранных языков проходило стажировку более 20 китайцев³⁹.

1 января 1996 г. произошло еще одно событие, благоприятно повлиявшее на развитие связей КГУ с Китаем. На базе созданного несколькими годами ранее подготовительного факультета для иностранных граждан и секции китайского языка кафедры общего языкознания и риторики был открыт факультет современных иностранных языков (ФСИЯ), а одним из приоритетных направлений его работы было выбрано изучение китайского языка. На факультет впервые на постоянной основе были привлечены преподаватели из КНР, одна из которых впоследствии приняла российское гражданство, а первый набор включал более 40 студентов⁴⁰. Первым деканом факультета стала кандидат филологических наук В.А. Разумовская⁴¹.

Одна из выпускниц ФСИЯ Е. Садовская отмечала – выбрав китайский язык своей профессией, она смогла получить не только знание языка, но и познакомиться с культурой и историей Китая под руководством грамотных и авторитетных специалистов⁴². Работа факультета была организована на достаточно высоком уровне, летом 1999 г. он выпустил своих первых китайцев⁴³.

Постепенно факультет превращался в настоящий «мост дружбы» между Россией и Китаем. Так, одна из его первых выпускниц В.В. Никитенко в 2001 г. была приглашена в качестве преподавателя в Хэйхэский педагогический институт, с которым КрасГУ к тому времени заключил соглашение о сотрудничестве. Два года спустя харбинский институт «Восток» также пригласил ее на работу с целью наладить связи с красноярским вузом. Усилиями В.В. Никитенко в 2004 г. делегация КрасГУ в очередной раз посетила Харбин и подписала ряд соглашений о сотрудничестве и обмене преподавателями и студентами⁴⁴.

³⁶ Ван Вэй. Историческое исследование сотрудничества в области образования России и Китая // Глобальный научный потенциал. 2020. № 2 (107). С. 10–11.

³⁷ Петрищев В.И. Заграница 94 // Университетская жизнь. 1994. 28 дек. С. 8.

³⁸ Петрищев В.И. Международное сотрудничество // Университетская жизнь. 1995. 14 сент. С. 1.

³⁹ Дела заморские // Университетская жизнь. 2002. 15 нояб. С. 1.

⁴⁰ Петрищев В.И. Поговорим на японском // Университетская жизнь. 1996. 1 окт. С. 1.

⁴¹ Разумовская В.А. Язык до Пекина доведет // Университетская жизнь. 1999. 23 марта. С. 10.

⁴² Разумовская В.А. Немного истории и взгляд в будущее нашего факультета // Университетская жизнь. 2006. 25 апр. С. 1–2.

⁴³ Между двумя юбилеями // Университетская жизнь. 2004. 14 дек. С. 8.

⁴⁴ Никитенко В.В. Мост дружбы // Университетская жизнь. 2006. 25 апр. С. 4.

К тому времени взаимоотношения россиян и китайцев в рамках учебного процесса на порядок улучшились. Преподаватель факультета Ли Хай, приехавший в Красноярск в сентябре 1997 г., на страницах «Университетской жизни» рассказывал: «студенты в России ведут себя более свободно, чем китайские... в жизни мы с ними общаемся как друзья. Мы приглашаем друг друга в гости... я счастлив иметь возможность работать и общаться с моими русскими студентами... и, конечно, никогда не забуду нашу дружбу»⁴⁵. Появились предпосылки для создания китайского центра в КрасГУ – начались курсы китайского языка, культуры и цигуна (китайской гимнастики), читались публичные лекции по истории и культуре Китая⁴⁶.

Одной из проблем развития международных связей университета на пороге нового тысячелетия было то, что, начиная с 2000 г., вакантным оставался пост проректора по международным связям. По этой причине на недостаточном уровне велись переговоры и заключались новые договоры, прерывались старые связи⁴⁷. Ситуация изменилась в ноябре 2004 г., когда на этот важный пост был назначен профессор Ю.Ю. Логинов. Расширение связей с Китаем стало одним из приоритетных направлений его деятельности. Начал рассматриваться вопрос об открытии представительства КрасГУ в КНР. Это позволило бы китайцам проходить обучение в стенах родных университетов, не покидая родину. Активизировалась переписка о заключении договора с Шэньянским педагогическим университетом о совместном обучении китайских и российских студентов по совместным программам с последующим получением дипломов российского и китайского образцов⁴⁸.

В мае 2005 г. в КрасГУ была создана кафедра всеобщей истории, ставшая важной составляющей самого молодого в университете историко-философского факультета. Ее возглавил доктор исторических наук, профессор В.Г. Дацышен – единственный на тот момент специалист в крае с высшей квалификацией в области истории российско-китайских отношений, неоднократно выступающий с лекциями в вузах Пекина, Харбина, Тяньцзина и других китайских городов⁴⁹. Новая кафедра стала перспективным научно-методическим центром изучения истории стран АТР, прежде всего Китая⁵⁰.

В ноябре 2006 г. министерства образования России и Китая подписали «Соглашение о сотрудничестве в области образования». Оно подразумевало обмен студентами, прямое сотрудничество образовательных учреждений, углубление сотрудничества в области преподавания русского и китайского языков, участие в проектном сотрудничестве и т.д. По сути, это соглашение завершило образование правовой основы для сотрудничества в сфере образования между Россией и Китаем, сформировало их условия и юридические гарантии⁵¹. В Красноярском государственном университете была заложена крепкая основа для успешной реализации данного соглашения.

В конце 2006 г. КрасГУ стал ядром учрежденного Сибирского федерального университета. В рамках этого процесса Красноярск посетил заместитель председателя правительства Российской Федерации Д.А. Медведев. Вице-премьер был приятно удивлен, узнав, что в университете есть отделение, где изучают китайский язык, и настоятельно рекомендовал развивать это направление в дальнейшем⁵².

В заключение отметим, что в перестроечный и постсоветский периоды, когда шла активная демократизация и деидеологизация общества, а такие явления советской действительности, как жесткая регламентация и централизация, уходили в прошлое, сформировались качественные предпосылки для развития многогранного сотрудничества России

⁴⁵ Разумовская В.А. Язык до Пекина доведет // Университетская жизнь. 1999. 23 марта. С. 10.

⁴⁶ Волкова Е. В сторону Поднебесной // Университетская жизнь. 2000. 24 нояб. С. 4.

⁴⁷ Клондайк международных связей // Университетская жизнь. 2004. 4 нояб. С. 2.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Вести с ученого совета // Университетская жизнь. 2005. 10 июня. С. 2.

⁵⁰ Лисина Е.А., Северьянов М.Д. Историческое образование и наука в Приенисейском регионе в 40-е гг. XX – начале XXI вв. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 2. С. 90–97.

⁵¹ Ван Вэй. Историческое исследование сотрудничества в области образования России и Китая... С. 10–11.

⁵² Нам дали невероятный шанс // Университетская жизнь. 2006. 14 дек. С. 1.

со своим восточным соседом. Важнейшим центром развития двусторонних отношений стали высшие учебные заведения – сосредоточение образованных, интеллектуально подкованных, энергичных и целеустремленных людей. Сложно не согласиться с тезисом А.Р. Касимовой о том, что российско-китайские отношения в области науки и образования обладают огромными возможностями развития⁵³. Объективные условия меняющегося мира побуждают обе стороны делать все больший акцент на развитие новых моделей сотрудничества.

Ввиду географического положения особое место в развитии научно-образовательных связей России и Китая отводится высшим учебным заведениям Сибири и Дальнего Востока. Представляет определенный исследовательский интерес опыт Красноярского государственного университета, позволяющий отследить динамику становления и развития разнообразных связей с Поднебесной, тот тернистый путь, который преодолели стороны менее чем за 20 лет. Переосмысление и анализ накопленного опыта, сохранение добрых традиций, устранение мешающих ранее барьеров позволяют рассматривать Сибирский федеральный университет (как преемника КГУ) настоящим проводником образовательных и научных достижений России в Азию. В условиях стремительно меняющейся системы международных отношений это представляется весьма полезным и актуальным.

СФУ, регулярно занимающий высокие оценки в международных рейтингах, готов активно использовать для строительства стратегического международного моста все усилия и политическую, экономическую, финансовую, юридическую и гуманитарную научную информацию. Основные направления между красноярским вузом и китайскими университетами намечены уже давно. Вопрос лишь в том, чтобы не упустить имеющиеся возможности и перспективы, а приумножить их, получить тот результат, который принесет наибольшую выгоду как российской, так и китайской стороне.

Литература

Бацын В.К. Международное сотрудничество российской высшей школы // Международное сотрудничество в сфере образования. 1997. № 4. С. 18–27.

Ван Вэй. Историческое исследование сотрудничества в области образования России и Китая // Глобальный научный потенциал. 2020. № 2 (107). С. 10–13.

Гущина А.М. Развитие международной деятельности НГТУ (НЭТИ) в 1953–1992 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006. 30 с.

Звягольский А.Ю. Международное сотрудничество в сфере высшего образования на примере вузов Краснодарского края (1960–1990 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1997. 26 с.

Иванов Д.И. Развитие международного сотрудничества российских вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2002. 23 с.

Касимова А.Р. Российско-китайские отношения в области науки и образования на современном этапе // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 4. С. 7–11.

Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.

Лисина Е.А., Северьянов М.Д. Историческое образование и наука в Приенисейском регионе в 40-е гг. XX – начале XXI вв. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 2. С. 90–97.

Лу Чуньюе, Дацзышен В.Г. Россия и Китай в 1990-е годы: от «дружественных стран» через «конструктивное партнерство» к «стратегическому партнерству» // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 127–135.

Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад, 2007. 598 с.

Медяник Е.И. Российско-китайское университетское сотрудничество (1995–2016 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 29 с.

⁵³ Касимова А.Р. Российско-китайские отношения в области науки и образования на современном этапе... С. 7–11.

Мелихова Н.В. Международные связи отечественной высшей школы: традиции и новшества. М., 1999. 55 с.

Павлихин Г.П., Федоров И.Б. Международная деятельность МГТУ им. Н.Э. Баумана. История. Тенденции. Перспективы. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2000. 176 с.

Петрик В.В. Из истории развития международных научных связей высших учебных заведений Сибири с вузами и научными учреждениями социалистических стран в конце 1950-х – начале 1990-х гг. // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307, № 3. С. 150–154.

Пряхин В.М. Подготовка специалистов для стран «народной демократии» в вузах Урала 1946–1960 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. 19 с.

Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.

Топтыгина А.В. Российско-китайское сотрудничество в области науки и образования на современном этапе // Студенческая наука и XXI век. 2017. № 15. С. 179–182.

Хышиктыев О.В., Южикова Е.А. Российско-китайское сотрудничество в сфере науки и образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Власть и общество. 2020. № 11 (20). С. 4–7.

References

Batsyn, V.K. (1997). Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo rossiyskoy vysshey shkoly [International Cooperation of Russian Higher Education]. In *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere obrazovaniya*. No. 4, pp. 18–27.

Gushhina, A.M. (2006). Razvitie mezhdunarodnoy deyatelnosti NGTU (NETI) v 1953–1992 gg.]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Tomsk. 30 p.

Hyshiktuev, O.V., Yuzhikova, E.A. (2020). Rossiysko-kitayskoe sotrudnichestvo v sfere nauki i obrazovaniya v ramkakh initsiativy “Odin poyas, odin put” [Russian-Chinese Cooperation in the Field of Science and Education within the Framework of the One Belt, One Road Initiative]. In *Vlast' i obshestvo*. No. 11 (20), pp. 4–7.

Ivanov, D.I. (2002). Razvitie mezhdunarodnogo sotrudnichestva rossiyskikh vuzov [Development of International Cooperation of Russian Universities]. Cand. ped. sci. diss. abstract. Kazan. 23 p.

Kasimova, A.R. (2013). Rossiysko-kitayskie otnosheniya v oblasti nauki i obrazovaniya na sovremennom etape [Russian-Chinese Relations in the Field of Science and Education at the Present Stage]. In *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*. No. 4, pp. 7–11.

Larin, V.L. (2006). *V teni prosnuvshegosya drakona: rossiysko-kitayskie otnosheniya na rubezhe XX–XXI vekov* [In the Shadow of the Awakened Dragon: Russian-Chinese Relations at the Turn of the 20th–21st Centuries]. Vladivostok, Dalnauka. 424 p.

Lisina, E.A., Sever'yanov, M.D. (2016). Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Prieniseyskom regione v 40-e gg. XX – nachale XXI vv. [Historical Education and Science in the Yenisei Region in the 40s. 20th – Early 21th Centuries]. In *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. No. 2, pp. 90–97.

Lu Chunjue, Dacyshen, V.G. (2019). Rossiya i Kitay v 1990-e gody: ot “druzhestvennykh stran” cherez “konstruktivnoe partnerstvo” k “strategicheskomu partnerstvu” [Russia and China in the 1990s: From “Friendly Countries” Through “Constructive Partnership” to “Strategic Partnership”]. In *Sovremennaya nauchnaya mysl*. No. 1, pp. 127–135.

Lukin, A.V. (2007). *Medved nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vekakh* [The Bear is Watching the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th–21st Centuries]. Moscow, Vostok-Zapad. 598 p.

Lukin, A.V. (Eds.). (2013). *Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy* [Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, Current State and Development Prospects of Russian-Chinese Relations]. Moscow, Ves' Mir. 704 p.

Medyanik, E.I. (2017). *Rossiysko-kitayskoe universitetskoe sotrudnichestvo (1995–2016 gg.)* [Russian-Chinese University Cooperation (1995–2016)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 29 p.

Melihova, N.V. (1999). *Mezhdunarodnye svyazi otechestvennoy vysshey shkoly: traditsii i novshestva* [International Relations of the National Higher School: Traditions and Innovations]. Moscow, p. 55.

Pavlikhin, G.P., Fedorov, I.B. (2000). *Mezhdunarodnaya deyatel'nost' MG TU im. N.E. Baumana. Istoriya. Tendentsii. Perspektivy* [International Activities of MSTU. N.E. Bauman. Story. Trends. Prospects]. Moscow, Izdatel'stvo MG TU imeni N.E. Baumana. 176 p.

Petrik, V.V. (2004). *Iz istorii razvitiya mezhdunarodnykh nauchnykh svyazey vysshih uchebnykh zavedeniy Sibiri s vuzami i nauchnymi uchrezhdeniyami sotsialisticheskikh stran v kontse 1950-kh – nachale 1990-kh gg.* [From the History of the Development of International Scientific Relations of Higher Educational Institutions of Siberia with Universities and Scientific Institutions of the Socialist Countries in the Late 1950s – Early 1990s]. In *Izvestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta*. Vol. 307, No. 3, pp. 150–154.

Pryakhin, V.M. (1995). *Podgotovka spetsialistov dlya stran "narodnoy demokratii" v vuzah Urala 1946–1960 gg.* [Training of Specialists for the Countries of "People's Democracy" in the Universities of the Urals 1946–1960]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Yekaterinburg. 19 p.

Toptygina, A.V. (2017). *Rossiysko-kitayskoe sotrudnichestvo v oblasti nauki i obrazovaniya na sovremennom etape* [Russian-Chinese Cooperation in the Field of Science and Education at the Present Stage]. In *Studencheskaya nauka i XXI vek*. No. 15, pp. 179–182.

Van Vey. (2020). *Istoricheskoe issledovanie sotrudnichestva v oblasti obrazovaniya Rossii i Kitaya* [Historical Study of Cooperation in the Field of Education of Russia and China]. In *Globalnyy nauchnyy potentsial*. No. 2 (107), pp. 10–13.

Zvyagolskiy, A.Yu. (1997). *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere vysshego obrazovaniya na primere vuzov Krasnodarskogo kraia (1960–1990 gg.)* [International Cooperation in the Field of Higher Education on the Example of Universities in the Krasnodar Territory (1960–1990)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Krasnodar. 26 p.

И.В. Лизунова
Е.В. Пшеничная
Т.Н. Ершова*

**БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОБМЕН –
ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ (ОПЫТ, ПОТЕНЦИАЛ
И ВОЗМОЖНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ СО РАН)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-23
УДК 021.852(571.14:510)

Выходные данные для цитирования:

*Лизунова И.В., Пшеничная Е.В., Ершова Т.Н. Библиотечно-информационный обмен – важнейшее направление российско-китайских взаимодействий (опыт, потенциал и возможности Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 286–295.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-23.pdf>*

I.V. Lizunova
E.V. Pshenichnaya
T.N. Ershova*

**LIBRARY AND INFORMATION EXCHANGE IS THE MOST
IMPORTANT AREA OF RUSSIAN-CHINESE INTERACTIONS
(EXPERIENCE, POTENTIAL AND CAPABILITIES
OF THE STATE PUBLIC SCIENTIFIC AND TECHNICAL
LIBRARY OF THE SB RAS)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-23

How to cite:

*Lizunova I.V., Pshenichnaya E.V., Ershova T.N. Library and Information Exchange is the Most Important Area of Russian-Chinese Interactions (Experience, Potential and Capabilities of the State Public Scientific and Technical Library of the SB RAS) // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 286–295.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-23.pdf>]*

Abstract. The article highlights the key areas of library and information exchange within the framework of the international activities of the State Public Scientific and Technical Library of the SB RAS as a scientific, information and cultural center in Siberia and the Far East. The stages of scientific work on the creation of full-text databases of the SPNTB SB RAS of its own generation are considered as the basis for information support of scientific research. The assessment of the results of this work and the prospects for the development of library and information exchange with Chinese scientific and scientific and technical organizations are analyzed. Issues of humanitarian cooperation with various libraries in the PRC are covered.

Keywords: SPNTB SB RAS, library and information exchange, international activities, international book exchange, China.

The article has been received by the editor on 16.06.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ирина Владимировна Лизунова**, доктор исторических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: lizunova@gpntbsib.ru

Irina Vladimirovna Lizunova, Doctor of Historical Sciences, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: lizunova@gpntbsib.ru

Евгения Владимировна Пшеничная, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: pshenichnaya@gpntbsib.ru

Evgenia Vladimirovna Pshenichnaya, State Public Scientific and Technical Library Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: pshenichnaya@gpntbsib.ru

Татьяна Николаевна Ершова, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ershova@gpntbsib.ru

Tatyana Nikolaevna Ershova, State Public Scientific and Technical Library Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ershova@gpntbsib.ru

Аннотация. В статье освещены ключевые направления библиотечно-информационного обмена в рамках международной деятельности Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН как научно-информационного и культурного центра на территории Сибири и Дальнего Востока. Рассматриваются этапы научной работы по созданию полнотекстовых баз данных ГПНТБ СО РАН собственной генерации как основы для информационного обеспечения научных исследований. Анализируется оценка результатов этой работы и перспективы развития библиотечно-информационного обмена с китайскими научными и научно-техническими организациями. Освещаются вопросы гуманитарного сотрудничества с различными библиотеками в КНР.

Ключевые слова: ГПНТБ СО РАН, библиотечно-информационный обмен, международная деятельность, международный книгообмен, Китай.

Статья поступила в редакцию 16.06.2023 г.

Международное библиотечно-информационное сотрудничество всегда подразумевало обмен информацией: библиографической, адресно-справочной, реферативной и т.д. Поэтому, говоря о развитии, интенсификации и совершенствовании библиотечно-информационной кооперации на современном этапе, во многих случаях имеют в виду именно увеличение потоков приема/передачи информации и модернизацию технологии ее генерации, передачи и организации доступа.

С точки зрения практики межбиблиотечной кооперации можно выделить следующие виды информационных потоков обмена по содержанию и назначению:

- массивы национальных библиографий, позволяющих обеспечить работу глобальных, межрегиональных, национальных и локальных систем корпоративной каталогизации;
- потоки запросов по каналам МБА и МКО;
- запросы и результаты доступа в базы данных партнерских организаций, в том числе, и в полнотекстовые материалы;
- потоки электронной доставки документов;
- разнообразные справочные, реферативные, библиографические и другие массивы библиотечной информации¹.

ГПНТБ СО РАН использует все вышеперечисленные виды межбиблиотечной кооперации в своей работе. Исследование различных аспектов информационно-библиотечного обмена также, как и ориентирование международной активности по данному направлению осуществляется ГПНТБ СО РАН на протяжении нескольких десятилетий. ГПНТБ СО РАН как крупнейшая библиотека Сибири и Дальнего Востока не только входит в пятерку крупнейших библиотек страны, но также является одной из крупнейших библиотек мира. На протяжении своей славной 105-летней истории ГПНТБ СО РАН подавала вдохновляющий пример своими научно-исследовательскими и международными библиотечными проектами. Основные приоритеты этого сотрудничества – создание единого информационного пространства, развитие научных связей, сохранение книжного наследия и изучение внедрения автоматизированных процессов и искусственного интеллекта.

Начало организации международных связей и рассмотрение вопроса их влияния на состояние и перспективы развития ГПНТБ СО РАН было положено еще в 60-х гг. прошлого века, практически сразу после переезда библиотеки в Новосибирск. Тогда центральным

---

¹ Шрайберг Я.Л. Международный библиотечно-информационный обмен и поставка информации: а нужна ли вообще гармонизация правил и стандартов // Материалы IV Международной конференции «КРЫМ-97» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea97/doc/doc3.html> (дата обращения: 07.06.2023).

звеном международной деятельности стали международный книгообмен и международный межбиблиотечный абонемент².

В рамках двусторонних соглашений ГПНТБ СО РАН осуществилось сотрудничество с научно-исследовательскими организациями, университетами, крупнейшими библиотечно-информационными центрами, всего 300 партнеров из 32 стран мира.

Сотрудничество с КНР всегда занимало одну из ключевых позиций в международном сотрудничестве библиотеки. ГПНТБ СО РАН имеет многолетние научные связи с китайскими исследовательскими организациями. В 1990-е гг. ГПНТБ СО РАН успешно сотрудничала с Шеньянским институтом автоматизации Академии наук Китая ([Shenyang Institute of Automation, Chinese Academy of Sciences](#)) по вопросам взаимного использования информационных и библиотечных ресурсов с целью совершенствования информационного обеспечения специалистов. Результатом сотрудничества стало издание сборника научных трудов по проблеме, обмен информацией. Другим таким примером сотрудничества служит взаимодействие с Библиотекой Ланчжоуского отделения Академии наук Китая ([Lanzhou Branch of the Chinese Academy of Sciences](#)). Вместе специалисты работали над разработкой путей совершенствования информационного обеспечения научных исследований. Результатом работы стало создание совместной базы данных «Нефть и газ Азии»³.

В настоящее время ГПНТБ СО РАН активно сотрудничает в области социально-гуманитарных наук с рядом научных, научно-технических организаций КНР, среди которых стоит особо отметить Национальную библиотеку Китая ([National Library of China](#)), Шанхайский институт научной и технической информации ([Institute of Scientific and Technical Information of Shanghai](#)), Библиотеку Даляньского университета иностранных языков ([Dalian University of Foreign Languages Library](#)).

Сотрудничество по международному книгообмену (МКО). В 2010-х гг. увеличилось поступление книг из Китая. Причиной этому стала просьба к китайской стороне самостоятельно производить отбор книг на китайском языке по тематике, интересующей институты СО РАН. Это археология, антропология, этнография и издания, касающиеся памятников культуры, т.е. по тематике, доступной для пользователей, владеющих китайским языком. Книги, не востребованные библиотеками институтов СО РАН, передавались Новосибирскому отделению Общества российско-китайской дружбы.

В этот период основными партнерами ГПНТБ СО РАН по МКО являлись следующие организации КНР:

1. Национальная библиотека Китая ([National Library in China](#)) в Пекине
2. Шанхайский институт научной и технической информации ([Institute of Scientific and Technical Information of Shanghai](#)) в Шанхае;
3. Нанкинский институт геологии и палеонтологии Академии наук Китая ([Nanjing Institute of Geology and Palaeontology of the Chinese Academy of Sciences](#)) в Нанкине;
4. Национальная геологическая библиотека Китая ([National Geological Library of China](#)) в Пекине;
5. Даляньский институт химической физики Академии наук Китая ([Dalian Institute of Chemical Physics of the Chinese Academy of Sciences](#)) в Даляне;
6. Институт углехимии Академии наук Китая ([Institute of Coal Chemistry of the Chinese Academy of Sciences](#)) в Тайюане;
7. Китайский университет наук о Земле ([China University of Geosciences](#)) в Пекине.

На настоящий момент в библиотеку поступают 32 названия китайских журналов от 4 партнеров. В связи с реорганизацией отдела комплектования иностранной литературы в 2018–2019 гг. было принято решение закрыть участок книгообмена, поэтому от нашей

² *Соболева Е.Б.* О результатах комплексной проверки // *Новости ГПНТБ СО РАН.* № 1 (январь – март 2006). Новосибирск, 2006. 135 с.

³ Предложение библиотеки к планам международного научного сотрудничества за 1993-1999 гг. // *Архив ГПНТБ СО РАН.* Д. 4224. Л. 33–34.

стороны пока что ничего не отправляется. В 2022 г. 40 % из всех поступивших экземпляров журналов получены из Китая (рис.1).

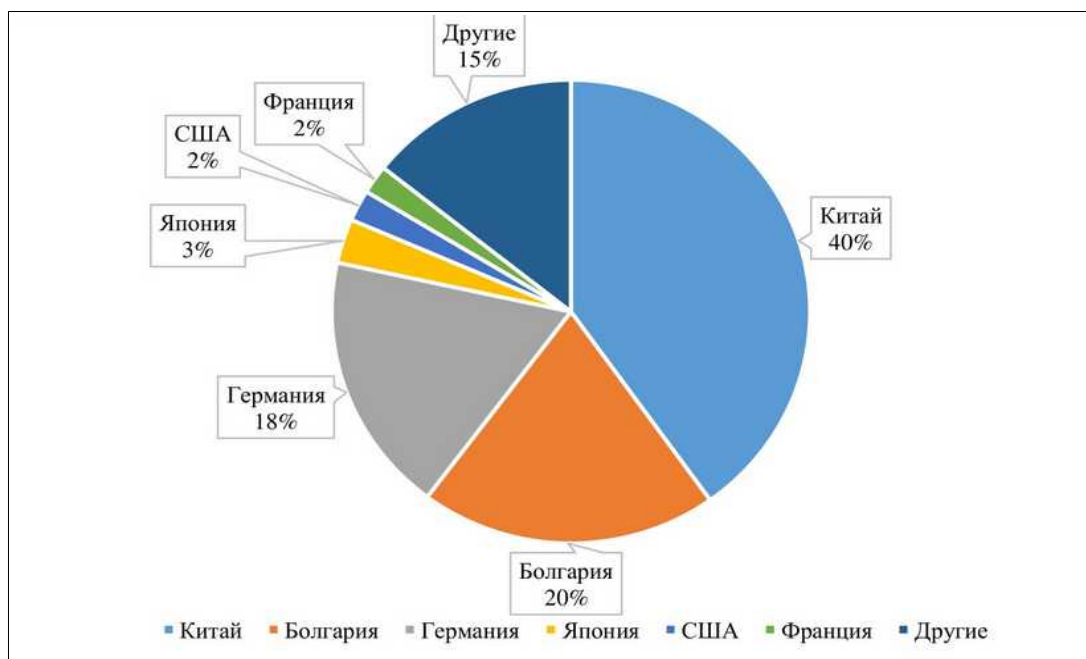

Рис. 1. Процентное соотношение поступления иностранных журналов по странам

В дальнейшем мы рады будем возобновить сотрудничество со всеми нашими партнерами, особенно такими верными, как Национальная библиотека Китая (до сих пор 20 названий журналов поступают от этого партнера), Национальная геологическая библиотека Китая, Шанхайский институт научно-технической информации.

Возможности ГПНТБ СО РАН по подготовке информационной базы исследований.

Безусловно информация является важной составляющей научных исследований, а ее своевременное предоставление и анализ во многом определяют темпы достижения необходимых результатов. Отдел научной библиографии Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) занимается информационной поддержкой научных программ институтов СО РАН путем создания проблемно-ориентированных баз данных⁴ [4]. Приведем в пример некоторые из них.

База данных «Научная Сибирика: природа, история, экономика, культура, наука Сибири и Дальнего Востока (1988 г.–)» включает отечественные и иностранные произведения печати на разных носителях, поступающие в фонды ГПНТБ СО РАН, библиотеки НИУ СО РАН: книги, авторефераты диссертаций; статьи из сборников, журналов, газет; материалы конференций, совещаний, симпозиумов. ГПНТБ СО РАН занимается формированием и пополнением в текущем режиме библиографических БД, в которых отражаются публикации по истории, этнографии, фольклору, литературе, языкознанию, культуре, книжному и издательскому делу народов Сибири и Дальнего Востока. БД пополняется ежемесячно. В настоящее время ее объем составляет более 1 189 459 документов. Библиотека имеет большой опыт и уникальные методические наработки для максимально полной информационной поддержки региональных исследований по истории и культуре народов Сибири и Дальнего Востока (рис. 2).

Другая, не менее интересная БД ГПНТБ СО РАН собственной генерации – это полнотекстовая **база данных «Аналитические обзоры по экологии» (1988 г.–)**. База данных содержит полные тексты аналитических обзоров мировой литературы серии «Экология» и организована в виде системы «библиографическая база данных – электронное хранилище». Полные тексты представлены в формате PDF. Структура базы данных позволяет

⁴ Рыкова В.В. Проблемно-ориентированные базы данных ГПНТБ со РАН как информационная основа исследований по геонаукам и экологии // Гео-Сибирь. 2011. Т. 4. С. 176–180.

осуществлять поиск изданий по следующим параметрам: автору (редактору); слову из заглавия; коллективным авторам; году издания; шифру хранения; ББК; ГРНТИ; ISBN; слову из предметных рубрик; слову из реферата (рис. 3).

Рис. 2. Страница сайта ГПНТБ СО РАН с доступом на полнотекстовую БД «Научная сибирика»

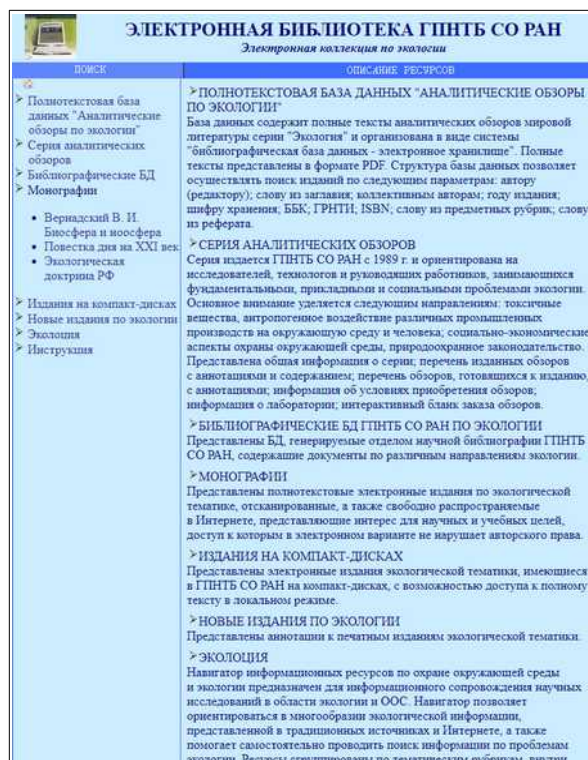

Рис. 3. Страница сайта ГПНТБ СО РАН с доступом на полнотекстовую БД полнотекстовых обзоров по экологии

Важное значение для информационной поддержки научной и прикладной деятельности имеет создание, совершенствование и развитие электронных ресурсов на объекты интеллектуальной собственности, создаваемые в НИИ СО РАН. Отделение ГПНТБ СО РАН (Академгородок) создает электронные ресурсы объектов интеллектуальной собственности с 1994 г.. Главными критериями развития этого направления информационной деятельности являются высокий интеллектуальный потенциал научного центра, мировой уровень научных разработок, актуальность ресурсов для инновационной деятельности научных учреждений⁵.

За период с 1994 г. по настоящее время были созданы и введены в информационное обслуживание пять электронных ресурсов:

- 1) БД «Изобретения Новосибирского научного центра за 1978–1994 гг.» с программным обеспечением в формате CDC/ISIS;
- 2) «Изобретения СО РАН (1998 –)» реферативный указатель патентов за 1997-2001 гг. в формате HTML;
- 3) «Открытия СО РАН» за 1957–2017гг. реферативный справочник в формате HTML;
- 4) «Заслуженные изобретатели СО РАН» 1966–2015 гг. – библиобиографический справочник;
- 5) «Перспективные изобретения СО РАН (1998 –)» - Электронный реферативный справочник патентов;
- 6) БД «Вопросы интеллектуальной собственности: отечественные публикации книг и журналов».

Все ресурсы доступны на сайте библиотеки. По статистике к ним ежегодно обращаются более 100 000 виртуальных пользователей из России и зарубежных стран для

⁵ Дмитриева Л.А. Создание информационной базы объектов интеллектуальной собственности Сибирского отделения РАН// Труды ГПНТБ СО РАН. 2013. № 5. С. 309–314.

анализа тенденций развития науки и техники, изучения возможности внедрения перспективных изобретений, налаживания деловых научных контактов (рис. 4).

Рис. 4. Страница сайта Отделения ГПНТБ СО РАН «Патентные ресурсы»

Отличительной чертой информационных ресурсов, генерируемых нашей библиотекой, является систематизация предложенных материалов по предметным и географическим рубрикам, что существенно облегчает для специалистов поиск релевантного (особенно регионального) материала.

ГПНТБ СО РАН – крупнейшая евразийская площадка для профессионального диалога: научного, образовательного, культурного. Сегодня ГПНТБ СО РАН продолжает традиции, заложенные с даты основания библиотеки в далеком 1918 г. Важнейшей миссией библиотеки в условиях происходящих изменений и вызовов является обеспечение доступа к информации, сосредоточенной на крупнейших международных информационных сетях, а также научных базах данных, доступа пользователей к национальным и мировым информационным сетям и банкам данных.

И в этом направлении большую роль играют профессиональные международные мероприятия. В рамках своих международных научно-практических конференций библиотека продолжает объединять ученых разных стран для изучения теоретических и практических вопросов библиотечно-информационной науки. ГПНТБ СО РАН приглашает библиотеки и научные учреждения стран мира ежегодно принимать участие в ежегодных международных профессиональных конференциях и рабочих встречах.

Так, например, в марте 2023 г. ГПНТБ СО РАН проводила несколько крупных международных научно-практических конференций, в которых самое деятельное участие принимали ученые – специалисты в области библиотечного дела и книжной культуры из Китая. Например, в рамках конференции «Libway-2023» состоялся круглый стол с участием выпускников Президентской программы, представителей науки и бизнеса России и зарубежных стран. Встреча была посвящена вопросам интеллектуального управления и будущего библиотек. В мероприятии приняли участие научные специалисты из Научной библиотеки Далянского университета иностранных языков. Специалисты поделились опытом внедрения системы искусственного интеллекта в работу библиотек. На сегодняшний день Китай занял ведущие позиции по объему фундаментальных исследований в области

искусственного интеллекта и в прикладных разработках (патентах). В том числе китайские библиотеки определили развитие искусственного интеллекта основным драйвером для построения библиотек будущего. Подводя итоги обсуждения в качестве резюме экспертами были предложены следующие тезисы: усилить обмен опытом по внедрению искусственного интеллекта в библиотечную сферу и книжную культуру вообще.

Следующее мероприятие 2023 г. – Международная научно-практическая конференция «Nomolegens в прошлом и настоящем» – прошла 23–25 марта. В этом году она объединила ученых и практиков из России и азиатских стран (Китая, Шри-Ланки, Узбекистана, Казахстана) для обмена опытом в изучения книги и чтения в их разных аспектах. Здесь обсуждались вопросы инфраструктуры чтения, анализ библиотечной статистики, истории конкретных читательских биографий и практик (по мемуарам, дневникам и другим личным источникам, отзывам на сайтах издательств или в соцсетях), представления читателей и их круга чтения в художественных текстах.

Результаты исследований публикуются на страницах научных рецензируемых журналов ГПНТБ СО РАН: «Библиосфера», «Труды ГПНТБ СО РАН», «Книга. Чтение. Медиасреда».

Другой подобной площадкой реализации совместных программ является проводимый ГПНТБ СО РАН совместно с многими культурными организациями города, ежегодный Международный фестиваль «Книжная Сибирь» (www.bibliosib.ru). Традиционно фестиваль приглашает к сотрудничеству представителей мировых литературных сообществ в целях развития культурных связей и укрепления дружбы между государствами и народами через знакомство с богатством национальной литературы. Ежегодно на Международной книжной выставке-ярмарке и Межрегиональном книжном форуме фестиваля принимают участие писатели, издатели, эксперты в области книжной культуры из разных стран мира. Участие наших китайских коллег с новинками издательской продукции и презентациями книг всегда ожидается жителями Новосибирска и Новосибирской области с большим интересом и теплотой.

Так, в 2019 г. в рамках «Книжной Сибири» состоялась встреча детского писателя Юй Лицзи (Yu Liji) из Даляня со своими российскими читателями. Юй Лицзи является одним из 10 самых известных детских писателей Китая. Он написал более 10 книг, лауреат престижной национальной премии «Bing Xin» («Красивая душа»). Его произведения были выбраны в числе «Десяти лучших книг года» и переведены на английский, французский и японский языки. На фестивале им было представлено его произведение «Красивая душа». Выступление писателя с лекцией на тему детской психологии, на которую он пишет, начиная с 1988 г., было встречено новосибирской публикой с большим воодушевлением (рис. 5).

Следует отметить, что современная детская литература и популяризация детского чтения занимают особое место в нашей библиотеке. В рамках еженедельных мероприятий проекта «Громкие чтения» ГПНТБ СО РАН знакомит наших юных пользователей с творчеством современных зарубежных писателей. Неизменно большой интерес вызывают мероприятия, посвященные китайским народным сказкам и современной детской литературе, которые сопровождаются мастер-классами и презентациями для знакомства юных новосибирцев с китайской культурой.

Рис. 5. Писатель Юй Лицзи на Международном фестивале «Книжная Сибирь-2019». Выставка китайской детской литературы на английском и китайском языках

Мероприятия проводятся при участии преподавателей Учебного центра Новосибирского государственного технического университета «Институт Конфуция» (рис. 6, 7).

Кроме того, по этому направлению ГПНТБ СО РАН совместно с Новосибирской областной детской библиотекой им. М. Горького и Учебным центром Новосибирского государственного технического университета «Институт Конфуция» вошла в состав международной команды российско-китайского проекта «Мой мир». Цель проекта – укрепить культурные связи между Россией и Китаем в детской и подростковой среде через совместное творчество и знакомство с художественными и литературными произведениями сверстников из другой страны. В число организаторов с китайской стороны вошли: мультиязычная интернет-платформа детских книг «Дерево жизни» (Китайская Народная Республика) во главе с ее руководителем и председателем Международного совета по детской книге (IBBY) Чжан Минчжоу (Zhang Mingzhou), Столичная библиотека города Пекина (Capital Library of China).

Всего в литературном и художественном конкурсах проекта приняли участие около 1 500 юных писателей и художников из России и Китая. На протяжении восьми месяцев комиссия отбирала лучшие поэтические и художественные работы на тему «Моя зимняя Олимпиада», которых набралось 362. Главным итогом двух конкурсов стала необычная книга – двуязычная, мультижанровая, интерактивная, изданная в России и Китае (рис. 7). Книга, в которую вошли лучшие литературные и художественные работы детей и подростков двух стран – России и Китая. Презентация данного проекта в формате выставки художественных и литературных работ детей и подростков России и Китая состоялась 26 января 2022 г. в ГПНТБ СО РАН (рис.8)⁶ [6].

Перспективы для сотрудничества. Совместная научно-исследовательская и организационная работа позволила реализовать немало интересных проектов. Важным итогом исследований и одновременно направлением деятельности стало изучение книжной культуры стран мира, совершенствование системы образования в области библиотечно-информационной науки.

На сегодня информационная среда выступает в качестве главного фактора библиотечно-информационного

Рис. 6. «Громкие чтения» в ГПНТБ СО РАН

Рис. 7. «Громкие чтения» в ГПНТБ СО РАН

Рис. 7. Обложка книги «Моя зимняя Олимпиада в рисунках детей», выпущенная по итогам проекта «Мой мир» в 2022 г.

⁶ Костина О.П. Быстрее, выше, сильнее, а главное – вместе! О международном творческом проекте «Мой мир» // INFOLIB. 2022. № 2. С. 40–41

обмена. Существует несколько направлений для сотрудничества:

- разработка совместных проектов, связанных с созданием международных корпоративных информационных систем, над которыми работают российские и китайские специалисты;

- налаживание сотрудничества в сфере библиотечно-информационного образования;

- проведение совместных научных исследований в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения;

- обмен опытом между специалистами Китая и России через организацию рабочих командировок, стажировок, профессиональных туров и т.д.;

- разработка совместных проектов культурно-просветительского характера, направленных на популяризацию науки, чтения и книги: организация международных выставок и фестивалей, проведение форумов и конференций и т.д.

Заключение. Сегодня российско-китайские отношения динамично развиваются. Впереди у нас и китайских коллег много интересной совместной работы по всей линейке фундаментальных и прикладных исследований.

Сегодня совершенно невозможно представить себе дальнейшее развитие библиотечной системы в международном контексте без профессионального сотрудничества, без совместного поиска решения задач, применения электронных средств и искусственного интеллекта, разработки библиотечного законодательства, обмена информацией и т.д.

Опыт международного сотрудничества не просто расширяет профессиональные горизонты сторон, он позволяет четче представить себе трудности и проблемы, стоящие перед партнером, вместе найти оптимальный способ их преодоления.

Литература

Дмитриева Л.А. Создание информационной базы объектов интеллектуальной собственности Сибирского отделения РАН // Труды ГПНТБ СО РАН. 2013. № 5. С. 309–314.

Костина О.П. Быстрее, выше, сильнее, а главное – вместе! О международном творческом проекте «Мой мир» // INFOLIB. 2022. № 2. С. 40–41

Рыкова В.В. Проблемно-ориентированные базы данных ГПНТБ со РАН как информационная основа исследований по геонаукам и экологии // Гео-Сибирь. 2011. Т. 4. С. 176–180.

Соболева Е.Б. О результатах комплексной проверки // Новости ГПНТБ СО РАН. № 1 (январь – март 2006). Новосибирск. 2006. 135 с.

Шрайберг Я.Л. Международный библиотечно-информационный обмен и поставка информации: а нужна ли вообще гармонизация правил и стандартов // Материалы IV Международной конференции «КРЫМ-97» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea97/doc/doc3.html> (дата обращения: 07.06.2023).

References

Dmitrieva, L.A. (2013). Sozdanie informatsionnoy bazy obektov intellektual'noy sobstvennosti Sibirskogo otdeleniya RAN [Creation of an Information Base of Intellectual Property Objects of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. In *Trudy GPNTB SO RAN*. No. 5, pp. 309–314.

Kostina, O.P. (2022) Bystree, vyshe, sil'nee, a glavnoe – vmeste! O mezhdunarodnom tvorcheskom proekte “Moy mir” [Faster, Higher, Stronger, and Most Importantly – Together! About the International Creative Project “My World”] In *INFOLIB*. No. 2, pp. 40–41.

Рис. 8. Участники проекта «Мой мир» из г. Новосибирска на презентации проекта в ГПНТБ СО РАН

Rykova, V.V. (2011). Problemno-orientirovannye bazy dannykh GPNTB so RAN kak informatsionnaya osnova issledovaniy po geonaukam i ekologii [Problem-Oriented Databases of the GPNTB with the Russian Academy of Sciences as an Information Basis for Research on Geosciences and Ecology]. In *Geo-Sibir*. Vol. 4, pp. 176–180.

Soboleva, E.B. (2006). O rezul'tatah kompleksnoy proverki [On the Results of the Due Diligence]. In *Novosti GPNTB SO RAN*. № 1 (yanvar' – mart 2006). Novosibirsk. 135 p.

Shrayberg, Ya.L. Mezhdunarodnyy bibliotечно-informatsionnyy obmen i postavka informatsii: a nuzhna li voobshche garmonizatsiya pravil i standartov [International Library and Information Exchange and Delivery of Information: Is it Necessary to Harmonize Rules and Standards at All]. In *Materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii "KRYM-97"*. Available online: URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea97/doc/doc3.html> (data obrashcheniya: 07.06.2023).